СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ЛЕМА ГУДАЕВ

АБРЕК ЗЕЛИМХАН: ФАКТЫ И ДОКУМЕНТЫ

Грозный
2017

УДК С2 (Чеч.)
ББК 84 (2Рос.-Чеч.) 6-4
Г 935

Рецензент
Ибрагимов Муса Муслиевич,
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент Академии наук Чеченской Республики

Гудаев Л.Р.
Г 935 Абрек Зелимхан: Факты и документы. Второе переработанное и расширенное издание. / – Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2017. – 896 с.

УДК С2 (Чеч.)
ББК 84 (2Рос.-Чеч.) 6-4

© Гудаев Л.Р., 2017
© Союз писателей ЧР, 2017
© АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2017

ВВЕДЕНИЕ

Абрек Зелимхан один из самых известных и легендарных героев чеченского народа. Многие годы о его героических подвигах мы узнавали по рассказам стариков, по различным преданиям, передававшимися из уст в уста, и мечтали узнать о нем больше, прочитать книгу, посмотреть фильм. В школьные годы мы слышали, что где-то есть книга Дзахо Гатуева о Зелимхане, но достать ее и прочитать в те 60-е годы, было невозможно. В 1971 году вышел роман замечательного чеченского поэта и писателя Магомета Мамакаева «Зелимхан», который восторженно был встречен читателями и стал настольной книгой практически в каждой чеченской и ингушской семье. В последующем, образ Зелимхана воспевали в своих произведениях чеченские и ингушские писатели Абузар Айдамиров, Идрис Базоркин, Муса Гешаев, Муса Бакаров и др. В газетах и журналах публиковались воспоминания родственников, односельчан, очевидцев и участников событий, связанных с жизнью и деятельностью народного героя.

Казалось бы, что все о Зелимхане сказано и уже нечем будет удивить заинтересованного читателя, однако книга «Абрек Зелимхан: факты и документы» занимает в ряду этих произведений особое место. Главное достоинство книги - цельность изложения, позволяющая систематизировать разрозненные знания, скрупулезно собранные автором из различных источников. Автор проделал огромную работу по сбору и обработке материала для книги. В ней есть и отрывки из художественных произведений, предания и старинные песни о Зелимхане, собраны практически все дошедшие до нас его письма.

Важным познавательным элементом книги является собранный автором материал об истории и социально-политической сущности абречества и особенностях его восприятия населением и властными структурами. Представлены краткие сведения о наиболее известных абреках в истории кавказских народов.

Особое место в жизни чеченцев, как отмечают многие российские и зарубежные этнологи, занимает юмор. Он для чеченцев своего рода защитная реакция, выработанная веками. Именно благодаря тонкому чувству юмора, способности смеяться спасался народ в самых тяжелых жизненных ситуациях. Поэтому вполне закономерно, что в книге собраны замечательные юмористические рассказы, связанные с именем Зелимхана.

Весьма полезные сведения, особенно для научного исследования биографии Зелимхана, собраны в разделе «Пресса о Зелимхане». Здесь представлены газетные и журнальные публикации прошлого века, а также статьи, опубликованные в российских и чеченских изданиях уже в наше время. Деятельность Зелимхана широко раскрывают и архивные документы, тщательно отобранные и систематизированные автором.

Большой интерес, на мой взгляд, вызовет у читателя часть книги, в которой рассказывается о персоналиях, которые каким-то образом сталкивались с абреком Зелимханом. Даны краткие биографии военных и служащих, политиков и общественных деятелей, деятелей культуры и искусства, а также религиозных деятелей.

Замечательно описана в книге не только жизнь самого Зелимхана, но и его большой семьи – жены, двух дочерей, двух сыновей, снохи. Эти рассказы хорошо дополняют уникальные фотографии, бережно сохраненные потомками знаменитого абрека, одним из которых является и автор книги.

Думается, что книга займет достойное место в ряду произведений, рассказывающих о жизни замечательных чеченцев. Она будет способствовать формированию у подрастающего поколения высоких духовно-нравственных ценностей, которыми сполна обладал Зелимхан Харачоевский - искренней веры, чести, достоинства, мужества, благородства, справедливости.

МУСА ИБРАГИМОВ.
Доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент
Академии наук Чеченской Республики

Посвящается памяти дочерей Зелимхана –
Меди и Энисат Зелимхановых

ОТ АВТОРА

«Я знаю, вернуться к мирной жизни мне теперь невозможно. Пощады и милости я тоже не жду ни от кого. Но для меня было бы большим нравственным удовлетворением, если бы народные представители поняли, что я не родился абреком .»

(Из письма абрека Зелимхана Гушамзукаева на имя Председателя Государственной думы, 1909 г..)

«Хлебнув горечь жизни, он бурею взмыл
И выбрал дорогу абрека,
И пыл его сердца уже не остыл
На вздыбленном стремени века!»

(М.Гешаев. «Прыжок в вечность»)

Абречество явилось естественным следствием конфликтов личности и общества, развивавшихся в традиционной среде, а также своеобразной формой оппозиционных настроений, давления на общество со стороны не только отдельных индивидуумов, но в ряде случаев и целых социальных групп. Движение абречества рассматривается как форма индивидуального террора и протеста против личной несвободы. Именно в силу этого за образом утвердилась слава благородного и благочестивого разбойника вроде Робина Гуда.

Наибольшую известность в дореволюционный период получил последний абрек- чеченец Зелимхан Гушмазукаев из села Харачой (близ Ведено).

Он начал свою борьбу в 1901 г. За его голову царская администрация назначила большую награду, которая все время росла на протяжении 13 лет, пока Зелимхан был неуловим для властей. Целый ряд чеченских аулов были обложены большими штрафами за укрывательство абрека, несколько селений пострадало от карательных экспедиций, но никто из крестьян не выдал Зелимхана, лишь только в 1913 г. нашелся предатель, который сообщил властям о его местонахождении. Тяжелобольной Зелимхан был окружен и убит около села Шали.

В этой книге рассказывается о жизни и борьбе за социальную справедливость одного из самых легендарных абреков не только Чечни, но и всего Северного Кавказа, Зелимхана Гашмазукаева.

ЧАСТЬ 1: АБРЕЧЕСТВО

ГЛАВА 1. О СЕМАНТИКЕ ТЕРМИНА «АБРЕК»

АБРЕК

Абрек – вероятно от осетинского «абрег», чеченского «обург» или черкесского «абрек» – молодец, удалец. Считается, что корни термина ведут в иранское слово, обозначавшего «бродяга, грабитель». В прошлом у народов Кавказа этот термин стал обозначать дворянина, за проступок или преступление ведущего скитальческую или разбойничью жизнь.

В русском же языке термин «абрек» стал символом любого «немирного горца». У кавказских горцев этим именем называют человека, давшего срочный обет или зарок не щадить головы своей и драться неистово, принимающего на себя обет во имя поставленной цели избегать всяких жизненных удовольствий и быть неустрашимым во всех боях и столкновениях. Срок обета иногда бывает довольно долгий – до пяти лет и даже более, в течение которого абрек отказывается от всех прежних связей, от родных и друзей; абрек не имеет ничего заветного и ничего не страшится. В бою абреки часто впадали в амок, что роднит их со скандинавскими берсерками.

Абреками также называли отчаянных горцев, одиночек, борцов против существующего режима. Своеобразным «золотым веком» абречества стало XIX столетие – время Кавказской войны. Именно тогда к этому явлению было привлечено самое пристальное внимание российского общества.

В период присоединения Кавказа к России, абрек – горец-партизан, участвовавший в борьбе против тирании чиновников царского правительства, царских войск и администра-

ции. Абречество стало своего рода национальной защитной реакцией против произвола властей, как форма протеста против невыносимого национального и социального гнета В это время абречество стало массовым; прославились абреки-чеченцы Назир-абрек и Вара, а также Атабай Карачаевский. Абреки создавали отряды с десятками или сотнями человек, которые занимались грабежом, разбоем и похищениями людей, особенно из селений, где проживали их кровные враги. Чеченский революционер Асланбек Шерипов писал: «Власть терроризировала народ, а абреки терроризировали власть». Так оно и было. Однако, абреки держали в страхе не только царскую власть, но и собственных прислужников этой власти.

Завершается периодизация последним этапом, когда интересующий нас термин идеологизируется окончательно, и абрек превращается в участника «антигосударственного движения против СССР».

В целом абречество явилось естественным следствием конфликтов личности и общества, а также своеобразной формой оппозиционных настроений, давления на общество со стороны не только отдельных индивидуумов, но в ряде случаев и целых социальных групп. Движение абречества рассматривается как форма индивидуального террора как протеста против личной несвободы. Именно в силу этого за образом абрека утвердилась слава благородного и благочестивого разбойника вроде Робина Гуда.

По материалам «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, «Толкового словаря» Ефремовой, «Толкового словаря русского языка

АБРЕК У КАВКАЗСКИХ ГОРЦЕВ

Абрек у кавказских горцев – человек вне власти и закона, изгнанный родом за преступление (обычно убийство), ушедший в горы и ведущий разбойничий образ жизни. Абрек принимал на себя обет избегать жизненных удовольствий и быть неустрашимым во всех боях и столкновениях. Вернуться к обычной жизни абреку мог помочь кунак – защитник из другого рода

Абрек в досоветский период – любой недружественный горец, который в одиночку или с небольшой группой ведет партизанскую войну против Российской империи и тирании чиновников царского правительства царских войск и администрации.

Абрек в советский период – участник антиколониального иди антигосударственного движения против России/СССР. В то же время в этот период само абречество претерпело эволюцию в отношении своего объекта. Оно теперь направлено не вообще против власти, а исключительно против ее карательных органов и их представителей, а абреки ощущали себя народными мстителями.

Краткая история абречества. После завершения Кавказской войны абреки долгое время вели партизанскую войну против царских войск (вплоть до 1913 года). Самым известным абреком был Зелимхан Гушмазукаев. После прихода большевиков к власти в 1917, на Кавказе последовало несколько крупных антисовестских восстаний (1920-1921, 1929-1931), которые были подавлены Красной армией. В 1941-1943 в Чечне произошло крупное (до 2000 человек) восстание абреков под руководством Хасана Исраилова и Шерипова. К 1943 году основные силы повстанцев были разбиты, однако понадобилось ещё около 30 лет, чтобы нейтрализовать всех абреков. Последний абрек Хасуха Магомадов был убит в перестрелке с сотрудниками КГБ 28 марта 1976 года.

РЫЦАРИ ГОР

Тяжелые условия жизни, невыносимый гнет со стороны местных феодалов и царских чиновников, социальная несправедливость породили в горах Кавказа то явление, которое в народе называют абречеством. Не вынося унижений и издевательств, храбрые и сильные люди покидали свои очаги, уходили в леса, не видя и не находя другого пути борьбы со своими мучителями. Это были благородные мстители. Их не надо путать с обыкновенными разбойниками и грабителями. Абречество – явление социальное. Абреки были заступниками бедных и грозой богачей, князей и чиновников.

Царские власти вели с абречеством беспощадную борьбу: кого удавалось поймать, посылали в Сибирь на каторгу. Самым известным абреком в горах был чеченец Зелимхан. Известен и карачаевец Канамат. О них горцы пели прекрасные песни, которые дошли и до нас. Абреки были людьми свободы, борцами за нее. Горцы Кавказа, у которых всеми способами старались отнять свободу, не могли не отдавать лучшие порывы души свободным и отважным рыцарям гор.

Кайсын Кулиев «Песни горцев». Из книги «Поэт всегда с людьми»

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНЕ «АБРЕК»

Сам термин «абрек» стал употребляться на «разбойничьем» Кавказе в его современном значении весьма поздно – только в 30-40-е годы прошлого столетия.

По словам Ф. И. Леонтовича, обобщившего сведения дореволюционных авторов, «абрек – изгой, исключенный из семьи и рода. По своему положению абреки были бездомные бродяги. Обстоятельства сложились так, что жить и воровать для них одно и то же. Юридическое положение абрека выказывалось в полной его беззащитности и бесправности». Почти такое же, но более краткое определение находим в «Этимологическом словаре осетинского языка» В. И. Абаева: «беглец, совершивший какой-то проступок». Такое значение термин имел не всегда. Интересно проследить основные периоды его многовековой одиссеи, установленные современными лингвистами и этнографами.

Считается, что слово «абрек» восходит к иранскому «бродяга, грабитель» (ср.: перс. aparak, ср.: новоперс. avara, «бродяга»). Из иранского через тюркский уже в древности оно попало в кавказские языки. В некоторых из них, как например в аварском, оно сохранило свою изначальную форму (авар. апараг,мн. апарагзаби), однако повсюду утратило прежнее уничижительное значение. В Нагорном Дагестане и Чечне XVI-XVIII веков апарагами называли свободных переселенцев, занимавших в сельской общине промежуточное положение между полноправными общинниками и рабами. Аварская пословица гласит: «Дом пришельца – на краю селения» (Апарагасул рукъ росо рагIалда бугеб буго). Среди апарагов было немало кровников, бежавших из родных мест из-за совершенного ими убийства.

У горцев северо-западного Кавказа этот термин, звучавший здесь как «абрег» (ср.: кабард. абредж, более древняя форма:

абрегь, абхаз. и абаз. абрагь, осет. абырэг, мегрел. и сван. абраги), означал князя или дворянина, изгнанного из общества за проступок или преступление. Важно отметить, что ни в одном из этих случаев абрек (апараг) еще не относился к бездомному бродяге, вынужденному жить разбоем. Ведь адыгские и осетинские князья-абреки обычно находили убежище у своих вассалов-дворян в России или в Крыму. Дагестанские апараги были надежно защищены от преследований кровников общиной и кланом- тухумом своих хозяев-кунаков, у которых они поселились на чужбине.

В русский язык слово «абрек» попало из черкесского (адыгского) в эпоху Кавказской войны XIX века. Причем к этому времени им называли уже не столько «беглеца» и «изгоя», сколько «разбойника». Этот термин являлся синонимом любого «немирного горца». С такой негативной коннотацией он впервые встречается в изданном в 1863 году толковом словаре Доля.

Столь же черными красками рисует абреков словарь Даля, куда этот термин вошел со второго издания, опубликованного в 1880 году: «абрэк – отчаянный горец, давший срочный обет или зарок не щадить головы своей и драться неистово; также беглец, приставший для грабежа к первой шайке». То же значение приобрело к этому времени слово «абрек» и в кавказских языках.

К началу XX века значение термина меняется опять, но уже не так сильно. Новый его смысл – «благородный разбойник из кавказских горцев». Именно так определил его генерал-майор Полозов, перед революцией служивший в жандармерии Елисаветпольской губернии (сейчас северный Азербайджан) и сам боровшийся с абреками.

Не скрывая уважения к своим бывшим противникам, он пишет: «Часть разбойничьего люда на Северном Кавказе называют абреками, а на юге, в Закавказье, – кочахами (ср. тюрк. kacak – «беженец»), то есть беглецами. Абреки или кочахи почти ничего общего с русскими разбойниками, в первую очередь ворами и грабителями, не имеют. Правда все они также находились под

угрозой Сахалина или даже виселицы, а многие уже побывали на каторге и с сказочными приключениями бежали, после мытарств по тайге и России добрались до Кавказа и вступили в шайку какого-нибудь знаменитого харамбаши (атамана. – В.Б.) и таким образом переходили на нелегальное, но свободное житье в лесных и горных дебрях седого Кавказа. На каторгу эти натуры попадали главным образом, около 80 процентов, за убийство по старинному азиатскому обычаю кровной мести «канлы».

Последние изменения в нюансах толкования абречества произошли в советское время. Под влиянием официальной советской пропаганды этот термин идеологизируется. В него вкладывается значение «участник антиколониального/антигосударственного движения против России/СССР». Например, в толковом словаре русского языка Ожегова абрек определяется следующим образом: «в период присоединения Кавказа к России: горец, участвовавший в борьбе против царской администрации и русских войск». БСЭ, конечно, отмечала, что «после революции 1917 года абречество выродилось в обычный уголовный бандитизм». Примерно в таком же значении термин «абрек» вошел во все советские словари и энциклопедии.

Вместе с тем при советской власти продолжалась идеализация абречества. Грузинский писатель Чабуа Амирэджиби создал образ благородного кавказского разбойника на основе сведений о реальном абреке – Дата Туташхиа. В 1977 году по роману Амирэджиби был поставлен художественный фильм «Берега», прославивший Дата Туташхиа по всему Советскому Союзу.

Можно также упомянуть роман К.Гатуева о Зелимхане Гушмазакаеве, абреке, разбойничавшем накануне революции в Чечне и Ставрополье, рассказы Ф.Искандера об абхазских бандитах, реально действовавших в 60-70-е годы XX века. Причем, если Гатуев и Амирэджиби просто идеализировали абреков, то Искандер, беспристрастно описавший «человека-зверя», абрека Уту Берулава, тем не менее опоэтизировал абречество. Недаром в романе его герой помог восстановить справедливость, попран-

ную коррумпированной грузинской милицией. И доныне слово абрек сохраняет смысл «благородный разбойник с Кавказа».

Постепенное изменение семантики термина «абрек» на Кавказе XIX-XX веков и приобретение им своего современного значения произошло в силу перемен в условиях жизни горцев.

Все рассмотренные выше элементы традиционной культуры- мужские союзы, культ воина-джигита, кровная месть и гостеприимство- помогали небольшим общинам горцев выживать в условиях постоянных междоусобиц и завоеваний с севера и юга, не позволяли горскому обществу низойти до состояния анархии. Как и повсюду, в нем, конечно, были свои разбойники.

Сложившись как новое социальное явление в эпоху Кавказской войны, абречество в дальнейшем заявляет о себе спорадически. В периоды усиления централизованного государства оно затухает, во время его ослабления- возрождается. Соответственно в истории абречества можно выделить несколько основных этапов. Первый этап – это этап становления, эпоха Кавказской войны и антироссийских восстаний, завершившаяся к 1870-м годам; второй – период между двумя русскими революциями начала XX века; третий – время гражданской войны и 1920-40-е годы; последний – полная общественных потрясений постсоветская эпоха. От этапа к этапу формы и значение абречества на Кавказе менялись, порой существенно.

Из статьи В.Бобровникова «Абреки и государство. Культура насилия на Кавказе»

АБРЕКИАНА

Крупнейшие мастера русской классической литературы бывали на Кавказе и писали о нем. Для нашей темы наиболее важны «Путешествие в Арзрум» А.С.Пушкина; «Герой нашего времени», «Кавказец», некоторые стихотворения и письма М.Лермонтова; «Набег», «Рубка леса» и «Казаки» Л.Н.Толстого. Они живописуют эпоху рождения абречества и дают возможность проследить, как на Кавказе и в России складывался образ горца-абрека – благородного и благочестивого разбойика вроде Робин Гуда.

Ценным свидетельством особого отношения к адату и абречеству на советском и постсоветском Кавказе являются сочинения местных авторов XX в. – своего рода «абрекиана». К этому «жанру» обращаются как крупные мастера, например абхазский писатель Фазиль Искандер и аварский поэт Расул Гамзатов (Искандер: 1991; ХIамзатов: 1970), так и менее известные авторы.

Грузинский писатель Чабуа Амирэджиби создал образ благородного кавказского разбойника на основе сведений о реальном абреке – Дата Туташхиа (Амирэджиби: 1990). В 1977 г. по его роману был поставлен художественный фильм «Берега», прославивший Дата Туташхиа по всему Союзу.

Можно упомянуть также научно-художественный очерк К.Гатуева о Зелимхане Гушмазукаеве – абреке, разбойничавшем накануне революции в Чечне и Ставрополье, рассказы Ф.Искандера об абхазских бандитах, реально действовавших в 60–70-е годы XX в., лирику Р.Гамзатова, воспевающую набеги (авар. чабхъен [чабкхен]) дагестанских горцев (Гатуев: 1926; Искандер: 1991; ХIамзатов: 1970, 7).

Совсем недавно в Махачкале был издан на лезгинском языке роман Садко Гаджиева о его земляке Бубе Икринском, знаменитом абреке начала XX в. из Южного Дагестана (Гьажиев: 1998). Причем если Гатуев, Амирэджиби и Гаджиев просто идеализировали абреков, то Искандер, беспристрастно описавший «человека-зверя», абрека Уту Берулава, тем не менее опоэтизировал абречество. Недаром в его романе герой помог восстановить справедливость, попранную коррумпированной грузинской милицией (Искандер: 1991, 232–234).

Дореволюционное абречество стало благодатной темой для молодого северокавказского театра и кино. Уже в 1929 г. в Ростове-на-Дону была экранизирована книга Гатуева. Ростовский рецензент с гордостью писал о героической киноповести «Зелимхан»: «В Москве, в Ростове и в других городах Союза с большим успехом идет кинокартина о знаменитом чеченском абреке Зелимхане; в Ростове она идет уже два месяца каждый вечер при громадном стечении зрителей. У театров толпа, и места берутся, что называется, с бою» (Революция и горец: 1929, № 10, 36, см. также № 9, 76–78). Киноабрекиана продолжается и поныне. В конце 1990-х годов в Дагестане был поставлен фильм «Легенда о храбром Хочбаре», рассказывающий о легендарном средневековом разбойнике из Гидатля. Картина транслировалась на одном из центральных каналов российского телевидения. На сцене Театра оперы и балета в Махачкале уже много лет с успехом идет музыкальный спектакль «Хочбар».

Появляются и новые книги об абреках на языках народов Северного Кавказа.

В.О.Бобровников. «Мусульмане Северного Кавказа: обычай, правогорного Дагестана».

ИНТЕРНЕТ – РЕСУРСЫ ОБ АБРЕКАХ И АБРЕЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ

Тема абречества и абреков в сети Интернет представлена достаточно широко. Стоит вбить в поисковики соответствующие термины или имена представителей абречества, как появятся множество публикаций, фото-аудио и видеоматериалов по этой теме. Более того, в сети действуют даже специализированные ресурсы. Например, информационно – познавательный портал «Абрек» – http://abrek.org , посвященный памяти абрека Зелимхана. На страницах этого интернет-проекта рассказывается о жизни и борьбе за социальную справедливость одного из самых знаменитых кавказских абреков Зелимхане Харачоевском (Гушмазукаеве).

Сайт, который является не только самым полным информационным ресурсом Зелимхане, но и о многих других кавказских абреках, пользуется огромной популярностью. Особенно популярен этот ресурс у молодежи, которая активно изучает страницы сайта, обсуждает историю жизни этого легендарного чеченца, его поступки, слова и интересные факты его биографии.

На сайте собраны уникальные видео и текстовые материалы. Так, в разделах «Персоналии» и «Абреки» можно найти информацию о сподвижниках абрека или людях, судьбы которых, так или иначе, переплетались с судьбой этого абрека. Вниманию посетителей сайта также представлены копии архивных документов, которые любезно представлены администрации сайта потомками абрека. Представлены также и материалы различных проектов памяти абрека, (в том числе и проект памятника Зелимхану), письма, фотографии и многое другое.

В заключении, несколькое ссылок на другие ресурсы по рассматриваемой теме:

Словарная статья об абреке Зелимхане Харачоевском в «Свободной Энциклопедии (Википедии)» – https://ru.wikipedia.org

По этой ссылке можно найти видеоплейлист «Абрек Зелимхан» на популярном канале «Ютуб» – https://www.youtube.com/playlist?list=PL443D5002B3F5B5E8

Первый фильм о кавказских абреках был снят ещё в 1926 году – это пулярный в свое время фильм «Абрек Заур» – http://cinema.rin.ru/cgi-bin/main.pl?actio.lm_view&id=3260.

В 1929 году на экраны страны Советов был запущен фильм о Зелимхане, снятый режиссером. О. Фрелихом по книге Д. Гатуева. В роли знаменитого чеченского абрека снялся грузинский актер Ладо Бестаев – http://checheninfo.ru/81800-1929-g-film-ofreliha-zelimhan-i-lado-bestaev.html

ГЛАВА 2. «АБРЕЧЕСТВО КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА»

АБРЕКИ И ГОСУДАРСТВО

Корни абречества в дореформенном горском обществе

Постепенное изменение семантики термина «абрек» на Кавказе XIX-XX веков и приобретение им своего современного значения произошло в силу перемен в условиях жизни горцев. Разбор этой метаморфозы будет предметом следующего раздела моего исследования. Здесь же я хочу рассмотреть те социальные институты, из которых вырос профессиональный разбой на российском и советском Кавказе. На мой взгляд, – это военные дружины горской молодежи, культ воина-джигита, обычаи кровной мести и гостеприимства. Обратимся сначала к первому.

Вплоть до включения Северного Кавказа в состав Российского государства военные силы мелких политических образований – сельских общин, их союзов и ханств формировались по принципу всенародного ополчения. В основе таких военных отрядов лежали союзы неженатой молодежи горцев (араб. заимств. ихтилат, кубач. батирте, рут. сехбат, цез. сидар бахиру и проч.), детально изученные дореволюционными и советскими этнографами. Юноши проводили зиму в большом «общем доме-крепости» (авар. гъоркъо рукъ, кубач. гулала-хъали, хевсур. сапехно), посвящая свой досуг военным и спортивным упражнениям и пирам.

Как союзы молодежи, так и сельские ополчения (араб. джайш, аскар; аварск. бо, дарг. хуребо, багв. къокъаби), куда

кроме них входило все дееспособное мужское население, не были объединениями профессиональных воинов, ни тем более разбойников. Косвенно на это указывает тот факт, что ополчения союзов сельских общин и отдельных ханств могли насчитывать до нескольких десятков тысяч человек. Когда в апреле-мае сходили снега, ополчение одной или нескольких общин могло совершать набеги на соседей. В свою очередь ополченцы должны были защищать общину от внешнего вторжения. По местным преданиям, кубачинские батирте обороняли село от полчищ иранского завоевателя XVIII века Надир-шаха, а хевсурское ополчение с. Шаитли, засев в башнях селения, отбилось от осаждавших аул войск Шамиля. Ополченцы выполняли некоторые сельскохозяйственные (очистка полей от камней, косьба и пр.) и строительные работы.

Во главе военных сил горцев в независимых сельских общинах Дагестана и Чечни стояли выборные предводители, гордо называвшиеся ханами или шахами (авар. цевехъан, кубач. бикт-халел). У адыгов до середины XVIII века их роль играли князья-пши, реже дворяне-уздени. Важнейшей традиционной прерогативой князя было право объявления войны и мира, созыва дворянского ополчения и организация военных походов. Причем уже упоминавшиеся выше набеги-зекиуэ носили в основном оборонительный характер. Должность князя отнюдь не являлась синекурой. Пши не только предводительствовали войсками, но и первыми шли в бой, показывая на личном примере образцы доблести и рыцарского отношения к своему долгу.

Важно отметить, что у большинства кавказских горцев не существовало жестких сословных различий. «Быть удальцом в горах, отмечал Н. Берзенев, – значит быть аристократом». Участие в войне, тем более руководство походом, давало возможность достичь почета и власти. Образцом для подражания каждого мужчины-горца был выработавшийся веками образ удальца-джигита (ср.: чеч., ингуш. киант). Некоторые из отличившихся на поле брани джигитов сосредоточивали в своих руках огромную, хотя и временную власть.

Известны случаи, когда они подчиняли себе свои сельские общины, становясь их наследными правителями. По данным Л. Б. Панек, рутульские беки южного Дагестана вели свой род от «бывших предводителей набегов». Стевен, наблюдавший в начале XIX века за жизнью одного из чеченских обществ, отмечал, что «предводителей своих выбирают они из семейства, которое в течение веков давало им всегда отличных военачальников и потому у них в большом почтении». Нередко случалось, что община физически истребляла слишком возвысившихся военных предводителей. Другие общества то призывали, то изгоняли потомков своих военных предводителей – беков и чанков. В некоторых дагестанских обществах обычай постоянной смены воинов в отрядах, по мнению Р. М. Магомедова, мешал появлению здесь военного сословия, могущего захватить власть.

Важным элементом традиционной культуры насилия на Кавказе являлась кровная месть. В ответ на оскорбление женщины, захват земли, ранение или убийства горцы отвечали убийством обидчика. Кровная месть часто распространялась на весь тухум кровника. Причем в случаях изнасилования девушки или женщины или лишения семьи горца родовой чести кровную месть было настолько сложно остановить, что вражда между кланами-тухумами могла продолжаться вплоть до полного физического истребления одного из них. Например, в даргинском с. Кадар два тухума враждовали около 200 лет, с XVII до 60-х годов XIX века.

Однако в большинстве случаев развитие кровной мести сдерживалось так называемой системой композиций – натуральных или денежных штрафов по нормам обычного права. По словам большого знатока адыгского быта Л. Я. Люлье, «у горцев кровоотмщение не есть необузданное, неудержимое чувство, вроде вендетты корсиканцев; это скорее обязанность, налагаемая честью, общественным мнением, требованием крови за кровь». О существовании подобной нормы на Северо-Восточном Кавказе говорит дагестанская пословица «Гье гьейд боциона бахъаас» (бежт. кровь кровью не смывается).

Кровь разных сословий традиционно оценивалась по разному, особенно на Северо-Западном Кавказе и в равнинном Дагестане. По подсчетам В. К. Гарданова, изучавшего адаты кабардинцев, «цена крови» князя «колебалась от 6 до 8 тыс. быков. тогда как «цена крови» простого свободного адыга (тфокотля) составляла в XVIII веке всего лишь 160 быков.». За убийство раба платили его «рыночную стоимость». По верному замечанию В. Х. Кажарова, «высокая «цена крови» князя укрепляла и безопасность его подвластных». Согласно адату, кровная месть не могла быть обращена против выше-стоящего лица. В районах Нагорного Дагестана и Чечни с сильной независимой общиной система композиций за кровную месть охраняла в основном права свободных общинников- узденей. Чтобы предотвратить взаимное истребление целых тухумов, было принято высылать убийцу (в некоторых районах и его ближайших родственников) далеко за пределы владений общины. Несколько десятков селений Дагестана основаны тухумами кровников, бежавшими от кровоотмщения.

Положение кровника и простого путешественника среди горцев регулировалось обычаем гостеприимства, распространенным практически у всех мусульманских и христианских народов региона. «Есть три качества,- отмечал в своих наблюдениях о жизни черкесов Дж. Лонгворт,- которые в этих краях дают человеку известность- храбрость, красноречие и гостеприимство». «Гостеприимство у черкес считается первейшей добродетелью, и гость у них, кто бы он ни был, есть особа неприкосновенная», сказано в сборнике адатов А. А. Кучерова. О гостеприимстве горцев с теплотой отзывались дореволюционные авторы. «Можно смело утверждать, что только священный обычай гостеприимства дает возможность проникнуть в эту почти недоступную страну, писал А. К. Сержпутовский. Традиционно отношение горца к гостю-кунаку основывалось на двух принципах: во-первых, оно распространялось на любого человека, в том числе преступника или кровника; во-вторых, ради безопасности гостя хозяин был обязан жертвовать всем, вплоть

до своей жизни. Эти нормы не раз спасали жизнь горцев, оказавшихся в положении беглецов-абреков.

Все рассмотренные выше элементы традиционной культуры – мужские союзы, культ воина-джигита, кровная месть и гостеприимство – помогали небольшим общинам горцев выживать в условиях постоянных междоусобиц и завоеваний с севера и юга, не позволяли горскому обществу низойти до состояния анархии. Как и повсюду, в нем, конечно, были свои разбойники. Некоторые из них, – например аварский Хочбар, по преданиям живший в начале XVIII века, – стали даже героями народных песен и героических сказаний. Но, как показывают исследования историков и этнографов, профессиональный бандитизм рассматривался как асоциальное, из ряда вон выходящее явление.

Отношение горцев к разбою было двойственным. С одной стороны, набегами восхищались, когда они служили для юношей средством добыть славу и почет настоящего джигита. Одна из чеченских песен XIX века о героях набега кончается пожеланием: «Да родятся у каждой матери подобные сыны». С другой стороны, в горском фольклоре есть также немало выпадов против набегов и их участников. Так, с явным осуждением говорит о набегах плач о разорении отрядом Шамиля с. Чох, записанный современным дагестанским историком П. И. Тахнаевой. Песня кончается пожеланием участникам набега, павшим под Чохом, вечно гореть в аду. Подобные же песни записаны у рутульцев и других народов Дагестана.

Рождение профессионального абречества в период российских реформ

Социальные потрясения и государственные реформы, пережитые горцами Кавказа после окончательного покорения их Россией, вызвали глубокую трансформацию местного общества и его мировоззрения. В результате целого ряда перемен и как

реакция на русское завоевание сложилось современное абречество. Оно представляло собой профессиональный разбой нового типа, характерный для посттрадиционного общества, однако воспринималось самими горцами, политиками и учеными как продолжение удальства или «хищничества» местных джигитов. На самом деле социальные и культурные корни абречества значительно изменились в XIX-XX веках.

Перестройка горского общества на Северо-Западном Кавказе с целью его «умиротворения» была начата российскими властями еще в конце XVIII века. Уже в 1777 году было начато строительство Кавказской линии – цепи крепостей, кордонных линий и казачьих станиц, ограничивших свободу передвижения горцев Северо-Западного Кавказа. «Мирным горцам» было запрещено созывать сельские ополчения и княжеские дружины. Князья и дворяне превращались из военных предводителей горцев в служилое сословие российского государства. Постановления 1820-50-х годов лишили принявших российское подданство адыгских князей почти всех их былых привилегий, в первую очередь права созывать войска, объявлять войну, совершать набеги. Многочисленное сословие князей-пши и вассально зависящих от них дворян-узденей было лишено возможности взимать дань с прежде подвластных им народов. Чтобы прожить, обедневшие князья-пши должны были поступать на русскую службу либо тайком заняться наездничеством.

На Северо-Восточном Кавказе сельские ополчения общин были упразднены после окончания Кавказской войны, согласно «положениям» 1860 и 1868 годов. Повсюду разрушались боевые башни и военные укрепления горцев. Мужские союзы, хотя и сохранились, были лишены своих важнейших функций. Дагестанский этнограф А.Г. Булатова нашла следующие свидетельства их упадка: во второй половине XIX века мужские союзы уже не охватывали всех молодых людей селения; кроме неженатых юношей сюда стали входить женатые мужчины до 40-50-летнего возраста. К советскому времени военные дружи-

ны горской молодежи выродились в своего рода мужские клубы. Всю зиму они посвящали теперь только пирам и развлечениям. Бывшие военные предводители горцев оказались не у дел. Они стали перед выбором: либо поступить на русскую службу, либо быть объявленными вне закона «преступниками и злодеями».

Власти также решили ограничить применение кровной мести как явления, резко противоречащего законам Российской империи. В Кабарде еще в 1793 году было запрещено разбирать дела о кровоотмщении согласно адату. Мелкие уголовные и гражданские преступления были тут переданы в родовые (адатные) «суды и расправы». Урегулирование кровной мести стало прерогативой Верхнего пограничного суда в Моздоке, разбиравшего ее на основании российских законов. Разбором кровной мести, как и другими тяжелыми уголовными преступлениями, стали заниматься российские военные суды. В 1820-40-е годы подобные судебные преобразования проводились по всему Северо-Западному Кавказу. Изменились уголовные нормы адата. Запрещено было откупаться от кровной мести штрафом. Высылка кровника из общества была заменена ссылкой в каторжные работы.

После покорения Северо-Восточного Кавказа в 1860-1868 годах судебная реформа была проведена в Нагорном Дагестане и Чечне. Как и на северо-западе региона, тут были реорганизованы словесные суды по обычному праву. Причем кровная месть была выведена из их юрисдикции. Ее приравняли к тяжелым уголовным преступлениям. Случаи кровной мести стали рассматриваться российскими военными судами. По решениям суда кровников высылали из Дагестана в арестантские роты и в отдаленные губернии России на срок от 3 до 10 лет. В 1911 году после многократных просьб дагестанцев начальство области разрешило заменить ссылку кровников в Сибирь и другие районы внутренней России высылкой их «в отдаленнейшие округа Дагестанской области». Срок пребывания в канлы по новому закону был увеличен до 20 лет. Таким образом, ряд норм адата,

касающихся кровной мести, в какой-то степени сохранил юридическую силу.

Наряду с борьбой с кровной местью, российские власти хотели лишить князей и ханов их бывших правовых привилегий. В «немирных князьях» они видели опасного противника российского господства в регионе. Поэтому они постарались уничтожить старый адатный принцип, запрещающий мщение вышестоящему в социальной иерархии лицу. В знаменитой прокламации 1822 года наместник Кавказа Ермолов предписывал кабардинцам: «Узденям и простому народу повелеваю, что при всякой встрече с изменниками действовать оружием и забыть глупое обыкновение не стрелять в князей, когда они стреляют». Далее он предупреждал, что «если простой народ стрелять не будет, то население будет наказано оружием». Таким образом, власти не просто допускали, но открыто поощряли убийства князей, лишенных российским правительством «прежних достоинств».

Кроме кровной мести недовольство российских властей вызывали традиции гостеприимства, позволявшие «немирным горцам» укрываться у уже покоренных Россией народов. Чтобы контролировать перемещения гостей-кунаков по российскому Кавказу, еще в конце XVIII века тут была введена «билетная» система. Въезд «в Кавказскую линию», ограждавшую российские земли, а также выезд за ее пределы производился по билету – письменному разрешению, своего рода паспорту, выданному российскими военными властями. В первой половине XIX века билетный режим лишь укреплялся. Горцам запрещалось принимать безбилетных кунаков. Поощрялось доносительство на тех, кто принимал «немирных горцев» или участников набегов.

В предписании Кабардинскому временному суду от 1847 года указывалось: «Если окажется, что кто-либо из кабардинцев будет держать у себя в гостях прибывших из-за Кубани, из-за Терека и из назрановцев (т. е. ингушей.- В. Б.), которые не явились

к русскому начальству или не имеют билета, то подвергнется штрафованию по усмотрении вины его; а если будет передерживать подозрительных людей, абреков, то подвергнется строгому по законам русским взысканию». По мере завоевания столь же строгая билетно-паспортная система была распространена и на другие районы Северного Кавказа. Ее режим смягчился только к самому концу XIX века.

В 1840-60-е годы одним из средств борьбы с нарушением билетной системы стало переселение виновных в ее нарушении в контролировавшиеся регулярными войсками и казаками земли современной Ростовской области и Ставрополья. Если удавалось поймать беглеца, то приговором военного суда его наказывали шпицрутенами и ссылали либо на каторгу, либо в расквартированные вдали от Кавказа арестантские роты. Если беглецом-абреком был аульный владелец, то его аул расселялся по разным селениям. Кроме того, в это время на Северо-Западном Кавказе широко практиковались переселения целых селений из недавно покоренных труднодоступных горных районов на равнинные земли, в окружение казачьих станиц. Так появились современные укрупненные села Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Абхазии.

Все эти меры немало помогли властям «замирить» горцев и стабилизировать внутриполитическую обстановку в регионе. Но в то же время они парадоксальным образом подготовили почву для появления профессионального абречества. По верному замечанию В. Х. Кажарова, российское правительство превратило прежних военных лидеров горцев в абреков-изгоев по отношению к России, объявив их вне закона и лишив права убежища. Само горское общество их не изгоняло и не считало преступниками. Более того, многие действия новых абреков, в первую очередь участие в набегах на российские земли, в силу разобранных нами выше представлений, от которых нельзя было избавиться в одночасье, продолжали восприниматься народом как продолжение славных традиций джигитов прошлого.

Таким образом, с одной стороны деклассированные князья и военные предводители сельских ополчений постепенно превращались в профессиональных разбойников-абреков, какими их и считали российские власти. Из этого слоя вышли многие знаменитые абреки первой половины прошлого века. Это были такие известные «наездники» (участники зекиуэ), как кабардинский князь Тау-Султан Атажукин. Из князей и беков, лишенных российскими властями своего прежнего достояния, вышли знаменитые абреки, которые, например, Даниял-бек султан Елисуйский, Хаджи-Мурат Аварский и Мухаммед Анзоров из Кабарды, занимали видные посты в имамате Шамиля.

С другой стороны, возникла среда сочувствующих, при негласной поддержке которой абреки могли долго продолжать свои набеги и грабежи. О поддержке абреков горцами говорят многочисленные случаи укрывательства «немирных» кунаков на Северном Кавказе в XIX веке, отмеченные архивными документами. Так, в 1853 году в рапорте начальнику Центра Кавказской линии генерал-майор Грамотин указывал следующее: «В Кабарду и другие подведомственные мне племена Центра Кавказской линии часто и много приезжают из разных мест по своим делам люди, из коих нельзя положиться на благонамеренность каждого, и о прибытии которых не только я, но часто приставы и экзекутора не бывают известны». Если же из-за доноса открывалось местопребывание абрека, нередко его хозяин скрывался вместе с ним за линией.

О появлении благодатной почвы для развития абречества свидетельствуют и участившиеся с 1830-х годов случаи укрытия горцами преступлений, совершенных в их селениях. В основном это касалось убийств и особенно изнасилований, преступлений, которые по нормам обычного права влекли за собой кровотмщение. По наблюдениям дореволюционных авторов, горцы старались не предавать огласке такие случаи и тайно решить их по адату.

И из статьи В. Бобровникова «Абреки и государство. Культура насилия на Кавказе

АБРЕЧЕСТВО – РЕАЛЬНОСТЬ И ПРЕДРАССУДКИ

Наряду с гостеприимством, кунаичеством или обычаем кровной мести социальный институт абречества относится к кругу тем, традиционных для кавказской проблематики; в силу ярко выраженной специфики и некоей «экзотичности» абреки всегда обращали на себя внимание представителей иноэтничного мира.

Своеобразным «золотым веком» абречества стало XIX столетие – время Кавказской войны. Именно тогда к этому явлению было привлечено самое пристальное внимание российского общества. При этом интерес был далеко не академическим.

В многочисленных публикациях, авторами которых, как правило, были служившие на Кавказе офицеры, осмысливался опыт непосредственного контакта с реальными абреками, а также предпринимались попытки определения сути абречества, часто понимавшегося однобоко – например, о герое лермонтовской повести Казбиче (прототипом которого служил реальный разбойник Хизбеч) сообщается, что он любит таскаться с абреками за Кубань – служившую в то время границей.

Иной аспект деятельности абреков вскрыл исследователь обычного права народов Северного Кавказа Ф.Леонтович, который характеризовал их как изгоев, исключенных из семьи и рода, то есть вышедших из родовой зависимости и потому лишившихся покровительства и защиты рода. По мнению журнала «Родина», с XIX в. абреками называют кавказцев, борющихся против российской администрации.

Преодолевая упрощенные представления органов правительственной пропаганды, современная литература обращает внимание на то, что термин абречества часто объединяет различные явления и в разное время понимается по-разному. В

XVI-XVIII вв. абреками именовались главным образом переселенцы, беглецы и изгои, вынужденные (обычно из-за кровной мести) покидать родные края.

В период Кавказской войны XIX в. слово абрек становится синонимично понятию «немирный горец». В начале XX в. абрек становится «благородным разбойником», ведущим борьбу с произволом властей. Завершается периодизация последним, четвертым этапом, когда интересующий нас термин действительно идеологизируется, и абрек превращается в участника «антиколониального/антигосударственного движения против России/СССР».

Представления о динамике изменения института абречества во времени, безусловно, справедливы. Однако все перечисленные характеристики являлись реакцией одного и того же общественного института на меняющиеся исторические условия; все типы абреков могли сосуществовать в один и тот же исторический период.

Существует два основных параметра, позволяющих говорить об абречестве как явлении, обнаруживающем отчетливо выраженную преемственность. Во-первых, особое положение абрека по отношению к основному ядру общества, которое можно определить как маргинальное. Во-вторых, ситуация необходимости мести, соответствующим образом выстраивающая поведение абрека по отношению к окружающему миру.

Познакомившись с различными оценками абреков и абречества с позиций иноэтничных авторов, рассмотрим теперь, что по этому поводу думали непосредственно в местной кавказской среде.

Согласно наиболее популярной на Кавказе точке зрения, абрек исполнял покровительственную функцию по отношению к обществу. Так, например, адыгский абрек Махмуд Хатит, прославившийся в начале XX в. на Северном Кавказе не меньше чем знаменитый чеченец Зелимхан из Харачоя, свою абреческую деятельность начал с ограбления богатого одноаульца, везшего деньги в банк Екатеринодара, и затем раздал деньги

бедным вдовам. При этом свое благодеяние он совершил тайно. Сохранившиеся до наших дней разного рода истории об абреках, в которых их поведение с позиций интересов общины трактуется как «правильное», народная память удерживает удивительно цепко.

Абрек – человек отверженный, поэтому он не был заинтересован вызывать у одноаульцев враждебность по отношению к себе. В свою очередь община в этих двухсторонних отношениях также должна была занимать совершенно определенную позицию, обеспечивая абреку поддержку и предоставляя ему в случае необходимости пищу и кров. Выдачу абрека кровникам или властям общественное мнение рассматривало как грубейшее нарушение нравственных законов. Не случайно проблема так называемого пристанодержательства (иначе говоря, предоставления крова) являлась для российских властей на Кавказе, пожалуй, наиболее острой в их борьбе с абречеством и сохраняет свое значение и сейчас, несмотря на иную природу разногласий изгнанников с властью.

Принцип взаимоотношений абрека с общиной, о котором шла речь, с точки зрения традиционного сознания соотносится с понятием о норме. В этой ситуации степень автономности абрека, отрыва от общины весьма относительна. Безусловно, в реальной жизни подобный стиль отношений имел место, тем более что миролюбивые взаимоотношения абрека с общиной являлись гарантом относительно безопасного его существования.

Однако данная линия взаимоотношений не была единственно возможной, и поведение абрека далеко не всегда было адекватно представлениям народа о его идеальном образе.

Подобное положение дел было связано с тем обстоятельством, что на цель и смысл существования абрека помимо взгляда «со стороны», то есть общинников, существовал и другой взгляд – «изнутри», его собственный. И здесь интересы общины и конкретного абрека могли частично или даже полностью не совпадать. Ведь месть, которая являлась доминантой, смыслом

существования абрека, в равной степени могла быть направлена и на общину, а не только на кровника, мироеда или представителей власти. Отсюда и сложный рисунок его поведения, когда абрек, например, мог вступить в союз с представителями лагеря противника, в лице которого нередко выступала Россия. В этом случае факт сотрудничества с Россией представляет собой не более чем один из способов осуществления задуманной абреком мести.

Представляют интерес некоторые факты биографии Хаджи-Мурата, известного исторического деятеля Дагестана времен Кавказской войны. Версия жизнеописания знаменитого наиба, рассказанная его сыном Гуллой и внуком Казанбием, дает возможность увидеть мотивацию поведения Хаджи-Мурата глазами местных жителей.

Отомстив за смерть аварских ханов, Хаджи-Мурат участвует в военных действиях на стороне России против Шамиля – преемника своего врага имама Гамзата. За совершенные подвиги русские производят Хаджи-Мурата в офицеры. Но в результате интриг недоброжелателей его оговаривают перед Ахмед-Ханом – союзником России и правителем Дженгутая, под командованием которого Хаджи-Мурат находился. Приговоренный к ссылке в Сибирь, Хаджи-Мурат совершает побег и затем переходит на сторону Шамиля.

Через несколько лет, став наибом Хунзаха, он снискал себе славу удачными набегами. При этом часть добычи неизменно выделялась сиротам и вдовам. Свои набеги Хаджи-Мурат проводил не только ради добычи, но и, как карательные акции, ради мести. В дальнейшем Хаджи-Мурат вновь был оговорен мстительными наибами Шамиля, завидовавшими его славе, и Шамиль лишил его наибства в Хунзахе.

Остаток жизни Хаджи-Мурат провел в постоянных скитаниях из одного селения в другое. На пути в чеченское селение Гехи, преданный кунаком, Хаджи-Мурат попал в засаду. Убив предателя, Хаджи-Мурат сдался русским и получил предложение вновь поступить на военную службу.

Обращает на себя внимание тот факт, что, переходя в столь бурное политическое время на сторону противоборствующих сторон, Хаджи-Мурат тем не менее не оказывается предателем. Его служба России или Шамилю не шла вразрез с интересами жителей Хунзаха. Верный кодексу чести Хаджи-Мурат не прощал ни малейшей обиды, обрастая многочисленными врагами, с тем, чтобы в конце жизни оказаться в политическом и социальном вакууме. Жизнь Хаджи-Мурата это жизнь типичного абрека, с той лишь оговоркой, что наибство, высокое социальное положение, которое он занимал на протяжении долгого времени, находятся на первом плане его биографии и заслоняют другую, не менее важную составляющую его жизни.

Одиночество (а именно на этом фоне протекала жизнь абрека) как форма существования рассматривалась в народной традиции далеко не однозначно. Представление об опасном для человека состоянии одиночества выражено в фольклоре совершенно определенно. Места обитания абрека, где протекали долгие годы его скитальческой жизни в отрыве от людей, согласно народным представлениям были населены многочисленными демоническими персонажами.

Живой человек не может находиться здесь длительное время без риска подвергнуться нападению со стороны обитателей «другого мира». Абрек должен был стать одним из этих обитателей лесов и гор Кавказа, для чего требовалось изменить свою человеческую сущность и приобрести свойства инородного существа. Абрек, как представляется, проходил обряд уподобления представителям мира инобытия через утрату своего человеческого начала – в первую очередь через утрату присущего человеку нравственного комплекса: сострадания, личной привязанности, жалости, любви. В чеченской героической песне об абреке Гехе на крик героя отзывается только волк:

«Серый скиталец, свирепый боец,
Не выносящий ярмо и опеку,
Верную дружбу принес он абреку,
Слились две злобы двух буйных сердец».

Как правило, уйти в абреки человека заставляли обстоятельства экстраординарные. Месть абрека в этой связи становилась явлением долговременным, если не бессрочным. Став абреком, человек уже не принадлежал самому себе – он становился в известном смысле орудием своей мести. Абрек, как отмечал один из авторов конца XIX в., «пользуется среди народа прочным, почти религиозным уважением.».

Мистический союз с духами не мог пройти для человека бесследно. В народном сознании существовало представление о безумии абрека, как следствии его общения с духами. Абрек брал на себя большой нравственный груз, который начинал постепенно трансформировать его личность.

В мистическом плане человеческая сущность начинала вытесняться демонической составляющей. Отсюда еще один фольклорный образ – образ абрека, испытывающего непроходящую жажду крови, практически уже собственно демона, утратившего всякий контроль над собой. Тем не менее абрек не заносился в «черные списки». Существовало представление об особой миссии абрека с вытекающим из этого выводом о неправомерности осуждения его действий с общечеловеческих позиций, так же как невозможно осуждать стихийное бедствие, несущее смерть или разрушения.

Образ абрека своей двойственностью вызывал у местного населения в равной степени противоречивые чувства ужаса и уважения. Желание никогда не встречаться с абреком в реальной жизни дополнялось постоянной привлекательностью этого образа у местного населения, что подтверждается многочисленными песнями, легендами и сказками. Хотя современные преступники Кавказа унаследовали у романтических абреков разве что жестокость, ставшую для них нормой жизни, было бы ошибкой забыть о предрассудках, которые может вызывать их деятельность у местных жителей.

Ботяков Ю. Независимая газета 2003 год. (В сокращении)

АБРЕКИ В БОРЬБЕ ЗА РЕВОЛЮЦИЮ И ПРОТИВ НЕЕ

Во время первой русской революции 1905-1907 годов на Северном Кавказе самой распространенной формой сопротивления властям стало абречество – уход в горы и ведение партизанско-разбойничьего образа жизни. В связи с общим ослаблением власти в горных и предгорных районах Терской, Кубанской и Дагестанской областей, а также в Северном Азербайджане появились банды абреков. Пик их действий пришелся на годы революции, но акции продолжали осуществляться и в период столыпинской реакции. Окончательно абречество подавили только накануне Первой мировой войны.

К этому моменту свои действия прекратили наиболее известные кавказские абреки. В Терской области действовали Зелимхан Гушмазукаев из чеченского селения Харачой и Саламбек Гараводжев из ингушского села Сагопш. В Южном Дагестане в 1905-1913 годы абрек Буба из лезгинского селения Икра с шайкой из 20 человек терроризировал все побережье Каспийского моря от Баку до Махачкалы (тогда Петровск). Благодаря поддержке местного населения ему удалось увеличить численность отряда до 200 сабель. А в Северном Азербайджане особые неприятности властям доставляли банды Ших-заде Кубинского и Дели-Али....

Абречество не поддерживало городских революционеров, но активно участвовало в антиправительственных выступлениях в сельской местности. Вожаки местных банд вмешивалось в межэтнические и межрелигиозные отношения. Буба, например, запрещал суннитам работать у шиитов. В период революции многие местные администрации под давлением абреков снизили налоги для горцев. Также не обходилось без участия в сельских восстаниях в Терской и Кубанской областях. На контрреволюционные действия против горцев абреки отвечали террором. Когда осенью при подавлении массовых выступлений солдаты Шерванского полка расстреляли 17 чеченцев-зачинщиков восстания, Гушмазукаев остановил пассажирский поезд у станции

Кади-юрт, ограбил его и приказал расстрелять 17 русских пассажиров.

С абреками власти в основном боролись, используя военные рейды и карательные экспедиции. В 1908-1913 годы власти Дагестанской и Терской областей были вынуждены на постоянной основе держать в своих регионах дополнительные части регулярных войск и казачества. В это время на Северном Кавказе развернулись масштабные боевые действия по уничтожению партизан. Только к 1913 году основные предводители абреков, в том числе и Буба Икринский, сдались властям. Лидер чеченских абреков Гушмазукаев погиб в неравном бою.

Однако это были наиболее идейные представители абречества. Очень много менее известных горных вожаков перешли на сторону правительства в 1906-1908 годах, чтобы заслужить себе прощение за участие в революционных выступлениях. Абрек Дели-Али, действовавший со своей бандой в Северном Азербайджане, в 1906 году достиг шестидесятилетнего возраста и решил уйти на покой, а потому вышел из леса реабилитироваться перед властями. Летом 1906 года отряд восставших рабочих, входивших в большевистскую армию революции, напал на виноградники князя Голицына. Дели-Али со своим отрядом всех напавших большевиков истребил, после чего был лично прощен императором Николаем II.

Когда говорят о подавлении революции, обычно уделяют много внимания участию в этих событиях казачества, однако горцы-мусульмане в этих событиях участвовали не менее охотно. Большинство кавказцев-офицеров остались верными императорской присяге и активно уничтожали отряды абреков и революционеров. Генерал-лейтенант Максуда Алиханов, аварец по происхождению, посылался во главе карательных отрядов в различные регионы Кавказа, где вспыхивали революционные мятежи.

Сев.Кавказ в составе Российской империи –
М.: Новое литературное обозрение, 2007

ВАЙНАХСКИЕ АБРЕКИ

Абречество – народное партизанское движение на Кавказе (главным образом, в Чечено-Ингушетии) против власти колонизаторов в эпоху «замирения» Северного Кавказа (после пленения Шамиля российским самодержавием).

Абреками становились горцы (вейнахи), посвятившие себя непримиримой борьбе и мести царизму. Ими становились люди, озлобленные на несправедливую власть захватчиков (и их приспешников из самих горцев), самые свободолюбивые, особо отважные и мужественные люди, наиболее сильные личности (как Бейбулат Таймиев, Зелимхан Гушмазукаев).

Беззаветный героизм, повседневная безграничная боевая дерзость, неутомимость и находчивость в любом сложном положении, преданность родине и своему народу, любовь к близким и защита обездоленных – все это было фоном, на котором народный фольклор воспевал своих выдающихся абреков. Те же, кто занимался угоном из затеречных станичных конюшен единственной лошади или коровы или выпрягал на дороге у вдовы последнюю – это, конечно, были не абреки, а обычные воры-«курятники», шкурники, их свой народ всегда и везде преследовал и презирал.

Дореволюционная дворянско-буржуазная историография и литература создали у нетуземного населения ложное представление об абреках. Поэтому не надо отождествлять бывших при царизме абреков с уголовными бандитами, всегда (и прежде, и теперь) паразитирующими в среде трудового населения. Не надо забывать, что народ знал и любил своих защитников-абреков, оберегал и скрывал их от всяких преследователей (администраций) и предателей (кровников).

Отрицательное в абречестве было лишь то, что из-за их активности в какой-то местности иногда страдал невинный народ, подвергаясь репрессиям, когда администрация совершала экзекуции; ставила на постой у населения войска и казаков, которые жили по дворам и питались за их (бедноты) счет, а главное, под

видом изъятия оружия, казаки «законно» грабили и пытались насиловать женщин.

Самыми популярными и легендарными в свое время абреками, о которых в народе слагались песни, были в Чечне и Ингушетии Бейбулат Таймиев (убит в 1832 г.), Вара (убит), Умма, Атабай, Гамзатбек (убит), Суламбек (сагопшинский, убит в 1912 г.), Зелимхан Гушмазукаев (харачоевский, убит в 1913 г.) и мн. др. В их числе бывали и даже сами терские казаки-абреки, как, например, Яков Алпатов из станицы Наурской (убит в 1854 г.), который командовал в набегах большими партиями лихих чеченских наездников (по 600 и более человек); казак-абрек Орлов (убит в 1912 г. – казнен вместе с пятью ингушами как сподвижник «абрека» Зелимхана и др.)

Но самым выдающимся из всей плеяды славных предреволюционных абреков был Зелимхан Гушмазукаев из Харачоя. В его боевой деятельности не было жестокости, не было несправедливости, ни одного нападения он не совершил на трудящихся или бедноту. Он был интернационален, и все добытое у богачей он только раздавал бедным людям, сам (порою) очень нуждаясь. Потому мы считаем, что он был объективно очень демократичен (стихийно, так как не знал никакой программы революционеров).

Все абреки давно погибли, их постигла месть царских карателей-завоевателей. В историю национально-освободительной борьбы горцев они внесли немало самых доблестных страниц, воспеваемых народным фольклором, тогда как всех предателей (как Гуданта – царского начальника округа, предателя убийцу абрека Вары и др.) люди всегда проклинали и подвергали остракизму («вий»). Таким образом, абречество – явление революционное и вполне классовое: протест низов колонизируемого народа против кровавого гнета самодержавия и, особенно, аграрного голода в завоеванном крае.

Базоркин М.М. История происхождения ингушей. 1937. г.
(В сокращении)

АБРЕЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЧЕЧНЕ (XIX В.)

(в сокращении)

Причиной роста абречества на Сев. Кавказе, и в Чечне, в частности, в XIX в. послужили:

1. безграмотные действия царской администрации, не умевшей разбираться в особенностях местного быта и характера народа;

2. предвзятое отношение к туземному населению, в котором она видела дикарей, неспособных к мирному сосуществованию;

3. экономические проблемы и малоземелье крестьян;

4. бесправное положение чеченского населения и злоупот-ребления царской администрации.

Терская администрация считала нарушителями закона только горцев. Все случаи воровства, грабежа и разбоев, случавшиеся в области, она приписывала только им. Поэтому большинство осужденных были именно горцы, тогда как на преступления, совершенные казачеством, местная администрация часто просто закрывала глаза.

Данные статистики хорошо показывают случаи подобной несправедливости. Вот как об этом писал в конце XIX в. Я. Абрамов: «Когда на казачьей земле находят труп убитого туземца, то власти, от которых зависит первоначальное дознание, всегда склонны объяснить причину убийства или самообороной казака, или же тем, что туземец был застигнут на краже. Таким образом, до сих пор убийства горцев казаками оканчивались почти всегда ничем, благодаря чему среди казачьего населения установился взгляд, что туземцы стоят вне закона и всякий самосуд против них возможен.

Если по совершении кражи в русском поселении или в принадлежащем ему юрте следы не могут быть открыты, ответ-

ственности подвергаются окрестные аулы. Само собою разумеется, что странный взгляд, по которому все преступления в области приписываются исключительно туземцам, не имеет решительно никаких оснований. Русские, живущие здесь, далеко не ангелы и тоже не прочь и поживиться за счет чужого добра, и пырнуть сгоряча ножом».

Наказной атаман Терского войска и он же генерал-губернатор Терской области Михеев писал императору, что столкновения чеченцев и ингушей с казаками вызывают значительный материальный ущерб и уносят многие человеческие жизни. На что Николай II ответил: «По моему мнению, именно это соседство поддерживает в терских казаках их старую дедовскую удаль, а посему принимать меры к смягчению обстановки нет никакой надобности».

Получив особый размах в конце XIX в., абречество выдвинуло из своей среды целый ряд знаменитых представителей. Их дерзкие набеги на царские конвои и заставы, их неуловимость и смекалка вошли в легенду. Среди них известны такие, как Нука Домбаев, Мехки, Зелимхан Гельдыгенский, Юсуп Умакаев, Дауд Топчаев, Ахмет Чуштаров и мн. др…

Чеченцам дали месячный срок для поимки убийц. Приказ начальства староюртовцы не выполнили. Тогда командующий войсками приказал обезоружить их, «в течение месяца взыскать штраф в пользу семейства убитого и назначить старшину по выбору начальника округа с определением содержания по 600 рублей в год, уплачиваемых аульными жителями». 18 сентября 1889 г. Старый Юрт был окружен войсками. Солдаты напали на спящих крестьян и как военнопленных согнали в кучу. В домах изъяли все оружие, оставив его только «почетным старикам», георгиевским кавалерам, имеющим медали «За усердие», а также милиционерам. Во время обыска у жителей отобрали 114 ружей, 104 пистолета, 256 кинжалов, 22 шашки, и все это потом в Грозном превратили в 19 пудов лома, который продали, а вырученные деньги передали в штрафной фонд Гроз-ненского

округа. Кроме того, с населения взыскали в пользу семьи убитого 1200 рублей.

Но и на этом беды староюртовцев не закончились. В селении на неопределенное время остался экзекуционный отряд – 19 офицеров, 326 солдат и казаков. 600 староюртовских хозяйств должны были их содержать и кормить, что обходилось в 56 рублей ежедневно. Кроме того, требовались еще дрова и фураж. Солдаты и офицеры заняли лучшие дома, окружили селение многочисленными постами, запретив жителям общаться с внешним миром. Хлеб в поле остался неубранным, земли под посев не подготовленными. Многие подозреваемые в убийстве Эльмурзаева были арестованы; их допрашивали и жестоко избивали. Экзекуция проводилась до 12 ноября. За это время крестьяне уплатили на содержание воинского контингента, на поимку убийц и как кровную плату за убитого до 6 тыс. рублей – по 10 рублей с каждого хозяйства. Для наглядного примера были приве-зены старшины из соседних округов – Грозненского и Аргунского.

Разумеется, что подобные меры царской администрации наносили большой урон крестьянам. «Это создавало новые кадры озлобленных людей, – писал А. Шерипов, – решившихся на все. И вот началась месть начальству: абреки убивали административных лиц, грабили почту, казначейства и другие правительственные учреждения, а власть еще пуще налегала на мирное население: штрафы, экзекуции, высылка в Сибирь, виселица и т. д. Власть терроризировала местное население, абреки терроризировали власть.».

Выступали абреки и народными мстителями. Так, 10 октября 1905 г. властями был устроен чеченский погром, в котором войска расстреляли 17 горцев и разграбили лавки и магазины купцов из числа туземного населения. В ответ на это 17 октября абреки под предводительством Зелимхана остановили пассажирский состав у станции Кади-Юрт, ограбили богатых пассажиров и расстреляли 17 русских офицеров. «Передайте

полков-нику Попову, – сказал Зелимхан свидетелям, – что чеченские жизни, взятые в Грозном, отомщены!».

Летом 1906 г. население Веденского округа вышло из повиновения своим старшинам. Последние бросились с жалобами к начальнику Веденского округа подполковнику Галаеву. Старшины говорили, что в селениях нет порядка, жители не исполняют их прика-зов, не являются на вызовы в суд, не выполняют повинностей и не платят уже несколько лет подряд жалованье. Волнения охватили и другие округа, населенные чеченцами и ингушами. Жители Урус-Мартана, Старого Юрта, Бердыкеля, Исти-Су и Шали летом 1906 г. обратились с письмом к наместнику Кавказа. В нем они потребовали самостоятельного выбора старшин с тем, чтобы жалованье им платила казна, а не крестьяне. Ремонт помещений аульского правления, содержание писаря, переводчика, сторожа и многое другое требует больших денежных средств, «которые мы должны извлекать из хозяйства своего, отнимая деньги эти от жен и детей наших».

«Писарями присылают людей с потерянной репутацией», – жаловались крестьяне, лишенные прав по суду. Писари занимаются поборами и взятками, выдают фальшивые удостоверения на ворованный скот. Кроме того, крестьяне жаловались, что с них уже 7 лет берут страховые деньги на случай пожара, но когда сгорает чье-либо строение, никто этих денег погорельцу не выплачивает.

Больше всех упорствовали в своем нежелании сотрудничать с властями крестьяне Веденского округа. Начальник округа Галаев несколько раз пытался организовать в аулах сельский сход, но население игнорировало его приказы и не являлось на собрания. «Жители, – писал он, – не пожелали меня видеть, показывая этим, что не признают меня за начальника».

25 июня 1906 г. в Грозном на площади у Пушкинского училища состоялся рабочий митинг. В числе делегатов прибыли и представители некоторых сел Чечни. .

В октябре 1906 г. стихийные выступления чеченских крестьян вспыхивают в разных концах области. Восстает селение

Макажой, жители которого забросали камнями отряд начальника 5-го участка Владиславского, спешившего усмирить население. Через несколько дней в селении Шарой ночью кто-то выстрелил в закрытое ставнями окно дома, где жил Владиславский и тяжело ранил его. Перепуганный не на шутку, он навсегда покинул Веденский округ.

Для подавления волнений в Веденский округ были направлены батальон пехоты, две сотни казаков и горная артиллерия. Бунты во многих селениях были подавлены. Непокор-ными по-прежнему оставались аулы Макажой, Нижалой, Нихалой и Хой. 18 декабря артиллерия карателей накрыла эти селения своим огнем; часть жителей бежала, часть была арестована и выслана в Сибирь.

Недовольство своей администрацией проявили жители Урус-Мартана. В феврале 1907 г. они обратились к наместнику Кавказа с требованием убрать своих представителей власти и заменить их достойными людьми. Начальник участка «для нас недоступен, – писали они, – да и вообще его деятельностью мы недовольны, так как она по существу крайне вредна». Требовали крестьяне и замены русских писарей на грамотных чеченцев, а также просили, чтобы конвой начальника округа составляли чеченские всадники, «нам легче было бы ориентироваться при явке в учреждение к начальнику, так как нас казаки толкают в шею».

Не пропустили крестьяне и вопрос о взяточничестве: «Зло – это взяточничество, существование которого, несомненно, уже из того, что самые порочные люди наши у начальства на первом счету и лучшие люди». «Жалобы на начальника, – писалось далее, – всегда отзываются на нас самым пагубным образом. При теперешнем начальстве нам живется очень и очень плохо и горько, чем когда-нибудь в течение полвека».

Доведенные на своей собственной земле до нищеты и разорения, чеченцы в то же время видели с каким достатком живут казачьи станицы, расположенные на землях, отобранных у гор-

цев. И эта несправедливость вызывала в чеченцах законное чувство мести, иногда вырывающееся наружу в виде крайней жестокости. Так, например, в августе 1907-го, обозленные своим бесправием жители селения Верхний Наур обрушивают свой гнев на экономию Мазаева, где учиняют настоящую резню. Мазаевы заслужили эту вспышку народной ярости не потому, что им «посчастливилось» родиться русскими, а потому, что они своими махинациями с местным начальством практически закрыли чеченским стадам путь за Терек.

Вообще, среди чеченцев абреки пользовались особым уважением. Любая чеченская семья считала своим долгом оказать им всяческую помощь и поддержку, даже если ей это грозило серьезным наказанием. Чеченский абрек вообще отличался от абрека у осетин или, скажем, у грузин. Если у соседей институт абреков появился под влиянием классовой борьбы, то в среде вайнахских народов, лишенных классовых сословий, это явление было, по большей части, результатом национально-освободительного движения. И, соответственно, не имело тех внутринациональных очагов подавления, которые могли быть организованы господствующим классом. Иными словами, в Чечне для уничтожения абречества русским властям мало было на кого положиться. Более того, отношение населения к абрекам, когда каждый из них чувствовал на себе заботу и поддержку, давало почву для роста и развития этого движения.

Невзирая на все карательные меры царской администрации, на все ее экзекуции и погромы, чеченцы не видели в абреках причины своего бедственного положения. Абреки же, в свою очередь, старались всячески компенсировать понесенный мирным населением урон, выделяя ему часть своей добычи. Такой порядок вещей был заведен еще в древнейшую эпоху, в период военных походов на равнину, когда вайнахи были отрезаны кочевниками от плодородных плоскостных земель и основным средством к существованию у них оставался набег – быстрое распределение материальных благ. Царские агенты также под-

тверждали, что большинство абреков не обогащается, а раздает все деньги беднякам. Даже родственникам Зелимхана ничего не доставалось из добычи.

Обеспокоенные развитием абреческого движения царские власти пустили в ход все средства для поимки и уничтожения абреков. Подкупы, повальные экзекуции, облавы и военные походы в горы стали обыденным явлением в Чечне. Начальство реагировало на любое донесение о местонахождении абреков.

Летом 1907 г. волнения вновь охватили Веденский округ. Начальство дало населению семидневный срок, чтобы водворить в округе порядок, на что крестьяне ответили: «Никаких сроков не нужно, так как ни под какими угрозами не подчинимся требованиям». В наказание за неповиновение во всех крупных населенных пунктах были поставлены войска, а на дорогах усилены посты и пикеты. Начальник округа Галаев «сразу выслал из Веденского округа 500 человек якобы за воровство, которые вернулись в качестве абреков и наводнили весь Веденский район.».

И. Бызов. Ж-л «Чеченское общество сегодня». №3, 2008 г.
(В сокращении)

ГЛАВА 3. АБРЕКИ
(Некоторые сведения о наиболее известных абреках)

АБРЕКИ ПО-КАВКАЗСКИ

Абреками-гачагами на Кавказе, как впрочем, и повсюду на земле, не рождались, ими становились уже в зрелые годы. В силу множества причин – социальных, нравственных, материальных. Похищенная невеста или сестра, с кем-то сбежавшая жена, оскорбленная честь, неосторожное слово, украденный конь под седлом – разве мало было в старину поводов у горцев, чтобы пролилась кровь обидчика? Так кто же такие абреки-гачаги? Бандиты? Закоренелые убийцы? Или юноша, ненароком вытянувший из ножен обоюдоострый кинжал?

По «Толковому словарю русского языка» Д. Ушакова – это «разбойники эпохи завоевания Кавказа русскими». Несколько иначе термин трактует «Энциклопедия Брокгауза – Ефрона»: «Абреки (гачаги) – отчаянно храбрые кавказские горцы, после совершенных ими убийств или других преступлений изгнанные из своего рода или давшие обет кровной мести». Что ж, последнее – ближе к истине. Во всяком случае, тут невольно припоминаешь азербайджанского гачага Мулла-Нура из бывшего Губинского уезда, гачага Наби, родина которого – нахчыванская земля, Шошия – грозу хевсурских гор в Грузии, ингуша Ахмет-Саге из аула Ксардзона и других.

Они и в самом деле были отчаянными храбрецами и удальцами, всегда таившие в душе обиду на свою печальную участь и вынужденные некогда по адату защищать поруганную честь, родной очаг, жизнь близких людей. Эти люди вынуждены были пролить кровь обидчика, а теперь вот, согласно тем же старым

адатам, покинув отчие дома, скрываться в горах в ожидании посредников в деле примирения с кровниками. Если судьбе угодно было выйти на них – хорошо, если же нет, то им ничего не оставалось делать, как, «раздобыв» быстрого коня и оружие, навсегда исчезнуть из родных краев, чтобы в чужих далеких горах примкнуть к шайкам лихих головорезов, разбои и грабежи на дорогах сделавших своей профессией. Совсем как лермонтовские Азамат и Казбич из повести «Герой нашего времени» или Аммалат-Бек из кумыкского села Буйнакск в одноименной повести Александра Бестужева-Марлинского.

Разумеется, на Кавказе нередко встречались и благородные гачаги, такие, как Робин Гуд из английского народного эпоса XII в., Карл Моор немецкого поэта И. Шиллера, и Дубровский великого Пушкина, и Жан Сбогар французского драматурга Шарля Нодья. Это и герой народного эпоса XVI в. Кероглы со своими мстителями-делибашами и бунтарь Мулла-Нур, «житель» глухих ущелий-теснин Губинскош уезда, прославленный гачаг, борец за справедливость Мамед Абузароглы, власть которого была куда сильнее уездного начальника, а дом походил на присутственное место. Это никогда не дававшие в обиду слабых (как грузин, так и азербайджанцев) и помогавшие бедным и обездоленным по законам чести и порядка гачаги Муса из Дманисского района Грузии, Мехралы из села Дарбаз и Керем из Марнеульского района (в 1910-1916 гг.) и другие.

«Кавказский разбой – есть протест против злоупотреблений низшей власти, против прежних тягостей, податей и повинностей, против бывшего крепостного права, притеснения владельцев и помещиков, против необеспеченности сельского населения, недостатка земли, воды и леса», – писала в 1897 г. бакинская газета «Каспий».

А вот, к примеру, что из уст абрека Асана из недалекого от Губы лезгинского села Гадазихор услышал друг и соратник А.С. Пушкина – В.И. Даль, автор известного «Толкового словаря живого великорусского языка»: «Получив громкое имя на

всю округу, я вскоре набрал себе отважных товарищей с обязательным условием – никого напрасно не обижать, грабить не для корысти, а ради голода и голодных. Таким образом, я делал набеги в разные стороны – то на жителей, то на проезжих, но всегда только на людей достаточных и тех, кто бедным ничего не дает. Я завел у себя народную кухню, где каждый день пекли в очагах-тендирах чурек и варили все, что я добывал, не заботясь о завтрашнем дне. Сестры мои с братом кормили, поили и одевали всякого, кто приходил и садился под навесом нашей сакли. Мало-помалу я добился того, что ни один зажиточный в окрестных аулах человек не смел прогонять голодного от своего порога без подаяния».

Многим походил на абрека Асана и легендарный гачаг Наби, утверждавший справедливость в нахчыванских горах. Его доброта к простым людям была неохватной, а о его подвигах люди слагали песни, именем гачага клялись. По этой причине Наби жутко ненавидели неправедные феодалы, преследовали жандармы и их прислужники из местных ополченцев – милиционеры.

Слишком рано ушедший из жизни замечательный художник с поэтической душой, неистовый певец яркой и броской нахчыванской природы Юрис Мамедов, однажды в мае на своем красном, точно солнце в час тихого заката, «Москвиче» повез меня в Шахбузский район – к «скалам гачага Наби», вздыбившимися над озером Батабат. И сделал он это для того, чтобы я вдруг не принял гачага Наби за персонажа из легенды. Поднявшись по узкой тропе к этим скалам, Юрис показал мне пещеру, в которой отважный гачаг укрывался во время непогоды или прятался от вражьих глаз, и родник чуть ниже, водой которого поил своего коня.

«Таких убежищ, где можно было отлежаться, уйдя от погони, у Наби было немало: в Зангезурских горах, что стеной поднялись за селом Бист, в ущелье Алинджачая, близ границы с Персией, где Парагачай впадает в Араз, – рассказывал Юрис. –

Да и в каждом доме совестливого человека народный гачаг всегда мог рассчитывать на радушие и мягкую постель. Народ любил и как мог уберегал своего заступника; царские жандармы долго не могли выследить и схватить Наби: он почти всегда со своими молодцами без урона для себя уходил за высокие горы. И все же глубокой осенью 1867 г., когда первым снегом одеваться стали вершины гор, его сразила пуля».

Но, пожалуй, самым известным, неустрашимым и неуловимым для властей кавказским абреком был Зелимхан, долгие годы в конце XIXI– начале XX веков наводивший страх на жителей Ичкерии, Северной Осетии, Аварии, Грузии. Тбилисская киностудия даже художественный фильм о нем сняла. Его я, помнится, вместе с отцом смотрел в «Спартаке», в то время так назывался сегодня почти переставший функционировать кинотеатр «Араз».

Заслуженный журналист Азербайджана Фаик Закиев.
(В сокращении)

АБРЕК ВАРА

В чеченских устных преданиях можно встретить имя первого чеченского абрека – Вары. Его имя гремело в горной Чечне еще с начала 60-х годов XIX века, сразу же после окончания длительной войны Шамиля с царскими войсками. Этот абрек пользовался большой известностью среди горского населения, и оставил о себе память, как о бесстрашном и храбром воине.

Популярность абрека из Гехи в Чечне была столь широкой и его деятельность по объединению последователей Кунта-Хаджи для колонизаторов настолько опасной, что они стали искать

пути его немедленной ликвидации. Вара погиб в 1865 г. близ с. Новые Атаги, в результате перестрелки с взводом драгун.

Немаловажный факт гибель абрека напрямую связывали с предательством его соплеменника и кровника наиба (окружного пристава) Мударова. Он выследил абрека и сообщил колониальной власти. Солдаты окружили Вару, и тот вступил в свою последнюю битву. Будучи раненным, сам читал себе отходную молитву и долго сражался. Когда кон-чились боеприпасы, с молитвой на устах бросился с шашкой на солдат и порубил многих, пока не упал замертво.

Народ был настолько возмущен вероломным убийством Вары, что по дорогам Чечни были воздвигнуты шесты народного проклятья, в которые каждый прохожий бросал камень-проклятье в адрес предателя. Таков народный обычай и шест такой называется «карлага». Кстати, такой же «карлага» был водружен в местечке «Эртана корта» в адрес тех, кто донес на Кунта-Хаджи, с надписью-проклятьем: «Да застынет язык того, кто донес на хаджи.».

ХОЧБАР ГИДАТЛИНСКИЙ

Хочбар Гидатлинский – предводитель «вольных обществ» Дагестана – герой аварского фольклора, храбрый абрек и горец, боровшийся за свободу в конце XVII века.

Еще юношей Хачбар влюбляется в дочь нуцала Хунзахского ханства Саадат, выданную замуж по политическим мотивам за сына властителя Прикаспийских земель. Позже, когда Хочбар уже становится во главе сопротивления хунзахскому ханству, не сумев победить гидатлинца в открытом бою, хан решается на хитрость и приглашает не-

навистного Хочбара якобы в гости, чтобы захватить. Хан и его приближенные знали о высоких моральных качествах гидатлинца и рассчитывали на то, что он не сможет отказаться от приглашения. У Хочбара же выбора особого не было. Откажись он, то хунзахцы обвинили бы его в трусости и могли бы заявить, что они хотели предложить мир, а Хочбар испугался и отказался от протянутой руки. Мать просит Хочбара отказаться от поездки, напоминая, что хунзахские ханы двуличны, могут устроить западню. Хочбар и сам понимал это, но иного выбора для себя не видел. Когда нукеры набросились и скрутили его, Хочбар нашел чем ответить: сперва – словом, а затем он бросился в огонь, опередив врагов и прихватив с собой двух малолетних сыновей хана.

Аварский поэт Расул Гамзатов воспел образ Хочбара в поэме «Сказание о Хочбаре, уздене из аула Гидатль, о Кази-кумухском хане, о Хунзахском нуцале и его дочери Саадат». По мотивам этой поэмы в 1987 г. на киностудии «Ленфильм снят фильм «Сказание о храбром Хочбаре». (режиссёры: Асхаб Абакаров, Михаил Ордовский).

ДМИТРИЙ (ЯКОВ) АЛПАТОВ

Беглый казак Дмитрий (Яков) Алпатов из станицы Наурской был одним из предводителей горских абреческих отрядов. Он был усыновлен матерью-чеченкой и женат на чеченке. Это был отважный казак-абрек, возглавлявший большие партии чеченцев в набегах на «линию», за Терек.

Его абреческая карьера началась в 1842 году, когда за мелкое преступление по приговору станичников его публично высекли. Обидевшись на это, он сбежал за Терек к чеченцам, как поступали те, кто был

недоволен порядками в войске и станицах. Этот конфликт вскоре был улажен и обида прошла в результате чего он вернулся к мирной жизни, но судьба распорядилась иначе...

В 1845-ом г. Дмитрий гулял на свадьбе станичника. В разгар веселья на свадьбу прибыл станичный начальник, который со свитой из выборных вошел в дом поздравить молодых. Гости и сидели по местному обычаю за столом в папахах. Все встали и сняли шапки, один Алпатов остался сидеть и головы не обнажил. Начальник подошел к к нему и с бранью влепил ему пощечину. В ответ Яков выхватил из-за пояса пистолет и навел его на начальника. Тот отпрянул, а Яшка, усмехнувшись, сказал: «Не тебя, детей твоих жалко! Живи покуда!» – и, пользуясь всеобщим оцепенением, выскочил из хаты. В ту же ночь он ушел в горы. С тех пор и началась боевая слава казака и имя его сделалось грозным по всему Тереку.Сколько за ним ни охотились, он оставался неуловим. Более того, иногда, переодевшись в форму казачьего офицера, нередко ездил в родную станицу к жене. В одно из этих посещений он и был схвачен в станице Наурской и казнен 31 декабря 1854 г. на кургане, позже названном Алпатовским, как и село Алпатово, в его честь.

ТОМАЙТЫ МАХАМАТ

Томайты Махамат – народный герой, прапорщик русской армии, руководитель крестьянского восстания 1850 г. в Рукском и Урствальском ущельях (Южная Осетия). Ему посвящено несколько песен и преданий, в которых воспеваются его смелость и отвага в борьбе с угнетателями.

По устным преданиям, Махамат Томаев охотился на чиновников, издевавшихся над местным населением. Махамат был признан и «главным виновником происшедших в 1850 году в Осетии бунта и беспорядков».

В мае 1850 г. в Джавское ущелье для борьбы с повстанцами были направлены войска. Несмотря на упорное сопротивление, повстанцы были усмирены, а М. Томайты комиссией военного суда был приговорен к ссылке и каторжным работам. Приговор гласил: «За сделанное против правительства возмущение, по последующей конфирмации, сослан в Сибирь, в город Томск, на вечное поселение». Наместник царя на Кавказе граф Воронцов, позднее заменил ему каторгу ссылкой на поселение в Томскую губернию.

Отец Косты Хетагурова – офицер русской армии Леван – от имени жителей Нарского общества Осетинского округа Терской области в 1868 г. подал на имя Наместника прошение с просьбой о помиловании Махамата. Однако, попытки чиновников отыскать в Сибири следы Махамата для пересмотра дела не увенчались успехом, о чем и было сообщено Губернатором Томской области начальнику Терской области и заявителю в письме от 15 июня 1870 г.

АБРЕК ИСКИ ГРОЗНЕНСКИЙ

В первой половине 90-х годов XIX столетия в Грозненском округе действовал знаменитый абрек Иски. «Выразитель абреческого гения» Иски был безрассуднейшим из всех разбойников. Своей жестокостью он наводил ужас не только на русское население, но и на горское. В 1886 г. в Грозненской крепости во время прогулки арестантов произошел бунт. В ходе бунта Иски ударил часового медным чайником по голове, выхватил у него ружье и убил часового и караульного офицера. Арестанты бросились бежать, перепрыгивая через крепостную стену в ров и дальше к берегу реки Сунжа. Несколько арестантов было ранено и убито, но некоторые успели убежать в лес, в том числе Иски.

С того времени он стал самым бесстрашным в крае абреком. Абрек был известен своей «летучестью», появляясь в течении одной недели иногда в нескольких местах, разделенных порой десятками верст. Его жертвами становились люди разного достатка, вероисповедания и общественного положения. Наиболее известные из его жертв – личный адъютант генерала Скобелева поручик Панфилов, убитый на окраине Грозного и купец-миллионер из Шатоя Барыхин, убитый на горной дороге.

После объединения Грозненского, Веденского и Аргунского округов в один Грозненский округ, начальником округа был назначен полковник К.С.Чекунов, который собирает сводный отряд и устраивает при всемерной поддержке горцев настоящую облаву на убийцу. Полковник объявляет, что за каждого убитого абреком он лично будет убивать одного ближайшего родственника Иски. Однако, все решилось гораздо проще и банальнее – в августе 1895 года Иски был случайно обнаружен кровником и убит.

БЕГА КОЧИЕВ

Бега Кочиев – народный герой Осетии, предводитель восстания осетин Чесельтского ущелья в 1830 году. Имя этого героя в Осетии стало символом героизма и стойкости. События, связанные с историей с Бегой Кочиевым относятся к эпохе утверждения России в Грузии. В этот период обе части Осетии оказались под российским управлением, а Южная и Центральная Осетия территориально были включены в Тифлисскую губернию. В то время, как жители Чесельтского ущелья признали себя покорёнными, Бега и его сподвижники продолжили сопротивление, укрывшись в родовой башне в селе Кола.

В мае 1830 г. граф Паскевич распорядился о отправке в Южную Осетию карательной экспедиции. Войска под командованием генерала П.Я. Ренненкампфа были стянуты к башне повстанцев, которую было решено взять приступом, однако все атаки были отбиты. Ночью Ренненкампф приказал поджечь крепость. Огонь начал быстро распространяться. Когда крыша рухнула, Бега и ещё 9 человек спустились на веревках с кинжалами, надеясь пробить себе путь. Беге удалось пробиться сквозь осаду, но был пойман. Остальные повстанцы были подняты на штыки.

Эта героическая борьба чесельтцев-крестьян за свободу произвела сильное впечатление и на самих царских генералов. «Горцы оказали примерное ожесточение», – писал Паскевич управляющему главным штабом Чернышову. По словам историка – монархиста В.Потто: «30 человек со спартанской твёрдостью защищались около суток против полуторатысячного русского отряда»

ГАЧАГ КЕРЕМ

Гачаг Керем (1860-1909) – азербайджанский гачаг (абрек), народный герой Азербайджана, участник крестьянского движения против царского правительства и местных помещиков.

Гачаг Керем, слава и известность которого была распространена по всей России, был предводителем крестьянского движения в Газахском уезде Азербайджана. Его отец Искендер также был гачагом. В 1884 году он был убит помещиком Исрафилом – ага. Керем,отомстив за отца, как и отец, волею судьбы стал гачагом.

Гачаг Керем со своим отрядом действовал в Азербайджане, Грузии, на Северном Кавказе и в Турции, помогал бед-

ным крестьянам и боролся против царских чиновников и помещиков. Для борьбы с ним и его отрядом царские власти были вынуждены перебросить с Сев. Кавказа военный отряд, но попытки разгромить повстанцев оказались безуспешными. Тем не менее, в 1890 году гачаг Керем со своим отрядом переправился в Южный Азербайджан (в Персии).

Керем умер в 1909 году в Тегеране. После смерти гачаг Керем стал популярным героем народных песен и легенд. Ему посвящены три дастана. Грузинский писатель В.Мчедмешвили написал пьесу «Гачаг Керем», которая была переведена на азербайджанский язык в 1925 году и поставлена в театре «Тенгид ве Теблиг» («Критика и пропаганда»). Известен также и роман азербайджанского прозаика Фермана Эйвазлы «Гачаг Керем», который является ярким примером синтеза фольклора и истории в ашугской литературе. Автор романа не только мастерски осваивает фольклорный материал,но и художественно перерабатывает исторические факты, документы.

ОСМАН МУТУЕВ ТЕРСКИЙ

Абрек Осман Терский происходил из почетного чеченского рода, учился в Грозненской городской школе и готовился стать переводчиком в государственных учреждениях. После окончания учебы Осман собирался стать переводчиком в госучреждениях. Смерть отца изменила его планы: окончить учебу ему не удалось, а пришлось ехать в родной аул, где осталась одинокая мать, и заняться хозяйством. Вскоре умерла и его мать.

Однажды в ауле произошел разбой. Власть не нашла виновных, и, несмотря на протесты и требования Османа провести дознание, по ложному обвинению его в общем списке «пороч-

ных членов общества», выслала в Сибирь. Дважды он бежал из ссылки, и дважды его под конвоем отправляли обратно. Попав в третий раз в Сибирь, разоренный и опозоренный, Осман дал себе клятву – отомстить. Он вернулся после очередного побега в родной аул с одной целью – расправиться с обидчиками.

Он довольно долго оставался неуловимым. Дважды начальник области отдавал приказ о поимке абрека, и дважды Осман сам, в полном вооружении, являлся в его кабинет. Мутуева тут же арестовывали, но он вновь бежал из тюрьмы. Даже царские чиновники отзывались о нем с почтением: «Это был умный и, если можно так сказать, благородный разбойник. Став сам жертвой несправедливости общества, он чутко относился ко всякой беде». Водил дружбу Осман и с такими знаменитыми абреками, как Зелимхан Харачоевский и Зелимхан Гельдыгенский, имея, кроме того, еще 5-6 приближенных. В 1905 г. Осман Мутуев был убит кровниками.

ГАЧАГ НАБИ

Гачаг Наби (1854- 1896) родился в бедной курдской семье в азербайджанском с. Ашагы Моллу. Однажды один из беков избил отца Наби, после чего тот выступил против Бека. В итоге Наби был арестован и приговорен к каторге, откуда ему удалось бежать и вернуться в родные края. Собрав вокруг себя единомышленников, Наби 20 лет боролся с несправедливостью и засильем властьимущих и чиновников. Гачаг действовал в Зангезурском уезде Елисаветпольской губернии, помогал бедным крестьянам, которые в свою очередь оказывали ему всяческую помощь и содействие. Где бы не находился отряд Наби, крестьяне не только предоставляли для него лошадей, продук-

ты, но и принимали непосредственное участие в борьбе гачагов, помогая им уничтожать врагов. Все эти годы рядом с ним находилась и его боевая подруга Хаджар, которая в умении владеть оружием ничем не уступала мужу.

Не сумев одолеть Наби в открытом бою, враг прибег к испытанному оружию – к коварству. В 1895 г. уездный урядник Нахичевани поручил купцу Паше Гадиж Фараджу убить гачага. Фарадж смог подкупить и привлечь к заговору двух сторонников Наби (Шагу-сейна и Кербалан Имака), которые и убили его 12 марта 1896 года.

Гачаг Наби и по сей день широко известен и популярен в Южном Кавказе среди курдов и азербайджанцев. Видный азербайджанский писатель Сулейман Рагимов написал роман «Кавказский орел», а Джалал Баркушад – роман «Верхом на Бозанте». О Наби сложено также много песен, снят художественный фильм. И по сей день в народной памяти он остается признанным символом борьбы за справедливость.

ОЗОВ МУРАТ (УЭЗ МУРАТ)

Лихой абрек и покровитель кабардинских бедняков Озов Мурат (Уэз Мурат) родился в 1858 году в семье крестьянина Уэзы Дзу в с. Къалэдэс (ныне село Незлобное) близ Георгиевска. Мотивом его ухода в абреки стала все та же социальная несправедливость, допущенная по отношению к нему чиновниками и местной властью. Абрек был осторожен и потому долгое время оставался неуловимым. Рассказывают, что он даже спал воткнув кинжал в землю и опершись лбом об его рукоятку.

Тем не менее, был схвачен властями и заточен в тюрьму, откуда он дерзко бежал – выломал решетку и спустился из окна тюрьмы по связанным полотенцам сокамерников. За голову аб-

река была назначена награда в золотых червонцах. Награда со временем сработала – двое жителя с. Заюково выдали его местонахождение. Мурат был арестован вторично и сослан в Сибирь. на каторжные работы, откуда также сбежал и, пройдя пешком всю Россию, вернулся в Кабарду.

Рассказывают, что один из виновников его поимки по имени Елэн, опасаясь мести абрека, бежал в Турцию. Узнав о бегстве обидчика, Мурат взял в заложники семью правителя Кабарды, обменял его на документы и тайно выехал в Турцию на розыски доносчика. Только вмешательство и посредничество живших в Турции стариков – кабардинцев спасло предателя от мести. По преданиям еще в 50-е годы прошлого века приехавший из Сирии в Малку старейшина Махотлов рассказыал, что Уэзы Мурат похоронен в Сирии. Старейшина указывал и на конкретное место захоронения Мурата, однако, слушатели место не запомнили.

КИРИ БУБА ИКРИНСКИЙ

Кири Буба родился в семье бедняка в с. Икра Кюринского округа Дагестанской области в конце 70-х гг. XIX в. В юности он полюбил девушку по имени Шага. Однажды Кири Буба узнает, что к его любимой сватается другой. Он встречается с соперником и просит его отказаться от этой затеи. Тот остается неумолим, и они начинают выяснять отношения с помощью кинжалов, соперник гибнет.

Кири Бубу ссылают в Сибирь. Вскоре Буба возвращается домой, однако по наговору аульского начальства и начальника Кюринского округа его снова ссылают в Сибирь, откуда, расправившись охранниками, он убегает и уходит в абреки.

После пережитого Кири Буба объявляет открытую войну царской администрации, облагает данью богатеев-притеснителей народа в Дербенте, Баку, рыбопромышленников Каспийского побережья. С оружием в руках он наводит ужас на местную знать, а собранные деньги, как правило, раздает беднякам. За его голову назначают десять тысяч рублей золотом и против его отрядов бросают значительные военные силы.

Погиб Кири Буба также из-за огромной любви к все той же возлюбленной – Шаге, которую все таки выдали замуж за другого. Кири Буба хотел этот вопрос решить дружелюбно: он неоднократно предлагает мужу Шаги развестись с ней, однако муж не соглашается. В ходе последней встречи между ними происходит ссора и муж в состоянии нервного аффекта убивает абрека выстрелом в спину.

АБДУЛ-КЕРИМ ЕЛИСАВЕТПОЛЬСКИЙ

В конце 80-х нач. 90-х годов XIX века в Закавказье был широко известен «разбойник» Абдул-Керим. На его поимку направлялись целые войсковые соединения, но он оставался неуловим. Абрек был любим и почитаем всеми. В любом ауле, в любой семье его ждал и кров и стол. Эта поистине всенародная известность очень часто помогала ему в нелегкой, а подчас и просто очень опасной жизни «разбойника».

Знаменитый абрек занимался и откровенной робингудовщиной: грабил местных богатеев и тут же раздавал награбленное малоимущим горцам.Что характерно, ни один из ограбленных никогда не приходил за своим добром к его новым владельцам после отъезда Абдул-Керима из селения.

Но, пожалуй, наибольший резонанс на Кавказе получали шутки абрека. Так, он предпочитал совершать налеты именно в тех населенных пунктах, где останавливался на отдых преследовавший его отряд, еще чаще он обедал, а то и ночевал в тех селениях, где служили самые свирепые из его врагов-приставов. Он отправлял царским чиновникам письма, в которых высмеивал их попытки изловить его и требовал увеличить награду за его голову и сказать ему, где эта награда лежит; а однажды, после очередного ночлега в вотчине «любящего» его и ничего не подозревающего пристава, абрек выехал из селения на любимом коне пристава, любезно раскланиваясь со встречными горцами.

В 1906 году Абдул-Керим ушел в Персию, где возглавил один из курдских отрядов, боровшихся за образование свободного Курдистана.Его сыновья воевали вместе с ним. В 1909 году знаменитый абрек заболел холерой и умер на руках у сыновей.

АБРЕК ЗАУР

Заур Амбалов, выходец из осетинского селения Какадур Даргавского ущелья, стал абреком по очень простой банальной причине. Молодой человек был призван в армию и определен проходить военную службу в Пятигорске в одном из полков Терского казачьего войска. Не выдержав издевательств и оскорбления со стороны офицера, он смертельно ранил его и скрылся. На захват мятежного солдата были брошены войска. За его голову обещали крупное вознаграждение. Но Абрек-Заур был неуловим. Люди сочувствовали ему и своевременно предупреждали об опасности.

Дерзкие похождения даргавского абрека были направлены больше на то, чтобы досадить местной администрации, тщетно

пытающейся изловить его или уничтожить. Отчаянные налеты бесстрашного абрека приводили всех в восторг и восхищение. Он не трогал простых людей. Напротив, при случае приходил им на помощь, и за это они ему отвечали дружеским расположением.

Вскоре по России и Осетии пронеслась революционная буря, свергли царя, пришла новая власть. Но в судьбе абрека не наступило облегчения. В числе других уголовников розыск абрека продолжался. Советская власть оказалась куда более грозной и успешной, чем ее либеральная предшественница. Усвоив это, Абрек-Заур решил не испытывать судьбу и в 1919 году эмигрировал в Турцию. Государственную границу он пересек также легко и безупречно, как умел он это делать всегда. Тем не менее, в 20-е годы именно при Советской власти о похождениях абрека был снят Фильм «Абрек Заур», принесший ему славу национального героя, исчитается одним из первых советских боевиков.

АБРЕК ХАДО

Во второй половине XIX века в Закавказье (в Южной Осетии) дерзко орудовал опытный налетчик Хадо Ханикашвили. Он происходил из трудовой, но малообеспеченной осетинской семьи Ханикаевых, которые на манер грузинских фамилий приписали себе «швили», но от этого грузинами не стали. Хадо начал с ограбления купцов, не боялся и чиновников, ссаживал с коней, которым тут же находил покупателя, обчищал казначейства. Район его действий был очень обширный – от Гори и Южной Осетии до Военно-грузинской дороги. Власти сбились с ног в поисках абрека. Последний раз вместе со своими подельниками он совершил большое разбойное нападение на почту 28 июля 1889 года близ станции Азнаур на Военно-грузинской дороге. Попытки полиции выявить ме-

стопребывание Хадо ничего не дали. Тифлисский губернатор князь К.Д. Шервашидзе для захвата неуловимого абрека снарядил целый отряд всадников из стражи тифлисского и душетского уездов и направил его в Горийский уезд. Во главе отряда был поставлен тифлисский уездный начальник князь Джандиери, а в помощники назначены душетский полицейский пристав князь М. Туманов и переводчик горийского уездного управления Н. Пурцеладзе. Несмотря на снег и холод, отряду пришлось прочесать леса и горы Южной Осетии, совершая иногда объезды по 100 верст в сутки и более.

16-го октября Хадо Ханикашвили был обнаружен и схвачен. Тифлисский суд приговорил его к длительному тюремному заключению, где испытал каторжный труд и кандалы.

ГАТЫР МАМЕД

Народный герой Азербайджана, предводитель крестьянского движения в Гянджинской губернии Азербайджана в 1918-1919 гг. Гатыр Мамед или Мамед-Али-оглы Мамедов (1887-1919) родился в с. Геранбой-Ахмедли Елизаветпольской губернии.

В 1903 году Мамедов поступил в ремесленное училище в Гяндже, но в 1905 году был отчислен за революционную деятельность. Вскоре Мамед сформировал вооружённый отряд, который развернул вооруженную борьбу с притеснителями народа.

В 1914 г. Гатыр Мамед осуждён и выслан в Иркутск на 10 лет. Вернувшись из ссылки, он вновь формирует партизанский отряд и разворачивает вооруженную борьбу против беков и помещиков. Агитация Гатыр Мамеда имеет крупный успех не только среди населения, но и среди служащих. Доходит до того, что губерна-

тор Гянджи даже вынужден признать, что правительство Азербайджана бессильно и не в состоянии бороться с ним.

Отряд Гатыр Мамеда окружил Гянджу и предъявил губернатору ультиматум с требованием немедленно убраться из города, что тот и сделал. Против отряда Гатыр Мамеда были брошены правительственные войска численностью 500 человека во главе с Ф. Хойским, но в сражении у Геранбой-Ахмедли и они были разбиты.

В 1919 году, намереваясь соединить свои части с Красной Армией, Гатыр Мамед предпринял попытку прорваться в Дагестан. Однако 18 сентября 1919 года, при попытке переправиться через реку Куру, отряд Гатыр Мамеда был неожиданно атакован у селения Гарагузах крупными войсковыми силами мусаватистов и разбит. Гатыр Мамед был убит ещё к началу боя из засады.

ЖАНГУРАЗОВ АХИЯ-ХАДЖИ

Ахия-Хаджи родился в 1870 году в ауле Нижний Куннюм (Верхняя Балкария) и был пятым ребенком в семье. В молодые годы он закончил медресе в Дербенте (Дагестан), получил высшее духовное образование в Турции и Ираке. Четырежды совершил хадж в Мекку и Медину.

Волею судьбы случилось так, что Ахия стал одним из инициаторов антифеодальных, а впоследствии и антисоветских выступлений. Ещё в царское время он начал заниматься исламским судопроизводством, всегда говорил то, что считал правильным, входил в конфликт с местной администрацией, за что уже тогда был преследуем ими. Пользовался большим уважением и авторитетом в народных массах.

С 1926 по 1929 годы находился в ссылке по обвинению в антисоветской деятельности, а с 1929 года был вынужден уйти

в абреки и скрываться в горах. В 1934 году убит опергруппой ОГПУ во время молитвы около местности Догуат. Труп был подвергнут большевиками бичеванию, затем избит камнями и сброшен в подземный склеп без права захоронения. Так и закончилась история одного из самых известных и храбрых абреков Балкарии

В 1957 году, после возвращения из депортации, племянница Ахии-Хаджи Жансурат по обряду предала земле останки дяди, отца, зятя и дальнего родственника. Она разыскала тех людей, которые тогда вынесли трупы из села и убрали в склеп. Те точно всё описали и показали, где, кто и когда был помещён. В 2006 году над могилой Ахии-Хаджи установили надгробную плиту.

АЛЛАХВЕРДИ АКИМОВ

А. Акимов родился в 1887 году в табасаранском ауле Чере. Конец XIX – начало XX вв. – время совсем непростое. В стране нарастала тайная и явная борьба. На Северном Кавказе народные мстители объединялись в группы и защищали обездоленных от произвола и коррупции властей и местных богатеев. В отряде народных мстителей оказался и Аллахверди, который позже возглавил и свою боевую дружину, в которой насчитывалось 120 человек. Об этом отряде в народе ходила молва, рассказывающая о его смелых «рейдах» против властей, защите интересов обездоленных и щедрости к нуждающимся.

Активная деятельность народного мстителя во время всеобщего подъема движения за социальное и национальное освобождение не могла не привести и привела Акимова в лагерь поднявшихся на революционную борьбу – он стал признанным

руководителем борьбы с ненавистным режимом. Оганизаторские способности Аллахверди наглядно проявились в период оккупации Дагестана деникинской армией.

В ходе деникинской оккупации Южного Дагестана А. Акимов возглавил борьбу против интервентов. Бои продолжались с сентября 1919 г. по март 1920 г. и закончились победой осаждавших. В последних числах марта 1920 г., после освобождения Дербента, в Касумкенте создали Временный революционный комитет во главе с Аллахверди Акимовым. Тем не менее, народный заступник и бывший абрек Акимов на основании ложных обвинений был арестован и расстрелян в 1927 г.

СУЛУМБЕК ГОРОВОЖЕВ

Сулумбек Горовожев (Сагопшинский) родился в 1878 году в крестьянской семье Горожа Гандалоева. Однажды случилось так, что Сулумбек не выдержав засилья пристава, издевавшегося над народом, от души отхлестал его нагайкой. За эти действия он был арестован и осужден. Выйдя на свободу через 3 года, он отомстил приставу и ушел в абреки. Путь к мирной жизни ему был отрезан уже навсегда.

Зелимхан Харачоевский и Сулумбек Горовожев впервые встретились в камере Грозненской тюрьмы в 1901 года, откуда вместе и совершили побег. Два знаменитых абрека подружились, и стали мстить царским палачам за обездоленный народ. Более 18 лет жил Сулумбек абреческой жизнью, играя в прятки со смертью.

В 1911 году в отместку за убитого Сулумбеком полковника Гулаева царские войска окружили Сагопши, и полковник Вер-

бицкий предъявил ультиматум: если они не выдадут Сулумбека, то село будет уничтожено. Старики пришли к жене Сулумбека Залимат и передали ей об угрозе царского полковника.

В ответ Сулумбек послал полковнику ответ, что утром он будет у ворот Владикавказской тюрьмы, если его приговорят не к унизительному повешанию, а расстрелу. И делает это он ради того, чтобы спасти свое село от унижения. Утром, получив по-ло-жительнай ответ, абрек сдался властям.

Однако власти обманули абрека – его присудили именно к повешению. Сулумбек был повешен во дворе владикавказской тюрьмы. Не сдержали слово царские палачи.

ХАСАН ИСРАИЛОВ

Хасан Исраилов (1910-1944) – организатор антисоветского движения в Чечне в 1940-1944 гг. Получил исламское и светское образование. Член ВКП(б) с 1929 года работал корреспондентом «Крестьянской газеты», писал также стихи и пьесы. В 1931 г. за «контрреволюционную клевету» арестован и приговорен к 10 годам заключения, однако уже через три года по ходатайству газеты освобожден и восстановлен в партии.

Учился в Москве в Коммунистическом университете трудящихся Востока им. И. В. Сталина. Один из авторов письма советскому руководству с предложением снять со своих постов руководителей Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) и НКВД, поскольку продолжение их политики неминуемо приведёт к восстанию. В результате Исраилов вновь арестован, но в январе 1939 года, когда по обвинению во вредительстве арестованы и обвиняемые Исраиловым, добивается освобождения.

После возвращения в Чечню, в январе 1940 года его вызывают к новому секретарю обкома и предлагают подать заявление

о восстановлении в партии. Вместо этого он присылает в обком заявление – о выходе из партии и начале вооруженной борьбы с Советской властью.

После начала Великой Отечественной войны Исраилов переходит на нелегальное положение и учреждает «Особую партию кавказских братьев» (ОПКБ), ставящей целью создание на Кавказе свободной Федеративной республики братских народов Кавказа. 24 декабря 1944 года Исраилов смертельно ранен в результате спецоперации НКВД.

АХМЕД ХУЧБАРОВ

Ахмед Хучбаров не родился абреком. Он, как и его сподвижники, вынужден был стать им по вине бесчеловечного сталинского режима. Будущий абрек родился в 1894 г. в с Гули Галашкинского района Ингушетии в крестьянской семье. В 1929 году, как и тысячи крестьян страны Советов, он оказался в эпицентре тотального раскулачивания: экспроприирована – часть его имущества, а лошадь отобрана в пользу районного ГПУ.

Кроме того, его жену по настоянию ее двоюродного брата без согласия самого Ахмеда определили в совпартшколу. Ахмед повздорил с родственником жены, и, применив оружие, ранил его. Скрываясь от ареста, он был вынужден уйти в абреки. Спустя некоторое время на эти обстоятельства наложилась и депортация чеченцев и ингушей, после чего абрек поклялся до последнего дыхания бороться со сталинским режимом, обрекшим его народ на уничтожение.

Эффективная деятельность, а по существу личная война, Ахмеда Хучбарова против советской власти продолжалась 25 лет, и причинила ей «не только значительный политический и экономический, но и ни с чем не сравнимый морально-нравственный ущерб».

В январе 1955 года Ахмед Хучбаров согласился на встречу с органами власти, и тем самым дал вовлечь себя в коварную игру по собственной нейтрализации. В своем последнем слове на суде он заявил, что был народным мстителем, хотел счастья своему народу и потому ни в чем не раскаивается. Суд приговорил А. Хучбарова к высшей мере наказания – расстрелу.

ХАМАД ГАЗИЕВ

Газиев Хамид (Хамад) – народный мститель и абрек, который действовал под кличкой «Мулла». В 1938 г. в селе Элистанжи он по неосторожности, выстрелом из пистолета, убил на вечеринке друга, утрату которого тяжело переживал, хотя родственники убитого простили его. Хамид уединился и жил в лесу целых шесть лет вплоть до депортации чеченцев, а чуть позже самостоятельно переселился в Среднюю Азию.

По прибытии на место Газиев собрал группу единомыш-ленников и начал действовать против произвола чиновников. С 1944 по 1956 гг. совершал акции против советской власти в среднеазиатских городах: Ташкенте, Чимкенте, Джамбуле, Фрунзе, Алма-Ате. Хамад считал своим долгом вредить власти за необоснованно изгнанный с родной земли народ и потому захватывал только госучреждения и никогда не разрешал трогать простого человека и его имущество и жестко наказывал члена своей группы за проявленную грубость к таковым.

Когда стало известно о решении правительства СССР о восстановлении Чеченской автономии, «Мулла» объявил о прекращении вредительства и зажил обычной и законопослушной жизнью. Об этом, к примеру, доложил своему руководству контрразведчик, некий Александр, посланный в Чемульгу в роли ветврача, чтобы следить за «Муллой». Тем не менее, в 1968 году в Чемульгу прибыла команда из Москвы взять Газиева живым и неврилимым, но властям исполнить приказ сверху не удалось. Хамад был убит в ходе спецоперации по его задержанию.

ХАСУХА МАГАМАДОВ

Хасуха Магомадов – последний абрек в СССР и участник антисоветского восстания на Северном Кавказе в 1940-1944 гг. родился в с. Гатен-Кале (ныне Асланбек-Шерипово Шатойского района ЧР) в середине мая 1905 года, в семье простого горца.

В юности он учился в медресе, где выучил арабский язык. В восемнадцатилетнем возрасте он остался без отца. Однако 1939-ый год оказался переломным в его судьбе. До этого времени Хасуха Магомадаов, дожив до 34-летнего возраста, вёл ничем не примечательную жизнь сельского жителя. Летом 1939 года он в случайной драке совершил убийство односельчанина, после чего и ушёл в абреки.

Хасуха присоединился к отряду Хасана Исраилова, принимал участие в антисоветском восстании на Северном Кавказе. После депортации чеченцев в Среднюю Азию и гибели Исраилова, Хасуха оставался в горах и продолжал совершать нападе-

ния на представителей Советской власти. Вплоть до своей гибели в 1976 году Хасуха находился на нелегальном положении, проведя, таким образом, в абреках большую часть своей жизни – свыше 35 лет.

В марте 1976-го года от жителя с. Беной поступила информация о том, что Магомадов находится в ущелье неподалёку от села. В операции по поимке Магомадова, которому шёл 71-й год, принимали участие сотрудники КГБ, МВД и в/ч 3394. В результате операции Хасуха Магомадов был убит выстрелом в голову. Место захоронения абрека по сей день неизвестно.

АБРЕК ЗЕЛИМХАН

Вся мусульманская камера знала, что убежит Зелимхан. Вся камера знала. Вся помогала ему. Пением…

В стене грозненской тюрьмы до сих пор виден след Зелимхановского пролома. Бежал он вечером, во время проверки. В проверку вся тюремная администрация сопровождает начальника. Прокричали первую камеру. Ушли кричать в другую. И Зелимхан, забравшись под нару, вытолкал последние камни. Следом за ним выползли во двор Мусса Саратиев, Бейсултан Шамаюртовский и Дики Шалинский. Между стеной и корпусом – уборная; деревянная будочка с дверью. Дверь сорвали, приладили к стене. И кинулись на растерявшегося наружного часового. Один, другой. Все!..

Бегством четверых было положено начало абреческой шайке Зелимхана. Шайка мыслится как вооруженная организация группы лиц. Зелимхановская шайка только год подходила под такое определение. Бежавшие четверо, вынужденные скрываться от глаз начальства, должны были держаться друг около дру-

га, чтобы объединенными усилиями утверждать свое право на жизнь. Нелегко давалось это утверждение. В нем выдерживал тот, у кого были крепче нервы.

Дики Шалинский не выдержал первый. Побегом из Грозненской тюрьмы он спасал себя от долгосрочной каторги. Абреческая жизнь, вечная абреческая настороженность утомили его. Он приехал в Шали. Отдохнуть приехал. И, преданный, попал в ту же ветхую грозненскую тюрьму. Из тюрьмы в каторгу. На этот раз – двадцатилетнюю. Мусса Саратиев и Бейсултан Шамаюртовский тоже отошли скоро, оказавшись слишком легкомысленными и доверчивыми. Они были убиты кровниками. Упорный Зелимхан остался один.

Он бежал из тюрьмы с твердым решением уничтожить начальство. До тюрьмы и в тюрьме он понял, что эта борьба нелегка. Клявшийся над кораном Сугаид убедил его в свое время, что даже из среды народа, угнетаемого и оскорбляемого на каждом шагу, могут вырастать предатели. Поэтому он был осторожен даже в отношениях с чеченцами. В тюрьму Зелимхан пришел грубым и непосредственным горцем, продолжающим наивно думать, что горская правда, горская справедливость должны руководить действиями начальства в его соприкосновениях с горцами. Из тюрьмы вышел совсем другим. Тюрьма научила его общественности, основанной на личных достоинствах члена данной среды.

В тюрьме же он прошел школу политическую. Архитектура тюрьмы не давала возможности администрации строго изолировать одну часть населения от другой. Политических «пленял народ суровых племен, возросших для войны». И в тюрьме все свое внимание они дарили горцам, пытаясь проникнуть хотя бы здесь в тайники их быта и психологии. Проникая, они открывали горцам глаза на причины. На следствия не надо было. Следствием, большим следствием, была сама тюрьма.

И после тюрьмы начальство было предметом исключительной ненависти Зелимхана. Безмерной ненависти. И все связан-

ное с ним. Все его действия, все начинания, в общем и целом сводившиеся к обезличению Чечни. Старое вхождение в число последователей Кунта-хаджи, в бедняцкий зикризм, и последующие встречи тюремные утвердили Зелимхана в одинаковости доли всех трудящихся, всех бедных, независимо от племенного происхождения.

Из романа Д. Гатуева «Зелимхан»

ЗУРУМХАН ШОГЕНОВА

По горским адатам женщина не могла быть ни объектом, ни исполнителем кровной мести, следовательно и абреком. Соответственно абречество было чисто мужским делом и тяжким испытанием, бывшим не под силу даже не каждому мужчине. Тем не менее, в истории Северного Кавказа известно несколько случаев ухода горянок в абреки. Одна из представительниц абреческого движения из числа горянок и кабардинка Зурумхан Шогенова. Ее биография малоисследована, а опубликовано о ней сведений и того меньше, однако известно, что ее абреческая эпопея относится к концу IXI – нач. XX века.

Зурумхан родилась в кабардинском селении Каншуей (ныне Нижний Курп) в семье крестьянина Хажали Шогенова. Когда Хажали умер, её мать Гуашагафа с четырьмя детьми переехала к своему брату Батырбеку Налоеву в селение Хатуей.

Причины ухода Зурумхан в абречество неизвестны, однако известно, что с юных лет она одевалась как мужчина, носила оружие, ездила верхом. По видимому, «мужское поведение» и стало определяющим поводом ее абречества. Рассказывают, к

началу гражданской войны ей было около 40 лет, и к этому времени она стала подумывать о семейной жизни. Известно, что Зурумхан со временем вышла замуж за чеченца, а в 1944 году, в ходе депортации чеченцев, не бросила мужа и уехала в добровольную ссылку в Среднюю Азию. После смерти супруга она вернулась на свою историческую родину в Кабардино-Балкарию и служила ночным сторожем на Аргуданской МТС.

ЛАЙСАТ БАЙСАРОВА

Лайсат Байсарова родилась в 1920 году. Она росла образцово-показательным советским человеком – партработник, активистка, ворошиловский стрелок, альпинистка. Со своим мужем чеченцем Ахметханом (тоже партработником) она познакомилась в 1939 году в ходе восхождения на вершину Эльбруса (Лайсат стала первой женщиной покорившей эту вершину). А через год на Всесоюзных соревнованиях в Москве по сдаче норм ГТО, где она заняла третье, а Ахметхан пятое место по стрельбе из снайперской винтовки, они поженились.

В 1944 году, когда началась подготовка к депортации чеченцев и ингушей, ей поручили агитировать население района – выдали пропуск для беспрепятственного передвижения по району и отправили в горные районы. Она надеялась, что ее семью, как семью человека, преданного делу партии, не тронут, но вернувшись после агитационного задания, она нашла свой дом пустым: ее годовалого сына Шамиля и бабушку отправили в ссылку. Дальнейшая их судьба неизвестна.

Тогда Лайсат и Ахметхан ушли в горы в абреки, чтобы мстить Советской власти за несправедивые и неоправданно жестокие репрессивные меры в отношение ни в чем не повинных народов. Среди работников НКВД в Чечне она носила кличку «пантера». Благодаря профессиональной альпинистской подготовке она и Ахметхан много раз уходили из практически полного окружения, но в августе 1944 г. Ахметхан погиб. Лайсат ушла в Грузию, там и вышла замуж. Опасаясь преследования, долго жила в Грузии под фамилией мужа. Родила дочерей. Только в глубокой старости Лайсат вернулась в Чечню, чтобы, как она говорила, «умереть в родном и милом Итум-Кале».

ЧАСТЬ 2: АБРЕК ЗЕЛИМХАН ХАРАЧОЕВСКИЙ

ГЛАВА 1. АБРЕК ЗЕЛИМХАН

КРАТКОЕ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

Январь 1872 г. – в с. Харачой Веденского округа родился чеченский абрек Зелимхан Гушмазукаев, который вел борьбу против царского самодержавия 13 лет (1901-1913 гг.).

4 мая 1901 г. – в Грозном прошел неправомерный суд над жителями с. Харачой – Зелимханом Гушмазукаевым и его отцом Гушмазуко Бехоевым. Суд приговорил их на 3,5 года в исправительные арестантские отделения. Зелимхана сослали в Илецкую защиту.

Лето 1901 г. – Зелимхана вернули с ссылки на пересмотр дела, после которого вновь заключили в Грозненскую тюрьму.

Лето 1901 г. – побег Зелимхана с тремя товарищами из Грозненской тюрьмы.

1901 г. – выход жителя с. Харачой Веденского округа Терской области Зелимхана. Гушмазукаева на арену абреческого движения.

Ноябрь 1902 г. – столкновение между чеченцами и казаками на базаре селения Шаами-Юрт из-за попытки казаков отобрать у чеченцев оружие.

15 сентября 1903 г. – предписание начальника Терской обл. начальникам участков произвести в аулах внезапные обыски и конфискацию оружия.

Конец 1904 г. – крестьянские волнения в 60 аулах Веденского округа.

Май-сентябрь 1905 г. – размещение войск в чеченских и ингушских аулах с целью экзекуции населения.

17 октября 1905 г. – абрек Зелимхан, в ответ на погром чеченцев, организованный властями на грозненском базаре 10 октября 1905 г., около станции Кади-Юрт остановил пассажир-

ский поезд и расстрелял 17 пассажиров из числа офицеров и представителей власти. Ровно столько же чеченцев расстреляли одураченные властями солдаты и казаки на грозненском базаре.

24 октября 1905 г. – Грозненский, Веденский и Хасав-Юртовский округа объявлены на военном положении, генерал Светлов назначен руководителем военными действиями.

17 февраль – 1906 г. – собрание почетных стариков Веденского округа Терской области в с. Устар-Гардой (ныне г. Аргун) выступило с требованием убрать с должности начальника Веденского округа полковника Ханжалова.

16 марта 1906 г. – второе собрание почетных стариков Веденского округа повторно потребовало снятия с должности полковника Ханжалова. Генерал-губернатор Терской области Колюбакин вынужден удовлетворить требование населения.

4 апреля 1906 г. – в ответ на неоправданные репрессивные формы правления абрек Зелимхан Гушмазукаев убил старшего помощника начальника Грозненского округа подполковника Добровольского.

Август-декабрь 1906 г. – карательная экспедиция полковника Галаева в восставшие аулы Веденского округа. Артиллерийский обстрел чеченских аулов Веденского округа.

Лето 1908 г. – убийство абреком Зелимханом начальника Веденского округа полковника Галаева – автора проектов по землеустройству Нагорной полосы, которые вызвали бурные протесты у крестьян – горцев.

Август 1908 г. – карательная экспедиция в ауле Цацан-Юрт.

31 августа 1908 г. – убиты отец абрека Зелимхана Гушмазуко и брат Солтамурад.

7 марта 1909 г. – приказ по Терской области о формировании временного «охотничьего отряда» во главе с войсковым старшиной Вербицким, на которого возлагается поручение «по ловле и уничтожению вооруженных разбойничьих шаек», Зелимхана и его единомышленников.

14 марта 1909 г. – атаман «охотничьего отряда» войсковой старшина Вербицкий устроил погром чеченцев на Гудермесском базаре. На месте побоища осталось 3 убитых и 10 раненых.

1909 г. – царские власти за голову Зелимхана назначили 5000 рублей.

9 января 1910 г. – абрек Зелимхан в два часа ночи произвел налет на грозненский вокзал, увез из кассы 18000 рублей. Отобранные деньги и ценности распределены среди бедных крестьян.

9 апреля 1910 г. – абрек Зелимхан в ответ на гудермесский погром, предварительно оповестив атамана Вербицкого о своем намерении, в 12 часов дня ограбил Кизлярский банк. Добыча от этого налета небольшая. Главное – Вербицкому удалось отомстить. Он попал под суд за бездействие и неудачу в поимке Зелимхана.

25 сентября 1910 г. – многотысячный карательный отряд под командованием начальника Назрановского округа князя Георгия Андронникова начал шестистороннее наступление на абрека Зелимхана с целью провести операцию по поимке абрека в ингушских горах.

Октябрь 1910 г. – за арест своей семьи Зелимхан на мосту в Ассинском ущелье с четырьмя товарищами устроил засаду карательному отряду, убил князя Андронникова и поручика Афанасьева, тяжело ранил командира дагестанской сотни штаб-ротмистра Данагуева и шестерых всадников.

Осень 1910 г. – массовое выступление крестьян Веденского округа против царских властей.

1 декабря 1910 г. – в своем родном селении Старые Атаги убит абрек Абубакар Хасуев, ближайший друг Аюба Тамаева (сподвижника Зелимхана).

19 апреля 1911 г. – встреча Зелимхана с 5 студентами, которые просили Зелимхана поддержать революцию в России. На этой встрече, организованной через Шахида Борщикова, уча-

ствовало 22 человека, среди которых оказались 2 агента военного отряда.

Октябрь 1911 г. – приказ наместника Кавказа взыскать 100000 рублей штрафа с чеченского населения Грозненского и Веденского округов в пользу пострадавших от «зелимхановщины».

15 октября 1911 г. – начальник карательного отряда полковник Моргания с 3 ротами Дагестанского полка, двумя сотнями казаков и 16 всадниками- дагестанцами окружил с. Старосунженское, где ночевал абрек Зелимхан Харачоевский. Абрек прорвал окружение и ушел невредимым.

Октябрь 1911 г. – по приказу наместника Кавказа в с. Старосунженское взорвали несколько домов, в которых 15 октября предположительно остонавливался Зелимхан.

Ноябрь 1911 г. – репрессированы и высланы из Чечни и Ингушетии представители высшего духовенства Сугаип Гайсумов, Бамат-Гирей Митаев, Абдул- Азиз Шаптукаев, Батил-Хаджи Белхороев, Кана-Хаджи, Чиммирза, мулла Магома.

11 ноября 1911 г. – начальник Веденского округа подполковник Каралов создал команду из местных старшин, которые поклялись на Коране убить Зелимхана.

9 декабря 1911 г. – начальник карательного отряда полковник Моргания окружил пещеру недалеко от Харачоя, в которой скрывался Зелимхан. В течение двух суток в ответ на бомбардировки и ружейный обстрел Зелимхан сделал всего пять выстрелов, убил двух и ранил трех солдат. Ушел из окружения невредимым.

1912 г. – царские власти за голову Зелимхана назначили 18000 рублей.

27 сентября 1913 г. – гибель абрека Зелимхана. Каратели Дагестанского конного полка под командованием поручика Кибирова на хуторе близ Шали окружили дом, в котором находился больной Зелимхан. Раненный предательским выстрелом в спину, Зелимхан начал бой с карателями и погиб смертью героя.

ЗЕЛИМХАН ТЕРСКИЙ
(Отрывок из книги)

...Какова-бы численность шайки не была, она всегда находит себе приют у жителей, чем и объясняется то, что после каждого разбоя следы шайки совершенно теряются. Одно время для преследования Зелимхана и вообще подавления разбоев в Терской области, по примеру перед этим Дагестана, был назначен войсковой старшина Вербицкий, известный герой событий 1905 года, подавивший беспорядки в Пятигорском отделе. Знание края, опыт, энергия и большие права, данные ему, заметно укротили Зелимхана. Но в это время, когда, несмотря на игру администрации в самолюбие, игру, явно тормозившую дело, Вербицкий все-же сумел повсеместно завести свою личную агентуру и был на верной дороге поимки Зелимхана, Вербицкий был заменен строевым офицером, незнакомым не только со специфическими осо-бенностями разбойных организаций в крае, а Зелимхановской в особенности, но совершенно не знающим края и чеченской народности. При этом без всяких личных прав, а только лишь как начальник войск, призванных для содействия гражданским властям. Таким образом, инициатива борьбы с Зелимханом перешла к администрации, чего Зелимхану только и хотелось, Зелимхан ожил. К этому периоду и относятся и самые дерзкие его разбои: нападение на Грозненский вокзал, неудавшееся пленение миллионера Максимова в гор. Грозном; Кизлрский разбой; катастрофа в Ассинском ущелье; разбои на Керкетском перевале; разбои в ауле Старосунженском и Харачоевская пещера...

В самом гор. Грозном, где расположены штаб-квартира двух пехотных частей, казачьего полка и милиции Зелимхан произвел три разбоя. Первый весной 1907 года. В сумерках, в самый

разгар вечернего движения по главным улицам и гулянья в городском саду, Зелимхан тихо и спокойно ограбил ювелирный магазин, который помещался в самом центре города против городского сада, рядом с квартирой начальника округа и его управления, где дежурил целый пост милиции и всего в 400 шагах от казармы сотни казачьего полка.Гулявшие на бульваре и входившие в сад видели, как в сумерках, мимо ворот сада, под командой офицера, шагом проехала команда казаков, человек 15.Подъехав к магазину, команда остановилась у панели, трое спешились и вошли в магазин, а остальные остались на конях. Войдя в магазин, разбойники (шайка Зелимхана), взяв ружья на изготовку, крикнули по-русски: «Ни с места!». Двое стали с ружьями у двери, а один (Соламбек) спокойно, не спеша, стал выбирать из наличников золотые вещи, потом золотые и серебряные часы, аккуратно позашелкивал все ящики и, сложив все бережно в сумочку, тихо дал знак стоящим у дверей и те молча вышли из магазина. Как только они сели на коней, Зелимхан, переодетый офицером, пустил команду вдоль улицы с места в карьер.

Проскочив мимо казармы пехотного полка, шайка рассеялась по полю. Зная, что в почтово-телеграфном отделении есть воинский караул, шайка, проскакав мимо конторы, произвела в освещенные окна несколько выстрелов, из коих одним наповал был убит работавший за аппаратом телеграфист. Всего через полчаса сотня казаков была уже на конях, но в поле уже никого не нашла. Очевидцы говорили, что видели, как некоторые из разбойников возвращались в свои аулы через город. ...

В октябре 1910 года, узнав о месте пребывания Зелимхана, в нагорной Ингушетии, местная власть произвела в этих селениях и близлежащем лесу обыск. В одной из пещер в сакле была найдена и арестована семья Зелимхана. Сам же Зелимхан и тут успел скрыться. По этому поводу нагорные ингуши и Чечня, почитающие Зелимхана за народного героя, а некоторые даже за святого, сложили уже песню, в которой поют, что казаки нашли в пещере постель Зелимхана еще теплой...

Арест семьи, это самый большой позор, какой только может переживать герой, каким считает себя Зелимхан. Поэтому офицеры милиции (ингуши), бывшие в отряде, местные жители, а больше всех сама жена Зелимхана, предвидя озлобление Зелимхана и зная безрассудную смелость его и помощников Аюба и Соламбека, предупреждали начальника Назрановского округа кн. Андроникова, не вести отряд по узкому ущелью р. Ассы.

Жена Зелимхана говорила кн. Андроникову: «Не ходи сюда, Зелимхан не такой человек, чтобы испугался тебя и отдать жену и детей.» Но молодой князь Андроников, привыкший к безопасности столичных мостовых, не знающий совершенно, ни края, ни народности, с его обычаями и страстями, повел отряд по ущелью церемониальным маршем, не приняв решительно никаких мер к боковой охране. На выходе из ущелья, на неприступной скале, Зелимхан сделал засаду, откуда и стрелял людей на выбор. Первым был сражен сам виновник неостороженности кн.Андроников и с ним саперный офицер, затем ранен командир сотни Дагестанского конного полка ротмистр Доногуев, убито и ранено несколько всадников Дагестанского конного полка.

Это последнее обстоятельство, т.е. убийство всадников Дагестанского полка, надо полагать, должно сыграть заключительную роль в истории Зелимхана. В лице отважного ротмистра Доногуева и всего Дагестанского конного полка, Зелимхан нажил себе кровников, которые относятся к поимке его с точки зрения обычая кровной мести. Для поимки Зелимхана выслан из Т.Х.-Шуры Дагестанский конный полк. Руководство перешло к командиру этого полка М.., которые, по вступлении в командование отрядом, тотчас же заменил все пехотные части экзекуционного отряда пластунами, как войском более подвижным и выносливым. На весну 1911 года возлагались большие надежды.

В этот период Зелимхан представлялся разъяренным зверем, готовым в безрассудке броситься на верную смерть. Во Владикавказе со страхом говорили о Зелимхане. Дошло до того, что боялись даже покупать карточку семьи Зелимхана. Ходили не-

вероятные слухи о попытке Зелимхана освободить из тюрьмы семью.

Последнее сделалось, однако, невероятным потому, что 21 октября 1910 года был задержан главный вдохновитель Зелимхана, как говорили в шутку, его начальник штаба – Соламбек и был убит Аюб. (Аюб был убит казаками близ слободы Воздвиженской, а Соламбек повешен по приговору полевого суда.) Это большой минус для Зелимхана. Носились слухи о письмах Зелимхана к начальнику области генералу Михееву, в которых Зелимхан, якобы ,грозил взять в плен дочь генерала и проч. и проч.

Как ни нелепы, оказались эти слухи, тем не менее, Владикавказское общество в одно время было в тревоге и того беспечного веселья на улицах по вечерам, какое бывает всегда, не видно было. Кому охота, гуляя, попасть под пули?

Если после Кизлярского разбоя положение Зелимхана из Чечни, в смысле личной безопасности, можно было назвать для него тревожным, то после Ассиновской катастрофы оно значительно ухудшилось. Зелимхан перестал, открыто показываться в Чечне.

Экзекуция по аулам нарушала обычное течение сельской жизни и трудящаяся часть населения, потеряв терпение, начала выражать желание покончить с абреком собственными средствами. Зелимхан это знал и нигде открыто уже не показывался, а, как все абреки вообще, стал только ночным гостем. Говорили, что Зелимхан охотно бы эмигрировал в Турцию, но у него не было денег. Такое смелое и рискованное предприятие, как Кизлярский разбой, в материальном отношении не обеспечил его в той мере, как он предполагал, а лишение таких сподвижников, как Аюб и Соламбек, не могли не отразиться на чисто личной его безопасности.

В конце 1910 года, Зелимхан, как оказалось потом, перекочевал в горы, близ родного своего аула Хорочой, Веденского округа, где сидел в полном, бездействии все лето 1911 года.

Козачковский В. Разбои на Кавказе. Владикавказ. 1913 г.

ВОССТАНИЕ ЧЕЧНИ И ДАГЕСТАНА В 1877-1878 гг. ЗЕЛИМ-ХАН (ЗИКРИЗМ)

Зикризм

I.

Для того, чтобы быть в должном виде в настоящем, между прочим, нужно знать и твердо помнить прошлое. А наше прошлое в войне, даже с турками, очень поучительно. Мы знаем, что в последнюю турецкую войну турки имели для себя очень верного и довольно сильного союзника на Кавказе, в Чечне и Дагестане. Туда было отвлечено достаточное количество русского войска и было пролито немало русской крови. Эта кровь лилась в завоеванном, покоренном и замиренном Кавказе. Это нужно твердо помнить и хорошо знать. Воспользовались мы уроками? Сделали мы что-нибудь, чтобы в будущем предупредить подобные выступления? Не сделали ровно ничего и должны быть готовы ко многому. А доказательством тому служит Зелим-хан.

II.

Все мы хорошо знаем имя Зелим-хана. Всем нам оно намозолило глаза. Зелим-хан на дороге ограбил проезжих. Зелим-хан остановил дилижанс, обобрал всех пассажиров (и между ними военных) и скрылся. Зелим-хан захватил в плен гимназистов и потребовал выкуп. Зелим-хан захватил овцеводов для выкупа. Зелим-хан накладывал налоги на землевладельцев, овцеводов и проч. Зелим-хан врывается в города, грабит жителей и отводит их в полон. Зелим-хан нападает на целые правительственные комиссии, окру-женные чапарами, – часть ранит, часть уводит в плен. Зелим-хан среди белого дня, предупредив начальника, врывается в город, грабит казначейство и безнаказанно скры-вается. Зелим-хан имеет наглость готовить покушение на захват губернатора. Зелим-хана захватывают в пещере с одним выходом, ставят против него целый вооруженный отряд. Посылают

его взять… И находят в пещере котелок и приготовления к варке пищи. Зелим-хан скрылся как дух… Какой страшный, какой непобедимый, какой неуловимый разбой-ник… Разбойник?. Нет, это не разбойник. Это чеченец, имам… Это глава целой секты, охватившей почти всю Чечню… Теперь Зелим-хан притих. Но было бы лучше, если бы он разбойничал. Иногда тишина хуже бури…

III.

Что такое Чечня? Это 250 тысяч горных орлов. Чечня – это пространство земли меньше наших уездов. Чечня – народ совершенно демократический. Они не имеют ни князей, ни дворян, ни старших, ни младших. Все равны. Все свободны. Все независимы. Кое-какое влияние имеет духовенство, которое в большинстве соединяет и военную власть, как например Шамиль.

Жизнь чеченца весьма проста: лепешка, сыр, кусок баранины, войлок, весьма неза-тейливый костюм, вот и все. Только одним он дорожит – конем и вооружением. Оружие – его мечта, его гордость, – и он им владеет в совершенстве. Военные подвиги – его честь, его гордость, его мечта. А где могут совершаться эти подвиги? Гяур-урус все погубил. Он связал горца по рукам и по ногам. Он превратил его в презренную бабу. Негде ему развернуться. Негде показать удаль, негде найти и лишнюю копейку. Единственная мечта – свергнуть иго и отомстить жестоко проклятому гяуру-урусу. За чеченцем Аллах и великий падишах, турецкий султан. Слава Аллаху и Магомету его пророку, падишах объявил войну урусу, и имам призывает правоверных чеченцев и дагестанцев восстать против гяура. Смерть гяуру. Да здравствуют падишах и имам. Война с гяуром – наи-высшее доброе и святое дело. Смерть в битве с гяуром ведет прямо в рай… Вот на чем зиждилась власть имама Шамиля и др. Вот почему является абсолютное повиновение, послушание и подчинение всех чеченцев имаму. В этом зиждется абсолютная сила его вла-

сти и всегдашняя готовность сокрытия чеченцами всех следов деятельности имама. Таков был мюридизм. Таковы были почти все другие исламские движения. Ныне оно выразилось в форме зикризма, имамом которого, по-видимому, является Зелим-хан.

IV.

«Зикризм» впервые был проповедуем еще во времена Шамиля и провозвестником его являлся шейх Кунта-Хаджи, почему он еще иногда называется «кунтизмом». Само по себе это учение не важно, – важно оно как учение, фантазирующее, проповедуемое народу легковерному, легко воспламеняющемуся, восприимчивому и воинственному.

Само по себе учение зикра не имело в себе ничего воинственного, но в исповедании чеченцев оно стало высоко воинственным. «В Чечне были люди, смотревшие на это учение, как на предлог и орудие, с помощью которого они думали волновать умы и поднять целый край против русских». Нашлись, однако, и здесь люди ума и долга, кото-рые не одобрили ни учения, ни направления. Особенно много тогда помешали ему муллы, большинство которых имело влияние в народе и пользовалось его уважением. Таков был Абдул-Кадыр и др. Ни Кунта, а тем более его шейхи, не могли бороться с более или менее образованными муллами. Один из шейхов, Салым, был идиот, а другой – Мачик, слабоха-рактерный и вялый человек. Особенно много способствовало упадку зикризма следующее обстоятельство. Зикристы часто приходили в возбуждение и умоисступление и в этом виде делали нередко нелепые выпады. Однажды в Шали группа зикристов, пришедшая в экстаз, решила без оружия броситься на батальон русских солдат и уничтожить их одной божественной силой. Бросились на солдат. Солдаты не шалили, и зикристы в своей среде не досчитались многих…

После этого мусульманскому духовенству было уже легко смирить и остальных. Зикризм притих, но не уничтожился…

V.

Он жил, ожил и ныне очень распространен в Чечне. Разумеется, этому много спо-собствовали турецкие эмиссары и мусульманское паломничество через Турцию. Есть основание думать, что во главе этого движения стоит Зелим-хан. Он ныне не разбойник, а имам. Пятнадцать лет назад Зелим-хан был разбойник и убивал, и грабил своих и русских. Он был пойман и заключен в тюрьму. Оттуда он бежал и перестал обижать своих. Зато стали страдать гяуры. Такой образ действий поставил его в главы чеченского народа. Этим легко объясняется все то, что он безнаказанно творит, а равно и его неуловимость. Зелим-хан неуловим потому, что его укрывает 250 тысяч чеченцев. Он грабит русских и тех инородцев, кои являются врагами его народа. Он убивает, убивает беспощадно, и своих тех, кто является предателем чеченцев. Если такой человек объявлен, то его от кинжала или пули не спасет ни отставка, ни переселение. То же он делает и с русскими. Кто обречен на смерть, тот будет убит и после отставки. С русскими служебными лицами он снисходительнее. Они поступают так по долгу службы. Но русские добровольцы – истребляются беспощадно. Этим объясняется, почему Зелим-хан ушел невредимым из пещеры, где он был действительно в безвыходном положении. Могли ли чеченцы идти против своего имама?.

Теперь Зелим-хан притих. Дай Бог, чтобы это было не перед грозой. Зелим-хан как будто заснул. Но мы-то, русские, не должны спать. Теперь, когда мусульманский фанатизм особенно раздувается, когда льется славянская кровь под турецкими ятаганами, когда, быть может, и нам придется вступить в бой с этими ятаганами, – мы должны принять все меры к тому, чтобы не повторилось восстание Чечни и Дагестана, как это было в 1877-1878 гг.

Ковалевский П.И. Восстание Чечни и Дагестана в 1877-1878 гг. Зелим-хан (Зикризм). СПб., 1912. (В сокр.)

ПОЛКОВНИК В.С. ГАЛАЕВ И ЕГО ГИБЕЛЬ

...Впереди я сказал, что в течение моей трехлетней службы в Чечне мне пришлось служить с пятью начальниками округа. Первым из них был полковник войска Терского из осетин, Василий Савельевич Галаев, с которым, к сожалению, мне пришлось служить очень мало. Как коренной северокавказец он хорошо знал тот народ, которым, по воле судьбы, он управлял, умудренный долголетним административным опытом; он насквозь видел чеченца, учитывая его нужды, его духовные запросы.

Этот человек был кристальной честности и с большой эрудицей. Этот Галаев, кажется, был единственный администратор который понимал, что он для народа, но не народ для него. Исключительными стараниями его в укреплении Ведено было воздвигнуто прекрасное здание для горской чеченской школы; ему обязана телефонная сеть в округе и почтово-телеграфное сообщение. В дальнейшие его планы входило: развитие в округе школьной сети, назначение во все аулы медицинских фельдшеров, оборудоваше окружной больницы, улучшение путей сообщешя и прочих культурно-просветительных насаждешй, но главнейшая его задача была ликвидация Зелимхана. «При наличии этого негодяя, работать тяжело», говорил часто Галаев. Он хотел освободить от ужасных притеснений со стороны высшего кавказского начальства ни в чем неповинный, мирный чеченский народ.

Галаев сумел восстановить здравомыслящую массу горной Чечни настолько, что Зелимхан это чувствовал и даже перестал бывать в Веденском округе, боясь народной кары. Он прислал по почте Галаеву 14 писем. Все письма были написаны по-арабски отцом его Гушмазако, с приложением печати Зелимхана

(инициалы его по арабской грамоте). В письмах этихъ Зелимхан то просил пощады, то ходатайствал о помиловании, то спрашивал, что с ним будетъ сделано, если он сам сдастся, то угрожал Галаеву и его семье. Своею мужественною стойкостью и особенным влиянием на народ Галаев лишний раз убедил этого абрека в его скорой гибели, и Зелимхан одним выстрелом из засады раз и навсегда покончил счеты с Галаевым и в тот же день бежал в Хасав-Юртовский округ. Убийство полковника Галаева 9 мая 1908 года произошло при следующих обстоятельствах:

Укрепление Ведено, где роковая пуля сразила Галаева, расположено на небольшой равнине, окруженной горами, омывающейся красивой серебристой рекой Хулхулау. Ведено во время Кавказской войны была одна из стратегических баз Имама Шамиля. Местность мало доступная для тогдашнего оружия (артиллерии).

На крутом правом берегу Хулхулау, в небольшом домике, жил старший помощник Галаева, подполковник Петропавловский – старый холостяк. Ежедневно, в 12 час. дня, Галаев и Петропавловский на один – два часа прерывали свои занятия в окружном управлении и шли на кофе к Петропавловскому. Зелимхану это стало известно от его близких, следивших за жизнью Галаева, а может быть предатель и служил в конвое его. День 9 мая, который Зелимхан избрал для убийства Галаева, как то не гармонировал с жестоким злодеянием. Стояла тихая солнечная погода Веденский парк был в полном расцвете своих великолепных лип и акаций, разносившихъ свой аромат до самой церкви, где бегали русские дети-босоножки. Как то особенно оживленно щебетали крохоныя горские пташки, греясь под лучами ласкового солнца; даже Хулхулау не торопилась нести свои воды Аргуну. Казалось, что и она хотела обогреть свои холодные волны лучами игривого солнца. Вся природа ликовала в своей красоте и величии. Все жило, все в природе хотело жить. Все было как то в природе умильно в этот день. Никто не мог подумать, что на противоположном лесном берегу красивой Хулхулау Галаев приговорен к смерти.

По выходе от Петропавловского на улицу в 1 час дня, в сопровождении сотника Бичерахова (ныне генерал; находится в Париже) Галаев прюстановился желая что то сказать своему помощнику, стоявшему на крыльце дома, как вдруг раздался залп с противоположного берега речки. Одна пуля попала Галаеву в висок, и он мгновенно скончался. Лихой сотник Бичерахов не растерялся и из имевшагося при нем револьвера произвел выстрелы до последнего патрона через речку в сторону засады и, конечно, безрезультатно. Быстрый выезд сотни казаков, находившейся в Ведено в распоряжении начальника округа, под командой Бичерахова, никаких результатов не дал, т.к. обдуманный заранее план Зелимхана обеспечил ему скорое и незаметное исчезновение в лесистых горах, а потом и далее.

На месте засады Зелимханомъ была оставлена записка на арабском языке. Содержание записки сводилось к тому, что он предупреждал не раз Галаева, но он продолжал его преследовать, а потому, он, Зелимхан, предпочел его, Галаева, смерть. Убийство Галаева произвело удручающее впечатлеше на население округа. Ведь был убит уважаемый начальникъ округа, но мало этого – убийство это несло за собой штрафы и экзекуции. Через несколько дней в Ведено прибыл генералъ-губернатор Терской области генерал-лейтенант Колюбакин. К представителям Чечни он предъявил требование о выдаче Зелимхана «в двухнедельный» срок, что называется, рубанул с плеча. Он упустил из виду, что Зелимхан витает далеко, далеко от Веденскаго округа, где то в трущобах Дагестана.

В скорости прибыл кубанский пластунский батальон и расположился в ауле Хорочой на экзекуцюнных началах, а Наместником Кавказским на население округа был наложен штраф в размере 16 тысяч рублей в пользу семьи Галаева, состоявшей из вдовы, сына студента и двух взрослых дочерей. Население округа по своей инициативе, без всякого давления со стороны начальства, путем самообложения, постановило образовать из чеченцев-охотников особые партизанские команды с подчинением их начальникам участков, по 25 человек на каждый уча-

сток. Участков было пять, а потому население обязалось содержать 125 человек до ликвидации Зелимхана с шайкой, со своим оружием, лошадьми, снаряжением и довольствием. Таким постановлением население округа показало свою готовность в ликвидации Зелимхана и вообще абреков.

Я должен пояснить, что, несмотря на тяжелые условия службы, сопряженные с явной опасностью, невероятно диких, я бы сказал, требований высшего начальства, по борьбе с разбойниками, вооруженными, как говорят, до зубов, на отборных конях, с элементом, поставившим жизни на карту, администрация Терской области имела в своем распоряжении комичные средства борьбы. Вся сила начальника участка заключалась из переводчика и двух милицюнеров- чеченцев, вооруженных бердановскими ружьями и на захудалых клячах. Милиционеры эти именовались телохранителями. Не представляю себе, что бы получилось из моего тела с такими хранителями его, если бы я когда-нибудь встретился с шайкой абреков в 30-40 человек, когда получал приказания: «немедленно выехать, закрыть проходы в горы и пресечь путь отхода арбеков». Фраза громкая и шикарная! В такой, именно фразировке мне и было передано приказание подполковника Петропавловского в день убийства Галаева. «Закрыть проходы в участок, дабы шайка не могла черезъ горы пройти в Дагестан!» Как будто в моем распоряжении была дивизия. Проходы, на протяжении 80 верст, в сильно усеченной местности, в горах, лесах, трущобах, я «закрыл» несколькими десятками мирных жителей, вооруженными сучковатыми дубинами, но в душе моей скопилось миллион проклятий на высшее начальство. Сам тоже выехал в сторону Ведено, в сопровождении переводчика-старичка и одного милиционера (другой расставлял грозную стражу из жителей по границе), но с зелимхановской тройкой не встретился.

(Из книги Бердяев С. Чечня и разбойник Зелимхан. (Из далеких воспоминаний). Париж, 1932.)

А. ШЕРИПОВ О ЗЕЛИМХАНЕ

До покорения Чечни абреки были какими-то «байрони-ческими» типами.Народ боялся их, но зато и ненавидел – и абрек-отшельник старого времени чаще всего делался жертвой народ-ной ненависти. Но когда на Кавказ явились русские завоеватели – вся страшная злоба абреков была перенесена на незваных пришельцев; и потому во время войны они явились предводи-телями чеченских отрядов. Но особенную окраску абречество приняло после окончательного утверждения русской власти на Кавказе. Несоответствие русского суда и обычного права горцев, преступная администрация Кавказа и общая политика притеснения заставляли многие сильные личности из чеченцев (и вообще из кавказцев) становиться на нелегальное положение, а то и просто изгоняли их из списков порядочного общества. Их продолжали преследовать, и для успешности борьбы с вредным элементом «ввели систему круговой поруки».

От этого возмутительного акта страдали уже лица, имевшие несчастье быть родными или даже просто односельчанами «преступника». Это создавало новые кадры озлобленных людей, решившихся на все. И вот начиналась месть начальству: абреки убивали административных лиц, грабили почту, казначейства и др. правительственные учреждения. А власть еще пуще налегала на мирное население: штрафы, экзекуции, высылка в Сибирь, виселица и т. д.

Власть терроризировала местное население, а абреки терроризировали эту власть. И, конечно, народ смотрел на абреков как на борцов против притеснений и зверств власти. Простых воров и разбойников чеченцы зовут презрительным словом – «воришка» и т. д. Но «абрек» стало почетным именем – и этим

именем-народ награждал не всякого. Наиболее отважные и удачливые из абреков так поражали психологию чеченцев, что они считали их продолжателями дела Шамиля и мюридов. В одно время ходили даже слухи, что Зелимхан объявит себя имамом и изгонит царскую власть. Да и как же иначе мог смотреть народ на абреков после, например, таких фактов? В 1911 году Зелимхан был окружен в одной пещере ротой пехотного полка, казачьей командой, двумя сотнями пластунов, милицией и т. д. – с пулеметами и орудиями. Все пути к отступлению были отрезаны. К Зелимхану послали парламентера для переговоров о сдаче. И вот посланному Зелимхан, который оказался один, ответил : «Пусть ко мне явится тот, кому я нужен, и покажет мне бумагу от самого царя о том, что все штрафы, наложенные на невинных людей, будут сняты и, кроме того, будут освобождены из ссылки все задержанные из-за меня!» Конечно, такой бумаги Зелимхану не дали – и он каким-то загадочным путем исчез из пещеры.

Наконец был еще один ингушский абрек Сосламбек – сподвижник Зелимхана. Ему было объявлено, что если он не сдастся, то разгромят его аул и вообще те места, где он находил себе приют. Тогда Сосламбек прислал свою жену к одному общественному деятелю (А.Ч.) с просьбой добиться у начальства единственной милости: если он, Сосламбек, добровольно явится, то расстрелять его, а не вешать, ибо это свыше его сил. А.Ч. переговорил с генералом Флейшером и др. властями, и те дали слово, что они только расстреляют Сосламбека. Об этом сообщили Сосламбеку. Тогда тот в полном вооружении явился к властям и отдал себя в их распоряжение. Правда, генерал Флейшер и К° не сдержали своего слова и повесили Сосламбека. Вот этот-то характер политического протеста и борьбы с властью придавал абрекам в глазах народа ореол национальных героев, что в свою очередь отразилось и в песнях.

А. Шерипов. «О чеченских народных песнях».
Владикавказ 1918 г. (В сокращении)

А. АВТОРХАНОВ. «КАВКАЗСКОЕ АБРЕЧЕСТВО И АБРЕК ЗЕЛИМХАН»

Абрек» – это чеченское слово, которое впервые вошло в русский язык со времени русско-кавказской войны. Первым абреком Чечни в начальный период ее покорения был Бей-Булат, о котором мы уже рассказывали, а последним – Зелимхан. Абрек, в чеченском понимании, – революционер-одиночка, который мстит чужеземной власти за ее несправедливость и жестокости против чеченского народа.

С приходом советской власти абреческое движение не прекратилось. Наоборот, в эпоху Сталина оно стало наиболее распространенной и острой формой народного сопротивления режиму. В советское время абречество претерпело и извест-ную эволюцию в отношении своего объекта. Оно теперь нап-равлено не вообще против власти, а исключительно против ее карательных органов и их представителей. Абреки советской Чечни и Ингушетии ощущали себя народными мстителями, контртеррористами против террористического аппарата Сталина, но в русской и советской литературе абреки – это просто «бандиты» и «хищники». Русская эмигрантская литература тоже величает абреков, да и самих чеченцев вообще, «хищниками», как о том говорится в компиляции из старой бульварной печати «От Тифлиса до Парижа», изданной в 1976 г. в Париже. Однако ни автор, ни профессор не нашли нужным указать, что этот же чеченский народ за свое сопротивление тирании Сталина был поголовно депортирован советским правительством в пески Казахстана, где большая часть чеченцев погибла.

К сожалению, экзотические басни о чеченцах и ингушах проникают и в европейскую литературу. Выдумки иностранного автора, позаимствовавшего свои «сведения», по-видимому, у

вышеназванных русских сочинителей или просто решившего прославиться сенсационной книгой, превратились под пером сотрудника «Русской Мысли» в «чудеса Кавказа».

Зелимхан абречествовал в дни моего детства. Легендам и рассказам о Зелимхане, о его подвигах и героизме в защиту своего народа не было конца. Русская печать, центральная и кавказская, того времени полна сенсационными сообщениями о неумолимом «хищнике» и неуловимом «разбойнике» Зелимхане, который грабит бедняков, убивает женщин и детей, если они русские.

После революции большевики объявили его национальным героем Кавказа, в книгах и журналах о нем писали, что Зелимхан не просто абрек, а абрек-революционер. Так писал о нем и я в книгах, изданных в Советском Союзе. Интересную биографию Зелимхана с приложением многочисленных документов издал осетинский писатель – современник Зелимхана, друг и сотрудник Кирова по газете «Терек» – Дзахо Гатуев. На страницах журнала «Революция и горец» (Ростов-на-Дону, 1932, № 4) я в порядке «марксистского анализа» раскритиковал книгу Гатуева «Зелимхан» за игнорирование автором «классовой борьбы в Чечне». После этого при нашей встрече Дзахо рассказал мне, что, напротив, Киров не нашел в его книге никаких грехов, поблагодарил его за восстановление исторической правды о революционере – абреке Зелимхане, да еще обещал предпринять меры для ее экранизации. Действительно, скоро в СССР вышел художественный фильм «Зелимхан» по книге Гатуева, он демонстрировался и в ряде стран на Западе. Но Кирова убили в 1934 г., Гатуева растреляли в 1938 г. и Зелимхана вновь объявили обыкновенным «разбойником». Однако нет конца советским чудесам. После разоблачения культа Сталина реабилитировали не только Дзахо Гатуева, но и его героя Зелимхана. Издательства в Москве и на родине Гатуева в Осетии переиздали «Зелимхана», а чеченский писатель М. Мамакаев издал в Грозном собственную книгу о Зелимхане. Но в эру Брежнева произошло

опять новое «чудо»: Зелимхана вновь перевели в обыкновенного «разбойника».

Как смотрел Зелимхан сам на свое абречество? В письме на имя председателя Третьей государственной Думы Зелимхан писал: «для меня было бы большим нравственным удовлетворением, если бы народные представители знали, что я не родился абреком, не родились ими также мой отец и брат и другие товарищи. Большинство из них избирают такую долю вследствие несправедливого отношения властей.» (Дз. Гатуев, «Зелимхан», Орджоникидзе, 1965, с. 152, везде далее цитаты, особо не оговоренные, – из этой книги). Каковы же были несправедливости, за которые Зелимхан мстил властям? Вот некоторые из них: «В воскресенье 10 октября 1905 г. грозненские власти учинили на базаре чеченский погром. Начало обычное. Поссорилась с чеченом баба. Шум. Толпа. То ли он кого из толпы убил, то ли толпа его убила за чеченское происхождение. В результате вышел из казарм под командой полковника Попова Ширванский полк и расстрелял 17 чеченцев. «Мы все готовы были тогда в абреки уйти, – прибавил мне рассказчик, – чеченский интеллигент» (с. 53).

Ужасная весть дошла до Зелимхана, который при каждой молитве после «дуа» повторял обращение к Аллаху: «Аллах, если я задумал что-нибудь несправедливое, то отврати мои мысли и удержи мою руку. Если я задумал дело правое, то укрепи мою волю: сделай глаз мой метким и руку твердой. Прости мне мои грехи, прости грехи всем несчастным, вынужденным идти моей дорогой». Зелимхан решил, что месть за чеченский погром в Грозном – богоугодное дело, а на самом деле совершил такое же преступление, как и полковник Попов: в воскресенье 17 октября около станции Кади-юрт он со своим отрядом остановил пассажирский поезд, отобрал 17 пассажиров из числа «начальников» и расстрелял их. «Передайте полковнику Попову, что жизни, взятые им в Грозном, отмщены», – простился он с уцелевшими пассажирами (с. 53).

Незадолго до этого Зелимхан убил начальника Веденского округа полковника Добровольского. За что же? Зелимхан объяснил: «Полковник думал, что он все может и ничего ему не будет за это: за то, что обругал сестер зелимхановских, за арест зелимхановской жены, за преследование отца, братьев, за присылки в Харачой солдат, лапавших харачоевских девушек. осквернивших чистоту мусульманских жилищ» (с. 46).

Вместо убитого Добровольского появился новый начальник округа «свой» горец, полковник Галаев. Галаев думал, что Добровольский погиб из-за своей интеллигентской мягкотелости. Кроме того, Добровольский – русский – не знал психологии чеченцев и поэтому не сумел проучить их, как следует. Галаев во всеуслышание заявлял, что он всю Чечню согнет в бараний рог. Гатуев рассказывает: «Галаев свирепствовал, Галаев сам горец из казаков моздокских. Как горец Галаев подошел к корню вопроса. Родовый быт и существовавшее в нем право и мораль решил уничтожить действием административным. Всех так или иначе заподозренных в сношениях с Зелимханом он ссылал или в Россию, или в Сибирь. Ссылал Галаев беспощадно. Ссылки предшествовавших администраторов не давали желанного результата. Ссыльные возвращались и пополняли абрекские кадры. Чтобы уничтожить тоску по родине, по семье, Галаев начал высылать семьями. Каждой высылке предшествовал арест, и тюрьмы наполнялись преступниками в возрасте от грудного и до старческого» (сс. 60-61). Одним словом, свой горец Галаев оказался хуже русского Добровольского. Добровольский, хотя был сущим дьяволом, но он все же не ссылал чеченцев семьями или целыми родами, как это делает теперь Галаев. Зелимхан решил сообщить Галаеву, что с ним он покончит еще быстрее, чем с Добровольским, если он не прекратит массовые ссылки людей. Если же он одумается, то оставит его в покое. Зелимхан прибег к своему обычному методу «коммуникации» – написал Галаеву письмо на чеченском языке арабским шрифтом.

Сохранились два письма Галаеву, написанные чисто в горском незамысловатом стиле, но они довольно красноречиво

объясняют суть дела. Зелимхан опровергает пущенную начальством ложь, что он убивает не только представителей власти, но и любого русского: «Эй, начальствующие! Я вас считаю очень низкими. Смотрите на меня: я нашел казаков и женщин, когда они ходили в горы, и я их не тронул. Я взял у них только гармонию, чтобы немного повеселиться, а потом вернул ее им (с. 145). В ответ на письмо Зелимхана Галаев начал аресты семей сородичей Зелимхана по материнской линии (по чеченскому родовому праву за действия того или иного лица отвечает только его род по отцовской линии, а не по материнской). В военной крепости Ведено не хватало помещения для заключенных детей, женщин, мужчин. Вереницей тянулись эшелоны арестованных из Горной Чечни до самого Грозного. Зелимхан все это видел и решил объясниться с Галаевым еще раз. Он написал ему второе, уже более сердитое письмо, нарушая адат, который требует, чтоб чеченец не позволял себе ругани даже с врагом.

Однако и второе письмо тоже не произвело должного впечатления на полковника. Да и как оно может произвести какое-либо впечатление: Ведено – большая горная военная крепость, в которой находится гарнизон из отборных войск, обнесена высокой стеной с проволочным заграждением. В крепости имеет право жить, кроме солдат, только русское гражданское население. Каждого чеченца, который приезжает сюда на базар или к начальству, обыскивают у входа в крепость, – будь он даже поставленным властью старшиной аула. Если полковник выезжает из крепости, то его сопровождает эскадрон казачьей конницы. Лишь одна сторона крепости не обнесена стеной, да и зачем – ведь это та сторона, где глубокий обрыв оврага с крутой скалой, а там, далеко внизу, журчит горная река. Человек отсюда может легко свалиться в пропасть, но подняться сюда он никак не может. Однако, на всякий случай, обрыв обнесен высоким заграждением из колючей проволоки и охраняется круглые сутки бдительными часовыми. Вот над этим обрывом, в сказочном тенистом парке, после плотного завтрака, в окружении личных

телохранителей Галаев сидел на скамейке, то любуясь величественными вершинами гор, то заглядывая в бездонную пропасть, как вдруг в каких-нибудь сотнях шагов со стороны оврага раздался выстрел. Не в нас ли стреляют?» – пошутил полковник и обернулся на выстрел. Тогда вторая пуля ударила в висок полковника: первым выстрелом Зелимхан заставил полковника обернуться, чтоб попасть в него наверняка» (с. 64). Галаев был убит.

Зелимхан на чеченском участке делал то, что делали большевики-«эксы» в Закавказье и эсеры-террористы в Центральной России. Он действовал до сих пор в одиночку, а теперь, после убийства Добровольского и Галаева, Чечня и Ингушетия признали его своим национальным героем – за его справедливость – и к нему потянулись новые абреки. Кавказское начальство начало опасаться, что Зелимхан может стать новым Бей-Булатом или даже новым Шамилем и поднять всех горцев против России. Поэтому по приказу кавказского наместника Воронцова-Дашкова начальник Терской области генерал Михеев объявил 7 марта 1909 г. о создании «специального временно-охотничьего отряда» из двух тысяч отборных вояк, куда было набрано также некоторое количество даже добровольцев-уголовников для поимки или уничтожения Зелимхана. Так как войска в Терской области не нашли подходящего героя, чтоб поставить во главе этого отряда, то из Кубанской области выписали прославившегося подвигами против революции войскового старшину Вербицкого. Официальная пресса подняла большой шум о предстоящем походе, превознося изобретательность, решительность и героизм Вербицкого.

Вербицкий, хотя и герой, но психологии горцев совершенно не понимал. Это он обнаружил в своем обращении к чечено-ингушскому народу на русском и арабском языках, написанному накануне похода против Зелимхана.

Зелимхан не только принял вызов Вербицкого, но указал также время и место, где он встретится с Вербицким и его от-

рядом: в 12 часов дня 10 апреля 1910 г. в городе Кизляре у государственного казначейства, чтобы заодно захватить с собой и казну. Это свое решение Зелимхан изложил в письме к Вербицкому, которое кончалось словами: «Жди меня, баба-атаман, в Кизляре».

Хотя о письме Зелимхана говорилось всюду, сам Вербицкий не придавал ему никакого значения, по крайней мере, внешне. Современники засвидетельствовали нам все-таки его странное поведение. Прежде всего Вербицкий покинул свой штаб в Кизляре и накануне назначенного ему времени поехал в Грозный играть в карты в офицерском клубе. Когда члены клуба спрашивали Вербицкого о письме Зелимхана, то Вербицкий отделывался шутками: «Думает, дурака нашел. Так я ему и поверю. Святослав, подумаешь, нашелся: «Я иду на Вы». Эти времена, милостивые государи, давно прошли. Не Зелимхану в Святославы играть» (с. 88).

Зелимхан совсем не знал Святослава, но, видимо, хорошо знал натуру людей типа Вербицкого, – главное, Зелимхан совсем не шутил. У него появилось и много боевых соратников-добровольцев. Появились также и учителя. В соседней Грузии действовали другие «боевые дружины» – «эксы» Коба и Камо, которые подавали наглядные уроки, как организовать «экспроприацию» царских казначейств. Вспомним хотя бы знаменитейшую «экспроприацию» казначейства, которая произошла за три года до этого – 11 июня 1907 г. – в Тифлисе на Эриванской площади. После пятого лондонского съезда партии (1907) Ленин направил в Тифлис делегата этого съезда Коба (Сталина), который вместе с Камо и организовал ее. Результаты этой «экспроприации» хорошо известны. Отряд Коба-Камо захватил 340 тыс. рублей, оставив на площади убитыми трех и ранеными до 50 человек. Захваченные деньги Коба направил через Литвинова Ленину за границу.

Почему же чеченец Зелимхан не может сделать то что смогли сделать грузин Коба и армянин Камо? Во всяком случае, в пись-

ме к Вербицкому Зелимхан уверенно писал, что он увезет из Кизляра деньги казначейства и голову Вербицкого. Кроме того, у Зелимхана были и особые счеты с Вербицким: так, на базаре в Гудермесе в Чечне и в селении Цох в Ингушетии Вербицкий устроил античеченский и антиингушский погромы, в результате которых погибло много людей. Возмущаясь этим, Зелимхан напоминал в письме к полковнику Данагаеву: «Такие страшные действия, которые совершал Вербицкий за один час, убивая бедных людей, я десять лет абреком и то не сделал» (с. 153).

Зелимхан создал отряд из 60 бойцов, на их черкесках нашил погоны кизляро-гребенского полка, а на свою черкеску Зелимхан нацепил погоны полковника (ведь то же самое сделали Коба и Камо). 9 апреля Зелимхан со своим отрядом переночевал в кизлярских камышах, а 10 апреля, как и было обещано, Зелимхан вошел в город Кизляр во главе своего отряда, принимая, как это положено по уставу, приветствие встречных нижних чинов. Перед вступлением в город Зелимхан прочел своим бойцам нотацию – помните, что всякая опасность может продолжаться самое большее полчаса: или тебя убьют, или ты убьешь – иметь терпение на полчаса!

Без единого выстрела вступив в город, Зелимхан занял на центральной площади казначейство и, поскольку было некоторое сопротивление охраны казначейства, пришлось пустить в ход оружие. И вот тогда только поднялась тревога, военные двинулись к казначейству с целью окружить отряд Зелимхана. Завязался бой. Биограф Зелимхана пишет: «Сотни лет не слышал сонный Кизляр такой пальбы. Вербицкий принял письмо Зелимхана за шутку. Вербицкого не было в городе. Начальник гарнизона выслал на тревогу две команды пехоты: одну на мост перерезать путь к отступлению, другую к казначейству – на выручку перебитой уже казначейской охране» (с. 87). Отряд Зелимхана ушел без единой потери. Гарнизон потерял 19 человек убитыми и четырех ранеными. Зелимхан выполнил свою задачу только наполовину: деньги казначейства он захватил, но встретиться на дуэли с Вербицким ему не удалось – не по его вине.

Все-таки Зелимхан добился одного: правительство сняло Вербицкого и отдало его под суд за «преступное бездействие».

После Вербицкого за Зелимхана взялся князь Андроников, тоже «свой», кавказец, начальник ингушского Назранского округа, куда теперь с семьей перекочевал и сам Зелимхан. Андроников начал свою карьеру тоже с «письма», – правда, не Зелимхану, а своему другу: «Мой святой долг во что бы то ни стало, хотя бы и ценой жизни, уничтожить этого подлого труса Зелимхана, нападающего из-за скал и горных трущоб» (с. 92).

15 сентября 1910 г. князь Андроников начал с четырех сторон наступление на горную резиденцию Зелимхана и его отряда войсками от двух до трех тысяч солдат специальной горной службы. Войска Андроникова не щадили никого: ни мирных жителей, ни их семей – бомбили аулы, сжигали хутора, угоняли скот «бандитов» и, наконец, взяли горную «крепость», в которой полагали найти Зелимхана. Но Зелимхана не нашли, а захватили его семью. Андроников арестовал его жену и детей (потом их доставили во Владикавказскую тюрьму). Князь лично допрашивал с подобающим пристрастием – и угрожая расстрелом – жену Зелимхана. Ингуш-переводчик умудрился во время перевода сообщить жене Зелимхана: «Не верьте ему, он не имеет права вас расстрелять». Допрашивали даже старших детей (у Зеимхана было две дочери и три сына). Ничего не добившись от них, князь Андроников двинулся дальше к горной реке Асса и скоро добрался до цели: он нарвался на засаду Зелимхана и его группы. Сначала абреки спорили, кому же убить Андроникова, но едва лошадь Андроникова вступила на мост, Зелимхан принял решение уступить Андроникова своему ингушскому другу Азамату Цариеву, так как Андроников все-таки был не чеченским, а ингушским начальником. Азамат выстрелил в Андроникова. Андроников упал мертвым. Абреки ушли.

Хитрость в человеческих трагедиях играет иногда коварную роль, но так называемая военная хитрость часто помогает выиграть целые сражения. Кавказский наместник решил, что и Зе-

лимхана можно взять хитростью: он предложил распространить среди населения слух, что кавказская инженерная комиссия будет отстраивать «царское шоссе» в Керкете (Дагестан) и что в состав этой комиссии будто бы входит один военный инженер, зять самого наместника царя на Кавказе. К Зелимхану прибыл с этой вестью Жамалдин, который когда-то сам был абреком. Жамалдин внушил Зелимхану, что, если тот возьмет в плен зятя наместника, он сможет обменять его на свою семью. Семья Зелимхана уже находилась в ссылке в Минусинске, где, кстати, в то время был и сам грузинский абрек Коба.

Зелимхану идея эта понравилась. Вместе с маленькой группой, включив туда и Жамалдина, Зелимхан прибыл на «царское шоссе», но инженерная комиссия оказалась переодетым в гражданскую форму военным отрядом, а сам Жамалдин – его лазутчиком. Завязался бой, в результате которого были убиты два гражданских чиновника, один ротмистр дагестанского полка, несколько всадников, а раненый командир отряда полковник Чекалин был взят в плен (потом ему удалось бежать). С Жамалдином Зелимхан покончил как с предателем. Абреки потеряли одного человека – им был последний брат Зелимхана. «Хитрость» наместника не удалась.

Укажу еще на один эпизод из абреческой карьеры Зелимхана, который в чеченских легендах трактуется как чудо «святого Зелимхана». После «Керкетского дела», как обычно после каждой групповой операции, Зелимхан распустил группу и предложил абрекам в дальнейшем действовать опять в одиночку, чтоб принудить противника распылить свои силы. Сам он укрылся там, где, по здравому рассуждению, его не должно было бы быть: в ущелье родного аула Харачоя. Но Зелимхан пренебрег обычаем своего народа: самые сокровенные тайны обсуждать на майдане. О тайне возвращения Зелимхана в родной аул говорили на всех майданах, добавляя, что Зелимхан не просто абрек, а святой, подсудный только Аллаху, но никак не земным властям. Агенты, посланные начальником округа на разведку, доложили,

что Зелимхан действительно обосновался в горной трущобе в трех верстах от Харачоя и десяти верстах от самого начальника округа!

Начальник немедленно окружил пещеру военными и полицейскими частями и открыл огонь из всех видов оружия, включая пушки. Кадетская газета «Терский край» дала броский аншлаг на всю первую полосу: «Зелимхан окружен», «Накануне ликвидации Зелимхановской эпопеи». Офицер дагестанского полка Данагуев хвалился: «Не взойдет еще два раза луна на небе, как абрек абреков будет убит». Начальник Веденского округа тоже выражался образно: «Зелимхан у меня в кармане». 11 декабря 1912 г. все газеты Терской области напечатали информационные сообщения этого начальника. В корреспонденции «Терского края», например, говорилось:

«Начальник Веденского округа телеграфирует начальнику области, что нашел Зелимхана и окружил в Харачоевских горах, где он заперся в пещере. С восьми часов утра идет перестрелка. К вечеру, с нашей стороны убито двое, ранено четверо. Потребованы из Ведено пироксилиновые шашки для взрыва. На скалу против пещеры послано несколько человек охотников и кровников Зелимхана. В подкрепление к первой партии охотников были посланы еще команды пластунов, к вечеру пещера была окружена сторожевыми постами. К утру на скалу ввезено полевое орудие, из которого и решено начать стрельбу по пещере.»

Что происходило дальше, сообщает пристав Саадуев:«Бомбардировка продолжалась до заката солнца. Зелимхан же сидел спокойно и не стрелял. Когда войска перестали стрелять, Зелимхан произвел четыре выстрела, которыми убил двух и поранил двух. Тогда начальник округа стал посылать для переговоров людей. Зелимхан ответил: «Скажи начальнику, чтобы он сейчас же по телеграфу просил прощения всем, кто сослан и арестован из-за меня. Если к полночи не передадут мне ответа, что они помилованы, то я уйду из пещеры, хотя бы все русские войска ее окружали» (с. 132).

Начальник округа, конечно, не ответил Зелимхану, ибо по-прежнему был уверен, что Зелимхан у него «в кармане». Но карман начальника оказался дырявым: Зелимхан из него выпал! О том, как это случилось, сохранился рассказ самого Зелимхана. Вот он в изложении его биографа:

«Зелимхан ушел просто, почти как из дому, перед зарей. Когда лег в ущелье туман, Зелимхан скользнул из пещеры. Вниз. На дно. Он омылся в речке, сделал намаз (молитва) и пополз вверх по скату, на котором оцепление. – Два пластуна сидели. Один направо сидел, другой налево сидел. Я иду – смотрю, они сидят – тоже смотрят. Тогда я на середину пошел между ними, тогда они к скалам прижались. Чтобы, как скалы быть. Я пришел, ничего не сказал. Я прошел, они ничего не сказали. Баркалла (спасибо). В каждом деле на полчаса надо иметь терпение».

Биограф замечает: «Власть меньше всего предполагала эдакую гениальную упрощенность ухода и, сконфуженная, ударилась в версетворчество» (с. 133). Рассерженный начальник округа Караулов решил отомстить Зелимхану: во второй половине декабря он сослал в Сибирь из окружающих сел 190 человек, к тем почти тысяче человек, которые уже были сосланы с семьями, все из-за одного Зелимхана.

Супруга начальника, княгиня Караулова, тем временем занялась филантропией: она пригласила мусульманских детей мирных чеченцев на рождественскую елку петь «В лесу родилась елочка», и одарила их восточными сладостями. С Нового года она занялась еще и просвещением Чечни, создав школьный кружок, в котором учила чеченских детей декламировать: «Петушок, петушок, золотой гребешок, почему ты Магомету спать не даешь?» Появление в «Петушке» Магомета уже само по себе считалось несомненным прогрессом в «туземной политике» кавказской администрации.

На военном совете у наместника Кавказа был принят новый план ликвидации Зелимхана: выслать виднейших чеченских шейхов в Сибирь, если они откажутся участвовать вместе со

своими мюридами в поимке Зелимхана. Кроме того, начальство решило мобилизовать против Зелимхана и все те тайпы (роды) , которые находились в кровной вражде с Зелимханом. Было решено также выдать всем им, мюридам и кровникам, оружие. Это был план отчаяния, глупее и опаснее которого выдумать было невозможно, ибо вооруженные мюриды и кровники Зелимхана искали не Зелимхана, а начали сводить свои счеты с местными старшинами и приставами. Администрация явственно увидела дно пропасти, к которой она сама себя подвела, и была очень довольна, когда ей удалось хотя бы частично вернуть свое оружие.

Отмечу еще одно интересное явление. Русские левые партии старались вовлечь Зелимхана в свои организации. Из Тифлиса к нему приезжали представители большевиков-«эксов», а из Ростова приезжали анархисты-социалисты. Они учили Зелимхана метанию бомб, а ростовские анархисты вручили ему даже красно-черный флаг и именную печать с надписью: «Группа кавказских горных террористов-анархистов. Атаман Зелимхан».

Зелимхану хорошо было известно, что русская печать о нем пишет, как о разбойнике, а бульварная пресса даже сочиняла легенды о том, что Зелимхан – кутила, изгнан из своего рода и избрал для легкой и веселой жизни профессию грабителя, хотя все знали, что Зелимхан – как правоверный мусульманин – не пил, не курил, притонов не посещал, а награбленные деньги, как Робин Гуд, раздавал бедным и семьям, кормильцы которых были сосланы из-за него. Но Зелимхана все-таки очень тяготила эта слава грабителя. Главное – он уже часто задумывался, как бросить абречество, исчезнуть навсегда. Думал даже и об эмиграции в Турцию. Вот в этот период кризиса Зелимхан решил объяснить публично причины и мотивы своего абречества. Он нашел, что лучше всего будет обратиться непосредственно к Государственной думе. Надо было только найти из среды чеченцев такого знатока русского языка, который без искажений изложил бы его прошение. И такой человек нашелся. Это был сын первого чеченского генерала на русской службе Орцу Чермоева, бу-

дущий президент Независимой «Республики Северного Кавказа» – Абдул-Межид (Тапа) Чермоев.

Вот краткая справка о нем из БСЭ: «Чермоев Абдул-Межид Орцуевич (3/15.3.1882-1936) чеченский буржуазно-националистический деятель 1917-1919, нефтепромыш-ленник. Окончил Николаевское военное училище (1901), служил в кавалерии, в т. ч. в собственном конвое Николая II. В 1908 г. вышел в отставку, во время Первой мировой войны 1914-1918 – офицер кавказской туземной конной дивизии (т. н. «Дикой дивизии»). После февральской революции 1917 г. один из организаторов контрреволюционного «Союза объединенных горцев» и руководитель буржуазного «Терско-Дагестанского правительства». После установления советской власти в Дагестане в эмиграции, где продолжал антисоветскую деятельность» (БСЭ, 1978, Москва, том 29, с.81).

Зелимхан, как горец, любил выражаться образно, но решительно, а Чермоев, как горский интеллигент, «корректировал» его. В результате появилось названное прошение, которое я считаю «исповедью» Зелимхана. .

В конце 1911 г. Зелимхан заболел тяжкой болезнью, и никто не знал, что это за болезнь. Его лечили народной медициной, но не могли вылечить. В аулах врачей не было, а обращаться к врачам в городе было опасно. Неоднократные предложения друзей переехать в Турцию для лечения Зелимхан отвергал, чтобы его не посчитали дезертиром с поля битвы. Чеченцы придают слишком преувеличенное значение народной молве: «Если я уеду, народ меня назовет зайцем, а я хочу умереть, как волк, молча, достойно и с молитвой Аллаху на устах», – сказал он друзьям. Он сознательно начал искать эту достойную в – его глазах смерть – смерть в газавате с врагом. Этим, вероятно, и объяснялось, что он принял самоубийственное решение предать себя в руки своих кровников Бойщиковых, которые обратились к нему с великодушным предложением вызвать русского врача, если он переселится к ним на хутор под Шали.

Переезд еще больше ухудшил его состояние. Он не мог ни есть, ни пить, даже не мог вставать для молитвы. Он весь горел, разговаривать стало тяжело, и вместо врача Бойщиковы привели карательный отряд. С девяти часов вечера до рассвета Зелимхан вел бой и беспрерывно пел «Ясын» (отходная молитва мусульман). К рассвету Зелимхан вдруг перестал молиться. Не ранен ли он, спрашивают офицеры друг друга. Но не осмеливаются войти в дом. «Зелимхан притворяется мертвым, продолжать стрельбу», – приказал командир отряда Кибиров и долго, долго стреляли в него, но стреляли в труп. Зелимхан был мертв.

Это было 27 сентября 1913 г. Кавказская администрация ликовала. Бойщиков получил офицерский чин и 18 000 рублей награды. Кибирова повысили в чине и назначили полицейским начальником всего Туруханского края, где с ним дружил грузинский абрек Коба-Сталин.

Из А. Авторханов « Мемуары» Frankfurt/ Main: Possev-Verlag, 1983 г. (В сокращении)

ЗЕЛИМХАН ХАРАЧОЕВСКИЙ

В истории каждого народа есть свои герои, которыми гордятся, которых помнят, чтят, часто ассоциируют с ними целый народ, культуру. О них слагают легенды, песни, пишут книги, ими гордятся потомки. На них хотят быть похожими, их именами называют детей, ими восторгаются, им подражают, их цитируют.

Как правило, это люди с необыкновенной судьбой, нередко трагичной. Мировая история знает немало таких героев – защитников слабых и угнетенных, чьи имена на века остались в народной памяти. Нед Келли, австралийский бушрейнджер (разбойник),

известный дерзкими ограблениями банков и убийствами полицейских. Предания и баллады о «подвигах» Неда Келли, где он предстаёт как «благородный разбойник», появились ещё при его жизни и стали неотъемлемой частью австралийского фольклора. Уильям Уоллес – шотландский рыцарь и военачальник, предводитель шотландцев в войне за независимость от Англии. Почитается в Шотландии как патриот и народный герой. Наконец, Робин Гуд, принц нищих и воров, имя которого стало нарицательным, герой средневековых английских народных баллад, предводитель лесных разбойников. По преданию, действовал со своей шайкой в Шервудском лесу в окрестностях Ноттингема, грабил богатых, отдавая добытое беднякам.

Можно было бы назвать еще множество героев, чьи имена остались в благодарной памяти их народов. Все они жили и совершали свои подвиги в разное время и в разных условиях, но их объединяет личное мужество, нежелание мириться с притеснениями и несправедливостью, готовность даже в одиночку противостоять системе. Все эти качества в полной мере были присущи и чеченскому абреку Зелимхану. Однако, несмотря на то, что определенные параллели с судьбами вышеперечисленных народных героев разных стран и эпох напрашиваются сами собой, судьба Зелимхана Харачоевского по-своему уникальна…

Знаменитый чеченский абрек Зелимхан Гушмазукаев (по названию родового села названный Харачоевским) родился в январе 1872 г., в с. Харачой Грозненского округа, Терской области (ныне Веденский район Чеченской Республики). Стать абреком Зелимхана вынудили трагические обстоятельства, с которыми ему пришлось столкнуться: ложное обвинение в убийстве и последующее заключение в тюрьму. По словам самого Зелимхана, он происходил из зажиточной семьи, имел крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, мельницу и большую пасеку, в которой насчитывалось несколько сот ульев.

В 1901 году Зелимхан уже был семейным человеком и не помышлял о судьбе абрека. Но попытка женить младшего брата

Солтамурада привела к неожиданному конфликту – родственники девушки отдали её за другого. Стычка между молодыми людьми из соперничающих фамилий привела к гибели родственников Зелимхана. В ответ был убит человек из враждебной фамилии. Несмотря на то, что между сторонами состоялось примирение, власти стали производить дознание. Начальник участка, получивший взятку за ложное обвинение, указал на Зелимхана, его отца и двух братьев. Таким образом, было найдено юридическое обоснование для того, чтобы взять под арест самого Зелимхана и его родственников.

24 мая 1901 г. за осуществление акта кровной мести он был осужден на 3,5 года в исправительные арестантские отделения и сослан в Илецкую защиту. Летом 1901 г. был возвращен в Грозный для пересмотра судебного решения, после чего заключен в Грозненскую тюрьму. Этим же летом он совершил побег и стал активным участником абреческого движения.

После побега из тюрьмы Зелимхан некоторое время скрывается в родных местах и начинает бороться с несправедливостью. Он объявляет власти непримиримую войну. Неуловимость Зелимхана в течение многих лет (с 1901 по 1913 гг.) стяжала ему, как сообщалось в донесениях в Санкт-Петербург, «…славу среди туземцев, а громкие успехи сделали его народным героем». О Зелимхане слагались песни, рассказы, а в нагорных селениях Чечни ему было даже присвоено прозвище «наместника гор», как бы в противовес наместнику Его Императорского Величества на Кавказе.

Начиная с весны 1905 года, в Чечне и Ингушетии поднимается волна крестьянских выступлений. Волнения крестьян, которые продолжились и в 1906 году, приняли наибольший размах в Веденском районе, на родине Зелимхана. Отважные действия абрека Зелимхана вдохновляли крестьянские массы на борьбу и сыграли большую роль в том, с каким упорством крестьяне отказывались повиноваться колониальным властям.

10 октября 1905 года власти организовали погром чеченцев на грозненском базаре. В результате из казарм вышел Ширван-

ский полк – под командой полковника Попова – и расстрелял 17 чеченцев (по другим источникам 27). Ужасная весть дошла до Зелимхана. Абрек решил отомстить, и через неделю (в воскресенье, 17 октября) около станции Кади-юрт он со своим отрядом остановил пассажирский поезд, отобрал среди пассажиров 17 военных, в основном офицеров, и расстрелял их. «Передайте полковнику Попову, что жизни, взятые им в Грозном, отмщены», – так простился он с уцелевшими пассажирами.

4 апреля 1906 года абрек Зелимхан застрелил старшего помощника начальника Грозненского округа подполковника Добровольского, который покушался на жизнь брата абрека, Солтамурада, и не давал покоя родным и близким Зелимхана, требуя выдачи абрека. Летом 1908 года Зелимхан убил начальника Веденского округа полковника Галаева – за то, что тот хотел осуществить антикрестьянские проекты по землеустройству нагорной полосы, что вызвало в Чечне массовое недовольство, а также за то, что Галаев арестовал семейства, доводившиеся родственниками абреку по женской линии. Зелимхан сразил полковника метким выстрелом в лоб, сделанным с расстояния более 400 шагов.

Отряд Зелимхана фактически начал партизанскую войну против властей. На поимку дерзкого бунтаря были брошены крупные силы регулярной армии. В селах, которые укрывали абреков, проводились жестокие зачистки. Начались преследования родственников Зелимхана. 31 августа во время погони были убиты отец Зелимхана Гушмазуко и брат Солтамурад. «Все равно меня в живых не оставят, – заявил абрек, – лучше уж я уничтожу царских «начальников» и их прихвостней столько, сколько смогу». И буквально начал охоту на царских сатрапов. За помощь в поимке легендарного абрека царское правительство назначило награду в 5 000 рублей, впоследствии эта сумма была увеличена до 18 000 рублей.

9 января 1910 года, в два часа ночи, Зелимхан совершил налет на Грозненский вокзал и, издеваясь над карателями, увез

из кассы ровно 18 000 рублей. Отобранные деньги и ценности были распределены среди бедных. Приказом по Терской области властями был сформирован «временный охотничий отряд» во главе с войсковым старшиной Вербицким для уничтожения Зелимхана и его соратников. Этот отряд устроил побоище мирных чеченцев на гудермесском базаре, в результате которого погибло несколько человек.

Зелимхан, в ответ на гудермесский погром, 9 апреля 1910 года, заранее предупредив атамана Вербицкого о своем намерении, а также месте и времени нападения, в 12 часов дня ограбил Кизлярский банк. Вербицкий, разумеется, подготовил засады по пути предполагаемого маршрута следования Зелимхана. Однако отряду абреков в 60 человек во главе с Зелимханом удалось совершить невероятное: они, переодевшись казаками и разделившись на небольшие группы, удачно обошли засады, вошли в Кизляр, ограбили казначейство и скрылись, не потеряв ни одного человека. Вербицкий впоследствии попал под суд за бездействие и неудачи в поимке Зелимхана.

В сентябре 1910 года многотысячный карательный отряд начальника Назрановского округа князя Андронникова начал шестистороннее наступление с целью поимки абрека в горах. Андроников захватил в заложники жену и детей Зелимхана, за что поплатился жизнью. В рапорте Его Императорскому Величеству докладывалось, что 15 сентября на склоне горы Чорх-Корт было обнаружено жилище абрека Зелимхана, покинутое им не более как за день-два до прихода войск. А 18 того же сентября обнаружили в одной из пещер всю семью абрека. 20 сентября, проходя по Ассинскому ущелью, около 11.30 часов утра отряд подвергся нападению. Зелимхан с четырьмя товарищами устроил засаду карательному отряду князя Андронникова. В результате перестрелки, которая продолжалась около 5-ти часов, Зелимхан убил князя Андронникова, также был убит поручик 3-го Кавказского саперного батальона Афанасьев, тяжело ранен командир дагестанской сотни штаб-ротмистр Доногуев и шестеро

всадников. И все же, несмотря на дерзость и неожиданность нападения, отбить свою семью Зелимхану не удалось – слишком уж неравны были силы… Семья Зелимхана была доставлена во Владикавказ, абрек же и на этот раз скрылся.

Царская администрация всеми способами пыталась покончить с «нашумевшим» абреком, применяя при этом подкупы и расправы, – одним словом, свою излюбленную тактику «кнута и пряника». За провинность одного человека или группы лиц царская власть наказывала целые дворы, селения, а то и весь народ. Однако для народа Чечни непокорный Зелимхан был не «бандитом» и «разбойником», а заступником и героем, символом борьбы за справедливость и свободу. Его по праву считали заступником бедноты и грозой властей. Поэтому ему симпатизировали и помогали, иначе было бы невозможно в одиночку на протяжении стольких лет противостоять целой системе.

Дошло до того, что беднота стала приписывать Зелимхану чудесные способности, не подозревая вовсе, что сила Зелимхана была ее силой. Сам же Зелимхан искренне верил, что только месть может угомонить распоясавшихся преступников, пользующихся вседозволенностью и безнаказанностью. Бесстрашный и неуловимый абрек, не раз «воскресал» из мертвых: власти объявляли, что с абреком покончено, а он вскоре появлялся там, где хотел и когда хотел, уходил безнаказанным и невредимым, нанося большой урон властям.

Однако и абреки несли потери: 1 декабря 1910 года в своем родном селении Старые Атаги был убит абрек Абубакар Хасуев, ближайший друг Аюба Тамаева – соратника Зелимхана, а в марте 1911 года в селении Старые Атаги погиб и сам Аюб Тамаев. Кольцо вокруг абрека сжималось, он терял друзей, соратников, почти все родные и близкие Зелимхана были или убиты, или сосланы. В конце концов, он остался один.

Пословица гласит, что «один в поле не воин». Однако храбрый Зелимхан доказал всему миру, что «один в поле – воин, и даже победитель». Ничто не смогло сломить Зелимхана, он продолжал свою борьбу.

19 апреля 1911 г. Зелимхан встречается с 5-ю студентами-анархистами из Ростова-на-Дону, которые просили Зелимхана поддержать революционную борьбу в России. От них он узнал, что «царь не только чеченцам зло делает». Студенты подробно рассказали о той борьбе, которую ведут рабочие и крестьяне по всей России. Они вручили Зелимхану красно-чёрный флаг, четыре бомбы и печать, на которой было написано: «Группа кавказских горных террористов-анархистов. Атаман Зелимхан». С этого момента простодушный Зелимхан скреплял свои послания и ультиматумы этой печатью. В этой встрече, организованной через Шахида Боршикова, с обеих сторон участвовали 22 человека, среди которых оказались и 2 агента военного отряда.

Малограмотный Зелимхан написал много посланий. Он вовсе не был грамотен по русски, немного писал по арабски. Перед тем как совершить акт возмездия, Зелимхан старался предупредить, дать возможность отвратить наказание. Писал Зелимхан Добровольскому и приходил к нему сам. Писал Галаеву, Данагуеву, Вербицкому, Моргания, Дудникову, а также Каралову. Автором писем был всегда сам: текст диктовал своим «письмоводителям» Бетыр-Султану и Бачи-юртовскому Гаккай-мулле.

Письма, хранившиеся у Бетыр-Султана, были отобраны во время обыска начальником особого отдела какой-то дивизии. Письма Вербицкому, Каралову, Дудникову исчезли так же, как и письма Михееву. Сохранились лишь два письма к полковнику Галаеву, отрывок из письма к Данагуеву и короткая записка «любимому моему гостю Мусе Куни». А так же письмо председателю Государственной Думы, которое в свое время было опубликовано в газете «Голос Правды».

Зелимхан был просто неуловим и выбирался из самых трудных ситуаций. 15 октября начальник карательного отряда полковник Моргания с 3 ротами Дагестанского полка, двумя сотнями казаков и 16 всадниками-дагестанцами окружил с. Старосунженское, где ночевал абрек. Зелимхан прорвал окружение,

ушел невредимым. По приказу наместника Кавказа, в этом селе взорвали несколько домов, в которых 15 октября мог остановиться Зелимхан, а также взыскали 100 000 рублей штрафа с чеченского населения Грозненского и Веденского округов в пользу пострадавших от «зелимхановщины».

9 декабря 1911 года начальник карательного отряда полковник Моргания окружил пещеру недалеко от Харачоя, в которой скрывался Зелимхан. Из доклада командира пластунского батальона: «По распоряжению начальника Веденского округа, на скалу против пещеры было послано несколько охотников и кровников абрека. Взобравшись на вершину скалы, они увидели, что пещера чем-то заложена, и сделали по ней залп, на который из пещеры последовал ответ». Во время перестрелки, которая длилась более двух суток, в ответ на арт- и ружейный обстрел Зелимхан сделал пять выстрелов, убил одного (по другим источникам двоих) и ранил троих солдат. При осмотре пещеры около 9 утра Зелимхана в ней не оказалось. Абрек снова ушёл из окружения невредимым. После этого захватывающего эпизода, о котором писали провинциальные газеты, Зелимхан как в воду канул на два года.

Причина того, что абрека не могли поймать в течение долгих лет, была в том, что чеченцы и ингуши его всегда укрывали. Любое село почитало за честь приютить Зелимхана, несмотря на то, что селу за это грозило уничтожение. Однако все же нашлись предатели, которые сдали Зелимхана. 27 сентября 1913 года (по другим источникам 26 сентября) на хуторе близ Шали, больной и одинокий Зелимхан был окружен в доме целым карательным конным полком под командованием поручика Кибирова. Раненый предательским выстрелом в спину, Зелимхан начал бой с карателями, после многочасового боя убил и ранил многих, при этом ранив и самого поручика Кибирова, и погиб смертью героя. Примечательно, что враги целых 4 часа боялись подойти к телу погибшего абрека.

Вот как описывает в своей книге «Зелимхан» последние минуты жизни абрека писатель Магомет Мамакаев: «Грянул залп, и Зелимхан упал как подрубленный. Но в тот же миг снова вскочил на ноги и выпустил пять смертельных пуль в своих врагов. Дальше все происходило, как в фантастическом сне: раздавался залп – абрек падал; как заколдованный, вставал – и снова гремели выстрелы. И так продолжалось минут двадцать. Наконец он упал и долго не вставал. Но когда один из офицеров с криком «ура!» устремился к нему, Зелимхан, с усилием приподнявшись, сразил его выстрелом из браунинга. Все было кончено: кровь текла из его многочисленных ран так, что он походил на какой-то красный призрак. И все же Зелимхан встал во весь рост и, громко читая отходную молитву (Ясин), пошел навстречу подползавшим к нему солдатам. Еще выстрел – и Зелимхан упал на свою винтовку. Оборвались слова молитвы. Но еще долго никто из солдат и офицеров не решался подойти к нему, на всякий случай всаживая десятки пуль в мертвое тело абрека. Потому что и мертвый он казался своим врагам живым». Позже на теле абрека насчитали 32 раны. Его тело было доставлено в Шали и положено на площадь на обозрение зевакам и на потребу фотографам.

Сохранились уникальные фотографии тех лет, облетевшие тогда весь мир: большая группа солдат и офицеров, участвовавших в поимке Зелимхана, победителями стоит вокруг трупа этого человека-легенды. И мертвым абрек наводил на своих врагов ужас. Солдаты и офицеры считали для себя большой честью сфотографироваться рядом с телом Зелимхана. Говорят, когда одну из этих фотографий показали царю Николаю II, он долго и внимательно смотрел на нее, но так ничего и не сказал. Многие офицеры, принимавшие участие в «уничтожении смутьяна», были повышены в чинах и награждены.

В газете «Отклики Кавказа» 8 октября 1913 года появилась статья А. Макеева «Убит герой». Автор писал: «Не верится, что

убит Зелимхан. Мы видим в нем героя. В свое время он отказался идти в военные министры к персидскому шаху, сказав: «Не хочу воевать против какого-нибудь народа». Он любил свободу, был храбр, благороден. Он шел к жене и детям, когда его убили. Те, кто ловил его, – черные люди. Они останутся безвестными. О них ни сказок не расскажут, ни песен не споют. А о Зелимхане будет сложена поэма, может быть, опера. Пушкин и Лермонтов восхищались такими горцами. И не хочется верить в смерть Зелимхана!»

Зелимхан, человек огромного мужества и благородства, умел ценить эти качества и в других – даже если это были враги. Каждый свой доа после молитвы Зелимхан завершал словами: «О Всевышний Аллах, если я задумал что-нибудь несправедливое, то отврати мои мысли и удержи мою руку. Если я задумал дело правое, то укрепи мою волю: сделай глаз мой метким и руку твердой. Прости мне мои грехи, прости грехи всем несчастным, вынужденным идти моей дорогой».

Примечателен и тот факт, что во время одного из своих бесчисленных гастрольных туров по Северному Кавказу прославленный бас Фёдор Шаляпин был захвачен Зелимханом. Две знаменитости встретились на большой дороге между Владикавказом и Грозным. Когда абрек узнал, кто попал в его руки, он отложил мысли о выкупе и просто попросил своего пленника спеть. Фёдор Шаляпин спел, и растроганный до слёз Зелимхан отпустил его на все четыре стороны, взяв обещание никогда никому не рассказывать о том, что случилось. «Ты первый человек, – пояснил абрек артисту, – который видел мои слёзы». Об этом удивительном происшествии Шаляпин поведал только на смертном одре одному из своих присяжных в 1938 году, тем самым сдержав слово, данное им Зелимхану. К тому времени знаменитый абрек Зелимхан был мёртв уже двадцать пять лет.

Еще одна из многочисленных историй из жизни абрека, рассказанных простыми людьми… Однажды Зелимхан и его товарищ на краю леса, в районе Ачхой-Мартана, наткнулись на

подводу, груженную дровами. Хозяин подводы в мрачном настроении развязывал крепежные ремни, которыми были стянуты дрова. Удивленный этим, абрек спросил, почему он так поступает. Оказалось, у того только что выпрягли и увели лошадь. «Надо идти в село за подмогой, чтобы ремни тоже не стали добычей грабителей, я их и снимаю», – ответил хозяин. «Кто же это так с тобой поступил?» – спросил абрек. Ответ был: «Абрек Зелимхан».

После услышанного Зелимхан переменился в лице, закипая гневом, он тут же спросил, в каком направлении ушел грабитель. Пострадавший показал, и двое всадников пустились в погоню. Первым нагнал самозванца Зелимхан, заставил его сойти с украденного коня. Конокрад оказался односельчанином спутника Зелимхана – Бехо. «Не дай меня убить, Бехо!» – взмолился горе-конокрад. На что Зелимхан ответил, сдерживая ярость: «Я трижды предупреждаю провинившегося, прежде чем убить, иначе сразу же лишил бы тебя жизни, не дожидаясь, пока подъедет Бехо». Хорошенько отхлестав самозванца кнутом, Зелимхан двинулся обратно к подводе, а его заставил бежать рядом с лошадьми. Сначала Зелимхан хотел сдать самозванца родне пострадавшего от него горца, но в ответ на мольбу пленника и заступничество Бехо (все-таки односельчанин), наложил на него штрафные санкции: обеспечить в своем селе три семьи, где растут сироты, дровами по одной подводе на каждый двор в течение трех суток.

Легендам и рассказам о Зелимхане, его мужестве и благородстве, не было конца. И сегодня, спустя столетие, люди, рассказывая о событиях старины, говорят порой: «Это было во времена Зелимхана…», «он жил во времена Зелимхана», отдавая тем самым дань уважения памяти героя, который был и остается образцом мужества, силы духа и благородства.

Вахид Адуев. (В сокращении)

ЗЕЛИМХАН ИЗ ХАРАЧОЯ

Мирным человеком считался абрек Зелимхан из Хорочо. Его отец, Гушмазуко Бехоев в 1886 году «на 7 человек своей семьи имел один дом, двух волов, 5 коров, 28 баранов и земли на 3,5 дня пахоты». Исключительно своим трудолюбием его семья к началу XX века достигла опреде-ленного достатка. В 1901 году мирная жизнь семьи Зелимхана была нарушена. Все началось с того, что младший брат Солтамурад решил жениться. Он нашел невесту и по предварительному сговору с ней, Солтамурад «похитил» ее. Начались переговоры о примирении сторон, но в дело вмешался хорочоевский старшина и заставил Гушмазуко и его сыновей вернуть девушку. А вскоре, при содействии того же старшины, Зезаг выдали за Шугаипа Элсанова, сына старшины аула Махкеты.

Оскорбленные Гушмазукаевы решаются отбить девушку. Гушмазуко и его сыновья – Зелимхан, Солтамурад, племянники – Алимхан, Ушурма и друг Солтамурада – Исраил направились к Элсановым, просить вернуть Зезаг. На этой почве произошла драка, в которой Шугаип Элсанов убил кинжалом Ушурму. Гушмазукаевы решили отомстить, и убили главу семейства кровников – Элсана. По обычаю, на этом кровная вражда должна была прекратиться, но местная администрация решила дать делу ход, и началось следствие. Начальник участка, куда входило селение Хорочой, капитан Ханжалов, изобразил Зелимхана, его отца и двух двоюродных братьев закоренелыми убийцами. Всех отправили в тюрьму. Один из братьев Зелимхана умер в грозненской тюрьме, другой – в ссылке. Умер в это время и столетний Бехо.

На момент ареста Зелимхану было 28 лет. Сильный и волевой, он, совершив подкоп, сумел бежать. Вместе с Зелимханом бежали его первые сподвижники – Саламбек Сагопшинский,

Муса Саратиев, Бейсултан Шаамиюртовский и Дики Шалинский. Вскоре последний из них был пойман в своем родном селении и выслан в Сибирь на 20-летнюю каторгу. Муса и Бейсултан были убиты кровниками. «Я, – писал он, – бежал из грозненской тюрьмы с единственной целью – отомстить виновнику всех несчастий нашей семьи, капитану Х., но он нашелся. Узнав о том, что я бежал, он прислал ко мне человека, который сказал, что капитан Х., сознает свою ошибку, очень раскаивается и просит у меня прощения и, кроме того, обещает меня не преследовать никогда. Я поверил его раскаянию и простил ему». Но вскоре Зелимхан понял, что начальник участка его обманул, хотя и уехал служить в другой участок. «Таким образом, – писал Зелимхан, – из мирного жителя селения Хорочой я превратился в абрека Зелимхана из Хорочоя.». Сам Зелимхан был человеком необразованным, и письма его, составленные на арабском языке, ему писали другие люди. Есть предположение, что это письмо в Госдуму писал сын генерала Курумова, Муса Курумов, бывший большим другом абрека.

Зелимхан никогда не трогал простых людей и даже русских офицеров, с которыми случайно встречался. Один офицер, охотившийся в окрестностях Мержоя, решил отдохнуть на хуторе, расположенном здесь же. Вскоре сюда приехало несколько всадников во главе с Зелимханом. Они вошли в дом, где находился офицер. После некоторого замешательства, один из абреков обратился к русскому офицеру: «Зелимхан говорит: как ты такой человек и ходишь один в горах, не боишься его», то есть Зелимхана. Затем добавил: «Ничего, пусть ходит, в горах тебя не тронет никто». Когда ближе познакомились, то, по словам офицера, «за стаканом чаю много говорили мы с ним, и признаться, он, простой чеченец, абрек, подчас задавал мне такие вопросы и такие темы затрагивал, что невольно ставил меня в тупик. Беседа шла касаясь многих вещей и лиц, но, к сожалению, по причинам, от меня не зависящим, не может быть опубликована… Расстались мы друзьями».

В 1906 году за поимку или убийство Зелимхана царские власти обещали награду в 3000 руб., а за его отца и брата – по 500. Об этом знали и чеченцы и казаки, но абреки свободно проезжали через военные посты и появлялись в селениях и на базарах. Казачьи пикеты часто встречались с абреками в горах, на дорогах, но с молчаливого согласия не трогали друг друга. Более того, с 1906 по 1908 годы ни один начальник поста, ни один рядовой казак не донес на Зелимхана высшим инстанциям. Были сделаны попытки использовать для поимки Зелимхана шейхов и мюридов. В 1906–1908 годах эта привилегия была дана мюридам Али Митаева. Но эта затея ни к чему не привела – Зелимхан был желанным гостем и у мюридов Митаева и у мюридов Кунта Кишиева.

Дурной славой в народе пользовался помощник начальника Грозненского округа подполковник Добровольский, который буквально издевался над населением. Во многих селениях Чечни он держал за счет крестьян воинские отряды, арестовывал непокорных, преследовал родственников абреков. Зелимхан в своем письме в Госдуму писал: «Мой старый отец, уже вернувшийся домой, отбыл свой срок наказания, и, в особенности, брат – самый тихий и добродушный из харачоевцев, – подверглись со стороны Добровольского всевозможным гонениям, аресту на продолжительное время под тем или иным предлогом, штрафам и пр. и пр. мелочам, пересказать которые я сейчас не сумею, но которые тем не менее жизнь делают тягостною, а иногда и невыносимою». Далее Зелимхан повествует о том, как Добровольский встретил на дороге в Ведено его брата и приказал отобрать у него оружие. Солтамурад ударил по лошади и ускакал, начальник пустил ему вдогонку несколько пуль… Приехав в Грозный, Добровольский пожаловался начальнику округа, что брат Зелимхана оказал ему вооруженное сопротивление». Солтамурад по совету Зелимхана покинул дом и ушел за пределы Чечни. Но его выследили, поймали в Дагестане и посадили в Петровскую тюрьму, где он пробыв около года, бежал к брату. К этому времени из тюрьмы вернулся Гушмазуко, взяв действия абреческого отряда в свои руки.

4 апреля 1906 года на Веденской дороге Зелимхан подкараулил Добровольского и убил его. В письме в Думу абрек писал: «За то, что он заставил сделаться абреком моего отца и брата, обругал меня скверными словами, Добровольский поплатился своей жизнью». Убийства чиновника такого ранга в Чечне еще не случалось. В бессильной злобе начальство арестовало жену Зелимхана и его брата Хасана, мирного и кроткого человека. В 1907 году Зелимхан бросает вызов начальнику Веденского округа Галаеву. Он пишет ему письмо, в котором предлагает поймать себя любыми способами – «полицией, подкупом, отравлением, чем только он хочет». Весной, в самый час пик вечернего движения по главным улицам Грозного Зелимхан тихо и спокойно ограбил ювелирный магазин, который помещался в самом центре города, рядом с квартирой начальника округа и его управлением, где дежурил целый пост милиции, и всего в 400 шагах от казармы сотни казачьего полка.

При удачном набеге на богачей Зелимхан раздавал деньги и скот крестьянской бедноте и семьям чеченцев, сосланных в Сибирь. «Хозяйства, как сосланных, так и заключенных, совершенно разорились, – писал абрек, – жены и дети их живут подаянием добрых людей, да тем, что я иногда уделяю им из своего добра после удачного набега».

Огромное влияние на Зелимхана имел Муса Курумов, представитель новой чеченской элиты, придерживавшейся сепаратистских взглядов. Начальник Грозненского округа сообщал в область, что когда Зелимхан хотел взять в плен проживающую в Грозном семью ротмистра Донагуева, то его план был «отклонен интеллигентом из туземцев, имеющим громадное влияние на Зелимхана». Своим приближенным и всем горцам, с которыми абрек встречался, он часто говорил о скором прибытии из Дагестана «большого шейха, который будет воевать против гяуров».

И. Бызов «Абреческое движение в Чечне (19 век)».
ж-л «Чеченское общество сегодня» 2008

ОТВАЖНЫЙ АБРЕК ЗЕЛИМХАН

В эпоху колониализма первыми прославленным кавказскими абреками были Вара, убитый в 1865 году, а так же Назир-абрек и Атабай Карачаевский. В последующие годы их дело продолжили такие известные абреки как Эски, Осман Мутуев, Мехки, Зелимхан Гельдигенский, Саламбек Гараводжев. Но, безусловно, самым известным и почитаемым абреком был Зелимхан Гушмазукаев из с. Харачой близ Ведено. Он получил широкую известность далеко за пределами Чечни и даже за пределами Кавказа. О нем писали в центральных российских газетах, а все революционные партии, да и впрочем, все более-менее демократически настроенные слои российского общества горячо сочувствовали его борьбе против самодержавия.

Зелимхан начал свою борьбу в 1901 г. Поначалу он занимался грабежами богатых русских колонизаторов на дорогах и вскоре создал свой небольшой отряд. С самого начала он и его соратники по борьбе следовали правилу грабить только состоятельных и только не чеченцев. Наибольшая активность Зелимхана началась с начала революции 1905 года, в которой он, как и другие абреки, принял активное участие. Начиная с весны 1905 года в Чечне и Ингушетии поднимается волна восстаний. Крестьяне изгоняли назначаемых властями чиновников, захватывали частные и казенные казачьи земли, ранее конфискованные у них, отказывались платить налоги и выполнять повинности. Выступления горцев, которые продолжились и в 1906 году, приняли наибольший размах в Веденском районе, на родине Зелимхана. Отважные действия благородного абрека Зелимхана вдохновляли крестьянские массы на борьбу и сыграли большую роль в том, с каким упорством крестьяне отказывались повиноваться колониальным властям.

10 октября 1905 года власти организовали погром чеченцев на грозненском базаре. Войска расстреляли 17 чеченцев. Зелимхан решил отомстить и через неделю захватил пассажирский поезд, ограбил богатых русских пассажиров и 17 человек из них, в основном офицеров, расстрелял. «Передайте полковнику Попову, – сказал он уцелевшим пассажирам, – что чеченские жизни, взятые в Грозном, отомщены».

Ничто не смогло сломить Зелимхана, и он продолжал свою борьбу. В апреле 1906 года он убил начальника Грозненского округа подполковника Добровольского. В 1908 году Зелимхан метким выстрелом в лоб убил начальника Веденского округа полковника Галаева, узнав, что тот советовал своим подручным стрелять абрекам в лоб. За помощь в поимке легендарного абрека царское правительство назначило 5000 рублей, а в последствии эта сумма была увеличена до 18000 рублей. В январе 1910 года Зелимхан совершил налет на Грозненский вокзал и, издеваясь над карателями, увез из кассы ровно 18000 рублей.

Отряд Зелимхана начал фактически партизанскую войну против властей. Против него были брошены крупные отряды регулярной армии. В селах, которые укрывали абреков, проводились жестокие «зачистки». Начались преследования родственников Зелимхана: были убиты его брат и отец, жители целых чеченских сел поголовно ссылались в Сибирь, если становилось известно, что там ночевал абрек. В 1910 году начальник Назрановского округа князь Андроников захватил в заложники жену и детей Зелимхана, за что поплатился своей головой. Абрек вышел ему навстречу с горсткой товарищей на горной дороге и лично застрелил Андроникова прямо на марше, когда он во главе 2 тысяч солдат вез его семью во Владикавказ.

Приказом по Терской области властями был сформирован «временный охотничий отряд» во главе с войсковым старшиной Вербицким для уничтожения Зелимхана и его соратников. Этот отряд устроил побоище мирных чеченцев на гудермесском базаре, в результате которого погибло несколько человек. Зелимхан

решил отомстить и убить Вербицкого, но от этого шага его отговорил один очень авторитетный чеченский интеллигент, которого он не мог не послушать. И тогда Зелимхан решает отомстить Вербицкому другим способом – совершить набег на Кизляр и ограбить там местное казначейство. При этом он решается на безрассудно смелый шаг – он предупреждает Вербицкого о запланированном месте и времени нападения.

На Зелимхана и его отряд, разумеется, была подготовлена засада. Но отряду абреков в 60 человек во главе с Зелимханом удалось совершить невероятное – они удачно обошли засады, переодевшись казаками, и, разделившись на небольшие группы, ограбили казначейство и скрылись, не потеряв ни одного человека! В полицейском отчете сообщалось, что скрыться Зелимхану от полицейских и казаков помогли жители одного из чеченских сел. Они стерли следы, оставленные копытами коней абреков на 15-верстном отрезке дороги. «Безнаказанность чеченских аулов, по которым прошла шайка Зелимхана после ограбления кизлярского казначейства, конечно, окрылит разбойников и повлечет их на новые подвиги», – говорилось в том же отчете. Село было сожжено, жители высланы в Сибирь.

Добыча от этого налета была совсем небольшая, если учитывать численность отряда – всего-то 5000 рублей. Но не это было главное: Вербицкому удалось отомстить и теперь он попал под суд за бездействие и неудачу в поимке Зелимхана. Однако и силы абреков вскоре понесли тяжелую утрату – в марте 1911 года в селении Старые Атаги был убит ближайший сподвижник Зелимхана абрек Аюб Тамаев.

Однажды во время гастролей по Северному Кавказу в заложники к Зелимхану попал знаменитый певец Федор Шаляпин. Когда Зелимхан узнал, кто попал к нему в руки он решил не требовать с него выкуп и просто попросил его спеть. Когда Шаляпин спел, растроганный до слез абрек отпустил его на свободу, но взял с него слово, что он никому не расскажет, что видел слезы на глазах чеченца. Шаляпин сдержал свое слово, и рассказал эту историю только в 1938 году, на смертном одре.

Русским революционерам так и не удалось установить контакт с Зелимханом, о чем они, конечно, впоследствии очень сожалели. Ведь из Зелимхана мог получиться еще один Котовский. Однако связь с революционным движением в России Зелимхан все же установил, через анархистов. В 1911 году с знаменитым абреком встретились несколько студентов-анархистов из Ростова-на-Дону. От них он узнал что «царь не только чеченцам зло делает». Студенты подробно рассказали о той борьбе, которую ведут рабочие и крестьяне по всей России. Зелимхан с сочувствием и поддержкой отнесся к гостям. Они расстались друзьями и соратниками. Студенты вручили Зелимхану красно-черный флаг, четыре бомбы и печать, на которой было написано: «Группа кавказских горных террористов-анархистов. Атаман Зелимхан». С этого момента простодушный Зелимхан скреплял свои послания и ультиматумы этой печатью.

Зелимхан был просто неуловим и выбирался из самых трудных ситуаций. В октябре 1911 года ему удалось бежать из окруженного села Сунженское, а в декабре того же когда он умудрился бежать из окруженной пещеры. Причина того, что абрека не могли поймать в течение долгих лет была в том, что чеченцы и ингуши его всегда укрывали. Любое село почитало за честь приютить Зелимхана, несмотря на то, что селу за это грозило уничтожение. Однако все же нашлись предатели, которые за деньги сдали Зелимхана. 26 сентября 1913 года близ Шали заболевший Зелимхан был окружен целым полком карателей и после многочасового боя убит. Примечательно, что враги целых 4 часа боялись. После революции 1917 года Зелимхан почитался как герой национально-освободительной борьбы, выразитель интересов горской бедноты каким он и был. О нем было написано несколько книг, а киностудия «Восток-кино» сняла о подвигах Зелимхана немой фильм.

М. Мурлин. (В сокращении)

АБРЕКИ ПО-КАВКАЗСКИ

Вот как писатель Манаф Сулейманов в своей книге «Дни минувшие» описывает на ее страницах нежданную встречу Зелимхана с магнатом-миллионером Ага Муртузом Мухтаровым, в ожидании поезда в Баку обедавшего с другом в пристанционном железнодорожном ресторане станции Беслан.

«Внезапно в зале поднялся переполох, раздались крики: «Зелимхан едет!», «Конница Зелимхана захватила станцию!». Собеседник Ага Муртуза, побледнев от страха, предложил: «Ага, у меня карета наготове и лошади в упряжке, поедем-ка поскорее от греха подальше!». Мухтаров и бровью не повел: «Никуда я не поеду! И тебе делать это не советую.».

Вскоре на опустевшую привокзальную площадь въехал отряд вооруженных всадников. Некоторые из них вслед за Зелимханом заглянули в ресторан. И тут внимание грозного предводителя абреков как-то сразу привлекли два человека интеллигентной наружности, мирно о чем-то беседовавшие за столом. Он посылает одного из своих нукеров с приказом привести их к нему. Мухтаров, улыбнувшись, отказывается идти на поклон к Зелимхану. Узнав об этом, абреки просят разрешить им наказать наглеца за неповиновение предводителю.

Цыкнув на них, абрек сам подходит к невозмутимо обедающим гостям. Ага Муртуз, привстав, придвигает ему стул со словами: «Садись, гостем моим будешь!». Слова незнакомца понравились Зелимхану. Сел, быстро разговорились. Прощались они уже друзьями. Впоследствии они не однажды одаривали друг друга подарками. Зелимхан, например, прислал Мухтарову в серебряных ножнах кинжал и башлык с золотыми кистями – в знак признания его мужества и смелости. Мухтаров же, после

гибели Зелимхана, перевез его сына и дочь в Баку, содержал их как своих родных детей, а затем отправил за свой счет учиться в Петербург. Сын Зелимхана со временем стал хорошим агрономом, а дочь – врачом (не совсем так – ЛГ).

А вот еще одно повествование о Зелимхане, записанное много лет назад автором со слов профессора Магомедхана Каждаева, известного бакинского хирурга-отоларинголога: «До революции мой отец Давуд арендовал жилой дом в селе Ботлих Андийского округа Дагестанской области на пригорке главной улицы. На первом этаже дома находился магазин, в котором торговали черными и белыми андийскими бурками, черкесками с галунами, кавалерийскими бурками, шерстяными, шелковыми, суконными и бязевыми тканями в рулонах. А попутно торговали в магазине также сахарными головками, грузинским чаем в железных коробках, конфетами, женскими ювелирными украшениями, парадным холодным оружи¬ем, керосиновыми лампами, наборами восковых свечей, оконными стеклами и т. д.

В комнатах же второго этажа с окнами, глядящими в ущелье Андийское Койсу, с каменным, времен первой Кавказской войны, мостом через реку, мы жили всей семьей. Жили мы зажиточно, ибо торговля была прибыльной. Мой старший брат Юсупгаджи обучался банковскому делу, а я учился в Тифлисской гимназии. Справедливости ради надо бы сказать, что своим благополучием и достатком мы многим были обязаны грозному Зелимхану, именем которого в семьях горцев в то время пугали непослушных детей. Он, как давнишний друг и кунак отца, опекал нашу торговлю, а когда обстоятельства требовали, решительным образом пресекал гнусные, ультимативные порой поползновения конкурентов, которых у нас было немало в самом Ботлихе и в других аулах округа.

Появлялся Зелимхан со своими вооруженными людьми не часто, но, как правило, неожиданно, без предупреждения, рано утром или в вечерних сумерках. И, чаще всего, транзитом, когда путь куда-то надо было держать через Ботлих. Иногда, за чаем

поговорив о чем-то с отцом, спешно уезжал, а случалось – оставался ночевать. А пока он спал, по просьбе отца, домочадцы торопливо заполняли переметные сумы гостей тканями, детской одеждой, обувью, коробками грузинского чая. Да и сам Зелимхан заявлялся к нам отнюдь не с пустыми руками: отцу всегда привозил лучших сортов турецкий табак, что-то моей матери, а мою пятилетнюю сестренку Аймисей радовал куклами, разными игрушками, шоколадными конфетами, монпансье. Однажды, помнится, Зелимхан, приехав, как всегда, неожиданно, одарил моего брата Заида уменьшенной в размерах точной копией английской шестизарядной боевой винтовкой, стрелявшей пулями также соответственно уменьшенных калибров.

И вот, надо же, в один из летних жарких дней, когда Зелимхан с отцом и несколькими своими телохранителями в большой комнате за столом ели хинкал, случился конфуз, как-то сразу отдаливший его от нашей семьи. Связано это было как раз с сестренкой: едва Зелимхан и его абреки, заехав во двор, с дороги возились с лошадьми, поклажей, перевешивали ружья, кто-то из домочадцев, не поставив отца в известность, на всякий случай, решил уложить Аймисей в вещевой сундук. «Лежи тихо – спокойно, – сказали ей, – и ничего не бойся». Девочка, действительно, в первое время тихо – неслышно лежала, но потом, то ли ей в сундуке воздуха не стало хватать, то ли с испугу, Аймисей вдруг заплакала. Зелимхан вопросительно глянул на отца, быстро привстав, и до половины вытащил кинжал из ножен. Отец в страшном недоумении и волнении, приблизившись к злополучному сундуку, приподнял крышку сундука, из которого с воплем выскочила дочь.

Зелимхан облегченно вздохнул, словно гору с плеч сбросил и, покачивая головой, посмотрел укоризненно на все еще недоумевающего отца, и что-то по-ингушски (по-чеченски) сказал своим людям. Те, спустившись с внутренней веранды во двор, стали спешно седлать лошадей. Напрасно отец, извинившись, пытался, как мог объяснить, что случившееся – это всего лишь

досадное недоразумение, к которому он не имеет никакого отношения, что люди, пытавшие упрятать дочку, будут наказаны; Зелимхан был неумолим в своем решении покинуть наш дом.

– Ты меня, Давудбек, сильно обидел! – сказал он, вставая из-за стола. – Хотел бы я знать, кто это тебе сказал, что Зелимхан обижает женщин, детей! Даже, если так сказали, почему поверил? Ведь мы с тобой давние друзья, кунаки, на¬званные братья, как ты не раз мне заявлял. Или ты так больше не считаешь?

И, накинув на крепкие мускулистые плечи бурку, спустился во двор, где лошади после сытной фуражной трапезы жадно припали к холодной воде. Помедлив, пока лошади утолят жажду перед дальней дорогой, Зелимхан ловко взлетел в седло и вслед за товарищами выехал на пыльную дорогу, петлявшей по левому берегу реки Андичай – в сторону горного аула Конхидатль.

Эта была наша последняя встреча с отважным, но, как и все горцы, обидчивым и ранимым человеком. Больше Зелимхана в Ботлихе никто не видел, точно слово на Коране дал – стороной далекой обходить не только дом наш, но и аул, что в сердце андийских гор. Предчувствуя недоброе, мы, конечно же, очень сожалели об этой размолвке. И точно: за год с несколькими днями до гибели Зелимхана, о чем, к слову, мы с большим опозданием узнали из тифлисской газеты «Кавказ», прямо в магазине наемный убийца застрелил нашего отца.

Старший брат Юсупгаджи после похорон (уже на правах главы семьи) продав домашнюю утварь, а в магазине все оставшиеся товары, спешно отвез всех нас в Кумух, а сам через какое-то время негласно вернулся в Ботлих и, выйдя на заказчика убийства отца, местного богатого купца, разрядил в него свой револьвер и сдался военным властям. Прямо-таки вендетта по-кавказски. За пролитую кровь Юсупгаджи был сослан на долгие годы на каторжные работы в холодную, снежную Сибирь. Вернулся в Кумух уже после революции. Больным, изможденным от цинги и без одной ноги, зато героем в глазах всех сельчан. Древние, настоянные на народных обычаях и традици-

ях адаты, и в этом случае оказались сильнее шариатских законов великого Шамиля».

Зелимхана долго не могли словить, несмотря на все старания регулярных воинских частей и разных иррегулярных формирований – всегда уходил, минуя успешно все облавы, западни, заслонные кордоны на дорогах и высокогорных тропах. Стрелял он без промаха, был неутомим, быстр на ноги, а наездником – отменным. Хорошо ориентируясь в горах, знал, где и как скрываться, где проявлять природную свою смекалку, а то и хитрость. Однажды в районе старой крепости «Сундукели» (не там. Близ Харачоя – ЛГ), имитировав внезапное нападение с кручи, выбрался из окружения, другой раз отвлек внимание близко подступивших карателей, скатив по склону ущелья самовар, упрятанный в бурке.

И все же отряду терских казаков, каким-то образом, говорят, не без помощи предательства, удалось напасть на след Зелимхана и окружить его. В завязавшейся перестрелке он был ранен в ногу и грудь, на предложение же сдаться, отвечал меткими выстрелами. Третья же пуля карателей, увы, оказалась смертельной. Случилось это ранним утром 29 сентября 1913 г.: по одним сведениям на Военно-Грузинской дороге – в трех километрах от села Нижний Ларе, по другим – у развалин крепости XIX в. «Редант», что в восьми километрах от Владикавказа (в чеченском с. Шали – ЛГ).

В тот же день погибшего абрека прямо с поля боя – в папахе и пробитой пулей в черкеске – на арбе привезли в главный город Терской области – Владикавказ (не привозили, дело происходило в Шалях – ЛГ), где на одной из площадей города (возможно, Базарной или Привокзальной) фотографы владикавказского издательства А. Я. Шишкова (предварительно словно паутиной оплетя безжизненное тело патронташами, пристегнув к поясу горский в простых ножнах кинжал, вложив в ладонь левой руки самозарядный пистолет, а чуть выше колен разутых ног

поперек пустив трехлинейку образца 1891 г.), сделали с десяток стеклянных негативов для почтовых открыток. И, конечно же, у павшего в неравном бою знаменитого абрека «запечатлеться на память» желание изъявили и каратели. При полном вооружении – с винтовками, саблями и во главе с горделивой наглостью восседавшим на стуле раненного в плечо (скорее всего, как всегда меткой пулей Зелимхана) то ли казачьим унтер – офицером, то ли полицейским урядником.Лишь «насытившись» фотографированием, тело абрека для захоронения на мусульманском кладбище было отдано семье – брату, жене, детям.

В вещах убитого Зелимхана были обнаружены разного рода эссеровская литература, прокламации, какие-то бумаги с печатями. Сегодня сразу и не скажешь, что могло связывать храброго, но безграмотного абрека с по-европейски образованными социалистами – революционерами, из среды которых вышли Чернов, Керенский, Спиридонова и другие. Но вот о чем тут я подумал: уж не видели ли последние в Зелим-хане одного из возможных своих удачливых «добытчиков денег» для своих политических акций? Ведь трудился же на подобном поприще (и, надо сказать, весьма успешно) по заданию вождей большевистской партии для нужд грядущей социалистической революции, коммунист с 1901 г. Тер-Петросян, по кличке «Камо», под угрозой оружия экспроприировавший деньги из банков, коммерческих и торговых учреждений в различных регионах империи. За эти действия он четырежды приговаривался к смертной казни.

С жизнью же Тер-Петросян распрощался в 1922 г., на одной из таких улиц Тифлиса, случайно попав под колеса грузовика. А, может быть, и вовсе не слу¬чайно? Дело в том, что свидетелей как добрых деяний, так и нелицеприятных, одинаково не жаловали даже в античные времена.

Засл. журналист Азербайджана Ф. Закиев.
Из статьи «Абреки по-кавказски»

КАВКАЗСКИЙ РОБИН ГУД

Горцы – народ воинственный и свободолюбивый, то тут, то там в аулах возникали вооруженные стычки с русскими. В 1910-1911 годах на Кавказе происходила настоящая война, связанная с именем Зелим-Хана, разбойника в глазах русских и героя-патриота в глазах горцев. Зелим-Хан со своим небольшим отрядом смельчаков нападал на русских, завоевателей его родины, грабил и убивал их, а награбленное тут же раздавал жителям ближайшего аула. Для борьбы с этим кавказским Робин Гудом был создан специальный кавалерийский отряд, в который, кроме русских солдат, входило также немало горцев – личных врагов Зелим-Хана или его приближенных.

Зелим-Хан был неуловим. Отец рассказывал – не без восхищения, – как, бывало, за Зелим-Ханом мчится погоня прямо по пятам. Он влетает в аул и приказывает своему отряду броситься врассыпную, а сам продолжает скакать на виду у русских. Те, конечно, скачут за ним – и вдруг Зелим-Хан исчезает, как сквозь землю проваливается, и все поиски его оказываются тщетными (не было аула, где бы не было сочувствовавших ему горцев, которые его прятали).

Особенно прославился Зелим-Хан в одном эпизоде, в котором проявилась его смелость, находчивость и остроумие. В тот раз русские загнали его в ущелье. Зелим-Хан на своем коне очутился на узкой тропинке, такой узкой, что разминуться на ней было невозможно: обычно горцы, въезжая на нее, стреляли, давая сигнал встречному, чтобы тот подождал, Русские расположились в обоих концах тропинки. Офицер русского отряда, в полной уверенности, что теперь-то Зелим-Хану не уйти, послал к нему парламентера с запиской: «Сдавайся, Зелим-Хан! Ты у

меня в кармане». Тот отказался сдаться. Приближалась ночь, и русские расположились на ночлег, зная, что у Зелим-Хана нет возможности спастись. Под утро они вдруг услышали шум: Зелим-Хан на своем коне прыгнул в ущелье! Русские оторопели: даже от Зелим-Хана, с его невероятной храбростью и ловкостью, они этого не ожидали. Оба отряда покинули свои посты и устремились вниз в ущелье ловить храбреца. А Зелим-Хан тем временем преспокойно вышел по тропинке и скрылся: оказалось, что он столкнул в пропасть своего верного любимого коня, пожертвовав им для спасения своей жизни. На другой день русский офицер получил от Зелим-Хана записку: «Князь! А карман у тебя дырявый».

По странному стечению обстоятельств, много лет спустя, когда я с дочерьми очутилась в Америке, моя старшая дочь Ася разговорилась однажды со своим издателем, Израилем Григорьевичем Раузеном, и выяснила, что в 1910 году тот служил на Кавказе в кавалерийском отряде русской армии и участвовал в поимке Зелим-Хана! Раузен был потрясен, потому что за все годы его пребывания за границей он первый раз встретил человека, знавшего о Зелим-Хане. Он с увлечением стал рассказывать подробности кампании против этого «разбойника», упомянув и эпизоде запиской о «дырявом кармане»,

Погиб Зелим-Хан из-за женщины: она выдала его из ревности (правы французы, говоря chercher la femme). Когда русские окружили саклю, где был Зелим-Хан, он долго отстреливался, но наконец замолк. Солдаты ждали. Дверь сакли медленно распахнулась, и Зелим-Хан появился на пороге. Солдаты подумали, что у него кончились патроны, но не решались к нему приблизиться, боясь подвоха. И не напрасно: Зелим-Хан дал по врагам еще несколько залпов и, наконец, рухнул на землю бездыханный. Тогда солдаты подошли к нему и поразились, как он мог держаться на ногах и отстреливаться: все его тело было пробито пулями.

Из книги Кардиналовской Т.М. Воспомининания. 1993 год.

АБРЕК ЗЕЛИМХАН И ИНГУШЕТИЯ

7 марта 1909 года приказом Михеева по Терской области формируется временный «охотничий отряд» во главе с войсковым старейшиной Вербицким, задачей которому ставилось «возможно спешное искоренение краж, грабежей и разбоев в пределах Хасав-Юртовского, Веденского, Грозненского и Назрановского округов, совершаемых здесь в сопредельных районах отдельными порочными лицами из туземцев». Главной же задачей отряда была поимка абрека Зелимхана и его соратников. Отряд был создан из различного отребья, и командир отряда Вербицкий, выписанный из Кубани, был авантюрист по натуре, позер и трус. Отряд не столько занимался поимкой абреков, сколько убийствами и грабежами мирного населения. Помню, в детстве мать пела сложенную в те недоброй памяти времена песню, которая начиналась со слов: «Сгори в огне, Вербицкий.». Много горя и бед принес отряд Вербицкого Чечне и Ингушетии. Уничтоженные села, сотни растрелянных без суда и следствия, тысячи высланных в Сибирь.

В апреле 1909 года, чтобы захватить семью Зелимхана, помощник наказного атамана Терской области князь Орбелиани направляет в ингушские горы на Ассу сотню казаков, роту пехоты и девять офицеров. Вербицкий отказался возглавить экспедицию, сославшись на болезнь. По дороге к месту предполагаемого нахождения семьи Зелимхана (две женщины и пятеро детей) попался хутор Цорх. Капитан, возглавлявший отряд, решил сделать здесь обыск, так как в Цорхе проживал постоянный укрыватель Зелимхана Габис. Когда отряд поскакал к хутору, из одной сакли раздались выстрелы. Отряд со всех сторон обстрелял саклю, и, когда выстрелы оттуда прекратились, боясь входить сами, послали туда старика-ингуша, который вышел и

сообщил, что все в доме убиты. Даже после этого сообщения бравые вояки послали в расстрелянный дом, чтобы вынести оружие, обезумевшую от горя и страха женщину.

Когда по окончании дела отряд стал уходить, то в версте от Цорха попал под обстрелы. Оказалось, что единственный оставшийся в живых сын Габиса Гатагажева устроил засаду, призвав на помощь жителей хутора Сарали-Опиева. Попав в засаду, отряд заметался, не думая о сопротивлении. Карателей парализовал страх. Храбрые против беззащитного населения, тут они пытались спасти свою жизнь, в том числе и сам капитан Дудников. Вместо того чтобы идти на поимку семьи Зелимхана, отряд стал спешно уходить через ущелье, где был расстрелян разъезд первой сотни Кизляро-Гребенского полка. Отряд своей цели – поимки семьи Зелимхана – не достиг, однако многие чины отряда «за успешное дело в Цорхе» были награждены. Наместник Кавказа Воронцов-Дашков, которому подчинялась Терская область и резиденция которого находилась в Тифлисе, пытался показать себя либеральным деятелем, разрабатывал проекты земского и иного самоуправления на Кавказе, в то же время твердо и властно предписал «жителей Цорха и Сарали-Опиева хутора расселить по местам приписки и сверх того самые постройки Цорха уничтожить». В мае 1908 года атаман Вербицкий с большим усердием выполнил предписание наместника. Жители Сарали-Опиева хутора частью были выселены на Фортангу в ЦIечe Ахке, частью – в село Мужичи. Так кто же такие были жители Сарали-Опиева хутора, пришедшие в трудную минуту на помощь жителям Цорха?

Прежде всего это были люди из рода ЦIечой.Одного из достойнейших мужчин Ингушетии, бывшего сподвижника имама Шамиля из рода Цечоевых звали Саръал сын Опы (Уопы). По его имени назывался хутор. И ныне большинство его потомков, проживающих в с. Алкун и ст. Орджоникидзевской, пишут фамилию Опиевы. Кто же из Цечоевых-Опиевых пришел на помощь жителям Цорха? С таким вопросом я обратился к Опиеву

Салману Ахмедовичу, большому знатоку прошлого ингушей, уникально знающему ингушские обычаи и традиции.

В числе тех, кто пришел на помощь жителям Цорха, были Опиев Магомед Саралиевич – дед моего информатора, Опиев Хадис Саралиевич – его дядя, Цечоев Зубеир и Габарте (Паьбарте) Мейлиевичи, Цечоевы Висангирей, Мочко, Муса Асангиреевичи, Дашлакиевы (Цечоевы) Сардал и Магомед Дашлакиевичи, племянники Цечоевых – сыновья Тимурзиева Эльберда.

А теперь мне хотелось бы, отступив от фактической стороны дела, рассмотреть моральный аспект этого вопроса. Горстка жителей Опи-Саралиева хутора выступает на помощь своим гибнущим соплеменникам против целого отряда и обращает его в бегство. Конечно, каждый из них знал, что они обрекают на гибель себя, на уничтожение свой хутор. И только счастливое стечение обстоятельств и трусость царских вояк помогли им в бою. То, что сделали жители Опи-Саралиева хутора, было сознательное самопожертвование настоящих мужчин во имя долга чести. Наши предки говорили: «Если думать о последствиях – никогда не выполнить долг мужчины». Вот эта национальная черта – выполнить долг чести, приходить на помощь друг другу, не думая о последствиях, не раз в нашей тяжкой истории помогла выстоять, выжить. И поэтому такие достойные поступки наших предков должны становиться достоянием наших потомков.

И наконец, после нашумевшего на всю Россию ограбления Зелимханом и его сподвижниками Кизлярского банка войсковой старшина Вербицкий, который к этому времени атаманствовал над Кизлярским отделом, был предан начальством суду.Эпоха Вербицкого оставила в памяти народа неизгладимый след. Следствием карательной деятельности царских властей было то, что все большее число людей пополняло ряды абреческого движения. И мрачные дни похода полковника Вербицкого ознаменовались рядом дерзких абреческих налетов на Владикавказ: на мельницу Проханова, на купца Резакова, на склад Кролика, на магазин Симонова и т.д.

8 января 1910 года абреками во главе с Зелимханом была ограблена касса железнодорожного вокзала в г. Грозном, из которой было взято 18 тысяч рублей. К этому времени прошло более двух лет, как в депозитивах начальника Терской области лежали невостребованные 8000 рублей, собранные с населения Веденского округа и предназначенные в награду за поимку или уничтожение Зелимхана Гушмазукаева. Значит, было нечто такое, что стоило больше любых денег, больше собственного имущества и самой жизни и не позволяло продать или убить Зелимхана и его соратников.

После предания полковника Вербицкого суду за то, что не сумел поймать или уничтожить Зелимхана в Кизляре, новым начальником Назрановского округа был назначен князь Андроников, грузин по национальности, гвардейский офицер, переведенный на Кавказ за какую-то провинность, человек большого личного мужества. По плану, разработанному князем Андрониковым и одобренному начальником области Михеевым и наместником Кавказа Воронцовым-Дашковым, началась новая подготовка к походу против Зелимхана и его семьи в горную Ингушетию. Поход приурочили к осени, когда начнет опадать листва с деревьев.

25 сентября 1910 года началось общее наступление. Из Владикавказа через хребет Галанчож наступала рота Апшеронского полка. Через Ассинское ущелье – сотня Дагестанского конного полка и сотня Кизляро-Гребенского полка, сотня милиции и пулеметная рота из Грозного и Ведено, через реку Фортангу – две роты ширванцев и самурцев. Из Тифлиса через Тионетский уезд был двинут батальон гренадеров и из Телава – эскадрон драгун. Апшеронцам придали взвод саперов, чтобы взрывать ингушские башни, непокорные аулы и мосты, по которым мог бы уйти Зелимхан.

Узнав, что против двух женщин готовится поход двух тысяч царских войск, Зелимхан срочно из Чечни продвигается в горную Ингушетию. Но так как все дороги и тропинки были заняты солдатами, он не мог пройти к семье. А семья к тому

времени была захвачена в плен. Зелимхан пробирается в Эшкал, где находился штаб отряда, и тайно вызывает к себе ингушского офицера, бывшего при отряде.Дзахо Гатуев в книге «Зелимхан» пишет, что фамилия этого офицера была Шабадиев.

Зелимхан просит освободить своих четырех товарищей – ингушей, находящихся при отряде. Шабадиев отвечает, что если он поможет арестованным бежать, то царский суд его, ингушского офицера, расстреляет. И все-таки, несмотря на смертельную угрозу для себя, Шабадиев (а правильно Шадиев Мурцъал Арсамакович) помогает четырем абрекам-ингушам бежать к Зелимхану. Поступок Шадиева неординарный. Он говорит о большом личном мужестве, патриотизме и готовности этого человека жертвовать собой во имя долга чести, во имя защиты своего обездоленного народа. Он действительно являлся в отряде Андроникова заложником своего народа. И потомки Шадиева Мурцала Арсамаковича могут им гордиться.

Итак, вместе с бежавшими к нему четырьмя абреками, четырнадцатилетним братом Бисултаном и Эльбертом (фамилию установить не удалось. – С. Х.) в отряде Зелимхана стало семь человек. Семь – против двух тысяч! Да к тому же у бежавших абреков были только дробовики. У четвертого моста через Ассу по обоим берегам реки на скалах абреки устроили засаду. Как только конь Андроникова ступил передними копытами на мост, один из бежавшей четверки абреков Азмат Цароев убил князя Андроникова, предварительно выпросив это право себе. Зелимхан тяжело ранил командира дагестанцев Данагуева.

После первых выстрелов смешались казаки, солдаты остановились. Тогда, подавая личный пример, вперед ринулся поручик Афанасьев, тот самый Афанасьев, под командованием которого незадолго перед боем группа саперов взорвала башенные постройки и дома в Кекке и Нелхе за укрывательство Зелимхана. Убил Зелимхан и поручика Афанасьева.

По просьбе полковника Курдиева, ингуша по национальности, из ближайших аулов пригласили стариков-хаджи, чтобы просить абреков не стрелять больше. Многие дагестанцы и

казаки были убиты, ранены. Уговорили старики Зелимхана не стрелять. Да и патронов у него оставалось мало. Не мог Зелимхан донести две тысячи патронов, чтобы убить две тысячи карателей.

Узнав о случившемся, начальник Терской области генерал Михеев пришел в ярость. Он собрал всех ингушских старшин и дал им две недели сроку, чтобы выселиться с арендованных казачьих земель, уплатить все недоимки и поймать Зелимхана. Кроме того, селу Сагопши было предъявлено требование выдать легендарного абрека Сулумбека Горовожева, в противном случае будет уничтожено село.Но не могли ингуши поймать и выдать Зелимхана, как не могли выдать и Сулумбека. Это было выше их сил. Закон гостеприимства был свят. Да и доносчики, предатели пользовались в народе самым большим презрением. В определенные времена горское гостеприимство приобретало широкий политический смысл. «Гонимые царской администрацией угнетенные люди находили приют и гостеприимство в горах у сочувствующих им горцев. По понятиям горцев, гость – лицо священное для них, – писал Н.Ф. Грабовский. – Обязанности гостеприимства распространялись на любого мирно вошедшего во двор дома или вступившего на землю, принадлежащую хозяину».И наконец, обездоленные люди видели в абреках своих заступников от произвола царских властей, народных мстителей. Люди шли на виселицу, на каторгу, но не выдавали абреков.

В этом отношении очень характерен эпизод, происшедший в селе Алкун в самом начале похода князя Андроникова для поимки семьи Зелимхана. Князь Андроников прибыл в Алкун вместе с сотней Дагестанского конного и сотней Кизляро-Гребенского полка, сотней милиции и пулеметной ротой. Они остановились на берегу Ассы в большом двухгектарном саду жителя этого села Опиева Магомеда Саралиевича. Враг или друг, но гость есть гость. Хозяин зарезал несколько голов скота, овец и всем участникам похода поставил угощение. Посмотреть на прибывшие для поимки Зелимхана войска собрались жители села.

Князь Андроников был человек большого личного мужества, а вайнахи уважали мужество даже у врага. Увидев выставленное угощение, он закрутил длинные усы и сказал: «Если это угощение выставлено за счет собравшихся здесь этих бедных людей, я к еде не притронусь». Ответил Магомед Хадисович: «Все, что вы видите здесь, заработано честным трудом вот этими руками. И я считал бы ниже своего мужского достоинства угощать гостей за счет других».

Когда гости покушали, князь Андроников произнес примерно такую речь: «Ингуши! Попробуйте пойти и попросить у чеченцев генерала Орца Чермоева. Они, конечно, вам его не отдадут. Но почему они вам отдали Зелимхана, а не оставили его себе? Сколько несчастья принес он вашему народу! Я не требую от вас ни убить, ни выдать Зелимхана. Я ненавижу предателей. Но я человек военный и вынужден выполнять любые приказы своего начальства. Поэтому я прошу вас сказать Зелимхану, чтобы он ушел к себе в Чечню. Если вы этого не сделаете, я буду вынужден принять к вам самые суровые меры».

Но не понимал князь Андроников, что эти люди генетически устроены по-другому, что не могут они нарушить святой закон гостеприимства. Как я писал в вышеупомянутой статье «Сулумбек Горовожев – герой из легенды», во имя спасения своего народа, своего села легендарный абрек сдался властям с непременным условием, что его не повесят, а расстреляют. Но не сдержал слово генерал Михеев, повесили палачи бесстрашного волка Сулумбека Сагопшинского (кстати, наша слепая вера в данное мужчиной, а тем более начальником слово не раз оказывала нам в истории плохую услугу. – С.Х.). .

Многие сосланные на каторгу горцы бежали оттуда и пополняли ряды абреческого движения. При генерале Михееве (с подачи моздокского казака начальника Веденского округа полковника Гулаева) всех заподозренных в связях с абреками стали выселять вместе с семьями. Практиковалось уничтожение полностью всего села или поголовная высылка в Сибирь. Как

я писал выше, в 1909 году за укрывательство Зелимхана были уничтожены ингушские аулы Цорх, Кек и Нелх.

В связи с этим 58 членов Государственной Думы направляют запрос наместнику Кавказа о репрессиях против ингушского населения, оставшийся без ответа. В декабре 1910 года по ходатайству городского головы г. Владикавказа осетина Г. Баева власти выносят решение, запрещающее сдавать в аренду ингушам городские земли. Более того, Баев неоднократно ходатайствовал перед наместником о поголовной высылке ингушей в Сибирь, мотивируя это тем, что чуть ли не все беды Кавказа проистекают именно от них.

Многие годы ингуши укрывали Зелимхана и его семью, давали им кров и пищу, подвергая себя смертельной опасности. В 1911 году за укрывательство Зелимхана все члены рода (тейпа) Кокурхоевых-Килиматовых, а также члены рода Нелхоевых из горных сел Кек, Нелх, Цорх (в свое время взорванных царскими карателями), Галашки, Даттых и других были отправлены в высылку в Иркутскую губернию. Пусть простит меня читатель, но я не могу не назвать многих из них. Это были братья Килиматовы Оси и Сали – сыновья Гатагажа, братья Килиматовы Яхья, Хос-бот, Мурцхъал, Орцхо – сыновья Батала, братья Килиматовы Желберд, Мочи, сыновья Жончора, сыновья Желберда Асхаб, Хусен, Якуб, Ахмед, братья Килиматовы Чолдар, Сулейман, Солсбик – сыновья Боарона, братья Килиматовы Аддал, Усман, Бисолт – сыновья Чади, Килиматов Довт Далакович с сыновьями Магомедом и Махьмой и другие.

Из рода Нелхоевых в ссылке были Нелхоев Довт Долакович, его братья Солсбик и Мажирг, сын Довта Али и другие. Из рода Мархиевых в ссылке были сыновья Мархиевы Оси Хьовдий, Инаркъа, Бейсхар, Андаркъа, Заам, сыновья Мархиева Инаркъа Алихан и Лом-Али и другие. Вместе с мужчинами были в ссылке и все члены их семей. Конечно, я перечислил далеко не всех пострадавших за абрека Зелимхана. Много я слышал в детстве рассказов об их ссылке от моей матери – племянницы Кокурхое-

вых, от ее дяди, тоже побывавшего в ссылке, Килиматова Ахмеда Осиевича, бывшего абрека, сподвижника Зелимхана, не раз участвовавшего в его дерзких набегах. Помню, как я был удивлен, когда Ахмед Осиевич говорил, что там (в ссылке) «солнце выходило из середины моря». Много позже я узнал, что речь шла об озере Байкал.

В ноябре 1911 года были репрессированы и высланы из Чечни и Ингушетии представители высшего духовенства Сугаип Гайсумов, Бамат-Гирей Митаев, Абдул-Азиз Шаптукаев (Докка), Батал-Хаджи Белхароев, Кана-Хаджи, Чимирза, мулла Магома, что еще больше накалило и без того напряженную обстановку в Чечне и Ингушетии.

27 сентября 1913 года в бою с карателями погиб знаменитый чеченский абрек Зелимхан Гушмазукаев.13 августа 1914 года Терская область особым распоряжением объявляется на положении чрезвычайной охраны. Таким образом, самим ходом истории ингушский народ был подготовлен к тому, чтобы в любой подходящий момент выступить против произвола царских властей, поставивших его на грань уничтожения. И, как подтвердили дальнейшие события, ингуши единодушно выступили в поддержку советской власти, обещавшей вернуть отнятые царем в пользу казаков их исконные земли, и силой оружия утвердили эту власть на Северном Кавказе, положив в борьбе за нее на полях Гражданской войны цвет своей нации.

В 1913 году один из ссыльно-поселенцев Килиматов Оси Гатагажевич бежит из ссылки, возвращается на Кавказ и обращается к наместнику Кавказа графу Воронцову-Дашкову с просьбой о возвращении из ссылки сосланных по делу Зелимхана Кокурхоевых-Килиматовых, Мархиевых, Нелхоевых. Не знаю, что здесь больше сыграло роль – политическая конъюнктура, гуманность наместника или любовь царских чиновников к «презренному металлу», остается только гадать. Но факт остается фактом: все ссыльные, оставшиеся в живых, в 1913 году возвратились на Кавказ.

Сквозь годы скитаний, ссылок, депортаций в семье Килиматова Або Чадиевича сохранился очень любопытный исторический документ. Это свидетельство Балаганского уездного полицейского управления Иркутской губернии от 11 июня 1913 года за № 20. Привожу его дословно.

Свидетельство

Дано сие из Балаганского Уездного Полицейского Управления бывшему административно-ссыльному, состоявшему под гласным надзором полиции в сел. Яндинском Балаганского уезда Иркутской губернии, жителю Терской области Назрановского округа ингушу Чадо Баталовичу Келъматову в том, что, как видно из телеграммы Иркутского Губернского тюремного инспектора от 10 июня 1913 года, Наместником ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА на Кавказе разрешено ему, Кельматову, вернуться на родину, что подписью и приложением казенной печати удостоверяется.

За помощника исправника (подпись).

Секретарь. (Подпись). Заверено печатью.

Когда мне говорят, что в результате исторических катаклизмов характер ингушей деформировался, я вспоминаю один давний случай. Много лет назад ко мне на автостанции подошел прилично одетый молодой человек, спросил, кто я по национальности. Узнав, что я ингуш, он мне рассказал, что разыскивает ингушей по фамилии Г-вы, приехал из Новосибирской области. Он воспитывался в детском доме, у него русские фамилия, имя и отчество. Уже будучи семейным человеком он узнал, что он по национальности ингуш, приехал на Кавказ разыскивать своих родственников. Видимо, его родители погибли во время ссылки и он безымянным попал в детский дом. На чужбине дали ему другое имя, обратили в иную веру, обучили профессии, но не уничтожили генетическую память о прошлом. И сколько бы лет ни прошло, в его сердце тлел неугасимый огонь, и наступил день, когда он вспыхнул ярким пламенем. Вот так и в сердце каждого ингуша тлеет огонь любви к стране отцов –

Даймохк. Его не видно, потому что люди носят его в себе, но когда наступает черный день в жизни народа, он вспыхивает ярким пламенем. И этот неугасимый огонь любви к Родине не раз нам помогал выжить. Нам досталось могучее духовное наследие наших великих предков. Давайте почаще вспоминать их мудрые заветы, героические дела. .

Из С. Хамчиев. «Вызов судьбе».
(В сокращении)

ШЕЙХ БАМАТ-ГИРЕЙ-ХАДЖИ И ЧЕЧЕНСКИЙ АБРЕК ЗЕЛИМХАН ХАРАЧОЕВСКИЙ

Шейх Бамат-Гирей-Хаджи поддерживал чеченского абрека Зелимхана Харачоевского, вставшего на путь индивидуальной борьбы с царизмом, подвергавшего чеченское крестьянство тяжелому угнетению. Явление абречества возникло в конце XIX века и в начале XX века получило широкое распространение. «Абрек» – слово чеченское, которое впервые вошло в русский язык со времени русско-кавказской войны, и в чеченском понимании оно означает «революционер-одиночка, который мстит чужеземной власти за ее несправедливость и жестокости против чеченского народа». Бытовала точка зрения, что кавказские абреки – разбойники поневоле, жертвы темперамента, аффекта, народных обычаев, носящих в иных случаях кровавый характер, часто это и жертвы общественной или административной несправедливости.

Путь жестокой индивидуальной борьбы с чиновниками кавказские абреки избирали не от хорошей жизни. Это было связа-

но с социальной несправедливостью, беспощадным угнетением. «Око за око» – такова была бесхитростная философия их мести, сопротивления. Но после каждой мести абреков со стороны царских войск следовали массовые экзекуции против мирного населения. Зелимхан, преследуемый царскими войсками, нуждался в поддержке не только простых горцев, но и религиозных авторитетов. В поисках такой поддержки он обращается к шейху Бамат-Гирею-Хаджи, который относился с пониманием к его борьбе с царскими чиновниками.

Понимая, что пока Зелимхан находит поддержку у известных религиозных авторитетов, его невозможно поймать или ликвидировать, военная администрация Кавказского края с согласия царя производит массовые аресты. Среди арестованных были известные в Дагестане, Чечне и Ингушетии суфийские шейхи. Согласно документу Департамента полиции под названием «К вопросу о выдворении высылаемых из Кавказского края в Тульскую, Орловскую и Калужскую губернии шейхов и 25-ти родственников Зелимхана за оказываемые последнему пособничества в дерзских преступлениях». В числе сосланных шейхов были Бамат-Гирей-Хаджи, Докку-Хаджи, Кана-шейх, Батал-Хаджи, Магомед-мулла.

16 сентября 1911 году Командующий войсками Кавказского военного округа генерал-адъютант, генерал от кавалерии граф Воронцов-Дашков направил российскому императору «всеподданейший рапорт» о принятии им мер по «наказанию чеченского народа за укрывательство абрека Зелимхана и оказываемое ему пособничество в дерзких преступлениях». Он просил царя «не отказать в зависящих распоряжениях о выдворении высылаемых… шейхов и 25-ти родственников Зелимхана в определенных им местах жительства и на правах лиц, высланных под гласный надзор полиции». Копию этого рапорта 26 октября была направлена министру внутренних дел Российской империи А.А. Макарову. В своем рапорте Воронцов-Дашков показывает сложившуюся на Тереке сложную ситуацию, в связи с абречеством Зелимхана.

«Самым главным препятствием поимке названного абрека служит поголовное укрывательство его почти всем туземным населением Грозненского и Веденского округов и оказываемая ими разбойнику в необходимых случаях активная поддержка», – расписывался в собственном бессилии царский генерал. Не сумев организовать поимку Зелимхана, он решил «в целях достойного наказания чеченского народа за непрерывное укрывательство Зелимхана, в течение 12 лет, и явное ему пособничество, а также и установления порядка дальнейшей борьбы с упомянутым разбойником», предложил начальнику Терской области осуществить следующие мероприятия:

1. «Поставить на экзекуцию войсковые части командами не менее полусотни в те населенные пункты Веденского и Грозненского округов, в районе которых Зелимхан скрывался в последнее время, а также и в те, к составу которых принадлежат убитые и задержанные в настоящее время разбойники, и через которых следовала шайка после нападения ея на дорожную комиссию (Хорочой, Дышне-Ведено, Махкеты, Завирихи, Ца-Ведень, Хатуни, Эшал-Хатой, Элистанжи, Таузень, Истису, Майртуп, Хой, Ихарой, Ригахой, Макажой, Автуры, Варандинские хутора). Для этого привлечь части войск Терской области и командировать пластунских сотен.

Жизнь шейха Бамат-Гирея-Хаджи в Калуге в отличие от ссыльных не сопровождалась большими лишениями. Он снимал жилье и обеспечивал себя за счет собственных средств.

2. Выслать в Тульскую Губернию сроком на 5 лет вместе со своими семьями жителей Веденского округа – Бамат-Гирея-Хаджи Митаева, Сугаипа-муллу Гайсумова и Чиммирза-Хаджи, Назрановского округа – Батал-Хаджи Белхороева, Грозненского округа – Кана-Хаджи, Абдул-Азиза Шаптукаева и Магомеда-муллу из Андийского округа, Дагестанской области, Омара-Хаджи как наиболее влиятельных представителей шейхов мусульманской секты «Зикра», вредных для общественного порядка и спокойствия, и вместе с тем способствовавших

разбойнической деятельности Зелимхана, который, являясь рьяным последователем упомянутой секты, пользуется покровительством названных шейхов и служит для них орудием противодействия русской власти. Шейхи эти, как выяснено, поддерживают с Зелимханом тесное сношение, благословляют его шайку своими последователями-мюридами, доставляют ему оружие и патроны и тщательно укрывают его.

3. Выслать в том же порядке в Орловскую губернию сроком на пять лет 25-ть родственников Зелимхана, укрывавших его и оказывавших ему пособничество в разбоях.

4. Расселить жителей самовольно возведенных хуторов, жители коих уличены… местными властями в укрывательстве Зелимхана и предержательстве его шайки.

5. Назначить теперь же правительственных старшин во всех сельских общинах, составляющих район деятельности Зелимхана, а равно и в тех селениях, откуда происходили разбойники, принимавшие участие в последнем нападении его шайки.

6. Взыскать… в месячный срок со всех чеченцев Веденского и Грозненского округов штраф в размере ста тысяч рублей для выдачи вознаграждения семьям убитого ротмистра Долидзе, инженера Орловского, чиновника Ворченко и низших чинов конно-дегестанского полка и пособий раненным и вообще лицам, которые так или иначе материально пострадали во время нападения шайки Зелимхана».

Вслед за этим письмом начальник штаба Кавказского военного округа от 17 ноября 1911 года отправляет в Департамент полиции секретный рапорт, в котором сообщает, что последовало распоряжение МВД о высылке по распоряжению Кавказского начальства «порочных горцев» в Самарскую, Курскую, Калужскую и Орловскую губернию.

В Орловскую губернию со своими семьями были выселены 24 родственника Зелимхана из Харачоя. Приведены их списки, в которых указаны число членов их семей, возраст и имущественное положение. Примечателен документ: «Сведения о семейном

положении и прежней судимости шейхов Терской области, подлежащих выселению в Калужскую губернию, согласно предписанию Главнокомандующего Кавказского военного округа от 15 октября 1911 года № 6645».

Бамат-Гирей-Хаджи, как сообщает архивный документ, имел возраст 103 года. По-видимому, он ошибочен, поскольку в момент ссылки ему не было больше 75 лет. В нем указаны три его жены -Басса, Тамигаз, Аругаз и сыновья – Али и Умар. Перечислено его имущественное положение: дом, кухня с сенцами, здание под лавку, сарай, конюшня, здание под школу, черепичный завод, дрова, сено, кукуруза, ячмень, пшеница, мануфактура на 8000 рублей, ковры, столы, стулья и зеркала, лошадь, 4 буйволицы и 2 буйвола, фруктовый сад, участок леса.

В Момент ареста возраст шейха Чиммирзы Хамирзаева достиг 45 лет. И он имел две жены:Субайхат, Хурамат и пятеро дочерей. Но его материальное положение было очень скромным.

Согласно данному документу, возраст шейха Батал-Хаджи – 75 лет. Вместе с ним была сослана его жена Хадижат с двумя маленькими сыновьями – Магометом (7 лет) и Курейшом (4 года). Состояние этого шейха – «дом из 6 комнат с кухней под черепицей, 5 коров, 2 быка, фаэтон, тарантас, 13000 рублей в банке, 18500 рублей долг за людьми».

Многочисленные обращения чеченцев, повсеместное недовольство народа действиями царских властей способствовали возвращению в Чечню Абдул-Азиза Шаптукаева, Кана-Хаджи Хантиева, которые не имели отношения к Зелимхану. Были возвращены и ряд его родственников, сосланных по ложным доносам. Дополнительные расследования, проведенные администрацией Терского округа, также показали, что они действительно не имели какого-либо отношения к Зелимхану. Тем не менее, царские власти, без суда и следствия, юридического определения меры вины тысячами подвергали арестам и ссылкам чеченцев, лишь потому, что они сочувствовали Зелимхану. По прибытии в Калугу, начиная с «29 апреля 1912 года учреждается надзор полиции за Хаджи-Митаевым».

Жизнь шейха Бамат-Гирея-Хаджи в Калуге в отличие от ссыльных не сопровождалась большими лишениями. Он снимал жилье и обеспечивал себя за счет собственных средств. Если остальные сосланные жили на государственном довольствии, за счет специально выделяемых ссыльным средств, то Бамат-Гирею-Хаджи в них было отказано. В ссылке рядом с Бамат-Гиреем-Хаджи Митаевым находились его верные мюриды, которые нередко приезжали в Калугу. Пристав 2-ой части города Калуги рапортует Калужскому приставу о том, что «житель Веденского округа Терской области Хаджи Митаев Баммат-Гирей прибыл с места родины 26 сего марта». Тяга на родину у Бамат-Гирея-Хаджи была огромной. Даже в состоянии болезни он обращается к власти с просьбой разрешить вернуться в Чечню. Царский документ от 14 мая 1914 года свидетельствует, что «Бамат-Гирей-Хаджи, находясь в состоянии недомогания», обратился с просьбой к Наместнику Его Императорского Величества на Кавказе разрешить ему вернуться на родину. 22 мая Особый Отдел Канцелярии Его Императорского Величества на Кавказе объявило ему, что «означенное ходатайство просителя Главным Кавказским Начальством отложено».

Неожиданно для всех шейх Овда вернулся в Автуры. Встревожанный этим, его сын Али стал упрекать отца за побег из ссылки. На упреки сына Бамат-Гирей ответил: «Мой учитель Кунта-Хаджи во время своего ареста, успокаивая взволнованных мюридов, обещал им, что скоро вернется. До сих пор в сердцах мюридов теплится надежда на его возвращение. То же самое, поневоле, было сказано и мною во время моей ссылки. Я вернулся, чтобы выполнить свое обещание, а также назвать своего последователя, которым станешь ты. Знаю, что должен вернуться в ссылку и там буду находиться до конца моих дней». Пообщавшись с родственниками и многочисленными мюридами, он возвращается в Калугу.

После возвращения из Чечни в ссылку этого шейха пытались наказать в судебном порядке за побег. Но дело наказания его затянулось, поэтому 28 октября 1913 года Калужский полицмейстер приказывает приставу 2 части гор. Калуги донести ему, «в каком положении дело о привлечении к ответственности по 63 ст. поднадзорного Митаева». В ответ была дана справка, что городской судья гор. Калуги дело это еще не рассматривал и оно «будет передано им Мировому Судье Терской области по месту обнаружения виновного Митаева». Житель Веденского Округа Терской области Бамат-Гирей-Хаджи Митаев умер в Калуге 13-го сего сентября. Мюриды привезли тело шейха Овды в Автуры. На его могиле воздвигнут мавзолей (зиярат), ставший местом паломничества верующих из Дагестана, Чечни, Ингушетии.

Из М. Солтамурадов «Сегментация суфийских братств на Северо-Восточном Кавказе»

АБРЕК ЗЕЛИМХАН И ОТРАЖЕНИЕ СВЕДЕНИЙ О НЕМ В ДОКУМЕНТАХ НАЧАЛА XX в.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ

Отдел дореволюционных фондов

ДЕЛО

Личность абрека Зелимхана Гушмазукаев по праву представляет интерес для исследователей даже по прошествии более ста лет после событий, в которых он участвовал.

Представляются интересными документы Департамента полиции Российской Империи, отражающие деятельность правоохранительных органов по розыску и поимке Зелимхана после нападения на Кизлярское казначейство. Помощник начальника Терского областного жандармского управления в Грозненском округе рот-

мистр Беллик в секретной записке на имя начальника Тифлисского Губернского жандармского управления от 13 июля 1910 г. (N8 1272) указал, что после ограбления Кизлярского казначейства преступная группа разбрелась по различным селениям. Зелимхан ушел в горы, вместе с ним пошли Аюб Томаев, Абубакар Хасуев и Аюуп Кадыров. Однако после произошедшей между ними большой ссоры Томаев, Хасуев и Кадыров вернулись на плоскость, Зелимхан остался в горах среди ингушей. Томаев, вернувшись на плоскость, опять сформировал преступную группу для нападения на почту по дороге в г. Кизляр, однако, благодаря своевременно принятым мерам, свое намерение реализовать не смог и распустил свою «шайку».

Зелимхан, как указано в записке, «держится по сие время в глубине гор, а Аюб Томаев с двумя товарищами – на плоскости, производя время от времени мелкие ограбления, как-то лошадей, быков и проч.». Имевшиеся на службе у ротмистра Беллика агенты вели непрерывное наблюдение: двое – за Зелимханом, двое – за группой Томаева. В записке говорится, что в последних числах июня 1910 г. одним из агентов должна быть влита в чай Зелимхану доза вещества, изготовленного из трав, вызывающего «истощение организма, кашель и кровохаркание, а при неоднократном повторении этих средств, наступает смерть».

Вероятно, вещество было применено, поскольку в записке отмечается, что «Зелимхан якобы болен, стал худой, сильно кашляет, но пока ездит и стреляет» . Ротмистр Беллик не был уверен, что данный план будет удачно завершен, указывая, что «удастся-ли этот прием до конца – неизвестно», однако утверждал, что «во всяком случае, если будет доведен хотя-бы до того, чтобы ему трудно было ездить», Зелимхан, на основании полученных агентурных сведений, будет взят, «если не агентами, то командой, с которой я должен буду двинуться в горы», получив сведения от агента .

В секретной записке ротмистра Беллика от 26 сентября 1910 г. (№ 1676) говорится о том, что 15 сентября 1910 г. военным отрядом совместно с сотней Дагестанского конного полка была арестованы семьи Зелимхана и его погибшего брата Салтамурадова. На обратном пути отряд подвергся нападению из засады в трех местах в трудно проходимой местности по ущелью реки Асса. Во время нападения погибли начальник Назрановского округа ротмистр Андроников, поручик 3-го Кавказского саперного батальона Афанасьев, 4 всадника Дагестанского конного полка, состоявший в милиции казак станицы Наурской Цыганков, проводник Мишкиев, восемь человек были ранены.

Далее в записке подчеркнуто, что ранее при обсуждении вопроса ареста семьи Зелимхана им (ротмистром Белликом) была обоснована необходимость оставления семьи Зелимхана на свободе. В частности, ротмистр Беллик отмечал: «Вначале я доказывал, путем различных доводов, что арест семьи нисколько не облегчит поимку абрека Зелимхана, а наоборот затормозит дело розыска, ибо с арестом семьи мы потеряли постоянное местопребывание абрека Зелимхана, сняли с него заботу о семье и дали, таким образом, ему возможность быть более свободным».

На совещании у начальника Терской области ротмистр Беллик мотивировал оставление семьи Зелимхана на свободе агентурными соображениями, и изначально его доводы были признаны убедительными. Однако впоследствии, несмотря на мнение ротмистра Беллика, было принято решение об аресте семьи Зелимхана. Ротмистр Беллик отметил, что ему было известно о приискании Зелимханом места, где он мог укрыть свою семью. Эта деятельность контролировалась его агентами, и когда Зелимхан перевез бы семью в Тионетский уезд, он там был бы убит людьми ротмистра Беллика. Арест семьи Зелимхана нарушил все планы. Как отмечено в записке, «что пред-

примет теперь абрек Зелимхан, не известно, также не известно, каким образом он будет зимовать, пойдет-ли он в Тионетский уезд, или будет рыскать по плоскости, как волк». Далее в записке указано, что после нападения Зелимхан находился в лесах, где была арестована его семья, но ожидалось его прибытие в Грозненский округ. У него было намерение взять кого-либо в плен для обмена на семью.

Как следует из записки ротмистра Беллика от 13 ноября 1910 г. (N8 1909), осенью 1910 г. было объявлено о прощении всех лиц, желавших добровольно сдаться и содействовать поимке абрека Зелимхана. Абреки Аюб Томаев, Абубакар Хасуев и Шамсу Забайраев имели желание сдаться, но хотели удостовериться в выполнении властями своих обещаний. Однако арест некоторых из сдавшихся абреков вынудил их вновь объединиться и действовать совместно.

15 сентября 1911 г. абреком Зелимханом было вновь совершено резонансное преступление. Как следует из секретной записки ротмистра Беллика, помощника начальника Терского областного жандармского управления в г. Грозный, от 20 сентября 1911 г. (№ 1048), в Дагестанской области из Темир-Хан-Шуры для осмотра казенного шоссе выехала инспекторская комиссия в составе инженера Орловского, чиновника контроля Ворченко, военного инженера полковника Чикалина и др. Ввиду имевшихся сведений о возможности нападения на комиссию группой Зелимхана, ее сопровождала команда в составе 12 нижних чинов Конно-Дагестанского полка по главе с ротмистром Долидзе. Нижние чины, сопровождавшие комиссию, были переодеты в штатское платье и ехали вместе с членами комиссии на четырех тройках.

Проехав около двух верст, колонна была остановлена двумя неизвестными, направившими на переднюю тройку винтовки и потребовавшими сдачи оружия. Находившиеся на передней тройке три нижних чина подали голосовой сигнал ротмистру Долидзе, который открыл огонь по лицам, остановившим ко-

лонну. Однако после того, как Долидзе сделал нес-колько выстрелов, со скал по колонне был открыт огонь.

Как отмечено в записке, «нижние чины отстреливались до последней минуты, но благодаря неудобной местности не могли перебить абреков, а все полегли со своим командиром Ротмистром Долидзе, выпустивши по семи-восьми патронов». Из 13 человек конвоя в живых остались лишь два тяжело раненых нижних чина, были убиты инженер Орловский, чиновник Ворченко, а легко раненый полковник Чикалин захвачен абреками. Абреки оставили на месте нападения одного убитого.

Начальник Веденского округа, получив телеграмму от ротмистра Долидзе, немедленно дал указание о перекрытии дорог сотней Конно-Дагестанского полка и партизанскими командами, создававшимися специально для борьбы с преступниками на Северном Кавказе. Поручик Даногуев, направляясь по шоссе к Ботлиху, расположил на близком расстоянии друг от друга три засады. Ночью мимо первой засады, имевшей указание всех пропускать, прошла группа всадников. Когда она подошла ко второй засаде, где находился поручик Даногуев, последний окликнул всадников и, не получив ответа и заметив среди них «какую-то суету», произвел по ним выстрел, послуживший сигналом для других военнослужащих, находившихся в засаде. Абреки успели произвести лишь по одному выстрелу. Во время перестрелки полковнику Чикалину удалось вырваться из плена. При осмотре местности были найдены трупы убитых брата Зелимхана и двух неустановленных членов его группы. Также были обнаружены убитые лошади, одна из которых принадлежала Зелимхану. В сумах этой лошади была найдена его сумка с различными походными принадлежностями, в том числе и его личная печать. При дальнейшем осмотре местности была обнаружена винтовка Зелимхана и кровавые следы, а в лесу – трупы еще двух абреков. Из более поздних документов следует, что посланная ротмистром Долидзе телеграмма

была доставлена с опозданием и сотня Конно-Дагестанского полка прибыла на место предполагаемой засады абреков несвоевременно.

24 сентября 1911 г. ротмистр Беллик направил начальнику Тифлисского губернского жандармского управления секретную записку (№ 1077). В ней он отметил, какие меры безопасности принимал Зелимхан, позволявшие ему избежать задержания. Как следует из содержания записки, Зелимхан, зная, что по всей Терской области его разыскивают агенты начальников округов, военного отряда, начальников участков, осуществляются внезапные мероприятия военным отрядом, не заходил ни в одно из селений.

Остановившись где-либо в горах, в лесу или зарослях кукурузы, он захватывал горцев, «преимущественно родственников, как-то – мужа и жену, отца и сына и т.д.». Оставив при себе одного из них в качестве заложника, другому поручалось принести продукты и все необходимое, «предупреждая, что в случае выдачи начальству его места нахождения, он убьет оставленного заложника». Как подчеркнуто в записке, «благодаря таким мерам, принимаемым абреком Зелимханом и при настоящем ведении администрацией розыска, нет возможности изловить его» . Далее в записке говорится о неэффективной работе агентуры, которая лишится своего за¬работка в случае поимки Зелимхана: «Многие агенты из горцев, получая хорошее содержание и зная, что с поимкой абрека Зелимхана они своего заработка лишатся, ведут свое дело настолько хорошо, что и администрация ими довольна и абрек, благодаря которому они получают жалова¬нье, жив». Ротмистр Беллик при этом отметил, что он имел двух секретных агентов (на момент составления записки, – прим. С.Н.), один из которых получал 25 рублей в месяц, другой – служил бесплатно.

Документы Департамента полиции свидетельствуют, что в деятельности по розыску и задержанию Зелимхана существо-

вал ряд проблем организационного характера. В частности, разобщенность действий различных ведомств, ненадлежащий обмен оперативно значимой информацией. 22 ноября 1910 г. (исх. N8 16210) начальник Терского областного жандармского управления сообщил начальнику Тифлисского губернского жандармского управления, что «ни Начальник Терской Области, ни Начальники подлежащих Округов, ни меня, ни Помощника моего Ротмистра Беллика, не ставят в известность о пополнении розыска, ведущегося административными властями по делу поимки абрека Зелимхана. Все сведения по этому делу объединяются у Начальника отряда, сформированнаго для поимки Зелимхана, Командира Конно-Дагестанскаго полка Полковника Моргони, который даже не считает нужным в интересах дела, бывая в гор. Владикавказе, быть у меня». 25 ноября 1910 г. копия данного письма была направлена Директору Департамента полиции (исх. № 16600).

Не менее интересным представляется докладная записка старшего помощника делопроизводителя Департамента полиции коллежского советника Рукавичникова, присутствовавшего 10 октября 1912 г. на заседании «Общества ревнителей истории». В этот день на заседании указанного общества профессором П.И. Ковалевским был прочитан доклад на тему: «Зелим-Хан и Кавказ», в котором дана достаточно объективная для того времени оценка деятельности Зелимхана. В частности, в докладе было отмечено: «Зелим-Хан – есть продукт крупнаго промаха администрации, не желавшей обращать внимание на поднятие культуры в Чечне. Поэтому Правительство должно обратить самое серьезное внимание на просвещение и культуру Чечни и приблизить к себе население последней.»

Невский С.А – доктор юридич.наук,
профессор кафедры МГЛУ. (В сокращении)

ЗЕЛИМХАН И ИСТОРИЯ МОИХ ПРЕДКОВ

Урус-Мартан был во многом типичным чеченским поселением, разделенным на кварталы узкими длинными улицами. Южная окраина проходила по улице, которая ныне носит имя Али Гучигова. На пересечении этой улицы с нынешней улицей Солса-Хаджи Яндарова (Каланчакская) стоял дом Домби – чеченца из тейпа чинхой. Он относился к числу зажиточных урусмартановцев: возделывал землю, выращивал кукурузу, разводил скот – коров, буйволов, лошадей. Домби был отцом трех сыновей – Нукка, Зокка, Довтмирза – и дочери Кесиры. Два старших брата Нукка и Зокка выросли стройными, высокими парнями, а по характеру – разными. Нукка отличался спокойствием, уравновешенностью, неторопливостью в движениях и внешне походил на свою мать. Зокка был полной противоположностью брату: вспыльчив, скор на руку, с реакцией быстрее, чем у многих известных воинов. Пышные усы, густые сросшиеся брови придавали его облику оттенок сердитости, свирепости. При этом у него были улыбчивые глаза, а близкие и друзья знали, что он добродушен. Даже вспылив, тут же отходил. Тем не менее, братья вскоре стали известны далеко за пределами родного села. В народе с восхищением говорили об их воспитанности, благородстве, отваге, мужестве. Эта слава рано или поздно дошла и до слуха легендарного Зелимхана из Харачоя, который всегда искал дружбу с достойными людьми.

Была весна. Кругом все цвело, благоухало, пело, Нукка и Зокка в этот день обновляли ограду вокруг своей усадьбы. Ближе к полудню, ведя за собой коня под седлом, во двор к ним вошел незнакомец.

– Ассалам алейкум! – приветствовал и спросил: – Здесь живут братья Нукка и Зокка?

– Ва алейкум ассалам, – ответил Нукка. – Мы и есть братья, о которых ты спрашиваешь. Войдем в дом, будешь нашим гостем.

Зокка двинулся навстречу гостю, чтобы принять у него повод коня. Но тот сразу перешел к делу:

– Я не могу воспользоваться вашим гостеприимством, так как послан Зелимханом из Харачоя пригласить вас на встречу. Он ждет вас в пойме реки Мартанки. Я подожду, пока вы соберетесь…

Нукка взглянул на брата, и Зокка в ту же секунду устремился за дом, к навесу, под которым стояли кони. Нукка же вошел в дом, успокоил устремившуюся к ним мать:

– Не волнуйся, нана! Мы отлучимся ненадолго.

Когда он вышел, Зокка уже ждал его с двумя оседланными конями. Незнакомец поехал впереди. Чувствуя, как жеребцы братьев дышат ему в затылок, пустил коня вскачь. Три всадника скакали на юг. Вброд пересекли реку. Свернули к лесочку, и на небольшой поляне увидели несколько пеших человек. Рядом паслись кони, видимо, их. После взаимных приветствий Нукка опросил:

– Кто из вас Зелимхан из Харачоя? Он, говорят, хотел видеть нас…

– Зелимхан, – вперед вышел мужчина с черной короткой бородой, приятной внешности, в каракулевой папахе.

– Мы слушаем тебя, – сказал Нукка. .

– Я пришел с миром. Надеюсь на дружбу с вами.

Они крепко обнялись.

– Теперь, – сказал Зелимхан Нукке, – мы твои гости. Веди нас в дом.

В доме Домби в тот вечер был устроен ловзар в честь гостей. С тех пор у Зелимхана в Урус-Мартане было и надежное пристанище, и названные братья, участвовавшие во всех самых опасных мероприятиях народного мстителя.

Однажды по Урус-Мартану разошлась весть, что в Грозном, на так называемом зеленом базаре войска ради забавы расстре-

ляли чеченцев: женщин, стариков, детей – всех, кто попался под руку. Зелимхан на подходе к Грозному остановил поезд, снял с него всех офицеров царской армии и расстрелял. По рассказам стариков, ни одна из подобных акций возмездия не обходилась без участия сыновей Домби.

В Урус-Мартане рассказывают и об этаком эпизоде. Однажды братья Нукка и Зокка, нарядно одевшись, вместе с Зелимханом выехали со двора. Провожавшая их Кесира возвратилась в дом, вслух восхищаясь братьями.

– Чему ты радуешься? – спросил Домби.

– Своим братьям радуюсь, дада, – ответила дочь. – Вон какие они у меня славные!

– Ума у тебя нет, потому и довольна, – сказал Домби. – Путь, по которому идут твои братья, недолговечен…

– Почему тогда ты не остановишь их?

– Они сами выбрали эту дорогу. На ней они не проливают слез невинных людей, не порочат веру, семью, род. Это – путь для настоящих мужчин. Я молю Аллаха, чтобы он дал им силы и волю пройти этот путь до конца.

Домби знал, что слава, удача не всегда сопутствуют человеку, чаще – обманывают…

Пришло время – Нукка женился. Через месяц Зелимхан со своими друзьями средь бела дня взял Кизлярский банк. Потом долго не появлялся в Урус-Мартане, и причин Домби не знал. Приехал Зелимхан неожиданно, поздно вечером. Объяснил, что преследующие его силы стали наступать ему на пятки, что едет из Ингушетии, где наказал одного из доносчиков. Они готовились ко сну, когда в комнату вбежала Кесира с криком: «Дом окружен солдатами». Зелимхан вскочил на ноги. Но Нукка тут же встал перед ним: Зелимхан, ты – наш гость. Тебе нечего волноваться». И, сняв винтовку со стены, обратился к брату: «Зокка, я выскочу в окно, побегу огородами. Солдаты подумают, что бежит Зелимхан, и бросятся ловить меня. В это время вы с Зелимханом уйдете через дверь. Не забывай, что за жизнь гостя отвечаешь головой».

Нукка ногой выбил окно, нырнул в проем. Послышалась команда: «Зелимхан уходит огородами. Брать живьем!». Переждав, пока топот десятков ног не отдалился от дома, Зокка и Зелимхан вышли из дому, прокрались к привязанному в отдалении от дома коню. «Езжай, за нас не переживай. Даст Аллах, увидимся», – произнес Зокка, придерживая стремя, пока Зелимхан не сядет в седло. Абрек скрылся в темноте.

Едва Зокка вступил во двор своего дома, как был сбит с ног ударом приклада. Его втащили в дом, и он увидел отца, сидевшего на нарах так, будто ничто из происходящего вокруг его не касается. Офицер во дворе исходил в истошном крике: «Обыскать… Он должен быть здесь!». Потом офицер заскочил в дом, в недоумении взглянул на Домби, приказал солдатам: «Посмотрите под нарами». Но там было пусто. Над нарами висела верхняя одежда Домби, рядом с ней – оставленная Зелимханом сабля с дарственной надписью некоему полковнику, которому, видно, где-то случилось пересечься с абреком. Солдаты перевернули все в доме и во дворе, ощупали чуть ли не каждый сантиметр земли в огороде… Не найдя Зелимхана, связали и увели с собой трех сыновей Домби, хотя младший – Довтмирза – никакого отношения к делам Зелимхана и двух своих старших братьев не имел. Тем не менее, во Владикавказе, куда братьев вывезли, Довтмирзу приговорили к пяти годам каторги в Сибири, Зокку – к вечной каторге, а Нукку – к смертной казни через повешение.

Когда в Урус-Мартане стало известно о приговоре Нукке, молодежь начала формировать отряд для его освобождения. Старейшины собрали сход. Первым на нем слово взял Домби:

– Я обращаюсь к молодым, – спокойным, твердым голосом сказал он. – Вы своим желанием вызволить моего сына сняли огромный камень с моей души, но я не благословляю вас на этот шаг и не одобряю вашу решимость. Не потому, что не желаю снова видеть сына в своем доме, а потому, что, пытаясь освободить его, вы подтолкнете власть к применению силы против вас, ваших семей и нашего села в целом. Я не хочу, чтобы ваши отцы

оказались на моем месте, а ваши матери оплакивали вас. Легче и лучше пережить маленькую беду, не доведя до большой. Если бы мой сын выбрал путь позора, у меня хватило бы сил остановить его. Он сам выбрал этот путь. На все воля Всевышнего…

О дне казни Нукки возвестили объявления, вывешенные на всех улицах Владикавказа. На площади установили перекладину с перекинутой петлей. Была ранняя весна. Народ окружил место казни. Солдаты стояли в оцеплении в несколько кругов плечом к плечу.

Нукку под усиленной охраной вывели на площадь. Он был на голову выше конвоиров, но его подняли, поставили на стул под петлей. Офицер зачитал решение суда. Когда ему на шею надевали петлю, кто-то из толпы на его родном языке крикнул:

– Нукка, не пал ли ты духом? Не растерялся ли?

Нукка через переводчика попросил офицера развязать ему руки и разрешить сказать несколько слов. Посовещавшись, начальство выполнило эту просьбу.

Нукка оглядел площадь, видимо, надеясь увидеть хоть одно знакомое лицо. Потом сказал в толпу:

– К1ентий, видимо, пришло мое время покинуть этот свет… Пал ли я духом? Вы сможете сами определить это по моим рукам и правой ноге. Левая нога мне не подвластна…

Повернулся лицом к переводчику:

– Скажи офицеру, что я готов.

Офицер озвучил условие казни:

«Тому, кто выбьет стул из-под осужденного, будет выплачена крупная сумма. Если после трехкратного объявления через каждые три минуты желающий не найдется, осужденный будет помилован. Время пошло!»

…Минуты тянулись, как вечность… Пошел счет последних трех минут… Начали слышаться возгласы радости… И тут из толпы вышел высокий мужчина, подошел к виселице и ударом ноги повалил стул, на котором стоял Нукка… Над площадью разнеслось: «Х1орс тох1! Ла -иллах1а-иллаллах1!». Руки Нукки

взмыли вверх, изображая крылья орла, а правая нога с вытянутым носком замерла под прямым углом…

На следующее утро на той же площади владикавказцы увидели повешенного за ногу. Глаза его были широко раскрыты, а рот набит бумажными деньгами. Присмотревшись, жители города узнали в повешенном мужчину, выбившего стул из-под Нукки. Тело Нукки обмыли и предали земле местные мусульмане. Через шесть месяцев на свет появился его сын. Имя ребенку – Умар – дал Зокка из далекой Сибири. Потом, как всегда неожиданно, Домби увидел в своем доме Зелимхана.

– Без Нукки и Зокки стал чувствовать себя одиноким волком. Некому верить, не на кого положиться, – признался он. Затем достал и положил перед Домби сверток. – Это деньги, пригодятся в хозяйстве…

– Зелимхан, оказывается, ты плохо знал моих сыновей, – не притрагиваясь к свертку, проговорил Домби. — А я сыновей не продаю, ни живых, ни тем более мертвых…

– Прости. Я знал, что ты так ответишь. Я хотел бы как-то заменить тебе сыновей, но у меня это плохо получается…

– Ты мне и так, как сын, – Домби прервал Зелимхана. – Если можешь, найди, отомсти тому человеку с площади…

– Он был той же ночью повешен за ногу на той же площади, на той же виселице…

Зокка трижды совершал побег. Днем отдыхал, ночью шагал… В третий свой побег, голодный, изможденный, пошел ночью на огонек, оказавшийся солдатским постом. Домой вернулся после прихода к власти большевиков, обзавелся семьей, имел трех сыновей. Умер в 1930 году. Довтмирза также смог возвратиться в Урус-Мартан. В 1937 году был арестован НКВД, и с тех пор о нем ничего неизвестно. Но род Домби не прервался, Его потомки – внуки Зокки и Довтмирзы живут на родной земле.

Леча Домбаев, г-та «Вести Республики» №232 (1915) 2012 г.

КТО НАПИСАЛ ПИСЬМО АБРЕКА В ГОСДУМУ?

Президент Академии наук ЧР профессор Ш.А. Гапуров:

Ответ мы получили недавно, от Председателя Совета улемов Чеченской Республики глубокоуважаемого Хож – Ахмеда-Хаджи Кадырова. Оказалось, что письмо Зелимхана на имя Председателя III Государственной Думы России в 1909 году было написано крупнейшим богословом Чечни начала XX века Абдул-Кадыром из селения Центорой (Хоси-Юрт). Это дед Ахмата-Хаджи Кадырова и Хож-Ахмеда-Хаджи Кадырова и прадед Р.- А. Кадырова.

Председатель Совета Улемов ЧР Хож-Ахмед-Хаджи Кадыров

Считаю своим долгом сообщить Вам то, о чем известно мне и неизвестно многим, ибо это связано с нашей семьей, точнее, с моим дедом Абдул-Кадыром.

Абдул-Кадыр, сын Ильяса, ближайшего сподвижника великого шейха Кунта-Хаджи Кишиева, прошел школу религиозного образования у Масе-шейха из Энгель-Юрта, а также у шейха-авлийа Байбетира из Хошкельды, впоследствии он являлся преподавателем шейха Юсуп – Хаджи Байбетирова.

После получения высшего религиозного образования Абдул-Кадыр в течение 40 лет обучал муталимов, открыв медресе в селении Илсхан-Юрт, во дворе великого шейха Кунта – Хаджи Кишиева. За время преподавания его школа выпустила сотни алимов, многие из них стали известны далеко за пределами горной Чечни. Деятельность Абдул-Кадыра, связанная с исламом в начале XX века, дала ему всенародное признание, и имя его было известно во всей Чечне.

Мой отец Жабраил Абдул-Кадырович Кадыров родился в 1900 году. Он несколько раз передал мне, что известность в на-

роде его отца Абдул-Кадыра привела абрека Зелимхана Харачоевского к нему домой в селение Центорой, и он был свидетелем того, что знаменитый абрек обратился к его отцу Абдул-Кадыру с просьбой написать письмо от его имени царю «воккхачу паччахье» (цитирую слова Жабраила) из Петербурга.

Из рассказа отца мне известно, что Зелимхан с такой просьбой обращался ранее к нескольким ученым-богословам, а они посоветовали ему обратиться к Абдул-Кадыру. На его просьбу написать письмо дед согласился. Это письмо нам известно по книге «Зелимхан» известного чеченского писателя Магомеда Мамакаева, где полностью приводится текст этого письма. «Я не родился абреком», таково название данного письма.

Дед мой написал это письмо на имя Его Превосходительства господина председателя Государственной Думы, о чем свидетельствуют архивы Петербурга, из которых М. Мамакаев почерпнул содержание этого письма. Мы благодарны ему за это, ибо он сохранил и передал нам истинное лицо отважного чеченца, нашего национального героя. Мы теперь знаем, что Зелимхана абреком сделала несправедливость, которая царила в те времена на территории Чечни.

О встрече Абдул-Кадыра с Зелимханом мой отец Жабраил рассказывал так. Когда Зелимхан первый раз пришел к Абдул-Кадыру и попросил написать от его имени письмо самому императору, дед спросил у него: «Кто ты?», на что гость ответил: «Зелимхан». Дед сказал ему: «Да, я так и подумал, что ты Зелимхан. Я выполню твое пожелание и напишу такое письмо». Когда дед передал ему написанное им письмо, Зелимхан, увидев в комнате маленького ребенка – это был мой отец Жабраил, позвал его к себе и дал ему серебряную монету – полтинник. А когда они вышли во двор, Зелимхан, поблагодарив моего деда, вскочил на своего коня, прочитал дуа.

Это был специальный дуа, которому Аллах научил пророка Ноя. Он прочитал его, когда он садился на сооруженный им ковчег, спасаясь от всемирного потопа. Поистине, этот дуа оберега-

ет человека от всех бед, пока он не дойдет до конечного пути. И это означало, что Зелимхан полностью от¬дал себя в руки Аллаха.

Нам известны исторические факты осуществления покровительства Зелимхану известными богословами и шейхами Чечни таких, как шейх Бамат- Гирей-Хаджи Митаев, Сугаип-мулла Гойсумов и многих других, за что они были сосланы в Калужскую губернию.

Предлагая Вашему вниманию этот эпизод из жизни Зелимхана и нашего деда Абдул-Кадыра, ставлю в известность, что я не ищу каких-либо привилегий или внимания к нашей фамилии. Нет, этого не было у меня даже в мыслях. Я преследую только одну цель: восстановить исторический факт – еще один эпизод из жизни знаменитого абрека Зелимхана, борца за свободу чеченского народа».

Президент Академии наук ЧР профессор Ш.А. Гапуров

26 СЕНТЯБРЯ 1913 Г. КАК ОПОЗНАВАЛИ АБРЕКА

На теле убитого 26 сентября Зелимхана насчитали 17 ранений. ...При нем оказались: трехлинейная винтовка, значившаяся за Дагестанским конным полком, револьвер «Браунинг», кинжал в серебряной оправе, два патронташа с 20 годными патронами, так как остальные были побиты пулями команды, бинокль, три письма на арабском языке и молитвенник...

Тело Зелимхана перевезли в Шали, где начальником Веденского округа Караловым в присутствии участкового начальника Шевченко и понятых был предъявлен для опознания. Дочь Зелимхана Мусульмат 14 лет, его невестка Дзезаг 28 лет, старшина сел. Харачой Махматхан Асхабиев, лично знавший абрека, стражник Терской охранной стражи, житель сел. Анди Хамут Ибрагимов, стражник чеченской охранной стражи, житель

сел. Дышни-Ведень Гела Алатаев, житель сел. Махкеты Майк Джамалдиев и около 10 кровников абрека (фамилии опущены – авт.) утвердительно заявили, что убитый есть Зелимхан Гушмазукаев, которого они опознают по лицу и особым приметам. Правительственный старшина Асхабиев при предъявлении ему оружия и личных вещей также признал за его вещи – кинжал, револьвер «Браунинг», бинокль и пояс. Далее он пояснил, что кинжал был отобран Зелимханом у гехинца в 1911 году, а пояс снят с убитого им еще в 1905 году армянина в Хасав-юртовском округе.

После этого к Зелимхану были допущены фотографы, которые сделали ряд снимков для прессы и следственных органов: один – абрека самого в отдельности и другой – в окружении всадников Терского казачьего войска.

По распоряжению начальника Веденского округа с разрешения судебных властей Зелимхан был погребен 27 сентября 1913 года на Шалинском кладбище.

Ю.В. Хоруев. Абреки на Кавказе

ГЛАВА 2. СЕМЬЯ АБРЕКА

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ СЕМЬИ АБРЕКА ЗЕЛИМХАНА

Зелимхан – 01. 1872 г.р.
Бици – жена – 1885 г.р.
Муслимат (Меди) – старшая дочь – 1901 г.р.
Энисат – младшая дочь – 1906 г.р.
Магомед – старший сын – 1908 г.р.
Умар-Али – младший сын – 1910 г.р.
Ахмат – 1911 г.р.

Примеч.: Сведения о членах семьи Зелимхана определены по паспорту его жены – Бици. Паспорт выдан в январе 1917 г. Ахмат умер в младенческом возрасте. Магомеда не стало в 1922 г. Умар-Али в 1947 году. Меди и Энисат- в 1990 г. (13 сентября и 21 сентября соответственно). Дала гечдойла царна массарна!

Копия с паспорта

Выдан: По паспорту Грозн. Гор. Пол. Упр. от 18 июня 1913 г. за № 254 90 (Печать)

1.Вероисповедание: Магом.
2.Время рождения или возраст: 32
4.Состоит ли или состоял ли в браке: Состоит
5.Находятся при нем: сынов. Магомат – 9 лет, Умар – ало – 7 лет, Ахмат – 5 лет.
Дочери Муслимат 16 лет, Онисат 11 лет.

По сему паспорту проживание Гушмазукаевой разрешается по всей империи проживать г. Владикавказа.

Справка: Телеграмма Н-ка Тер.об 15 июня 1913 № 37Н Н-ку Гр. окр.

Выдан: По паспорту Грозн. Гор. Пол. Упр. от 18 июня 1913 г. за № 254 90 (Печать)

1.Вероисповедание: Магом.

2.Время рождения или возраст: 32

3.Род занятий: _____

4.Состоит ли или состоял ли в браке: Состоит

5.Находятся при нем: сынов. Магомат – 9 лет, Умар – ало – 7 лет, Ахмат – 5 лет

дочери Муслимат 16 лет, Онисат 11 лет

6.Отношение к воинской обязанности: _____

Подпись (владельца паспорта):_____

Предъявительница сего Терской обл. губ Веденского окр. сел. Харачой Баца Дударова Гушмазукаева уволена в разные города и селения Российской империи от нижеписанного числа по восемнадцатое января 1918 года.

Дан с приложением печати в тысяча девятьсот семнадцатого года января 18 дня.

Пристав гор. Грозного капитан (подпись)

(Приложена печать)

ДОЧЕРИ АБРЕКА ЗЕЛИМХАНА ВСПОМИНАЮТ

Представляете, как я волновался перед этой встречей? Дочери легендарного Зелимхана, чье имя сызмальства привык произносить с душевным трепетом. Бесстрашный и неуловимый, он вступил в неравную схватку с царской администрацией в Чечено-Ингушетии. Сколько былей о нем существует, сколько героических песен сложил о нем народ! Не обошли его вниманием и советские писатели. Крупные произведения создали о нем осетин Дзахо Гатуев и чечнец Магомет Мамакаев, Киностудия «Востоккино» в свое время выпустила художественный фильм «Зелимхан», который с большим успехом демонстрировался не только в нашей стране, но и за рубежом. Это искусство. Велико его воздействие на наши чувства. Однако ничем не заменить живого слова очевидцев. И вот еду в Ведено к Зелимхановым дочерям – свидетелям его удивительной жизни.

«Зелимхан был горец как горец, со всеми чертами настоящего горца, настоящего мужчины. Родина его – Харачой. В дупле российского империализма родился Зелимхан. Царские сановники не щадили горцев. Отбирали лучшие земли. Таскали непокорных за бороду. Издевались над национальными обычаями. Было все это у чиновников «системой, а наивный харачоевец к ним же шел искать защиты. От обид, И не находил», – перечитывал я в пути повесть Дзахо Гатуева «Зелимхан».

Оставшиеся в живых потомки Зелимхана – две дочери – поселились в Ведено, близко от родного Харачоя. Младшая, Энисат – сухонькая, очень подвижная женщина. Ее старый приземистый дом стоит на высоком берегу говорливой речушки. С крыльца открывается живописная панорама: Чермой-лам с его лесистыми склонами и посеребренными вершинами, рощи, поляны. По этим местам грудью вдыхал чистый горный воздух.

Вхожу в комнату. Обращает на себя внимание большая цветная фотография Зелимхана, что висит на стене. Усадив меня на нары, Энисат открывает свой заветный сундучок, бережно достает семейные фотографии и документы, а также книги и газеты на русском и чеченском языках, в которых с разной целью, но, так или иначе, рассказывается о ее незаурядном отце. Раскладывала она их на столе очень долго, особенно если учесть мое нетерпение. Она специально тянула время: оказывается, уже поехали за старшей, Меди, и должны были вот-вот вернуться. Без нее начинать разговор Энисат не хотела. Еще возьмет да и обидится старшая сестра, что младшая вперед сунулась (младшей 74 года). Лучше подождем. Привезли Меди.

– Пожалуй, начать следует с женитьбы Солтамурада, младшего брата Зелимхана, – сказала Энисат в раздумье. – Он любил – и не безответно – красавицу Зезаг из местечка Эшал-Хоти. Когда в очередной раз он пошел к источнику на свидание, девушка сообщила, что ее против воли выдают замуж. Договорившись с ней, наш дядя увез просватанную Зезаг. В общем-то, событие обычное в горском быту. Но в переговоры сторон вмешались власти в лице харачоевского старшины. Власти потребовали возвращения Зезаг, не дожидаясь конца переговоров. И ее вернули родителям.

Это была завязка острого и сложного сюжета. Развитие действия привело Зелимхана, его отца Гушмазуко и еще двух ближайших родственников в заключение. Бехо – столетний дед Зелимхана и самый почитаемый в Харачое человек пошел в крепость Ведено к полковнику Добровольскому просить за них. Был убежден, что большой начальник имеет большой ум, правильно рассудит и отпустит. Но полковник обозвал его старым козлом, схватил за седую бороду и с силой толкнул (кого бояться большому начальству?). Много ли надо Старику? Он упал, переломив ногу. Вскоре Бехо умер. А Зезаг, из-за которой разгорелся весь этот сыр-бор, выдали замуж в селение Махкеты за сына старшины.

Энисат рассказывает, как Зелимхан сделал пролом в стене грозненской тюрьмы и бежал на волю. Он отбил Зезаг, убил

Добровольского. Стал абреком. Зелимхан сводил счеты с крупными чиновниками, которые злоупотребляли властью. Не стало житья людям от нового начальства – полковника Галаева. Не раз предупреждал его Зелимхан, напоминал об участи Добровольского. Не внял советам полковник Галаев. И Зелимхан застрелил его. Зелимхан никогда не трогал бедняков, к какой бы национальности они не принадлежали. Наоборот, сочувствовал им, случалось, помогал. Так Зелимхан Харачоевский становится народным заступником. Вся Россия знала его.

В горах. (Вспоминает Энисат Зелимханова)

О популярности Зелимхана свидетельствует фотография, которую мы рассматриваем вместе с сестрами. Вверху старым шрифтом написано: «Взятое в плен семейство Зелимхана». На снимке изображены: по краям – маленькие тогда еще Энисат и Меди, в середине усажена мать, Бици, с младшим Умар-Али на руках. Перед ней, подбоченясь, стоит старший из сыновей Магомед – пяти лет. Оба мальчика в папахах. Это была почтовая открытка, выпущенная земской почтой. Она напомнила Энисат ставшие далекими по времени события:

– Жизни в Харачое не будет, – сказал наш отец маме.- Собирайся, будем искать себе прибежище на стороне. – Вот видишь гору? – обращается Энисат ко мне. – За ней есть местечко Зёрх. Сначала мы скрывались там. Потом нас гостеприимно приютила Ингушетия. У отца был друг, он особенно старался. Но однажды Зелимхан сказал ему: «Я боюсь за тебя. Если донесут, что ты прячешь нас, не сдобровать тебе. Баркалла тебе за все. Теперь я бы хотел подальше в горах поставить шалаш и в нем пожить». Хороший шалаш соорудили ингуши. Листьями посыпали сверху, листьями устлали пол. Наше новое жилье стояло на крутом склоне, а далеко внизу шумела быстрая горная Асса. Как орлиные гнезда, прилепились к скалам сакли аула Нялха. Мы, дети, любили смотреть на него с каменной ступеньки на краю обрыва. Тогда он виден был как на ладони. Продукты нам по-

ставляли ингуши, привозил и отец. Зелимхан уходил, а с нами за мужчину оставался его самый младший брат Бийсултан (от второй жены Гушмазуко). Ему и было-то тогда четырнадцать лет. Он, я, Магомед – мы уходили пасти корову.

Была осень: деревья оголялись, выпадали пушистые снежинки. В такую пору мы отпустили животное попастись, оно не забредало далеко. Бийсултан пошел посмотреть, где оно находится. Но вскоре вернулся. «Корову я не нашел, – сообщил он, – а вот что обнаружил». Оказывается, Бийсултан глянул с нашего излюбленного местечка на аул Нялха и заметил стадо, которое двигалось по узким улочкам. Вернее, ему показалось, что это скотина. Когда на солнце блеснули штыки, мальчик понял:солдаты. Значит, кто-то уже сообщил о том, что Зелимханова семья скрывается здесь, в горах Ингушетии. «Бици, – обратился Бийсултан к нашей маме, – нам срочно надо уходить».

У нас были легкие подушки – их сбросили в пропасть. Швейную машинку зарыли. Кое-что уложили в мешок и запрятали между каменными плитами. Вяленое мясо, сахар, другие припасы, теплое одеяло, детскую одежду и все самое-самое необходимое забрали с собой. Шалаш завалили и двинулись в путь. Настигла ночь. Одно одеяло расстелили между высоких чинар на толстый слой листьев, уложили детей, вторым одеялом укрыли. Наша мать, Зезаг и Бийсултан сели. Мы лежим, глядим в небо. Я увидела Стожары и обращаюсь к братишке Магомеду: «Чур, это мои звезды». «А это мои», – указывает он на другие созвездия. Лежим, звезды считаем. Какие заботы у детей? За этим занятием и уснули.

Чуть рассвело, двинулись дальше. Я потеряла обувь, поранила ногу об острые камни. Бийсултан заметил кровь, оторвал рукав своей исподней рубашки и сделал перевязку. Повел меня за руку. Добрались до солнечного склона. Стали смотреть в зелимхановский бинокль, не окружены ли недругами. Передавали из рук в руки и выронили в расщелину.

Сошли к Ассе. За рекой жили хевсуры, решили к ним податься и переждать у них некоторое время. Невелика река, но

течение сильное. Поэтому женщины не осмелились нас перенести на себе. На счастье, как подумалось взрослым, на муле в нашу сторону ехал хевсур. Мать жестами попросила перевезти детей через реку, обещала деньги. Однако он растопырил пальцы на обеих руках и дважды хлопнул в ладоши. И показал рукой кругом. Стало ясно, что мы окружены солдатами, что вперед хода нет. Повернули обратно. Нашли ровную каменную плиту, над ней высился каменный козырек. Там устроились на ночлег. Бийсултан каждого из детей за руку отвел туда, наверх всех обнял, поцеловал и стал прощаться. «Пойду искать своего брата», – сказал он. Наша мать Бици уговаривать его, чтобы он остался. Бийсултан остался непреклонен. Он ушел, шагая назад, пока не скрылся из виду.

Наутро начали выкрикивать какие то слова и катить на нас валуны, Благодаря каменному козырьку нас не раздавило. По нему валуны соскальзывали, и падали в пропасть. Что же было дальше? Бици крикнула по-чеченски, что они одни, женщины и дети, сопротивляться не могут, и если среди наступающих есть кто-то, понимающий по-чеченски, пусть подойдет. Сказала, что они сдаются. – Нас отвели к начальству,- продолжала Энисат. – Развели всех поодиночке, чтобы не могли слышать друг друга на допросе. В Нялхе провели трое суток. Чего они выжидали, не знаю. Наконец, тронулись в путь. Помню хорошо, как доехали в одно ущелье. До моста через Ассу оставалось мало расстояния, когда князь Андроников, возглавлявший операцию, спросил у ингуша: «У вас, у чеченцев и ингушей, позор, если жену отнять?» «Самый большой позор», – ответил тот. «Так я у Зелимхана двух жен отнял, детей отнял, – похвастался начальник. – Посмотрим, такой ли он джигит, как о нем рассказывают». Он скоро узнал, что Зелимхан джигит. Как только Андроников въехал на мост, пуля сразила его. А лошадь из-под седока свалилась в реку. Когда нас привезли в станицу Слепцовскую, русские женщины выносили нам в фартуках спелые яблоки, лепешки, другие продукты и кидали в фургон.

Мы прошли через владикавказскую тюрьму и сибирскую ссылку. Тогда-то и выпустили почтовую открытку, которую ты сейчас видишь.

В сибирской ссылке. (Вспоминает Меди Зелимханова)

– Четверо суток мы плыли по Енисею на пароходе,- начала Меди. – Нас сослали в Енисейскую губернию, Минусинский уезд. О прибытии семьи Зелимхана даже газеты писали. Поначалу мы думали, что страшно жить в суровом краю, в «синей Сибири», о которой чеченский народ сложил много печальных песен. Но вскоре мы обрели много искренних друзей сибиряков, и на душе стало теплее. Остановились мы в Ермакове. Любую мужскую работу по дому нам выполняли двое русских – Аркадий Петрович и Николай Трофимович. Последний был замечательным плотником. Но особенно запомнилась политическая ссыльная девушка Валентина Михайловна Карташова. Мы жили на первом этаже рубленого дома, она – на втором. Она мне сказала, что я сама смогу читать газеты, в которых описываются подвиги моего отца, что мне обязательно надо учиться. Регулярно уводила меня к себе и обучала грамоте. Так я и научилась писать и читать.

Однако власти узнали, что Валентина Михайловна помогает семье абрека Зелимхана, и выслали ее в Минусинск. Мы переживали разлуку с ней, но что мы могли сделать? И вот однажды ночью к нам постучались – осторожно, но настойчиво: тук-тук-тук. На улице была лютая зима, надо бы впустить гостя, даже незваного, но – боялись. Тихий голос требовал: «Зезаг, открой дверь, Бадик – так меня называл отец- открой, Аниска.» Все ж не решались впустить незнакомца, спрашиваем: «Мы боимся, кто ты такой?» «Валентина Михайловна», – отвечает. Тогда дверь открылась мгновенно. Картошовова была в маске, при здоровенных усах, в мужичьей шапке ушанке. Бросилась в объятия: «Мои родные!». Привезла целых два мешков подарков:

пальто, шапки, валенки, а для Энисат даже муфту. Всех нас приласкала, поплакала с нашими женщинами и в ту же ночь уехала на тех же санях и с тем же кучером. Ведь она не имела права без особого разрешения покидать Минусинск. Через два года нам разрешили вернуться на родину. Валентина Михайловна приехала провожать нас. Привезла целую корзину сдобных булочек, две четверти молока, вареные яйца, всякого другого съестного. Это в дорогу нам. Все наши соседи – русские также пришли нас провожать. А когда убили нашего отца Зелимхана, Валентина Михайловна, узнав об этом из газет, написала нам в Грозный соболезнование. Только прибыла семья наша на железнодорожный вокзал в Грозном после сибирской ссылки, с двух сторон стали вооруженные стражи, и нас сфотографировали. Вот снимок, – показывает Меди, – Мы с Энисат стоим отдельно, будто знали, что в живых останемся одни. Наши оба брата погибли в борьбе за Советскую власть. Магомед – в начале двадцатых годов во время мятежа в селении Махкеты. Младший, Умар-Али Зелимханов, с 1943 года служил в органах государственной безопасности. В апреле 1947 года погиб при исполнении служебных обязанностей. Его документы и погоны храним на память.

После становления Советской власти имя Зелимхана стало почитаемым. В Шали, на месте, где его убили, организовали колхоз его имени. Хорошо помним, как приезжал Дзахо Гатуев, как он интересовался всеми подробностями нелегкой жизни нашей семьи. Когда выходила книга, нас возили в Ростов, ознакомили с ее содержанием и попросили расписаться. Когда снимался фильм, артисты прислали свои фотокарточки. Их тоже храним на память. Вот они, смотри. Магомед Мамакаев также беседовал с нами, и мы ему рассказывали все, что знали об отце.

У обеих дочерей – свои семьи: дети, внуки и даже правнуки. Они рады сегодняшнему дню, счастливой жизни, о которой так страстно мечтал их знаменитый отец абрек Зелимхан.

А. Сагаипов, «Грозненский рабочий» 1977 г.

А. АВТОРХАНОВ О СЫНЕ ЗЕЛИМХАНА – УМАР АЛИ

Первым абреком Чечни в начальный период ее покорения был Бей-Булат, а последним – Зелимхан. Зелимхан абречествовал в дни моего детства. С его сыном Омар-Али мы были друзьями юности. Мы кончили почти одновременно и среднюю школу. Советы очень ухаживали за ним, предлагали ему вступить в партию, но он предпочел оставаться беспартийным.

В наших отношениях с ним его беспартийность и моя партийность не играли никакой роли. Нас обоих больше интересовала история нашего народа.

Весьма начитанный в области кавказоведения, он усердно собирал все данные – устные и письменные – о своем знаменитом отце, на которого он походил только мужеством, но не агрессивностью. Иногда просто не верилось, что такой миролюбивый сын мог родиться у профессионального бунтаря. Он знал, что ореол отца чеченцы невольно переносят и на него.

Это его очень тяготило. С обезоруживающей скромностью природного горского дипломата Омар-Али отводил всякие надежды насчет возможности его собственного абречества. Я не знаю, уцелел ли он во время большой трагедии своего народа. Если уцелел, то я шлю ему через эти строчки мой братский салам-маршалла. Многие сведения, которые он мне дал, тоже лежат в основе очерка о его отце.

(А. Авторханов «Мемуары».Possev – 1983 г.)

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Мое знакомство с именитым жителем г. Грозный состоялось еще в 1993 г., когда, работая в Национальном архиве республики в отделе информации и публикации, я занималась сбором документов о годах восстановления бывшей ЧИАССР.

Мне вспоминается эпизод, когда Атиев, демонстрируя фотографии прошлых лет из семейного альбома, показал мне фотокарточку и спросил: «Скажи, Асет, кто, по-твоему, этот человек?». Вопрос меня несколько озадачил, поскольку на фотографии был изображен мой бывший преподаватель в ЧИГУ, известный чеченский писатель Н.Д. Музаев.

Я, конечно, быстро угадала, хотя снимок был сделан в его молодые годы. На что Атиев чуть ли не с азартом воскликнул: «Ну, уж этого человека ты точно не назовешь!». Но и тут я без труда угадала, что на фотоснимке в центре рядом с моим нынешним собеседником сидит ни кто иной, как сын легендарного абрека Зелимхана из Харачоя – Умар-Али Зелимханов.

Мой правильный ответ не только сильно удивил Сайд-Ахмада. (Я думаю, Сайд-Ахмад заподозрил, что я уже «знакома» с этими снимками, и он был прав). По поводу этой фотографии Атиев рассказал такую историю.

В 40-е годы Сайд-Ахмад был очень дружен с сыном Зелимхана – Умар-Али Зелимхановым. Оба, работая в правоохранительной системе, часто сталкивались с явным беззаконием в отношении представителей чеченской национальности. Фабрикуя доносы и устраивая провокации, органы НКВД зачастую задерживали безвинных людей.

В тот осенний день Атиев занимался бумагами у себя в кабинете в доме, именуемом «Домом Абубакара» (впоследствии – здание бывшего «чеченского » гастронома по ул. Ленина).

Сайд-Ахмад курировал Ачхой-Мартановскую прокуратуру. Внезапно распахнулась дверь, в кабинет быстрым шагом вошел Зелимханов. Не успели они перекинуться приветствием, как на лестничной площадке застучали кованые сапоги, и у порога возникли три фигуры энкевэдешников с винтовками наперевес. На вопрос Атиева, что происходит, старший из ворвавшихся в помещение доложил, что только что в подъезде этого здания неизвестный в форме отбил у конвоира заключенного, оглушил солдата, а сам скрылся здесь, в здании. Возмущенный Сайд-Ахмад воскликнул: «С какой стати вы ищете преступника в моем кабинете?». Растерянные сотрудники НКВД извинились и покинули кабинет.

Все это время Зелимханов сидел спиной к посетителям. После их ухода, с улыбкой развернувшись к Атиеву, Умара-Али признался, что виновник побега «абрека» – он, Зелимханов. Атиев опешил. Умар-Али объяснил свой безрассудный поступок: ретивые чекисты для получения должности и рангов хватают безграмотных чеченцев. . Увидев разбитое лицо задержанного, он не утерпел. Все произошло в доли секунды: столкнувшись на лестничной площадке с конвойным, Зелимханов рванул винтовку на себя и оглушил чекиста, всунул в руки онемевшего чеченца деньги, что у него нашлись, и шепнул: «Беги!».

Сайд-Ахмад не стал выговаривать другу: слишком хорошо они оба знали, что значит навлечь гнев НКВД, особенно, если учесть, что Атиев и Зелимханов – чеченцы. Поступок Умар-Али был не только крайне рискован, а сродни безумству. «Самое страшное – быть невольным свидетелем произвола, не имея возможности помочь человеку, – вспоминал Сайд-Ахмад уже в 90-е г., – и то, что безвинные жертвы сталинского режима, чекистского «молоха» в документах по сегодняшний день значатся как бандиты. Этими сфабрикованными делами из архивов бывшего НКВД манипулируют сталинские подпевалы.

Асет Абубакарова.(«Вести республики». 2007 г.)

АВТОГРАФУ – СОРОК ЛЕТ

75-летняя Энисат Зелимханова – родная дочь воспетого народной молвой абрека Зелимхана, живущая в Ведено, познакомила меня с некоторыми документами из семейного архива. Взгляд задержался на письме, датированном августом 1936 г. Обычные тетрадные листки в клеточку, испещренные аккуратным почерком. И хотя бумага уже изрядно пожелтела, но чернила еще не выцвели, и текст читался совершенно свободно.

Остановила же меня подпись: «Крупнов Е.И.». Неужели он – Евгений Игнатьевич Крупнов? Да, он самый! Вот и обратный адрес: «Москва, Красная площадь, Государственный исторический музей».

Ученый-археолог с мировым именем внес немалый вклад в создание истории чечено-ингушского народа. Его капитальный труд «Древняя история Северного Кавказа» был удостоен высшей оценки – Ленинской премии. Евгению Игнатьевичу принадлежит и посмертно изданная Академией наук СССР книга «Средневековая Ингушетия», вышедшая в 70-х гг.

Вглядываюсь в письмо, написанное Крупновым более четырех десятилетий назад. Адресовано оно брату Энисат, младшему сыну Зелимхана, Умару-Али, который впоследствии, в апреле 1947 г., погиб как чекист на боевом посту. Но тогда, в 36-м, Умар-Али был ответственным секретарем Веденского райисполкома и в этой должности, судя по письму, помогал экспедиции Крупнова. Евгений Игнатьевич пишет (приводим выдержки):

«Уважаемый Умар-Али! Вчера только вернулся из Махач-Калы. Свою работу в Дагестане экспедиция закончила так же успешно, как и в Чечне. Весь наш материал представляет из себя исключительно бытовые вещи: костюмы, домашняя ут-

варь, орудия труда и т. д. Работали мы исключительно в Буйнакском и Гунибском районах. Сделали множество фотоснимков. Мы особо помним Ваше участие в нашей работе и, имея возможность, я считаю обязательным еще и еще раз выразить Вам свою признательность. Интересно, не поступили ли к Вам какие-либо сведения о нужных нам предметах. Не сочтите за труд черкнуть нам в Москву о том, что есть. Быть может, и сами выберетесь в Москву осенью, как предполагали. Было бы приятно встретиться в Москве. Шлю Вам свой привет и лучшие пожелания. Уважающий Вас Е. Крупнов».

Это письмо я показал одному из учеников Е.И. Крупнова, профессору Чечено-Ингушского госуниверситета В.Б. Виноградову, и попросил прокомментировать. Виталий Борисович сказал следующее: «Написано письмо в то далекое уже время, когда Евгений Игнатьевич еще не имел громких титулов как ученый-археолог. Речь здесь идет об этнографических вещах. Это указывает на широту интересов складывавшегося археолога-кавказоведа первой величины.

Письмо также примечательно тем, что характеризует сам принцип работы Крупнова – непременно в тесном контакте с населением, в общении с людьми. Этому принципу Евгений Игнатьевич, как мы теперь знаем, оставался верен всегда, всю жизнь. Помню, в 1956 г., когда я совсем юным попал в экспедицию Крупнова, то не мог не видеть, как дорожил Евгений Игнатьевич живыми, непосредственными связями с местными жителями. Эту его замечательную традицию стремимся развивать и мы, его преемники, во всей нашей археологической деятельности».

Тот факт, что Евгений Игнатьевич Крупнов, имя которого ныне глубоко чтит археологическая наука, обращался лично к Умар-Али, представляют для нас, жителей горной республики, определенный интерес, письмо свидетельствует о большом уважении ученного к сыну легендарного Зелимхана.

Г. Насонов. Грозненский рабочий 1976 г.

ВЕРНОСТЬ ДОЛГУ

Много ярких страниц вписали чекисты, защищая завоевания Октября. В славном ряду чекистов имя нашего земляка Умар-Али Зелимханова. Родился Зелимханов в с. Мелхиста, в Нагорной Ингушетии. В 1904 г., из-за преследования Зелимхана Гушмазукаева (отца Умар-Али), семья покидает сел. Харачой, а в 1911 году попала в плен к царским войскам и была сослана в Сибирь. В 1913 г. отец Умар-Али был убит, семья в феврале 1917 года переезжает на постоянное местожительство в село Ведено.

В 1919 г. умирает мать Умара-Али, а в 1925 г. в селе Махкеты погибает старший брат. Умар-Али, оставшись без родных, воспитывался в детском доме в г. Ростов-на-Дону, там же работает на заводе «Жесть-восток» слесарем, с 1929 г. – студент рабочего факультета.

С 1934 по 1936 г. Умар-Али работает ответсекретарем Веденского райисполкома, с 1930 по 1938 г. – зав. райздравом, с 1938 по 1941 г. – председателем республиканского комитета Медсантруд в г. Грозный. В 1943 г. Зелимханов отозван на работу в органы МГБ Дагестанской АССР, в течение 3 лет был начальником райотделения МГБ Дагестанской АССР. У-А. Зелимханов являлся членом Пленума и бюро РК ВКП(б). В апреле 1947 г. У-А. Зелимханов погиб при исполнении служебных обязанностей.

«Колхозная жизнь». № 151, 19 декабря 1967

ДОЧЕРИ ЗЕЛИМХАНА

Эти две пожилые женщины прожили долгую, полную испытаний и трудностей жизнь. Нелегкая их судьба была предопределена от рождения. Они росли дочерьми абрека. Того самого абрека Зелимхана Харачоевского, чье имя вошло в легенду. Старшая из сестер, Меди, появилась на свет в 1895 г., младшая, Энисат, – в 1901. Они были единственными из детей Зелимхана, дожившими до наших дней. Обе, конечно же, хорошо помнили своего знаменитого отца. Их дом в Ведено – место паломничества историков, писателей, журналистов.

Зелимхан. Об этом необыкновенном человеке написаны книги, сложены песни. Он являл собой образец мужества, смелости, удали.

Суровая жизнь абрека не ожесточила сердце Зелимхана. Меди и Энисат знали его как нежного и заботливого родителя. Семья была его опорой, надежным тылом. Дочери вспоминали: в те редкие моменты, когда Зелимхану удавалось побывать у родного очага, их дом наполнялся счастьем. Они рассказывали, что отец очень страдал от того, что из-за него семья испытывала лишения, подвергалась опасностям. Но жена и дети безгранично любили мужа и отца, готовы были ради него на любые трудности.

О Зелимхане еще не все сказано. Будут написаны новые книги, сняты фильмы. До последнего времени была чудесная возможность слушать рассказы о легендарном Зелимхане из уст хорошо помнивших своего отца дочерей. Теперь, к сожалению, такой возможности нет. 13 сентября этого года умерла старшая дочь Меди, а неделю спустя – младшая Энисат. Эти две скромные женщины прожили трудную, но достойную жизнь. Достойную памяти своего знаменитого отца.

Голос Чечено-Ингушетии 26 сентября 1990 г.

ТВОИ ПОТОМКИ, ЗЕЛИМХАН!

Одним из счастливых обладателей 200-томной «Библиотеки всемирной литературы» – гордости любого советского книголюба – стал житель Ведено Хасан Гудаев. Нам поначалу не удалось застать его дома. Приветливая мать Хасана Энисат, увидев, что гости чуть замешкались на пороге, приободрила: «Входите, входите!».

Было отчего замешкаться: горное селение, дом над обрывом, под которым по широкому каменистому ложу петляет Хулхулау, а здесь, в комнатах, – современная мебель, телевизор, телефон и эти манящие, в разноцветных обложках тома на застекленных полках. Чем не городская квартира с явными приметами нашего века! Невольно вспомнились строки народной поэтессы Чечено-Ингушетии Раисы Ахматовой:

Чтоб удивиться веку своему.
Не надо бы попасть в средневековье.
Тогда с какой тоской, с какой любовью
Тянулась бы я к веку своему.

Но даже не в столь далекое средневековье, а и в годы царизма горское жилище представляло собой жалкую дымную саклю с убогой утварью, сами же обитатели его были нищи и бесправны. Тяжкий гнет и произвол царских властей вкупе с местной знатью сполна испытал на себе и отец гостеприимной горянки – Зелимхан, который был вынужден оставить жизнь мирного селянина и взяться за оружие, став абреком.

Да, Энисат – родная дочь, ее сын Хасан – внук знаменитого кавказского абрека, народного заступника, о подвигах

которого знала вся Российская империя и о котором сложено столько героических сказаний и песен! Уже в советское время, в 20-е гг., вышла документальная повесть осетина Дзахо Гатуева «Зелимхан», тепло принятая А.М. Горьким. По этой повести был поставлен художественный фильм одноименного названия, обошедший советские и зарубежные экраны. К образу легендарного абрека также обращался видный чеченский писатель Магомет Мамакаев, опубликовавший в 1971 г. роман «Зелимхан».

Зелимхан не дожил до Великой Октябрьской социалистической революции всего лишь четыре года, погибнув в схватке со своими преследователями. Дожили дети, из которых, кроме Энисат, здравствует ныне его старшая дочь Меди. А оба сына пали за дело народной власти на боевом посту: старший Магомед в 1925 г при подавлении кулацкого мятежа в Махкетах, чекист Умар-Али – в апреле 1947 г. от бандитской пули. Энисат почтительно открывает голубой, обитый железными полосками сундук с фамильными реликвиями. На стол ложатся фотоснимки, газетные и журнальные публикации, книги. Среди них – лейтенантские погоны Умара-Али.

– Вот. храню с тех пор, как брат погиб в этом же доме от подлого выстрела, – произносит Энисат. – А это его документы, письма. Одно из писем, присланное в Ведено из Пятигорска, датировано февралем 1937 г.:

«Здравствуй, горный орел, друг мой Умар-Али! Прошло три месяца, как я покинул твою родину. И лишь сегодня вечером, накануне славной 19-й годовщины Красной армии, выдалась свободная минута, чтобы написать тебе. О твоей родине, о Ведено и его окрестностях у меня остались самые хорошие впечатления. Передо мной лежит газетная вырезка «Сын Зелимхана». Это биографический очерк о тебе. Хочу тебе посоветовать: учись, учись обязательно, пока позволяет время, работай над тем, чтобы стать большим человеком. Ты должен оставить хороший след на земле. Твой отец достоин того, чтобы его единственный сын (оставшийся один) стал большим человеком в

социалистическом обществе. Твой друг (командир бывшего оперотряда) В. Пурмаль».

В письме, к сожалению, не названа газета, и мы пока не знаем содержания очерка об Умаре-Али, но горным орлом его величали по праву: смелостью и отвагой он был весь в отца. Энисат вспомнила, например, такой эпизод из жизни брата.

В юности он работал слесарем на Ростовском заводе «Жесть-восток», был рабфаковцем. Однажды Умар-Али с товарищами наблюдал бурное весеннее половодье на Дону, река очищалась от последних льдин. И вдруг Умар-Али с истинно орлиной зоркостью заметил в водовороте беспомощный взмах руки тонущего. На миг показалась голова девушки. Умар-Али, не раздумывая, сбросил лишнюю одежду и кинулся бесстрашно в ледяную воду. С неимоверными усилиями удалось ему вытащить девушку на берег. Здесь ей оказали помощь, и она выжила. Для родителей девушки горец стал за родного сына. Умар-Али, как видно, не забывал совета: учиться, расширять свой кругозор. Вот его послужной список по 1947 г. – год, когда перестало биться его сердце: ответственный секретарь Веденского райисполкома, заведующий райздравотделом, председатель республиканского комитета «Медсантруд», руководитель Веденских чекистов. Несомненно, он мог бы стать «большим человеком в социалистическом обще-стве», не оборвись его жизнь так рано.

Медленно поднимает голову Энисат. Глаза ее встречаются с твердым решительным взглядом человека в военной форме, смотрящего сейчас с фотопортрета на стене. Умар-Али. Родной брат. А на другом портрете – немолодой черноусый мужчина в черкеске. Мужественное, закаленное невзгодами лицо. Это Зелимхан. Отец, чья трагическая судьба – вечная на сердце зарубка.

После революции Энисат вышла замуж за Бакара Гудаева, активно боровшегося за окончательное торжество народной

власти. Бакар Садыкович – участник Стодневных боев в Грозном, бывший ревкомовец. Занимал ряд ответственных постов. Сейчас персональный пенсионер.

Все три сына Энисат и Бакара, пройдя комсомольскую школу, стали коммунистами. Докка много лет заведует райсобесом. Рамзан – управляющий Веденским объединением «Сельхозтехника», он член бюро РК КПСС. А «завзятый книжник» Хасан – старший бухгалтер «Общепита». Есть еще дочери. Хавра – воспитательница детского сада и Коку – домохозяйка.

У Меди трое детей: Барон – товаровед райпо, Харон заведует в школе-интернате складом, а дочь Кулсум – торговый работник.

Вот такие обычные, но очень необходимые на селе профессии имеют внуки Зелимхана. Правнуков же «милостью царской» у абрека почти втрое больше – двад¬цать один. Дошкольники, школьники, студенты. Молодая поросль, перед которой множество заманчивых путей-дорог: выбирай на вкус! И каждая ведет к творче¬скому, созидательному труду на благо советской Отчизны.

Разве мог наш отец даже мечтать о таком будущем своих детей, внуков прав¬нуков! – говорит Энисат. При царе мы разве жили? Мучились, – свидетельствует Меди, которой под 80 лет. – Абреческая судьба отца была несчастьем всей нашей семьи. Только после Великого Октября обрели мы все права, зажили свободно и счастливо.

Истинно так: ведь потомки «абрека абреков» живут в иное, лучезарное время – под солнцем Советской Конституции!

Георгий НАСОНОВ, корреспондент ТАСС.
Специально для «Комсомольского племени». 12 сентября 1978

ПРОШЛО СТО ЛЕТ, КАК НЕ СТАЛО ЗНАМЕНИТОГО АБРЕКА

Потомки известного абрека из Харачоя Зелимхана Гушмазукаева, пришли сегодня почтить память. Здесь собрались старейшины селения и все местные жители. Как рассказали старожилы, легендарный харачоевец был осужден за кровную месть и заключен в тюрьму города Грозного.

Но Зелимхану удалось в 1901-ом году совершить побег, после чего и стал участвовать в абреческом движении. На поимку беглеца были задействованы большие силы. Не раз в горные районы Чечни направлялись экспедиции царских войск, но абрек оставался неуловимым.

За голову харачоевца обещали награду, по тем временам внушительную. Ни в чем не повинные люди из горных селений подвергались карательным операциям. Но горцы не выдавали Зелимхана. Но в 1913-ом году, воспользовавшись подкупом, власти все же вышли на след и он был окружен недалеко от Шали. Здесь завязался продолжительный бой, в котором и погиб абрек.

Внук абрека Рамзан Тудаев, рассказал интересные факты из жизни своего деда, и отметил, что он особо ценил в людях мужество. Даже были такие случаи, когда храбрость русских офицеров его восхищала, и он проявлял великодушие к тем, кто попадал в плен, хотя они его и преследовали. Четко следуя вековым обычаям чеченцев и гостеприимству горцев, Зелимхан оставлял у них личное оружие и оберегал, чтобы не допустить расправы. Из исторических документов известно, что харачоевец действовал открыто, заранее предупреждая о своем визите.

Собравшиеся прочитали мовлид в честь столетия со дня гибели легендарного односельчанина и совершили обряд «саг1а».

Старейшины призвали молодых ребят помнить о своей истории, в частности о своих национальных героях. А Зелимхану Гушмазукаеву уже стоит памятник, который установлен на въезде в село Харачой.

ЧГТРК «Грозный» 2013 г.

ПАМЯТИ ЗЕЛИМХАНА

С утра моросил мелкий дождь, и потому была тревога: а состоятся ли первые республиканские скачки, посвященные памяти национального героя Чечено- Ингушетии Зелимхана Харачоевского? Однако в республиканском ФОК «Урожай» нас заверили, что к 11 часам дня погода прояснится.

– Это наше первое дело. Не может быть, чтобы погода нас подвела в таком святом, бла-городном деле, – успокаивал себя главный судья В. Щелчков.

А когда мы подъехали на ипподром Чечено-Ингушской государственной заводской конюшни, мы убедились в том, что скачки состоятся. На грузовых машинах подвозили лошадей. К началу скачек их набралось уже за 60 голов. Несмотря на неудобства и некоторый дискомфорт (отсутствие трибун, буфета и т. д.), зрителей было немало, и они нетерпеливо ждали большого открытия этого большого празд¬ника.

Участники скачек состязались в пяти дистанциях. На первых двух дистанциях – 1200 метров и 1800 метров – «счастье» улыбнулось Камалу Исаеву. Справедливости ради следует заметить, если старт на 1200 метров был бы дан правильно, то первое место заняла бы Полина Тарарешкина (она заняла третье место).

На 2400 метров первым пришел на своем скакуне Асланбек Израилов, на 3200 метров первым был его товарищ по команде А. Молочаев. Все зрители ждали заезд на самую длинную дистанцию – 5000 метров. Но вряд ли кто мог предположить, что пер-вым финиширует на своем лихом скакуне школьник из села Бердикель Грозненского района Умар Ахмадов (ему и достался главный денежный приз).

Особенно массовыми были команды Веденского и Грозненского районов. Призы и награды победителям вручали племянник Зелимхана Харачоевского – Абу-Солт Исраилов и его внук Рамзан Гудаев.

P.S. Республиканский ФОК «Урожай» (председатель Чингиз Зубайраев) задумал возродить конный спорт в республике, и редакция газеты «Республика» готова всячески содействовать в этом благородном начинании.

Висхан Давлетукаев. «Республика». 23 мая 1991

ЧАСТЬ 3: БИБЛИОТЕКА (ИЗБРАННОЕ)

ГЛАВА 1. ЭПИСТОЛЯРИЙ

ПИСЬМА ЗЕЛИМХАНА

Безграмотный Зелимхан писал много. Он вовсе не был грамотен по-русски. Немного по-арабски. Перед тем, как совершить акт возмездия, Зелимхан старался предупредить, дать возможность отвратить наказание. Писал Зелимхан Добровольскому и приходил к нему сам. Писал Галаеву, Данагуеву, Вербицкому, Моргания, Дудникову, а также Каралову. Почти всем. Писал почти сам: диктовал своим «письмоводителям» Бетыр-Султану и Бачиюртовскому Гаккай-мулле.

Письма, хранившиеся у Бетыр-Султана, отобраны во время обыска начальником особого отдела какой-то дивизии. Письма Вербицкому, Каралову, Дудникову исчезли так же, как и письма Михееву. Здесь представлена лишь та часть писем, которая так или иначе сохранилась и дошла до наших дней.

Представлены в этом разделе также и письма, которые в той или иной форме касаются личности самого Зелимхана. Письмо председателю Государственной Думы в свое время было опубликовано в октябрьском «Голосе Правды». Автором думского письма был чеченский интеллигент и нефтепромышленник. Как интеллигенту и промышленнику, националистически конкурировавшему с великодержавным капитализмом, ему необходимо было индивидуализировать Зелимхана: дать его в качестве единичной жертвы сатрапствующей администрации.

ПИСЬМО ЗЕЛИМХАНА ПОЛКОВНИКУ ГАЛАЕВУ

Бисмилла аррахман аррахим!

Начинаю от всемогущего Аллаха после должной части полковнику! Я думаю, что из головы твоей утекло масло, раз ты думаешь, что царский закон может делать все, что угодно. Не

стыдно тебе обвинять совершенно невинных? На каком основании нака-зываешь ты этих детей? Ведь народу известно, что сделанное в Ведено, сделал я. Знаешь это и ты.

Эй, вы, начальствующие и судьи! Эй, правосудие! Вы неправильно решаете дела. Почему вы неправильно судите, почему вы осуждаете невинных детей? Вы же не можете подняться на крыльях к небу и не можете также влезть в землю. Или же вы постоянно будете находиться в крепости, решая дела так неправильно, зная это хорошо, зная сами так же, как я. Куда вы денетесь? Вы никуда не денетесь, пока я жив.

Разве вы не знаете меня? Вы знаете меня. Я, Зелимхан, решающий народные дела. Виновных убиваю, невинных – оставляю. Я вам говорю, чтобы не нарушали вы законы. Я вас прошу не нарушать их. А вы нарушаете их на основании ложных показаний. Ничуть вы не лучше женщин – мужчины. И о таких неправильных решениях вы после будете жалеть.

Я от Гурченко требовал деньги еще четыре года назад. Он все время обещал дать, а сам объявил об этом начальству. Я предупреждал его, что, если он не уплатит требуемых денег, будет убит.

В ночь убийства я ходил к нему опять просить денег. Делал это в присутствии его семьи. И, когда он отказался от уплаты, я его убил. Не из бедных же он, были же у него деньги и другое имущество. Возьмите всю казну государственную и войска, преследуйте меня – и все равно не найдете меня. Воллаги! Биллаги! Я подчиняться вам не буду. Когда вам понадобится схватить меня – я буду от вас далеко; когда же вы мне понадобитесь – будете вы очень близко ко мне.

Эй, начальствующие! Я вас считаю очень низкими. Смотрите на меня: я нашел казаков и женщин, когда они ходили в горы, – и я их не тронул. Я взял у них только гармонь, чтобы немного повеселиться, а потом вернул ее им. Шерипа Субиева я в тот же день немного задержал, заподозрив его в неверности мне, а вы за это арестовали его. Но больше, ни в чем он не виноват. Вы нехорошие люди! Вы недостойные люди! Не радуйтесь, не

гордитесь за взятую вами неправду и за утверждение таковой. Хотя вы теперь радуетесь, но после будете плакать, несомненно.

Эй, полковник! Я тебя прошу ради создавшего нас бога и ради возвысившего тебя – не открывай вражды между мной и народом. Ты должен стараться, чтобы женщины и дети не плакали и не рыдали. Они же плачут и проклинают меня. Говорят: «Хоть бы убили его, и чтобы он был уничтожен богом!». Так они проклинают меня. Они не виноваты. Ты же не должен сомневаться, что если будешь обижать арестованных, то ко мне будет вражда. А мы до сих пор жили хорошо: кто мне сделает добро, тому отплачу тем же; кто мне сделает дурное и злое, тому отвечу тоже тем же.

Эй, полковник! Если ты хочешь узнать, кто был со мной, когда убили Гурченко, то были: я – Зелимхан, мой отец Гушмазуко, Давлет-Мурза хоевский, Иса хоркороевский и Кума и Гуду из Белготоя. Это дело сделали мы. Наших лошадей держал, когда мы входили в дом к Гурченко, чеченец-ауловец Гуна. Знай это, эй, пристав!

Я знаю и слышу, что ты делаешь. Идешь за Гела и Дуду. Посмотри же, что я с ними сделаю. Если я их оставлю, то вини меня; если же я это не оставлю, то не вини меня. Знай это! Милость Аллаха и Аллах пусть сохранят того, кто будет читать это. Читающего прошу прочесть, ради Аллаха, не преувеличивая и не преуменьшая.

(Приложены: именная печать Зелимхана и печать Андреевского сельского управления)

ВТОРОЕ ПИСЬМО ЗЕЛИМХАНА ПОЛКОВНИКУ ГАЛАЕВУ

Полковник Галаев! Пишу тебе последнее мое письмо, которое я с помощью Аллаха, безусловно, исполню. Это будет скоро. Мнение мое такое: ты, кажется, знаешь, что я сделал с Добровольским, с таким же полковником, как ты; что мое при-

влекает сердце в необходимость сделать с тобой за незаконные действия твои и из-за меня заключенных людей, которые совсем невинны. Я тебе говорю, чтобы ты освободил всех заключенных, о вине которых ты не слыхал и в которых не видел ничего правдивого.

За неисполнение этого с тобой, гяуром, что будет, смотри на другой странице. Я Добровольскому говорил так же, как и тебе, гяур. Но ты меня тоже не понимаешь. Я тебе дам запомнить себя. Губить людей незаконными действиями из-за себя я не позволю тебе, гяур. Раз я говорю «не позволю», значит правда.

Если я, Зелимхан Гушмазукаев, буду жив, я ж заставлю тебя, как собаку, гадить в доме и сидеть в доме с женой. Трус ты! В конце концов, проститутка, - убью тебя, как собаку. Пусть ты будешь между тысячами, я смогу узнать тебя. Ты, кажется, думаешь, что я уеду в Турцию. Нет, этого не будет с моей стороны, чтобы люди не обложили меня позором бегства. Не кончив с тобой, я на шаг дальше не уйду.

Слушаю я о твоих делах, и ты мне кажешься не полковником, а шлюхой. Освободи же людей невинных, и я с тобой ничего иметь не буду. Если же не послушаешь, то будь уверен, что жизнь твою покончу или увезу в живых казнить тебя.

Зелимхан Гушмазукаев (Приложены три печати)

ПИСЬМО ЗЕЛИМХАНА НАЧАЛЬНИКУ ВЕДЕНСКОГО ОКРУГА
(отредактированный текст)

От Зелимхана – Полковнику

Послушайте! Идет от меня к вам бумага с правдою. Я до сих пор не врал, и в будущем не совру тоже, если Бог даст. Бог даст, вы узнаете, что я из правдивых. Со дня вашего прибытия к нам начальником, я присматриваюсь к тому, что вы делаете. Я спрашиваю вас – вы по справедливости и на основе государственно-

го закона поступаете или нет? Я нахожу, что действуете вы не по закону. К тем, кто поступает по закону, я ничего не имею. К таким начальникам отношусь по-хорошему – люблю, уважаю и считаю близкими себе. Тех же, кто поступает не по закону (начальник или другие служащие), я обвиняю и таких сам сужу. Вы, и те кто доносит вам, не мусульмане. Вы – люди, которые не признают веру и уничтожают закон и Государя. Вы не поправляете государственные дела.

Эй полковник! Послушайте! За какую вину вы арестовали группу харачоевцев? Вы думаете, что я был в Харачое, или думаете, что я ночевал в Харачое? Думаете, что я пользуюсь их пищей и кровом? Во время перестрелки в Харачое днем я находился в Андийских горах, а ночью была перестрелка. Я задержал троих – первый элистанжинец Джабраил, второй Муса Закаев, Юсуп Татакаев, Минца Шалинец. Вы спросите их, где я находился в тот день. Когда я задержал Джабраила с товарищами, я спросил его, где находится команда. Джабраил мне ответил, что команда находится на Черной Горе и кушает барашек.

Джабраил был послан мною к ним в команду с посланием о том, чтобы пришли ко мне, чтобы убить меня. Не пришли они ко мне. Я узнал, что они меня не разыскивают. Узнал, что они Чермойских барашек ищут. Почему бы Вам не знать, что не меня они разыскивают, а гоняются за едой. До своей смерти буду ходить.

Эй, полковник, у меня нет жизни, мы все погибли. О чем мне думать? Зачем мне терпеть и искать Вам худое. Вы еще узнаете, что я все что в моих силах сделаю, если Господь позволит, а что не в силах, то останется. Если закон существует, войдите в положение арестованных, верните их домой и смотрите на них милостивыми глазами. Если в законе этого нет, то не прошу этого.

Если я пойду на дурное дело против вас и других, то я найду вас даже там, где вы не ожидаете. Как я убивал других, так убил бы и вас. Все начальство, бывшее против закона, уже в земле. Те из начальства, кто был справедлив, живет себе спокойно и

свободно. И Вы, может быть, пойдете туда, куда ушли противники закона, если это будет Господу Богу угодно. Вы узнаете, что я найду силы, и что и вас, и слободу уничтожу, если захочу и будет это угодно Господу Богу. Может, я и не имею много сил, но на это имею. И Вы это вскоре узнаете.

22-го августа 1911 года

ЗАПИСКА К МУСЕ КУНИ

Любимому моему гостю, Мусе Куни, мой салам! Я от верных людей слышал, что ваш Дада, сын Аббаса Хубарова, дал слово начальству убить меня за большие деньги, и начальство дало ему берданку. Прошу вас дать мне знать, за что он меня хочет убить. Если ему нужно имущество и много серебра, я ему дам больше, чем они. Но если ему не нужно имущества, то пусть от меня держит себя подальше. Это лучше всякого богатства для него в этом мире.

Зелимхан

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА ДАНАГУЕВУ
(отредактированный текст)

Зайнутдин! Я очень скучаю, не зная твои мысли обо мне. Ты мусульманин, я тоже, напиши по совести, что думаешь...

Теперь сообщаю вам, что я убивал начальство за то, что оно незаконно сослало бед-ных людей в Сибирь. Сейчас находится моих бедных людей в Сибири 9 человек.

Потом, в бытность начальником Грозненского округа полковника Попова, в Грозном был бунт, и из-за гордости своей начальство и войска убивали бедных людей. Узнав в чем дело,

я собрал свою шайку и ограбил поезд из Кади-юрта. Я убивал русских людей с поезда из-за мести.

Потом, как и вы теперь, для моей поимки был командирован какой-то полковник Вербицкий. Вербицкий начал свои неправильные действия в Терской области.

Первым делом Вербицкий напал со своими людьми на базар, открытый в селении Гудермес, и убил там, на базаре, бедных людей. Но высшее начальство на неправильные действия Вербицкого смотрело с одобрением и оставило его как хорошего командира.

Таких страшных дел, какие натворил Вербицкий за один час, я, будучи абреком, за 10 лет не сделал.

Вербицкий убивал бедных. Чего стоят его действия в селении Цорх Назрановского округа. Тогда, ради отмщения Вербицкому, я с собой взял свою шайку и приготовился напасть на Кизляр, потому что он был атаманом Кизлярского отдела. Перед нападением я дал Вербицкому знать, что я еду на Кизляр.

ПИСЬМО ЗЕЛИМХАНА КАДИЮ
(отредактированный текст)

Эй, Абас! Вы прочитайте эту бумагу хорошенько, ничего не утаив. Если вы прочтете не точно – я об этом узнаю незамедлительно. Большую беду причиню тогда.

Для вас двоих было бы лучше не выносить приговор о том, что меня можно убить и уничтожить. Впоследствии, может быть, заплачете и будете раскаиваться об этом. Если бы вы жили по шариату, то вы не были бы кадием среди русских.

В твоей книге есть о том, кого можно убивать и уничтожать? В этой книге, говорится о том, что можно убивать меня? Вы нашли в ней слова о том, что утром и вечером можно беседовать с начальником?

Я понимаю шариат, а Вы против него. На свете кроме тебя и твоего брата есть много грамотных, чтобы выносить шариат-

ское решение. Божусь, тот, кто за неправду пошел и против меня не будет радоваться. Тот, кто перережет мне дорогу не выиграет, если это будет Богу угодно.

Если по шариату и нужно казнить кого-нибудь, так первого следовало убить тебя, а меня второго. Береги свой язык. Чего не знаешь, того не говори. Пока погибаешь. Остерегайся.

Вашими утверждениями о том, что по шариату можно меня убить, смерть моя не приблизится. Не продлится она и если скажешь и о том, что нельзя меня убивать. Не говори о том, что тебя не касается.

С арабского на чеченский язык переводил Веденский окружной кадий Абас Аутахаджиев – /подпись/

С чеченского на русский язык переводил переводчик Веденского городского словесного суда – /подпись/

ПИСЬМО ПОРОМОНУ

Поромон! Наслышался я про твое богатство, но не верил слуху. Когда был у Вас в станице, то сам удостоверился, что ты богат. Значит, для тебя ничего не будет значить выручить меня пятью тысячами рублей.

Я объявляю и требую от тебя, чтобы ты выложил 1 июля пять тысяч рублей в указанном мною месте. Есть у вас под Щедриным на берегу Терека старый дом, так в этом-то домике в восходном углу срой ямку и положи требуемые мною деньги, да так, чтобы не было заметно посторонним людям, чтобы в случае не поплатится тебе своей шкурой. Если я приду и найду не исполненным мое приказание, то ожидай меня к себе в дом в неуказанное время. И ты будешь взят в доме своем мною, тогда ты вместо пяти тысяч рублей заплатишь пятьдесят тысяч.

Не удивляйся, что называю тебя по имени, узнал я о тебе от взятого мною в прошлый раз в живых тавричанина. Я – Зелимхан.

Примечание: Поромон - богач из ст. Щедринская.

Деньги Зелимхан получил

ОФИЦИАЛЬНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ АБРЕКА ЗЕЛИМХАНА
(отредактированный текст)

Его превосходительству Господину Наместнику Кавказа Официальное заявление

Мне стало известно из газеты «Терек», что Исмаил находится под стражею за преступление, т. е. поранение помощника начальника станции Эльхотово Влк. ж. д., заявляя о том, что преступление отвечает не. а собственно, через ограбление кассы, но не удалось. Теперь же я принимаю свои тщательные меры. Они таковы: или же в прах уничтожу все Кавказское Начальство, или что-нибудь другое.

Но все-таки. Вашу м. решил, что, пока не выпустят невиновного человека, отомщу всем начальникам е., как за семью мою, так равно и за того невинного человека. Надеюсь доказать это, пока не освободят их из-под стражи.

1912 год марта 7 дня Зелимхан . ЦАУ Грузии.
Фонд 2. Арх. № 1072, лист 95

ИЗ ПИСЬМА КАНЦЕЛЯРИИ НАЧАЛЬНИКА ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

«…Во всеобщее сведение, что деньги, собранные населением Веденского округа в сумме 8000 рублей и предназначенные в награду за поимку или уничтожение разбойника Зелимхана Гушмазукаева, до сего времени хранятся полностью в депозитах начальника области, о чем неоднократно объявлялось населению.

Несмотря, однако же, на то, что прошло уже более двух лет, а до сего времени не нашлось такого лица, которое выполнило бы эту задачу, а потому признается необходимым с одобрения наместника его императорского величества на Кавказе выше-

названную сумму, в случае поимки или уничтожения Зелимхана Гушмазукаева и его сотоварищей, выдать не одному лицу, а всем тем, кто тем или другим способом будет содействовать его поимке или уничтожению, по справедливой оценке их трудов и риска, которому они подвергались».

Апрель 1910 г.

ПРОШЕНИЕ ЗЕЛИМХАНА НА ИМЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Его Высокопревосходительству Господину Председателю Государственной Думы от чеченского абрека Зелимхана Гушмазукаева

Прошение

Так как в настоящее время в Государственной Думе идет запрос о грабежах и разбоях на Кавказе, то депутатам небезынтересно будет познакомиться с причинами, заставившими меня, одного из самых известных абреков Терской и Дагестанской областей, сделаться абреком. Все рассказывать не стоит – это займет слишком много вашего драгоценного времени. Я ограничусь, как сказал, указанием обстоятельств, при которых я ушел в абреки, и, кроме того, расскажу о двух своих наиболее крупных преступлениях: первое – убийство подполковника Добровольского, старшего помощника начальника Грозненского округа в 1906 году, и второе – убийство полковника Галаева, начальника Веденского округа, летом минувшего 1908 года. Чтобы гг. депутаты имели хоть какое-нибудь представление о драме моей жизни, я должен упомянуть в коротких словах о месте моего рождения и о своей семье. Родом я из чеченского селения Харачой Веденского округа Терской области.

В то время, о котором идет рассказ (1901 г.), семья наша состояла из старика-отца, меня и двух братьев, из которых один был уже взрослый юноша, а другой совсем еще ребенок; кроме того, был у нас еще и столетний дед. Жили мы богато.

Все, что бывает у зажиточного горца, мы имели: крупный и мелкий рогатый скот, несколько лошадей, мельницу, правда, татарскую, но все же она нам давала приличный доход, и имели мы еще богатейшую пасеку, в которой насчитывалось несколько сот ульев. Добра своего было достаточно, чужого мы не искали. Но случилось несчастье. Произошла у нас ссора с односельчанами из-за невесты моего брата. В драке был убит мой родственник. Теперь надо отомстить кровникам за смерть родственника, выполнить святую для каждого чеченца обязанность. Зная хорошо, что по русским законам кровомщение не допускается и меня за убийство человека, хотя бы кровника, будут судить со всей строгостью законов, я совершил акт кровомщения втайне, ночью, накануне рамазана месяца, и без соучастников. Все в ауле вздохнули свободно, – канлы должны были окончиться, и между сторонами состояться полное примирение. Но стали производить дознание. Начальник участка капитан Х., ныне благополучно управляющий одним из округов Терской области, показал, что он застал нашего врага живым и последний будто бы указал как на виновников своей смерти на меня, на моего отца и двух братьев.

Таким образом, было найдено юридическое основание для того, чтобы нас обвинить. Суд нас четверых присудил в арестантское отделение. На запрос палаты, каким образом покойный ночью мог узнать, кто в него стрелял, тот же начальник участка Х. ответил, что была светлая лунная ночь, и лица были хорошо замечены умершим. Это была со стороны Х. явная ложь и пристрастное отношение к делу. Во-первых, как всему народу, ему было известно, что мой отец и два двоюродных брата ни в чем не виноваты, а во-вторых, накануне рамазана месяца луна

не светит. Люди говорят, что ему дали взятку наши враги, и я вполне этому верю.

Один из моих братьев умер в тюрьме, а другой умер впоследствии в ссылке. Я бежал из Грозненской тюрьмы с единственной целью отомстить виновнику всех несчастий нашей семьи, капитану Х., но он нашелся. Узнав о том, что я на свободе, он прислал ко мне человека, который сказал, что капитан Х. сознает свою ошибку, очень раскаивается и просит у меня прощения и кроме того обещает меня не преследовать никогда. Я поверил его раскаянию и простил ему. Из последующей деятельности этого человека выяснилось, что он очень далек от раскаяния и просто перехитрил меня, перейдя на службу в другое место. Таким образом, из мирного жителя селения Харачой я превратился в абрека Зелимхана из Харачоя, но не такого еще знаменитого, как сейчас.

Теперь я вам, ваше превосходительство, расскажу, за что я убил подполковника Добровольского. В то время Добровольский был старшим помощником начальника Веденского округа и жил постоянно в Ведено. Естественно, на нем лежала обязанность меня преследовать; но как он это делал! Прежде всего ставил в Харачое экзекуции, затем всячески давил моих родственников и лиц, имевших, по его мнению, или вернее, по мнению доносивших, какое-нибудь отношение ко мне. Мой старый отец, уже вернувшийся домой, отбыв свой срок наказания, и в особенности брат – самый тихий и добродушный из харачоевцев – подверглись со стороны Добровольского всевозможным гонениям, аресту на продолжительное время под тем или иным предлогом, штрафам и пр. мелочам, пересказать которые я сейчас не сумею, но которые тем не менее жизнь делают тягостною, а иногда и невыносимою.

Я ходил на свободе, и никто меня не беспокоил – ни казачьи резервы, ни милиционеры. Наконец, случилось крупное столкновение и вот по какому случаю. Добровольский ехал из Ведено в Грозный, а мой брат Солтмурад ему навстречу. Подполков-

ник остановил тройку и приказал переводчику брата обыскать и отобрать у него оружие. На большой дороге не было до тех пор принято останавливать и обыскивать проезжающих. Очевидно, для Солтмурада сделали исключение. Брат сказал, что оружие его азиатского образца и выдать его он не может, так как повсюду его преследуют кровники. Добровольский привстал на тройке с винтовкой в руке. Солтмурад ударил по лошади и ускакал, начальник пустил ему вдогонку несколько пуль, не знаю, с какой целью – напугать или попасть в него. Приехав в Грозный, Добровольский пожаловался начальнику округа, что брат Зелимхана оказал ему вооруженное сопротивление и т. д. Разумеется, при этом умолчал о том, что сам он стрелял в моего брата. Солтмурад, боявшись жить дома, скрылся и по моему совету вступил с Добровольским в переговоры через некоторых лиц, обещая выдать оружие и кроме того уплатить штраф в том размере, который укажет Добровольский, однако с тем условием, чтобы Солтмурад остался жить дома. Но Добровольский и слышать не хотел ни о чем, грозил сгноить брата в тюрьме, повесить, а по моему адресу разразился скверными словами. Тогда мой брат ушел из дома и стал бродить один по горам, боясь присоединением ко мне навсегда опорочить себя и тем лишиться возможности вернуться к мирной жизни. А скитаясь один, он надеялся на то, что либо начальник смилостивится, либо на его место назначат другого, более доброго.

Но надеждам брата не суждено было осуществиться, – его поймали в Дагестанской области (при этом он не оказал ни малейшего сопротивления) и посадили в Петровскую тюрьму. Там он пробыл около года и бежал прямо ко мне. С этого момента он сделался уже настоящим абреком. Отец мой еще раньше брата присоединился ко мне, предпочитая жизнь абрека тюремному заключению, которое должно было длиться до тех пор, пока меня не убьют или не поймают. За то, что он заставил сделаться абреком моего отца и брата, обругал меня скверными словами, Добровольский поплатился своей жизнью. Далее я вам расска-

жу, ваше превосходительство, за что я убил полковника Галаева. Вскоре после смерти Добровольского Веденский округ был объявлен самостоятельным в административном отношении, и нам прислали начальника округа именно Галаева. Этот оказался человек деятельный и энергичный, он сразу выслал из Веденского округа 500 человек, якобы за воровство, которые вернулись все уже в качестве абреков и наводнили весь Веденский округ. Но потом полковнику пришлось объявить им всеобщую амнистию, и они вернулись в свои дома, стали заниматься тем, что делали раньше до появления Галаева. Впрочем, это к делу не относится, а я это сказал как факт, характеризующий этого администратора.

Меры его, направленные против меня, а также против отца и брата, выражались в том, что он приблизил к себе нашего противника Элсанова из Харачоя и стал по его указанию сажать в тюрьму и высылать наших родственников и друзей, а иногда лиц, совершенно не имевших к нам никакого отношения. Я ему предлагал письменно оставить всех этих ни в чем не повинных лиц в покое, а преследовать меня всеми способами, какие он может изобрести: полицией, подкупом, отравлением, чем только не хочет. Но Галаев находил самым правильным избранный им путь поимки меня с товарищами. Очевидно, борьба с мирными людьми гораздо легче, чем с абреками. Некоторые сосланные им лица находятся в северных губерниях России. Быть может, они и умерли. Среди них, например, два моих двоюродных брата по женской линии и два зятя тоже из другой фамилии, чем я. Затем посаженные Галаевым в тюрьму до сих пор еще сидят там. Хозяйства как сосланных, так и заключенных совершенно разорились, жены и дети их живут подаянием добрых людей да тем, что я иногда уделю им из своего добра после удачного набега. Окончательно убедившись, что Галаев твердо держится своей системы, что он будет ссылать и арестовывать все новые и новые лица и что разоренные семейства станут молить бога о

моей гибели, я решил с ним покончить. Решение свое я выполнил летом истекшего 1908 года.

Все, что изложено в этом прошении, безусловно, правда, ибо я стою вне зависимости от кого бы и от чего бы то ни было, и лгать мне нет никакой нужды. Голова моя, как говорят, оценена в 8 тысяч рублей, конечно, деньги эти собраны с населения. Отец и брат мой убиты чеченцами во время пленения мной овцевода Месяцева 31 августа 1908 года, и теперь я одиноко скитаюсь по горам и лесам, ожидая с часа на час возмездия за свои и чужие грехи. Я знаю, дело мое кончено, вернуться к мирной жизни мне невозможно, пощады и милости тоже я не жду ни от кого. Но для меня было бы большим нравственным удовлетворением, если бы народные представители знали, что я не родился абреком, не родились ими также мой отец и брат и другие товарищи. Большинство из них избирают такую долю вследствие несправедливого отношения властей или под влиянием какой-нибудь иной обиды или несчастного стечения обстоятельств. Раз кто стал на этот путь, то он подвигается по нему все глубже в дебри, откуда нет возврата, ибо, спасаясь от преследователей, приходится убивать, а чтобы кормиться и одеваться, приходится грабить. А в особенности тому, кто должен поддерживать семейства, отцы которых в ссылке или в заключении.

Все изложенное покорнейше прошу, ваше превосходительство, довести до сведения Думы. Если же вы не найдете возможным, чтобы мое прошение было предметом внимания народных представителей, то покорнейше прошу вас отдать его в какой-нибудь орган печати, быть может, найдутся такие, которые пожелают его напечатать. К сему прилагаю свою именную печать и казенную печать Андреевского сельского правления Хасав-Юртовского округа. Администрация Терской и Дагестанской областей знает, что всякое письмо, снабженное этими знаками, идет от меня.

Зелимхан Гушмазукаев 15 января 1909 г. Терская область

ПИСЬМО ЗЕЛИМХАНА АТМАНУ ВЕРБИЦКОМУ

«Эй, ты, сволочь, атаман Вербицкий. Ты убедишься в следующий четверг в 10 часов, что было бы лучше, если бы ты вместо погон носил женские одежды. В это время я буду собирать деньги в Кизлярском банке, который ты охраняешь.

Жди меня, баба атаман, когда я прибуду в Кизляр. И если ты не трусливая баба, попробуй мне помешать брать банк. Кто из нас достоин носить мужские штаны, разберемся там, на месте. Я еду.

Написано по велению Зелимхана, сына Гушмазуко, сына Бахо. Абрек Харачоевский.

Подтверждено печатью правления Андреевского сельского совета Хасав-юртовского округа».

ПИСЬМО ЗЕЛИМХАНАА ДЖ. МААШЕВУ

Дорогому моему брату дубаюртовцу Джабраилу Маашеву.

Салам и маршалла тебе и твоим родственникам. Джабраил, что было тебе поручено относительно Чехкиринского (слободы Воздвиженской) пристава о его выезде куда-нибудь не оставь без внимания.

В прошлый раз, когда я был на плоскости переданные тебе деньги для передачи автуринцу Ряжи-хажи, находившемуся в Грозненской тюрьме, передал ли или нет? Известие об этом передай через зазергановца Исрапила в селение Таузень. О выезде Чехкиринского пристава немедленно сообщи Исрапилу, тогда мне будет известно.

Джабраил, не оставь без внимания о наблюдении за выездом пристава. Я передал караульщику Омару, чтобы он не препятствовал тебе ездить в лес. Сообщи, передал ли ты ружье, которое я тебе поручил передать. На Аргунском мосту есть ли тавлины или нет, сообщи об этом. На все вопросы напиши ответ

через Исрапила. Письмо это пишет скрывающийся Зелимхан. Джабраил, ты сам должен знать, кто тебе пишет.

ЦГА РСО-А ф.106, оп 1,д.19, л.243

ДРУГИЕ ПИСЬМА

Ниже представлены избранные письма лиц так или иначе связанных с деятельностью чеченского абрека Зелимхана Гушмазукаева (Харачоевского).

ПИСЬМО БЫВШЕГО ВОЕНКОМА ВЕДЕНСКОГО ОКРУГА МАГОМЕДУ ЗЕЛИМХАНОВУ

Здравствуй, Магомед.

Я пока дома. Благодарю тебя за то, что ты меня не забываешь. Письмо твое получил, за которое тебе благодарен. Мы все живы. Прими от нас привет и приезжай к нам. Захвати с собой картошку и муки, а то я совершенно голодаю. Привет Куси-Байгерееву, Сайдами Гудаеву, Яндарову. Всем знающим меня. Меня приглашают опять в Ведено, но я пока отказываюсь, потому что за эти месяцы не получил жалованья и за два года не дали ни одной тряпки. Когда дадут все, тогда и поеду. С тем и до свидания. Остаюсь знающим тебя Орлов.

г. Грозный 12.11.22 г.

ПИСЬМО НАУЧНЫХ СОТРУДНИКОВ ИЗ ЛЕНИНГРАДА УМАР-АЛИ ЗЕЛИМХАНОВУ

Уважаемый товарищ Зелимханов!

Научный сотрудник Академии Исторической Культуры Андрей Павлович Круглов (археолог из Ленинграда) дал нам ваш адрес и направил нас к Вам. Мы здесь проездом, прислали

30/VI, и хотели ехать дальше сегодня, но не застали Вас. Зайдем завтра в Райздравотдел в 9 ч., если Вы будете в другом месте, оставьте дома сведения где нам Вас найти.Научные сотрудники из Ленинграда К. Полянкова и Т. Лощинская. 1 июля

ПИСЬМО Е.И. КРУПНОВА УМАРУ-АЛИ ЗЕЛИМХАНОВУ

Уважаемый Умар-Али!

Вчера только вернулся из Махач-Калы. Свою работу в Дагестане экспедиция закончила так же успешно, как и в Чечне. Весь наш материал. представляет из себя исключительно бытовые вещи: костюмы, домашняя утварь, орудия труда и т. д.

Работали мы исключительно в Буйнакском и Гунибском районах. Сделали множество фотоснимков.

Мы особо помним Ваше участие в нашей работе и, имея возможность, я считаю обязательным еще и еще раз выразить Вам свою признательность.

Интересно, не поступили ли к Вам какие-либо сведения о нужных нам предметах.

Не сочтите за труд черкнуть нам в Москву о том, что есть.

Быть может, и сами выберетесь в Москву осенью, как предполагали. Было бы приятно встретиться в Москве. Шлю Вам свой привет и лучшие пожелания. Уважающий Вас Е.И. Крупнов.

Москва, Красная площадь. Государственный исторический музей
1936 год

ПИСЬМО В. ПУРМАЛЯ УМАРУ-АЛИ ЗЕЛИМХАНОВУ

Здравствуй, горный орел, друг мой Умар-Али!

Прошло уже три месяца, как я покинул твою родину. И лишь сегодня вечером, накануне славной 19-й годовщины Красной армии, выдалась свободная минута, чтобы написать тебе. О тво-

ей родине, о Ведено и его окрестностях у меня остались самые хорошие впечатления.

Передо мной лежит газетная вырезка «Сын Зелимхана». Это биографический очерк о тебе. Хочу тебе посоветовать: учись, учись обязательно, пока позволяет время, работай над тем, чтобы стать большим человеком.

Ты должен оставить хороший след на земле. Твой отец достоин того, чтобы его единственный сын (оставшийся один) стал большим человеком в социалистическом обществе. Твой друг (командир бывшего оперотряда) В. Пурмаль.

Февраль 1937 г. Пятигорск

ПИСЬМО НАЧАЛЬНИКУ ВЕДЕНСКОГО РО НКВД ЧИАССР ТОВ. КОНЬКОВУ

Народный комиссариат госбезопасности ЧИАССР 11 февраля 1944 г. г. Грозный
№ 160-а/80

Объявите старшему. уполномоченному вверенного Вам райотделения НКГБ Зелимханову Умар-Али Зелимхановичу о том, что приказом народного комиссара Союза ССР № 150 от 28 января 1944 года ему присвоено специальное звание «младший лейтенант Государственной Безопасности».

Зам. наркома Госбезопасности ЧИАССР Капитан Государственной Безопасности Ибрагимов

ПИСЬМО Х. ОШАЕВА НА ИМЯ ГАЙРБЕКОВА М.Г.

Председателю оргкомитета по ЧИАССР тов. Гайрбекову М.Г

В Киргизии, Фрунзенской области, Калининском районе ст. Карабалты проживают две дочери, внуки и племянники Зелимхана Гушмазукаева, которые ранее проживали в Ведено

и имеют там собственные дома, в настоящее время никем не занятые.

Принимая во внимание заслуги их братьев - Зелимхановых Магомета, убитого при исполнении служебных обязанностей в 1922 году возле сел. Махкеты, и второго Умара-Али, убитого бандой в 1946 году, просим выслать им разрешение приезда в родные места. Нам, сотрудникам института, интересно ознакомление с их большим личным архивом, заключающегося в письмах, газетах и фотоснимках, хранящихся у дочери Зелимхана.

Х.Д. Ошаев

С.Ч. Эльмурзаев)

г. Грозный. 25.08.57 г.

ПИСЬМО НА ИМЯ Б. ГАЦАЕВА ИЗ БИБЛИОТЕКИ ИМ. ЛЕНИНА

Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В.И. Ленина.
Москва, Г- 19 ул.Калинина 3№ 23/1018 «23» февраля 1958 г. ЧИАССР.
Веденский район, с.Дышне-Ведено
Бетырсултану Гацаеву

Уважаемый товарищ!

В ответ на Ваше письмо сообщаем, что заказ на фотокопию портрета Б. Гацаева передан нами в бюро обслуживания нашей библиотеки, откуда материал будет выслан Вам наложенным платежом.Срок выполнения заказов - месяц.

При просмотре книги Д. Гатуева «Зелимхан» (Ростов-Дон-Краснодар, 1928) мы установили следующие интересующие Вас упоминания:

«Зелимхан писал много. Писал почти сам: диктовал своим письмоводителям Бетырсултану и Бачиюртовскому Гаккай Мулле. Письма, хранившиеся у Бетырсултана, отобраны во время обыска начальником особого отдела, какой-то дивизии.». (стр. 174)

«Зелимхан. к Батырсултану приехал, потому что письмо написать надо. Не прислал Шавелов денег. И Зелимхан к Бетырсултану приехал, чтобы Бетырсултан опять письмо написал.

И опять Шавелов не прислал денег. Тогда Зелимхан к Джемалдину пришел, сказал, чтобы Джабраил волов впряг: «В Грозный поедем». Тогда Бетырсултан на коня сел и тоже в Грозный поехал. В городе он коня к дереву привязал. На бульваре, который межой был для станицы. А сам в сторону отошел.

Грохот Зелимхан уже позади себя слышал. Жалко, что мало дали мне студенты бомб. Хорошо стреляет. Сильнее чем пушка стреляет. Народ к городскому входу бежал, Джамалдин и Бетырсултан на волах в город въехали. Хорошая бомба была. Я на базаре ее так слышал, будто около меня она выстрелила. Если бы мы образованные были, какие бомбы мы делали бы. Все они придумывают. Уо, Бетырсултан!. Ты верно говоришь. Недаром, Джемалдин, я в тюрьме сидел и грамоту знаю немного. Остановись, скачут за Зелимханом. Ярмо надо быкам поправить.». (стр. 150-151)

Зав. отделом справочно - библиографической и информационной работы /Багрова/
Гл. библиограф /Ваидзе/

ПИСЬМО КОРРЕСПОНДЕНТА ТАСС Г. НАСОНОВА НА ИМЯ ЭНИСАТ ЗЕЛИМХАНОВОЙ

Уважаемая Энисат!

Возвращаю два письма к Умар-Али. Прилагаю три газеты с материалом «Твои потомки, Зелимхан!». Одна газета Вам с Хасаном, остальные Рамзану и Доке. На память.

Передайте мой привет Рамзану, с которым мы встречались. И Меди – с нею позже виделись прошлой осенью.

Для Меди тоже прилагаю газету – четвертую. Всего доброго!

Г. Насонов 12.09.78. Грозный

ПИСЬМО ДОЧЕРЯМ АБРЕКА ЗЕЛИМХАНА ИЗ РЕСПУБЛИКАНСКОГО МУЗЕЯ

Министерство культуры ЧИАССР.
Республиканский краеведческий музей
г. Грозный. Пролетарская, 54.
6 октября 1978 г. На № 303

Глубокоуважаемые Муслимат Зелимхановна и Энисат Зелимхановна!

Чечено-Ингушский республиканский краеведческий музей убедительно просит Вас помочь нам.

Нами получено письмо из Еревана от гражданина Хачатряна, который разыскивает следы своего дяди Тер-Минасова Шамиля Аракеловича. Тер-Минасов, якобы, был в отряде Вашего отца Зелимхана, выполнял его ответственные поручения с 1905 года.

Он принял мусульманство и изменил фамилию и имя, которые его родственникам остались неизвестными. В 1940 году он был еще жив. Один из родственников увидел его на рынке г. Грозного, но тот не захотел с ним говорить.

У нас в музее нет никаких материалов, проливающих свет на вышеуказанное обстоятельство.

Если Вы что-либо помните об этом человеке, напишите нам, пожалуйста, чтобы мы могли ответить автору письма.

Как Вы живете? Здоровы ли? Будем Вам очень благодарны за ответ.

С ув. к Вам Директор Чечено – Ингушского краеведческого музея
Кудусова Ф .

ПИСЬМО ДОЧЕРЯМ АБРЕКА ЗЕЛИМХАНА ИЗ РЕСПУБЛИКАНСКОГО МУЗЕЯ

Министерство культуры ЧИАССР.
Республиканский краеведческий музей
г. Грозный, Пролетарская, 54. исх. №102 23 февраля 1983

Уважаемые Меди и Энисат Зелимхановны!

Чечено-Ингушский республиканский краеведческий музей благодарит Вас за переданные музею документальные материалы, рассказывающие о Ваших братьях и достойных сыновьях легендарного абрека Зелимхана – Магомете и Умар-Али, отдавших свои молодые жизни в борьбе с врагами советской власти. Они займут достойное место в экспозициях и выставках музея.

По Вашей просьбе мы изготовили 10 фотокопий тех документов, которые можно было переснять, с остальных из-за плохой сохранности подлинников копии не получаются. Всего передано в фонды музея 23 музейных единицы.

Еще раз благодарим за передачу материалов, желаем Вам крепкого здоровья, счастья всем членам семьи.Поздравляем Вас с наступающим Международным Женским праздником 8 Марта! Всего доброго Вам!

Директор Чечено – Ингушского республиканского
краеведческого музея Ф.И. Кудусова
Зав. дореволюционным отделом З.А. Гудаева

ПИСЬМО А. АХАЕВА Д. ГУДАЕВУ

Многоуважаемый Докка Гудаев!

Здравствуйте! Ассаламу алейкум! С добрыми чувствами огромного уважения обращаюсь я к вам. Кто это я? Я- Ахаев Агав Казиханович – кумык, полковник в отставке, почетный чекист КГБ, проработавший в этих органах 39 лет. Я тот, который лично был знаком с незабвенным Умар-Али. Вот я на пенсии

три года и три года занимаюсь собиранием материалов о заслуженных чекистах. Я уже написал и отдал в издательство повесть об Умар-Али. В КГБ прочитали, одобрили. В конце апреля или начале мая выйдет книга-сборник «Чекисты Дагестана». Там будет и моя повесть об Умар-Али. Пользовался я архивными материалами, личным делом Умар-Али, рассказами многих его друзей, хорошо его знавших. Пользовался книгой Дзахо Гатуева, статьей «Автографу 40 лет» («Грозненский рабочий»-5.IX-78 г.), статьей Насонова «Твои потомки, Зелимхан» («Комсомольское племя») 12 сентября 76 г.). На этом я не ограничиваюсь, буду писать об Умар-Али отдельную книгу. Есть о чем писать. Такие люди не забываются.

Мой вопрос вам Докка, Хасану, Рамзану, Хавре, Коку, Барону, Харону, Кумсуму: чем вы можете мне помочь? Что у вас есть об Умар -Али? Нет ли у вас хорошей фотокарточки Умар-Али в форме и в гражданской одежде. Есть ли какие-нибудь документы, биографии его позднего времени? Вообще, что у вас есть? Уважаемый Докка, кто из вас был при трагедии: вы или Барон? С нетерпением буду ждать вашего ответа. Я обращаюсь к вам, полагая, что вы старше всех. А в самом деле расскажите кто есть кто перечисляя по возрасту. С уважением Агав. Если кто-то из вас будет в Махачкале, очень прошу загляните ко мне домой! Встречу как дорогих гостей, как близких людей-родных Умар-Али! 40 лет прошло с того трагического дня.

22 апреля 1987 г.

ПИСЬМО А. АХАЕВА В СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ ЧИАССР

Город Грозный. Союз писателей Редактору журнала «Орга» – «Аргун» тов. Шайхиеву Алвади Хасмагомедовичу

Уважаемый редактор!

Высылаю Вам небольшой очерк о славном сыне Чечено-Ингушского народа, чекисте Умаре-Али, унаследовавшего лучшие

черты характера своего отца – легендарного Зелимхана, известного далеко за пределами Кавказа. Человека, унаследовавшего лучшие качества своего народа, из глубин которого вынес твердость воли, необычайную храбрость и мужество, отчаянную смелость, решительность, безграничную любовь к своему народу и жгучую ненависть к его врагам. Питаю надежду, что найдете в Вашем журнале место для прилагаемого очерка.

Прежде чем написать очерк (это отрывок из повести, которую я пишу), я побывал в Ведено, Харачое, Шали и в др. местах, связанных с жизнью и работой Умара-Али, Зелимхана, на их могилах. В доме, где случилась трагедия, беседовал с дочерьми Зелимхана – Меди и Энисат, с племянниками Умара-Али, с бывшими его друзьями.

Умар-Али, с которым я был лично знаком, навечно остался в сердцах всех чекистов Дагестана, а его образ – в фото и подлинных документах в музее КГБ Даг. АССР. В книге «Чекисты Дагестана» (ДАГИЗД 987 г.) напечатан очерк об Умаре-Али. А образ отца Умара-Али Зелимхана постоянно живет в сердцах всего дагестанского народа.

С давних времен среди кумыков имеет распространение песня, посвященная Зелимхану. Она издана в Дагестане. Высылаю оригинал и подстрочный перевод этой песни. Может быть, сочтете возможным связать ее с моим очерком об Умар-Али и напечатать вместе.

С большим уважением Агав Ахаев почетный сотрудник КГБ СССР, полковник в отставке.

24 февраля 1989 г., г. Махачкала

ПИСЬМО ОТ ПИОНЕРСКОГО КЛУБА «ПОИСК»

Дорогие и многочтимые Энисат и Меди!!!

Мы от всего сердца благодарны Вам за теплое письмо, а ведь мы и не ждали другого ответа от дочерей славного Сокола Синих гор нашей многонациональной страны – Зелимхана!!! Мы знали о Зеоимхане очень много, но даже мысленно не мечтали соприкоснуться с его верными памяти отца дочерьми – Энисат и Меди, которые на века пронесли в этом противоречивом мире чистое, мужественное имя Отца – Великого сына Гор – Зелимхана.

Пионерские знамена дружины им. Рихарда Зорге низко склоняются перед памятью Вашего Отца – интернационалиста Зелимхана.

Вайнахский народ, подчеркивая свою национальную самобытность, высокую культуру «Эзди нах» вынес горе и горечь, но вернулся в свой родной край.... И в этом основополагающая сила Великих абреков – Зелимхана и его друга из Сагопши Суламбека и их соратников...

Мы очень благодарны Вам Энисат и Меди за Ваше обещание помочь нам фотографиями Орла и магнитофонными записями!!! Спасибо Вам и потомкам Зелимхана из Харачоя, которые выслали нам топонимию – схему о корнях Зелимхана!!! Однако, пионерский клуб «Поиск» просит Вас (и очень) фото – дочерей Знаменитого Зелимхана!

Имя Вашего отца известно на всей планете Земля!!! – кормящей нас матери. Мы знаем Вас, честь Вашего великого Отца, но вышлите нам все, что связано с легендарным героем.

С приветом рук. клуба «Поиск» З.Дотмурзиев
Председатель Совета клуба «Поиск» Л. Борзиева

ГЛАВА 2. КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

«Ковалевский П.И. Восстание Чечни и Дагестана в 1877-1878 гг. Зелим-хан (Зикризм)». СПб., 1912. – исторический очерк, сборник сведений о кавказских горцах. Книга Павла Ивановича Ковалевского (1850-1923), известного русского психиатра и публициста. Его работы по истории Кавказа пользовались большой популярностью. Отдельное место в публикуемой работе занимает психологический аспект сопротивления жителей горных районов и анализ зародившегося во времена Шамиля учения «зикризма». Особую ценность издания составляют многочисленные фотографии видов Кавказа и участников боевых действий.

Казаковский П.В. очерк «Зелимхан Терский» из книги «Разбои на Кавказе» (Электропечатня С. Казарова. Владикавказ, 1913).

Д. Багратион. «Подвиг терского казака, ныне Дагестанского полка поручика Кибирова, уничтожившего абрека Зелимхана». (Петроград: Ж-л. «Вестник русской конницы», 1914 год, 52 стр., с ил.) – В книге приводятся воспоминания командира специального «охотничьего» отряда поручика Кибирова Георгия (Астемира) о ликвидации знаменитого абрека Зелимхана Гушмазукаева.

Гатуев Д. «Зелимхан» – Документальная повесть известного осетинского писателя Д. Гатуева об абреке Зелимхане. «Зелимхан» была опубликована в г. Ростов-на-Дону в 1929г Автор кропотливо изучал сотни архивных документов в Ленинграде, Москве, Владикавказе, Грозном, ездил в горы Чечни и Ингушетии, подолгу беседовал с близкими Зелимхана на их родном языке (К. А. Гатуев владел многими языками народов Северного Кавказа), с людьми, знавшими друзей и врагов Зелимхана. Писатель создал мастерски сотканное художественно-историческое полотно, живописует самого знаменитого абрека, народного мстителя.

Костерин А. По Чечне: (Путевые наброски). – В 60-70 гг. А.Е. Костерин – один из лидеров движения за реабилитацию репрессированных народов. Автор рассказов «По Чечне» и «Асир-Абрек: чеченская песня». Часть его архива без регистрации хранится на Лубянке, часть – в бывшем Музее революции.

Мамакаев М. «Зелимхан» – роман классика чеченской литературы Магомета Мамакаева об абреке Зелимхане Харачоевском. Роман занимает одно из центральных мест в богатом и разнообразном по форме, жанрам и глубоком по содержанию творческом наследии классика чеченской литературы XX века Магомета Мамакаева.

Бердяев С. Чечня и разбойник Зелимхан (Париж, 1932) – материалом для книги послужили воспоминания автора о пребывании в Чечне, куда он был командирован после окончания Русско-японской войны. В книге описывается административное устройство Чечни, ее природа, быт, нравы, и т. д., а также, в связи с этим приводится биография знаменитого чеченского разбойника Зелимхана и описываются его деяния.

Кусов Г. «Последние дни Зелимхана» – документально-приключенческая повесть об абреке Зелимхане Харачоевском. Кусов Г.И. – журналист, научный сотрудник Северо-Осетинского музея краеведения, автор ряда книг, написанных в жанре научного поиска.

Айдамиров А. «Буря» – из «Собрания сочинений» известного чеченского писателя А. Айдамирова в 6 томах. (Т. 3. Грозный, 2004. Перевод с чеченского А. Айдамирова). «Буря» – третий роман. исторической трилогии о кавказских войнах XIX века: «Долгие ночи», «Молния в горах» и «Буря» (на русский язык переведён только первый из романов), они переведены на арабский, турецкий, французский и другие европейские языки. В центре повествования романа «Буря» – абречество и борьба известного абрека Зелимхана Харачойского за социальную справедливость (1901-1913).

Бакаров М. «Воспоминания об абреке Зелимхане. Обарг Зеламхех дагалецамаш» Грозный, 1990 г. В повести М. Бакарова абрек Зелимхан Харачоевский показан не со страниц литературно-художественного произведения и не в сказаниях народного эпоса, в коих вымысел порой преобладает над правдой, а предстает перед читателем в той исторической достоверности, что донесла до автора повести память людей, которых ему посчастливилось интервьюировать и которые знали народного героя лично.

Гешаев М. «Зелимхан» – биографический очерк об абреке Зелимхане из книги Мусы Гешаева «Знаменитые чеченцы». Четырёхтомный сборник М. Гешаева «Знаменитые чеченцы» – сборник очерков о великих сынах Чечни. Сборник впечатляет прежде всего всего тем, что это не просто сборник очерков о знаменитых личностях чеченской истории, а некая презентация чеченской духовности и горского духовного микрокосма.

Ботяков Ю.М. «Абречество в фокусе конфликта личности» – первое монографическое исследование феномена абречества. В книге рассматривается широкий круг проблем, в том числе посвященных этническому своеобразию этикета, формам противостояния личности и общества.

Ботяков Ю.М. «Абреки на Кавказе. Социокультурный аспект явления – (СПб, 2004)» – первое монографическое исследование феномена абречества. В книге рассматривается широкий круг проблем, в том числе посвященных этническому своеобразию этикета, формам противостояния личности и общества, внутри – и межобщинным противоречиям, специфическим реакциям общества и личности на нарушение общепринятых норм и др.

Маркелов Н.В. «Кавказские силуэты» – книга посвящена кавказской истории и охватывает период с Библейских времен до начала XX в. В нее вошли 53 портрета исторических лиц, оставивших свой след в судьбе горного края. Один из портретов – образ чеченского абрека Зелимхана. Книга насыщена ин-

тересными подробностями, раскрыты многие забытые и малоизвестные страницы кавказской старины. Повествование построено на документальной основе, автор использовал многочисленные отечественные и зарубежные исторические источники.

Маркелов Н.В. «Преданья грозного Кавказа» – Книга главного хранителя музея Николая Васильевича Маркелова. Персонажи его очерков – крупные исторические лица, оставившие свой след в нашей памяти, будь то грозный «проконсул Кавказа» А.П. Ермолов, легендарный имам Чечни и Дагестана Шамиль или же череда наших писателей и поэтов, некогда прошедших сквозь адское пламя бесконечных сражений Кавказской войны. В книге Николай Васильевич посвятил очерк и знаменитому чеченскому абреку Зелимхану.

Геран Ф., Гацаева К. «Абрек Зелимхан. Герои Чечни» – Это трехязычное издание (текст на французском, чеченском и русском языках), в котором рассказывается в основном об одном из ярких эпизодов жизни абрека Зелимхана Гушмазукаева (Харачоевского) – нападении на Киляр. В основу издания лег беллетризированный биографический рассказ-очерк Сайд-Ахмета Гацаева, написанный им по восмпоминаниям отца в начале 90-х гг. 20 в. – «Нападение Зелимхана на Кизляр». Париж. 2013 г.

Ю.В. Хоруев «Наместник гор» – Книга о самом знаменитом на Кавказе абреке, терроризировавшем в начале 20 в. местную власть. Работа выполнена исключительно на основе первоисточников.

В.М. Бибулатов «Рыцарь чести» – В книге автор делает небольшой анализ причин возникновения абреческого движения в Чечне, приводит переписку царских генералов и чиновников. Большинство документов, связанных с жизью абрека Зелимхана и некоторые фотографии публикуются впервые.

ГЛАВА 3. ПРОЗА. (ИЗБРАННОЕ)

ЗНАМЕНИТЫЕ ЧЕЧЕНЦЫ. АБРЕК ЗЕЛИМХАН

(в сокращении)

«Я знаю, вернуться к мирной жизни мне теперь невозможно. Пощады и милости я тоже не жду ни от кого. Но для меня было бы большим нравственным удовлетворением, если бы народные представители поняли, что я не родился абреком, не родились абреками также мой отец, брат и другие товарищи.»

(Зелимхан)

«Чеченцы – великолепные наездники – могут преодолевать всего лишь за одну ночь сто двадцать, сто тридцать или даже сто пятьдесят верст. Их кони, не сбавляя шагу – всегда галопом, – штурмуют такие склоны, где, казалось бы, не пройти и пешему. Горец, едущий верхом, никогда не смотрит на дорогу перед собой: если на пути лежит расщелина, которую не решается преодолеть сходу его конь, чеченец закутывает голову скакуна буркой и, доверив себя Всевышнему, заставляет иноходца перепрыгивать через пропасть глубиной до двадцати футов».

(А. Дюма. Кавказ (Париж, 1859)

Судьба Зелимхана подобна судьбе загнанного зверя, который рвется на волю и мстит загонщикам. Смерти он не боялся. Тысячи раз она кружилась рядом, глядела в глаза, но не брала: слишком уж храбрый был, отчаянный. Его имя заставляет трепетно биться сердце каждого чеченца. И вовсе не потому, что он был смелый, убивал своих врагов, грабил банки, брал в заложники богатых, при этом заранее поставив в известность власти. И не потому, что вел себя неслыханно дерзко. Он был народным мстителем, другом бедных, заступником униженных

и оскорбленных. Именно за это его любил народ и помогал ему. Благодаря этой безграничной любви, он много лет оставался неуловимым и держал в напряжении власти. Для поимки и уничтожения возмутителя один за другим создавались специальные карательные отряды. Государственная дума не раз задавалась вопросом: что же делать со смутьяном? Он своими действиями ставил власти в тупик, бросал вызов огромной державе и фактически в одиночку воевал с ней. Все мы смертны. Но смерть смерти рознь. Герой умирает только раз и уходит в вечность, в бессмертие. А трус умирает сотни раз и исчезает словно тень.

В горном ущелье по течению реки Хулхулау вьется спиралью дорога к мно-гострадальной столице древней Ичкерии – красивейшему и живописнейшему селению Ведено. Убегая дальше, в горы, дорога серпантином поднимается к Андийскому хребту, связывая Чечню с Каспийским морем. В этом изрезанном горными реками уголке Чечни лежит тысячи раз политая кровью горцев земля харачоевцев. Над дорогой, у реки Хулхулау, стоял небольшой, построенный из местного камня и крытый черепицей дом, в котором в январе 1872 года в семье Гушмазуко Бахоева родился мальчик, впоследствии ставший самым знаменитым абреком Кавказа, известным всему миру. Имя мальчику дали Зелимхан.

Люди рода Бахо, к которому принадлежал Зелимхан, умели за себя постоять и пользовались большим уважением в Чечне. Сам Бахо прожил трудную и сложную жизнь, но был благодарен Аллаху за все, что посылала ему судьба. Семья была довольно зажиточной. Кроме крупного и мелкого рогатого скота у них было более ста ульев и своя мельница, которая приносила небольшой доход. Бахо напоминал могучий дуб, пустивший мощные корни. Он любил всех своих внуков, но к Зелимхану почему-то у него было особое отношение. Мальчик рос на его глазах и был на редкость послушный, исполнительный и любознательный. Дед так привязался к Зелимхану, что не разлучался с ним ни днем, ни ночью. Они вместе ходили в лес на охоту, на

сенокос, за дровами. Бахо учил внука обрабатывать землю, ухаживать за ульями, предсказывать погоду, разбираться в зверях и птицах, лечить животных. Дед научил его молиться, поститься. Благодаря Бахо Зелимхан с детства знал целебные свойства трав, что впоследствии ему пригодилось. Самое главное, чему его научил дед, – это не бояться труда и любить землю.

– Дада, когда мне будет десять лет, сколько будет тебе? – спросил он однажды у Бахо.

– Меня тогда не будет, – ответил дед.

– Ну скажи, сколько тебе будет? – настаивал внук.

– А ты посчитай, я же тебя научил считать, или ты разучился?

– Нет, не разучился. Когда мне будет десять лет, тебе будет восемьдесят семь, – сказал он и сам остался доволен своим ответом. – А когда мне будет двадцать лет, тебе будет девяносто семь.

Старик, рассмеявшись, сказал:

– Ну что ты, сынок, мне бы еще пару лет пожить, стар я стал, хоть на здоровье и не жалуюсь.

– Дада, ты всегда будешь жить, вот посмотришь. Ты у меня вечный, дада. Ты проживешь сто лет, больше. Вот посмотришь.

В Зелимхане дед видел самого себя. Как и Бахо, внук был немногословен, трудо-любив, решителен. Хоть и брат ему Солтмурад, но разные они по характеру. Солтмурад спокойный, мягкий, осмотрительный. А Зелимхан горячий, мужественный.

Шли годы. Зелимхан взрослел. Дед старился. Но пророческими оказались слова внука. Бахо вспомнит об этом в свои сто лет. Зелимхану было восемнадцать, когда он женился на красавице Бици. Ее, как и Зелимхана, в селе уважали. Казалось, Зелимхан и Бици были рождены друг для друга. Он делился с ней сокровенным, знал: жена понимает его, радуется всему хорошему и переживает за все плохое. Без Бици он не мыслил себя. Как-то она призналась, что счастлива с ним.

– Знаешь, почему это так? – спросил он. – Потому, что ты сделала меня счастливым.

Ровно через год после женитьбы у них родилась дочь, которую назвали Муслимат. Затем еще одна дочь – Энисат. На этот раз Зелимхан, как и сама Бици, огорчился, что не мальчик, но виду не подал. А вот когда третьим родился мальчик, Зелимхан был счастлив. Здесь, в горах, к мальчикам особое отношение. Но больше всех рождению правнука радо-вался дед Бахо. Мальчику дали имя Муги.

Все шло хорошо. Но повороты судьбы бывают самыми неожиданными. Произошла ссора с односельчанами из-за невесты Солтмурада Зезаг. В этой ссоре был убит один из родственников Зелимхана. Братья должны были отомстить кровникам. За это взялся Зелимхан. Но сделал это так, что никто не узнал. Тайком. Ночью. Кровная месть свер-шилась – в ауле облегченно вздохнули. Но по законам Российской Империи за убийство он подлежал суду. Казалось, вражда между двумя родами, согласно древнему адату, закончилась. Однако враги Бахоевых не успокоились. Когда проводили дознание, были найдены улики против Бахоевых. Окружной суд вынес приговор. Закованными в цепи, их увезли в крепость Грозную и бросили в тюрьму.

Не вынесло сердце Бахо такого удара: в тот же день он умер. Ему было 104 года. Позор, унижение и несправедливость, обрушившиеся на его род, Бахо пережить не смог. Зелимхан постоянно думал о нем, зная, как тяжело будет деду после их ареста, но что деда не станет так быстро, ему и в голову не приходило. Многое пришлось пережить Зелимхану в те дни. 24 мая 1901 года состоялся суд над ним, его отцом и племянниками. Приговорили их всех к трем с половиной годам каторжных работ в Илецкой Защите. Нечеловеческие условия жизни и адский труд сказались быстро: один из племянников, Али, вскоре умер, а второй, Иса, заболел.

Неизвестно, как закончилась бы каторга для Гушмазуко и его сына Зелимхана, если бы их не вернули в грозненскую тюрьму. Дело в том, что судебная палата отменила при-говор окружного суда по делу Бахоевых, мотивируя это тем, что «накануне ра-

мазана месяца 18 числа ночью луна не светит, поэтому невозможно было видеть убийцу». Теперь дело должно было быть рассмотрено шариатским судом. А от этого суда ни Гушмазуко, ни Зелимхан ничего хорошего не ждали. В шариатском суде находились люди, зависимые от старшины аула Адода, принадлежавшего к роду кровников.

В тюремной камере было душно, тесно. Зелимхан чувствовал себя как зверь в клетке. Он отказывался от еды, стал нервным. Метался по камере, страстно хотел вырваться на волю, чего бы это ни стоило. Не в силах больше выносить заключение, отчаянно искал путь к свободе. Видя состояние Зелимхана, находившийся с ним в камере абрек Саламбек из Сагопши сказал:

– Друг, не переживай, это ничего не даст. Давай лучше подумаем вместе, как нам отсюда выйти.

Зелимхан молчал. Ему не верилось, что отсюда можно уйти. Но сказанное Салам-беком не давало покоя: надо всего лишь преодолеть одну стену, а там – река. Она вынесет куда надо, спасет. Решено было сделать подкоп. Это был адский труд. Трудилась вся камера. Землю и мелкие камни выносили в карманах в туалет. А чтобы часовые ничего не услышали, копая, пели песни. Всем хотелось, чтобы хоть кто-нибудь покинул эти стены. Зелимхан предложил бежать и отцу, но тот отказался, сказав, что не сможет встать на путь абрека, слишком тяжела для него эта ноша. Но дал сыну наказ: вернуть Зезаг, разобраться с сыновьями Адода и убить пристава Чернова, который ударил 104-летнего старика Бахо, что для чеченца является позором. Зелимхан дал отцу слово, что выполнит его наказ. Рано утром, когда тюремные надзиратели делали обход, они не досчитались четырех заключенных, в числе которых был и Зелимхан Харачоевский. Неслыханно дерзкий побег! Из грозненской тюрьмы за все 80 лет ее существования еще никому не удавалось бежать. Беглецы удачно скрылись. Направленные на их задержание поисковые группы вернулись ни с чем. Зелимхан был на свободе и конечно отправился в Харачой. Так с лета 1901 года Зелим-

хан оказался вне закона. Началась жизнь абрека. У него не было другого выхода, как стать на этот нелегкий и рискованный путь.

Первым, кого встретил Зелимхан вернувшись домой, был брат Солтмурад. От него узнал он все новости. Только вот о деде брат ему так и не сказал, зная, какой это страш-ный удар для Зелимхана. Но, войдя во двор и не увидев деда, Зелимхан почувствовал пустоту и понял, что никогда больше не увидит его. Одна мысль овладела им, одно желание – отомстить за все, что произошло. За смерть деда, за все унижения, позор, нес-праведливость. Мать тоже благословила сына на отмщение, чтобы смыть позор. И только жена Бици не хотела никакой мести: она устала от несчастий, свалившихся на семью. Ей хотелось спокойной, мирной жизни. Зелимхан же понимал, что жизнь поломана и ничего хорошего никому из них ждать не приходится, надо готовиться к худшему.

Зелимхан начал действовать. Прежде всего, он решил вернуть домой Зезаг. С того самого злополучного дня, когда арестовали Бахоевых, она находилась в доме Говды – старшины аула Махкеты. После того как напуганный до смерти всем случившимся и не желая ухудшать и без того сложные отношения с родом Бахо, старшина аула Ведено Адод расторг сватовство Зезаг со своим сыном, родственники выдали её за Успу – сына Говды. Однако Зезаг с первого же дня категорически отказалась признавать его своим мужем и готова была умереть, но не стать женой Успы. Ее держали взаперти. Зелимхан под-караулил старшину аула и его писаря. Забрал у старшины коня и оружие и пообещал вернуть, когда будет возвращена Зезаг, а Говда попросит извинения за все свои действия. Говда рвал и метал. По чеченским обычаям позволить отнять коня и оружие – несмываемый позор. Он сразу же поспешил к приставу Чернову и рассказал ему обо всем, затем собрал свой род для обсуждения случившегося. Учитывая согласие Успы отдать Зезаг, родственники, вопреки воле Говды, согласились ее вернуть. От этого решения Говда пришел в ярость, но тут же, узнав, что она еще ночью

сбежала неизвестно куда, смирился, а еще через день мулла молитвами скрепил брак Зезаг и Солтмурада.

Зелимхан одержал первую победу и выполнил одну из просьб отца. История стала известна во многих селах на равнине. Дома Зелимхан узнал, что пристав Чернов арестовал его семью. Это окончательно вывело абрека из себя. Чернов прекрасно понимал, чем грозит ему арест семьи Зелимхана, и поспешно перевелся из Ведено. Теперь искать врага будет гораздо сложнее. На его место из Грозного «для усиления борьбы с непокорными», как было сказано в императорском указе, был направлен полковник Добровольский. Он клятвенно заверил власти, что одним ударом покончит с Зелимханом и его товарищами. Но карательный отряд, направленный в Харачой, вернулся ни с чем. Полковник был озадачен.

Добровольский делал вид, что он никакого отношения к аресту семьи Зелимхана не имеет, но абрек знал, что без ведома полковника никто бы этого не сделал. И вот однажды ночью, после званого ужина, который давал Добровольский офицерам и чиновникам, к нему в спальню проник Зелимхан. Приставив кинжал, он потребовал освободить семью. Перепуганный Добровольский заверил, что завтра же освободит. Зелимхан ушел так же тихо, как и пришел. Добровольский не сомкнул глаз всю ночь. Полковник никому не сказал о визите абрека. Но вместо того, чтобы выполнить свое обещание, он дал указание накрепко запереть семью разбойника Гушмазукаева, утроить охрану в тюрьме и у ворот крепости.

Зелимхан ответил неожиданно и дерзко: средь бела дня, на глазах у людей, он увез на коне из городского парка сына полковника. Большая группа солдат помчалась за ним, но вернулась, так и не догнав абрека. Разгневанный полковник не находил себе места, истерически кричал. Один из солдат передал офицеру какую-то записку. Прочитав ее, тот сказал:

– Зелимхан требует освободить его семью.

– Освободите их! Немедленно освободите всех! – закричал Добровольский.

Так абрек одержал свою вторую победу. Слава о Зелимхане шагнула далеко за пределы Чечни. Его знали уже на всем Северном Кавказе. Вскоре из заключения вернулся Гушмазуко. Он обрадовался, увидев Зезаг в доме. А Зелимхан с братом вот уже четвертые сутки караулили сына Адода: на сыновьях Адода была кровь двоюродного брата Зелим-хана Ушурмы, убитого в драке. Таков закон гор – кровь за кровь. И наконец дождались. На дороге показался сын Адода. Зелимхан вышел ему навстречу и крикнул: «Защищайся! Покажи теперь свою храбрость!» Оба выхватили пистолеты – один за другим раздались выстрелы. Кровник Зелимхана упал, сраженный пулей. Абрек подошел взглянуть на него, и ему стало жаль убитого парня. Но дело сделано. Вторая просьба отца выполнена. А вот где искать Чернова? Братья не успели уйти, как раздался грубый окрик:

– Ни с места! Бросайте оружие! Вы арестованы! Я помощник пристава. Ни шагу, иначе мы будем стрелять!

– Твои солдаты плохо стреляют. Я научу вас, как надо стрелять, – ответил Зелимхан. Грянули выстрелы. Пули прошли мимо братьев. Офицер обругал солдат и собрался выстрелить сам, но пуля Зелимхана прошила его.

– Вот сволочи, – зло сказал Зелимхан. – Они использовали сына Адода как приманку. И обратился к брату: – Солтмурад, запомни одно: тебя со мной не было. Ты ничего не знаешь.

Неспокойно было на душе у братьев. Они крадучись, осторожно пробирались домой, словно волки. «Ведь мне до конца своих дней предстоит жить волчьей жизнью», – подумал Зелимхан. Весть о ночных происшествиях – ранении офицера и убийстве сына старшины Адода – неслась быстрее ветра. Говорили, что это сделали сыновья Гушмазуко.

Дома братья вместе с отцом обсудили возможные последствия и ответные действия как властей, так и Адода. Солтмурад хотел взять все случившееся на себя, но Зелимхан категорически запретил ему это делать.

Начальник Веденского округа полковник Добровольский, лично руководивший карательной группой, пытался скорее све-

сти счеты с Зелимханом. Он не мог простить обиду, нанесенную абреком. Отправив сына из Ведено, полковник действовал смелее. Раненый в стычке с абреком офицер, через несколько дней скончался. Полковник в гневе посылает в Харачой солдат на постой. А это означало, что солдаты должны жить в семьях и питаться за их счет. Когда Добровольскому сообщили, что в Харачое живет бедный народ, он сказал: «Пусть режут скот, снимайте с этих дикарей шкуру!».

На следующий день в Харачой пришли солдаты во главе с самим Добровольским. Собрав народ в центре села, полковник, стараясь запугать жителей, предупредил их, что если они не будут оказывать помощь солдатам в поимке преступников и разбойников, то к ним будут применены самые суровые меры.

– Я больше не намерен мириться с вашими разбойниками. Я буду жестоко карать тех, кто осмелится ослушаться меня. До тех пор, пока преступники не будут задержаны или уничтожены, солдаты будут жить у вас. Вы обязаны отдать им лучшие комнаты, лучшую постель. Резать для них скот, кур, делать все, что они вам говорят, выполнять любые их указания.

Как только полковник произнес свою речь, из толпы вышел человек и остановился перед оцепеневшим от удивления Добровольским: это был сам Зелимхан. Раздался выст-рел, и голова полковника упала на грудь. Лицо его залила кровь. Не успели свидетели этой сцены прийти в себя, как Зелимхан исчез.

В ответ на погром, совершенный солдатами и казаками при попустительстве властей на грозненском базаре 10 октября 1905 года, где было убито 17 чеченцев, Зелимхан 17 октября того же года около станции Кади-Юрт остановил пассажирский поезд и расстрелял 17 офицеров.

На следующий день в аул прибыл пристав Бек Сараев. Он поклялся властям, что живым или мертвым доставит «государственного преступника Зелимхана». Сформировав специальный отряд, Сараев гонялся по горам в поисках неуловимого абрека. Каратели сожгли дом Гушмазуко, а имущество и скот отправили

в Ведено. Новый пристав сви-репствовал: арестовал стариков и женщин из Харачоя. Зелимхан тяжело переживал все, что произошло с его односельчанами. Виновником всех бед он считал себя. Мысль сдаться властям была малоутешительной: тогда уж никто не смог бы противостоять бесчинствам. Тюрьма была переполнена, и многие односельчане Зелимхана содержались в сараях, в невыносимых условиях.

Так продолжалось до тех пор, пока начальником округа в Ведено не был назначен полковник Гулаев.Он повел хитрую политику: освободил всех задержанных и сделал вид, что Зелимхан его вовсе не интересует. В село вернулись все родственники абрека. Они прекрасно понимали, что их хотят использовать в качестве приманки. Однако властям не удавалось напасть на желанный след. Прошел слух, что родных Зелимхана собираются отправить в Сибирь. Он ломал голову, не зная, что делать. Однажды он признался отцу: «Если бы не боялся Бога, то покончил бы с собой». Крепко досталось ему от отца, ведь по мусульманским законам грех даже говорить об этом.

– А что делать, если из-за меня страдают люди! Я бы уехал отсюда на край света. Надоело прятаться, скитаться по горам. Надоело убивать. Я такой же человек, как и те, кого я убиваю. Я схожу с ума, не зная, что делать. Гуша, вот ты говоришь насчет отъезда в Турцию. Тяжело расстаться с родиной. Но другого выхода у нас нет. Уехать должен я, чтобы вас оставили в покое. А для этого нужны большие деньги. И я их достану.

В ту ночь он решил совершить налет на имение богатого овцевода Месяцева.

Бедняжке Бици приходилось труднее всех, Она волновалась за детей, за отца и мать Зелимхана и, конечно, днем и ночью переживала за мужа. Кроме того, ей доставалось и от своих родителей, ведь они, как и другие жители села, страдали из-за Зелимхана.

Полковник Гулаев начал настоящую войну с харачоевцами. Слухи стали подтвер-ждаться: большую группу людей аресто-

вали и посадили в грозненскую тюрьму, откуда их должны были отправить на поселение в Сибирь. Через знакомого старика Зелимхан предупредил Гулаева, что он потеряет голову, если отправит людей в ссылку. Предупреждение не подействовало на Гулаева, напротив, он крепко взялся за Зелимхана. По дворам рыскали отряды, созданные для уничтожения абрека. А Зелимхан в это время собирал небольшую группу, чтобы идти в набег за Терек. Гушмазуко настоял, чтобы его взяли с собой. Группа из нескольких человек, переодетых в форму солдат и офицеров, во главе с «есаулом» Зелимханом появилась в имении Месяцева. Они заставили овцевода написать жене записку о выкупе в пятнадцать тысяч рублей и увезли его с собой. Жена Месяцева тут же позвонила властям. Были поставлены на ноги все. В Грозном, Шали, Хасавюрте, Ведено телеграф буквально разрывался: «Дерзкий налет Зелимхана на имение Месяцева. Схватить, поднять по тревоге, перерезать дорогу». Особо подчеркивалось: «Взять под контроль дорогу Ведено – Харачой».

На перехват было выслано несколько отрядов. Казалось, на этот раз Зелимхан не сможет уйти: перекрыты все тропы, все лазейки. Остановившись на ночлег недалеко от Бачи-Юрта, группа Зелимхана рано утром двинулась в путь, но наткнулась на засаду, устроенную старшиной Буцусом. В завязавшейся схватке были убиты отец и брат Зелимхана. Погиб и старшина Буцус. Зелимхан, потрясенный случившимся, кипел от гнева и жажды мести. Он потерял последнюю надежду. Теперь его ничто не сдерживало. Оставалось одно: мстить всем, кто ведет с ним эту войну. Сердце его стало твердым как камень. Гулаеву сообщили, что все мужчины семьи Бахоева погибли, в том числе и Зелимхан. Враги абрека торжествовали. В этот день у погибшего Солтмурада родился мальчик.

В назначенный день в условленное место привезли выкуп за Месяцева. «Пятнадцать тысяч теперь меня не устраивают, сирот стало больше, пусть привезут еще пять тысяч», – сказал Зелимхан. Большую часть денег Зелимхан раздал сиротам и бедным харачоевцам.

В марте 1909 года создается специальный карательный отряд для уничтожения Зелимхана, за голову которого назначена награда в пять тысяч рублей. Во главе отряда поставлен полковник Вербицкий. В инструкции, подготовленной для солдат, Вербицкий требовал «стрелять в висок или в бровь разбойника». Полковник обратился к абреку с письмом: «Зелимхан, имя твое известно всей России, но слава твоя скверная. Ты убил много людей, но из-за куста, прячась в камнях, как ядовитая змея, которая боится, что человек раздавит ей голову каблуком своего сапога. А теперь ты просишь пощады, как паршивая собака. Ответ тебе один: твоя смерть. Но я знаю, что весь чеченский народ смотрит на тебя как на мужчину, и я, полковник Вербицкий, предоставляю тебе случай смыть с себя пятно бесчестия. И если ты действительно носишь штаны, а не женские шаровары, ты должен принять мой вызов. Назначь время, место и укажи по совести, если она у тебя еще есть, число твоих товарищей, и я явлюсь туда с таким же числом своих людей, чтобы сразиться с тобой. Даю тебе слово русского офицера, что свято исполню предложенные тобой условия. Но если ты не выйдешь на открытый бой, я все равно тебя найду, и тогда уже пощады не жди и бейся до конца, чтобы не быть повешенным. Докажи же, Зелимхан, что ты мужчина из доблестного чеченского племени, а не трусливая баба. Напиши мне, полковнику Вербицкому, в город Владикавказ».

Это письмо обрадовало Зелимхана: он мечтал свести счеты с хвастливым полкоником за все его злодеяния против чеченцев. Зелимхан назначил время и место поединка. В открытом поле, около Ведено. Один на один. Когда абрек явился в назначенное время, на поле никого не было. Он уже собрался уходить, как из леса появились солдаты, но полковника среди них не оказалось. «Негодяй, а еще давал слово русского офицера», – зло подумал Зелимхан. Привыкший к коварству властей, он давно научился быть предусмотрительным. Зная здесь каждый кустик, сумел ускользнуть и на этот раз. Зелимхан, не отказавшийся от мысли

свести счеты с Гулаевым, не мог до него добраться. Попасть в крепость Ведено было трудно, особенно ночью. И все-таки он нашел выход.

Обычно, пообедав, полковник любил отдохнуть. И на этот раз он со своими адъютантами отдыхал в саду. Разговор шел о Зелимхане, когда раздался выстрел. Полковник обернулся – следующая пуля угодила ему в висок. Гулаев был мертв. Зелим-хан, стрелявший с противоположного берега реки Хулхулау, ушел незамеченным. Удача сопутствовала Зелимхану в осуществлении его замыслов. Но ни счастья, ни спокойствия это ему не приносило. Каждый осуществленный им акт возмездия оборачивался наказа-нием для его близких и односельчан. Абрек чувствовал себя одиноким и несчастным.

– Сын, вернется ли в наш дом мирная жизнь? – спросила его как-то мать. Зелимхан с горечью ответил:

– Не знаю, нана. Видно, Аллах нам дал такой удел, сами мы его не выбирали.

После долгих уговоров он решил написать прошение председателю Государственной думы, где подробно изложил мотивы и причины, заставившие его стать на путь абрека. «Я знаю, вернуться к мирной жизни мне теперь невозможно, – писал он. – Пощады и милости я тоже не жду ни от кого. Но для меня было бы большим нравственным удовлетворением, господин председатель, если бы народные представители поняли, что я не родился абреком, не родились абреками также мой отец, брат и другие товарищи.»

К сожалению, это письмо не обсуждалось в Думе и не было опубликовано, как просил абрек. Зато генерал области Михеев разразился в печати упреками: «Мне известно и без указаний Зелимхана, что на царскую службу иногда попадают люди нехорошие, с порочными и противными духу закона наклонностями. Пусть Зелимхан знает, что я, как представитель закона и порядка в области, считаю его, Зелимхана, самым крупным

нарушителем закона, виноватым перед Богом и царем, а потому заслуживающим самую тяжелую кару». Ответ Михеева окончательно разуверил Зелимхана в возможности вернуться к мирной жизни. Но тяжелейшим ударом для него стала смерть матери. Она скончалась в тот день, когда абрек узнал о приговоре генерала Михеева. Зелимхан не раз слышал слова: «С уходом отца и матери вянет цветок, что растет в сердце сына или дочери». Теперь он узнал истинную цену этим словам. В его груди увял цветок жизни. Дерзость возьмет верх над всеми оставшимися чувствами.

9 января 1910 года в два часа ночи он совершит налет на грозненский вокзал и увезет из кассы восемнадцать тысяч рублей. А в апреле средь бела дня ограбит кизлярский банк. Было это так. Учинив погром на Гудермесском базаре, где погибло несколько чеченцев, полковник Вербицкий в офицерском клубе Грозного смеялся над только что полученным письмом Зелимхана, в котором абрек извещал о своем намерении ограбить банк. «Так я ему и поверил! – иронизировал Вербицкий. – Нашелся храбрец, который сам явится ко мне в Кизляр! Бред какой! Пусть только попробует сунуться!» А в то время, пока полковник смеялся, Зелимхан увез деньги из кизлярского банка, не потеряв при этом ни одного человека. Полковник же за свою браваду и легкомыслие поплатился карьерой: его отдали под суд за бездеятельность.

Власти были доведены до отчаяния. Все, что они предпринимали против Зелимхана, не давало положительных результатов. Абрек стал грозой для властей и живым символом свободы и мужества для горцев. Во владикавказской тюремной камере родился четвертый ребенок Зелимхана. Мальчика назвали Умар-Али. В 1911 году семью сослали в Енисей-скую губернию. Бесстрашный абрек, как ни старался, не смог ничем ей помочь.

О популярности и авторитете Зелимхана как личности свидетельствовали почтовые открытки, выпущенные земской почтой. На одной из них написано: «Взятое в плен семей-ство Зе-

лимхана». На фото – девочки Энисат и Меди, в середине – их мать Бици, держащая на руках Умар-Али. Перед ней стоит старший сын лет пяти – Магомед. Оба мальчика в папахах. Другая фотография снята на железнодорожном вокзале Грозного, когда семья Зелимхана возвращалась домой из Сибири. На ней с двух сторон стоят вооруженные казаки, а между ними – семья Зелимхана. Каждый солдат или казак считал за честь сфотографироваться с семьей абрека. Зелимхан тяжело переживал страдания семьи. Переживания усугублялись болезнями: ревматизмом и лихорадкой. Неравная борьба продолжалась. На место Вербицкого был назначен Кибиров, родственник убитого Гулаева.

Много лет спустя о сибирской ссылке поведает дочь Зелимхана Меди: «Четверо суток мы плыли по Енисею на пароходе. Нас сослали в Минусинский уезд Енисейской губернии. О прибытии семьи Зелимхана писали газеты. Поначалу мы думали, что будет страшно жить в суровом краю, в «синей Сибири», о которой чеченский народ сложил много песен. Но вскоре мы обрели искренних друзей среди сибиряков, и на душе стало теплее. Остановились мы в Ермаковке. Любую мужскую работу по дому выполняли двое русских – Аркадий Петрович и Николай Трофимович. Последний был замечательным плотником. Но особенно запомнилась политическая ссыльная девушка Валентина Михай-ловна Карташова. Мы жили на первом этаже рубленого дома, она – на втором. Карташова мне сказала, что я сама смогу читать газеты, в которых пишут про подвиги моего отца, что мне обязательно надо учиться. Регулярно уводила меня к себе и обучала грамоте. Так я и научилась писать и читать.

Однако власти узнали, что Валентина Михайловна помогает семье абрека Зелимхана, и выслали ее в Минусинск. Мы переживали разлуку с ней, но что мы могли сделать? И вот однажды к нам постучались – осторожно, но настойчиво: тук-тук-тук. На улице была лютая зима, надо было впустить гостя незваного, но боялись. Тихий голос просил:

– Зезаг, открой дверь, Бадик, – так меня называл отец, – открой, Аниска.

Все же не решаясь впустить незнакомца, спрашиваем:

– Мы боимся, кто ты такой?

– Валентина Михайловна, – отвечает голос.

Тогда дверь открылась мгновенно. Карташова была в маске, при здоровенных усах, в мужичьей шапке-ушанке. Бросилась в объятия: – Мои родные. Привезла целых два мешка подарков: пальто, шапки, валенки, а для Энисат даже муфту. Всех нас приласкала, поплакала с нашими женщинами и в ту же ночь уехала на тех же санях и с теми же куче-рами. Ведь она не имела права без особого разрешения покидать Минусинск. Через два года, когда семье Зелимхана разрешат вернуться в Грозный, эта добрейшая женщина приедет провожать их и привезет с собой целую корзину сдобных булочек, две четверти молока, вареные яйца и другие продукты.

Кибиров преследовал две цели: отомстить за Гулаева и, конечно, выслужиться, уничтожив абрека. Но неуловимый абрек, так же как и Вербицкого, водил его за нос, насмехался над ним. Он заранее сообщал Кибирову о своих намерениях, а когда штаб-ротмистр приезжал с отрядом на указанное место, то находил записку такого содержания: «Господин Кибиров, вы опоздали, мне некогда. Зелимхан». Поймать абрека не удавалось. И тогда власти решили найти предателя, который за большие деньги помог бы это осуществить. Ставку сделали на Шахида Борщигова. Ему пообещали восемнадцать тысяч рублей и триста десятин земли. Условия были жесткие: или Борщигов за сотрудничество с Зелимханом будет сослан в Сибирь, или получит неслыханно большую сумму денег. Шахид выбрал деньги, но боялся ввязываться в это дело и искал человека, который мог бы за незначительную сумму убить абрека.

Самые мужественные и надежные друзья Зелимхана погибали один за другим. 1 марта 1911 года в селе Атаги был убит его

сподвижник Аюб Тамаев, с которым они вместе совершали самые рискованные набеги. 15 октября 1911 года начальник карательного отряда полковник Моргания с тремя ротами Дагестанского полка, двумя сотнями казаков и 16 всадниками окружил село Старо-Сунженское, где ночевал Зелимхан. Абрек, прорвав окружение, ушел невредимым. По приказу наместника в этом селе взорвали несколько домов, в которых мог остановиться абрек. За голову Зелимхана власти установили новую цену – десять тысяч рублей.

Однажды Зелимхан прибыл в Грозный к известному адвокату Д. Шерипову с просьбой написать письмо в Государственную думу о том, что побудило его встать на путь абрека. Подойдя к дому адвоката, он увидел наклеенное на стене объявление начальника Чеченского округа: за голову Зелимхана обещали награду. Абрек заставил адвоката дописать: «Читал внимательно, с ценой не согласен. Добавлю от себя еще десять тысяч рублей тому, кто меня поймает. Зелимхан».

11 ноября 1911 года начальник Веденского округа полковник Караулов создал команду из местных старшин, которые поклялись на Коране убить Зелимхана.В Санкт-Петербурге тоже негодовали. Издавали указ за указом, обещая, что угодно за голову абрека, но ничего сделать с Зелимханом не могли. Он был неуловим.

9 декабря 1911 года властям, наконец, стало известно местонахождение больного Зелимхана. Ревматизм свалил его с ног, и он отлеживался в пещере неподалеку от Харачоя. Огромный отряд во главе с полковником Моргания и с подошедшим из Грозного подкреплением окружил пещеру тройным кольцом, отрезав Зелимхану все пути для отхода. Из крепости подвезли орудия для штурма пещеры. Пригнали сюда и группу местных жителей, чтобы они пошли в первых рядах, дабы уберечь солдат. Местными жителями командовал старшина Адод. «На этот раз абреку не удастся уйти», – думали все. В донесении гене-

ралу Михееву уже сообщалось: «Зелимхан окружен, теперь он никуда не уйдет». Двое суток продолжался штурм. В ответ на обстрел Зелимхан сделал пять выстрелов, которыми убил двоих – один из них был старшина Адод – и ранил троих солдат. Утром третьего дня Зелимхан, появившись из пещеры, открыл огонь. Тысячи пуль летели в него. А он стоял в своей бурке и папахе, как ни в чем не бывало. Вдруг все увидели, как он сорвался с горы и полетел вниз, в пропасть.

«Убили! Убили!» – кричали радостно солдаты, устремляясь в ущелье. Несколько минут стояли они в ущелье оцепеневшие, не решаясь подойти к абреку. А когда подошли, то увидели завернутый в черкеску кусок бревна, на который была натянута папаха из овчины. Зелимхан и на этот раз ушел из окружения целым и невредимым. После этого события Зелимхан исчез надолго. Говорили, что он перебрался в Турцию. А Зелимхан был тяжело болен. Его все время бил озноб. Он не мог согреться: не хватало тепла и солнца. Болезнь доводила до изнеможения. Друзья увезли Зелимхана в Ногайскую степь. Народные лекари и щедрое солнце помогли абреку. Здесь, вдали от своих врагов, он отдохнул, набрался сил.

Через некоторое время Зелимхан вернулся на родину и жил в лесу, постоянно меняя место. Все шло хорошо до тех пор, пока не появился какой-то чеченец по имени Элмарза из Шали. Он сказал, что приехал от Шахида Борщигова, который якобы может вылечить Зелимхана и вернуть его семью из ссылки. Зелимхана заинтересовало это сообщение. Он доверял Борщигову, потому что тот участвовал с ним в налете на Кизляр, но суровая жизнь абрека приучила его сомневаться во всех. Борщигов вошел в доверие к Зелимхану. И действительно, по настоянию Борщигова семью абрека вернули. Сняв для них квартиру в Грозном, старый друг вошел в еще большее доверие к Зелимхану.

Через некоторое время абреку устроили встречу с семьей в лесу. Это была самая счастливая ночь в его жизни. После долгой разлуки он встретился со своими родными. Младшего сына

Умар-Али он видел впервые. Сын улыбался ему. Бици похорошела. Старший сын Муги похвастался отцу, что научился писать по-русски. Дочери выросли. Бици заметила, что муж чем-то взволнован, подавлен, но спросить не решалась. Зелимхан взял винтовку и ушел. Вернулся, когда дети уже спали. Бици подала ему поесть.

– Ты накормила детей?

– Да, они поели и, не дождавшись тебя, уснули. Перекусив, Зелимхан взял на руки Умар-Али.

– Буди детей и бери с собой бурку и ковер, – сказал он жене, – пойдем в другое место, здесь небезопасно.

– Ты все еще никому не веришь? – спросила Бици. Бросив взгляд на жену, Зелимхан ответил:

– Настоящим людям верю, а вот предателям – это не люди – им я не верю.

Они устроились в небольшом шалаше и уложили детей спать. Зелимхан взял руку Бици и долго глядел в родные, такие дорогие ему глаза самого близкого человека, столько пережившего за него, подарившего ему детей, разделившего с ним все невзгоды. Вдруг по щеке покатилась слезинка, капля с солоноватым привкусом коснулась его губ. С Зелимханом раньше такого не бывало. Он нежно прижал жену к себе и тихо, с горечью в голосе заговорил:

– Бици, послушай меня внимательно, я видел плохой сон.

– Дай Бог, чтобы это было к лучшему, – перебила его жена.

– Я знаю, со мной должно произойти что-то плохое.

– Умоляю, не говори так. Ты говоришь так, будто собираешься умереть. Ты же не веришь в сны.

– Но этот сон не к добру. Знаю я: или меня убьют, или свалит болезнь. Прошу тебя, береги детей.

Бици заплакала.

– Прошу, не плачь. Ты и так столько наплакалась из-за меня. Я так хотел осчастливить тебя, сделать что-нибудь хорошее для тебя и наших детей, но, видно, Аллах мне не позволил. Прошу тебя, не дай нашим сыновьям пойти по моим стопам. Не дай

Бог кому-нибудь из них испытать и тысячной доли того, что мне пришлось хлебнуть. Я за одну ночь, проведенную с вами, готов отдать свою жизнь. Мне всегда хотелось быть с вами. Но, видно, на то не было воли Аллаха.

– Я умоляю, не мучь меня, не терзай мое сердце. Бог хороший, он заберет меня первой.

– Только не это, ты нужна детям. Скоро вырастет Муги, он станет тебе помощником. Добрые люди помогут тебе уладить наши кровные дела.

– Не пугай меня, мне становится страшно, – Бици уже не плакала, а рыдала. Зелимхан, нежно лаская ее, уговаривал:

– Только не плачь, ты же сильная у меня. Сколько ты вынесла!

– Я готова вынести в тысячу раз больше, лишь бы ты был жив. Без тебя я жить не хочу.

– У нас дети, ты должна жить ради них, – успокаивал он ее как мог.

Бици уснула, все еще вздрагивая в тревожном сне. Зелимхан не спал. Он привык спать три или четыре часа в сутки, но сейчас его угнетало тревожное предчувствие. Что-то должно произойти. Он не мог и предположить, что Шахид Борщигов продался властям, что Элмарза – предатель, взявшийся за тысячу рублей убить его. Всего этого он еще не знал. Но на душе было неспокойно.

Как бы ни был осторожен Зелимхан, но отказаться на следующий день от приглашения Элмарзы на ужин не смог. Отужинав и помолившись Богу, Зелимхан сидел задумавшись, перебирая в памяти всю свою жизнь. Вдруг во дворе залаяла собака. Хозяин велел жене посмотреть, кто там. Та вышла во двор и, вернувшись, сказала, что никого нет. Через несколько минут собака залаяла опять, она рычала и рвалась с цепи. Элмарза вышел. Он не возвращался. Вслед за ним вышла хозяйка, но тут же вернулась, бледная, растерянная. – Там солдаты. Они окружили дом, – с трудом выговорила испуганная женщина.

Схватив винтовку, Зелимхан выскочил в сени. В это время сзади раздался выстрел. Это стрелял Элмарза. Резко обернувшись, Зелимхан выстрелил не целясь, и пуля уложила предателя наповал. Раненный в спину абрек, сделав еще несколько выстрелов, волчком выкатился во двор и, продолжая отстреливаться, перебежал за стог кукурузных стеблей. Выстрелил прицельно еще несколько раз. Стрельба усилилась. Стреляли хаотично и бесприцельно со всех сторон. Зелимхан понял, что он окружен, но сдаваться не собирался. Наоборот, собрал все свои силы. В эти минуты болезнь отступила.

Всю ночь моросил мелкий, нудный дождь, как будто сама природа плакала, предчувствуя недоброе. Мокрая от крови и дождя рубашка абрека прилипла к телу. Он перестал стрелять и начал читать предсмертную молитву – ясин. Стрельба прекратилась. Похоже было, что абрек мертв. Но никто не решался приблизиться к нему. Лишь на рассвете солдаты подошли поближе. Зелимхан будто ожил, запел молитву и, открыв огонь, уложил еще несколько солдат. Остальные, перепуганные, рванулись обратно.

Вот как описывает последние минуты жизни абрека писатель Магомет Мамакаев: «Грянул залп, и Зелимхан упал как подрубленный. Но в тот же миг снова вскочил на ноги и выпустил пять смертельных пуль в своих врагов. Дальше все происходило, как в фан-тастическом сне: раздавался залп – абрек падал; как заколдованный, вставал – и снова гремели выстрелы. И так продолжалось минут двадцать. Наконец он упал и долго не вставал. Но когда один из офицеров с криком «ура!» устремился к нему, Зелимхан, с усилием приподнявшись, сразил его выстрелом из браунинга. Все было кончено: кровь текла из его многочисленных ран так, что он походил на какой-то красный призрак. И все же Зелимхан встал во весь рост и, громко читая ясин, пошел навстречу подползавшим к нему солдатам.

– Ложись! Ложись! – истерически крикнул Кибиров, прячась за стог соломы.

А Зелимхан шел на врагов и читал: «Ясин валкуранил хаким, иннакала минал мурсалийм». Еще выстрел – и Зелимхан упал на свою винтовку. Оборвались слова ясина. Но еще долго никто из солдат и офицеров не решался подойти к нему, на всякий случай, всаживая десятки пуль в мертвое тело абрека. Потому что и мертвый он казался своим врагам живым».

Разносчики газет на улицах кричали об убийстве Зелимхана. Бици не могла поверить, что нет больше на этой земле ее любимого человека.Вскоре ее вместе с детьми повезли в Шали для опознания трупа. Бици сразу узнала мертвого мужа, но на вопрос полковника: «Узнаёшь его?» – она отрицательно качнула головой. Взглянув на мать, дочь тоже сказала:

– Нет, это не наш отец. Только Зезаг призналась:

– Это Зелимхан.

Бици надеялась, что ей отдадут тело мужа, чтобы она могла похоронить его согласно мусульманским обычаям. Но Кибиров не собирался этого делать. Его зарыли во дворе канцелярии шалинского пристава. Поручик Грибов, которому Бици доверилась, посвятил ее в эту тайну.

– Поезжай во Владикавказ к генералу, я помогу вам, – пообещал поручик.

Когда Бици с дочерью пришли во Владикавказ, генерал был в отъезде. Им удалось встретиться с генеральшей. Ей они и рассказали все.

– Неужели вы в такую даль, да еще пешком? – удивилась жена генерала. – Не волнуйтесь, мы вам разрешим похоронить мужа, езжайте домой.

Генеральша свое обещание выполнила...

Страшная весть о гибели Зелимхана облетела всю Чечню. Большинство горцев не верили и не хотели верить этому. Они считали Зелимхана бессмертным. Но это было правдой, горькой правдой, от которой никуда не уйти. Чечня потеряла своего великого сына-бунтаря, имя которого осталось в народных песнях и легендах, в народной памяти на веки вечные. Его смерть стала

проклятием, позорным пятном для Российской Империи, воевавшей столько лет с одним человеком.

Никто не забудет героя Чечни,
Он вписан строкою в столетья.
Останутся в песнях те грозные дни,
Когда он шагнул в бессмертье.

Сохранились уникальная фотография, облетевшая тогда весь мир: большая группа солдат и офицеров, участвовавших в поимке Зелимхана, победителями стоит вокруг трупа этого человека-легенды. И мертвый он наводил на своих врагов ужас и страх. Солдаты и офицеры считали для себя большой честью сфотографироваться с убитым Зелимханом. Говорят, когда эту фотографию показали царю Николаю II, он долго и внимательно смотрел на нее, но так ничего и не сказал. Многие офицеры, принимавшие участие в унич-тожении смутьяна, были повышены в чинах и награждены крестами.

Скорбела Чечня, скорбел весь Северный Кавказ. Гибель Зелимхана встревожила и всю прогрессивную общественность России. Газета «Русское слово» в те дни писала: «Погиб Зелимхан. Убит, и такою болью отзывается это известие в душе у нас, совре-менных культурных людей. Жалко его и стыдно за себя, за нас, воевавших с одним этим человеком. Ведь мы воевали почти с ним одним. И вот теперь победили. И вместо ликования – смущение; и невольно любуешься этим человеком-сказкой, человеком-легендой. Мы понимаем, что перед нами вовсе не разбойник. Мы знаем, что перед нами великолепнейший экземпляр того мира, где «за добро – добро, и кровь – за кровь. И нена-висть безмерна, как любовь».

В газете «Отклики Кавказа» 8 октября 1913 года появилась статья А. Макеева «Убит герой». Автор писал: «Не верится, что убит Зелимхан. Мы видим в нем героя. В свое время он отказался идти в военные министры к персидскому шаху, сказав: «Не

хочу воевать против какого-нибудь народа». Он любил свободу, был храбр, благороден. Он шел к жене и детям, когда его убили. Те, кто ловил его, – черные люди. Они останутся безвестными. О них ни сказок не расскажут, ни песен не споют. А о Зелимхане будет сложена поэма, может быть, опера. Пушкин и Лермонтов восхищались такими горцами. И не хочется верить в смерть Зелимхана!»

Удивительна жизнь! Мог ли Зелимхан предположить, что через каких-то десять лет после его смерти старший сын Муги погибнет в рядах Красной Армии, защищая первое в мире рабоче-крестьянское государство? А второй сын через четверть века, работая в орга-нах Советской власти, отдаст свою жизнь, защищая интересы народа!

В конце 1930-х годов был снят художественный фильм о легендарном Зелимхане. Он облетел экраны всего мира и пользовался огромным успехом. О знаменитом чеченце написаны романы осетинским писателем Дзахо Гаттуевым и чеченцем Магомедом Мама-каевым, сотни стихов и рассказов. Мою поэму о нем «Прыжок в вечность» положил на музыку и исполнил знаменитый певец Имам Алимсултанов. Любовь народа к своему герою со временем только усиливается.

Недалеко от Харачоя, в селе Беной, у самой дороги стоит памятник Зелимхану. Погру-женный в свои думы, сидит абрек, держа винтовку наготове, а над ним, склонив голову, стоит его верный конь. Словно только что они вышли из леса и остановились отдохнуть. Кто сделал этот памятник? Кто и как привез его сюда? Какой смельчак рискнул установить его здесь в то время, когда о Зелимхане власти предпочитали умалчивать, дабы не позволять чеченцам даже помыслить о свободе, за которую абрек боролся и отдал свою жизнь? Но памятник есть, и есть память народная, и потому жив дух легендарного харачоевца, подвигнувшего своих потомков на борьбу за Независимость.

(Из книги М. Гешаева «Знаменитые чеченцы»)

АБРЕК ЗЕЛИМХАН И З. ДАНАГУЕВ
(Из книги «Чиркей»)

Операцией по поимке Зелимхана руководил офицер царской армии Зайнутдин Доногуев из Чиркея. Но Зелимхан был неуловим, каждый раз уходил из окружения и наносил неожиданные удары там, где его не ждали. Однажды Зелимхан убил начальника Назрановского округа, ранил самого Доногуева и двух его всадников. Но Зайнутдину удалось найти в чеченских лесах тайное пристанище абрека, захватить его жену, сестру и сына. В прошлом Зелимхан и Зайнутдин были знакомы, абрек просил чиркейца не преследовать его и предупреждал, что в противном случае он ему отомстит, искалечит на всю жизнь. И, действительно, когда Зайнутдин с пленными домочадцами Зелимхана шел по лесу, он подстрелил Доногуева, навсегда искалечив ему ноги. После этого Зайнутдин мог появляться на улице только в инвалидной коляске.

Доногуев просил Магомеда Чиркеевского (поэта) сочинить стихотворение о его борьбе с Зелимханом. Поэт не мог отказать земляку и написал популярное до сих пор среди аварцев стихотворение. В нем автор, не оскорбляя самолюбие обеих сторон, хвалил Зелимхана и Зайнутдина.

Однажды ночью кто-то постучал в дом поэта в Ботаюрте. Он открыл дверь – перед ним стоял Зелимхан. Угрожая пистолетом, он предупредил Магомеда, чтобы тот больше не слагал стихов о его противниках. Местный кадий объяснил Зелимхану, что он старался быть объективным, выразил симпатии Зелимхану и напомнил случай, когда Зайнутдин и абрек договорились о поединке между собой без свидетелей, Зелимхан на этот поединок не явился, видимо, испугавшись засады.

Спустя время, в результате предательства кунака, преследователям удалось найти и убить Зелимхана. Магомед написал по этому поводу второе стихотворение. На этот раз, словом не об-

молвившись об удаче полицейских, автор восхвалял Зелимхана и выражал сомнение в его гибели.

К. Казиев, Т.Г. Ахмедзияутдинов. (Даггиз 1976 г).(Записал А. Ахаев. 10.01.89)

АСИР-АБРЕК
(чеченская песня)

Была ночь. Апрель, а ветер хлестал дождем и снегом, с плачем и стоном, метался по горам, ревел в ущельи, перекликался по вершинам. В ущельи, темном, мглистом и днем сливались два потока, гулко бились у скал. Ущелье то надрывно вскрикнет от боли, то гневно взвоет, дрожат скалы, с рокотом сыпятся камни.

Слезятся струйками воды стены сакли, обваливается глина, обнажая ребра стен. В щели рвется ветер, струйками ползает по спине.

В широком горле печи жарко тлеют угли, трещат поленья, рассыпая искры. Тянет жаром, багровые блики рдеют на посуде, на лицах, кроваво вспыхивают в глазах.

Полулежа на подушке и войлоке, я слушал, как ревела черная ночь над саклей, прислушивался к гортанным звукам разговора хозяина и его гостя. Хозяин, молчаливый горец-чеченец, спас меня от добровольцев, укрыл в своем горном хуторе. Знал он по-русски слово «кушать» и несколько ругательств. Сидя на корточках в оборванном бешмете, внимательно слушал гостя.

У гостя, Аслана, тонкое, хищное лицо, нервные, тонкие губы под усами. Движения мягкие, кошачьи, рассчитанно-скупые и ловкие. По знакомым словам и ругательствам я догадываюсь, что беседа идет о казаках-кадетах, о мужиках – болыпевиках, о борьбе на плоскости.

Был 19 год. По стране в зареве пожаров хлестали свинец и сталь. Трели и переборы пулеметов, гул орудий, топот миллионов, – металась страна по расхлябанным дорогам при разбитых

паровозах, в разбитых вагонах, мимо вокзалов – червивых, вшивых трупов, с выдавленными окнами и дверями.

Был 19 год, на плоскости пылали станицы и аулы, дрожали предгорья от грохота орудий. Под перевалом со снежных вершин слышен гул равнин, топот миллионов. Свыше пяти тысяч красноармейцев укрылось среди лесов, скал, ущелий. Шли мы по узким тропинкам, что царапаются над пропастью и прыгают через пенистые потоки по зыбким мостам. Ушли под перевал, разбрелись по хуторам и аулам, пасли стада коз и баранты, ковыряли землю и ждали.

Ужин только что кончился. Спать рано. Оставалось слушать, как перекликаются, дрожат и стонут горы, хлещет ветер дождем и снегом.

Скоро месяц, как живу в горах. И за этот месяц только один раз видел русских, которые шумным табором – женщины, дети, красноармейцы – прошли через тихий хуторок, прилипший на скате ущелья за перевал. За этот месяц я близко познакомился с несложной жизнью горца-чеченца, с его небольшим хозяйством. Я уже знаю молитву, которому учит меня Айша – сестра хозяина, дикая красавица, гибкая, с небольшой грудью, с красными, точно надкусанными губами. Она же учит меня своему языку и уговаривает принять мусульманство. Я ее немного боюсь, когда она близко – задорно склоняется надо мной, звонко засмеется, сверкая зубами и черными глазами. И вместе с тем чувствую, как прирастают ко мне горские замашки, настроения, растет близость между мной и Айшей.

– Что, товарищ, скучаешь? – неожиданно обратился ко мне Аслан. Говорил гость по-русски хорошо, что редко встречается у горцев. Спросил его, учился ли он где.

– Нет, в Сибири пять лет был, в ссылке.

– За что же вас туда угнали?

– За Зелимхана. Знаете Зелимхана?

– Да, слышал, абрек?

У Аслана блеснули глаза, рука затеребила кинжал.

– Да, абрек. Только по-русски это выходит разбойник, вор, нехороший человек, а по-нашему – абрек, который за свободу бьется и умирает.

В глазах Аслана сухой блеск огня. Тонкое, хищное лицо напряженно застыло, вздрагивали губы под усами.

– Большой человек был Зелимхан, сильный и гордый. В 11-м году окружили его в пещере, войска нагнали – роту солдат, три сотни казаков, полицию, пулеметы, орудия. Заняли все пути, все выходы. А Зелимхан в пещере-то один. Прислали к нему солдата: «Сдавайся, Зелимхан, нет тебе выхода». Посмеялся Зелимхан и отвечает: «Пусть ко мне придет тот, кому я нужен, и покажет бумагу от самого царя, что все штрафы с бедных людей будут сняты, будут освобождены все из ссылки, тогда я сдамся». Бумаги ему не дали, да и самого в пещере не нашли, – ушел и не видели, куда и как ушел, а через месяц в Хасав-Юрте казначейство ограбил.

Аслан достал кукурузный листок, шамиль-табак и скрутил папиросу.

– Абрек – это большой человек, сильный, – продолжал Аслан. – Был у меня кунак большой, лучше брата родного – ингуш Сосламбек, с Зелимханом ходил. Флейшер-генерал хотел аул разорить, где жил Сосламбек. Тогда Сосламбек послал жену к генералу и сказал: «Если генерал меня не повесит, а расстреляет, то я сам явлюсь». Повесить – позор большой для абрека. Флейшер обещал не вешать его, а расстрелять. Сосламбек пришел. Генерал – сволочь, его слово, как хвост собачий, – он повесил Сосламбека.

Аслан замолчал, неподвижно уставился на огонь, слушал горные переклики, стон ущелья, хлюпанье дождя у порога. Долго не прерывалась тишина и молчанье сакли. Ласково вспыхивал костер, угли жарко тлели и мигали.

Вдруг с тонких губ Аслана сорвались звуки.

А ветер выл, хлестал дождем и снегом. В ущельи грызлись два потока, перекликались вершины. С шумным шорохом катилась ночь по горам, ущельям, со свистом плясала у сакли.

Вспомнилось, что тревога гуляет на плоскости, вспомнилось, как отступали к горам, густо поливали кровью мерзлую земную корку, а вслед горласто орали орудия, чокали пули. По ночам полнеба охватывало зарево промыслов, опускалась чуткая тишина. Разбитые уходили в горы.

Тишина в сакле, багровое горло печи с треском сыпало искры, бросало жаром и вспыхами по сакле.

– Это песня об Асир-абреке, – тихо сказал Аслан, боясь спугнуть тишину, – хочешь, расскажу.

«Богат Кавказ, красив Кавказ, буйны потоки его. Нет такого солнца в мире, нет такого неба, каким благословил Аллах горы свои. От моря и до моря лег богатырь Кавказ. Утесы и вершины, седой Казбек гордо смотрят на серые степи России, на бесплодные земли Падишаха.

А в груди Кавказа бесчисленные богатства – золото, серебро, железо. Кровь Кавказа – черная кровь, слезы Кавказа – целебные, лечит ими своих детей. Как богач гроши, выкидывает он бесценные богатства жадным, ненасытным людям.

А было время – другие были люди. Не те, что теперь живут на теле Кавказа, как паразиты. Другие были люди: они не искали золота, они не рвали грудь Кавказа, не пили его черную кровь.

А были те люди смелы и свободны, как был свободен отец их, Кавказ.

А когда пришли с севера враги, шашкой и пулей встретили их свободные горные соколы. Бурей откликнулся Кавказ, задрожали скалы и утесы, заревели потоки в ущельях.

Полвека бились. Пали лучшие сыны Кавказа, спаслись гнилые и слабые. Некому стало защищать мятежные горы. Сковал победитель цепями Кавказ, рабами сделал его детей. А дети рабов – еще худшие рабы, и никогда, никогда им не узнать свободной жизни.

Лишь иногда среди рабов блеснет джигит, смелый и свободный, и умрет одинокий в бою с тоской и болью об утерянной свободе. А после смерти джигита толпа трусливых рабов лику-

ет. Лишь Кавказ тоскует о погибшем джигите и хранит в глубине ущелий и гор песни о погибшей, но могучей душе.

Трусливые, жалкие рабы спокойно слушают эти песни, а потом. потом мирно пашут, сменив шашку буйной свободы на плуг позорного рабства. И тогда Кавказ, как сегодня ночью, стоном стонет, седые горы плачут горячими слезами, черная кровь сочится из ран. Разве не слышишь ты, слушай, как зовет Кавказ: «Сыны могучих отцов! Отчего вы так жадны к грошам моим – к металлу и хлебу – и так презираете мои сокровища, которым нет цены? Отчего вы не берете силу яркой и смелой жизни, любовь к свободе?».

Но, молчат рабские аулы, глухи они к горным призывам.

Оттого грустен Кавказ, суровы и печальны песни его.».

Аслан оборвал рассказ, молча смотрел на огонь. Кроваво вспыхивали глаза. Подбросил дров и глухо, будто с трудом выдавливая слова, продолжал:

«Лишь один Асир никогда не пахал, не сеял и не торговал во всем ауле. Все жили непосильным трудом и, как рабы, хотели только сытости и покоя. Асир же жил ночной добычей за буйным Тереком у сытых станиц. Его мятежная душа искала свободы, тешилась веселой абреческой игрой среди станиц. Не было власти для него, не было закона, ненавидел он рабов и гордых северных победителей.

Однажды на свадьбе увидел Асир красавицу Нанту. Сам не свой стал Асир, и скоро все мысли и чувства были заняты ею одной.

А Нанта? Нанта не любила джигита, и напрасно добивался Асир ее любви. Возил ей шелк и драгоценности, бросал к ногам Нанты и говорил: – Это не потом и не рабством добыто, а силой. Хочешь докажу тебе мою любовь: требуй невозможного, я или выполню невозможное, или погибну.

Но холодной оставалась Нанта, и безжалостен был ее ответ:

– Дары твои принимаю, чтобы не оскорбить тебя. Ты прекрасен, Асир, но все же я не люблю тебя.

Точно ножом резала Нанта сердце Асира.

Однажды ночью в ауле раздались выстрелы, крики, лай собак. По улицам бежали вооруженные мужчины, скакали всадники. Выскочил и Асир с винтовкой и смешался с толпой, которая слушала жалобно причитавшую старуху: «Увезли, злодеи, увезли дочь мою. Аллах, о-о-о, спаси ее, спаси дочь мою».

Асир не узнал ее в темноте, но старуха вдруг с плачем и проклятьями завыла:

– Нанта, Нанта, кто даст теперь отдых костям моим?.

Тоской сжалось сердце Асира: «Так во-от, сбежала с любимым.».

Бросился домой, вскочил на коня и два дня носился за Тереком у станиц, два дня топил злобу и тоску в крови казаков.

А когда вернулся в аул, узнал радостную новость: Нанту похитили против ее воли. Через верного человека Нанта передавала Асиру, чтобы доказал любовь свою.

Догадался Асир, о чем просила Нанта. Наточил шашку, осмотрел винтовку и выехал из аула. Нанту похитил Ахмат, сын богатой и сильной семьи в соседнем ауле, и сегодня у них свадьба. Недобрым гостем ехал Асир на веселую свадьбу.

Подъехав к дому Ахмата, Асир сдавил бока коня, пригнулся, гикнул и перелетел через плетень во двор. По принятым обычаям, Асир показывал искусство джигитовки, а сам зорко смотрел кругом и скоро увидел Нанту в толпе женщин под прозрачным покрывалом. Переглянулся Асир с Нантой и отъехал от толпы. Резко осадил коня, вздернул на дыбы, гикнул и бросил вперед бешеным прыжком. Толпа разбежалась, раздался выстрел из винтовки Асира. Тогда Нанта бросилась навстречу Асиру. Еще миг – и подомнет ее конь под себя. Но в следующий момент все увидели ее на руках Асира, а сильный и быстрый конь вновь перелетел через плетень. Только легкое облачко покрывала осталось на плетне. Крики, выстрелы, друзья Ахмата бросились к лошадям, но Асир уже скрылся.

Мчится Асир, крепко прижимает Нанту. Рвет бурку ветер. В груди кровь горячее огня жжет сердце, а тело дрожит в лихорадке. Скачет Асир, шепчет Нанте:

– Нанта, Нанта, скажи, любишь ли ты меня? Скажи, и не надо тогда мне жизни. Хочешь, бросимся сейчас вместе в пропасть? Умрем, Нанта, хочешь?

Безумные слова рвались из разгоряченной груди Асира, а Нанта молчала. И Асир, боясь себя, боясь ответа Нанты, безжалостно гнал коня, своего лучшего друга, который был ему дороже всего на свете.

У порога дома Асира конь весь в пене, тяжело дрожа, упал и сдох. Не видел Асир смерти своего лучшего друга, перед ним стояла Нанта, смущенная, не смея поднять глаза на него.

– Нанта, Нанта, – шептал Асир и крепко сжал ее руки.

– Оставь, – и вырвала девушка свои руки. Потом, смело посмотрела ему в глаза и сказала: – Ты могуч и прекрасен, Асир, но все же я не люблю тебя.

Побледнел Асир, злобная усмешка скривила лицо:

– Любишь ли ты хоть кого-нибудь?

С усилием подавляя смущенье, Нанта ответила:

– Да, люблю, люблю так же сильно, как ты меня. люблю и не могу жить без Кагермана.

– Кагермана-торговца? – закричал Асир.

– Да, его.

Взбешенный, бледный Асир бросился к Нанте, блеснул кинжал. Нанта шагнула навстречу, подставляя грудь под сверкавший клинок. Взглянул Асир в глаза Нанте и задрожала рука, выпал кинжал, со звоном ударился о камень.

– Убей, Асир, – дрожали побелевшие губы Нанты, – убей, ты в праве взять мою жизнь.

Но Асир был уже спокоен. Молча взял Нанту за руку и повел ее к дому Кагермана. Навстречу им вышла старуха-мать Кагермана.

– Вот невеста твоего сына, – сказал Асир, – они любят друг друга, да благословит Аллах их союз. Кагерману же скажи, чтобы избегал встречи со мной. А почему, пусть скажет Нанта.

Сказал и спокойно ушел, ни разу не оборачиваясь.

Прошло пять лет.».

Аслан вновь неожиданно оборвал рассказ и настороженно прислушался. Вздрогнул и хозяин, – прислушивались оба к вою бури за стенами. И почти тотчас же раздался лай собак. Хозяин неслышно встал и открыл дверь. Ворвался в саклю сырой и холодный ветер, глянула черная ночь.

– Миль ву? (Кто там?) – крикнул хозяин.

Из тьмы послышался ответный крик. Хозяин вышел во двор и захлопнул дверь.

– Зайда, – позвал громко жену, – хаволь! (Иди сюда).

За дверями заглушенный говор, топот лошади, лай собак.

– Даяль, даяль. – гнал хозяин собаку и скоро вошел в саклю с горцем.

– Марш айль, марш айль.

Зайда и Айша внесли седло и хуржины.

Вновь прибывший был старик, но еще бодрый и по-молодому гибкий и сухой. Аслан освободил ему место у огня. Старик сел, по-своему, любовно, переложил дрова и в нескольких словах ознакомился с хозяином, с его гостями и представил себя, назвав свой аул и семейную фамилию.

На вопрос, обычный ко всякому вновь прибывшему: «Хабар ю?», старик стал быстро рассказывать, то привставая, то садясь и запихивая ноги или руки в жаркое горло печи, то вновь гибко по-молодому поворачиваясь к слушателям. Сидел в нем какой-то непоседливый живчик, не давая покоя его сухожилистому телу.

Аслан коротко передавал мне новости старика. Ехал старик из Ведено. Там ожидают приезда Шейха Имама Чечни и Дагестана Узума-Хаджи. Шейх объявляет священную войну против казаков, призывает всех правоверных под зеленое знамя пророка.

Уже несколько недель идут по горам тревожные слухи о близком восстании горцев. Из аула в аул, из хутора в хутор, по вершинам утесов бежит тревога, зовет к оружию. Шли слухи о приближении Красной армии. Слухи наползали неизвестно откуда, а тревога росла, росло недовольство, дорожали винтовки и патроны.

Вошла Айша. На широком деревянном подносе принесла цицкаль и берем. Широкое платье не скрывало мягких, упругих движений. Бросила на меня задорный блеск глаз и, пряча улыбку, скрылась на женской половине.

Старик подсел к подносу.

– Кушай цицкаль, – обратился ко мне.

– Баркалла, – поблагодарил я, слегка поднявшись.

Старик выполнял горский обряд: угощать младших, заранее ожидая отказа. Попросив о том же Аслана и хозяина и получив такой же отказ, старик стал быстро есть и не переставал рассказывать «хабар».

Плоскостные аулы покорились кадетам, но прячут кукурузу, увозят жен и детей в горы, закупают патроны. Все ждут только приезда Шейха, чтобы пойти на казачьи станицы. Не забыл старик сообщить и последние цены на винтовки и патроны, пожелав торговцам проклятье Магомета.

После ужина старик встал на молитву и быстро зашептал «Бисмилла рахма иль рахим».

Молча и бесшумно вошла Айша, убрала поднос, приготовила постель. Старик помолился, лег, завернувшись в бурку, и скоро заснул. Ушел спать и хозяин на женскую половину.

Остались мы вдвоем, но Аслан как будто забыл про песню, молча следил, как трещали поленья, слушал дикие горные переклики. Я окликнул его. Он вздрогнул, взглянул на меня и сел поудобней.

«Прошло пять лет. По всей Чечне гремело имя Асира-абрека, отвергшего и бога, и людей. Асира прокляла вся страна, его именем пугали детей.

Асир ненавидел людей-рабов, убивал, жестоко мучил их, никому не давая пощады. Он ругался над святыми заветами адата, осквернял Коран и его истины.

Проклял Асир тех, кто, как зверя, травил его, не видя его великой тоски по человеку, мстил им за себя.

А Нанта, слыша ужасы об Асире, задумчиво покачивала головой и вспоминала былые дни.

Нанта имела уже детей и не стало былой красоты. Из девушки, за которую бились лучшие джигиты, превратилась Нанта в заботливую хозяйку и мать. Кагерман был первым богачом в ауле, пользовался почетом, любил жену и детей.

Но, вспоминая прошлые дни, Нанта чувствовала, что есть в них что-то, чего не давали ей ни Кагерман, ни дети, ни богатство, ни все заботы по хозяйству.

Пыталась Нанта забыть и отогнать воспоминания девичьей жизни, но они упорно возвращались, будили желанье изведать иную жизнь, жизнь вне сытого довольства.

Однажды весь аул взволнованно-радостно высыпал на улицы: люди со злобной радостью передавали друг другу, что убийца и вор Асир-абрек ворвался в казачью станицу, где был убит, а тело его выбросили шакалам.

Трусливые шакалы растащили тело абрека, но осталась по нем песня. И будет песня жить до тех пор, пока есть еще сильные люди среди Кавказских ущелий.

Услышала Нанта о смерти Асира и низко склонила голову. Крупные слезы брызнули по лицу.

О чем плакала Нанта – Аллах ведает: темна душа человеческая, еще темней душа женщины.».

Всю ночь ревела буря над горами.

Всю ночь два потока стонали и плакали у скал.

Всю ночь хлестал ветер дождем и снегом, с хохотом и свистом скакал по вершинам, сдувал лавины, снежным вихрем плясал по утесам и ущельям.

А. Костерин.

ВСТРЕЧА В ДАРЬЯЛЬСКОМ УЩЕЛЬЕ

Если вам доведется просматривать русские газеты, которые выходили в начале нынешнего века XX, то обратите внимание на статьи о Зелимхане. Их было очень много. Знаменитый абрек из Чечни волновал умы и сердца обывателей. Еще бы! Вот он на глазах пораженной публики ограбил банк в Кизляре и скрылся. Спустя некоторое время похитил известного богача Месяцева, во Владикавказе забрал содержимое ювелирного магазина на центральной улице и ускакал в горы. Затем переоделся священником, приехал на бал к видному чиновнику Терской области и выведал все, что его интересовало.

Статей с описанием, как ловили Зелимхана, еще больше. И все под крупными заголовками: «Последние часы абрека», «Зелимхан в ловушке», «Конец разбойника». Почитаем. Оказывается, вот в чем дело: карательный отряд окружил Зелимхана, который засел на неприступной скале. Через несколько часов он будет схвачен. Но проходит день, другой, наконец, небольшая заметка: каратели предприняли штурм скалы. Зелимхан, закутавшись в бурку, прыгнул в бурный поток. Все кинулись его ловить. Поймали, но лишь – бурку. Ее владелец исчез бесследно. А сообщений об убийстве Зелимхана не перечесть. Они появлялись чуть ли не каждый месяц. И читатели к ним привыкли. Когда же в последних числах сентября 1913 г. с Кавказа пришло известие о гибели знаменитого абрека, читатели недоумевали: верить ли ему или нет? Зато буржуазная пресса не скупилась на трескучие статьи о «подвигах» кавказских карателей. И вдруг в этом мрачном хоре прозвучал иной голос – сильный и освежающий. Он раздался со страниц газеты «Отклики Кавказа». Откройте номер за 8 октября. Вам сразу бросится в глаза заголовок: «Убит герой». Вот несколько строк из этой статьи.

«...Не верится, что убит Зелимхан. Мы видим в нем героя. В свое время он отказался идти в военные министры к персидскому шаху, сказав: «Не хочу против народа». Он любил свободу,

был храбр, благороден. Он шел к жене и детям, когда его убили. Те, кто ловил его, – черные люди. Они останутся безвестными. О них ни сказок не расскажут, ни песен о них не споют. А о Зелимхане будет сложена поэма, может быть, опера. Пушкин и Лермонтов восхищались такими героями. И не хочется верить смерти Зелимхана!...». Под статьей подпись «А. Макеев». Да, это был умный, честный и смелый журналист-большевик. В 1918 г. он трагически погиб от рук белогвардейцев, но его мысль о том, что Зелимхана не забудут и воспоют в произведениях искусства, оказалась пророческой. Уже много написано, спето и рассказано о справедливом мстителе Зелимхане. А сколько еще будет! Вот я и вспомнил легенду, которую слышал от одного известного осетинского поэта, а ему в свое время ее поведал старый учитель. Откуда она пришла к учителю – бог весть! Да это и не так важно, интересно другое – легенда родилась и жила в Осетии. Ее передавали из уст в уста. И еще – она не противоречит фактам биографии действующих лиц. Это могло произойти с ними в сентябре 1910 г.

У Зелимхана с подполковником Вербицким стали складываться особые отношения с того самого дня, как последний получил под свое командование карательный отряд. Боевая задача отряда была сформулирована предельно кратко: живым или мертвым взять абрека Зелимхана. Вербицкий при каждом удобном случае живописал друзьям, как он изловит «каналью Зелимхана» и в клетке доставит во Владикавказ. Эта болтовня мало трогала Зелимхана, а вот листовка, которую издал подполковник, заставила насторожиться. В ней обещали 10 тысяч рублей и участок земли тому, кто доставит голову абрека. Далее, вопреки логике, в листовке говорилось, что Зелимхан «мелкий разбойник и трус», «который боится встречи с ним», подполковником Вербицким, и его «доблестными воинами». Такое забыть, а тем более простить невозможно. В грудь Зелимхана будто уголь горящий вложили. Он обжигал душу и не давал покоя ни днем, ни ночью. К тому же еще событие: Зелимхану достави-

ли письмо от Вербицкого. «Если ты мужчина и носишь штаны, а не женские шаровары, – писал подполковник, – то примешь мой вызов на личный поединок. Приезжай, как и я приеду, один к месту боя. Честно сразимся.». Зелимхан избрал для поединка поляну возле аула Ведено, приехал туда в назначенное время, но его встретила рота солдат. Только ловкость и сила, смекалка и отличное знание местности помогли Зелимхану спастись. «О Великий Аллах! – в тот же вечер гневно воскликнул Зелимхан и поднял руки к небу. – Разве такие собаки могут ходить по земле?» Судьба Вербицкого была предрешена. С этого дня враги ходили между жизнью и смертью. Об этом можно рассказать очень много, но вот что произошло однажды.

Из Владикавказа прискакал к Зелимхану надежный человек и сказал: «Через два дня Вербицкий выезжает в Тифлис». Зелимхан даже привстал от возбуждения. «Вот как. Это твердо? От кого узнал?» – «Вчера наш Али видел, как адъютант для него брал билет на машину, которая сама по дороге бегает». Встреча с заклятым врагом в горах обещала полный успех. Зелимхан сделал нужные распоряжения, отобрал десяток верных людей и в тот же вечер уехал горными тропинками в ущелье, по которому с ревом несется Терек и вьется Военно-Грузинская дорога.

С весны этого года, когда происходили события этого рассказа, пассажирское движение между Тифлисом и Владикавказом оживилось – было введено регулярное движение автомобилей. Новинка сразу пришлась по вкусу путешественникам. Правда, восьмиместные машины «Бенц» безжалостно трясли, издавали необычайное зловонье и дымили, но все-таки их преимущество перед экипажами было явным. В то сентябрьское утро пассажиры на станции появились рано. Сначала в Тифлис проводили тяжелую почту и пассажирский экипаж, а уж потом начали готовить в рейс автомобиль. Раньше всех у машины засуетились две девицы в пестрых платьях с пелеринами. Им помогал какой-то иностранец в клетчатом пиджаке и соломенной шляпе. Он все время повторял: «Господин шофер, я ошень прошу сохранять наш кафер. Это веши циркус. Они имеют большой цена.».

Молодой грузин, агент винной фирмы, тут же раскрыв объемный чемодан, охотно демонстрировал образцы своего предприятия. Грузный священник и его дородная супруга хлопотали вокруг огромных дорожных узлов. На извозчике приехала молодая дама, изящно одетая, с маленьким белым пуделем. Наконец, сундуки, узлы, коробки, чемоданы были уложены, над открытой машиной развернули брезентовый тент, пассажиры расселись по местам и только тут обратили внимание, что одно место свободно. Как раз в это время послышался цокот подков, и, резко осадив лошадей, извозчик остановился у самой машины. Из экипажа легко вышел мужчина в дорожном плаще и шляпе-котелке темного цвета. В одной руке он держал тяжелую вишневую палку с серебряным набалдашником, в другой – серые перчатки. На вид ему было лет около сорока, лицо бритое, глаза голубые, волосы русые. Высокий, представительный, он держался естественно просто, но с достоинством. Бросив общий поклон, мужчина занял свое место в машине, а шофер уложил его чемодан в багажник. Путешествие началось.

Проехали одну, затем вторую почтовую станцию, ущелье сдвинулось, стало узким, дорога поползла круто вверх. С одной стороны далеко внизу шумел поток, с другой – стена скал упиралась в самое небо. Мотор надрывался, машина едва двигалась. Пассажиры сидели, перепуганные в ожидании чего-то, что должно произойти. И предчувствие их не обмануло. Всадники Зелимхана перехватили машину в Дарьяле, там, где Терек принимает в свои объятия небольшую речушку, вытекавшую из бокового ущелья. Прозвучало несколько выстрелов, и у каменного завала на дороге шофер остановился. Пассажиры обомлели. Абреки окружили машину, держа винтовки наизготовку. «Выходи!» – крикнул один из них.

Первым на дорогу вывалился полный священник. Дрожащей рукой он достал золотые часы, кошелек, какие-то бумаги, молча протянул все это ближайшему всаднику. Тот усмехнулся, плетью отвел его руку и громко сказал: «Ваше золото и деньги нам

не нужны. Спрячьте. Нам нужно другое». Услышав это, дама с щенком ахнула и повалилась в обморок. Щенок упал на дорогу, завизжал и кинулся куда глаза глядят. Две пестрые девицы подошли к всаднику и наперебой посыпали: «Господин Зелимхан, это же неблагородно обижать женщин». «Я не Зелимхан. Я Аюб Тамаев», – ответил всадник и, не обращая внимания на то, что пленники разноголосо пытались что-то доказать, поехал в боковое ущелье, откуда вытекала маленькая речушка.

Шагов через сто, на повороте, за скалой, пассажиры увидели догорающий костер, а вокруг него на бурках сидели горцы. Один из них поднялся. Это был человек выше среднего роста, худощавый, в каракулевой шапке, в темно-серой черкеске, с кинжалом на поясе. Его продолговатое оливковое лицо с большими черными глазами, черной как смоль бородой было сурово-аскетическим. Он окинул беглым взглядом пленников, потом поднял глаза и, глядя куда-то вдаль на вершины гор, заговорил. Голос его звучал резко. «Подполковник Вербицкий, я Зелимхан. Мы могли вас всех перестрелять в машине, но не сделали этого. Вы хотели в честном бою драться со мной. Вот вам кинжал. Не прячьтесь за женщин. Выходите, защищайтесь». Первым пришел в себя грузин. «Клянусь великим Аллахом, я не Вербицкий. Я Вано Чохелли из Самтреди.». Но Зелимхан, не взглянув на него, махнул рукой. Тогда вперед вышел иностранец в клетчатом пиджаке и соломенной шляпе. «Господин Зелимхан, перед вами Лео Буш из Берлина. Моя работа – циркус. Я мировой фокусник. Вот мои ассистенты», – и он кивнул в сторону девиц. Затем мгновенно в его руке откуда-то появилось яйцо. Он подбросил его, накрыл платком, и оно стало превращаться в цветные ленты, которые фокусник, казалось, тянет прямо из ладони. Это произошло также неожиданно и выглядело так комично, что многие заулыбались.

Лицо Зелимхана по-прежнему оставалось сурово-спокойным. И вот опять, словно откуда-то сверху, сползло оцепенение.

Оно закрыло всех. Потом, придя в себя, пленники повернулись в сторону мужчины, на котором был дорожный плащ, шляпа и котелок. Он стоял немного в стороне, положив обе руки на гребень своей вишневой палки. На его широком светлом лице было выражение удивления и любопытства, а на губах – чуть приметная улыбка. Наконец, он повел глазами, казалось, частицей светло-голубого неба, протянувшегося узкой полоской над ущельем, сделал паузу и развел руками. «Мне тоже придется разочаровать знаменитого Зелимхана. К подполковнику, которого он хочет видеть, я не имею никакого отношения» . Умный и наблюдательный Зелимхан еще в те самые минуты, когда Аюб Тамаев привел пленников, с первого взгляда усомнился, есть ли среди них Вербицкий. Правда, в лицо подполковника он не знал, но сразу почувствовал, что перед ним – люди сугубо гражданские. Однако делать было нечего, и все пошло своим чередом. «Кто же ты такой?» – и Зелимхан испытующе уставил свой взгляд на незнакомца.

«Имя мое вам ничего не скажет. Я Федор Шаляпин.» – помолчал и добавил: «Певец и артист театра. К сожалению, паспорта при мне нет. Он остался в машине». Зелимхан сделал шаг вперед и все так же спокойно, подбирая каждое слово, сказал: «Когда я увидел, как ты кладешь руки на эту палку, то понял, что ты не подполковник. Офицер с палкой не ходит. А вот имя Шаляпина я знаю. Слышал, когда сидел в тюрьме, в Грозном. Со мной в камере был один хороший русский человек. Он рассказывал о Степане Разине, о Горьком и о Шаляпине. Пел песни о Волге. У нас в народе песни тоже любят, а певцов уважают и берегут.». Подумал, провел ладонью по бороде и вновь, словно опуская на плечи собеседнику что-то очень тяжелое, уставился в глаза Шаляпину. Потом раздумчиво сказал: «Певцу паспорт не нужен. С ним его песня. Она от бога, а паспорт придумали люди. Иди сюда. Если ты певец, мы тебя не обидим. Садись, пой.». Зелимхан набросил на большой камень бурку и сделал знак рукой,

приглашая Шаляпина. Шаляпин тоже присел, поставил палку между колен и на серебряный гребень положил обе руки. Поглядел вокруг, послушал, как высоко в небе клекочут орлы, а рядом мягко по камням шуршит ручей, затем вполголоса запел:

Хас-Булат удалой.
Бедна сакля твоя.
Золотою казной
Я осыплю тебя.

Оживился, и голос его стал звучать шире:

Дам коня, дам кинжал.
Дам винтовку свою.
А за это за все
Ты отдай мне жену.

Дальше песня зазвучала драматично. В голосе певца появились те неизъяснимо тоскующие ноты, в которых очень точно и сильно была выражена трагедия обманутого чувства. Певец сделал паузу, а потом лишь передал ответ мужа-бедняка. В нем чувство человеческого достоинства поднялось, точно на крыльях орла, высоко над землей и утвердилось, как нечто вечное и непобедимое. Именно так понимал Шаляпин смысл всей песни о Хас-Булате, и ответ бедняка с огромным напряжением:

Береги, князь, казну
И владей ею сам.
А неверну жену
Тебе даром отдам.
Ты сходи, посмотри
На невесту свою –
Она в спальне своей
Спит с кинжалом в груди.

И вдруг, будто чья-то сильная рука все оборвала. Голос затих, замер горный поток, умолкли орлы в высоте, а люди затаили дыхание. Несколько секунд все слушали тишину. И вот откуда-то из глубины груди певца зазвучала тоскующая мелодия финала:

Я глаза ей закрыл.
Утопая в слезах.
Поцелуй мой застыл
У нее на устах.

Может быть, впервые за всю большую жизнь Шаляпина-певца у него была такая аудитория. Сюда, в глухое ущелье Кавказа, случай привел совсем разных людей, но эти неповторимые минуты вдруг стерли то, что разделяло их. Великое искусство Шаляпина поглотило всех: девушек из цирка и фокусника из Берлина, коммерсанта из Тифлиса и простых горцев, которые силами социального зла были превращены в абреков. Каждый забыл, где он и что его ожидает. Все житейское, обыденное куда-то ушло, растаяло, приняло бесформенные очертания. И остался только певец с его огромным миром человеческих страданий и страстей. Но вот последний звук песни, обгоняя робкий говор ручья, покатился по ущелью, эхом отозвался на ближней вершине и замер где-то за крутыми скалами. Все молчали. Зелимхан встал и, придерживая щенка в подоле черной бурки, сделал два-три шага в сторону. Долго смотрел на дальний ледник, где искрилось полуденное солнце. Затем обернулся к Шаляпину, улыбнулся, отчего его суровое лицо приняло наивно-детское выражение, и негромко сказал: «В тюрьме русский не обманул меня. Ты хорошо поешь. О Хас-Булате у нас тоже песня есть. Сегодня мы ошиблись – хотели черного ворона поймать, а схватили соловья. Так и крылья можно поломать. А тебе надо свободно летать, песни петь людям хорошие о счастье. Его у них нет. Вот и я дорогого гостя не могу принять, как положено. Прощай, а нас прости.».

Обескураженные путешественники сказали абрекам что-то невнятное, похожее на благодарность, и заторопились к машине. Они все еще не могли прийти в себя и понять кому обязаны своим спасением.

«Послушай, друг, подожди.»

Шаляпин остановился. Припадая на правую ногу, Зелимхан подошел к нему.

«Ты, Федор, пел, а я вспомнил свою жену, детей. У меня даже глаза резать стало. Нехорошо, если с мужчиной бывает такое. Поедешь к своим, не говори, что видел, как Зелимхан от песни чуть не заплакал. Плохие люди не поймут, подумают: Зелимхан тряпкой стал. Прошу, не рассказывай об этом».

И он, пожимая руку Шаляпина, еще раз заглянул в его голубоватые, как ледник, но теплые глаза. В них было волнение и добро души.

«Нет, никогда никому не скажу. Я тебя понимаю,» – порывисто ответил Шаляпин. Впервые в жизни он получил такую награду за свое искусство. После этого они расстались навсегда. Шаляпин выполнил свое обещание, которое дал абреку. О своей встрече в горах он никогда никому не рассказывал до смерти знаменитого горца.

Давлет Гиреев

ЗЕЛИМХАН В ИНГУШСКИХ ГОРАХ

…Царские власти, бессильные бороться против самих абреков, подвергали экзекуции, штрафам их аулы, а родных и близких поголовно ссылали в Сибирь.

Калой, да и все в горах, знали, сколько безвинных чеченцев было разорено и сослано за неуловимого эбарга Зяламха. Жестоко, но справедливо наказывал Зяламх своих врагов. Он убивал карателей, грабил богачей. Однако тяжелой ценой оплачивал это народ. Зяламх тайно покинул Чечню и вместе со своей семьей скрылся у ингушей. Он готов был прекратить борьбу, потому что сотни чеченцев уже томились из-за него в тюрьмах. Но власть продолжала преследовать его. Для его поимки был создан отряд добровольцев-охотников во главе с есаулом Вербицким. Отряд этот так жестоко расправлялся с горцами, что о нем в народе сложили песню:

…В огне сгори, Вербицкий!
Палач детей и жен!

Калой не мог допустить, чтобы из-за него разорили Эги-аул, сослали людей. Ведь только ради них он шел на отчаянные дела, рисковал жизнью. Вот еще почему он стал «мирным».

Около года Зяламх и его семья тоже мирно жили в ингушском селении на плоскости. Но царские люди узнали об этом, и ему пришлось покинуть гостеприимный Экажконьги-Юрт. Куда идти? Где искать спасение?

Многих ингушей знал эбарг Зяламх. Со многими из них ходил на большие дела. Но сейчас ему нужен был человек, слово которого было бы свято для всех других. И он решил искать Калоя.

Тайными тропами в ночную темень шла семья Зяламха в горы. Шли женщины, дети. В ауле Лежги пришлось искать приюта. Жене Зяламха стало плохо. А к утру она принесла ему сына. Что за судьба родиться от людей, у которых ни крова, ни

очага, все богатство которых – вражда, вся радость – прожитый день! Но было у них одно настоящее богатство: ингуш никогда не спрашивал у пришельца, кто он, откуда и куда держит путь. И если гостю его угрожала опасность, он готов был сам встретить ее, а если надо, умереть. Однако плох тот гость, который без крайней нужды злоупотребляет этим священным обычаем. Через три дня Зяламх снова двинулся в путь.

Перед рассветом залаяли собаки. Калой проснулся, прислушался. Надрывный лай псов говорил о том, что в ауле кто-то чужой. Калой накинул бешмет, вышел, окликнул собак. Услышав голос хозяина, они осмелели и ринулись за ворота.

Калой сбежал с терраски и увидел людей, остановившихся поодаль. Прогнав собак, он подошел к гостям.

- Счастлив ваш приход! Заходите! Заходите! – обратился он к пришельцам, стараясь рассмотреть их. Мужчина с конем в поводу, парень-подросток, две женщины и много детей. Мужчина шагнул вперед, и Калой тотчас узнал его. Узнал не по лицу, а по росту, по излому шапки, по манере носить винтовку – вниз дулом под правой рукой. Это был Зяламх. Они молча обнялись. Калой взял под узду его лошадь и пошел вперед. Им не нужно было говорить, чтобы понять друг друга. Калой был рад гостю и в то же время глубоко опечален тем, что ему пришлось покинуть плоскость и со всей семьей, терпя лишения, скитаться по чужим людям, искать убежища в далеких от родины горах. Значит, круг сжимался.

Орци выбежал им навстречу. Когда гости вслед за Калоем вошли в дом, обе хозяйки были уже на ногах. Дали убирала постели, Гота разжигала печь. Не прошло и часа, как гость и вся его семья, обласканная, согретая теплом и радушием хозяев, спали в отведенной им комнате спокойным сном, каким давно уже не приходилось спать.

И хотя в эту ночь никакой опасности для Зяламха не было, Калой на всякий случай велел Орци расставить в разных дворах заседланных лошадей. А когда рассвело, братья принялись за

обычные домашние дела. Глядя со стороны, никто не мог бы подумать, что в их доме есть посторонние. Так прошел день. Жена Зяламха, жена его брата, младший братишка и дети привыкли скрываться. Они научились всегда говорить вполголоса и не подходить к окнам. Здесь можно было и не таиться, но у них это получалось само собой.

Ни Дали, ни Готе не было известно, кто у них в гостях. Калой сказал им, что это семья чеченца, который из-за кровничества вынужден прятаться и избегать людей. И это было истиной, потому что Зяламх действительно стал знаменитым абреком Залимханом из-за того, что его оскорбителей и кровников взяла под защиту власть и всей своей силой обрушилась на него.

Когда стемнело, Орци привел лошадей, посадил на них детишек гостей и тронулся в путь. За околицей обе женщины тоже сели верхом на лошадей, и караван двинулся в глубь гор, к аулу Кек, где у Зяламха были близкие друзья.

Кек стоял так высоко в горах, что выше уже не было ингушских поселений.

Часа через два следом выехали Зяламх и Калой. Прощаясь с хозяйками дома, Зяламх тихо сказал:

– Спасибо вам за хлеб-соль! Молю Аллаха, чтоб вам никогда не приходилось искать гостеприимства, скрываться, как это приходится нам! Счастливо живите!

– Счастливого пути!

– Да сжалится над вами Аллах! – ответили Дали и Гота. И, кажется, они впервые подумали, что беды и горе, изведанные ими, – еще не самые тяжкие испытания. «Не приведи Аллах вот так бездомничать.».

Ночь была светлая, хотя луна еще не всходила. Калой и Зяламх проехали по дороге к аулу Пуй, что лежит на пути к Кеку, потом резко свернули в лес и направились в обратную сторону. Через некоторое время перед ними открылся вид на черную башню на горе. Это был замок Ольгетты. Оставив лошадей внизу, Калой провел гостя вверх пешеходной тропой, показал одному ему известный тайник и сказал, что здесь, если придется,

он может оставаться и жить сколько угодно. Только никто не должен знать об этом убежище. Зяламх понимал, что Калой делится с ним самым сокровенным. Все меньше оставалось у него теперь таких друзей.

Вскоре они спустились к лошадям и вернулись на дорогу, по которой ушла семья Зяламха.

В Кек приехали поздно. Там все, кроме хозяина дома, спали. Орци давно уже угнал обратно лошадей. Калой не стал задерживаться и, поручив гостя хозяину, пошел со двора. Зяламх захотел проводить его, и они вместе вышли на дорогу. Поднялась луна, осветила горы. Было безветренно, тихо. Где-то журчала вода.

Калой и Зяламх остановились на крутой тропе. Их не смущала черная бездна у самых ног. Зяламх был спокоен.

– Вот куда загнали они меня. – грустно промолвил он, окидывая взглядом кольцо обступивших гор. – Такому, как я, не надо было иметь семью. Себя мне не жаль. Но их измучил. А ночью все мерещатся люди, что томятся и погибают из-за меня в тюрьмах.

– Да разве ты виноват в этом? – пытался успокоить его Калой. – Это трусость слуг царских! С тобой не могут справиться, так берут беззащитных.

Зяламх печально покачал головой.

– Я знаю тебя, Калой, – сказал он, – ты смелый человек, но ты добрее меня. Ты ради своей жизни не дал бы страдать другим. Вот они сожгли, разгромили ваш аул Цорх. А за что? Я же близко к нему не подходил! А я вместо того, чтобы смириться, свирепею! Ненависть к злодеям застилает мне ум. Я жажду их гибели и бью, бью, где могу, сколько хватает сил. – Глаза Зяламха горели. – Теперь это стало моей судьбой. Они меня сделали таким. Но ты свободен. Они еще не встали на твой след. Ты очень умно брал их за глотку, не открывая себя. Ты еще можешь вернуться к сохе. А разве есть что-нибудь вкуснее чурека, добытого своими руками из этой земли? Я хочу уйти за границу. Вот только достанем немного денег – и уйду. Мне как-то сказали русские – я тайно встречался с ними. не здешние были, – что та-

ких, как мы, и в России много. Что они сбросят со своего стула царя Николая и сами станут хозяевами жизни. И будет большая война между русскими эбаргами и слугами царя! Вот тогда и я вернусь, и мы все вместе посчитаемся с ними за все! – Голос Зяламха был хриплый, простуженный. Он то улыбался, то хмурил брови и зло поводил глазами.

– Власть царя – это гора! — сказал Калой невесело. – Трудно будет ее одолеть. И когда это будет? А пока тебе лучше притихнуть. Всполошились они!

Зяламх улыбнулся.

– Да. Все они знают теперь чеченца из Харачоя – от царя и до последнего писаря! И многим хочется положить себе в карман обещанные за мою голову восемнадцать тысяч. Только я ценю ее дороже. И об этом узнает еще не один.

Они простились, условившись встречаться в башне замка Ольгетты. Калой из уважения к гостю пошел за околицу пешком, ведя коня в поводу. А Зяламх долго стоял, вспоминая свое село Харачой в веденских горах, где теперь не осталось ни одного родного ему человека. Он смотрел на яркую луну и думал о том, что она сейчас видит со своей высоты и Ведено и его родной аул. Как хорошо луне!

Судьба Зяламха тяжелым камнем легла на сердце Калоя. Он с тоской думал о друге, о его несчастной семье. Ведь «даже самая длинная веревка всегда имеет конец.» Загнали его сюда, но остановятся ли на этом? И яснее увидел Калой: есть люди, сильные силой власти, и есть люди, которым приходится самим стоять за себя. И вражда между ними – вечная. А раз так – нет нужды искать конец веревки. страшный конец. Надо просто жить и, где удастся, наносить удары.

Прошел год. Как-то разнесся слух, что Зяламх среди бела дня напал на город Кизляр и похитил все ценности из банка. Люди удивлялись его смелости. Многие завидовали его богатству, и никто не знал, что в числе его друзей были эбарги и с этих гор.

Слава и дерзкие налеты Зяламха не давали покоя властям. Он был укором их бессилию и заразительным примером для других.

К концу сенокоса в горах появился Чаборз. Он в сопровождении нескольких родовых братьев объехал свои угодья, заглянул в соседние ущелья, побывал в пещерах. Горцы поняли: старшина кого-то высматривает.

По дороге домой он встретил Орци и, отозвав его в сторону, сказал:

– Если установят, что твой брат бывал с Зяламхом, будет беда. Аул разорят. Сожгут.

Глаза Чаборза пытливо смотрели в глаза Орци. Но тот выдержал его взгляд и с невозмутимым спокойствием ответил:

– Видишь ли, один человек сразу в двух местах бывать не может, если он не джин или не оборотень. Спроси село. Мой брат – всегда с народом. На всех работах он дома. – Орци умолк и, поглядев на Чаборза, простодушно добавил: – А если нам когда-нибудь почему-нибудь придется уйти к Зяламху. – он улыбнулся, – ты, Чаборз, узнаешь об этом. И самым первым! Мы не обидим тебя, почтим твою власть, придем к тебе в гости.

– Оставь свои глупые шутки! – огрызнулся Чаборз. – И запомни: я предупредил вас!

– И я предупредил! – с той же наивной улыбкой ответил Орци, словно встреча с Чаборзом доставила ему огромное удовольствие.

Старшина уехал.

А позднее, к концу месяца ревущего оленя, когда леса почти обнажились, а на вершинах гор заиграли метели, ночью из всех трех ущелий к башне Эги прискакали родственники. Они принесли страшную весть: со всех сторон в ингушские горы вошли солдаты. Их сотни, тысячи! Русские пехотинцы, казаки, дагестанские всадники, ингуши из милицейской охраны. Их ведут важные начальники.

Калоя не было дома, и Орци не сразу сообразил, что делать. Страх за брата перепутал мысли. Наконец он побежал к Иналуку. Дали, Готу и Мажита они отправили к родственникам в дру-

гое село. Верный человек поскакал в Пуй, Кек и Нелх. Знали, что где-то там скрывается семья Зяламха. Но неужели ради двух женщин и детей собрано такое воинство? Неужели начальники хотят перенести на бессильных, беззащитных женщин свою злобу и ненависть к этому неуловимому человеку?

– Хотя ведь не зря говорится: «Кто не смеет ударить коня, тот бьет по седлу!» – усмехнулся Иналук, – Зная характер этого чеченца, они могут его семью превратить в приманку, в капкан для него. А может, что-то против нас замышляется?.

– Хоть бы Калой на них не нарвался! Он с оружием. Тогда конец. – нарушил молчание Орци.

Через несколько минут юноши рода Эги ускакали в разные аулы, чтоб предупредить друзей Калоя, просить их укрыть его от врагов, как только он появится.

Утром посланные возвратились и встретили новый день обычными делами.

К полудню прибыли военачальники и солдаты.

Вокруг аула встала охрана. А пешие и конные отряды солдат по тропам и напрямик, через хребты и долины пошли дальше, к верховью Ассы. И тогда горцы поняли: облава. Только на кого? На самого волка или на его щенят?

В дом, где остановился главный начальник войск, изредка прибывали офицеры. Видимо, они докладывали, как идут дела. Несколько раз появлялся и Чаборз. Туда приволокли двух баранов, развели костры. Орци сидел у себя вместе с Иналуком. Из окна они наблюдали за тем, что происходило вокруг.

Взрослое население Эги-аула пряталось по домам, но дети, хоть и боялись солдат, гонимые любопытством, все-таки выбрались из башен и глазели на пришельцев.

В середине второго дня по общему оживлению военных стало ясно: случилось что-то важное. Один за другим на потных конях скакали посыльные. Офицеры отдавали какие-то распоряжения. Солдаты двойной цепью окружили аул. И наконец до жителей дошла весть: в хевсурских горах, совсем под ледниками, схватили семью Зяламха.

Через несколько часов под сильной охраной ввели в аул измученных женщин и кучу детей. Маленьких матери несли на руках, другие цеплялись за их юбки. Старшая женщина была женой Зяламха, вторая – женой его погибшего брата, Солтамурада.

Их привели во двор, где жил главный, теперь уже известный горцам начальник Назрановского округа князь Андроников – офицер из лучших царских войск, которые назывались «гвардия».

Жители Эги-аула поняли: князь решил, что семья Зяламха – это хвост, за который он вытащит из гор и самого эбарга. Не даст же тот на поругание врагам своих женщин! Чтобы вызволить их, он, конечно, кинется в бой и сложит голову. Так думали и говорили жители аула. Осмелев, они понемногу стали выходить, взбираться на крыши башен, с которых были видны пленники князя, окруженные тройным кольцом солдат.

Наконец на террасе появился сам князь. Это был высокий холеный мужчина. Все пуговицы на его шинели, накинутой на плечи, блестели, как золото. Шашка была в серебре. Он внимательно посмотрел на женщин и спросил у старшей из них:

– Где твой муж? Переводчик перевел.

«Спрашивает, где Зяламх», – разнеслось по всем дворам, по крышам. И тотчас снова воцарилась тишина. Затаив дыхание, люди ждали ответа женщины, муж которой вот уже десять лет заставляет трепетать этих начальников и именем которого их жены пугают своих детей.

– Не знаю, – тихо ответила она. И это было сказано так обычно, как сказала бы любая женщина.

– Врешь! Где Залимхан? – повысил голос князь.

– Не знаю, – так же спокойно, как и в первый раз, ответила жена Зяламха.

– Где Залимхан? – вышел из себя и закричал Андроников.

Дети испугались, заплакали. Мать обернулась и велела им умолкнуть.

– Царем поставленный начальник должен быть умным человеком, – заговорила она, посмотрев на князя усталым взгля-

дом. – Как же он не понимает, что такой человек, как мой муж, сам не знает, где он будет! Вы же гоните его, как зверя. Я знаю, где он, когда видят его мои глаза. А когда не видят, вы должны знать. У вас тысячи глаз.

– Умница!.

– Хорошо сказала!.

– Чего он терзает ее! – тихо переговаривались люди.

Князь был взбешен ответом жены разбойника. Она позволила себе поучать его! Но кругом стояли младшие офицеры, солдаты, горцы, и он сделал вид, что не понял насмешки.

– Пусть она не боится и расскажет, где он. Мы возьмем его живым, – пообещал Андроников.

– Я не боюсь, – ответила женщина, и горькая усмешка скользнула по ее лицу. – Он не такой мужчина, которого вы можете взять живым. Я боюсь другого. Если он узнает, что вы взяли нас в плен, вам не избежать встречи с ним. Ведь у вас, наверно, тоже есть родные, дети. Вспомните о них. Не надо больше крови!

Народ видел: женщина говорила от души. Но князь только рассмеялся.

– Не думаешь ли ты, что мы собрались для того, чтоб убегать от твоего Залимхана? Мы пришли изловить его! Он трус и грязный убийца из-за угла! Вот мы забрали у него жену и детей. А где он, хваленый джигит? Завтра я его самого схвачу, как телушку!

Жена Зяламха побледнела, но потом впалые щеки ее вспыхнули румянцем. Каким жалким казался ей этот самонадеянный человек, который каждым словом своим сам себе рыл могилу. Она не сомневалась в том, что весь их разговор станет известен мужу. Ингуши увидят его, расскажут. И она ответила князю последний раз:

– Нет. Он не трус. Это ты, чтоб схватить нас, беззащитных женщин и этих младенцев, пришел сюда с тысячами солдат. А если б моему мужу понадобилась твоя жена, он сам, один, сумел бы забрать ее у тебя с постели! Я хочу дожить до завтрашнего дня, чтобы узнать: будешь ли ты так смеяться, когда нас поведут с этих гор!

– Мужское сердце!

– Жена достойна Зяламха! – с восторгом передавали друг другу горцы. А князь, круто повернувшись на каблуках, ушел в саклю. Пленников затолкали в сарай, заперли и приставили к ним караул. Ночь наступила тревожная. Тучи заволокли небо. Порой начинал порошить сухой снег, но его сметал ветер. Вокруг аула и далеко по Ассе до утра горели солдатские костры. Всю ночь на хуторах тревожно лаяли собаки.

Орци не находил себе места. Ни он, ни Иналук не ложились. К полуночи стало светлее. Где-то над тучами взошла луна. В саклях, где расположились офицеры, долго был виден свет, хлопали двери. Начальство праздновало победу. Орци, поставив у дверей заряженную винтовку, каждую минуту ждал возвращения Калоя, ждал перестрелки с ним. Но ночь прошла спокойно.

Утром лагерь поднялся, зашумел.

Приехал Чаборз. Он прошел прямо к князю Андроникову и рассказал ему, что в ущелье Ассы отряду не избежать засады. Это сообщили ему верные люди. Река и неприступные скалы сделают Зяламха неуязвимым, и он попытается отбить семью.

Чаборз предложил выйти с гор на Военно-Грузинскую дорогу через другое ущелье – Джайраховское.

Князь закурил, задумался. Он понимал, что этот старшина прав. Но старшина не знал, что при сложившихся обстоятельствах – после вчерашнего разговора с женой абрека в присутствии всего аула и офицеров, после обещаний, которые князь надавал генерал-губернатору, выступая в поход, после письменно отданного приказа о маршруте – начальник округа уже ничего не мог изменить, не рискуя навлечь на себя репутацию труса и насмешки товарищей по оружию. Нет. Не ему, князю, гвардейскому офицеру, отступать от слова.

И ровно в назначенный час он возглавил сводный отряд и вступил в Ассиновское ущелье.

Дул порывистый ветер. Недружелюбно шумела горная река.

Отряд двигался по узкой тропе бесконечной вереницей пеших и конных солдат. А скалы – слева и справа – таили загадочное молчание.

Чтобы нарушить тягостное безмолвие, командиры приказали солдатам петь. Но никакого пения не получилось. Люди шли цепочкой. Ревела река.

Начались мосты. Их на пути было тринадцать.

На втором мосту князя догнал поручик, которому было приказано взорвать башни аулов Нелх и Кек, где целый год ютилась семья Зяламха. Поручик рапортовал о выполнении приказа и добавил, что всех жителей этих сел, захваченных на месте, ведут под конвоем в конце отряда. Князь выслушал его и молча отдал честь.

«А может быть, старшину обманули? – думал он. – Может быть, умышленно хотели, чтоб мы пошли по другому ущелью, где действительно приготовлена засада? А я взял, да и не попался на эту уловку! В военном деле так: кто кого обхитрит!» Но от этой мысли его внутренне передернуло. «Тоже мне «военное дело»!

«Кампания»! Против кого? Против жалкого вора и казнокрада! Противничек!» – И он иронически улыбнулся.

Оглянувшись, начальник округа увидел цепочки солдат, женщин, детей Зелимхана, идущих под конвоем. «Зачем солдаты ведут их под ружьем? Куда они здесь денутся?!» – подумал он. Поручик саперной части шагал рядом с командиром сотни Дагестанского полка, весело улыбаясь и жестикулируя. Видно, он рассказывал о том, как уничтожил ингушские села.

Миновали третий мост. Небо над ущельем то открывалось, и тогда видна была его узкая синева, подобная морской лагуне, то заволакивалось косматыми тучами, которые цеплялись рваной бахромой за макушки гор и вершины чинар.

Когда, бодро пофыркивая, довольный утренней прохладой конь начальника вступил на четвертый мост, раздался выстрел. Князь запрокинулся и упал навзничь. Выстрелы гремели с обеих сторон. Никто не мог понять, сколько человек в засаде и от-

куда стреляют. Солдаты в панике метались, валились под пулями и палили наугад.

Начальник округа лежал убитый. Тяжело ранен был командир сотни дагестанцев. Убиты поручик, ингуш из милиции, казак, много всадников Дагестанского полка. Раненые стонали, взывая о помощи. Семья Зяламха сбилась в кучу. Плакали дети.

Стрельба стихла так же внезапно, как и началась. Непривычной показалась тишина. Вдруг жена Зяламха, лихорадочно перебегавшая глазами от одной скалы к другой, от одного дерева к другому, сквозь слезы увидела его. Зяламх стоял на горе, около острой каменной глыбы, и смотрел в ущелье. «Он смотрит на нас, на детей». Крик замер на ее губах. «Сейчас убьют.» – пронеслось в голове. Она была уверена, что и солдаты видят его. Суеверный ужас исказил лицо одного из них. Вот другой сдернул с головы шапку. Третий приподнял винтовку.

– Не трожь! – крикнул кто-то. И ни один солдат не выстрелил. Или они верили молве, что Залимхан заговорен? Или не хотели стрелять в человека, который никогда не причинял вреда простым людям.

Что это? Рядом с ним встал горец. Лицо в башлыке. Но какой он огромный! Словно горный дух. Горец тронул Зяламха за плечо. Еще мгновение – и они вместе исчезли в чаще леса, будто их и не было.

А может быть, действительно все это ей показалось? Женщина повернулась к жене Солтамурада и поняла, что Зяламх был, что он прощался с ними.

Заломленная папаха, коричневое от вечного ветра лицо, короткая борода, винтовка в опущенной руке и гордый взгляд, устремленный на дно ущелья. Это конец. Только это осталось теперь ей навсегда.

Абреки ушли. Семью Зяламха повели дальше. Вместе с ними повезли трупы. И трупов больше, чем пленных.

Вечером на дальней горе Зяламх прощался с друзьями с берегов Ассы.

– Женщинам они ничего не сделают, – говорил Калой, а Зяламх глядел вдаль, словно надеялся увидеть их за горизонтом. – А тебе следует уйти совсем в другую страну, раз ты не хочешь остаться с нами. Сейчас они кинутся за тобой, как никогда прежде. А народу нужно, чтоб ты был на воле. Ведь это дает людям силу держать поднятой голову.

Зяламх вздохнул:

– Понимаю. Десять лет я на воле. Десять лет дерусь. А круг сужается. Отца убили, братьев убили, жен, детей отняли. Один я остался да он, – Зяламх показал на своего пятнадцатилетнего брата. – Убьют и нас. Но до тех пор, пока я жив, они будут чувствовать, что им не все дозволено. Спасибо, Калой, тебе, твоим людям. Вы всегда были настоящими горцами. Сердце плачет, отрываясь от вас. Но вы дорого заплатили за дружбу со мной. Цорх, Эрш, Кек, Нелх взорваны, сожжены. Люди – в Сибири. Теперь грозят выслать вас всех. И у них хватит на это силы. Разве я могу оставаться здесь? Сегодня они ранили меня в сердце. Многим я отплатил. Но со многими счеты еще впереди! Моя доля такая. А тебя как старшего брата прошу: ты побереги себя! Мы не должны дать им возможность уничтожить всех нас. Ты подожди. Потерпи. Душа подсказывает мне: такие, как мы, еще понадобятся народу. – Он обнял Калоя. – Может, и не увидимся. Так я перед всемогущим Аллахом прощаю тебе все на этом и на том свете! И за все прошу у тебя прощения!

– За все прощаю. И сам прошу прощения, – ответил Калой. Он придержал стремя, пока друг его и гость садился на лошадь. Потом отдал его брату своего коня.

– Бери! От всего сердца!

Зяламх только покачал головой и поехал. Мальчик последовал за ним.

Долго двигались они по горе. А Калой со своими людьми стоял на вершине и смотрел им вслед, предчувствуя, что отважные харачоевцы покидают их навсегда.

Разные судьбы ждали их впереди.

Видел ли позже Калой Зяламха? Никто на это не смог бы ответить. Сам он молчал и жил, как все крестьяне-горцы, заботой о земле, о хлебе. И не было видно, чтобы его занимали другие дела.

Правда, иногда он уезжал из дому на несколько дней. Но это случалось редко, да и что удивительного! Ведь у Эги так много родни во всех плоскостных аулах.

Ровно через год после похода Андроникова, в том же месяце, когда ревет олень, пришла весть о том, что где-то в Чечне в стычке с войсками убит младший и последний брат Зяламха – тот самый мальчик, которому Калой подарил лошадь. А еще через два года – в месяц рогов – вернулся Калой из Владикавказа черный от душевной боли. Он привез газету, на которой был нарисован убитый Зяламх.

На это известие сбежался весь аул. Люди не могли поместиться в башне, и Калой вышел к ним на террасу. Впервые так много лиц глядело на него, так много людей ждало его слов. Говор стих. Казалось, все затаили дыхание. Калой поднял на молитву руки. Это был безмолвный ответ тем, кто еще сомневался. Вслед за ним подняли руки все.

Когда кончилась дуа, Калой вынес газету, повернул ее темным пятном изображения к людям и негромко сказал:

– Вот он.

Только те, кто находился рядом с ним, могли рассмотреть на этом снимке босого горца в черкеске, который лежал навзничь и держал в мертвой руке браунинг.

Газета пошла над головами людей.

– Со времен имама Шамиля, – заговорил Калой, – ни один человек по всей Дягистане* не причинил царской власти так много неприятностей, как он. Они сами выгнали его из дому, сделали эбаргом, возненавидели и сами убили! Убили всех его родных! Тысячи чеченцев и ингушей разорили и сослали на каторгу! Я видел, я встречал городских ингушей, которые говорили, что все беды на нас навлекал он. Теперь его нет. Теперь увидим: он ли был виной всему?

Из романа И. Базоркина «Из тьмы веков». Гл. седьмая. «Солдаты»

ЗЕЛИМХАН И ТУРЦИЯ

Когда человека загоняют в угол, когда в него стреляют из засады, он вынужден отстреливаться. У него нет времени на размышления. Если он замешкается, его убьют, а чтобы не допустить этого, он вынужден убивать сам. Такова суровая жизнь абрека.

У семьи Зелимхана нет своего хозяйства, нет крыши над головой. Они ютятся в затерявшихся в горах хуторах, ночуют у чабанов. Но и там приходилось часто перебираться из одного места в другое, чтобы не навлечь беду на этих гостеприимных людей. Нужно было еще одевать и обувать семью, обеспечивать ее едой. Ведь их доброжелатели, тайно принимавшие их у себя, тоже не были богачами. А тут еще и семьи, которых лишили кормильцев из-за него, Зелимхана. О них он тоже обязан был заботиться. Зелимхан и его товарищи нуждались в оружии, одежде, обуви, пропитании. У его соратников тоже были семьи. На все это нужны были деньги. Добровольно их никто не дает. Значит, деньги нужно было отбирать силой у тех, у кого они имелись.

Помимо всего этого была у Зелимхана и еще одна головная боль. Ему надоела эта волчья жизнь. Но он понимал, что здесь, в Чечне, жить ему не дадут. Абрек мечтал уехать с семьей в Турцию. После долгих размышлений Зелимхан стал готовиться к отъезду. Его друзья Шериповы и Мутушевы пообещали ему сделать во Владикавказе паспорт на имя какого-то кумыкского князя. Врач-татарин из Баку обещал перевести их в Иран и оттуда, через знакомого турка, – в Турцию. Но на дорогу и обустройство на месте нужны были деньги. Именно их отсутствие и помешало исполнению этого замысла.

Позже он радовался, что эта затея сорвалась. Примерно через год после этого ингуш Саламбек, верный товарищ Зелимхана, мужественный, благородный человек, сказал ему:

– Зелимхан, мы вместе около десяти лет. Каждый день, каждый час, каждую минуту мы плечом к плечу противостоим врагам. Я всегда считал тебя верным и надежным товарищем, ты

был мне ближе родного брата. Хотел, чтобы и ты относился ко мне так же. Думал, что между нами никогда не будет тайн. Ты мужественный, благородный, стойкий человек. Но ты допустил недостойную тебя оплошность. Оказывается, в тайне от нас ты собирался уехать с семьей в Турцию. Я понимаю, у тебя жена и пятеро малых детей, на тебе вдова брата с ребенком. О них некому заботиться, кроме тебя. Я знаю, что они, словно бездомные попрошайки, бродят по Чечне. Попади они в руки властей, их тут же сошлют в Сибирь. Я понимаю, как все это тебя мучает. Я знаю, что не ради себя ты замыслил отъезд в Турцию, это делалось ради спасения женщин и детей. Но ты совершил большую ошибку, не поделившись с нами своим замыслом. Мы же всегда были с тобой, с тобой вместе шли на смерть. Нас ведь тоже не пожалеет эта власть. У нас ведь тоже есть семьи, которые любят нас и которых любим мы. Неужели ты собирался бросить нас и убежать в Турцию?

Зелимхан попытался оправдаться.

– Саламбек, на моей шее действительно висят жена, пятеро детей, вдова брата и ее маленький сын. Единственный мужчина в нашем доме, не считая меня, – четырнадцатилетний Бийсолта. Он еще ребенок. Мои братья, отец, дяди и кузены убиты. Я бы не остался в Турции, даже если бы и уехал туда. Устроил бы семью и вернулся бы к вам. Чтобы разделить с вами все трудности этой жизни, чтобы умереть рядом с вами.

– Ты не должен был скрывать от нас, Зелимхан. Мы бы поняли.

– Я собирался сказать, когда подготовлю все к отъезду.

– Надо было поделиться с нами сразу же, как только задумал отъезд. Ты допустил недостойную тебя ошибку, Зелимхан.

Зелимхану за всю свою жизнь никогда не было так стыдно за себя, как в этот день. После этого разговора Зелимхан навсегда похоронил мысли о Турции. Похоронил надежды на свободу, на мирную жизнь.

Из романа Абузара Айдамирова «Буря» Глава XII. Месть

ВОСПОМИНАНИЯ О ЗЕЛИМХАНЕ
(отрывок)

Это было в апреле 1940 года. Шли школьные каникулы, и я отпросился у отца в гости к Шерипову Зоврбеку в Грозный. Он жил возле республиканского краеведческого музея. Чтобы развлечь, Зоврбек в свободный день повел меня туда. В музее мне больше всего понравились портрет Зелимхана в полный рост, на коне, смотрящего в бинокль; лежащее под портретом военное снаряжение, уздечка, переметные сумы, подковы, которые отмечали его путь и многие другие вещи. После этого прошло около двадцати лет – годы Великой Отечественной войны, годы несправедливого выселения чеченцев с родной земли, в течение которых я не мог вновь попасть в музей.

Вскоре после возвращения на родину и восстановления Чечено-Ингушской республики я снова пошел в музей. Однако там не было ни виденного мной портрета Зелимхана, ни его вещей. Отвечая на мой вопрос, работник музея сказал, что портрет Зелимхана и другие экспонаты были вывезены отсюда. Как бы то там ни было, но когда я в 1960 году снова пошел туда и спросил у завхоза, он ответил, что все вещи привезены из Грузии и хранятся на складе и что вопрос об их установке в музее еще не решен.

После этого мне очень захотелось узнать, кем же был Зелимхан, по какой причине и после восстановления республики его история замалчивается. В те годы я узнал, как почитали Зелимхана в нашей республике до 1944 года, до ее разрушения. Я узнал о том, что существовали колхоз в Шалинском районе и улица в Гудермесе, носившие имя Зелимхана, что про него был снят фильм, по радио звучали народные песни о нем: «Не забудут Зелимхана чечено-ингушские парни, не забудутся, Зелимхан, твои дела!».

Когда я расспрашивал об этом героическом человеке, от некоторых слышал: «Оставь ты Зелимхана, зачем тебе этот преступник?».

В то время (в 1961 г.) я спросил своего 75-летнего отца Бакарова Усмана, как же мне найти правду, ведь кое-кто называет Зелимхана преступником. Он сказал мне, что мы поедем на хутор Октябрьский к более чем столетнему старику, хорошо знавшему Зелимхана и который расскажет только правду. Кроме того, добавил отец, этот Саид просидел три года за то, что принимал Зелимхана и его семью.

В праздничные дни мая того же 1961 г. мы с отцом и махкетинцем Чолтаевым Магомедом поехали в гости к Гумхаджиеву Саиду. Старик плохо видел, мало двигался, но зато его хозяйка, крепкая старушка, была в добром здравии. После приветствий мой отец заговорил:

– Саид, говорят, что ты с семьей из-за Зелимхана провел три года в Сибири. О Зелимхане говорят, что это был неповторимый борец за свободу, другие называют его преступником. Я знаю, что ты говоришь только правду. Расскажи, что ты о нем знаешь.

Тогда Саид начал свой рассказ: «Это было во время зимних холодов. Зелимхану оставалось жить на свете только три года. Вечером я ухаживал за конем и быком, когда раздался крик:

– Саид, выйди во двор!

Я увидел двух лошадей и всадника. По пару, как туман поднимавшемуся над лошадьми, я понял, что всадник приехал не случайно. Открыв ворота и выйдя на улицу, я узнал Али, сына Заки из Харачоя. На мой вопрос: «Ты по делу?» – он ответил:

– Нет, меня прислали. Сегодня уже третий день, как Зелимхан сидит в горной пещере, окруженной тройным кольцом. Нет человека, который отважился бы подойти к ней. Царский генерал арестовал харачойских старшин. Среди них Абдулхажи, сын Киби, Зайпулла, сын Гонуки, хаджи Атабай, сын Алхаса и другие. А еще генерал узнал, что Зелимхан никому не доверяет так, как тебе. Поэтому, если ты не поедешь со мной в генеральскую крепость, тебя все равно поведут силой.

Я рассердился и сказал:

– Пусть онемеет язык у того, кто меня выдал!

Не заходя больше в дом, я сразу, прямо в рабочей одежде поехал в горы на приведенном всадником коне.

Когда, растолкав солдат, я подошел к генералу, сидевшему возле большого костра на окрашенной в темно-коричневый цвет бурке, он встал, протянул мне руку и начал говорить через стоявшего рядом переводчика:

– Я узнал, что находящийся у меня в кармане враг государя Зелимхан, кроме тебя, никому из харачоевцев не верит. Пойди сейчас в эту пещеру и расскажи ему про здешнюю обстановку; посмотри на тройное окружение пещеры и на те две бочки с нефтью (они готовились напустить в пещеру дым), вот у нас здесь отряд из тысячи человек, и я получил известия о том, что сегодня подойдет еще столько же. Когда все это расскажешь, предложи, чтобы этот твой знакомый выходил из пещеры, а то мы его разнесем на куски.

Ответить ему на это было нечего, но, чтобы односельчане поняли, что я догадался об их предательстве, я сказал генералу:

– И Зелимхан, и эти стоящие вокруг мои односельчане знают, что я не предам, даже если меня сравняют с камнями ущелий. Меня выдали либо для своего благополучия, либо для твоего блага. Ничего не поделаешь, я готов.

Сказав «Иди!», он толкнул меня в спину, но вдруг остановил нас и приказал переводчику вернуться.

– Пойди проведи его и покажи ему всю нашу силу, – с этим и отправил нас генерал.

Переводчик, показывая мне войско и его приготовления, от себя добавил:

– Они, как лису, задушат его дымом и вытащат оттуда. Скажи ему, что лучше выйти живым, – это зависит от тебя.

С криком «Зелимхан! Зелимхан!» – я с неохотой вошел в пещеру.

– Стой! Ты кто? – раздался оттуда голос.

– Это я, Саид, сын Гумахаджи, – отозвался я.

– Заходи, заходи, – он вышел мне навстречу, убрав лежавший поперек дороги сноп осоки, и обрадованно провел меня

вглубь пещеры. Там лежали сушеный курдюк, краюшка хлеба, немного воды в черепке, боевое снаряжение, черная бурка и деревянное полено вместо подушки. Зелимхан сказал, что я самый желанный гость и спросил, с чем я пришел.

– Да, Зелимхан, я принес такие радостные вести, что радостнее и не придумаешь. Сейчас пещера окружена тройным кольцом. Генерал говорит, что это кольцо он держит уже три дня. Меня подослали как самого доверенного, самого близкого к тебе человека. Перед пещерой стоят двое саней соломы и две бочки нефти. Кроме того, три человека из твоих врагов держат оружие наготове. Сегодня должен подоспеть еще один тысячный отряд солдат.

Зелимхан очень спокойно расспрашивал меня обо всем. В конце спросил, вырос ли Абаз и здоров ли он, здорова ли хозяйка. Можно было подумать, что я пришел к нему в гости. Я очень удивился этому железному спокойствию в таком сложном положении.

– Саид, – сказал он мне, – посоветуй мне, как поступить.

Я предложил Зелимхану выйти вместе со мной к ним. Он коротко ответил:

– Знаешь что, скажи этому генералу, пусть ко мне в пещеру принесут бумагу из Тифлиса с подписью и печатью верховного наместника. До прихода бумаги я буду оставаться здесь, а когда придет – выйду. Там должно быть дано обязательство выпустить из царского застенка людей, попавших туда из-за меня и моих товарищей. Кроме того, они должны привезти Указ об уравнивании прав богатых и бедных. Вот тогда и я, и мои товарищи готовы сделать то, что они скажут.

Когда это было передано генералу, он вышел из себя, приказал мне немедленно вернуться назад и сказать Зелимхану, которого он поймает, что он у него в кармане, или этот каменный обрыв взлетит на воздух.

Было очень хорошо видно, что в случае поимки Зелимхана живым, генерал стал бы большим начальником, и он очень на-

деялся на это. Кроме того, у него в мыслях были деньги, которые обещало государство за живого Зелимхана.

Я снова нехотя возвратился в пещеру. Сильно смягчая слова генерала, я сказал Зелимхану, что ему обещали дать лет пять, что его оставят в живых, что никакой силы к нему применяться не будет.

– А бумагу он даст? – спросил Зелимхан.

Когда я сказал, что не даст, но что генерал дает нам слово, Зелимхан отрезал:

– Этих слов мы много слышали, Саид, они все похожи на слово, которое голодный волк дает барану. Дальше можешь не говорить.

Потом Зелимхан засмеялся и сказал:

– Саид, знаешь что, скажи генералу, что даже если он приведет сюда всю царскую армию, он меня не поймает и пусть меня остерегается. Я трижды предупреждал офицера, который гонялся за мной до него: не трогай людей, много не болтай, а то убью. Он не послушался и пришлось его убить. Еще раз меня окружат – убью этого генерала.

Я снова обратился к Зелимхану с предложением:

– У меня и моих родственников найдется больше тысячи баранов, больше ста коров. Мы продадим их и сделаем так, чтобы тебе дали малый срок.

– Хорошо, Саид, – сказал он. – Ты будешь доволен, если я, не давая убить себя, уйду, сотворив утреннюю молитву, по пограничной зоне между нами и макажойцами? Выходя, я выстрелю два раза из кремневого ружья. Генералу известен этот звук. После него он не будет долго морозить этих всех людей и отпустит их. И еще. Виноват я или нет, но если там среди моих врагов находится Хаджи, то передай ему мои слова: «Хаджи, ты видишь этот день?». А с генералом я поговорю у него дома или постараюсь встретиться с ним на дороге, ведущей в Грузию.

Я его спросил, почему он так уверен, что ему удастся выполнить все это.

– Саид, как ты знаешь, я не шейх, – сказал Зелимхан, – вчера ночью, уверенный, что никто не знает, где я, пришел сюда и, сильно уставший, заснул. В сонном тумане передо мной возник мой отец Гушмазуко и сказал: «Сын, ты знаешь, что ты окружен? Ты не растерялся?». Мгновенно просыпаюсь, бегу к выходу из пещеры и четырежды стреляю из ружья. Против меня начался бой. Тут я понял: если теперь мое время подошло – делать нечего. Но раз уж умирать, то это надо делать достойно, иначе нашим детям будет стыдно перед людьми, – успокаивал меня Зелимхан.

– Зелимхан, я знаю, что после смерти отца и двух братьев, гибели лучших друзей ты всегда ускользаешь от нескольких отрядов, окружающих тебя. Но когда-нибудь ты попадешь в такое положение, как сейчас в пещере? – спросил я.

– В ночь, когда я, много ночей не спавший, проделал ход под стеной тюрьмы и бежал; в ночь, когда я остался в окруженном селе над Сунжей; в день, когда были убиты отец, братья, друзья; когда семью увозили из Ингушских гор, говоря, что ведут убивать; я не столько расстраивался, сколько тогда, когда в один день, проходя через Малхистойский лес, я не выполнил просьбу встретившейся мне по дороге плачущей женщины, – рассказывал он. – Попросив разрешения у товарищей, я быстро отправился в путь в Ингушетию проведать семью и встретил идущую под холодным ветром молодую женщину, которая плакала. Извинившись, она попросила, чтобы я попробовал отобрать ее малыша у спускавшихся по склону двух мужчин. Спуститься на лошади было невозможно, и я, отдав женщине поводья моего коня, пошел вниз по следам, видневшимся на снегу. На небольшой поляне я нагнал их. На мои слова отдать ребенка, один из них зло отозвался: «А тебе какое дело?». Когда я рассказал им о просьбе женщины, они остались безразличны. Я три раза повторил мою просьбу именем Аллаха. После этого я, с божьего позволения, сказал, что убью их обоих, если они не положат ребенка. Оба отнеслись к моим просьбам презрительно, и я не поверил своим глазам, когда один из них подбросил ребенка вверх,

как мяч, а другой разрубил его пополам. Потом они пустились наутек, но я обоих уложил на месте. Ничего и никогда меня не потрясло в жизни, как вид половинок ребенка, завернутого в полы бешмета в тот день, Саид, – закончил свой рассказ Зелимхан, отвечая на мой вопрос.

Зная о холоде и о том, что к костру подпускаются только офицеры, я не торопился выходить из пещеры.

Зелимхан, что бы он ни собирался делать, не торопил меня. За разговорами минула полночь и Зелимхан сказал:

– Саид, спасибо за то, что проведал меня, будь свободен, а я немного отдохну. Если генерал спросит, почему ты так задержался, скажешь, что я тебя не выпускал.

Я простился с Зелимханом и, признаюсь честно, не решился передать генералу угрозы Зелимхана.

– Живым он не сдастся, – сказал я генералу.

До рассвета оставалось немного, и все мы дрожали от холода. Я вспомнил о поручении Зелимхана относительно Хаджи. Подойдя к нему, я передал эти слова: «Хаджи, ты видишь этот день?». На что тот сказал: «Пойдем, ребята, это конец. Аллах тебе в помощь, Зелимхан», и ушел, уводя своих товарищей.

Перед рассветом около пещеры дважды громыхнула кремневка, ответные залпы солдат с грохотом покатились по склонам. Тут же из пещеры вывалился человек, и, натыкаясь на камни, покатился вниз по склону. Сполохи выстрелов осветили это.

– Ура-а! Бей! – завопил генерал.

Когда все стихло, генерал кинулся посмотреть на убитого абрека, но ему стало плохо и его понесли солдаты. Оказывается, солдаты палили по бурке Зелимхана, надетой на деревянный чурбан. Такой поворот дела успокоил многих привлеченных, видно было и удовлетворение солдат.

Вскоре привели в чувство генерала. Он громко, по-бабьи зарыдал, что было вполне понятно. Ведь торопимый наместником, он уже дал три телеграммы во Владикавказ, Тифлис и Петербург о том, что Зелимхан у него в руках. Теперь со всей ясностью предстали перед ним и понижение в чине, и последу-

ющая месть Зелихана. Правда, несмотря на ясные следы абрека, аварец-офицер Муртаз-Али и полковник Вербицкий по следам не пошли.

Меня обвинили в пособничестве Зелимхану и с семьей навсегда выслали в Сибирь. Однако, через три года после смерти Зелимхана нас вернули домой.

Помолчав, Саид продолжил:

– Но высылка в Сибирь и перенесенные тяготы не главное. Главным тогда было понимание правительством того, что его попытки оправдать нарушения приставов и старшин из местных будут встречать сопротивление Зелимхана, пока он жив. Я в этом уверен. Я хорошо помню один случай. На базаре в Грозном на женщин и стариков, торговавших всякой снедью, по приказу одного генерала был наведен пулемет (я покажу вам, как они подыхают!) и убито семнадцать человек. А вскоре поезд, на котором ехал этот генерал в Кизляр, был остановлен Зелимханом, и ровно семнадцать офицеров во главе с тем генералом остались лежать у железнодорожного полотна. Кроме того, я еще помню, как после побега Зелимхана из тюрьмы, уменьшилось насилие властей.

– Скажи, Саид, а Зелимхан выделялся в юности среди своих ровесников?

– спросил мой отец Усман.

– Это был очень воспитанный и вежливый юноша. В селе и малый, и старый говорили: «Что сказал Зелимхан, то справедливо». Ни с кем у него не было никаких недоразумений, пока не зависящие от него обстоятельства не привели его на путь абрека. Но подумай, все успехи Зелимхана на этом пути – подтверждение его правоты. Но глубокая вера человека не защитила его от людского коварства, – закончил Саид.

Это был первый из его рассказов о Зелимхане, записанных мной. Но еще многое рассказал нам Саид о делах и жизни Зелимхана.

М.У. Бакаров из книги «Воспоминания об абреке Зелимхане.»
Перевод О. Ясевича

НАПАДЕНИЕ ЗЕЛИМХАНА НА КИЗЛЯР

Дочь Зелимхана, Энисат, подчеркивала: «Люди говорят Зелимхан, Зелимхан, но если бы не оказалось достойных мужчин, под стать ему, то не было бы и самого Зелимхана.»

Прошел уже месяц, как Зелимхан с Аюбом не виделись. Сегодня они встретились недалеко от Харачоя, у обрыва горы, перед входом в пещеру, убежище Зелимхана. Само время преобразовало этот грот в подобие жилища. Обычно они встречались здесь, когда появлялась необходимость увидеться.

– Слушай, Аюб, в последняя время у меня было сильное желание увидеться с тобой. Как вздремну, передо мной тут же возникал твой образ. Случайно ли это? Не приключилось ли чего с тобой?

– Да, Зелимхан, по правде говоря, была у меня неприятность, – ответил Аюб серьезным тоном и заметно меняясь в лице.

– Что за неприятность? Почему же тогда ты до сих пор мне не говоришь ничего? Что случилось ?

– Ээ, Зелимхан, да ничего. Я мог бы и сам справиться , отомстить за такое. Но все же, не посоветовавшись с тобой, я не решился взяться за дело.

– Аюб, ради Бога, не тяни и говори прямо, что случилось, что за неприятности у тебя, – опять начал спрашивать Зелимхан.

Аюб не решался рассказать ему все, как есть. У него было письмо, адресованное Зелимхану. Неприятное письмо.Написанное, употребляя грязную, недостойную мужчины, лексику. Ему предстояло его читать, переводя с русского на чеченский язык. Считаясь с тем, что он моложе Зелимхана, он чувствовал себя неуютно перед ним. Из-за этой неловкости, он до сих пор ходил вокруг да около, был скован, не решаясь прямо говорить о письме.

– Хорошо, придется мне все же прочитать тебе его, – сказал он, доставая письмо и приготовился к его чтению.

– Вот это письмо мне и доставляет неприятность, Зелимхан. Состряпано оно, употребляя неприличные слова. Вот такие три письма, с оскорбительным содержанием, закинули к нам во двор, рассчитывая, что через меня они попадут к тебе.

Автором этого письма является Атаман Кизлярского карательного отряда Вербицкий, которого мы оба с тобой хорошо знаем. А подбрасывает их к нам во двор из наших кто-то, который у них на службе.

И не чужой, по моему. Если в нескольких словах, Зелимхан, атаман изъявляет желание встретиться с тобой и сразиться один на один. Говорит, если ты настоящий мужчина, ты должен назначить место встречи для поединка с ним и явиться туда…

Выдержав небольшую паузу, продолжил свой разговор:

– Вербицкий, как ты знаешь, грязная собака. Много зла он творит, нет людям от него покоя . Если это его письмо оставить без внимания, так он еще больше начнет вредить и народу будет не вздохнуть от него. Придется убрать эту собаку в скором времени, – на что он и напрашивается давно. Если ты позволишь, я готов хоть сегодня взяться за исполнение своего предложения.

– Ты сначала прочитай письмо, Аюб, – интересно, о чем говорит русский атаман. Потом подумаем и над твоим предложением.

Аюб, медленно развернув лист бумаги, начал читать, заметно дрожащим голосом, текст листовки, составленный печатным шрифтом.

«Слушай, Зелимхан!» – так начиналось письмо. Имя твое известно почти везде в России, хотя и не особо в чести оно. Ты убивал многих, прячась за кустарниками, за камнями, как ядовитая змея, которая боится, как бы ей не отдавили голову.

Теперь ты просишь пощады для себя. Ответ тебе один-твоя смерть! Но я знаю, что несмотря на все, чеченский народ тебя воспринимает как настоящего мужчину.

Я, подполковник Вербицкий, даю тебе шанс оставаться в их памяти таковым и смыть с себя позорное пятно.

Если ты достойный мужчин и носишь штаны, а не женские шаровары, ты должен принять мой вызов…»

– А ну, остановись, остановись здесь, Аюб. Что этим хочет сказать атаман, мне не совсем понятен смысл его слов. Объясни мне, что это значит?

– Да это, Зелимхан, он старается таким образом задеть тебя и вывести из себя, провоцируя неприятными словами, – дрожащим от волнения голосом отвечал Аюб, пытаясь как можно смягчить его смысл, делая вид, что он думает над переводом. И затем продолжил чтение письма.

Покачав головой, Зелимхан продолжал его слушать.

«Назначь мне время и укажи место поединка, если в тебе осталось хоть немного мужества. И назови количество людей, которое прибудет с тобой. Я приеду в любое условленное место, имея с собой столько же человек. Даю тебе слово русского офицера выполнить все твои условия поединка и сразиться честно.

Покажи, Зелимхан, – такими словами заканчивал свое письмо Вербицкий, – что ты мужчина, и вышел из достойного чеченского рода, а не трусливая баба. Ответь мне: подполковник Вербицкий, город Владикавказ.»

Дочитав письмо, смягчая смысл слов, опуская некоторые строки, медленно положив его обратно в сумку, повернувшись к Зелимхану, Аюб начал рассуждать:

– Зелимхан, этот человек, Вербицкий, давно напрашивается на конкретные действия с нашей стороны . Его следует отправить вслед за Добровольским и Галаевым, всадив пулю в лоб между глаз.

Это дело, с которым я сам легко справлюсь, как я уже говорил, только мне нужно твое одобрение. Я более свободен в передвижении, чем ты, чтоб пойти по пути его следования, – во первых, потому что я не так заметен среди людей, а во вторых, потому что я могу общаться с русскими на их языке.

– Скажи мне, что ты думаешь по этому поводу? – спросив, завершил свой разговор Аюб.

Задумавшись, опустив голову, Зелимхан долго не отвечал Аюбу. Затем, медленно пристав с места, сделав несколько шагов вперед, приблизившись к Аюбу и кладя руку на его плечо, чуть просиявши, ответил:

– Аюб, пусть Аллах будет тобой доволен! Имея такого друга, как ты, мне легче нести эту нелегкую ношу, которая выпала на мою долю. Я верю, что ты мог бы отправить на тот свет этого осла, по имени Вербицкий, скорее и легче, чем я. Но с другой стороны, пока не будем торопить события, действовать начнем только после того, как хорошо все обдумаем. «Быстрая река не дошла до океана » – говорили наши предки.

– А письмо это, все же, меня расстроило. Но придется пока подождать, не предпринимая никаких действий, Аюб.

Ответив Аюбу таким советом, Зелимхан, заложив руки за спину, поднялся на первую ступеньку у входа в свою пещеру, что служила ему пристанищем. Перед его взором, далеко внизу, простиралось его родное село, в котором он родился, где он жил – дорогое его сердцу село Харачой.

Кругом возвышались горы, где ему был знаком каждый выступ, где он знал каждую вершину и каждую лощину.

Глядя на эти родные горы, вспомнились ему прошедшие дни и годы,- время, когда пришлось ему покинуть свой очаг, свое село, расстаться со своими близкими и родными, лишившись жилища и хозяйства, скота, потерять близких, узнавать об отправляемых в ссылки, в разные дали из-за него, его родственников и односельчан , кто с ним поддерживал связь и помогал. Чего только не пришлось увидеть и пережить за эти последние 10 лет? Всего – с лихвой. !

Враги лишили подлостью братьев и отца (Солтамурад, Бийсолта и Гушмазука) неизвестно где, во глубине Сибири, находится его семья (Бица, Зезаг и дети).

Когда Зелимхан, оглядывая свое родное село и горные вершины вокруг, предавался самым невеселым мыслям, Аюб все также сидел, задумчиво, обхватив двумя руками голову, на том же камне, на который он присел, когда пришел.

– Ничего, Аюб, не расстраивайся, – сказал Зелимхан, опять усаживаясь рядом с ним на корточках. Мы придумаем, что делать с этим Вербицким. Мы заставим его пустить себе пулю в лоб, если он способен на такое , когда, униженный, будет доведен до этого .

Если же у него не хватит на то мужества, то и в этом случае не будет у него спокойной жизни. Люди будут указывать на него пальцами до самой его смерти, называя жалким именем трус. И под этим именем его запомнят его друзья и все его вышестоящие начальники. Таковым он и останется в памяти потомков.

Вот таким образом мы и отомстим, Аюб, Вербицкому за это письмо, в котором он сыпет угрозами и оскорблениями, в надежде отличиться перед властью. Но сегодня, вот в эту минуту, я не могу тебе сказать, каким образом у нас сложится это дело, чтоб отомстить за все его жестокости и исход был именно таким.

Не будем торопиться, я должен хорошо продумать все, чтобы все получилось, как задумано. И когда я приму окончательное решение, дам тебе знать о своих планах. В любом случае, недолго осталось Вербицкому хвастаться этим письмом.

– Как ты относишься к моему предложению? – вопросом заключил свою речь Зелимхан.

– Я понимаю тебя, Зелимхан. Чтобы все получилось так, как ты предлагаешь, необходимо все рассчитать и взвесить. Ты прав, Зелимхан. В любом случае, я готов к исполнению любого твоего решения, каким бы оно не было – соглашаясь с Зелимханом, заключил Аюб.

Прошло немного времени с тех пор, как письмо Вербицкого дошло до Зелимхана.

В то же время, в феврале 1910 года, начальник Веденского округа Каралов вызвал в свою канцелярию известного в Чечне богослова Бамат-Гири-Хаджи по поводу Зелимхана.

– Хаджи, наш сегоднешний разговор состоится по поручению администрации Терской области. Среди нас нет посторонних, чтобы наш разговор мог превратиться в ненужные сплетни.

Этот – наш толмач, и он умеет держать язык за зубами.

Так начал полковник свою речь, еле заметным грузинским акцентом.

– Ты, как нам известно, располагаешь огромной силой. По крайней мере, достаточной, чтобы завоевать Чечню. Самое малое, 5-6 тысяч мюридов за тобой, которые разделяют твои взгляды и готовые за них отдать свои жизни. Действительно, это огромная сила, которой может гордиться человек, имеющий ее в своем подчинении. Но эта сила должна быть верна и покорна и властям. Какая же польза от нее, если до сих пор ничем она себя не проявила перед ней ? Вот в этом и обвиняют тебя власти, что ты не используешь своих мюридов для оказания содействия властям.

Попросив толмача неторопливо перевести все, что он говорил, встав со своего места, Коралов заходил по кабинету. Как бы демонстрируя Хаджи, самодовольный, свою новую полковничью форму, крепкое телосложение и стараясь подчеркнуть свое княжеское происхождение.

Когда толмач, закончив переводить, в ожидании ответа, уставился на него, Хаджи, который слушал его, облокотившись на свой посох, неторопливо повернувшись к нему, спросил:

– К чему полколиг хочет, чтобы я склонил своих мюридов? В чем меня обвиняют власти? – спроси его, пусть расскажет.

Полковник, принимая еще более строгий вид, опять начал говорить.

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю, Бамат-Гири-Хаджи.

Начальник Терской области Михеев не обошел ни одну мечеть и ни одного имама, не отослав им листовки по поводу Зелимхана.

В них генерал дает ясно понять Зелимхану, что пощады для него не будет. И предлагает ему, если он мужчина, сдаться добровольно. Содержание листовок надо правильно понимать: Зелимхан – вредитель, которого надо уничтожить, сдастся он

или нет. Поэтому генерал обратился к вам, ко всем известным богословам и мюридам, которые за вами, чтобы вы знали, что он преступник, который подлежит уничтожению.

И тому, кто приведет в исполнение этот призыв, властью объявлено большое денежное вознаграждение. Одно из таких писем, Хаджи, получил в свое время и ты. Но ни ты, и никто из твоих мюридов не предпринял никаких ощутимых действий, приняв во внимание данное обращение к вам.

Когда толмач, повторяя несколько раз, перевел все сказанное Кораловым, полковник смотрел на Хаджи, в ожидании его ответа.

Хаджи, медленно повернувшись к нему, начал медленно говорить:

– Вы хотите, чтобы богословы, муллы уничижали Зелимхана, оскорбляли его, чтобы люди разочаровывались в нем и отходили от него, вызывали к нему ненависть у людей.

Уверять их, что он враг, и что отношение к этому врагу должно быть беспощадным. Попросту говоря, уничтожить его, чтобы он вам не мешал… Так ли это надо понимать, полколиг?

– Совершенно верно!

– В таком случае, полколиг, я вынужден заявить и тебе, и генералу одну вещь, чтобы вы знали., – если я могу продолжать говорить?

– Можно, Хаджи !

– По этому поводу я вам вот что скажу… Я старый человек, можно сказать, одной ногой уже в могиле. Я не могу обещать, что в этом деле я вам окажу помощь. Если бы даже я и решился на это, то это было бы неправильно, – перед самым главным начальником.

Хаджи сделал паузу, и ждал, пока толмач спокойно переведет сказанное .

Как только толмач перевел, полковник быстро спросил у Хаджи:

– Какой еще начальник? Кто он такой и откуда?

– Это, полколиг, тот, кто там…, – ответил он, высоко поднимая свой посох вверх и указывая им на потолок, как будто Всевышний спустился на крышу и слышал их разговор.

– Я не ради забавы и шуток тебя привел в Ведено, Бамат-Гири-Хаджи, – вспылил полковник. – Я пригласил тебя для серьезного разговора по поводу абрека Зелимхана. Он каждый день убивает невинных людей, совершает преступления, и ты об этом знаешь. Этими его преступлениями по горло сыты и власть, и простые люди.

Поэтому к вам и обратился с письмами генерал, призывая отомстить коварному врагу за все его злодеяния. По твоему разговору выходит, что ты, как не принимал никаких усилий до сих пор, чтобы его уничтожить, так и не собираешься этого делать и далее.

До сегоднешнего дня я не понимал твои хитрости. Сегодня я все понял…Ты и сам не посодействуешь его уничтожению, и не собираешься призывать своих мюридов, чтобы они помогли в его поимке. Сам же, не скрывая, ты и подтвердаешь свой отказ в оказании нам помощи.

Но, до сегоднешнего дня, под разными предлогами, ты нас вводил в заблуждение. Якобы, для поимки Зелимхана болтался по селам один пустомеля, обходя все свадьбы и вечеринки, все траурные церемонии и мовлиды, на которых, бренча оружием, на самом деле, давал ему знак , в случае опасности. Что позволяло ему вовремя скрыться.

Пели песни, восхваляя его, делали зикры в честь него. Ты притворялся, чтобы усыпить нашу бдительность. Мы не собираемся больше с тобой церемониться, – сурово заключил полковник.

Опять, немного подумав, еще более строгим тоном, продолжил: теперь будем говорить по другому…

Я тебя предупреждаю, Бамат-Гири-Хаджи, нам придется выселить тебя отсюда. Отправить в ссылку со всем твоим семейством. Чтобы у тебя больше не было возможности общения с

Зелимханом. Данное решение принято вышестоящей властью, подлежит исполнению в ближайщее время.

Меня уполномочили известить тебя о мерах пресечения твоей деятельности. Меры в отношении тебя приняты начальством на самом верху, – на случай, если ты не согласишься с нашими предложениями.

Толмач с усердием перевел все заявленное полковником и ждал, что может ответить Хаджи.

– Что я вам могу сказать ? Всевышний не велит мне вступать с вами в спор.

Мне непозволительно противоречить вашему решению. Если мне Создателем предписано пройти через это испытание, мне придется смириться с высылкой в Сибирь, как бы тяжела ни была судьба ссыльного.

Можешь так и передать своим начальникам: семья моя, хоть сейчас, готова отправиться в ссылку, полколиг, – закончил Бамат-Гири-Хаджи, давая знать полковнику, что разговор на этом завершен и он не желает больше обсуждать данную тему.

На какое-то время наступила пауза, которую никто не нарушал. Каждый предавался своим размышлениям об итогах данной встречи.

Разговор переходил к завершающему этапу. Полковник, немного подумав, решил, что нежелательно расставаться с Бамат–Гири-Хаджи, так и не договорившись ни о чем. Он решил хотя бы оставить за собой возможность в будущем пойти на примирение с ним, и, уже более смягченным тоном, добавил:

– Бамат-Гири-Хаджи, ты очень умный человек, ты обладаешь глубокими религиозными знаниями. Я хочу дать тебе возможность еще раз обдумать и взвесить все хорошо.

Если ты передумаешь, ты можешь сразу нас об этом известить. В таком случае и мы изменим свое решение в отношении тебя. И о Сибири больше не будет упоминаний.

С особым усердием переводил толмач последние слова полковника, еще и от себя дополняя тем, что считал подходящим для данной ситуации.

– Зачем тебе, Хаджи, в твоем возрасте, тяготы Сибири? И твоей семье это ни к чему. Да и не перенесете вы голод и холод Сибири. Поручи кому-нибудь, из преданных тебе мюридов, уничтожить этого преступника, назначь им сумму, которой они останутся довольны, – уговаривал он.

Мысли Хаджи были далеки от этих советов. Чтобы не предать Зелимхана, он готов был сам на расстрел идти.

Слушая эти увещевания, его одолевали другие мысли. Он вспомнил недавнюю встречу с Зелимханом. Месяц назад он явился к нему за советом. Это было после того, когда Зелимхан получил письмо от Вербицкого.

Он пришел поделиться своими планами нападения на Кизлярский банк.

Хотел узнать мнение Хаджи, одобрит ли 1овда его решение.

– Не надо спешить. Пусть пройдет немного времени после письма. Предоставь Вербицкому время на раздумье: или он подумает, что ты не придал значения его письму и что оно останется без последствий, или решит, что у тебя не хватило мужества явиться на поединок с ним.

Потом, усыпив его бдение, можешь идти брать банк в Кизляр. Когда Вербицкий, мысленно уже откажется от возможности каких-либо действий с твоей стороны и на встречу уже не надеется.

Вот такой совет дал Хаджи тогда Зелимхану.

– Я думал над вашими словами, полколиг, – опять начал Хаджи, в ответ на последнее, заключительное предложение полковника, в надежде перевести разговор в другое русло.

Я вспомнил и о Зелимхане, вернее, об одном деле, которое держится в тайне от всех, но по которому он поделился со мной. Касалось оно Кизлярского банка. Он пришел ко мне поделиться планами нападения на Кизлярский банк. И хотел узнать мое мнение относительно своего решения.

Пока он не получив моего одобрения. Правда, я знаю, так или иначе, он готовится к этому рейду. Независимо, дам я на то добро, или нет. Это ясно, как Божий день…

Когда он намерен это совершить, я не знаю, об этом он мне не сообщил. Но я могу поинтересоваться у Зелимхана о времени нападения.

И как только смогу связаться с ним, дам ему на то разрешение. Подробности он сам объяснит вам в письме. Также он вас известит о дне, когда прибудет в Кизляр, и время назначит. Это – единственное, чем я мог бы помочь вам, чтобы не подвергать безвинных людей опасности. Ради их спасения от ссылки. Если вы на то согласны, конечно, – как бы задавая вопрос, завершил Хаджи свое предложение.

Полковника удивило столь внезапное откровение Хаджи и раскрытие тайного плана Зелимхана. Да и не ожидал он уже такого оборота.

«А что, вполне возможно, почему бы и нет, он на такое вполне способен. Взял же он Сунженскую железно-дорожную кассу», – сам с собою рассуждал полковник и задавался разными вопросами.

Довольный таким оборотом их разговора, он вновь пришел в себя от откровения Хаджи: «Дай-то Бог, чтобы он не раздумал и прибыл в Кизляр. После этого он бы не сунулся никогда ни в один банк », – подумал он про себя.

Но решил он завершить встречу, не выдавая свои мысли.

– Хорошо, Хаджи, я доложу сначала генералу о нашем разговоре.

Когда примем определенное решение, дадим тебе знать. Сейчас, как только лошади будут готовы, я попрошу проводить тебя,- так же, как я и привез тебя. Прости нас, что пришлось тебя потревожить. Как видишь, работа у нас такая.

Постараемся больше тебя не беспокоить. Здоровья тебе и будь свободен, – такими словами, кладя руки на плечи Хаджи и стараясь говорить как можно мягче, отправил он его к своему помощнику, в сопровождении переводчика.

Бамат-Гири-Хаджи прекрасно понимал, что ни полковник, ни его начальники не поверят его рассказу о намерениях Зелимхана.

Так на самом деле и получилось, что и начальники, и атаман во Владикавказе потеряли бдительность, как будто специально для успешного завершения задуманного Зелимханом. Генерал Михеев и не допускал, что абрек посмеет приблизиться к Вербицкому. И самому Вербицкому казалось, что Зелимхан избегает его, и не посмеет прийти на предлагаемую встречу для поединка.

Хаджи, предвидя такой неблагоприятный исход для атамана, как только приехал из Ведено, сразу послал за Зелимханом доверенного человека с просьбой придти к нему как можно скорее.

Зелимхан, не мешкая, через 2-3 дня поехал к 1овде, в Автуры, где он проживал. 1овда, после приветственных слов о здоровье, житье – бытье, кратко рассказал Зелимхану, что его вызывал начальник Веденского округа и о его серьезном предупреждении о возможных последствиях, и о том, что он расскрыл атаману «тайну », касательно решения Зелимхана ехать в Кизляр.

Чуть помедлив, добавил: как и грозился полколиг, тяготы Сибири мне не избежать. Мне суждено из-за тебя их перенести – на то воля Аллаха, с которой мы должны смириться, если даже я оттуда никогда не вернусь.

А ты, Зелимхан, если ты все еще настроен решительно относительно твоих планов, то с сегоднешнего дня должен начать готовиться тщательно к их осуществлению. Собери себе отряд молодцов из 60-70 человек, с обмундированием, схожим с формой внутренних войск Кизляра.

Также важно учесть следующее : вы должны знать город Кизляр, как свои пять пальцев. Какие дороги ведут в город, расположение улиц, на каких улицах расположены жилые кварталы, на каких- государственные учреждения, какие части отряда атамана патрулируют по городу… Со всем этим вы должны ознакомиться заранее, или с вами должен быть доверенный человек, чтобы на месте вам помогал ориентироваться.

Река Терек тоже может представлять опасность, если не знать удобные для брода места. Их необходимо определить за-

ранее. Чтобы потом не пришлось сожалеть, если вдруг случится что-либо непредвиденное. Не забудь написать письмо Вербицкому за неделю до начала похода, как только у вас все приготовления закончатся. С указанием дня и времени вашего визита в банк.

Мыслями и сердцем я буду с вами. До тех пор, пока вы не возвратитесь домой. Дай Аллах вам удачи и благополучной дороги !

– Пусть Бог тебя вознаградит, спасибо тебе, 1овда. Твои советы очень полезны и пригодятся нам. Как ты верно заметил, я решительно настроен выполнить намеченное, – так начал Зелимхан, как только 1овда завершил свое напутствие. Правда, тебе достается от властей из-за меня, доставляют неприятности, угрожают. Но всеравно, они не могут склонить тебя примкнуть к ним.

Все это свидетельствует о твоем уважении ко мне и является лучшим доказательством одобрения моих действий. С другой стороны, я хотел бы добавить к сказанному еще вот что : если на самом деле, исходя из твоих советов, я делаю правильные выводы, я бы хотел, чтобы в их подтверждение, ты разрешил своему сыну, Али, пойти вместе с нами в Кизляр. Если, конечно, ты не возражаешь…

1овда, как ужаленный, резко повернулся к нему и внимательно посмотрел на Зелим-хана. Он видел на горящем лице глаза, полные мужества, чуть заметной косцой левого глаза, внимательно смотрящие на него. Казалось, в них сквозит еле заметный оттенок недоверия.

Не спеша, 1овда заговорил :

– Я понимаю, о чем ты думаешь, что ты пытаешься выяснить, Зелимхан.

Тому, что ты желаешь определить для себя, есть название: доверие оно называется. да, это называется доверие. Ты вправе сомневаться, можно ли мне верить, не пришел ли я, сговорившись в Ведено с властями против тебя. Вот что ты можешь предполагать.

Но ты можешь быть спокоен. Перед Всевышним я должен предстать с чистой совестью. Если ты веришь самому себе, ты можешь доверять и мне, Зелимхан. До самого последнего дня твоей жизни.

Если ты желаешь, конечно, ты можешь взять с собой и Али. Я даю свое согласие. Пусть он тоже будет с тобой в твоем отряде.

Время летело незаметно. В горах растаял снег, который мел всю зиму. Зелимхан старался завершить подготовку отряда к походу до того, как Терек разольется в берегах. Но задача была не из легких : собрать отряд из самых достойных удальцов, которые осознанно соглашались идти с ним в само осиное гнездо.

Зелимхан радовался, когда находил кого-то, у кого оказывалась вся необходимая экипировка и имелось все обмундирование. Но это случалось так редко. У одного не оказывалось хорошей лошади, у другого-снаряжения к лошади, у третьего – не было одежды и обмундирования. Если было все это, то не хватало оружия. Чтобы организовать отряд должным образом, уходило много времени. Не осталось ни одно селение в Чечне и в Ингушетии, куда бы они ни обратились в поисках экипироовки отряда. Везде у Зелимхана были верные друзья и помощники, которые активно помогали в подготовке к походу: Аюб, Саламбек, Али, Алимха, Зелимхан из Гелдигена, племянник, сын сестры, Бетирсолта.

Так, за подготовкой к походу без устали, подошел первый весенний месяц март.

В один из дней, на равнине за Гумсом, собрал Зелимхан свой отряд, состоящий из отборных, лучших из лучших, молодцов отовсюду.

Когда все были в сборе, Зелимхан обратился к отряду с краткой речью:

– Дорогие друзья, – начал он свое обращение. Не думайте, что я веду вас на прибыльное для меня дело. Я никогда вас не собирал с этой целью. И не ради личной славы я собрался ограбить Кизлярский банк, – чтобы это тоже вы знали.

Определенно могу вам сказать одно: кто рассчитывает нажиться на этом походе или завоевать личную славу, может с нами не ехать, остаться дома.

Помедлив немного, добавил:

– Мы идем, чтобы вернуть силой то, что у нашего народа Вербицкий отнял насильно. Чтобы впредь, в будущем, он не угнетал бедный народ и не разорял наши села. Эта операция – месть ему за все его злодеяния. Чтобы Вербицкий знал, что мы-не малодушные трусы и ему нас не устрашить.

Да пусть поможет нам в этом Аллах!

Завершив свое обращение к отряду, он разделил его на три части по 15 человек, ставя во главе каждой группы своих лучших, проверенных друзей: Аюба, Али и Саламбека.

Все три группы, с небольшим интервалом между ними, двинулись в путь. Следуя мимо Азамат-села, подальше от людских глаз, с намерением прибыть в Кизляр. Отправив все три группы раньше, сам Зелимхан, верхом на своем сером коне, вооруженный до зубов, отправился вслед за ними, время от времени натягивая узду и пришпорывая своего коня.

Письмо Вербицкому он отправил за неделю до похода. Продиктовал его Аюбу.

Не довольствуясь одним письмом, он вслед отправил еще два: одно – генералу Михееву во Владикавказ, другое – Каралову в Ведено.

Все три письма были одного содержания: «Эй, ты, сволочь, атаман Вербицкий. Ты убедишься в следующий четверг в 10 часов, что было бы лучше, если бы ты вместо погон носил женские одежды. В это время я буду собирать деньги в Кизлярском банке, который ты охраняешь. Жди меня, баба атаман, когда я прибуду в Кизляр. И если ты не трусливая баба, попробуй мне помешать брать банк. Кто из нас достоин носить мужские штаны, разберемся там, на месте. Я еду.

Написано по велению Зелимхана, сына Гушмазуко, сына Бахо. Абрек Харачоевский.

Подтверждено печатью правления Андреевского сельского совета Хасав- юртовского округа ».

Такого же содержания он велел написать еще несколько писем и другим государственным чиновникам. Об этих письмах вспомнил Зелимхан, между разными мыслями по дороге в Кизляр.

– Смог ли Аюб все в них ясно изложить, успеют ли они прибыть в назначенное время, думал он.

Передвигаться днем группе всадников было сложнее по отдельным участкам дороги. В пути встречались завалы и кусты, которые предназначались для защиты от паводка Терека. А ночью, выходя на равнину, получалось пройти большую часть дороги, оставляя позади кумыкские и ногайские села.

На рассвете всадники прибыли к устью реки Терек в камышовую рощу. Здесь были заранее намеченные Зелимханом места, удобные для брода.

Переждав немного, пока кони паслись и посовещавшись между собой, с Зелимханом во главе, они, один за другим, вошли в Терек. Без особых затруднений перешли реку и подошли к окраине Кизляра.

Перед тем, как войти в город, на окраине его, подальше от посторонних глаз, они решили немного отдохнуть, заодно напоить и накормить лошадей. Еще раз переговорить все детали плана и распределить между собой зоны ответственности при проведении операции.

Саламбека, с одним- двумя товарищами, поставили на пост, чтобы понаблюдать за путниками на дороге. Он сидел, задумчиво глядя вдаль. Его товарищи, ослабив поводья коней, привязывали их к кустам неподалеку.

Аюб с Али стояли в стороне, вели беседу и казалось, о чем-то спорят. Зелимхан, заметив их, подозвал к себе, и обратился шутливо к Али:

– Если бы ты находился сейчас на вечеринке, стоял бы, любуясь сидящими перед тобой Гехинскими красавицами, ловя их восторженные взгляды и замечая, как стоящие за тобой молодые люди, указывая на тебя, шепчутся «Вот он, сын Устаза…»

я знаю, что чувствовал бы ты себя превосходно, Али. Но, интересно, как ты чувствуешь себя сейчас?

– Это ничего не меняет… И сегодня мы убедимся в этом, Зелимхан, – ответил Али, чуть улыбнувшись, с пониманием относясь к шутке Зелимхана.

– Да, убедимся сегодня. Сегодня мы покажем этому Вербицкому, на что мы способны. Докажем, что нас ему не устрашить. Ничего, не переживай, Али, и ты, Аюб… Все завершится хорошо!

Немного погодя, Саламбек подходил к ним, ведя впереди себя двух мужиков и одного армянина, которые шли в Кизляр по своим делам.

– Они говорят, Зелимхан, что дороги свободны и они не охраняются нигде. В самом Кизляре тоже незаметно охраны. Они утверждают, что везде все спокойно, ничего подозрительного не наблюдалось и ни о каких непредвиденных действиях слухов не было.

– Что с ними делать, Зелимхан?

– Что делать? Они- люди мирные, пусть идут своей дорогой. Только предупреди их, чтобы язык свой держали за зубами. Они никого не видели и не слышали. Скажи, что так должно быть.

Предупреди, что речь идет о секретном деле государственной важности. Потом отпусти их, мягко извинившись.

Как только Саламбек скрылся, сопровождая путников, Аюб предложил:

– Сейчас, не мешкая, пока не началось утреннее движение и нет охраны Вербицкого, надо бы нам прибыть в Кизляр.

– Нет,- возразил Зелимхан, еще рано. Как только мы приблизимся к банку, начнется перестрелка, будут жертвы с двух сторон. Отовсюду охрана всполошится, придется вести бой. Тогда возможны потери с нашей стороны и у нас может ничего не получиться со взятием банка.

Мы войдем только после начала рабочего дня, когда все уже будут сидеть на своих рабочих местах. И в самый разгар работы мы войдем в город, затем пойдем в банк и там постараемся сде-

лать все так, как и наметили- провести операцию без единого выстрела.

Вы меня поняли, друзья мои? Если поняли, ну-ка, давайте, начинайте готовиться, погладьте коней, расчешите им гривы, соберите снаряжение, подтянитесь…

Солнце уже поднялось высоко, когда отряды Зелимхана входили в город по главной улице Кизляра, на ходу расставляя свою охрану по перекресткам : въездам и выездам, которые вели от главной дороги.

Зелимхан ехал впереди на своем сером коне, с винтовкой за плечом, готовый в любой момент взяться за нее. Он заметно выделялся, в хорошо сидевшей на нем каракулевой шапке и в черкеске с желтыми офицерскими погонами.

Все три отряда, сохраняя расстояние друг от друга, один за другим вошли в центр города. Последние два отряда Аюб оставил наблюдать за дорогами, ведущими к банку.

Саламбек со своим отрядом окружил банк. Затем подошел Зелимхан, в сопровождении пяти своих товарищей, плотного телосложения. Им Зелимхан приказал тихо, без шума убрать двух охранников в дверях.

Охранники не успели ничего и понять, как товарищи Саламбека их убрали с дороги. Затем Зелимхан быстро установил в банке свой порядок. Всем работникам банка он приказал собраться в зале, с поднятыми вверх руками. Среди них отобрал работников, у кого были ключи от сейфов с деньгами и заставил их самих открывать сейфы, доставая оттуда деньги. Сами же и сортировали их по крупным и мелким купюрам. Аюб и Али забирали полные упаковки с деньгами и быстро расскла-дывали их по хурджинам на конях.

В течение часа, завершив все дела в банке, абреки вышли из банка. В банке остался только Саламбек с тремя – четырьмя товарищами. Они развели работников банка, отделяя друг от друга, по разным кабинетам и закрывали их на ключи, снимая с их брюк ремни, доставляя тем самым неудобства для мужчин.

Вот так вот закончились нападение Зелимхана на Кизляр и месть Вербицкому : вошли в город, ограбили банк и сумели

уйти от погони, как и задумали, без единой царапины, унося приличную сумму денег из банка.

На этом можно было бы завершить мое повествование, если бы не оставались две вещи невыясненными. Поэтому я немного еще продолжу свой рассказ.

До сих пор находятся люди, которые сомневаются в том, что Зелимхан написал письмо Вербицкому с предупреждением, что он едет грабить Кизлярский банк.

И мы не вправе никого осуждать за подобные мысли. Да и как можно осуждать?

Они имеют право так думать. Найдется ли хоть один вор, который стал бы предупреждать о предстоящем грабеже ? К тому же, если это он собирается его совершить? Нет, не найдется такой. Но почему Зелимхан написал такое письмо? Как его понимать?

Зелимхан был сыном своего народа. И в борьбе, которую он вел за справедливость, он находил всегда поддержку у своего народа. Так, прежде чем предпринять окончательное решение о нападении на Кизлярский банк, он советуется с Бамат-Гири-Хаджи.

«Прав ли я…? Может, не стоит так рисковать своей жизнью и жизнями людей, которые ему доверяют и поддерживают в этой борьбе…?» – эти раздумья его одолевали всегда.

Бамат-Гири-Хаджи одобрил его решение, и более того, – дал согласие своему сыну, чтобы он примкнул к отряду Зелимхана во время рейда в Кизляр.

И Зелимхан советовался всегда, перед принятием важного решения, с умными людьми и в особенности, с алимами. Из их числа такие, как Чимирза–Хаджи, ингуш Батал-Хаджи, андиец Умар-Хаджи, Зака-Хаджи, Суайп-молла и Бамат-Гири-Хаджи, о котором мы ведем речь…

К ним он обращался многократно за советом и помощью, их он любил и уважал. Они ему так же не отказывали в совете и в предоставлении крова. Большинство из них пострадали от насилия властей из-за поддержки Зелимхану. Как мы говорили

в этом рассказе, Зелимхан и в самом деле написал письмо Вербицкому и предупредил о времени и месте приезда. Это письмо, как известно, Вербицкий получил своевременно.

А что он предпринял против Зелимхана? Ничего!

Одни считают, что не поверил он в задуманное Зелимханом. Думают, он просто не допускал, что Зелимхан посмеет прийти к нему на встречу. Может быть, было и так.

Для тех, кто склонен так думать, автор приводит письмо атамана казачьего войска Кизлярской области.

1910 год, 8 июня, номер 9975: « Ответственным за ограбление Кизлярского банка является атаман Кизлярского отдела, старшина войска Вербицкий: за неумение руководить во время нападения Зелимхана со своим отрядом на банк, считать виновным за их беспрепятственный уход. »

Дочь Зелимхана, когда она рассказывала о своем отце, всегда подчеркивала: « Люди говорят Зелимхан, Зелимхан.Но если бы не было таких же отважных мужчин, как он сам, которые его поддерживали и помогали, не было бы и Зелимхана ».

Да, были настоящие мужчины, которые не думали о своем благосостоянии и выгоде, а болели душой за свой народ и боролись за свободное будущее своего народа. Каждый из них выполнял, прежде всего, свой долг перед своим народом – и не ради своей личной выгоды или славы. И они не кричали громко о своих делах.

Как известно, дело, за которое борются одиночки, сегодня кажется трудным, но со временем оно облегчается для других их последователей.

Поэтому я считаю, что Зелимхана надо видеть, прежде всего, борцом за свободу своего народа, помимо того, что делать его героем устного народного творчества.

Как и обещал Зелимхан Аюбу, и в самом деле, он довел Вербицкого до состояния, когда готов был пустить себе пулю в лоб.

(С- А. Гацаев. Г-та «Даймох» от 2 октября 1991 г.)
Перевод на русский язык : К.Гацаева (Шапаева).

СМЕРТЬ ГЕРОЯ

Зелимхан в этом доме остался один, наедине со своими думами. Как он ни старался, мысли все время возвращались к семье. Ему хотелось увидеть Беци, Зезаг, детей. Он не видел их больше двух лет. Если бы он был здоров и если бы рядом были прежние верные товарищи, он вытащил бы семью, какие бы силы ее ни охраняли, и перевез бы в горы. Потом попытался бы уехать вместе с ними в Турцию. Но Зелимхан болен. А если бы и был здоров, рядом все равно нет прежних товарищей – Саламбека, Аюба, Абубакара, Усмана, Джабраила, многих-многих других.

Выйдя из дома Шахаба, Кибиров собрал свой отряд, сформированный из конников Дагестанского полка, и поспешил в хутор Йовмирзы. С отрядом шли старшина Шали Михаил Дослихов, его помощник Мурад Газимагомедов, тайные агенты властей из числа чеченцев. Дождь, густая грязь, темная ночь. Время от времени молния на миг освещала саклю, навес, стог сена, стога кукурузных снопов. Оставив лошадей в чаще, и, распределившись вокруг хутора, наступающие стали потихоньку пробираться к сакле со всех сторон. Скрываясь за деревьями и стогами, постепенно сужая кольцо окружения. Слишком приближаться к приюту абрека опасались. Они хорошо знали Зелимхана. Никто из них не хотел умирать.

Шедид бывал в сакле Йовмирзы. В комнате, где обычно живет семья хуторянина, есть окошко на чердак, которое закрывается крышкой из досок. Если снять с крыши несколько черепиц, пролезть на чердак и приподнять крышку, можно было застрелить Зелимхана, одновременно оставаясь в относительной безопасности. Если, конечно, абрек там. Шедид получил от Кибирова приказ пробраться к сакле. Ведь Кибиров, в конце концов, ничего не терял, даже если бы Зелимхан убил этого предателя-чеченца. Имей он такую возможность, поручик с удовольствием уничтожил бы всех чеченцев, не оставляя в живых никого. А Шедиду еще и заплатят, если харачоец действительно окажется в сакле. Если этот шакал и умрет, то только лишь ради себя и из-за самого себя.

Зелимхан находился в плену безрадостных дум, но слух его был чуток. Он слышал, даже если на улице передвигалась кошка. Услышав на чердаке тихие шаги, абрек внимательно прислушался. Не было сомнения, что по чердаку кто-то пробирался. Это не мог быть Йовмирза. Как может оказаться на чердаке ушедший в Шали Йовмирза? Даже будь он дома, что ему делать на крыше. Зелимхан посмотрел на проем в потолке. Крышка стала медленно подниматься. Зелимхан прицелился и выстрелил примерно туда, где могла оказаться рука того, кто наверху. Абрек вскочил, засунул револьвер в карман бешмета, накинул на шею патронташ, схватил винтовку и выскочил в темноту в одних носках, не тратя время на сапоги.

Пуля Зелимхана легко ранила руку Шедида. Зная, что абрек сразу же выскочит на улицу, он проворно соскочил на пол. Увидев бегущего за навес Зелимхана, Шедид, не обращая внимания на свою рану, выстрелил ему вдогонку. Но тот скрылся за навесом.

Пуля Шедида попала Зелимхану в плечо. Абрек рвался в чащу. Оттуда его встретили винтовочным огнем. Зелимхан стрелял в ту сторону, откуда раздавались вспышки. Он не мог бежать, ослабленный болезнью. Вдобавок, ноги вязли в мокром кукурузном поле. Шерстяные носки давно сползли с ног. В лицо бил дождь, застилая глаза. С трудом добравшись до стога, абрек присел на корточки. Идущий впереди дагестанских конников Кибиров выстрелом из револьвера ранил его в руку.

Из ран на руке и плече обильно текла кровь. С каждой минутой силы покидали Зелимхана. Не смотря на темноту, ему удалось разглядеть Кибирова. Собрав остатки сил, Зелимхан взял винтовку в здоровую руку, прицелился и выстрелил. Абрек увидел, как тот наклонился, схватившись обеими руками за живот, и уткнулся головой в землю. Вперед вышел другой офицер, это был дагестанец прапорщик Абдуллаев. У Зелимхана уже не было сил поднять винтовку. Абрек вытащил из кармана бешмета браунинг и стал стрелять из него, пока не кончились патроны.

Враги приближались со всех сторон. Зелимхан слышал, как они изредка переговаривались между собой на русском, чечен-

ском, аварском языках. Наступающие вели по стогу беспрерывный огонь. Зелимхан получил еще одну рану. Поняв, что это смертельные раны и что у него нет ни единого шанса на спасение, абрек начал читать Ясин. Зелимхан читал его до тех пор, пока не остановился язык. После этого он читал священный аят уже сердцем. Перед его глазами возникали образы деда Бахо, отца Гушмазы, братьев Хаси, Солтамурда и Бийсолты. Беци, Зезаг, детей. Верных товарищей, разделявших с ним тяготы и лишения долгих тринадцати лет.

Не прекращая огонь, враги подползли к стогу и остановились. Они боялись подниматься, хотя в них никто уже не стрелял. Самые смелые подползли еще ближе. Возле стога они увидели Зелимхана, который замер, склонившись над винтовкой. Они не верили Зелимхану. Боялись, что он притворяется мертвым, что абрек сейчас вскочит и начнет стрелять. На всякий случай вояки произвели по телу харачойца два-три винтовочных залпа. Зелимхан не сдвинулся с места. Лишь после этого они решились подойти к абреку, держа наготове оружие. Впереди шли Абдуллаев, Дослихов, Боршигов. В первую очередь они схватили винтовку и браунинг Зелимхана, валявшиеся рядом с ним. После этого двое перевернули труп на спину. Убедившись, что абрек мертв, убийцы издали победные крики. На русском, чеченском, аварском языках, поздравляя друг друга с победой.

Услышав эти крики, раненый Кибиров, которого двое казаков несли на руках, несмотря на сильную боль, сморщил лицо, скривил рот и еле заметно улыбнулся. Теперь он был спокоен. Если останется жив, он станет героем, если умрет от этих ран, имя его войдет в историю.

Известиям о смерти Зелимхана никто не верил. За последние два года печать не раз распространяла такие слухи. Столичные газеты «Русские ведомости», «Голос Москвы» и другие публиковали любую информацию о Зелимхане, даже не пытаясь проверить ее дос-товерность. Несколько раз они сообщали о смерти Зелимхана, о его побеге в Турцию. Поэтому нынешним сообщениям тоже мало кто верил. Одни, привыкшие к сплетням

прессы, стали недоверчивыми, другие просто не хотели верить в смерть своего героя, своего защитника. Поэтому когда труп Зелимхана привезли в Шали и выставили на базарной площади, туда потянулись люди со всех концов Чечни.

Пришел сюда и Овхад, по какому-то делу оказавшийся в этот день в Шали. Зелимхан лежал на старой камышовой циновке с подложенной под голову свернутой черкеской. Правая рука, полусогнутая в локте, лежала вдоль тела, левая покоилась на животе, ноги были чуть раздвинуты. Левая босая ступня лежала на боку, правая стояла пальцами вверх. На нем были бешмет из голубого сукна и синие брюки из сатина, черная каракулевая папаха лежала на земле рядом с головой. Худое лицо, впалые щеки, заострившийся нос. Небольшие залысины. Застывшие глаза. Давно не стриженные седеющие усы и борода.

По площади носился прибывший из Грозного фотограф, снимая своим аппаратом все и вся. Газеты заплатят ему за эти снимки большие деньги. Купят их и стоящие здесь люди, ведь они на всю жизнь запомнят этот день. Их дети и внуки с гордостью будут показывать фотографии отца, деда, позирующего рядом с убитым Зелимханом. В первую очередь у трупа сфотографировались участвовавшие в убийстве абрека казаки и дагестанцы. Многие надели специально для этого лучшие, украшенные всевозможными выкройками черкески, рубашки со стоячими воротниками. Бараньи и каракулевые папахи. Браво закручивали усы. К телу Зелимхана на опознание привели его давнего кровника Хаджи из Харачоя. На вопрос действительно ли это Зелимхан он ответил :

«Вам-вара х1ара, ишта вала кхоам болш къанаха вара-кха х1ара». И Хаджи заплакал.

Не задолго до кончины Зелимхан был отравлен, поэтому они смогли застать его больного на хуторе. Зелимхан был действительно человеком достойным, даже его кровники испытывали к нему чувство глубокого уважения.

А. Айдамиров Буря. Глава XXVII.

ЛОШАДЬ ЗЕЛИМХАНА

Было это в конце сентября 1980 года, когда я работал в 4-й городской больнице. Я спешил, опаздывая на прием в поликлинику. В хирургическом отделении в тот день было много операций и пришлось задержаться. Когда я поднялся на второй этаж, около моего кабинета было много людей. Извинившись, я хотел войти в хирургический кабинет, но вдруг мое внимание привлекла скромно сидевшая в углу около двери коридора старенькая женщина. Сгорбившись на стуле, она тихо нянчила свою больную руку. Я подошел, поздоровался и представился, старушка поднялась мне навстречу. «Что случилось бабушка?» – «Упала я, сынок, во дворе и порезала руку стеклом. Только что меня скорая привезла. Спасибо им!» – «Пойдемте в кабинет!» «Нет, люди здесь раньше подошли, неудобно».

Я с трудом уговорил ее войти в кабинет. Тут же мы заполнили карту, чтобы не посылать ее в регистратуру. Оказывается, она была долгожительницей – ей 93 года. Старушка была сильно угнетена: кто-то в очереди сказал, что в ее возрасте раны не заживают. Мы быстро отвели ее в операционную и под местным обезболиванием зашили рану. Когда сказал ей, что через неделю снимем швы и рана заживет, старушка очень обрадовалась. Она долго всех нас благодарила. Проводив до двери, я попросил ее приходить на перевязку в одно и то же время, чтобы не ждать. Даже при кратком знакомстве было ясно, что у нее для такого возраста прекрасная память, она активна, жива в общении, довольно быстро ходит.

Так, старушка часто приходила к нам, но никогда не входила в кабинет, пока не выйдет кто-нибудь и не заведет ее. Как-то, когда было мало больных, я спросил ее, помнит ли она стодневные бои в Грозном. Она не только помнила, но и, оказывается, помогала красным бойцам, а ее младший брат был участником этих боев.

Однажды, когда в последний раз пришла она ко мне на прием, она вдруг сказала: «А, знаете ли, доктор, каким справедливым и добрым был Зелимхан?». «Вы имеете в виду знаменитого абрека?» – удивился я. «Да, я лично была с ним знакома, и не будь его, мы с матерью и младшим братом, наверное, умерли бы с голоду. Я попросил ее рассказать об этом. И вот о чем она мне поведала:

«Я родом из станицы Воздвиженская, родилась в 1887 году в семье бедного казака Емельяна Коломейца. Отец мой погиб в Русско-японскую войну 1904 года. У матери нас было двое: я и младший брат, которому, когда погиб отец, было только 4 года. Чтобы как-то прожить, мы с матерью батрачили у богатых казаков. Случай этот произошел в конце мая 1911 года. У нас был маленький клочок земли за станицей, но пахать было не на чем. Все станичники давно закончили весенний сев, только мы с матерью остались. После долгих просьб сосед одолжил на один день старую клячу и никому не нужный, весь покореженный плуг. В поле кроме нас никого не было. К обеду мы почти ничего и не вспахали – лошадь еле передвигала ноги, а потом пошатнулась и упала в борозду. Мы пытались ее поднять, но она не вставала. От бессилия мать заплакала. Я тоже зарыдала.

Не помню сколько прошло времени, но вдали у дороги в сторону от нас ехал всадник в бурке с приводной лошадью. Вскоре он подъехал к нам и поздоровался. Он сидел на стройном карем коне. Из-за бурки выглядывала винтовка, весь подтянутый с задумчивым и внимательным взглядом. Рядом с его конем стояла высокая серая лошадь, перебирая ногами. Он поманил меня пальцем, передал повод серого коня и сказал: «Бери на здоровье!». Мать испугалась, запричитала: «В станице нас обвинят в воровстве, и пристав посадит в кутузку». Зелимхан, а это был он, сказал: «Передай, матушка, старшине, что тебе коня подарил сам Зелимхан, и горе ему и приставу, если они посмеют вас тро-

нуть! Зелимхан своих кунаков в обиду не дает». А затем, подъехав к матери, высыпал ей на руки монеты, говоря: «Бери, тебе нужней!».

Вечером, благополучно закончив пахоту, мы с матерью возвращались в станицу с двумя конями. Только мы пришли домой, прибежал казачий старшина и сразу уцепился за коня: «Где взяли, чей конь?». Мать рассказала, что лошадь им подарил знаменитый абрек Зелимхан, и точь-в-точь передала слова абрека. Староста заюлил, раскланялся, униженно просил не говорить Зелимхану ничего плохого о нем. Вскоре вся станица приходила смотреть подарок Зелимхана. После этого случая начальство нас не беспокоило, жизнь у нас пошла лучше. Конь оказался сильным и работящим. Зелимхан знал, что такое тяжелый крестьянский труд, знал долю бедняка и поэтому любил и ценил бедных людей. Он был добрый человек!».

Так закончила свой рассказ наша пациентка. Мы долго сидели молча, осенний день догорал, на глазах у старушки появились слезы, она тихо вздыхала, думая о своем. Тепло с нами попрощавшись, она ушла. После этого случая я ее, к сожалению, больше не видел. Тогда у меня и в мыслях не было написать об этом. А теперь меня надоумил товарищ, которому я рассказал об этом историческом факте.

А. Ацалаев

АБРЕК ЗЕЛИМХАН В ТВОРЧЕСТВЕ И. ЕФРЕМОВА

Гирин оказался за столом рядом с Бехоевым.

– Вы, может быть, родственник знаменитому Зелимхану, – спросил чеченца доктор, – прозывавшемуся «абрек Заур»?

– Как, вы знаете Зелим-хана?

– Случайно. Была хорошая книга осетинского писателя Дзахо Гатуева. По ней в двадцатых годах поставили фильм «Абрек

Заур». Я его смотрел мальчишкой. Неплохо бы сейчас заново поставить, романтики в нем больше, чем в самом современном приключенческом фильме. Насколько помню, отцом Зелим-хана и его брата Солтамурада был Гушмазуко, сын Бехо, следовательно, как в царское время писали фамилии горцев, -

Бехоев. А Зелим-хан носил фамилию Гушмазукаев.

– Все верно! – восторженно воскликнул чеченец. – Солтамурад Гушмазукаев – мой дед! Мы стали все Бехоевы уже при Советской власти.

– Да кто ж такой этот Зелим-хан? – спросил Андреев.

– Герой-одиночка, рыцарь, пытавшийся восстановить справедливость, сражаясь с жандармами и царскими чиновниками. Впрочем, так и подобало абреку, одиночному мстителю за попранную свободу или честь, – отвечал Гирин под одобрительные кивки Солтамурада.

– То есть вроде вас самого? – гулко расхохотался Андреев.

– Нет, аналогия здесь не годится, – серьезно ответил Гирин. – Если бы вы знали, сколько в биологии псевдонаучных «теорий», ложных гипотез, выдуманных шарлатанами и параноиками, иногда с блестящими способностями, тогда вы не судили бы строго людей, воздвигающих барьеры и фильтры в этих отраслях биологий и медицины. На Западе опубликованы тысячи книг с бредовыми теориями, завоевавшими среди невежественных людей миллионы последователей, фанатиков – иначе их трудно назвать. Даже когда наука устраивает очередной разгром какой-либо лженаучной школы, последователи продолжают держаться ее еще много лет. Непросто все это. Слишком сильна у людей жажда чуда, тяга к вере в какого-нибудь пророка. Теперь, когда все убедились в могуществе науки, пророки стали возникать на ее почве, а не на религиозной, как раньше.

– И вы не хотите стать таким пророком? – спросил Селезнев.

– Разумеется. Это было бы крахом всего дела моей жизни!

Отрывок из романа И.Ефремова «Лезвие бритвы»

НИЩИЙ
(Быль)

Журавли долго кружили в небе. Девушка смотрела, как птицы сбиваются в стаю и с надрывным курлыканьем улетают в направлении юга. Первые признаки надвигающейся зимы навевали грустные мысли. Неизвестно, сколько она еще простояла бы, погрузившись в свои размышления, пока не услышала свое имя: «Зарема! Зарема!». По голосу она сразу узнала свою сверстницу, соседку Марху – худенькую, подвижную девушку. Та стояла, приоткрыв плетеную калитку, не зная, войти во двор или повернуть обратно.

– Марха, что ты там стоишь, заходи, – позвала ее Зарема, пытаясь угадать, что привело подружку ни свет – ни заря.

– Доброе утро. Я тебя не разбудила? – поинтересовалась Марха. И, не дожидаясь ответа, начала тараторить.

– Ты знаешь, вчера я всю ночь не спала. К Абдурашиду приехали какие-то важные гости. Он сегодня в их честь устраивает синкъерам. Народу будет!.

Она округлила и без того большие глаза. И твой Муса тоже.

– Он не мой, – вдруг резко оживилась Зарема, которую начала раздражать болтовня незваной гостьи, – ты лучше сообщи эту новость Дагмаре. При виде этой жеро, он забывает свое имя.

Марха застыла от удивления. Всегда спокойная Зарема вела себя сегодня как-то по-другому.

– Вот-вот, назло Дагмаре и этому твоему Мусе.

– Он не мой, – опять сверкнула глазами Зарема.

– Да успокойся, я это так, к слову, сказала. Вот назло им как раз и пойдешь со мной на вечеринку и будешь танцевать, веселиться, с кем тебе захочется. Только так ты утрешь им нос. Ладно, мне пора. Да, одень то платье, в котором ты на свадьбе Хамзата была, оно тебе очень идет.

Хамзат – старший брат Мархи. Он женился месяц назад. Теперь он жил на краю села. Община выделила участок и помогла

построить дом. Марха всегда подчеркивала это обстоятельство, давая понять всем, что нет преград для замужества.

– Ну, давай, пока. Я еще должна предупредить Сациту, Та и Макку, – она прищурилась, как будто пытаясь еще кого то вспомнить, но неожиданно, за спиной Заремы, увидела, как из дому выходит ее мать, Хадижат. Разговаривать с ней, видимо не входило в ее планы, поэтому она, наскоро попрощавшись тут же исчезла.

– Зарема, с кем ты там болтаешь?

Голос матери вывел девушку из задумчивости.

– Это Марха забегала на минутку.

Двор Абдурашида был полон людей. Накрытые столы стояли под навесом. Двери и окна всех комнат были открыты настежь. Во всех комнатах толпились гости. Музыканты сидели на самых почетных местах, наравне со стариками. Прямо перед ними, обе стороны, были расставлены столы и стулья для молодежи. Это сделано было специально, чтобы оставить площадку для танцев. С торца, полукругом, стояли все кому не лень: одни -чтобы поглазеть на этот праздник, другие – потанцевать и завести знакомства.

Зарема стояла в плотном кругу подружек. Звуки гармони, движения в такт домбры; хлопанье ладоней, отбивающих ритм, который бьется в жилах каждого нохчи; короткие взгляды из под девичьих ресниц, горящие глаза юношей – эту атмосфа синкъерама знает каждый, кто хоть раз побывал на нем. Марха легко поддела локтем Зарему, кивая в сторону Мусы и Дагмары: смотри, мол. Те улыбались, делая друг другу толко им понятные немые знаки. Зарема невольно поймала себя мысли, что нехорошо «читать» такие сцены и была немного раздосадована, что стала невольным свидетелем этих знаков внимания со стороны бывшего ухажера. Вот такими же глазами Муса смотрел, до появления Дагмары, на нее. Она хорошо помнила этот взгляд. Теперь эти глаза смотрели на другую.

В них был восторг. Они светились счастьем. Зарема невольно отвела взгляд, в сердцах пожурила Марху за ее «бдительность»,

которая всегда замечала даже то, чего не следовало бы замечать. «Зачем я пришла на этот праздник? – задавала себе вопрос Зарема. – К чему все эти наряды.» Было досадно и горько сознавать никчемность собственных ожиданий. Она была готова тут же провалиться сквозь землю. Девушка собралась с духом, чтобы под благовидным предлогом уйти с этой вечеринки, но не знала, как это сделать и при этом остаться незамеченной. Ход ее мыслей прервала стоящая рядом Макка:

– Смотри – какой странный человек! Наверное, нищий. На нем такая грязная бурка.

И действительно, сквозь толпу шел в латаной бурке и такой же старой лохматой чабанской папахе, надвинутой до самых бровей, странный незнакомец. Перед ним все расступались, боясь испачкаться.

Поравнявшись с первыми рядами стоявших полукругом перед площадкой людей, он громко приветствовал гостей традиционным «салам алейкум» и тут же присел, не обращая ни на кого внимания и не дожидаясь ответа. Ему ответили вразнобой. Кто-то из вежливости даже привстал. И о нем тут же забыли.

Зарема, которая секунду назад была рада покинуть этот синкъерам, с каким-то необъяснимым любопытством стала наблюдать за незнакомцем. «Вот этот человек, как и я, никому здесь не нужен, – думала она. – Мы оба – лишние на этом празднике. Никто его не замечает и не обращает на него внимания только потому, что он беднее их. Если он выйдет в круг, я буду танцевать только с ним», – вдруг решила она -неожиданно для себя.

Мужчина сидел с отрешенным видом, иногда медленно обводя взглядом присутствующих. Девушки, боясь встретиться взглядом с нищим, старались не смотреть в его сторону. Одна Зарема ловила каждое движение незнакомца. И когда их глаза встретились, ее лицо слегка покрылось румянцем. В этих глазах было что-то завораживающее, это был взгляд мужчины, который знает цену жизни, цену любви и, главное, – цену себе. Она

это ощущала всем сердцем. И еще раз укрепилась в своем желании, «Нет. я не уйду отсюда, пока не станцую с ним, я буду танцевать только с ним», – повторяла она про себя, как заклинание.

Незнакомец медленно поднялся и этим невольно привлек к себе всеобщее внимание. Он так же медленно вошел в круг, движение ног фиксировали каждый такт домбры. В его пружинистой походке была грация молодого сильного молодого человека . Он еще раз обвел взглядом строй девушек, их глаза встретились.

Легким кивком мужчина пригласил Зарему на танец. Она вошла в круг, плавно скользя, словно не касаясь земли, и поплыла в танце. Незнакомец широко развел руки, затем, резко вскинув их, высоко поднял бурку над головой – и бросил ее под ноги Зареме. На нем была серая черкеска из отличного сукна, кинжал в серебряных ножнах с серебряной рукояткой. Две кобуры были пристегнуты к тонкому ремешку на поясе, на что больше всего обратили внимание все мужчины, а гости невольно переглянулись. Старейшины, которые до этого момента вели свои беседы, тоже переключили свое внимание на танцующих.

– Шире круг, – раздался голос одного из друзей Абдурашида. Обычно на таких праздниках друзья и родственники хозяина добровольно берут на себя обязанности следить за порядком, рассаживать гостей, предупреждают ссоры, одним словом, следят за тем, чтобы все было благопристойно. – Эта площадка мала для хороших танцоров, шире круг.

Дробь домбры, звучание гармони, выкрики «орса», «тох- тох».

Незнакомец умел вести свою партнершу, не сковывая ее движений. Он то вдруг внезапно вставал на ее пути и заставлял кружиться на месте, то резко брал ее руками «в кольцо», не касаясь даже ее платья, то, молниеносно развернувшись и оставив партнершу, в одно мгновение оказывался на другой стороне площадки, демонстрируя виртуозные движения перед старейшинами. Этот, своего рода, знак внимания и уважения

является неотъемлемой частью танцевального обряда, поэтому лица польщенных таким вниманием старцев тут же расплылись в улыбке. В танце каждый жест, каждое движение имеет свой смысл. Все в незнакомце выдавало хорошего танцора. За движениями ног и рук его не поспевали глаза. Один из гостей, сидевший на почетном месте, демонстративно громко позвал следящего за порядком:

– Ахмед! Пусть этот человек покажет свое право на ношение оружия, перед тем, как покинет нас.

В чей адрес была брошена реплика, поняли все. И все ждали реакции незнакомца. Он не заставил себя долго ждать: резким движением вытащил из кобуры пистолет и, не сбиваясь с ритма, сделал несколько выстрелов под ноги зарвавшегося гостя, который от неожиданности подпрыгнул, как ошпаренный, чем вызвал хохот окружающих.

Блюститель закона стоял в растерянности. Надеясь «сохранить лицо», он промямлил: «Покажи свои документы на оружие.»

Незнакомец сверкнул глазами. Он, почти вплотную, встал перед блюстителем. Вытащил обойму. Демонстративно опустил пистолет, другой рукой поднял обойму на уровне лица блюстителя закона.

– Вот документ на ношение оружия, – холодный взгляд его не предвещал ничего хорошего – этот взгляд мог остудить любого. – Но если тебе этого мало, – продолжал он между тем, – я абрек Зелимхан.

Последние слова гостя вызвали явное оживление среди присутствующих. Несколько человек, быстро растворившись в толпе, тут же спешно покинули помещение.

Земля поплыла под ногами Заремы. Она еле удержалась на ногах. Не желая быть причиной ссоры, она с ужасом ждала развязки, не зная, как ей поступить. Словно угадав ее мысли, Зелимхан резко повернулся к ней, легким кивком поблагодарил за

танец и, больше не обращая внимания на противника, который потерял дар речи от его последних слов, вежливо попрощался со всеми и пошел к двери, под громкие восторги присутствующих, которые почтительно расступились, давая дорогу знаменитому абреку.

Но вдруг Зелимхан замедлил шаг, еще раз обернулся и, обращаясь к Зареме, сказал:

– Да благословит тебя Аллах и да продлит Он твои годы.

Он ушел так же внезапно, как и пришел.

Глаза Заремы затуманила навернувшаяся слеза, теперь ее ничто не удерживало на этой вечеринке – ни подруги, ни Дагмара, ни Муса.

Леча Ясаев.

РОМАН ХОМИЧ И АБРЕК ЗЕЛИМХАН

Хомич Роман Яковлевич работал врачом Петровского или Дагестанского (не знаю как правильно), уезда. В Петровск-Дагестанский был переведен из Дербента. Его жена Елизавета Васильевна, в девичестве Колчина, не работала. Помогала мужу, когда он практиковал на дому.

С медицинским обслуживанием населения особенно в сельской местности было в то время очень плохо. По рассказам старшей сестры Валентины – Марии,Романа Яковлевича население любило.

Жили хорошо, в достатке. Ему часто приходилось выезжать в аулы, для оказания врачебной и медицинской помощи. В каждом ауле пребывал по несколько дней. Лечил больных, а их везде было много. Детям делал прививки. Принимали его везде с уважением. На проживание поселяли в семью с достатком, которые отводили ему спокойную и удобную комнату. По

окончании работ провожали с благодарностями до следующего аула.

За много лет объездил почти весь горный Дагестан и Чечню. Много раз по убедительным просьбам выезжал в аулы Чечни. Среди приезжавших к нему были и такие, которые заставляли немедленно садиться в повозку и выезжать неизвестно куда. Неповиноваться было нельзя, визитеры были строгие. Брал саквояж с инструментами и лекарствами, и его спешно увозили. Привозили, бывало, через несколько дней. Но никогда он не был расстроен или обижен неблагодарностью.

Однажды, ранней осенью, когда в горах установилась ровная погода, Роман Яковлевич с семьей выехал в один из горных аулов. Думал, пока будет обследовать и лечить больных, семья поживет в горах, подышит горным воздухом.

Через несколько дней приехали гонцы на лошадях и увезли его. Три дня отсутствовал, к вечеру привезли довольные наездники, с продуктами и подарками. Через две недели, когда вернулись домой в Петровск, он рассказал жене, что уже второй раз пришлось лечить мальчика родного брата Зелимхана Гушмазукаева, у которого была, как он сказал, внутренняя болезнь – то ли падучая, то ли лихорадка.

До этого он лечил и самого Зелимхана от последствий пулевого ранения. Кто удалял пулю, нарушил стерильность. Занес инфекцию. У Зелимхана началось осложнение, рана гноилась, поднялась большая температура. Роман Яковлевич почистил рану, промыл раствором, дал выпить лекарство, перевязал рану. Двое суток не отходил от него, спал в его комнате.

На третьи сутки Зелимхан уже стал ходить. Разрешил друзьям проводить доктора Хомича домой. Друзья Зелимхана дали по его указанию денег, посадили на лошадь, предварительно загрузив продуктами, и проводили до аула, из которого его забирали. Не знаю, до этого или после, но по рассказам матери и ее сестры, их отец неоднократно, по вызову

Зелимхана, оказывал медицинские услуги ему и его больному младшему брату.

Когда доктор Хомич находился в каком-нибудь ауле, сразу становилось известно в близлежащих аулах, от них приезжали аульчане и просили обязательно заехать к ним.

Однажды, находясь с семьей в каком-то ауле, ночью к дому подъехали верховые, о чем-то поговорили с хозяином по-чеченски (в этот раз остановились в чеченской семье), в комнату вошли три огромных чеченца в надвинутых на глаза барашковых папахах, одетых в черкески с очень длинными кинжалами на поясах. Сказали, чтобы мы спешно собирались в дорогу.

Роман Яковлевич было стал возражать, мол, куда на ночь глядя, но они на ломаном языке пытались сказать: приказ Зелимхана. Посадили всех в арбу и отправились в неизвестность. Один верховой скакал впереди, а двое по бокам, постоянно подхлестывая лошадь. Когда проезжали мимо близ дороги расположенных холмов, оттуда слышались гортанные возгласы, сопровождавшие отвечали по-чеченски: «Доктор Хомич едет, доктор Хомич едет».

Перед рассветом, вдали за горящими газовыми скважинами, показался Грозный. У Михаила Яковлевича была своя квартира в Грозном и Зелимхан о ней, видимо, знал. Верховые, остановились и сказали: «Вот Грозный, арба и лошадь ваши, десять дней в аулы нельзя ездить». Развернулись и ускакали обратно.

Мать моя о Зелимхане говорила всегда уважительно, почему-то жалела его. Видимо в благодарность за его отношение к ее отцу – доктору Хомичу. Георгий иногда говорил жене, шутя, что в ее характере присутствует абрекский дух Зелимхана.

Где-то в 50-х годах отец принес матери «подарок» фотографию с изображением убитого Зелимхана поручиком Кибировым. Последняя фотография твоего «крестного», – сказал он.

Из книги И.Г. Капканова «Годы и судьбы». Владикавказ. 2003 г.

РАССКАЗЫ ОТЦА О ЗЕЛИМХАНЕ

Отец мой – уроженец с. Шали, дальний потомок основателя Шали ИДАРЗИ из тайпа Эрсаной. Отец Вахид, сын Баснаки, долгие годы дружил с Зелимханом и его семьей. Зелимхан много раз бывал у Вахида, жил, отдыхая и набираясь сил после трудов ратных. Приходил он к отцу и со всей своей семьей, с женой и детьми.

О Зелимхане написано немало книг. Я хотел бы дополнить его историю, его жизнь маленькими штрихами из его жизни, рассказанными мне моим отцом.

Зелимхан вынужден был постоянно менять место своего пребывания. По его пятам ходили отряды по его поимке. Еще хуже, было много предателей, которые за большие деньги, обещанные царской властью, готовы были указать местопребывание Зелимхана. За ним охотились вооруженные отряды, которые днем и ночью находились в движении и поисках. Зелимхан часто менял место пребывания из осторожности, чтобы не подвергать опасности своих друзей и покровителей, которые предоставляли ему свой очаг, последний кусок чурека. Он отличался большой скромностью, культурой и своей неприхотливостью. Его любили, уважали в народной среде. Но он никогда не злоупотреблял гостеприимством своих друзей-спасителей.

В теплое время года Зелимхан жил в горах и лесах, много времени проводил под открытым небом. Он знал все горные и лесные тропы и быстро передвигался по ним. В горах были у него свои жилища, где он скрывался от преследования и уходил от карателей. За селом Агишты, в направлении Мехкеты, на полпути с правой стороны и по сей день виднеется пещера-жилище Зелимхана, откуда он не раз отстреливался и уходил от преследователей. После каждой встречи, уничтожив с десяток солдат, уходил целым и невредимым. Отец любил называть нам все места, где скрывался, жил его друг Зелимхан. Показывал его родовой дом в Харачое. Зелимхана спасали не только люди, но и горы, леса. Он был родным для всех чеченцев, был их гордостью, их славой, их защитником, спасителем.

Но Зелимхану не всегда было хорошо, не всегда его сопровождала удача! Нелегко было жить постоянно походной жизнью и содержать большую семью. Их не только надо было содержать, но и постоянно оберегать, так, чтобы не попали в руки царских ищеек. Все это осложняло и без того сложную жизнь Зелимхана.

Была холодная, сырая осень. Дул пронизывающий холодный ветер, кругом была грязь. Зелимхан пришел к отцу ближе к утру. Постучался рукояткой кнута в дверь, рассказывал отец. По стуку в дверь, говорил отец, я узнавал Зелимхана. Время он выбирал самое безопасное, глубокую ночь или раннее утро. Керосиновая лампа в доме была потушена, в комнате было темно. Лампу на ночь тушили. Спичек не было. Приходилось зажигать лампу угольком из печки.

Когда постучался Зелимхан, Вахид сказал ему:

– Сейчас, Зелимхан, зажгу лампу. – Отец взял лампу поднял фитиль, и, взяв щипцами уголек из печи, дул на него, пытаясь зажечь лампу. Видно все это заняло немного времени. Зелимхан, войдя в дом, держался у входа и переминался с ноги на ногу, чувствуя неловкость и скованность.

– Зелимхан, – сказал Вахид,- на улице грязь, непогода, а в комнате темно, чтобы ты уверенно чувствовал себя в этой обстановке, я задержался, пытаясь зажечь лампу, чтобы ты видел куда ступаешь и не чувствовал себя неловко.

После таких слов Зелимхан несколько ожил, зажглись, заблестели его глаза, он воспрял духом и сказал:

– Я, действительно в ту минуту, Вахид, допустил, что я людям приношу беспокойство, сомневался, думая «неужели я и в этот дом приношу нежелательные беспокойства». Я извиняюсь за минутное сомнение.

– Зелимхан, – сказал Вахид, принимая промокшие вещи от него, – ты никогда не будешь нежеланным в этом доме. Как ты мог допустить, что твой приход тяготит меня, нашу семью?

Они обнялись как обычно и стали располагаться на деревянных нарах. Мать, выйдя из другой комнаты и поприветствовав

Зелимхана, убрала обувь, вещи и быстро собралась разводить огонь, для приготовления пищи.

Отец был немало огорчен, заметив, что Зелимхан после последней встречи похудал. Щеки впали, глаза ушли глубоко в орбиты, осунулось лицо, нет той живости и задора. Одежда неловко обвисала. Отцу показалось, что он несколько сутулится. Оно так и было. Тяжело стало жить в последние годы, все ближе и ближе по пятам ходят царские ищейки. Были уже разговоры, что есть уже несколько семей, которые не прочь за обещанные 25 тысяч рублей золотом выдать местонахождение Зелимхана.

– По неофициальным данным таких людей хватает среди чеченцев,- сказал Зелимхан. – Многих я знаю в лицо, потому оберегаюсь и избегаю встречи с ними. Но как, Вахид, уберечься от тех, которых не знаешь и никогда не можешь ждать такого предательства.

– Кто действует открыто, тот не опасен, Зелимхан. Опасен тот, кто крутится перед тобой, прикидывается преданным, а сам заглядывает в карманы царских сыщиков. Вот от них надо беречься, держаться подальше,- сказал Вахид.

Вахид был искренним и самым близким и преданным другом Зелимхана. Зелимхан в этом не раз убеждался. Последние две зимы семья Зелимхана находилась у Вахида. Все это время они были спокойны. Зелимхан никогда не беспокоился за них. Они были одеты, обуты и никуда со двора не выходили за всю зиму.

Сам же Зелимхан приезжал и обращался за помощью к Вахиду, когда он оставался без денег, без хорошего коня. Отец всегда держал самых хороших коней. Плохой конь никогда не переступал ворота отца. Если случайно попадется, он его отдавал за бесценок или отдавал своим родственникам для их нужд.

И в этот раз Зелимхан был один и без коня. Отец знал, что ему нужен конь. А у него в конюшне был такой конь. Черный как ворон, пяти лет, высокий, стройный, с белой меткой на лбу. Конь – просто загляденье. Отец был рад подарить этого коня самому дорогому другу. Мать подала кушать лепешку, жареное

мясо, чай из душицы. Пока они ели, мать, порезав вяленое мясо, поставила кастрюлю на печку.

Зелимхан с отцом ели медленно и запивали чаем, оживленно разговаривали.

– Вахид, прослышал я, что во Владикавказ прибывает «Ц1ерпошт» – поезд с деньгами и с инженерами для строительства дорог в горах, – сказал Зелимхан.

Вахид понял Зелимхана с первого слова. А Зелимхан, делая вид, что не замечает мимику Вахида, продолжал свой рассказ.

– Многим людям, Вахид, я принес много хлопот и материальных убытков. Меня поддерживают, укрывают, рискуя собственным благополучием, принося подчас себе огромные убытки. Я говорю, Вахид, не о тебе. Я многим обязан.

– О чем ты говоришь, Зелимхан? Если кто тебе помогает, то не корысти ради, а ради оказания помощи самому достойному чеченцу, ради поддержки общего защитника народа, интересами которого, все эти годы в любую погоду, не зная сна и отдыха, рискуя жизнью, ты занимаешься. И помогают тебе не с расчетом, что ты все восстановишь, а оттого, чтобы на этом свете ты, а на том свете Аллах отблагодарил их и воздал по заслугам, – сказал Вахид.

– Так -то оно так, но мне не хочется бездействовать, принося ущерб и опасности нашим людям, и тянуть время, переходя от одной семьи к другой. Мне хочется раньше, чем погибну или умру, отблагодарить людей, оказывающих мне дорогую и опасную услугу. Потому, Вахид, я заикнулся о «ц1ерпоште», бронированном поезде.

– Да, но учти, Зелимхан, поезда, о которых ты говоришь, усиленно охраняются. Там регулярные, специально обученные отряды, которые попусту не рискуют, а действуют со знанием дела. Они вооружены современным оружием. Их бывает много. У тебя самый большой отряд собирается до десяти человек, это не сила для схватки с регулярной, обученной воинской охраной.

– Да, Вахид, все это верно. Но мой расчет, единственно, на внезапность, – произнес Зелимхан, очередной раз запивая еду

чаем. Зелимхан все глубже осмысливал свои предложения и высказываемые сомнения своего друга. Он знал, что друг его прав, прав стократ. Но Зелимхан эту операцию мысленно давно готовил и настроен был привести в исполнение. Он очень редко менял свои решения. Он их подробно и детально разрабатывал, когда его одолевали сомнения. Но эта операция была одна из самых сложных, которые ему приходилось планировать и исполнять. Многое здесь он не учитывал, да он и не мог учесть, ибо весьма смутно представлял, что такое на самом деле специально оборудованный вагон под перевозку денег и других ценностей. Это не фаэтон и не дилижанс. Это поезд, у которого высокая скорость, огромные возможности для охраны.

Трое суток Зелимхан и Вахид провели вместе. Ели вкусно, отдыхали, слушали чеченский музыкальный инструмент дечиг-пондур и илли, песни чеченских певцов, прославляющих героев и героику. А на дечиг-пондуре играл и пел самый близкий друг и однотейповец Вахида, 1аби. На четвертый день Зелимхан собрался ехать. Ему не терпелось сесть на красавца коня, приготовленного ему другом.

Конь, седло, сбруя были под стать седоку. Зелимхан на коне опять преобразился, воспрял духом, отдохнув, выглядел свежим, бодрым и подвижным. Зелимхан был Зелимханом. Разве мог другой мужчина с ним сравняться. Он был красавцем, высокого роста, широкоплеч, тонкая талия, огромные, с крупными пальцами длинные руки, богатырское сложение, острый взгляд, прямой чуть с горбинкой нос, симпатичные усы, коротко пострижена борода. В нем было все прекрасно, огромный кинжал на поясе, карабин с оптическим прицелом, с которым он никогда не расставался, всегда и всюду выручал его точностью попадания в сочетании с точностью зелимхановского глаза.

Зелимхан был красивым и мужественным человеком. Отец рассказывал, что от него так и веяло духом мужества. На него можно было часами смотреть и не наглядеться. Но Зе лимхан никогда ничем не кичился и не бахвалился. Это был скромный, отзывчивый человек. Он так любил свою семью, детей. Всегда

смотрел на них с сожалением за их образ жизни. У него не было ни постоянного места жительства, ни теплого очага, ни дома, ни двора, он вынужден был постоянно скитаться. Естественно, в таком положении, глядя на своих детей, Зелимхан грустно опускал голову и задумывался. В эти минуты, вспоминал отец, на него тяжело было смотреть без жалости и сочувствия.

Участь Зелимхана была не из легких и не из завидных. Он никогда не унывал и не плакался. Он был всегда бодр, весел и в глазах горел огонек, которым он готов был освещать путь всем обездоленным и обиженным, часто думал о людях, их заботах, готов был прийти им на помощь, был чутким и внимательным к людям.

В семидесятые годы прошлого века я был у дочери Зелимхана и, глядя на нее, вспоминал о рассказах отца. Сын ее, Гудаев, работал тогда управляющим «Сельхозтехники» в Ведено и не догадывался, почему я так стремился увидеть его мать, дочь Зелимхана. Чем больше я смотрел на нее, предо мной возникал образ ее отца. Она была высокого роста, стройная и красивая женщина. Вся в отца. Жаль, что я тогда перед нею не до конца открылся, ограничился рассказом, что я сын Вахида из Шали. Она тогда встала, подошла ко мне, посмотрела мне в глаза и сказала:

– Ничего отцовского, глаза, нос, лицо – все матери.

Она была права. Я похож был больше на мать, чем на отца. Она тогда вторично обняла меня и расспросила все о матери, сестрах, она помнила старшую сестру, а нас она не знала и не видела.

Я находился под впечатлением. Как будто увидел живого Зелимхана.

Мы отвлеклись от беседы Зелимхана и Вахида.

Они говорили о намерении Зелимхана напасть на почтовый поезд, который доставляет во Владикавказ деньги, ценные документы и инженеров-специалистов по строительству горных дорог.

Отец отговаривал его от такого мероприятия, а он, все-таки, поступил так, как планировал. На том самом лихом коне отец

отправил его в последний путь, после которого живым больше и не увидел. Куда держит путь, Зелимхан никогда никому не говорил, да и сказав куда едет, он тут же изменял маршрут и направлялся в другую сторону. Он и подковы коню в большинстве случаев, когда шел на операцию, заставлял подбивать наоборот, и это его много раз спасало. Создавал ложный след и направлял своих преследователей в противоположную сторону, а сам уходил от них в другую сторону. Он был загадочным и непредсказуемым человеком, но никогда и ни одним словом не обманывал, не бросал пустых слов на ветер. Он не говорил то, что не может выполнить, а сказав, выполнял. Зелимхан мог не спать сутками, не отдыхать и всегда был бодр и свеж.

Так долго и без устали говорил о Зелимхане отец. Он уважал и любил его, всегда поддерживал и помогал ему, с радостью дарил лучших коней, седлал ему коня, выбирая лучшее седло, лучшую сбрую, подавал как сюрприз красивый кнут. При удобных случаях пополнял ему боеприпасы, собирал еду в дорогу и всегда смотрел ему вслед.

В этот раз Зелимхан уехал, ничего конкретно не сказав о своем решении, не ответив на предостережения отца. Разве мог знать отец, что он своего друга видит в последний раз? Разве он мог допустить, что в расцвете лет он погибнет?!

Зелимхан собрал небольшой отряд и все же сделал попытку ограбить поезд, взять деньги и заложников, но она не увенчалась успехом. Погибли несколько его товарищей, кажется, отец мне говорил, что в той операции погибли его самые близкие друзья.

Зелимхан в этой схватке отделался ранением и после этого заболел. У него была болезнь, как рассказывал отец, связанная с желудком и кишечником.

Таким он попал к своему близкому другу в Цацан-Юрт и некоторое время находился там. Зелимхан, видать, был очень болен и спешил быстрее поправиться. Он был человеком скромным и, видимо, тяготился своим положением в гостях. Иначе он не мог поступить так опрометчиво, говорил мой отец. И затяжная болезнь его испугала. Так и только так объяснял он его поступок.

Отец слышал о неудачной операции Зелимхана в Осетии, но больше этого он знать не мог. Ведь тогда ни радио, ни телевидения не было, а газет и грамотных людей было ничтожно мало. А в селах и деревнях их почти не было.

Но что касается Зелимхана распространялось быстро и соответствовало действительности. Царские власти и службы на местах искажали факты, выдавая желаемое за действительное. Только по прошествии времени все становилось на свои места.

И на сей раз о Зелимхане и его походе в Осетию говорили столько и так разноречиво, что угадать правду было сложно.

Успокоила отца весть о том, что он жив и находится у своего друга в Цацан-Юрте. Отец знал его цацан-юртовского друга и успокоился на этом. Это был верный и надежный человек.

Но отца встревожила весть о том, что к нему в Цацан-Юрт приезжал посланник Б. с предложением переехать к ним, что они организуют ему лечение и прекратят преследование по кровной мести. Зелимханом, говорят, когда-то был убит эгишбатоевец. В эти дни Зелимхан прислал в Шали к своему другу Вахиду вестового.

Зелимхан сообщал, что прибыл посредник от Б., который обещает лечение у хороших врачей и помирить с кровником. Зелимхан спрашивал: можно ли верить им и ехать к ним в Шали?

Отец, хорошо знавший смысл и коварство таких обещаний, сказал посреднику:

– Передай Зелимхану, что ехать в Шали нельзя. Если ему необходимо лечение, пусть едет ко мне, я приведу ему врачей.

С таким ответом отец отослал вестового из Цацан-Юрта. Он переживал за состояние своего друга, за его легковерие и притупление бдительности.

А сам переживал за состояние своего друга, запрашивая о приглашениях в Шали.

Шали был близок к правительственным учреждениям, частям и отрядам, которые рыскали по всем местам в поисках следов Зелимхана.

Кроме всего прочего, за голову Зелимхана, за указание его местонахождения объявлена была огромная сумма золотом. Находились и такие, которые не прочь были заработать такие крупные деньги.

Отправив вестового, отец не на шутку встревожился. Многие люди тогда знали, что Зелимхан близкий друг Вахида, что он часто останавливается у него, а иногда подолгу живет. Местные власти знали, что он жил у Вахида со своей семьей. Но всегда узнавали после отъезда Зелимхана.

Отец опасался навести след на друга в Цацан-Юрте. Он ограничился тем, что направил туда своего племянника с наказом, чтобы Зелимхан не уходил никуда.

На этом все затихло. Отец считал, что вопрос решен. Но внезапно все возобновилось.

Опять приехал тот же вестовой и рассказал, что Б.-вы упорно настаивают на переезде Зелимхана к ним с теми же условиями.

Отец сказал гонцу:

– Ты не задерживаясь, уезжай и предупреди Зелимхана, чтобы он до моего приезда никуда не выезжал!?

Вестовой быстро уехал. Отец помолился, оседлал коня и следом выехал в Цацан-Юрт. Отец ехал и переживал, волновался за судьбу своего друга, знал, что зовут его в Шали не просто так, это был подлог, предательство, как же этого не понимает такой умный Зелимхан? Вахид приехал в Цацан-Юрт, но ни хозяина, ни Зелимхана не застал.

Тревога охватила Вахида, когда он на месте не застал Зелимхана. Какой просчет, какой промах, какой обман и вероломство свершилось!

Вахид не находил себе места и готов был сейчас на все, чтобы исправить положение. Но решение принял сам Зелимхан. Вахид не в силах был что-либо предпринять.

Вахид не вернулся домой. У него отпало всякое желание возвращаться, он плохо соображал и поехал к своему другу Хаде в

Гельдиген и там остался ночевать. В ту ночь отец и Хада не ложились спать, они до утра говорили о Зелимхане, о его ошибке с переездом в Шали.

Отец потерял всякий интерес к жизни. Только к половине второго дня он вернулся домой. Перед самым селом его осенила мысль попытаться найти Зелимхана в Шалях. Ему бы установить дом, в котором тот находится, дальше он сумеет его перевезти к себе.

А потом вспомнил, разве Б-вы привезли его, чтобы кто-нибудь вмешивался? Нет! Все это уже пустое дело.

Вахид приехал домой. У братьев спросил, что слышно о Зелимхане? Никто и ничего о нем не знал. На третий день заговорили о нем в Шалях и всей Чечне.

Зелимхана увезли прямо в лес на хутор, где у Б-ва был скот, загоны, земли. Жилье на хуторе состояло из примитивной, плетенной и обмазанной хижины, со смещенной крышей, крытой землей. Во дворе стояли суслоны кукурузной бадылки, копна сена, заготовленного для скота на зиму.

В ту ночь с хутора все ушли. Зелимхан остался один. Вернулись же за полночь с отрядом милиции и солдат в триста человек.

Зелимхан плохо спал, часто выходил. Он чувствовал что- то недоброе, неладное. Думал, обострилась болезнь, а потому частые позывы не давали уснуть. Его держала на ногах какая-то внутренняя тревога, предчувствие надвигающейся беды. Он тогда узнал, что на весь хутор остался один. В его комнате никого не было, в других хибарках тоже никого не было.

Абрек карабин, пистолет держал всегда готовыми. На месте был и кинжал, перевязанный поверх ночной сорочки. Тревога усиливалась, и лай собак, обрывки разговоров, слова в которых он не мог разобрать, привели его в чувство. Он вышел во двор и уже ясно видел людей, передвигавшихся в темноте.

Внезапный хлопок и пуля чиркнула рядом. Тогда Зелимхан присел. А затем прилег, но все было тихо. Никто не давал о себе

знать. Когда пауза затянулась, тот, кто сделал первый выстрел, полагая, что попал в цель, поднялся. Но не успел встать, как упал замертво, сраженный меткой пулей Зелимхана. В тот миг никто ничего не понял. За ним поднялись еще один, второй и оба легли на месте мертвыми. В них стрелял Зелимхан.

После этого была длинная, мучительная пауза. А дело приближалось к рассвету. До самого рассвета больше никто голову не поднимал.

Зелимхан лежал на сырой земле в холодную осеннюю погоду в одной нижней одежде. Он подумал, что эту паузу можно использовать для того, чтобы одеться и прихватить немного патронов. Но тут начался обстрел шквальным огнем. Зелимхану не дали поднять голову. Он не мог стрелять бесцельно, у него каждая пуля на счету. У противников было много боеприпасов.

Обстрел возобновился, но быстро прекратился. Зелимхан услышал команды на русском языке. Значит, скоро враги будут подниматься. По выстрелам он ориентировался откуда основной обстрел. Он покатился в противоположную сторону за суслон. Теперь уже удобнее было наблюдать за боем.

Раз-два выстрелы прошли без ответного огня, командиры думали, значит, он убит или тяжело ранен. Попытались подняться, как тут же раздались два хлопка, и еще двое легли замертво.

Солдаты стали интенсивно обстреливать суслон, и тут, видать, задела пуля плечо Зелимхану. Но это не означало конец схватки.

Бой продолжался еще несколько часов, силы были неравные. Зелимхан прежде чем пал, сам уложил замертво еще несколько человек. А потом крикнул:

– Есть ли среди убитых наши люди? Если есть, Аллах, да простит их! А в дальнейшем прошу не поднимать голову нашим людям во избежание греха. Пусть атаки ведут русские.

Но в Зелимхана стреляли и русские, и чеченцы-предатели, польстившиеся на царские деньги. Но один против трехсот бой-

цов не устоял!Отец рассказывал, что солдаты еще три часа стреляли после смерти Зелимхана, боялись подойти к нему.

Мертвого Зелимхана одели в черкеску, на голову нахлабучили папаху и все, кто желал, дотрагивался до его трупа.

В народе сохранилась эта фотография. Среди царских офицеров оказалось много смельчаков, пожелавших запечатлеть память у мертвого легендарного героя, защитника бедноты, известного абрека Кавказа Зелимхана Гушмазукаева.

Грозненская администрация, куда входил Шалинский округ, на похороны разрешила собраться только 300 человек. Услышав о смерти отважного народного заступника, проводить в последний путь своего легендарного сына пришли тысячи шалинцев и жителей других округов.

После этого мертвого Зелимхана привезли в Шали. Труп выдали шалинцам для захоронения.

В те тревожные дни осени 1913 года перестало биться мужественное сердце Зелимхана, который не один десяток лет тряс царских чиновников, представителей военной администрации Северного Кавказа, ни днем ни ночью не давая покоя бесчестным, коварным, трусливым царским приспешникам.

Он похоронен в Шалях, на кладбище, по дороге на Ведено. В ту ночь Зелимхан уложил десяток карателей. Благодарные потомки возвели памятник известному защитнику народа.Вечная память ему и слава!!!

Зелимхан был любимцем чеченского народа, его защитником. Тернист был много-трудный путь Зелимхана, могли быть и ошибки, но он был и остался защитником бедноты, униженных и оскорбленных, он до последнего дыхания остался верным своему народу.

Пусть Аллах воздаст ему по его заслугам!!!

Дала гечдойла хьуна, Зеламха!!! Октябрь 1982 г

М. Баснакаев. Из книги «Жизнь – многоводная река».
Элиста, 2006 г. (В сокращении)

ОСАДА ЗЕЛИМХАНА В ХАРАЧОЕ

Декабрьским холодным вечером у князя Коралова были в гостях поручик Константинов и подъесаул Агей Федюшкин. Отужинав, офицеры перебрались из гостиной в кабинет хозяина. Играли в карты, тянули сладковатый, добрый чихирь, болтали с княгиней Анной Алексеевной. Разговорились про Зелимхана. – Ушел, подлец, от Котиева, как ни искали следов даже не осталось, – рассказывал поручик. Княгиня тяжело вздыхала.

Федюшкин со злобой добавил: «Окружили его имя ореолом святости, гимназистки, стишки о нем пописывают. Земская почта открытки с портретами выпускает. Говорят что в то время как мы его разыскиваем, Зелимхан прогуливается по городам в офицерских погонах, участвует в карнавалах». Федюшкин по казачьей привычке хотел от возмущения сплюнуть на расстеленный, на полу большой персидский ковер, но вовремя спохватился и продолжал: «А он же, Зелимхашка, стервец, и по-русски то пары слов чисто не скажет в балах участвует! Пастух. Простой чеченец со свирепой мордой, тьфу!»

– Вы так описываете его, будто встречались, – заговорила княгиня.

– В моей сотне казакует Степка Бухарцев, он знал абрека хорошо, спирт, говорит, глушит ведрами, только вином подкрашенный, – не удержался, чтобы не приврать подъесаул.

Поручик Константинов только поморщился от его слов. – Как, ваше сиятельство, – обратился он к Коралову; – накажем господина подъесаула за разговоры.

– Нет, отчего же, меня в этом пастухе и поденщике-каменщике, – процедил хозяин дома,- удивляет знание военной науки, всякие рейды, марши, переходы.

– А как популярность заимел, – продолжал Федюшкин, не заметив открытой нас-мешки,- в мечетях молится при стариках. Если уж я такой разбойник, пусть первая пуля сразит меня в угоду Аллаху. А горцы после очередного его разбоя говорят: святой человек Зелимхан, не берут его пули врагов.

В 12- м часу ночи начальника Веденского округа неожиданно позвали к телефону. Спустя некоторое время Коралов возвратился весь сияющий, с загадочной улыбкой.

– Господа, прошу по казармам, все части немедленно поднять в ружье, будет интересное дело,- потирая руки, Коралов добавил: – Командовать отрядом буду я.

– И кому это приспичило поздно ночью беспокоить людей?- рассердилась княгиня.

– Пока дойдем, начнется утро,- собирая караты успокоил Федюшкин.Как только офицеры ушли, Коралов заявил взволнованной супруге: – Зелимхану теперь конец. Агенты обнаружили его местопребывание, сидит, как волк, в пещере у аула Харачой.

– Конец, конец, – передразнила мужа княгиня, – сколько раз вы его ловили, убивали, арестовывали, а он все жив и на свободе вас, дураков, за нос водит.

Коралов не обиделся на сказанное женой. – Теперь уже недолго осталось ходить», – пообещал князь, пристегивая к ремню револьвер и саблю.

Под утро харачоевцев разбудил конский топот, стук многочисленных подвод и лязганье оружия. Сонные люди поднимались на крыши саклей, смотрели в подслеповатые оконца. По кривым улочкам аула шли войска, на сытых конях ехали драгуны, казаки, всадники – дагестанцы, партизанские командиры из ингушей, чеченов, татар. На подводах и арбах везли пулеметы. Когда рассвело, в сторону гор прогромыхали четыре упряжки с легкими полевыми орудиями. Князь Коралов поднес к глазам бинокли. В утренней дымке лежала заснеженная вершина Харачой. Ниже, почти на уровне леса, на южном склоне горы, виднелось еле заметное черное пятнышко.

Подъесаул Федюшкин в теплой шубе, подбитой медвежьим мехом, в пушистой белой папахе, подъехав к Коралову, доложил: – Пещера окружена со всех сторон. Вход в нее заложен саманом и камнями, окрашенными под цвет скалы. Разбойник, по всем данным, скрывается там. Разрешите начинать атаку?

К пещере, прилепившейся почти к отвесной скале, вела узкая обледенелая тропинка. С трех сторон ее окружала пропасть. Прапорщик стражи Гамиев несколько раз крикнул разбойнику – сдаться без боя. Из пещеры никто не отвечал. Тогда по обледенелому скату вверх поползли солдаты и кровники Зелимхана из чечен и ингушей. Люди с трудом цеплялись за мерзлые выемки, за прошлогоднюю жухлую траву, срывались, катились вниз по тропе, сбивали остальных. Кавказцы, более привычные к горам, были недалеко от входа, когда из узкой бойницы, выдолбленной в скале, раздался резкий и мелодичный выстрел. Зелимхан стрелял редко и наверняка. Партизаны и солдаты, потеряв надежду подняться по тропе, попробовали с вершины набросать к входу сухих веток, чтобы потом поджечь и под дымовой завесой подобраться к ней. Но обледенелые скаты не держали хворост – он скользил в пропасть.

Во второй половине дня Коралов отдал приказ открыть огонь из пулеметов и поднять на гребень пушки. Еще через час началась новая атака. И опять из пещеры запели мелодичные выстрелы винтовки абрека. Князь Коралов забеспокоился. Приближались быстрые зимние сумерки, люди целый день не ели. Курящим было легче, те курили цигарки и накурились до головокружения. Подъесаул Федюшкин отшвырнул пустую коробку из-под папирос, уже вторую, подполз к группе казаков, попросил махорки. Степан Бухарцев протянул подъесаулу кисет. Его сосед, воспользовавшись, спросил офицера: – Заночуем, наверное, ваше благородие?

Федюшкин, свертывая козью ножку, кивнул на Степана и буркнул: – А вот спроси у его дружка. Бухарцев весело улыбнулся: «Дружок! Я уже за этим дружком гоняюсь несколько лет, один раз даже поцеловался с абречьей пулей, пролежал в лазарете несколько месяцев, в общем, слава богу, выкарабкался».

Артиллеристы обещали поднять орудия только к утру, и, расставив вокруг пещеры караулы, обозленный Коралов с адъютантом поехал ночевать в аул. Федюшкин остался за старшего. В укрытиях запылали костры. Люди набивали котелки снегом, и

пили без сахара и хлеба кипяченую воду. Изредка кто-нибудь для проверки открывал огонь по пещере, и сейчас же оттуда раздавались ответные выстрелы, долго отдававшие эхом в ночных горах. Уже около шести часов утра Бухарцева назначили в караул с двумя солдатами. Расположились за валуном, подстелили солому. Солдаты, чтобы не заснуть, вспоминали японскую войну, бои под Порт-Артуром. – Чудно как-то. Засел в пещере, обложенный тысячью человек, молчит, переговоры вести не хочет. На что япошка лютый был, а и то порой высунет голову из окопа и кричит: «Здорово, братцы! Хлеб ешт?» Мы ему в ответ: «Табак есть?» «Ешт, ешт, айда на середина меняться». Иногда для смеха выстрелишь, а япошка с той стороны: «Чего, шкатина, штреляешь?!». Солдаты за животы хватаются, катаются по окопу.

Бухарцев с интересом прислушивался к разговору. В морозном воздухе уже слышны были слабые крики петухов из аула. – Может, горячего к утру подбросят, – мечтательно сказал младший из солдат, – у меня со вчерашнего дня в животе бурчит.

Вдруг Степан вздрогнул – прямо на них из серой мглы шел человек в полушубке, папахе, с винтовкой в руках, что-то знакомое было Степану в его походке. – Стой, кто идет? – солдаты щелкнули затворами. Человек остановился метрах в пяти, обернулся.

– Свой, зелимхановская кровник, намаз надо делать у речки, – ответил на ломаном русском языке человек. Старший из солдат махнул рукой: «А, это чечен партизанской команды молиться идет, такой уж у них, мусульман, закон где за хватило время, там и становись на колени». Бухарцев хотел подойти поближе к чечену спросить удостоверение о благонадежности (все партизаны имели их), потом решил: черт с ним, пускай топает. Утро наступило неожиданно. Пошел снег. Крупные хлопья таяли в золе притушенных костров. Неприятно щекотали людей за шиворотом. Солдаты потирали озябшие руки, подпрыгивали, чтобы согреться.

Князь Коралов, окруженный репортерами и фотографами, успевший перекусить в сакле у харачоевского старшины, бодро отдал приказ переговорить с абреком, прежде чем начать бом-

бардировку пещеры. Трое чеченцев-партизан осторожно ползли по обледенелой тропе, прицепив к сабле носовой платок. Вот уже подобрались к самому входу, вошли в пещеру. Тот, кто был с платком, быстро возвратился обратно. Бывшие в передних цепях услышали его крик: «Зелимхана здесь нет».

Князь видел всю сцену в бинокль и хотя не мог слышать крика чеченца, понял в чем дело. Бледный, он повернулся к адъютанту. Так его мать! – без стеснения выругался князь громко. – Ушел опять разбойник. Проспали, болваны!

В эту минуту ему было не так жалко, что ушел абрек, как-то, что рухнула мечта, а с нею повышение в чине, награда, слава. А он-то побеспокоился даже вызвать газетных писак и фотографов, поспешил дать телеграмму наместнику. Передайте этому жирному идиоту Федюшкину, чтобы организовал немедленно погоню, – злобно крикнул он адъютанту.

Солдаты и казаки недоверчиво осматривали пещеру после чеченцев. На каменном полу валялась горка остывших гильз. В углу лежал медный чайник, котел, пол-ляжки вяленой баранины. Федюшкин, возглавляющий осмотр, язвительно обратился к Бухарцеву: «Как в гостинице, жил твой кунак, спирта только не хватало». Разозлившийся Степан хотел ответить подъесаулу, но страшная догадка заставила его вздрогнуть. Он вспомнил сегодняшнего «зелимхановского кровника», шедшего совершить намаз. С тревогой посмотрел на солдат, бывших с ним в карауле. Но те деловито тащили из пещеры котел. – А ты чего, казак, уставился? – крикнул старший, – хватай чайник, жратву привезли.

Еще через некоторое время несколько снарядов разнесли в щепки опустевшую пещеру Харачоевской горы. И как раз в это же время в своем тифлисском дворце наместник Кавказа граф Воронцов-Дашков читал телеграмму Коралова: «Спешу доложить вам, ваше высокопревосходительство, в горах у аула Харачой пойман разбойник Зелимхан Гушмазукоев».

«Слава богу, – перекрестился граф. – Надо немедленно доложить его императорскому величеству».

Из повести А.Кусова «Последние дни Зелимхана».
Апрель 1965 г.

С ЦЕНОЙ НЕ СОГЛАСЕН!

– Вот где можно много заработать, – перебил их адвокат, останавливаясь на углу Дворянской улицы возле афишной тумбы.

– А что это такое? – заинтересовался харачоевец.

– Начальник области обещает восемнадцать тысяч рублей золотом тому, кто принесет ему голову абрека Зелимхана, – отвечал адвокат, забыв о присутствии купца.

– Какой начальник? – абрек взял адвоката за рукав.

– Генерал Михеев, начальник Терской области, – ответил Шараев. – Смотрите, вот здесь написано... – и он пальцем провел по строчке.

Зелимхан с живым интересом разглядывал объявление, даже потрогал рукой, будто стараясь на ощупь понять его содержание. Вдруг он обернулся к адвокату и спросил:

– Данильбек, есть у вас карандаш?

– Есть. А что?

– Напишите вот так, сверху, – он провел пальцем наискось объявления.

– Что? – удивился Шараев. Купец в это время стоял чуть в стороне, но слышал весь разговор.

– Пишите, – приказал Зелимхан сердито, – что я внимательно читал эту бумагу. С ценой не согласен. Добавлю от себя еще восемнадцать тысяч тому, кто меня поймает. И подпись – Зелимхан.

Из романа М. Мамакаева «Зелимхан»

ЕЩЕ ОДНА БЫЛЬ О ЗЕЛИМХАНЕ

Дорога на правый берег проходила мимо наших палаток по отлогому каменистому склону а дальше уже был брод. Здесь Асса разливалась шире и была не так стремительна.

По утрам нас поднимали бодрые голоса станичников, отправляющихся на полевые работы. Слышались звонкие песни казачек. Мы выходили из палаток и полной грудью вдыхали утреннюю свежесть, любуясь видом Кавказских гор с их полыхающими в солнечных лучах белоснежными вершинами!

Рабочий день начался, как обычно. Зарокотали экскаваторы, загудели бульдозеры. Поползли скреперы, загребая кучи земли и камня. Синими искрами вспыхнули огни сварки. Окрестность наполнилась музыкой труда. Мы работали, не считаясь со временем, потому что станице очень нужен был мост. Но наступали сумерки, и напряжение трудового дня сменялось часами отдыха. Выкупавшись в потеплевших за день водах Ассы, мы «вечеряли». Затем, как всегда, собрались перед сторожкой, у самого въезда на будущий мост, послушать очередной рассказ дедушки Волкова.

- Все беды человеческие, думаю я, – начал дедушка, – от несправедливости идут. Должно поэтому ни храбрость, ни красота не приживаются в людской памяти так прочно, как справедливость. Вы, верно, слыхали – абрек такой был, Зелимханом звался. Действовал здесь, в наших краях, на чиновников и господ – офицеров царских страх наводил. Куда более полвека минуло, а и ныне его народ добром поминает, потому что к подневольному люду приверженность имел и справедливость, защищал очень даже отчаянно, даром, что темным неучем, горцем был. Много больших чинов нашли смерть от меткой пули Зелим-хана, но никто не упомнит случая, когда бы Зелимхан убил простого солдата или казака. Поговаривали, что винтовка у этого чеченца колдовская, а сам он – заговорен от пули. Власти считали удальца разбойником и злодеем. Помню, не однажды

воззвания от самого наместника царя зачитывали на майданах, обещали немалые деньги и награды за выдачу Зелимхана властям. Помню, молебен служили попы на поимку «басурмана и врага престола». Ан, были и такие, казаки, которые молились исподтишка за здравие и благополучие иноверца. Об одном доподлинно известном мне случае я и расскажу вам, – закончил свое выступление старый казак и неторопливо полез в карман за неизменным своим кисетом.

Свернув цигарку, он несколько раз смачно затянулся и начал:

- Однажды в лесу, близ этих самых мест, два казака-бедняка распахивали полянку под кукурузу, повесив на сук ружьишки. Патронташ в те времена казак не снимал: он всегда служил ему поясом. Вдруг из-за чинар выскочили два чеченца с огромными кинжалами. Один из них назвался Зелимханом, и этого достаточно было, чтобы пахари словно окаменели. Чеченцы забрали казачьи ружья, отпрягли лошадок, ускакали на них в лес.

Проклиная Зелимхана, поплелись казаки в станицу. Едва выбрались на лесную дорожку, как снова наткнулись – что за напасть такая – на верхового чеченца! Плечистый, с тонкой талией, весь обвешанный оружием – и пистоль, и кинжал, и винтовка. Всадник остановил коня. В глазах строгость светится. Лошаденка неказиста, а шаг упругий. «Здорово, казаки!» – говорит верховой. «Бывай здоров, джигит», – ответствует сумрачно старший казак. «Зачем злой такой? Дети голодные дома? Или атаман обидел?» – спрашивает чеченец. – «Землю мы тут распахать хотели. По нужде по бедности, с кумом, значит.» – стал рассказывать старший, но молодой не выдержал, и в сердцах перебил станичника: «Зелимхан ваш проклятый налетел как коршун, ружья забрал и лошадок последних! Погибели нет на супостата!» – «Зелимхан? Говори, куда он скакал?!» – вздыбил коня всад-ник. «Двое их было, в лес подались, ищи теперь.» – «Ждите меня здесь!» – крикнул верховой и погнал коня в лесную чащобу.

Станичники переглянулись. «Слава тебе господи, – перекрестился старший, – кажись пронесло. Самим-то ноги унесть бы.» В этот момент раздался выстрел. Затем другой. Казаки

метнулись в орешник, притаились. «Неужто постреляет антихрист? – сорвалось у старшего. – Эх ма...а. Доля наша бедняцкая. На богатеев силы тратим, пред атаманами гнемся, попам кланяемся, а все одно своей смертью помираем.».

«Тише, слышь, топот? Никак чеченцы возвернулись, нас шукают!» – прошептал второй казак. Раздвигая перед собой кусты, прямо на них двигался верховой. «Эй, казаки, выходи. Не бойся! Я Зелимхана привел и лошадей тоже привел.». Глядь, у самой дороги стоят перепуганные насмерть грабители. Один, бледный как упокойник, держит в поводу казачьих лошадок, в другой – ружьишки. На поясах пустые ножны. Оба кинжала всадник, видно, отобрал. «Который из них Зелимхан?» – спрашивает, не слезая с коня, незнакомец. Казаки нехотя показали на высокого бритоголового парта. Всадник неторопливо достал из-за голенища плеть, высоко поднял ее и щелкнул по голове долговязого с такой силой, что тот едва удержался на ногах, уцепившись за ствол дерева. Кровь полилась по лицу.

От такого поворота казаки опешили, растерялись. Слыхано ли дело, на их глазах бьют знаменитого Зелимхана, одно имя которого кидало в дрожь чиновников и атаманов! И каким же героем должен быть человек, поднявший на него плеть! А этот герой гневно ругал второго грабителя и даже не обращал внимания на побитого. Потом всем вместе велел идти к недопаханному полю. «Хочу казака и чеченца в одной борозде видеть», – сказал незнакомец».

Дедушка Волков умолк, а затем, глубоко вздохнув, продолжал: «Такие, как Зелимхан, наперед знали, что не сладят они с царской державой, кончат жизнь под пулями или в петле, но за правду бились храбро и смерти не страшились.». Дедушка Волков внезапно пристально вгляделся в сумерки ночи. На том берегу Ассы показалась фигура человека, по-видимому, искавшего брод. ... Когда он вышел на наш берег, Тимофей Степанович спросил: «Куда путь держишь на ночь глядя, земляк?».

Незнакомец швырнул на камни сапоги, осторожно снял с плеча ковровую сумку, опустил ее к ногам, затем весело ответил:

«В станицу Орджоникидзевскую, к брату. Сын у него родился». – «Ишь ты, племянник, значит. Сам-то, вижу, не казак будешь?» – «Я чеченец из Ачхоя, – ответил путник. Потом нагнулся к сумке, в руках его блеснула бутыль. – Ей-богу, это мы должны выпить за здоровье Руслана здесь!». Из палатки принесли стакан, яблоки на закуску. Первому подали старику. Старик выпил стоя.

«Пусть Руслан вырастет сильным, красивым и добрым человеком!» Неожиданно из-за палаток подкатила автомашина. Наш шофер Володя, грузин по национальности, решил отвезти ночного гостя в станицу. Тот не знал, как и благодарить. Володя увез незнакомца. Приятный переполох улегся. Как бы очнувшись от нахлынувших дум, дедушка Волков заговорил:

«Много, ребятушки, чужих стран я исколесил, народы разные повидал. Хучь грамоты большой не постиг, а жизнь научила понимать, что к чему. По стариковской совести скажу вам: нигде такой душевности и красивой простоты, как у наших, советских, не встречал. Вот племянник родился у человека. Тот бросает все, пешком спешит за сорок верст, в ночь, в темень, потому хочет самолично приветить новорожденное дитя. А совсем сторонний человек, смахнув усталость, везет незнакомого в ночь-полночь, и платы не спрашивает! Не-ет, такое не встретишь в чужедальних странах». И старик вернулся к прерванному рассказу.

«Работают, значит, казаки с теми двумя грабителями на пашне, дело у них спорится. А каждого холодный пот прошибает: слыхано ли дело – казак и чеченец в одной борозде. Всяк своего бога боится за такое единение. А тот, который вступился за казаков, тем временем раскрутил бурку, лежит на ней, улыбается. Словом, – доволен. Оружие, однако, держит наготове. Конь не стреножен, пасется на травке, далеко не уходит от хозяина. Видать, обученный.

Распахали пахари почти всю полянку, когда плечистый их кликнул. Подошли казаки и чеченцы. «Слушайте меня, кунаки, – говорит, поднимаясь с земли, незнакомый чеченец. – Мое

дело – сел на коня и уехал. Вам здесь жить, вам и ладить меж собой. Запомните мое слово. Вы – русские и чеченцы – сейчас пролили пот на одной пашне, и ничего дурного не случилось, а вы думали, небо упадет. Так я говорю?». – «Что там запираться, думали поначалу», – признался старший из казаков. «Валлах, правда», – подтвердил грабитель, который Зелимханом прежде назвался.

«Слушайте дальше, – говорит заступник, кивая головой на двух парней. – Эти несчастные поступили так, как поступили бы при случае вы с ними. Один из них звался Зелимханом. Но Зелимхан никогда не косил глаза на добро человека, живущего своим трудом. Самозванец наказан мной. Будем считать – вы квиты». Сказав это, незнакомец, вскочил на коня, что-то сердито буркнул чеченцам. Потом обратился к казакам, доставая из-за пазухи толстый бумажник: «Эти деньги украдены у вас хитрыми людьми по законам царя. Я добыл их в Кизлярском банке по своим законам. Какой способ лучше, рассудит Аллах. Вот вам, казаки, двести рублей. Поделите их по справедливости сами». Потом обратился к чеченцам: «Вы – неудачники. Я вам даю по сто рублей на семью, но покупаю ваши души для добра. Я – Зелимхан».

Казаки и чеченцы ахнули, побледнели, растерянно сжимая в руках ассигнации. «А теперь расходитесь. Вы меня не видели, я вас не встречал!» – Всадник рванул коня с места, не оглядываясь, скрылся в лесу. «Да хранит тебя господь», – вымолвил один из казаков и перекрестил ту сторону, куда удалился всадник. Что-то сказали друг другу чеченцы, зацокали языками и протянули руки казакам для пожатия.».

Закончив рассказ, дедушка Волков еще долго неподвижно сидел, прислушиваясь то ли к своим мыслям, то ли к ночным шорохам. От реки повеяло зябким ветерком. Серебристые блики луны вздрагивали на гребнях волн, которые катились и катились, подгоняя друг друга.

З. Абдуллаев. Новь казачьей станицы. (В сокращении)

ГЛАВА 4. ПРЕДАНИЯ О ЗЕЛИМХАНЕ

ХАРАЧОЕВСКИЙ ЗЕЛИМХАН

Зелимхан происходил из селения Харачой. Он стал абреком, потому что не мог терпеть притеснений царских начальников. От преследований Зелимхану пришлось уйти из Чечни в горы Ингушетии. Там он остановился у своего друга Довты в ауле Нелх. С Зелимханом было около шестидесяти абреков. В Ингушетии они скрывались шесть-семь лет.

Царские начальники собрали из многих аулов по шесть человек своих людей для поиска Зелимхана. Из этих людей получилось целое войско, которое должно было пленить Зелимхана и передать его царю. Дознавшись, что Зелимхана и его сподвижников поддерживают жители аулов Кек и Нелх, они решили, что, если договориться с ними, то им удастся поймать абреков. Пришло войско в горы и сумело пленить семью Зелимхана. Офицер, бывший во главе этого войска, спросил людей:

– Какая из горных дорог самая опасная?

– А почему ты спрашиваешь? – поинтересовались люди.

– А потому, – ответил офицер, – что хочу показать Зелимхану, что я не боюсь его!

– Если так, то самая опасная дорога идет по Ассинскому ущелью; именно там Зелимхан сядет в засаду, ибо он намерен вызволить свою семью, – сказали люди.

«Только по этой дороге я и поведу войско», – решил офицер.

Зелимхан со своими абреками задумал освободить свою семью. Он послал Барахоева Магомета к своему другу Парагульгову Эльмурзе, попросив передать ему: «Дай нам патронов, если не дашь, мы не сможем сразиться с царским войском».

Эльмурза прислал много патронов. Утром войско двинулось по ущелью. Прошло оно километров десять. Зелимхан и его воины открыли огонь. Первым выстрелил Зелимхан. Его дочь узнала звук ружья своего отца и от радости пустилась в пляс. Тогда офицер пустил коня вскачь, но меткая пуля Зелимхана попала ему в лоб, и офицер тут же погиб.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ АБРЕКОВ

Зелимхан из селения Харачой и другой Зелимхан из селения Гельдыген вместе с другими абреками собрались, чтобы взять царский банк. В походе на привале один из абреков предложил избрать тамаду – предводителя отряда, который руководил бы ими всеми в предстоящем деле. Зелимхан из Гельдыгена был крупного сложения и казался человеком храбрым. Все склонились к тому, чтобы предводителем отряда сделали его. Лишь один Зелимхан из Харачоя ничего не сказал. Тогда все поинтересовались: почему он отмалчивается. Абрек ответил:

– Сейчас нам трудно определить, кто из нас наиболее храбр и искусен в бою. Давайте доедем до места и тогда решим, кому быть нашим тамадой, а кому нет.

– Доехал отряд до банка, а там стояла большая царская охрана. Увидев ее, Зелимхан из Гельдыгена сказал: «На этот раз у нас ничего не выйдет. Нам надо быстрее уходить отсюда».

Зелимхан же из Харачоя сказал: «Если я когда-нибудь отправлялся в поход, то, никогда не возвращался обратно. Кто со мною, – вперед! Или погибнем, или победим!». Зелимхан из Харачоя и многие другие отчаянные абреки взяли банк и деньги поделили между бедными людьми. В этом деле поняли абреки, что тамаду надо сначала испытать в деле, а потом избирать.

ЗЕЛИМХАН И БЕДНЫЙ МАЛЬЧИК

Ехал Зелимхан мимо играющих сельских ребят. Среди них абрек заметил одного мальчика, одетого весьма бедно. Подозвал его к себе Зелимхан и спросил: «У тебя есть родители?». – «Да, есть у меня родители», – ответил мальчик. – «А если есть, то почему ты столь бедно одет?»

– «Нам не на что купить одежду».

– «Ладно, – сказал абрек, – а как тебя успокаивают родители, когда ты попросишь их купить себе одежду?»

– «Родители хитрят, говоря, что за деньгами они послали петуха, и, когда он придет, тогда и купят мне одежонку».

Подхватил абрек мальчика и посадил его сзади себя. Узнав от него, где живут его родители, Зелимхан направил коня к их дому. Поприветствовав родителей мальчика, абрек спросил их, что они обычно обещают мальчику, когда он просит купить себе что-нибудь из одежды. «Мы говорим, что за деньгами пошел петух, и, когда он их принесет, справим ему обновку», – ответили родители.

– «Правильно! – воскликнул Зелимхан. – Посланный вами петух вернулся и передал мне деньги». Достал Зелимхан деньги и отдал их родителям мальчика, наказав купить ему хорошую одежду, семье – корову и справить обновку в доме.

О ЗЕЛИМХАНЕ

Храбрый сердцем Зелимхан ненавидел царя Николая и богачей, живших трудом простых людей, которых Зелимхан очень любил и жалел. Абрек не мог взирать безучастно, как люди у власти притесняют слабых. Не по своей воле Зелимхан стал абреком. Двоюродный брат его Солтмурад полюбил девушку Зезаг, дочь Хошуллы. Девушку Зезаг полюбил и сын сельско-

го старшины. Он, чтобы она не досталась Солтмураду, похитил ее. Между семьей похитителей и родом Зелимхана произошла вражда из-за этого, и Зелимхану пришлось уйти в абреки. Он враждовал с крупными чиновниками и офицерами. Был он высокого роста и имел большие черные усы.

Как-то некий бедный старик запряг своего единственного быка и поехал в лес за дровами. В то время было и много грабителей. Некоторые из них выдавали себя за зна-менитого абрека, позорили его имя, отбирая у людей коней, быков и разные женские украшения. Так вот, навстречу старику, который ехал в лес, вышел некий мужчина. Он назвал себя Зелимханом и потребовал отдать ему быка. Поверив, что перед ним Зелимхан, старик отдал быка, а сам понуро поплелся домой. Старику встретился еще один мужчина, который поздоровался с ним и пожелал ему доброго пути. Старик ответил на приветствие. После взаимных расспросов старик рассказал, что у него Зелимхан отобрал быка, чем принес ему большое несчастье. «Что?! – удивился мужчина. – Как он себя назвал?». – «Он назвал себя Зелимханом», – ответил старик.

– «В какую сторону он ушел?» – спросил мужчина.

Старик указал, и мужчина погнал коня вслед за грабителем. Догнал он его и избил так, что тот долго не мог подняться. Мужчина пригнал быка к старику и сказал ему: «Зелимхан – это я. Иди своей дорогой и никого не бойся».

Зелимхан и его отец Гушмазуко сидели в тюрьме в крепости Ведено. Зелимхан решил сделать в стене тюрьмы дыру и бежать. Прорыл он ее, но затем стал думать про себя: «Если я и мой отец выйдем через одну эту дыру, то найдутся люди, которые скажут, что Зелимхан вышел из той же дыры, что и его отец». Тогда, рассказывают, Зелимхан прорыл еще одну дыру, и они бежали из тюрьмы. Зелимхан был не только мужественным, но и умным, умевшим дорожить своей честью.

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ДУЭЛЬ ВЕРБИЦКОГО И ЗЕЛИМХАНА
(Быль)

В марте 1909 года приказом генерала Михеева по Терской области был создан специиальный карательный отряд для «спешного искоренения зелимхановщины в Чечне». Назначенный командиром этого отряда подполковник Вербицкий в инструкции, составленной им для своих головорезов, требовал «стрелять в висок или в бровь разбойника». Затем Вербицкий обратился с личным письмом к Зелимхану.

«Ты, Зелимхан, – писал он абреку, – имя твое известно всей России, но слава твоя скверная. Ты убил много людей, но из-за' куста, прячась в камнях, как ядовитая змея, которая боится, что-человек раздавит ей голову каблуком своего сапога. А теперь ты просишь пощады, как паршивая собака. Ответ тебе один: твоя смерть. Но я знаю, что весь чеченский народ смотрит на тебя как на мужчину, и я, подполковник Вербицкий, предоставлю тебе случай смыть с себя пятно бесчестия. И если ты действительно носишь штаны, а не женские шаровары, ты должен принять мой вызов. Назначь время, место и укажи по совести, если она у тебя еще есть, число твоих товарищей, и я явлюсь туда с таким же числом своих людей, чтобы сразиться с тобой. Даю тебе слово русского офицера, что свято исполню предложенные тобой условия. Но если ты не выйдешь на открытый бой, я все равно тебя найду, и тогда уже пощады не жди и бейся до конца, чтобы не быть повешенным. Докажи же, Зелимхан, – заканчивая письмо, писал Вербицкий, – что ты мужчина из доблестного чеченского племени, а не трусливая баба. Напиши мне, подполковнику Вербицкому, в город Владикавказ».

Зелимхан, когда ему прочитали письмо Вербицкого, долго раздумывал, не зная, как поступить. Он просто не верил в такую возможность свести счеты с царским подполковником, который был уже известен своими злодеяниями против горцев. И все же

знаменитый абрек ответил Вербицкому и согласился на поединок, но один на один. Назначил время и место – на открытом поле около Ведено. Пришел Зелимхан на веденское поле один, точно в назначенное время, никого там не обнаружил. Он решил, что подполковник просто обманул его, но вдруг из леса показались солдаты. Они шли цепью, с ружьями наперевес, готовые дать залп. Самого Вербицкого не было видно.

– Эх ты, негодяй, – вырвалось у Зелимхана, – а еще давал слово русского офицера!

Абрек отлично знал эту местность. Он мгновенно прилег и, скрываясь за низким кустарником, дополз до извилистого оврага, который вывел его в лес. Солдаты же долго не могли понять, куда делся горец, только что стоявший перед ними как мишень.

ЗЕЛИМХАН И ТАПА ЧЕРМОЕВ

Как-то вечером Зелимхан шел по городу и оказался рядом с домом Тапы Чермоева. Он услышал лезгинку и решил зайти в дом, где, как потом оказалось, проходило пиршество – Тапа Чермоев принимал гостей. Когда Зелимхан вошел в дом, его никто не узнал, а он присел в неприметном углу. Во время очередной пляски одного из гостей Чермоев достал свой наган и нажал на спусковой курок, но пистолет дал осечку. В тот же момент Зелимхан, вытащив свой пистолет, несколько раз выстрелил в воздух.

Позже, когда танец закончился, Тапа подошел к Зелимхану и спросил: «У тебя есть разрешение на этот пистолет?». – «Есть, вот оно, – сказал Зелимхан и показал другой пистолет. – А вот разрешение на второй, а вот на третий.».

Таким образом Зелимхан показал пять различных «стволов». После этого Зелимхан добавил: «Я не пытался тебя унизить или оскорбить, скорее, наоборот, хотел поддержать, так как твой пистолет не выстрелил». Тапа Чермоев извинился перед гостем и попросил его занять почетное место».

ЕЩЕ РАССКАЗЫВАЮТ

Где-то в селе проходил синкъерам (вечеринка). Там, говорят, был и Тапа, весь окруженный всеобщим вниманием. Рассказывают, что когда танцевала одна девушка, Тапа вытащил пистолет и выстрелил несколько раз под ноги девушки. Оскорбленная и обиженная девушка отошла, а после такого случая, перед Тапой никто не решался ее пригласить на танец. Она стояла в стороне и никто на нее не обращал внимания.

Говорят, от обиды у девушки потекли слезы. Но тут подошел Зелимхан. Девушка, оказывается, чуть ранее через тамаду из женщин отправила абреку послание с просьбой пригласить ее на танец, объяснив при этом свою просьбу тем, что в этой комнате с ней никто не осмеливается танцевать.

Рассказывают, что Зелимхан ее пригласил, долго и азартно танцевал с ней. В танце абрек подошел к Тапе, выхватил пистолет и выпустил пули у его ног

По рассказам очевидцев, пытаясь выслужиться перед влиятельным человеком, некоторые из присутствующих попытались вступиться за честь Тапы. Зелимхан на это ответил: «Здесь мы ничего выяснять не будем. Те, кто ко мне имеет какие-то претензии, смогут обсудить свои проблемы в назначенном месте и в обозначенное время. Я буду там вас ждать». Он назвал место и время, но рассказывают, что на встречу никто так и не явился.

P.S. *Вообще-то Тапа Чермоев не мог не узнать Зелимхана, Тапа его поддерживал и помогал. Сестра Зелимхана (Хайкалха) была замужем за Гацой Дашуевым, который являлся двоюродным братом Чермоева.*

ПЛЕНЕНИЕ СЕМЬИ ЗЕЛИМХАНА

Харачоевский Зелимхан происходил из селения Харачой. Он стал абреком потому, что не мог терпеть притеснений царских начальников. От преследований Зелимхану пришлось уйти из Чечни в горы Ингушетии. Там он остановился у своего друга Довты в ауле Нелх. С Зелимханом было около шестидесяти абреков. В Ингушетии они скрывались шесть-семь лет. Царские начальники собрали из многих аулов по шесть человек своих людей для поиска Зелимхана. Из этих людей получилось целое войско, которое должно было пленить Зелимхана и передать его царю.

Дознавшись, что Зелимхана и его сподвижников поддерживают жители аулов Кек и Нелх, они решили, что, если договориться с ними, то им удастся поймать абреков. И вот пришло войско в горы и сумело пленить семью Зелимхана. Офицер, бывший во главе этого войска, спросил людей: – Какая из горных дорог самая опасная?

– А почему ты спрашиваешь? – поинтересовались люди.

– А потому, – ответил офицер, – что хочу показать Зелимхану, что я не боюсь его!

– Если так, то самая опасная дорога идет по Ассинскому ущелью; именно там Зелимхан сядет в засаду, ибо он намерен вызволить свою семью, – сказали люди. – Только по этой дороге я и поведу войско, – решил офицер.

Зелимхан со своими абреками задумал освободить свою семью. Он послал Барахоева Магомета к своему другу Парагульгову Эльмурзе, попросив передать ему: «Дай нам патронов, если не дашь, мы не сможем сразиться с царским войском».

Эльмурза прислал много патронов. Утром войско двинулось по ущелью. Прошло оно километров десять. Зелимхан и его воины открыли огонь.

Первым выстрелил Зелимхан. Его дочь узнала звук ружья своего отца и от радости пустилась в пляс. Тогда офицер пустил коня вскачь, но меткая пуля Зелимхана попала ему в лоб, и офицер тут же погиб.

ЗЕЛИМХАН, ЭСКИ И НОХА

Была осень 1901 г. Пасмурным вечером во дворе у Газалапа Адузаева была вечеринка. Во двор въехали Гушмазуко и Зелимхан. Гостей поприветствовали и усадили под навесом.

Веселье шло своим ходом, вдруг неразлучные друзья Эски Вацанаев и Ноха 1азиев встали и попросили прощения за то, что они должны удалиться на какое-то время.

Друзья через Хулхулау направились к крепости, поднялись на стену и затаились. Подождали часовых, набросились на них, столкнули их лбами и отобрали винтовки. Вернулись на вечеринку и продолжили веселье. Вечеринка закончилась, абреки стали прощаться. Друзья подошли к ним и сказали: «Ваши ружья не подходят абрекам. Пока вы веселились, мы достали вам пятизарядные». Так завязалась между ними дружба.

Спустя какое-то время Ноха был арестован, а его друг Эски был расстрелян за налет с отрядом Зелимхана на Кизлярский банк. Когда на голову Эски во время расстрела надевали мешок, он отказался его надеть. В полдень пришло сообщение из Владикавказа об отмене расстрела, но Эски был уже расстрелян. Зелимхан пришел к матери Эски и выразил соболезнование: «Не плачь, нана, если я не убью Галаева, то через неделю приду и надену твой платок». С помощью сообщников Зелимхану удалось отправить нач. округа на тот свет.

ЛОШАДЬ КРОВНОГО ВРАГА

Рассказывают, что как-то раз Джамалди – кровный враг Зелимхана, который в романе М. Мамакаева показан как Говда, возвращался домой с Чермой-Лама и встал на молитву. Тут подошел Зелимхан. Умный старик не отрывался от молитвы, зная, что Зелимхан в этом случае его не тронет. Абреку вскоре надоело ждать, пока старик закончит молитву, которая очень затянулась.

Он взял его коня и ушел, а по чеченским обычаям позволить отнять коня или оружие – несмываемый позор.Когда Джамалди проходил пешком через село Элистанжи, у него спросили с издевкой: «Почему ты идешь пешком, а на твоем коне Зелимхан проехал?». Старик незамедлительно ответил: «Зелимхану нужна была лошадь, я ему ее одолжил, – и добавил, – х1умма а ца товш-м вацара сан йишин к1ант цу говрахь». (Старик Зелимхана назвал сыном сестры – «йишин к1ант» – не случайно», мать Зелимхана была из Чермоевского тейпа, из этого тейпа был и Джамалди). Узнав об этом, Зелимхан от души посмеялся и, публично извинившись, вернул лошадь старику.

Еще рассказывают. За Зелимханом была погоня. В ходе погони Зелимхан упал с высоты. При падении лошадь Зелимхана получила серьезное повреждение спины и упала замертво. Те, кто гонялся за Зелимханом, остановились от него неподалеку. Они стали за ним наблюдать. Зелимхан спокойно снял с лошади седло, и, перекинув его через плечо, молча и не торопясь ушел, даже не обращая внимания на своих преследователей, которые стояли завороженными и даже не смели сдвинуться с места.

ПРИЗНАНИЕ КРОВНИКА ЗЕЛИМХАНА

К телу Зелимхана на опознание привели его давнего кровника Хаджи из Харачоя. На вопрос, действительно ли это Зелимхан, он ответил: «Ва – м вара хlара, ишта вала кхоам болуш къонах вара – кха хlара» (Да, к сожалению, это он. Однако, скажу, что такой конах-герой, как он, был достоин лучшей участи). И Хаджи заплакал.

Рассказывают, что незадолго до кончины Зелимхан был отравлен, поэтому враги смогли застать его больным на хуторе.

АБРЕК ЗЕЛИМХАН БЫВАЛ В НАШЕМ СЕЛЕ

О Зелимхане Харачоевском написано немало..., но мне так и не довелось встретить сведения о пребывании Зелимхана в с. Илсхан-Юрт. Думается, что знаменитый харачоевец заслуживает того, чтобы открылась еще одна страница из его жизни. По рассказам моего дедушки, Зелимхан бывал в наше селе и не раз. Хорошо помнила Зелимхана и двоюродная сестра дедушки Саза. Она играла гостю на гармошке и пела чеченские песни. Дочь Сазы – Утта, помнит до сих пор рассказы своей матери о Зелимхане…

«…Зелимхан исчез, словно канул в воду. Харачоевец не появился все лето и зиму 1912 г.», – пишет в своей книге «Зелимхан» М.Мамакаев. Затем пишет: «…Зока увез Зелимхана в Ногайские степи к своему знакомому».

…Перед тем, как уехать в Ногайские степи, Зелимхан некоторое время провел в Илсхан-Юрте у моего прадеда Дуды, который оказывал ему услуги в качестве подельника во всех его «вылазках», при этом оставался мирным чеченцем в глазах властей. Также поступали многие его товарищи. Зелимхан бывал только у своих испытанных друзей, которые постоянно поддерживали с ним связь.

Как пишет М.Мамакаев, осень и зиму 1912 года Зелимхан провел в Ногайских степях. Смею утверждать, что, возвращаясь оттуда в Шали, он оказался в Илсхан-Юрте.

Дважды попал под дождь, и от болей в пояснице (по рассказу дедушки, он болел радикулитом, также его душили ревматические боли в суставах) он «впал в ступор». Сильно исхудал, глаза округлились от болей. Дома его раздели, натерли больные участки тела жиром. Затем укутали в овечью шкуру, после чего наступило облегчение. Зелимхана, мечтавшего о мирной жизни, успокаивали наигрыши на гармошке двоюродной сестры дедушки. О ее мастерстве игры на национальном инструменте помнят даже мои ровесники.

Долгое пребывание Зелимхана у Дуды, естественно, стало достоянием гласности. Однажды Дуду вызвали к себе глава села и пристав. Местечко, где они собрались, находилось рядом с домом Дуды на возвышенности, откуда просматривался двор. С Дудой было двое молодых людей. Разговор начался с ходу. Заговорил пристав: «Мы знаем, что у вас находится Зелимхан». Вызывающее поведение пристава вынудило Дуду дать категоричный ответ: «Он мой гость». Ранее прадед являлся старшиной села и хорошо знал пристава. Тот был из прогрессивных офицеров и влиятельного рода. К чеченцам всегда относился с пониманием. Со свойственным ему благородством пристав сказал: «Мы не пришли сюда проливать кровь. К тому же мы знаем, что Зелимхан болен. Нужно, чтоб вы его перевели в другое место. Я же отчитаюсь, что информация оказалась ложной. На том и договорились». К тому времени Зелимхан чувствовал себя намного лучше. Но бродячая жизнь абрека в любой момент могла сломить его здоровье. Поэтому дали ему возможность отлежаться в лесной лощине в пещере у родника. Охраняли его молодые люди, они же носили ему еду…

Однажды Зелимхан сообщил Дуде, что из села Шали приезжал человек от его друга и сообщил, что достал лекарства от его болезни. Дуда спросил его (дословно): «И Шелара холхаз, дог1ане даьккхина, дашийна, мохе-малхе даьккхина, дакъийна дуй хьан?» Зелимхан повторил: «И Шелара холхаз, дог1ане даьккхина дашийна, мохе-малхе даьккхина, дакъийна ду». «Тогда ты волен поступать, как считаешь нужным», – ответил Дуда. Молодые люди проводили Зелимхана через Гельдаген до Автуров. Дуда в то время был в отъезде. Когда вскоре приехал домой, жена ему сообщила, что Зелимхана убили. Дуда даже не слез с коня и поскакал в Шали. Когда вернулся, к нему приходили сельчане с соболезнованиями. Это говорит о том, что у него с Зелимханом были близкие отношения…

Имран Дудаев . с.Илсхан-Юрт

АМУЛЕТ

В один из летних дней Абдусалам Карамирзаев, прозванный «Карамирзала» получает вызов из Ботлиха – явиться к начальнику Андийского округа. Нужно сказать, что в округ входили тогда три района, а начальником был грузин Александр Николаевич Гвелиснани, занимавший этот пост с сентября 1906 по август 1915 года, заменив Спиридона Николаевича Андроникова, начальствовавшего с октября 1889 года.

Абдусалам по приезде в Ботлих встречает наиба Андийского участка Араша Арашова. Карамирзалав спрашивает его, не знает ли он зачем вызван.

– Из-за амулета, которого ты составил для абрека Зелимхана Харачоевского. Что он из себя представлял?

– Такой амулет носил двоюродный брат и сподвижник пророка – Али. Он способен отвлекать посторонний взгляд, сделать человека невидимым.

– Вот как! Связываться с такими делами и людьми очень опасно! Будь благоразумен!

– Что же мне теперь делать? Что сказать начальнику?

– Скажи, что приезжал незнакомый человек и за червонец попросил составить амулет такого назначения.

Дело было так. Оказывается, Зелимхан был окружен в одной из пещер Харачоевского ущелья царскими войсками. Тот, видя, что дело принимает серьезный оборот, заворачивает кусок бревна в бурку и выкатывает его по склону вниз. По бревну открыли огонь, а Зелимхан, воспользовавшись тем, что все внимание окружавших было отвлечено его уловкой, сумел незаметно скрыться. А в пещере нашли лишь его амулет, который был подписан: «Абдусалам бину Карамирза Андии».

Предварительно доложив о себе, Абдусалам вошел к Гвелисиани. В его кабинете на столе он заметил развернутый на всю ширину амулет. После отдельных предварительных вопросов ознакомительного характера наиб округа спрашивает:

– Это вы составляли амулет для абрека Зелимхана?

– Я не знаю Зелимхана. Откуда мне знать его!

– Не обманывай! За обман будем судить! Лучше признайся чистосердечно!.

Абдусалам равнодушно смотрел- на него и молчал. Гвелисиани вышел из себя и угрозами и криками пытался добиться признания.

На столе у наиба стоял стакан с недопитым чаем, Карамирзалав берет его, допивает остаток чая и швыряет стакан на пол. Тот подскакивает и становится на середину развернутого на столе амулета.

– Что, что!- вскрикнул наиб, изумленный случившимся. Затем, придя в себя, написал записку и отправил Абдусалама к Хадиснаибу – начальнику Ботлихского участка. Когда Карамерзалав зашел, тот уткнувшись носом в большую бумагу, что-то читал.

– Вот пришел с этой бумагой,- и кладет ее на край стола. Разгневанный наиб, не подняв даже глаз, закричал: «Убирайся вон отсюда! Надоели вы мне, ослы (х1амул)!»

Возвратившись обратно к Гвелисиани, Абдусалам сказал, что Хадиснаиб не захотел с ним даже разговаривать. Вообше-то, когда Карамирзалав поднимался по лестнице к начальнику округа, ему вслед крикнули, чтобы он вернулся к Хадиснаибу, но он сделал вид, что не услышал.

Оказалось, что наиб после ухода Абдусалама заглянул в бумажку и, узнав, что записка от начальника округа, повелел срочно вернуть Абдусалама.

Один из рьяных нукеров наиба – житель селения Чанко – догнал Карамирзалава и велел повернуть назад, при этом грубо толкнув его. Абдусалам упал и разбил голову. Оказавшийся в это время там случайно Араш – андийский наиб – плеткой отстегал чанковца.

Раненого Абдусалама Хадиснаиб передал Арашу, с условием, когда понадобится, обеспечить явку. После оказания соответствующей помощи Абдусалам вернулся в Анди.

После этого случая прошло некоторое время, когда к Абдусаламу приехал гонец с двумя лошадьми. Поприветствовав, он спрашивает о цели приезда.

– Начальник округа отправил за вами. У него болеет сын. Состояние его тяжелое, врач не может ничем помочь,- ответил гость, передавая от имени начальника округа подарки.

Абдусалам тут же собрался и поехал вместе с гонцом в Ботлих. К Гвелисиани зашел без доклада.

Мальчик лет 7-8 был в очень тяжелом состоянии. Карамирзалав, осмотрев его, попросил принести яйцо. Расписав его, положил в духовку. Вскоре яйцо разорвалось. Собрав все части и сказав на андийском «коршунчик», отдал мальчику. Тот взял их и с трудом поел.

Спустя некоторое время мальчику стало легче, он уже начал пробовать фрукты. Переночевав у кунака и убедившись, что мальчик вне опасности, Абдусалам, взяв подарки, врученные ему благодарными родителями, поехал домой. Естественно, вопрос об амулете был навсегда забыт.

Отрывок из публикации «Круг сала».
«Колхозан дахар». 1986 г.

ПОДАРОК ОТ ЗЕЛИМХАНА

Не могу сказать, что эта история интересная и захватывающая, но, тем не менее, она про Зелимхана. Как-то я гостил в Гойтах у своего родственника – Сагариева Шапы. Мы сидели за столом, пили чай и беседовали на различные темы. Слово за слово мы завели разговор и об обарге Зеламхе. Шапа, посмотрев на меня, как смотрит миллионер на простака, сказал: «Ты знаешь, а у меня есть подарок от Зелимхана!».

Сказать, что он меня заинтересовал, это значит, ничего не сказать! «Неси сюда!» – скомандовал я, и через несколько минут родственник принес маленький сверток, завернутый в платочек.

Раскрыв сверток, я увидел. обыкновенную морскую ракушку. Вначале я подумал, что Шапа надо мной подшучивает, но он рассказал мне историю, связанную с этим подарком. Его дед или прадед (точно не помню) Ибрагим-хаджи был одним из мусульманских алимов Чечни того времени, и обарг его нередко навещал.

Как-то, приехав к нему в Гойты, Зелимхан во дворе увидел играющих в «лянгу» детей Ибрагима-хаджи. Абрек, шутя, подкинул пару раз ногой лянгу и, уже заходя в дом, подарил ребятам диковинку для тех времен – морскую ракушку. Эту ракушку они бережно сохранили, передавая ее своим детям и внукам. Так она сохранилась и лежит дома у Сагариева Шапы – правнука Ибрагима-хаджи!

ЛЖЕ-ЗЕЛИМХАН

Рассказывают, что объявился в горах один подлец, который выдавал себя за Зелимхана и, пользуясь его громким именем, отнимал у бедняков скот и прочее добро. Абрек узнал об этом и отыскал лже-Зелимхана. «Кто ты?» – спросил его абрек.

«Я Зелимхан из Харачоя!» – грозно прорычал грабитель, даже не подозревая, кто перед ним.

Зелимхан, говорят, абсолютно спокойно вытащил кинжал из ножен, отрезал грабителю ухо и ответил: «Отныне люди будут знать, что одноухий Зелимхан не тот Зелимхан, а с двумя ушами и есть настоящий Зелимхан из Харачоя».

САБЛЯ ЗЕЛИМХАНА

Как сабля Зелимхана из Харачоя попала в Салги (Салги – один из крупнейших башенных комплексов Горной Ингушетии)? Вернемся немного к истории тех лет. У 85-летнего Аб-

дул-Г1апура прекрасная память и, вспоминая события тех далеких лет, он заново переживает их, как будто все было только вчера. Не было человека в горах, кто не знал знаменитого абрека. Царь посылал целые армии на его поимку, но безрезультатно. Погубило его предательство и алчных трусливых людей.

Мой отец Билан воевал на стороне советской власти. В годы гражданской войны он командовал красной сотней. Как-то, отбивая город Орджоникидзе от бичераховцев, отряд, которым он командовал, занял дом одного белогвардейского офицера – Кибирова. Сабля Зелимхана висела на стене и якобы была преподнесена ему в подарок за это подлое убийство. Кибиров, спасая свою шкуру, бежал, забыв обо всем на свете, в том числе и о драгоценном подарке. И она досталась отцу за заслуги, как военный трофей, и с тех пор бережно хранилась в нашей семье. Когда нас высылали, сабля красовалась на боку гарцевавшего перед нами на коне Михаила Сизова. По возвращении из ссылки я рассказал обо всем, что знал об этой сабле Тугану Мальсагову, который тогда собирал материалы для ингушского краеведческого музея. Рассказ взволновал его. Туган Мальсагов начал активные поиски пропавшей реликвии. Куда он только не обращался с просьбой оказать содействие в поисках знаменитой сабли, но все безрезультатно.

Эти рассказы двух уважаемых представителей рода Салгхой – Т1ахира Дзаурова и Абул-Г1апура Эльджаркиева – лишь крупица истории об ингушах, о потомках Маго. И это часть того, что сохранила память старика Г1апура. Но мы намерены продолжить этот рассказ и надеемся на помощь читателей. Будем признательны всем, кто предоставит редакции какие-либо исторические материалы на эту тему.

Из статьи «Потомки Маго» (М. Дзаурова, Б. Цицкиев)
Сердало № 63 2008 г.

УМАР-АЛИ И ЕГО КРОВНИКИ

После гибели своего легендарного отца сын Абрека Зелимхана, Умар-Али Зелимханов, преследовал одну единственную цель – отомстить за смерть отца. С помощью Гацаева Бетир-Султана, сподвижника Зелимхана, маленьким Умаром-Али предатель был застрелен. Но оставались и те, кто непосредственно участвовал в операции, а именно всадники Дагестанского батальона. В советский период семья Зелимхана находилась в ладах с властью, и по этой причине Умару-Али удалось напроситься на работу в Хасав-Юртовский отдел НКВД, в котором он смог из архивов узнать обо всех, кто участвовал в этой операции. Ни один из оставшихся в живых не умер свой смертью.

Позже он вернулся в Ведено, где был смертельно ранен в ходе переговоров с абреком, который просил его договориться с властями о своей судьбе после сдачи в плен. Этот человек совершил подлость: выстрелил в Умара-Али и смертельно ранил его. Однако, совершив это злодеяние, он даже не успел выбежать из дома – 13-летний племянник Умара-Али успел его застрелить. В больнице Умару-Али удалили почку. В палате, в предсмертном состоянии, он заявил, что сыну абрека Зелимхана не пристало принимать смерть лежа («Обарг Зелимхан к1ант вижина lуьллуш леш товш вац»). Умар-Али приказал родственнику одеть его, надеть на него оружие и посадить в кресло. Он умер сидя, без-остановочно повторяя, что «нет бога кроме Аллаха».

Из сетевого форума на http://WWW. vedeno. ru

ЗЕЛАМХАС МАХМАТХА ЮЬРТДА ВАХИЙТАР

Шен болуш болчу ницкъана Ведана эскар даийтира паччахьо Зеламха лаца, аьлла. Цунах гIуллакх ца хилира. Цул тIаьхьа шен сардале хаам бира цо, Зеламха лечкъаш лела меттиг йийцинчунна 13 бIе туьма ло ша аьлла, цул сов цу хаамна тIехь аьлла дара хаайтинарг юьртада а хIоттаво ша аьлла. Паччахьан и омра

шена хезча Зеламханна чIогIа там хилира цунах. «Сайн доттагIа Махьматха юьртда а хIотта войтур ву ас, цунна и билгалдина ахча а хуьлуьйтур ду ас»,- аьлла, йолу ойла хиллера цуьнан. Зеламхас Махь-матхане хаам бира «со вайн Лечийн бердах йолчу хьоьха чу гIур ву, ахь хаам бе цуьнах Веданан округехь волчу полковнике, со цу хьеха чохь ву, алий. Ахь и хаам барна, цо хьоьх юьртда вийр ву, цул сов, 13 6Iе туьма ахча а лурду совгIатана». Махьматхана цунна дуьхьало йира, «со хьуна мотт тоьхнарг ма хуьлу», аьлла, амма вукхо ца вуьтура: «Ахь иза ца дича ца долу. Ахь цу хьеха чохь хир ву тховса Зеламха ала деза». Ткъа Махьматхас полковнике шега Зеламхас аьлларг дIаэлира, полковник волчу а вахана.

Полковника шел лакхарчу хьаькамашка хаам бира иштта тховсалерчу буьйсанна – Зеламха Лечийн хьехачохь буьйса йоккхуш хир ву, аьлла. Ткъа Махьматха лаьцна сацийра. Оцу гIуллакхана цолковникана гIоьнна тоъал эскар даийтира. Махьматха шайна хьалха а ваькхина, Лечийн бердахь долчу хьехана тIебаьхкира хIорш. Махь-матхана дуьхалло йира. Цо элира: «Нагахь сана шуна хьалха ваьлла вогIуш со гахь, Зеламхана сунна топ тухур ю, вуьйр ву!» Салташна хьалха ваьлла волчу эпсаро Махьматхане омра дира, «хьалха вала шайна, – аьлла. – Хьо тхуна хьалха ца валахь, вуьйр ву хьо оха!» Лечийн бердана, эпсаро омра а дина, кхаалха го лецира. Полковника Зеламханна тIе нах бахийтира каравола аьлла. Полковника Зеламхане элира: «Стигал вала тIемаш дац хьан, лаьттах вола мIараш яц хьан. Оцу хьеха чохь вуьйр ву хьо», – аьлла.

Зеламхана полковнике иштта элира: «Со тховса кху хьехачуьра дIагIур ву... Со кхоьллинчу Делор гина суна сийсара гIенах – со кху хьехачуьра шун карара ваьлла дIавоьдуш. Со делах тешаш стаг ву. Дала сайна хьалха хIоттийначу новкъа лелаш ву со. Ахь суна бехк ма билла. Паччахьан некъ бакъ некъ ма бац, цуьнниг харц некъ бу. ХIун де боху цо? ХIокху шелонехь, ломахь тIехь, тIулгаш юккъехь даа-духа доцуш бехаш болчу нахе хIун де боху паччахьо? Хьайн куьйгалли кIел долчу халкъашна тIехь нийсо хIунда ца латта йо ахь хаттахьа цу паччахье».

Оцу дешнаша карзахваькккхира полковник.... Иштта и къамел хилира полковникана а, Зеламхина а юкъахь. И къамел дІасадехьира Хорачарчу Туммахьаьжин кІанта Сайдуллас. Шен къамел дІасахьочу хенахь Зеламхас и стаг бен шена гергахьа, дош хезехьа вуьтуш ца хилла: топ тухий вожош хилла. Цу шиннан – полковникан а, Зеламхийн а къамел чекхдаьлча, Зеламхана Сайдулле хаьттира: «Хьаьжи гІара буй кхузахь?» – аьлла. Сайдуллас элира: «Хьуна нийсса тІоьхула бу уьш, Зеламха, – аьлла. – Тховса хиндерг шайна а хуур хир ду-кха царна».

Буьйсаннах ши дакъа хиллачул хенахь, Зеламхас дечган гоьрга тІе истанган бІегІиг а хьарчийна, массийтаза топ а кхоьссина Лечийн бердах чуяхийтира. Салташа цунна тІе тІом болийра. Зеламха хьехачуьра араваьлла шена кІело йинчу нахана юккъехула ваьлла, ламтІе хьалавахара. Ша гена ваьлча юха а кхузза топ кхоьссира цо полковнике ша аьлларг цуьнца тІечІагІ деш.

Кхузахь бакъдерг ала деза. И нах Зеламха вен ца луш ца Іийна: цунна топ ца тухуш Іийна. ХІетахь нах къонахалла йолуш а, майра а хилла. МостагІчун луур ца даккха цатоьхна цара Зеламхина топ. Вен ца вуьйш вахийтина цара иза. Цул тІаьхьа – дуьйцура Хушалаева Зезага – Махьматха юьртда вахийтира. Цунна 13 бІе туьма ахча а делира, бохуш.

Зайнди Зухайраев. Іаьржа истанг. (Кийсак)
Колхозан дахар. 1990 шо

АДАТЫ И ЗЕЛИМХАН

Как-то абрек Зелимхан встретил на горной дороге женщину, охваченную горем. Он спросил, что случилось. «У меня отобрали младенца», – ответила женщина. Зелимхан пустился на розыски и вскоре увидел двух мужчин, которые несли ребенка. Абрек долго просил вернуть ребенка матери, заклинал Богом, предками, но безрезультатно. Когда он перешел к угрозам,

мужчины зарубили младенца кинжалами. За это Зелимхан их убил. По чеченским адатам нельзя поднять руку не только на младенца, но и на несовершеннолетнего подростка, на женщину, на старика. Они не входят в круг мести.

Записал С.-М. Хасиев

КЪОНАХИЙН ЛЕЛАР
(Собар туьйлира)

Нажи-Юьртара Зандакъа юьрта боьдучу новкъахь паччахьан эскаро тІелатар дина хилла обарг Зеламхина. Ткъа, цигахь хиллачу тІамехь коьртара боьжна бисна хилла Харачойн Зеламханан куй. Оцу меттиге нисвелла шен гІуллакхера вогІуш волу Зандакъара юьртда Хидов. Цо Зелимхин куй, салтийн кара ца бахийта, шега схьа а эцна, дІабаьхьна. Дика хан-зама яьлча, Зеламхина тІе мот-эладита кхаьчна: «Зандакъарчу юьртдас хьан куй, дІасакхуьйсуш, мира бетташ, ша къонах хиллехь, дІабахьа вогІур вара хІара бохуш лелош бу» – аьлла.

Оцу белхан йист яккха дагахь Зандакъара Іиса волчу хьошалгІа веъна обарг Зеламха. ХІара шиъ дууш-молуш Іаш, вистхилира боху Зеламха: «Дуй хьуна, Іиса! Ахь дика ладогІал сан къамеле! Со тховса вайн тобанехь сакъоьруш Іайла долуш вац, Хидовгара цхьа бекхам ца эцча цаволу со. Ша къонах хиллехь, шен куй дІабахьа вогІур вара Зеламха бохуш, сан куй мира а бетташ, дІай-сай кхуьйсуш, лелош бу боху цо. Я со вейтина, я и вийна, шиннех цхьаъ ца дича ца волу со, хІун хета хьуна оцу хьокъехь?».

ТІаккха жоп делла Зандакъойн Іисас: «Собаре хилалахь Зеламха! Собаре. Дуй-хьуна, ахь цкъа ладогІалахь, суна дика вевза хьуна и Хидов. Вайшиъ вовшех дага вера ву цу хьокъехь, тІаккха цхьа диканиг хир ду Делера, Дала мукъалахь».

Вовшашца дуккха а дагавийларш хиллачул тІаьхьа вистхилира боху Іиса: «Дика ду делахь, Зеламха! Шу-шиъ вовшашна

юьхь-дуьхьал вевзаш а ца хилча, вайшиъ тховса, Іаржъялийтина, Хидов волчу хьошалгІа гІур ву. ТІаккха-х хуур дуй вайшинна баккъалла бакъдерг».

Іисас йинчу юкъарлонна реза хилира боху Зеламха. Обарг Зеламхех ша волчу веана цхьа хьаша а тарвина, Хидов волчу хьошалгІа вахна Іиса. ТІаккха, Хидов волчохь хьошалгІахь волуш, баьрче оьллинчу кхаа куйнах бІаьрг кхетта Зеламхин. Царна юкъахь кхозуш шен куй а бевзина цунна. ТІаккха, шена хезнарг бакъ доцийла хиьна, жимма дог дастаделла, ша вовза а ца вовзийтуш Іисайца баьрччехьа ваьлла шуне кхача баа охьа хиъна Зеламха. Иштта, гІийла богуш нохчийн чиркх а болуш, дууш жижиг-галий а долуш, кхо накъост сакъоьруш Іаш, дуй хьуна аьлла, вистхилир боху Зеламха: «Ванах Хидов! Ма цхьабосса товш хаза куйнаш ду хьан баьрчехь дерш, ахь царах цхьаьннан мах алахьара, мах ца къуьйсуш, царах цхьаъ оьцур бар ас».

ТІаккха, дуьхьал вистхилла Хидов: «Гой хьуна Хьаша! Цкъа делахь геннара веана хьаша ву хьо, цу тІе а, тхан юьртахочунна Іисайна тІе воьссина а ву! И кхоьа а куй сайн баьрче бохка оьллина бац ас, дІахаийла хьуна. ШолгІа-делахь, царах цхьаьннан мах ала а, бохка а йиш яц сан! Къонахийн куйнаш ду уьш. Царга бІаьрг тоьхча, даиман айалой, самукъне хуьлу сан дог – ойла! Сан ден а, де-ден а, ши куй бу дехьа-сехьа кхозуш берг, юккъехь берг цхьана къонахчун куй бу, сан ден а, деден а, куй санна беза хеташа а бу! Къонахчун куй бухкуш а, оьцуш а хила йиш йолуш бац. И тайпа къонахий дуьненчура дІа бевлача а, церан сий, амат, куц-сибат, халкъалахь дуьссур ду аьлла хета суна. Хьо реза велахь, хьоьгара цхьа а мах ца оьцуш, тхайн юьртан къонахойн сийнна а, хьо хьаша ларарна а, хьуна совгІатана хІара сайн куй ло ас хьуна!», – аьлла, шен куй белла Хидовс..

ТІаккха, Іисас хІара шиъ вовшашна вовзийтина хилла. Амма, дийцарехь, цул тІаьхьа тешаме доттагІий хилла царах. Обарг Зеламха а, Зандакъан юьртда Хидов а ца везачу наха лелийна питана хилла хІокху шинна юккъехь лелларг, вовшийн

хIаллаквайтаран Iалашонца. Обарг Зеламха, махкана а вевзаш дика кIант хиларна, цуьнан куй, мостагIийн кара ца бохийтуш схьаэцна, кIелхьарабаькхина Зандакъарчу юьртан дас Хидовс. Иштта, ша Хидов а, вуьззина къонах хилар а, дика кIант хилар а гойту обарг Зеламхин куйнан цо сийдаро. Ткъа иштта, Зеламха тIе вогIуш хилла волу Зандакъойн Iиса тешаме дика кIант хилар а хоуьйту оцу нисдаларо.

Адмашна юкъахь зулам даккха санна, стаг воцучу стага кхуллу, я хазадо тIаьхьашха хабар, элира-бахараш, мотт-эладита. Хийла кхоьллинчу эладитано, аьллачу дашо, даккхий зуламаш дина меттигаш ю вайн махкахь. ХIора стага ойла ян еза дош дIа алале хьалха, хIоранна а хаа деза ша хIун дийца деза. Иштта, хьекъалца а, гIиллакхца а, тIекхуьуш хилла Обарг Зеламха моссо зуламхочун, ямартхочун хIиллана. Цо чIогIа ойла еш хилла ша дечу гIулакхан, белхан, толлуш хилла цуьнан юьхь а тIехье а. Цуьнан дахарехь даиман а хьалха хилла оьздангаллин, сийлаллийн, турпалаллийн лехамаш.

ДIаяздинарг: В. Вазаралиев. Даймохк. 2016 шо

САТИЙСАР

Цхьана юьртахь ехаш йолчу цхьана йоIана тIехьийзаш цу юьртара бехачу нехан цхьа кIант хилла. Ткъа хIара йоI гIийлачу ден-ненан хилла. Ша вехаш хиларе терра, йоIана даккхий хабарш дуьйцуш хилла кIанта.

Цхьана дийнахь юртахь доккха ловзар хилла, цу ловзаргахь йоьIан тIехьийзаш волчу кIанта кхунна уллехь Iачу йоIе сакъера аьлла хабар даитина. Ша лаьттахь ю, стиглахь ю ца хууш Iаш хилла йоI, шен нийсархошна хьалха юьхьIаьржа а хIоьттина. Иштта хIара холчахь Iачу хенахь, дехьа сонехь Iаш волчу цхьана къонахчо тIе хабар даийтина кхунна. Иза хилла беркъа хIума тIейоьхна, деха Iаьржа верта а доьхна. Самукъадаьлла йоIан.

Ша хелха волуш ца хилла и къонах, делахь кхечаьрга йоккхуьйтуш хилла. ЙоI хелха моссаза йолу, тапча кхуссуш хилла къонахчо. Иштта яьлла дикка хан. Ша куралла йиначу йоIана оцул сий дан ваьхьнарг мила ву хаа лиинчу вехачу кIанта аьлла:

– Ма кхийсса и тапча, кхин и кхоьссинчуьнан соьца гIуллакх хир ду, кхузахь бераш а ду.

ТIаккха а йоI хелха йолуш къонахчо тапча къоьссина. Хьала а иккхина чухьаьдда вехаш волу кIант. ГIовгIанаш ца езаш волчу къонахчо аьлла:

– ХIинца кхуза Iедалах стаг кхача мега, цундела со дIа ца вахча ца волу, хьоьца дерг вайша къастор ду нах боццучохь, гур ву вайша!»

ТIаккха йоIанна тIе а вахана. аьлла цо:

– Со юха вогIур ву хьуна, маре ма гIолахь, со Зеламха ву хьуна Хорачара.

Изза дешнаш а аьлла, говра тIе а хиина, дIавахана къонах.

Ехха лаьттина йоI, Iадийча санна. Ткъа Зеламха боху цIе ма-хеззина, бос хийцабелла вехачу кIентан.

Дукха хан яьлла цул тIехьа. БIе сов шо а кхаьчна цу йоьIан, кхин маре ца йоьдуш. Ша маре ца яхарх иштта дуьйцу бахара цу йоIа: оццул юхьIаьржа хIоьттина, ша дог доьхна Iача минотехь, цо шен кIайн йина юьхь, цо шен дина сий диц ца луш, иза вогIу ларвеш Iийна ша. Оццул шераш дIаэхарх, иза вогIар вац аьлла дага ца деана шена.

ЗЕЛИМХА ЛОВЗАРГА КХАЧАР

Лекхачу ламанан юьртахь-Шуьйтахь – ехаш хилла цхьа йоI, шен нийсархойх хазаллица, гIиллакхаца, оьздачу тайпанца, къоначу вежаршца къаьсташ. Мичча меттехь Нохчмахкахь ловзар хилча, цунна тIаьхьа иза ловзарга йига йоуьйтуш хилла кечйин пайто: гондIа бIо болуш, локхуш пондар а, тухуш вота а йолуш, кхуьйсуш герз а долуш юссуш хилла иза ловзарга. Цхьана хазчу Iуьйранца исбаьхьа кечйина пайто кхаьчна йоI ехачу

хIусаме. И пайто яийтинарг хилла шен хьолаца, таронашца, олаллица Нохчмахкахь гIараваьлла волу хьолахо Чермоев Тапа.

Пайто арахь лаьтта дукха хан яцара ловзарга йига йоI ара йоккхуш. ХьаргIа санна Iаьржачу говраш тIехь, гондIа бIо болуш, локхучу пондарца, тухучу вотанца кхечира замой Теркайистерчу ловзарга. Ловзаргахь инарла хиъна Тапа Чермоев вара, шена гондIа эскаран бIо а болуш. Кхаьршиннан юкъаметтиг хууш бара цу ловзаргахь болу дукхахберш...

Ловзар юккъе даьллачу хенахь кху ловзарга йоьссира туьйранашкахь буьйцучу мехкарех, инзаре хазчу куьцехь хIириин кьоман цхьа хьаша. Ловзарга баьхкина болу кегий нах цуьнга хьаьжначохь бисинера: инарлин бIаьрго а лаьцнера йоьIан хазалла. Кхузахь ша дог доху йоI йицйина, оццул гена баьлла болу шаьшшиннан безам а бицбина, хIирийн йоIаца сакъера волавелира Чермоев Тапа. И хааделла стиглахь ю – те ша, я лаьттахь ю-те ша, я хIара лекха лаьмнаш дIашарлуш ду-те, я сийна стигал тIекхеташ ю-те, бохуш, ойланаш еш, лаьтта хьожу Iаьржа ши бIаьрг хьала хьажо йиш йоцуш, юьхьIаьржа хIоьттина Iара Чермоевс хьалха сакъоьруш хилла йоI.

Малх делкъал тIехьа баьлла хан хилла иза, тIетаьIIина дIадоьдуш ловзар а долуш. Цхьа йоI йоцург самукъадаьлла бу берриш а. Эццехь расхачу динахь, сийна ши бIаьрг а болуш, тIекхоьллина чергазийн Iаьржа верта, яьлла морса Iаьржа мажмекх, тIеюьйхина беркъа бедар а йолуш цхьа бере ма кхаьчна цу ловзарга. Хьошаллин хан чекхъяьлла хелхаран бал баккха юкье ваьккхина и бере. Шена бинчу тешна бехко Iадийна лаьттачу йоIа деле дехна, ща цуьнца хелха ялар нисдахьара, аьлла. Хелхаран болан цхьа го а баьхьна, шолгIа го боккхуш волчу берес, йоIана хьалха бухь а боьгIна, шеца хелха яла кхайкхина. Цхьа го а баьхьна, шолгIачу гонехь лере тIаьIна, хьеше йист хилла йоI. Тахана санна юьхьIаьржа хIоьттина де дацара шен, шена вошалла а, накъосталла а дахьара ахь. Нагахь хьайгахь герз делахь, инарлина уллохь герз кхоссахьара, аьлла. ЙоIана хил-

ла цатам гуш волу бере хелхаран бал боккхуш инарлина улло кхаьчча цIеххьана вертана бухара герз дийла доладелла инарлина хьалха ченан кIур а гIаттош. Инарлина гонахьара бIо тохабелла: инзаре тамашийна хIума дара паччахьан метта волчу инарлин когашкахь герз кхосса вахьар. Хьалаиккхинчу инарлас ловзар сацийна. Куьйгаш герза тIе дохкуш, юха схьадохуш хьийзара иза. ТIаьххьара а къамеле ваьлла Чермоев Тапа.

– Деллахьа, цхьа Іовдал ламанхо, цхьана ламан чIоьжара схьаваьлла бежаІу хир ву-кха хьо ша цавевзаш кхоьсина хир ду-кха ахьа и герз сан когашкахь. ХIара нах тешаш а болуш, ша коча хеча а хьарчийна, дIахьажор ву хьо. Тапас, тIаьххьара а аьлла дешнаш шен лере кхаьчча, беречун дог вертана бухахь тохалуш санна хийтира, цуьнан бIаьргаш майраллица паргIат хьоьжура, цуьнан Іаьржа верта шорлуш, белшаш стамлуш хаалора.

«Ахь вуьцу Іовдал ламанхо лаьмнийн чIоьжара схьаваьлла обарг, хорачойн Зелимха ву-кха!», – аьлла, шен Іаьржачу, дехачу вертанан га дIатесира Зелимхас, вертана бухара гучаделира уггаре а тоьлла герз. Зелимха цIе яьккхича, эскаран бIо ша болчуьра юхабелира. Іаь лекъча санна, вистхилар доьхна Іара инарла а. «Лаьмнийн некъаш хедачохь вовшахкхетар нислур ду вайн», – аьлла, шен Іаьржачу расхачу дина яйн шед хьакхош, ламанан аьрзу санна, чергазийн Іаьржа верта мохо ловзош, лома тIехьа дIавайра обарг Зелимха.

ДIаяздинарг: Д. Ахмадов. МахкатIе. 1989 шо

ЗЕЛАМХА ГIАЛГIАЙЧУ ВАХАР

Хушалаева Зезага дуьйцура... Зеламха ГIалгIайчу вахана хилла, шена тешаме накъост лаха. Цигахь иза кара а вина, вуха цIа а веана, шеца доьзал а болуш цига вахара Зеламха. Цигар-

чу хьешо Башломана гена йоцуш йолчу хьуьнах тоьла яьккхина хиллера. Цуьнан тхевна тІе биллина хиллера корсум. Берашна шура яккха яй а эцна, цу тоьли чохь баха ховшийра Зеламхан доьзал. Иштта цигахь тхо дехаш-Іаш цхьа зама яьллачу хенахь – мархин баттахь дара иза -и тхан тешаме гІалгІай юьртан базара вахийтира, цигара эций кхоьаш йохьуш вагІахьара хьо аьлла, дехар дина. Массо а маьркІажан ламазна тхо хІиттинчу хенахь ворхІ шо кхаьчна волу кІант шеца етт боцуш ведда цІа веара. Цо элира:- «Вайна го тесна тІедогІуш эскар ду!»...

Тхуна тІевеара цхьа эпсар: – Шу лецна ду! – элира цо. Тхоьца юьрта охьадахка дезар ду шун хІинца. – Цу эпсаро – дуьйцура Зезага шен хенахь – тхо юьрта охьадалийра. Тхуна чохь Іен цІа делира. Цу юьртан да хиллера шен цІа тхуна чохь Іен делларг. Тхан хьашташка хьожуш яра цу юьртден йоІ. Иза ша жеро яра.

Гуьржин хьаькамо тхойший (Зезаг а, Биций а) а шена тІекхайкхийтира. Барт хоьтуш, Іиттарш йора цо тхойшинна: – КІезий дІа а тийсина, стенга вахана иза? Цунна дуьхьал йист ца хилча, дІагІо, аьлла, хІусамден цІачу яхийтира. Тхойша ехаш йолчу цІенош чу кхаьчча, вовшех дагаяьлла, охашима жеро кхайкхина, цуьнга цхьацца хеттарш дира: – Маса полк ю кхузахь? Бусулба нах буй цу полкех цхьанна а юкъахь?

– Гуьржийн цхьа полк, оьрсийн цхьа полк, суьлийн цхьа полк ю кхузахь, – аьлла, жоп делира тхойшиннан хеттаршна жерочо, хІусамден йоІа.

– Нохчийн мотт хууш цхьа а салтий вуй цу суьлийн полкехь? – аьлла, хаьттира охашимма. – Суьлийн полкехь волу эпсар Іалашвеш волчу салтичунна нохчийн мотт хаьа, – аьлла, жоп делира йоІа. – И салтий вовзийтахьа тхойшинна, — элира цуьнга Бицис. Цо и суьли тхойша йолчу валийра. – Оцу хьайн суьлийн хьаькамана тхойшиъ тІе йигахьара ахь, аьлла, дехар дира охашимма. Цо кхочушдира тхойшиннан дехар. Цу эпсарна хьалха корталеш туьйхира охашимма.

– ХIун дехар ду шуьшиннан шега? – хаьттира эпсаро тхойшинга.Тхойшиннан дехарх кхетча, цо элира: Соьлжа – ГIаларчу хьаькамна тIекхачор ю шуьшиъ а, шун доьзал а.

ШолгIачу дийнахь цо новкъа дахийтира тхо гуьржийн полке. Цунна хьалха ваьлла вара гуьржийн эпсар. Иза хьалха а волуш, тхо ахкал дехьа долучу тIай тIе кхечира. Тхо цига ма-кхаьччинехь, тоьпаш евлира. Салтий боьхна дIасабевдира. Юха меттабаьхкинчу цара тхойша а, бераш а тIай тIе дигира. Цу тIай тIехь, ах дегI чу олладелла а волуш, кхозавелла Iара велла волу, тхойшинга барт хиттина эпсар. – ХIара-м шен метта дIакхаьчна, – аьлла элира и гуьржийн эпсар гинчу Бицис. Юханехьа дIахьаьжначу тхойшинна гира, вертанаш тIе виллина вохьуш волу, велла стаг – суьлийн эпсар. И эпсар чов хилла вара... Зеламхана и сурт шена ма-гиннехь мохь туьйхира: « Воо, Лом-Iела, воха ма вохалахь. Саца ца юьтуш мажар йийла йолало хьуна!..» Болабелира тIом. Цхьа дела воччунна хилларг хIун ду хуур доцуш къемата де хIоьттира...

Соьлжа-гIала охьадалийна, цигарчу хьаькаме дIаделира тхо, Биций, цуьнан доьзал а гIалахь совцийра, со цIа яийтира. Ведана цIа кхаьчначул тIаьхьа кхузарчу хьаькамо тIе кхайкхира со. – Хьо лаьцна яц – паргIат ю хьо! – элира соьга цу хьаькамо. Амма ахь тхуна цхьа гIо дан деза. Шаьш долчу Зеламха веача цуьнан хьокъехь тхоьга хаам барца.

Иза соьга далур дац, – элира ас цуьнга: тхаьш дехачу меттигера Ведана а еана муха бира бу ас шуна цуьнах хаам?

Шаьш дехаш долчу цIенойн цхьана коре – къилбаседехьа долчу коре Iаьржа истанг тоха, – хьехар дира цо. Шу дехачу меттигехь вехаш тхан стаг ву.

Ас коре и истанг ма туьххи цо суна топ тухур ю, – элира ас. Делахь-хIета, хьо лаьцна ю, – аьлла, цо со юха Соьлжа-гIала охьаялаяйтира.

Зайнди Зухайраев. Ведана. 1990 шо.

ІАЬРЖА ВЕРТА

Цкъа обарган доттагІа а, йозанча а волчу АтагІарчу Тамаев Аюба хаьттинера Зеламхига: «Хьуна муха хиира хьуо дог-майра, кхерам хІун ю ца хууш хилар?»

Обаргийн баьчча ойлане ваьлла. Цкъа ца дийца дог хилла. Юха а, Аюб шех нийса кхетар вуйла а хиъна, дийцина:

– Хьуна ма хаьийца сан ден да Бахо Шемилан, наиб хиллий. Ткъа сан дас Гушмазукъос 1871-чу шарахь Къоьзан-Іома тІе веанчу паччахьан Александр-II чун гІарола 7 вийна хилла. Иза Іедалца йолу тхан юкъаметтиг вуно хьалха телхина хилар ду. Цун-дела и шиъ а обарг вара. Юьртахь Іара, Іедал догІу аьлча – юьртах волура. Цул сов, царна тІехь нехан цІий а дара. Цундела чІирхошца йолу юкъаметтиг а ларъян езаш хуьлура. Ткъа сан сайн 14 що долуш дуьйна Іедалх а, чІирхойх а ларвала дезна.

Цкъа цхьана гуьйренан Іаьржачу буса Веданара Хорача вогІура со. Суна хаьара сайна тІаьхьабевлла чІирхой буйла а. БІаьрга Іоьттина пІелг гур боцчу бодашкахь цІеххьана цхьа кІеда хІума нисъелира сан кога кІел. Хьун Іадош ирча мохь белира буьйсанан тийналлехь. Сан ког буха ца болуш, тІетаьІира. Иза йижина Іуьллуш йолу пхьагал хиллера, со дукха тата доцуш варна сама ца яьллера иза. Эццахь хиира суна сайн дог кхералуш доцийла.

И саннарг кхин дІа а дуьйцур ду ас шуна. 1901-чу шарахь набахтера ведда Зеламха Хорачахь ларвеш вара. Кхолха го лаьцнера юьртана. Юьртарчу старшинас синкъерам бинера паччахьан эпсаршна. Дууш, молуш буьйса юкъал тІехъелира. Зудабераша дийхира, шаьш дІадахийтахьа, хІинца хан а яьллера, аьлла. Амма бехначу эпсаршна нохчех хелхабовла лаьара. Эвхьаза забарш йийраш а бара. Боьхна хьийзара мехкарий. Царна кхача орца дацара, Зеламханна гур лаьцна бара.

Оццу хенахь, Іаьндийн ломар а охьа богІучу новкъа Хорача вогІура цхьа къонаха. ГІаролехь лаьтта салтий цецбевлла хьуьйсура цуьнга: когашІуьйра, юькъа яьлла маж, тІехь тиша бедарш.

– Мила ву хьо? ХІун гІуллакх ду хьан Хорачахь? – хаьттира эпсаро.

– Со юьртара бежIу ву, сатоссуш бажа дIалоллур, аьлла, вогIура со-м, – жоп делира оьрсийн мотт кегабеш.

Изза элира цо кхин а шина гонах волуш а. Эххар старшинанан хьеший оьцучу цIа чу кхечира иза.

– Ассалам Iалайкум! ХIай кура кIентий! Пондар-вотано наб ян а ца витина, бажа дIалоллу хан кхаччалц сайн хелхарца шун самукъадаккха ас, аьлла, чу ма веа со-м, – элира цо.

БежIуьнера салам цхьаммо схьа ца ийцира. Дууш, молуш, еха лоха стол хьалха а йиллина Iаш болу эпсарш бийлабелира цуьна дешнаш шайна гоч дича. Дукха хан ялале хелха-ваьккхира хьаша. Даьндарг санна, хьаьвзира иза кога буьхьар хIоьттина. Шекбевлира чохь берш, иштта тIах аьлла бежIу хуьлийла а дацара. Оццу хенахь четара тапча схьа а яьккхина, «бIов», «бIов» аьлла шозза йожа а еш, хелхар чекхдаьккхира.

– Господин бежIу! Оцу тапчин кехаташ дуй хьан? – хаьттира хьешех цхьамма.

– Ду дера, кехаташ доцу тапча а эцна, кхолха гуо лаьцначу юьрта ван мила ваьхьа? – жоп делира цо.

– Схьагайтал и хьайн кехаташ!

– Кху делан минотехь-м гойтур дара, – аьлла, карара тапча аьрру куьйга а лаьцна, чета кхевдина «Браунинг» схьа а яьккхина. – Оцу тапчин кехат – хIара тапча ду. Шуна ма гарра, со Зеламха ву. ХIокху чохь меттахваьллачух ас и алкханча чекхъ яллал Iуьрг оьккхуьйтур дуйла хаалаш. ХIара цIа обаргаша гуо лаьцна ду. Арабовлийтал кху чуьра мехкарий! Зударий, мехкарий ара бевлча, нийсса эха сохьтехь кху чуьра шух араваьлларг Далла дуьхьал гIур вуйла хаалаш, жIаьлеш,- аьлла, ара а ваьлла, дIавахара Зеламха. Иза иштта вара. Цундела аьлла илланчас а: «Iаьржа верта, Iаьржа буьйса – Зеламха».

Кхин цхьаъ а дуьйцур ду ас. Илецки каторге дIабигна шен гергарнаш мичахь бу ца хуучу Зеламхас лоьхура Грознерчу набахтин начальникца цхьаьнакхетар. Эххар а цунна хиира Грозный гIопан комендант а, набахтин хьаькам а ресторанехь сарахь сакъера вовшахкхеташ хилар. Ас дечу хьесапашца, и ресторан хIинца «Детский мир» туька йолчу ширачу цIа чохь хилла.

Комендант а, набахтин хьаькам а чучча вахана, дагара дуьйцуш Іаш, дуьхьал оьзна пан – бархат дІаса а тоттуш, – чоьхьавелира тІехь верта долу ламаро. Иза шинна а вевзира.

– Шу дохий ма хьовза, дукха дакъаза а ма довла. Со сайн са дадийна лелаш вац, -олуш, вертанан ши тІам схьа а биллина, ши тапчий, жима бомбий гайтира цо. Таккха тІетуьйхира: – Со къамел дан веана ву, шуьшиъ вен веана вац.

ГІопан хьаькамаш боьхнера. Даа а, мала а хьалха теттира цара хьешана. Амма кхо уьш дІаІатеттина, тІе кІац хІоьттина йолчу фужера чуьра морса а мелла, ша деанарг охьадиллира. Шена оьшург хиъначул тІаьхьа, жимма хьиэвелира, дика цІий а еш еттина москал яа дагадеана. Эццахь гал а велира. Ларамаза чухьажавеллачу жандармерин хьаькамна гира шек дІа а воцуш, москалан, гІогІ а дууш, вела къежаш Іаш волу Зеламха.

– Бехк ма биллалаш, – аьлла, вуха а ваьлла, зала чохь вайра жандарм. Зеламхин, шеца волу шиъ кхера а вина, ара вала дийзира. Сихха говра а кхоссавелла, Соьлжан тІайх вала дагахь дІахаккавелира. Амма тІайн дехьа юьххьехь латийнчу фонарашна уллохь пулемет схьаерзош бохку салтий а гина, шен дин мабоггІура Соьлжи чу тесира цо. Маьхьарий девлира:

– ТІетоха, ма валийта, Зеламха!

ШолгІачу дийнахь делккъалц теллира Соьлжан гІад – бердаш. Амма обарг ца карийра.

Иштта вара Зеламха. Дукха ду цо ша обарг леллачу 25 шарахь лелийнарш. ХІаъ, 25 шарахь. Автор гал ца ваьлла, галваьлларг вайн истории майраллин агІонаш нийсса ах яцйинарг ву. Цхьана статья тІехь таро яц дерриге а дийца. Кхин а дика хир ду вай, хаза, цхьабарт болуш ахча вовшах а тоьхна кино яккхийтича. ТІаккха вайна юха а гур ву догмайра нохчо, юха а дехар ду вешан дайн дахарца – майраллех, доьналллех, дозаллех дуьзна долчу. Ма-дарра аьлча, вайна хааза дисина хІинда а дукха хІуманаш ду.

Хьасан Гапураев. Даймохк. 1989 шо

ГЛАВА 5. ЮМОР

БЕСПОЩАДНЫЙ ЗЕЛИМХАН

Решил как то абрек Зелимхан слегка наказать слишком уж зарвавшегося старшину аула за его постоянные и неоправданные придирки к односельчанам.

В качестве наказания он вывел старшину ночью из дома и с завязанными глазами и долго водил вокруг его же амбара, после чего молча запер старшину в амбаре и ушел.

Утром жена старшины открыла амбар, чтобы взять зерна и покормить кур.

– Бедная, – сказал муж жене, – даже тебя Зелимхан не пощадил, похитил и привез сюда?...

– С ума сошел? Выходи, ты у себя дома», – ответила удивленная жена.

КТО ТВОЙ КУНАК?

Сидит как то Зелимхан с кунаком и тот задает ему вопрос: «Представь себе, что ты без ружья и тебе встретился Вербицкий. Что будешь делать?»

– Буду стрелять в него из браунинга.

– Представь себе, что ты и без браунинга. Как поступишь?

– Сойдусь с ним в схватке с кинжалом!

– А представь себе, что ты и без кинжала. Что будешь делать?

– Я абрек и горец, у меня кинжал всегда при себе!

– Ну вот представь – ну нет кинжала.

– Я что-то не пойму – кто твой кунак: Вербицкий или я?!

ЛЖЕ-ЗЕЛИМХАН

Говорят, что объявился один подлец, который выдавал себя за Зелимхана и, пользуясь его громким именем, отнимал у бедняков скот и прочее добро. Говорят, абрек узнал об этом и отыскал лже-Зелимхана. «Кто ты?» – спросил его абрек. «Я Зелимхан из Харачоя!» – грозно прорычал грабитель, даже не подозревая кто перед ним.

Зелимхан, говорят, абсолютно спокойно вытащил кинжал из ножен, отрезал граби-телю ухо и ответил: «Отныне люди будут знать, что одноухий Зелимхан не тот Зелимхан, а с двумя ушами и есть настоящий Зелимхан из Харачоя».

ПРИНЦИАЛЬНЫЙ СПОР

В центре аула спорят два абрека. Оба возбужденные, готовы пристрелить друг друга из пистолетов.

Один из спорящих утверждает, что в ауле день, другой – ночь.

Остановили мужчину, который проходил мимо, приставили к его голове пистолеты и спрашивают:

– Реши наш спор! Отвечай, день в ауле или ночь?

– А я не знаю, я не из этого аула, – ответил мужчина и зашагал прочь.

ЭТО ТЫ ЗЕЛИМХАН ?

Выпивший горец зашел в кинотеатр. Впереди сидит здоровенный детина, и его голова заслонила весь экран. Горец толкнул впереди сидящего и спрашивает:

– Эй, приятель, что там показывают?

– Фильм о Зелимхане.

– А Зелимхан это не ты?

– С чего ты взял? – возмутился зритель.

– Клянусь, я кроме тебя никого не вижу.

ПИТЬ НАДО В МЕРУ

Некий хозяин, оказывая гостю всяческие почести, раз за разом с почтением наливал ему водки. Пьянеет гость и говорит:

– По нашему обычаю ты не спросил, кто я. Так знай же, я племянник самого Байсара Мочки, основателя села Базоркина.

– Славно, – ответил вежливо хозяин, – ты, оказывается, являешься родственником именитых людей.

Выпил гость очередной бокал и сказал:

– Это еще ничего. Я являюсь еще и присяжным братом самого благородного мужчины Уцига Малсага!

– Пусть крепнет ваша клятвенная дружба, – пожелал добродушно хозяин.

Вновь выпил гость и продолжил самовосхваление:

– Ко всему тебе еще надо знать, что я был шамилевским наибом, что я был правой рукою знаменитого абрека Харачоевского Зелимхана, когда он брал банк!

Подумал хозяин и решил про себя: «Э-э, если ты еще выпьешь, то ты не моргнув глазом станешь племянником Зелимхана, а то и сподвижником самого зятя пророка Мухаммеда, героя Али».

Тут хозяин и припрятал выпивку. Понял он: гость ли, другой ли кто, но наливать и пить надо в меру.

ВЕРБИЦКИЙ ШУТИТ

Войсковой старшина и командир «охотничьего отряда» по поимке Зелимхана атаман Вербицкий разговаривает по-отечески с солдатами.

– Ну что, орлы, поймаем Зелимхана?! – шутит Вербицкий.

– Поймаем! Поймаем! – шутят в ответ солдаты.

ВЫБОР ДОБРОВОЛЬСКОГО

На развилке трех дорог в Чечне стоит Добровольский. Перед ним камень:

«Налево пойдешь – Зелимхан убьет. Направо пойдешь – убьет Зелимхан. Прямо пойдешь – Зелимхан убьет».

«Что же делать?» – думает он.

Тут внутренний голос ему говорит: «Думай быстрее, а то он настигнет тебя прямо здесь!»

ХОТЕЛ ПОМОЧЬ ДЕНЬГАМИ

Один чеченец направил наган в грудь другому:

– Зелимхана, абрека, знаешь? Деньги есть?!

Второй достаёт пистолет и отвечает:

– Ну да…Это я! А почему спрашиваешь?

– Да… Если нет денег…, хотел помочь!

ПОРОДИСТАЯ СОБАКА

Когда Зелимхан убил писаря-стукача, на окраине села старик спросил у него:

– Не знаешь, что там за шум?

– Собаку застрелили.

– А почему плачут женщины?

– Породистая была.

КТО ТАКИЕ АБРЕКИ?

Анекдот 1996 года.

Беседуют Лебедь и Куликов.

Куликов:

– Чеченцев – давить! Все эти чеченцы и прочие урюки – это же все подряд бандиты!

Лебедь:

– Господин Куликов! Урюк – это же сушеный абрикос!

Куликов:

– Знаем мы этих абрикосов! Днём он мирный абрикос, а как только ночь – вооружённый чеченец!

РЕШИМ ПРОБЛЕМУ БЕЗ ПРОБЛЕМ!

Анекдот периода войны СССР в Афганистане.

Трудно стало в Афгане, из одного кишлака никак не выкурят моджахедов. Один из наших бойцов говорит: «У меня в горах есть друг, может его пригласить?»

– Давай.

Приехал друг. Заросший весь абрек.

– Куда идти?

– Туда вот, а что тебе надо? Автомат? Пулемет? Танк?

– Ничэго нэ надо, у мэня есть кинжал! Приходите чэрез дэнь.

Через день приходят в кишлак войска. Смотрят – сидит абрек на камне, кинжал точит, а рядом горы трупов лежат. Все удивляются:

– Где ты так научился? У вас ведь в горах и людей-то нет!

– И здэсь нэ будет!

МУРТАЙС ЛЕЛОРИГ ХIУН ДУ?

Цхьана дийнахь Зелимха вахана хилла Дуц-Хоте. ТIевуссуш цхьа миска стаг хилла цуьнан цигахь, Муртай цIе йолуш. Зелимха хIума юуш Iаш а волуш, орца деана, юьртан лоцуш го бу аьлла. Сихха араиккхина иза. Арахь йихкина говр ца карийна цунна. Мичахь ю говр аьлла хаьттича, кертарчара жоп делла: «Муртай вахана говр эцна ахьар цIа дан».

Зелимхас аьллера: «Ва-тIа-тIай! Аса лелориг хIун ду, Муртайс лелориг хIун ду?».

ХАРАЧОЙН ЗЕЛАМХАННА ЖАЙНА ДАККХАР

Сайна берахь баккхийчара ма-дийццара, дІа дуьйцу ас шуна а. Хьалхалерачу заманчохь, суьлийн махкарчу Іаьнда – юьртахь вехаш-Іаш хилла Умар-Хьаьжа бохуш цхьа дешна Іелима стаг. Къаьсттана бусалба жайнашца нахана дарба лелош, нахалахь гІараваьлла а хилла и. Амма, цо даьккхинчу жайнийх нахана дарба а хуьлуш хилла. Умар-Хьаьжас динчу гІулкхах лаьцна дийца дуккха а ду, делахь а царах цхьаъ дийца лаара суна, со жима волуш, дас дуьйцуш хезнарг.

Умар-Хьаьжас, шаволчохь хьошалгІахь нисвеллачу Харачойн Зеламханна даьккхина хилла цхьаьннена цадоккхучу бесара топ цакхетойту жайна. Ткъа, Харачойн Зеламхана шена даьккхина жайна котамна кочу а уьллина, котам дІа а хецна, котамна топ тоьхна хилла. Амма, котам йийна ца Іаш мерцина яхийтина Зеламхана тоьхначу тоьпо.

ТІаккха, Харачойн Зеламхана дІа хьедина хилла Іаьндарчу Умар-Хьаьжа моллане: – «Ванах доттагІ! И хІун жайна дара ахь суна даьккхинарг, и кочу а оьллина топ тоьхча, котам елла цаІаш мерцина дІамаяхара сан. Ма, башха бегаш бара ахь бинарш?» – аьлла.

ТІаккха, сихонца котамна жайна а даьккхина, и котамна кочу а дихкина, котам дІа а хецна жоп делира боху Іаьндара моллас: «ХІинца кхетий хьажал Зеламха хьайн топ, хІокху баьццарчу котамна» – аьлла. Зеламхас шен пхоьазза йолу тоьпачуьра пхеа а патарма дІа тІе тоьхна хилла котамна. Ткъа, цу моллано говзбуочалла лелийнехь а, я Делан бахьан хІотарца хиллехь а, пхеа патармех цхьа а ца кхеташ висна бах нийса топ тухуш махкахь а арахь а цІе яххана хилла волу Харачойн Зеламха.

ТІаккха элир боху Іаьндара моллас: – «Ва ваннах Харачой Зеламха, котаман даьккхина ма дацар ша и жайна, адмана даьккхина ма дара и» – аьлла. Иштта, вовшашлахь забар а, герго а йолуш, къонахий хилла Харачойн Зеламханан заманчохь.

ДІаяздинраг: В. Вазаралиев 20І6 шо.

ЗЕЛАМХА ЧЕЧАНАХЬ ТИЛЛАВАЛАР

Мацах чIогIа дохк хиларана обарг Зеламха новкьах тилла велла хилла. Кхочу-у-у-уш Чечана кхаьчна иза. ДIаоьхуш, цхьана чечанхочунна ша тIекхаьчча шена ГIойтIа боьду некъ гайта хьара аьлла дехар дина цо цуьнга. Чечанхочо дийцина: ишта дIа а вахана, цигахь дIа виризина, юха аьтто агIор чу а вирзина ... бохуш. Ша тIаьхьа ца кхуьу дуьйцучунна, ван а волий, гайта хьара и некь аьлла дехар дина обарго.

ГIам-гIим а деш, хьалха а ваьлла, некъ гайта вахана чечанхо. Амма, муьлхачу бахьанехь делахь а, иза ша а тилла велла, амма хьеше хоуьйтуш ца хилла цо иза.

Ишта дIаоьхууш новкьахь чечанхочуьнна шен кIант дуьхала кхетта. Шен кIента пхьош схьа а лецна омра дина цо кIанте: «Катохий цIа вига со, хIара-м забар ма яй!» -аьлла. И омра а дина обарге юха а хьаьжна аьлла боху чечанхочо:»Варийлахь, хьо волчуьра меттах ма валалахь, дуьненчуьра тIап-аьлла вовр ву хьо».

ГЛАВА 6. ПОЭЗИЯ (ИЗБРАННОЕ)

ЗЕЛИМХАН

М. Исаева. 1934 г.

Над зеленой долиной
Дрожит ручеек на весу.
Дует ласковый ветер
В кудрявом Веденском лесу.
И на этом ветру
Шелестит, словно зыбкий ковыль,
Еле слышная песня,
Седая абрекская быль.

О, рассказ о героях,
Что в те отгоревшие дни
Умирали в лесах
За свободу родимой Чечни!
Мнится, жизнь их была
Даже этой листве дорога,
Их природа сама
Укрывала от взора врага.

И лепечет ручей,
Вьется ветер в зеленой тени.
Зелимхану слагают
Хвалебную песню они:
– Зелимхан Харачойский!
Привет тебе, славный джигит!
Пусть народная память
Вовеки твой сон сторожит!

О свободе народной
Звенел твой бесстрашный кинжал,

Бедноту, Зелимхан,
Ты своею семьей называл.
Ты детей и жену
Предоставил заботам судьбы,
Бросил дом и пришел
В этот лес для великой борьбы.

Здесь играли метели,
Взвивая серебряный прах,
По ночам завывали
Голодные звери в горах.
За народное дело
Ты бился, народный герой,
Этот путь для тебя
Был родней, чем семья и покой.

Став абреком себя
Ты великим лишеньям обрек,
По суровым горам
Ты оленем блуждал, одинок,
Ты свой слух напрягал:
Не таится ли враг за спиной?
По-орлиному взор твой
Сверлил этот сумрак лесной.

Ты не спал по ночам:
Не таится ли недруг в тени?
Но тебя охраняла
Природа родимой Чечни.
Если голод томил,
Ты был рад, ежевику найдя,
Если мучила жажда,
Ты рад был и капле дождя.

Было небо само
Одеялом твоим голубым,
А родная земля –
Незастеленным ложем твоим.
Ты подругу имел
Закаленную шашку свою,
Ты имел побратима –
Кинжал, выручавший в бою.

Ты бродил, одинок,
По хребту истощенной страны
И выслушивал жалобы
Сонной лесной тишины.
А когда утомлен
Тяжким грузом неслыханных дел,
Ты к жилищам людей,
Словно раненый сокол, слетел.

Вкруг тебя зашумело,
Страшась твоих глаз,
Воронье – И свершило в ночи
Черное дело свое.
Царь был счастлив: Ты умер!
Но слава твоя не умрет,
Не забудет тебя
Твой свободный чеченский народ!

ПРЫЖОК В ВЕЧНОСТЬ

М.Гешаев

Когда над горами сгущался туман
И был камнепад небывалый,
В Харачое родился абрек Зелимхан,
Гроза всей России немалой.
Волчица щенилась под песню ветров,
И рыскал злой барс по обвалам,
Мужал Зелимхан, у горящих костров
Месть в сердце его закипала.

И четверти века хватило ему,
Чтобы в шоке держать всю державу,
И был он грозою ужасной тому,
Кто делал на горцев облаву.
Не раз Государственной Думе пришлось
Решать, что же делать с смутьяном,
И столько бессонных ночей не спалось
Царю при живом Зелимхане

Но молнией горе блеснуло в горах –
В тюрьму их с отцом посадили,
Больших унижений настала пора,
И род весь его очернили.
Хлебнув горечь жизни, он бурею взмыл
И выбрал дорогу абрека,
И пыл его сердца уже не остыл
На вздыбленном стремени века.

«Отец! Мы не будем здесь долго сидеть,
Мы стены тюрьмы подкопаем».
И вот уж разносится радостно весть:
Абрек на свободе гуляет.

Кровавая бойня на рынке Чечни,
И слухи о ней забродили.
Тем зверством все были поражены,
Где двадцать семь горцев убили.

Наутро друзей Зелимхан всех собрал,
Состав пассажирский он встретил,
Одетых в мундиры лишь с поезда снял
И двадцать семь пулей пометил.
Хвастливый Вербицкий, смеясь, говорил:
«Абрек у меня уж в кармане!».
Но вот он записку его получил:
«Сегодня я буду в Кизляре!

Я деньги из банка хочу унести,
Меня там лишь встретить ты можешь,
И если ты хочешь мундир свой спасти,
Ты встречей себе же поможешь!».
Вино на балу все рекою лилось,
Но гром прогремел стозвонный,
Ограблен в Кизляре, действительно, банк,
С подполковника сняли погоны.

Семья Зелимхана под арест взята,
Абрек посылает прошенье,
Услышав отказ, принужден Зелимхан
Готовить такое же мщенье.
Он сына полковника прячет в залог,
Вернуть лишь в обмен обещает,
Напуган полковник поступком его,
Семью всю назад возвращает.

И помнит погоню над Сунжею мост,
Кольцо вражьей силы все уже,

И встал на коне Зелимхан во весь рост,
И прыгнул с моста прямо в Сунжу.
Враги лютовали в бессилии зла,
Когда ускользнул он бесследно,
И слава его все росла и росла
От каждой нелегкой победы.

Больного абрека, в пещере зажав,
В тройное кольцо окружили,
И тысячи пуль понеслись, завизжав,
Из солдатских винтовок служивых.
А он метким выстрелом бил по врагам,
Не дав подойти им к пещере,
И только рассвет над землей задрожал,
Глазам никто не поверил.

Казалось, – конец! Убит Землимхан!
И цепи рванули победно,
В черкеске. бревно лежало. Обман!
Ушел Зелимхан незаметно.
И помнит история случай один,
С Шаляпиным встречу героя,
Певец своим пением так угодил,
До слез Зелимхана расстроил.

Для власти он значился «не человек»,
Абреком, разбойником звали,
Но разве от песни заплачет абрек?
А слезы текли, не кончались.
Не ведал герой, что больного его
Предаст близкий друг в своем доме,
И он в окруженьи заклятых врагов
В час смертный о смерти не вспомнил.

Предателю пулю в сердце послав,
Он песней врагов своих встретил,
Не знал он, что смерть его рядом была;
Но смелостью он ей ответил.
Как призрак кровавый, он падал, вставал,
Врагов своим видом пугая,
И ужас, и страх на всех нагонял,
Град пуль во врагов посылая.

Молитву шептали неслышно уста,
Абрек умирал смертью храбрых,
Как будто с царизмом бороться устал
И в нем не нашел своей правды.
Лежит фотография прошлых дней
(Как редкость, весь мир облетела),
Где сотни солдат, офицеров на ней
Стоят над расстрелянным телом.

Тут каждый стремился засняться скорей
С убитым абреком в знак чести.
Багровый диск солнца сквозь тучи горел,
И ветер нес горькие вести:
«Убит Зелимхан, наш любимый герой!
Скорбите, чеченцы, скорбите!».
А он, худощавый и очень простой,
Был страшен врагам и убитый.

Нет мужеству горцев предела.
В борьбе и даже один в поле воин,
Когда в твоем сердце дыханье любви,
Ты жизни великой достоин.
Нам долгие годы твердили одно,
Что он был бандит и отступник.
Кем право на это такое дано?
Для нас Зелимхан был заступник.

Гордитесь, вайнахи, ведь каждый народ
Хотел бы иметь Зелимхана,
Отец – своим сыном продолжить свой род,
Народ – своего великана.
И каждой сестре бы хотелось иметь
Отважного брата такого,
И брату совсем не пришлось бы краснеть
За брата, джигита лихого.

Как жаль, что в то трудное время тревог,
Когда он вершил свое дело,
Народ защитить Зелимхана не смог,
А он защищал его смело.
Никто не забудет героя Чечни,
Он вписан строкою в столетья.
Останутся в песнях те грозные дни,
В легендах – прыжок тот в бессмертье.

АБРЕКУ ЗЕЛИМХАНУ

Л. Ясаев

Мир смотрит взглядом тухлым и трусливым.
А правда – там, где сила и где власть.
Все кажется уже неоспоримым,
И мыслям уже некуда упасть.

Но в полный рост во имя человека
С молитвой поднимается один.
Не путайте все с именем абрека,
Как с чистой жизнью блажь и героин.

КАМНИ

М. Катышева

Эти камни дышат стариной.
В каждом спит легенда или быль,
Омывает их Аргун седой
И седая покрывает пыль.

Встали над могилами абреков
Эти камни у дорог Чечни,
Башнями воинственного века
Поднялись в ущельях гор они.

Здесь прошли мюриды газавата,
Помнит эта древняя земля:
Где застынет кровь Хаджи-Мурата,
Ляжет путь имама Шамиля.

Здесь хранится память Зелимхана:
Пуль следы видны в уступах скал,
Мудрые аяты из Корана
Здесь старик-чеченец высекал.

Камни помнят время грозовое,
Но травой и мхами поросли,
И черты угрюмого покоя
На морщины мрачные легли.

Из развалин прошлое глядит,
Новый мир безмолвием встречая.
Только слышно, как песок шуршит,
Да Аргун шумит не умолкая.

Я ОСТАНУСЬ В НАРОДЕ ГЕРОЕМ …

Умар Яричев

Из тревожной сентябрьской ночи,
Словно недруг, крадется рассвет.
Успокоится сердце не хочет.
И застыл в кобуре пистолет.

Карабин, как всегда, под рукою.
И один лишь помощник Аллах.
Только нет под рукою покоя
И кинжал залежался в ножнах.

Ветка хрустнет под чьей-то ногою.
Взмоет стайка испуганных птиц.
Он холодной спокойной рукою
Сон прогонит с усталых ресниц.

Ломит спину. Наверно, простуда.
И хозяин покинул свой кров.
Ну, конечно, нельзя без иуды
В этом самом шальном из миров.

У абрека железные нервы.
Есть предатель – не дрогнет рука!
Он убьет его выстрелом первым
На шуршание из чердака.

И в обойму винтовки загонит
Пять (из бронзы) патронных смертей.
Чу! Заржали встревожено кони.
Чует конь нехороших людей.

Сердце в поисках мира томилось
Столько лет, неподвластно уму.

Но в карт – бланше на царскую милость
Отказала Госдума ему.

И сегодня дорога земная,
Может, красною станет от ран.
Свора смешанных псов, ты же знаешь,
Скольких стоит абрек Зелимхан.

Что же медлите, сукины дети?!
Палец мой на взведенном курке.
Я готов вас посмертно отметить
В вашем самом последнем броске.

Шакалье, не крадись осторожно!
Все равно, разберемся к утру.
Постараюсь, побольше как можно,
Вас с собой в мир иной заберу!

Как незваных гостей и по долгу
Встречу пулями.Разве не так?
Не страшна одинокому волку
Ваша свора царевых собак,

Что давно позабыли о чести
За похлебку и кров конуры.
Умирать будем, кажется вместе
По законам смертельной игры.

И когда нас могила укроет
На неведомый вечности сон,
Я останусь в народе – героем,
А у вас – не запомнят имен.

Ну чего вы, бумажные души!
Вроде был я стрелком неплохим!

Тишину надоело мне слушать.
БисмиллахIиррахьманиррахьийма

В горле першит от запаха гари.
Гнев и злобу добру не унять.
Поплотнее, трусливые твари,
Чтобы легче мне было стрелять!

Крики! Выстрели! Стих из Корана
Для себя на последнем пути.
Он не встал от семнадцатой раны.
Но боялись к нему подойти.

Смертный миг. Ни к чему разговоры.
Под рукой – обнаженный кинжал.
В окруженье безжалостной своры
Зелимхан легендарный лежал.

Где то там причитала старуха.
Лик спокоен. Суровы черты.
Словно символ ЧЕЧЕНСКОГО духа,
Справедливости и доброты!

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «КОРЯГА»

Галина Агаронова.

Ах, край родной! Где гор невозмутимость?!
В долине слез – кавказские луга.
Кто посягнул на девичью невинность,
Тот не увидит пламя очага.

Чеченцы не прощают зла и боли
И, стиснув зубы, объявляют месть.

Обычай древний – нрав кавказкой воли,
Где с давних пор в цене мужская честь.

Мне не забыть вкус горского чурека,
Родимых мест и мамино тепло,
И Зелимхана, горского абрека –
Герой погиб, чтоб нам жилось светло.

МОЛИТВА ЗЕЛИМХАНА

Билал Алканов

«Назло рабу, предателю, холую
Я искренне молю тебя, Аллах,
Благослови стезю мою земную,
Отвагою отринувшую страх…

Введи меня Шахидом в кущи Рая,
Чтоб я взирал на ангелов в тени.
Я шёл к Тебе, врагов Твоих карая,
Прилипших к телу матери-Чечни…

Ведь, на земле борьбой своей священной
Язычество душою колотя,
Перелистал я книгу жизни бренной,
Страницы о Джихаде золотя…

Молился я с лучистым озареньем,
Над кафиром возвысив свой удел…
Ты силу дал моим земным бореньям
И освятил всё то, чем я владел…

В Тебя я верил с искреннею силой,
Да так, что сердце превратилось в храм…

Раз одарил меня святой могилой,
Прибей меня к эдемским берегам…

Я взял с собой божественные бденья,
Чтоб дух Джихада в сердце не зачах…
Прими меня в небесные владенья,
Открой ворота Рая мне, Аллах!».

НО ПОЧЕМУ МЕШАЕТ ЧЕЛОВЕК?

Хизар Ахмадов.

Дорога человеческая кратка,
И счастливых так не долог бег,
Хочу любить всю жизнь я без остатка
Но почему мешает человек?

Хочу служить лишь доброму началу,
Как послужил когда то абрек Зелимхан ,
Прошу у жизни, кажется, так мало,
Но почему мешает человек?

Хочу изжить войны слепую силу,
Любить всегда Эльбрус или Казбек,
Я жить хочу свободно и красиво,
Но почему мешает человек?

Хочу Аллаха прославлять, как все, я
И в то же время почитая всех
Исуса , Мухаммада, Моисея,
Но почему мешает человек?

ЧЕЧЕНЕЦ

Юрий Гусинский, 1947 г.

Пахнут солнцем, камнем и слюдою голубые сопки
Кокчетава,
Я на них взобраться не посмею, там меня чеченец напугал –
У него папаха дышит местью, у него в глазах дурная слава.
У него бешмет из козьей шерсти, у него на поясе кинжал.

«Нет кинжала, вырвали мы жало – у него одни пустые
ножны!» –
Рассмеялся весело сосед мой бравый лейтенант энкеведе.
А чеченец бродит одиноко по сухой траве, как конь,
стреножен.
Тень его страшна, длинна – в полсопки, облака клочками
в бороде.

Я его глазами сон увижу, закричу от страха и смятенья,
Мне его детей ответят крики, разорвет мне уши женский вой,
Небом дико проклянет старуха, вздрогнет опустевшее
селенье,
А в горах курками щелкнет глухо равнодушный ко всему
конвой.

Выживешь – паршивым и лежащим на снегу очнешься
леденящем,
Ни на что здесь права не имея, даже схоронить своих детей.
Станешь волком, на луну скулящим... Если нет народа
в настоящем –
И не угадать его в грядущем посреди чужих ему степей...

Пахнут дымом, камнем и тоскою голубые сопки Кокчетава,
Бродит в них чеченец одинокий, словно опрокинутый
во тьму,
У него папаха дышит горем, сердце горько жжет ему отрава.
У него в глазах – другие горы – те, что больше не видать ему.

ЗЕЛИМХАН И КУТА МЯХТИЕВ
(В память о Зелимхане Харачоевском и Куте Ачхоевском)

Илес Музаев

Когда то будучи подростком и юнцом,
Твое геройство восхвалял стихами.
Себя я видел и «поэтом», и «певцом»,
Свои «творенья» в песни претворяя.
Лишь повзрослев, когда уж стал отцом,
Став дедом, внукам стал я потакать
Читая то, что «сотворил» юнцом
И стал себе вопросы задавать.

А Зелимхан. Ведь и он любил семью,
Любил смотреть на дочку Муслимат,
На Муги-сына, на Бици-жену,
Чурек отведать матери Хурмат.
Пусть бедно жил, но все, же отчий дом,
Очаг родной, уют, покой и лад.
И дед Бахо, отец Гушмазуко
И младший из семьи Солтамурад.

И это счастье в одночасье – так
Велением Адода и Чернова,
Как будто бы судьбы насмешливости знак
Оставили Бахоевых без крова.
«Коса несчастной девушки» родник,
Что вьется в Харачоевском ауле,
Стал местом встречи наших молодых
Солтамурада и дочери Хушолы.

Огонь любви и чистых намерений,
Желание создать свою семью
Как звонкие поющие свирели
Понятны только сердцу одному.

И счастье им казалось в дверь стучится –
Такое лишь сбывается в мечтах,
И разноцветным веером Жар-птицы
Сияло солнцем у Зезаги в глазах.

Но нет же, нужно было так случиться –
Нарушив честь, и совесть, и адат
Старшины и наместники смеются,
Бросая на беспомощных солдат.
Бессильный был всегда у сильного в ответе.
И этот непрописанный закон
Творил бесчинство, беспредел на свете,
Превращая жизнь в кошмарный сон.

Забыв про то, что есть свои законы,
Богатством чувства вряд ли соблазнить,
Взялись за дело «высшие патроны»
Решив тем самым жажду утолить.
Надменность и коварство – вот их сила –
И ненависть ко всякому, ко всем
Кто кажется им ниже своих «крыльев»
Любой для них и слеп, и глух, и нем.

Но «Нет!»- сказал герой из Харачоя.
Я клятвой заклинаю сам себя –
Бесправию не быть среди нахчоев,
Пока живу на этом свете я,
Бахо хоть стар, но гордостью увенчан,
И Гушмазуко на бой благославил,
Ведь человек на свете, все- таки, не вечен.
И честь дороже, сколько-бы не жил.

Нет, не нужна были Бахо ни ссора,
Ни неполадки с властью, и вражда,

Тем более с презреннонизким Говдой,
Исходит от которого беда.
Но выстрел прозвучал односторонне,
Как вызов роду старого Бахо,
Ответный ход Гушмазуко был скорым
И пролилась кровь среди Нахчо.

Но как же так? Где власть, где суд, где правда?
Кто начал сей безумный беспредел?
Не разобравшись, офицер в кокарде
Свой приговор над слабым прошипел.
Тюрьма и ссылка. Каторга. Тюрьма.
Потеря близких, долгая разлука.
За что же так? И почему судьба
Ему преподнесла такие муки?

А Зелимхан, уверенный в себе,
С Дикой, Мусой и верным Саламбеком
И день, и ночь держал свой план в уме
И думал только о побеге.
Пусть долго! Все же, совершен побег –
Ликуют сердце и природа!
И верный сагопшинец Саламбек
Здесь – рядом с Зелимханом на свободе!

Но перед тем отец сказал ему:
«Умри, но честь ты нашу сбереги,
Всем недругам по должному воздай
Невесту Зезаг в отчий дом верни!
Я не жесток, уж таковы устои
«Лица» мне нет без мщения. Иди!
И помни имена Адода, Говды
Я стар уж сын, коль можешь то прости!»

«Я слово чести дам тебе, отец», –
Ответил Гуше Зелимхан.
«Знай, каждый недруг даст нам свой ответ
За зло и горе принесеных нам ».
Но вот хабар дошел до Ведено,
Что Зелимхан сбежал из под конвоя
Как пёс бесхозный в кому впал Чернов,
Готовый сдать друзей своих без боя.

Испуганный от страха весь в поту
Он разговор повел с глупцом Багалом,
Слова терялись многие «во рту»
У этого поганного шакала.
«Ты встреться с Зелимханом – вот пакет.
Скажи ему, что я невиноват
Пусть ищет у Адода свой ответ,
А я ему теперь уже как «брат».

Багал пришел исполнить сей наказ,
И Зелимхан, послушав все, как есть,
Дал одноглазому Багалу свой отказ.
Кровавую послав Чернову месть.
Свой счет пробыл отныне череды,
С коня Адод как пес с позором спешен,
Отныне ждали очередь беды
Все те, кто пред Зелимханом грешен.

Чернов сбежал – сбежал как подлый трус,
Сменил его Гулаев в Ведено.
Такой же подлый и такой же гнус –
С Элсановым Адодом заодно.
Игра была Гулаева презренна –
Заигрывал со всеми не стыдясь,
Смотрел на горцев свысока, надменно,
Держался, как-бы вовсе не боясь.

Забрав весь скот, имущество аула
И как бы в шутку огласил приказ:
«Сдадите Зелимхана и Аюба,
Тогда (быть может) пощадим мы вас!»
И потянулась свора к Атагам
На зов иуды прихвостня-Хамида
Аюба сдал на милость он врагам,
Читавшего вечернего мовлида.

И строки из священного аята
Последний раз прочел Аюб на слух,
И лишь закончив строки фатихата,
Он испустил на божий суд свой дух.
Почувствовав себя царем в округе,
Гулаев шлет абреку письмецо:
«Ну! Отомсти мне за аул, за друга,
Коль хочешь сохранить свое лицо!».

Конечно, Зелимхан прислал записку:
«Ты жди меня, Гулаев, так и быть,
Пусть будешь ты далеко иль близко,
Но будешь скоро мною ты убит!»
Любуясь шумом горной Хулхулау
Гулаев-пристав получил ответ,
В Чечне искал полковник свою славу
А получил бесславный свой конец!

Раздался выстрел вестью о кончине,
Который был зароком предрешен –
Свинец оттуда – из лощины –
В висок навылет к приставу пришел.
Но далее нашлись и новые герои
Вербицкому подобие – в пример –
Который сочинил гнилые строки,
Взывая Зелимхана на дуэль.

Был принят вызов, более того
Ни где нибудь, а в граде «храбреца»:
«В Кизляр прибуду я к числу к такому», –
В письме писалось прямо – не боясь.
Солтамурад, Кута и Гимариг
Зока, Гуша, Аюб и Саламбек
С полсотней храбрецами напрямик
Устроили отчаянный набег.

Кизлярские банкноты шелестели
Во славу Зелимхановских орлов!
Вербицкие погоны полетели
Дуэль прошла на славу и без слов!
Но был и тот, кто честью офицера
И с русскою отважною душой,
Правдивый, честный и отважный в меру –
Служивый Грибов – офицер простой.

Он честь солдатам отдавая храбрым,
Сжимая кулаки весь содрогал,
И холуям, народ свой предававшим,
Приветствия руки не подавал.
Чеченец Зелимхан и русский Грибов
С почтением друг к другу отнеслись –
При встрече не подали даже виду
В знакомстве друг от друг отреклись.

Один смолчал, спасая Зелимхана,
Второй сберег, как мог! Солдату – честь!
Нет места и присяге, и уставу,
Где место чести и благородству есть!
Но нет пощады вам, Буцус и Говда,
Тебе, Андроников, «герой» – гроза детей,
Хамид Боршигов, Элмарз, Хаджи-Оба,
Ведь не найти на свете вас подлей».

Андроников с полковником Черновым
(Тем самым, что когда то убежал)
Сжигал жилище горного Орстхоя
Детей и женщин «грозно» убивал.
В галашкинских аулах и селеньях
Зока, Альберд, что родом из чинхо,
Не находя надежного спасенья,
Прикрыли Бици и детей собой.

Нашлась ищейка родом с Харачоя,
Когда Бици осталась здесь одна,
Багал донес то место до Чернова –
Судьба Бици была предрешена.
Пришла беда в убежище абрека
(А Зелимхана не было два дня),
Убить Бици желая, но не смея,
В слепую пронеслась в горах стрельба.

Бици узнав виновника беды
Трусливого Чернова-беглеца,
Вцепившись из последних своих сил,
Винтовку отняла у «храбреца».
Жена абрека раненною львицей,
Курок нажав Чернова подсекла,
И пристав как подстреленная птица
Упал, чтоб не подняться никогда.

Виват, Чеченка! По статьям адата
Позором ты покрыла эту мразь,
Идя в штыки супротив солдатов,
Ты отомстила за Бахо в сто раз!
Зока был стар, но все же он домчался
В Довта-Мартан за помощью к Хасхе,
Ведь Зелимхан не раз с Хасхой встречался
Когда бывал в печали и тоске.

Здесь жил Кута – храбрейший друг абрека –
Не раз бывавший в перестрелках с ним,
В кругу друзей стрелком он слыл метким
На звук и шелест, целясь в карабин.
А там, в галашкинских лесах, нужна подмога –
Мержо-Сусарк, Ади и Саламбек
Втроем герои отсекли дорогу
В надежде, что поспеет к ним абрек.

На помощь к ним с аула Довта-Марты
Кута Мяхтинский пулей прискакал
С чинхоевским отрядом в пять джигитов
Стеною в ряд он с Суламбеком стал!
Стреляли все на славу – вопли, стоны –
Отряд врагов был в сотни крат велик.
Кута искал злачённые погоны,
Чтобы Андроникова выстрелом свалить.

Настала пуля подлого вояку
И сброшен он с коня в один прицел!
Смешавшись уже в рассеянной ватаге,
Остался раненный, но все же цел.
Но день его настал, и от руки абрека
Он получил в подарок свой свинец!
Мечтал князек прожить на свете вечно,
Но получил плачевный свой конец.

Нет сагопшинца, верного мержоя
Он в целях уберечь свою семью
Как храбрый воин (не на коленях) стоя
Послал на плаху стойко жизнь свою.
И после смерти сына Харачоя
Друг его чинхоевский Кута,
Лишенный права проживания в Ачхое,
В лесистых дебрях и в горах блуждал.

И даже смерти стал он не подвластен,
Сатрапам, коим честь не дорога,
Ну что за власть, идущая на страсти,
Могилу для Куты вскопав.
И лишь признав в покойнике абрека
Его могила обрела покой
Последний волк из доблестных абреков
Дал из могилы свой последний бой!

И сколько не живи на этом свете
Шакалов типа Багала не счесть.
Вербицкие, Михеевы в ответе
За каждую поруганную честь.
Нет улиц, площадей и даже песен
О горстке храбрецов забыто все,
И память нашу покрывает плесень –
Забыт и Зелимхан из Харачо!

Аргун, Мартан и Ведено спокойны:
В краях чеченских праздники аж сплошь,
А для таких как Вы сынов достойных
В календаре нам место не нашлось.

Ачхой-Мартан. 1993 год.

РАЗЛУКА СО ВСЕМ
(Из народных песен о Зелимхане)

А. Нучаев

Гушмузако покинув, с которым
Замыслами делился,
Исмаила покинув, с которым
Горестями делился,

Солтамурада покинув, с которым
Трудностями делился,
Зелимхан одиноким остался.
Подобно отважному,
Птенцов потерявшему соколу;
Зелимхан одиноким остался,
Подобно отставшему
От стаи волку поджарому;
Зелимхан одиноким остался,
Подобно покинутой
Детьми – малолетками матери.
Зелимхан, смелый сердцем, вместо
Друзей чинар нашел.
И беседы с друзьями вместо
Звериный рев нашел.
Шумной аульной сходки вместо
Глухую ночь нашел.
Одеяла теплого вместо
Небесный свод нашел.
И постели мягкой вместо
Кусок земли нашел.
Жажду росой утоляя,
Голод листвой утоляя,
Он по горным обрывам скитался,
По кремнистым скалам скитался,
По заоблачным склонам скитался,
Возле гнезд соколиных скитался.
Бедняки аула тогда,
Любившие Зелимхана,
Написав бумагу тогда,
Подкинули Зелимхану.
Он по ровным тропам шел,
По крутым нагорьям шел,
В темное ущелье зашел,

Белую бумагу нашел,
Белую бумагу прочел:
«Твое, Зелимхан, сердце наше!
Да минет несчастье тебя!
Ждут не дождутся враги наши,
Как бы скорей изловить тебя.
Отчаялись враги наши
Тебя получить – Зелимхана!
Задумали враги наши
Семью полонить Зелимхана!
Семью скорее ты уведи,
В соседство к соколу уведи,
На пики горные уведи,
Тропой гранитною уведи,
Путем заоблачным уведи!
Соколу смелому подобно,
Покидающему горы,
Светлому роднику подобно,
Оставляющему щебень,
На коне чистокровном мчался
Зелимхан из Харачоя.
Только в глухую полночь домчался
Зелимхан до Харачоя,
Коновязь увидав родную,
Привязал к ней коня Зелимхан.
Саклю свою увидав родную,
По крыльцу взлетел Зелимхан,
Пальцем тихонько в дверь родную
Смелый постучал Зелимхан.
И семью свою родную
Наконец увидал Зелимхан.
Как волчата, завидев его,
Заскулили ребята его,
Будто мать их с охоты пришла,
Завизжали волчата его.

«Вместе с тобою радость пришла! –
Зелимхану сказала жена, –
Горные вершины когда
Серый туман окутывал,
В крепости Ведено когда
Били тревожно в колокол,
Мы тебя вспоминали тогда,
Лили слезы горючие.
В руки врагов, отец Зелимхан,
Не сдавайся, жалея нас.
Просим тебя, отец Зелимхан,
Посещай ты пореже нас.
Ты наведывайся к нам
В год по разу, по одному.
Ты в начале месяца нам
По одному посылай письму.
Не ложись, отец Зелимхан,
Спать не должен ты в доме нашем.
Берегись, отец Зелимхан,
Ты врагам попадешься нашим.
Есть предатели, Зелимхан,
Даже в родном ауле нашем!.».
«Поскорей собирайтесь вы! –
Сказал Зелимхан из Харачоя, –
В трудный путь собирайтесь вы.
Уйдем из родного Харачоя.
К вершинам гранитным я вас поведу,
К обрывам кремнистым я вас поведу,
К Шаламовским склонам я вас поведу!».
Вскочила любимая Зелимхана,
А сердце стеснилось в груди ее.
Проворно собралась жена Зелимхана,
А слезы бежали из глаз ее.
И малые дети Зелимхана
Проворно собрались в эту ночь.

И бедная семья Зелимхана
Покинула родину в эту ночь.
Словно вор свою добычу,
Зелимхан их по склонам повел.
Он свою дорогую добычу
По Шаламовским склонам повел.

ПОСВЯЩЕНИЕ АБРЕКУ

Р. Вагапов

Он знал, что с покоем ему не сойтись
И был как бы воином света!
Ни подлость, ни штыки или пушек огонь,
В нем не сломали абрека!

Он, проклял насилия лика оскал,
Ей чёрную метку отправил.
Народа добро он в народ возвращал,
А это не значит, что грабил.

Царское чванство в холопской стране,
В гневе бессильном брюзжало.
Один на один он царизм расчленял –
Душа его к мести взывала.

В едином лице и судья, и палач,
Он судил по столпам шариата.
За кровь убиенных без всякой вины,
Он мстил по законам адата!

Абрек и чеченец, и гордостьЧечни!
Таких называем мы «къонах»
Таких не загнать в стандарт полумер
И в лживые рамки «законов,

С презреньем к врагу свою принял он смерть,
Читая вслух суры Корана.
Народ никогда не забудет его:
Абрека Чечни – Зелимхана!

ЗЕЛИМХАН

Х. Хаджимуратов. 1980

Вот снова диск солнца встает из-под гор,
И золотом Землю покрыл его взор;
В улыбке счастливой расплылся мир весь,
Вмиг все оживает по воле небес.

И волнами хлещет о каменный брег
Аргун, убыстряя размеренный бег,
А горы окутались в снежный саван.
Как утро встречаешь, скажи, Зелимхан?!

О, вот снова день настает.
Что он нынче мне пришлет?!
Вся жизнь из бессонных ночей –
Давно не смыкаю очей!

Под гнетом неверных народ увидал,
Как биться за волю пример ты подал.
Средь звезд ты Свободы всех ярче светил,
Величию Веры ты жизнь посвятил!

Ты был легендарным Свободы борец,
И мыслей, и дел благородных творец,
Любимец народа – не высший ли сан?!
Ты был, есть и будешь, абрек Зелимхан!

О, вот снова день настает.
Что он нынче мне пришлет?!
Вся жизнь из бессонных ночей -
Давно не смыкаю очей!

Сколь лет бороздил ты все горы Чечни,
Хоть рыскала следом смерть, прячась в тени,
Но горы, и те тебе верность храня,
Тебя укрывали до смертного дня!

О многом сумели б они рассказать,
Коль Бог им позволил молчанье прервать.
Ведь ты столько весен и столько же зим
В горах этих камни грел телом своим.

О, вот снова день настает.
Что он нынче мне пришлет?!
Вся жизнь из бессонных ночей –
Давно не смыкаю очей!

И долго охотился враг за тобой;
Твой каждый миг жизни был битвой с судьбой,
Но ведь пред изменой известно всем то,
Бессилен раб жалкий, и даже святой.

Вот ты окружен и теперь не уйти,
Хоть враг и не смеет к тебе подойти.
Ты ранен, час пробил пред Богом предстать,
И суру Корана уж шепчут уста.

О, вот снова день настает.
Что он нынче мне пришлет?!
Вся жизнь из бессонных ночей –
Давно не смыкаю очей!

ПЕСНЯ О ЗЕЛИМХАНЕ

Автор неизвестен. 1977 г.

Вот не раз уж выплывал месяц золотой,
Давно свой пояс не снимал чеченец молодой.
Кто народу зло несет, кто народ не любит,
От свинца тот не уйдет – Зелимхан погубит.

Богачей он не любил, бедных уважал.
С банка деньги уносил, горцам раздавал.
Горы были дом его, постель была трава.
Был он смелый человек – горец Зелимхан.

И не раз вступал он в бой, не раз он побеждал,
Но однажды ночью злой в лапы им попал.
Он погиб как лев в борьбе, умер как герой!
Вечно будет жить герой – горец Зелимхан!

ВСТРЕЧА

М. Албогачиев

Распластался в полнеба неприступной стеной
Мой Казбек остроглавый! О Казбечище мой!
Ты и мудрый, как старец в белоснежной чалме.
Так позволь о плечо твое опереться и мне.

Знаю, руки – граниты и надежно плечо,
Если пенясь, как Асса, кровь по венам течет.
Слышу в горных обвалах, в хриплом крике орла –
То шаги Зелимхана, то зикир Шамиля.

После долгой разлуки я вернулся домой.
Мой Казбек величавый, ты Казбечище мой!

ЗЕЛИМХАН.
(Песня)

Сулбан Хасимиков 1978 год.

Повис над Кизляром туман,
Гроза собралася в горах.
На подвиг ведет Зелимхан
Отряд небольшой из вайнах.

Купцы свои лавки закрыли,
Спешат богачи по домам.
К банку абреки свернули
Отчаян и дерзок их план.

Сидит под столом казначей
И участь свою ожидает,
А горстка отважных людей
Деньги в мешок загребает.

Звенят золотые монеты
И слышно шуршание денег,
И мчатся лихие джигиты
В Чечню за спасительный Терек.

Отважный абрек-атаман
Казну бедняком раздает.
Спасибо тебе, Зелимхан!
Тебя не забудет народ.

АБРЕК

Н.Васютин (отрывок из поэмы)

Джигит он такой же, как ветер.
Он любит свободы простор.
И каждый кавказец ответит
Сдаваться джигиту позор.

Так старые горцы седые
Расскажут как в прошлые дни.
Ходили в сраженья лихие,
Но в плен не сдавались они.

Джигиту ни что не заменит
Свободу, коня и кинжал.
Ну, разве что девушку встретит
И всё за неё бы отдал.

С джигитом ни кто не сравнится
В уменье скакать и стрелять.
Но стоит джигиту влюбиться
И вовсе его не унять.

ГИБЕЛЬ АБРЕКА

С. Хасимиков. 1991

В ту ночь перед смертью гостил он в Шалях.
Хозяин ехидной улыбкою встретил
Усталого гостя, скрывая свой страх,
Который абрек не заметил.

За ужином громко чавкал предатель,
Посуду роняя, супругу бранил,

Чтобы не было слышно подхода карателей,
Которых заранее он оповестил.

Собака залаяла очень свирепо,
Хозяин – Эльмурза – спешит за порог.
Измена! И вспыхнуло сердце абрека,
А пальцы взвели машинально курок.

«Сдавайся, смельчак! Ведь дом окружен.
Тебе не уйти! Западня заперта.».
В открытую дверь скатился «волчком»,
Смертельный огонь приняв на себя.

Кровавый рассвет окутан туманом.
У трупа охрана стоит в двух шагах.
Так умер абрек, поверив обману,
А гяур-изменник проклят в Шалях.

СКАЧИ МОЙ КОНЬ

Акбар Мухаммад Саид

Скачи мой конь, скачи быстрее ветра
Неси меня в родимые края
Где я не стал романтиком, поэтом
Но счастлив был, надеялся живя.
Где мой очаг, где все мои родные
Которых я не видел много лет
Где берега Псекупса, дорогие
Поля и горы, пастбища и лес!!!

Среди холмов там табуны пасутся
В полях, наверно, колосится рожь
Хоть на мгновенье взглядом прикоснуться

К тому, что к сожаленью не вернёшь
Абреком был, скитальцем и изгоем
За честь сестры я отомстил сполна
И не считаю я себя героем
Но честь джигита всё же спасена.

СПАСИ АЛЛАХ, ОТ ЯРОСТИ ЧЕЧНЮ

Автор неизвестен

Спаси Аллах, от ярости Чечню,
Спаси её, Всевышний, от гордыни
Не дай ты ей, не позволяй, прошу
От войн и от террора с мира сгинуть.

Спаси Аллах, чеченцев от идей
Далёких от понятия ислама
Молю Аллах, избавь их от людей,
Что оскверняют светлый стих Корана.

Спаси, Всевышний, горы от убийц
Что превратили в кладбище долины…
Смотри, стоят, слезясь от кровопийц
В безмолвии седые исполины.

Не нужен ей ни турок, ни араб –
Чужих культур непрошенные гости.
Не нужен ей Бен Ладен и Хаттаб –
Псевдопророки или псевдогорцы.

Верни ты ей героев и борцов:
Мюрида Байсангура из Беноя,
Верни ей Шейх-Мансура из Алдов,
Абрека Зелимхана с Харачоя…

Наполни скалы звоном горных рек,
Поля наполни золотом пшеницы.
Пускай утихнут грохоты ракет
Закроются пускай войны страницы.

Пускай уйдёт и стихнет правый гнев
Тех, кто лишился брата, сына, мамы…
Не умножай, Всевышний, смерть и месть,
Умножь терпенье кротких и упрямых.

Пусть расцветёт из пламени она,
Вся райским садом нахская отчизна,
Пусть обретёт спокойствие Чечня
И будут жить чеченцы ради жизни!

ЗЕЛИМХАН

А. Сулейманов

Арахь мох а, дарц а даьлча, бовдуш хилла – Зелимха.
Ломахь тоьпа тата даьлча, хьехош хилла Зелимха.
Станицера йоI ядийча, олуш хилла Зелимха.
Бере воцуш дин цIа беъча, боьлхуш хилла – Зелимха.

Эзар мостагI дуьхьал валарх, шек ца ваьлла Зелимха.
Масех шарахь къийсам латтош, къар ца велла Зелимха.
Iаьржа буьйса, Iаьржа верта, Iаьржа гила, Зелимха.
Майра хилла, турпал хилла, каде хилла Зелимха.

Ткъа хьоьх хьалха жима Iахар хIунда аьлла, Зелимха,
Хьайн халкъанна, хьайн махканна кхиий вала, Зелимха.
Зелимханна готта хилла дуьне, хьуна шорта ду.
Зелимханна ца карийнчу ирсан да хьо ма ву.

Дай махканна, хьай халкъанна кхиий вала, Зелимха.
Майра хила, каде хила, доттагIчуьна кIант Зелимха.
Iаьржа буьйса, Iаьржа верта, Iаьржа гила, Зелимха,
Цкъа а хьуна хьашт ма хуьлда. Дог кIайн хила, Зелимха.

ZELIMKHAN.
(Английская версия)

A. Suleimanov

When a storm break suddenly, they had slanging to run away,
Zelimkhan
When a weapon fires in the mountain, they had crouching down,
Zelimkhan
When a girl runs away from Stanits, they had saying Zelimkhan
When a horse comes without his rider, they had crying Zelimkhan

When his a thousand enemy waylaid, Zelimhan hadn't hesitated
During years, he had resisted, never obeyed, Zelimkhan.
Dark night, dark yamchi (woolen), dark studhorse Zelimkhan!
He had been heroic, agile, strapping young man, Zelimkhan…

Then why dld say small lamb for you Zelimkhan?
Live a lot for your nation,grow up quick Zelimkhan!
The world is so huge which spannen for Zelimkhan.
You have happiness which Zelimkhan couldn't find.

Come in handy for your homeland, for your nation, Zelimkhan!
Grow up as heroic, agile The son of my friend Zelimkhan!
Dark night, dark wool cape, dark studhorse, Zelimkhan!
You wouldn't need these things never, be happy, Zelimkhan!

ХАРАЧОЙН ЗЕЛАМХЕХ ЛАЬЦНА ИЛЛИ

Л. Яхьяев

Шийла дарц хьовзийча, мацалло дарйина,
Ижонна арайолу гила борз санна,
Заманан харцоно кура дог Іовжина,
Лела ма велира Харачойн Зеламха.

I

Суьйренца малх бузуш, маса дин кечбина,
Чал дера ва герзаш шен юкьах дихкина,
ТІам-Іаьржа и верта шена тІе кхоьллина,
Веше лен велира Харачойн Зеламха:
«Хьо лелий валахьа, хьомсара сан ваша,
Цу лаьмнийн чІаж декош буьрсачу маьхьарца
Нускална орцаха цІоькъа-лом долийца.
Кхана малх кхетале бертаза и хьаша
Хьан дола ца ялахь, вай нахал довлийца,
«Ваша вешин – пхьу берзан» – аьлла вайн дайша.
ДІабузу дашо малх чубуьзна балале,
Схьакхета дато бутт нур хеца кхиале,
Мохо ва ядийна куьйса кол ва санна,
Юьртах ма иккхира барт болу ши ваша.

* * *

Ма даха вай кІентий, дош-даше ва даьлла,
Зударша хастийча, къонахий ду, аьлла!
Кхайкхина валийнарг баьрче ва хаийна,
Кхайкхаза веанарг когашкахь сацийна,
Хьомсарчу кІантана нускал ва далийна,
Той дан ша вуьйлира, бах, и кура эла.

2

Хьун луьста ва йолчу генна дІа ва буьйлуш,
Шен жима оьзда дегІ гаьннаш тІе ва къуьйлуш,

Цу хьаннийн Іин цоьсту къоркхокха ва санна,
ГІабалин тІам ловзош, шен дайчу боларца
Ловзарна пиллаг хьокху нохчийчун йоІа.
Шен маса ва тІемаш дІаса ва даржийна,
Стигла ша ма-делли – стиглаца ва къуьйсуш,
Махе ша ма-делли – махана кур туьйсуш,
Кхокханна ва теба ша леча ва санна,
Халхаран кІеж туьйсу цу ненан ва йоІа.
ДІатийна юрт Іадош пондаран аз дека,
ГТелвелла вотанча хьацарна къега!
Воккхачу стеган куьйгаш мекхаш тІе кхийда,
Шипонна кІелхьара Іаьржа бІаьрг къеда!

* * *

Ма лолда вай, кІентий, хетариг ца хилла,
Зуда маре ва яхна, хьекъалах тилла.
Іуьйранна долийна той суьйренга даьлча,
Суьйренга даьлла той буьйса юккъе даьлча,
Маларо, набаро нах ийзо ва боьлча,
Шийла мохь белира, бах, сов цІийна чуьра!.

3

Хьо Іаьржа ва буьйса, хьо берзан ва буьйса,
Цкъа наггахь мархашхула беттан нур къеда,
Инзаре тийна-таьІна хьун лаьтта буьрса,
Адаман хІуокхетта цхьа акхаро едда!
Хи кІорга ва долчу маса ва хьийзош,
Хи чехка дуьйлучу динан бергаш ва ловзош,
Чал дерачу герзашна куьг уллохь ва сецош,
Хьомсарчу езарна эхь тІера даьккхина,
ЦІехьа ма вирзира и майра ши ваша!
Гора-яІ, Зеламха, техкийна хьо ага
Ма деса ца хилла, ма эрна ца хилла,
Яхь йоцчу кІантал а сий дайна йоІ тоьлла,
Цкъа туьро вадийнарг гІожах а ма ведда.

* * *

Кочачу ва йоIах лета ва везара,
И хьоьстуш ловзаеш лело ма езара!
Нахана ва хьалха юьхьIаьржа хIоттийна,
Куралла яьккхина чуьра зуда ядийна,
Хинйолчу тIаьхьенна а тIехтохам ва битна,
ГIийла ма хаийра вежарша и эла.

4

Тайпана шайн мел верг кхайкхина валийна,
Тайпана мел воцург кхайкхаза веана,
Паччахьан и эпсар тхьамда ва хаьржина,
Ара ма елира хьоладайн арданга.
Ижунна ва теба къена борз ва санна,
Юрт яккхал и герзаш улло ва дехкина,
Гонаха бIаьрг бетташ, доьду са лахдина,
Юелонна хиира яхь яйна и тоба.
Тийначу суьйренца, бузучу малхаца
ЦIестан ва кIудалш пхьарсах ва тийсина
Дезачу духаршца, курачу дегнашца
Пхьоьхана хин йисте мехкарий хIиттина.
Ца моьттуш – хIун ду те? – цIеххьана топ ели,
Зеламхин цу вешин мерза са ма дели!

* * *

Ма хуьлда вай, кIентий, яхь яйна ва гIера,
Нахаца ва стешха, зудчуьнца – дера!
Ма буьрса еца хьо, ма лекха еца хьо,
ТIулгаца йоьттина ва къиза набахти.
Зеламха веца со, маьрша стаг веца со.
Воьрзур вац къарвелла Iаьржачу лахьте!

5

Гуро ша ва лаьцна цIоькъа-лом ва санна,
Болатан буржалаш оьгIазе декадеш,
Чубахьа ва кхача неIаре лестабеш,
Дарвелла хьийзара Харачойн Зеламха:
«Ма вала дакъаза хIай, воккха паччахьа,
Цхьана къоман хьайн нах а бахкабо ахьа,
Махкана ва динарг ца дисна ва хьуна,
Ткьа махко ва динарг декхаза хаьа суна!».
Буьйсанна хан яьлча, пен буха аьхкина,
Шен кийрахь кхехка дог кера ва къевлина,
Сема ла ва доьгIуш, доьIу са лахдина,
Шен сирла ва бIаьргаш гонаха хьажийна,
Боданехь цхьанна-ма вела а къежна,
Набахтера ведира Харачойн Зеламха.

* * *

Зуда ва лоьхучунна зуда ва нислойла,
ПаргIато езачунна паргIато гойла!
Зезагаша къарзийна, олхазарша Iадийна,
Самукъне шовданаш аренца даржийна,
Iаламо бIаьрг боьллуш набарха гIаьттина,
Хаза ю Нохчийчоь бIаьстенан юьхьанца.

6

Чекх сагун тушгенаш тIеттIа ва керчаш,
Цу тIулгийн чхарашна оьгIазе пе бетташ,
Текхаргах хьаьрчина, геннара чIуг етташ,
Ломара схьадолу и шийла Хулхуло.
Берд лекха хаьржина, тIулгаца йоьттина,
Яккхийчу тоьпашца, салташца чIагIйина,
Еа а маьIIехьа сема ха хIоттийна,
Паччахьан гIаплаьтта Хулхулон бердаца.
Тийначу Iуьйренца, гIоттучу малхаца,

Ша махе ваьлла Іарапаччахьан эпсар,
Курачу дагаца, лепачу герзашца,
Ца вешаш ма дара цуьнан майра Іер.
ЦІеххьана, – орца дала! – геннара герз дуьйжи,
Йис кхетта гІасанна, эпсар а ма вуьйжи!

* * *

Дехийла вай, кІентий, стоггаллех ца духуш,
Мерзаниг даарца, езариг юхуш!
Эхь ма ду, бехк ма бу паччахьан эскарна,
Цхьа акха нохчочо полковник вийна
Обарган корта богІу эпсарна чІирна,
Бохуш лен велира и кура инарла.

7

«ЛадогІа ахь соьга, Харачойн Зеламха,
Берриге махкана хьан цІе ма евза.
Хан-меттиг йиллина герзаца цхьалха
Суна хьо лата дуьхьал вала ма веза!».
Суьйренца божлара дин арабаьккхина,
Терс-маймал дуткъа тур шен юкъах дихкина,
Поп бойна гуьйриг тІе дай леча ва санна,
Ша дина хиира Харачойн Зеламха.
Йиллинчу ва метте вахана дІакхаьчча,
Шена гуо лаца теба салтий а гича:
«Гора-яІ, ямарта паччахьан хьо кІеза,
Ца хилла дешан да, ца хилла къонаха,
Ахь йинчу кІелонна вац хьуна со реза», –
Аьлла ша ма вайра Харачойн Зеламха.

* * *

Къийса ва луучун къийса кадолийла,
Эхь дайна вехачун аьтто ма болийла,
ЛадогІа ва соьга, паччахьан ва эпсар
ГІизларчу цу банке со вогІу хьуна,

Хуьлда хьоьца ва герзаш, хуьлда ва эскар,
Къонаха хьуо велахь дуьхьал вала суна.

8

Цу Теркан бердашна куьйра санна тебаш,
Эрз луьста нисбелча, садаІа соьцуш.
Герзаша кхелина, дойш тІехь ва техкаш,
КІентийн тоба йоьдура Теркаца хьала.
Делкъанна хан яьлча, малхо ва еттина,
Киртоьхна ва цІенош бошмаша хьулдина,
Наггахь бен стаг ца гуш, гІелъелла дІатийна,
Маьрша ма Іуьллура и маьрша ГІизлара.
Дезачу духаршца куралла ва сетташ,
Ахчанан ва таппаш киснара схьагІерташ,
Вовшашна кІеда-мерза бела ва къежаш,
Совдегарш хьийзара цу йоккхачу банкехь.
Вададай – хІун хилла? – ченан кІур ма бели,
ГІизлара банк яхьа Зеламха чувелира!

* * *

Ма лолда вай, кІентий, тешам а ва байна,
Харцо тІехІоьттинчохь стогалла яйна!
Базаран ва майда го лаьцна хадийна,
Шодмашца, тоьпашца нах кІажа гулбина,
Стаг верг а, зуда а къиза ва хьовзийна,
Ирча де хІоттийра паччахьан салташа.

9

ГІо оьшуш, гІодоьхуш и шийла кхаъ кхаьчча,
Синметта топ кхетта цІоькъа-лом ва санна,
Тешаме накъостий тІаьхьа ва хІиттийна,
Орцах ма велира майрачийн и баьчча.
Хьаннашца, тогІешца, кхехкачу догІмашца,
ГІебартойн маса дойш чехадеш шодмашца,
Говран ког ловзазчу акхачу некъашца,

Кхоьссина йогIура и кIентийн ва тоба.
Аренаш ва цоьстуш, махаца ва къуьйсуш,
Хала са ва доьIуш, стигла кIур ва туьйсуш,
Йоккхачу гIалара цIерпошта схьагIертара.
Шийла мохь ва тухуш арахь и сецира,
Совдегарш, эпсарш тIера ва биссийна,
ЧIир екха велира Харачойн Зеламха.
Ма лела вай, кIентий, ардангах къаьстина
Бохаман Iуьйренна доьхка а даьстина.
«Стигал вала тIемаш маса деза хьуна,
Уьш дац хьан, Зеламха, каравола суна.
Лаьттах ваха мIараш ира еза хьуна,
Уьш яц хьан, Зеламха, кIелависа суна!».

10

«Тешаме топ ю сан маса ва тIемаш,
Ларлолахь хьо цунах, паччахьан инарла!
Дитт дуткъа тур ду сан ира ва мIараш,
И луьра ду хьуна, паччахьан инарла!
Хьаннашца дукха ю акхаройн тобанаш
Цхьана берзан кайолу уьш хьалха лахка.
Дукха ю паччахьан цу салтийн гIеранаш.
Со царна борз еца, уьш хьалхара хахка.».
Яккхийчу тоьпашца цу хьаннийн Iин декош,
Сийначу молханца ламанан бохь чехош,
Хьоькхучу маьхьарша экаме лерг Iадош,
Гуолаьцна хаийра Харачойн Зеламха.
Инзаре ваьллачохь инарла ма виси,
Зеламха лечкъачохь хIуоа ца диси.

* * *

Ма лолда вай, кIентий, дог кура де доцуш,
Еза коч юьхийна, элашна доцуш!
Зеламхин геланчаша ярташ ва сийсайо,
Майрачу къонахийн тобанаш гIиттайо.

Дукха ва Іиллина нох мекха ма доьлла,
Іиллинчу ва барзал сема пхьагал тоьлла.

11

Хьоладайн реманаш хьалха ва лаьхкина,
ГІебартойн маса дойш тІаьхьа ва хаьхкина,
Паччахьан ва эпсарш гІопара ва бохуш,
Гулделла ва даьхни гІийлачарна доькъуш,
Ахчанан ва таппаш нисйина йоькъуш,
МостагІийн гІеранаш хьалхара идаеш,
Айкхавала ваьхьанарг жоьпе ва ийзавеш,
Мискачу нахана шаьш орцах ва буьйлуш,
Ямарта волчунна шийла даш туьйлуш,
Доьзална ницкъ бийриг тоьпаца сецавеш,
Юьртана вуо динарг юьхьдуьхьал вожавеш,
Аренаш ва цоьстуш нийсонца гІаьттина,
Яхь йолчу ва кІентийн тоба ма лелара.

* * *

Сий дайна дІавер вац сий долу къонаха
Иллешца хеставеш вуьйцур ву и наха.
Ламанца ткъес детташ стигланаш тІейоьлху,
Буьйсанна хан яьлла эвла Іуьллу тийна.
Хьуьн чуьра бен боьхна берзан кІеза доьлху,
ГІаларт ду и гуш дерг я адам ду дийна?

12

Іаьржачу вертанах къу санна хьаьрчийна,
ТІадийна ва башлакх бІаьргаш тІе ийзаеш,
Кийрара дилхан дог балано Іийжадеш,
Зеламха тебара шен юьрта лечкъина.
Кешнашна тІекхаьчча, ладоьгІуш сеца и,
ЦІеххьана мохь бели – карахь топ къевли цо.
Сирлачу бІаьргашна гонаха стаг ца ги.
Бодашкахь тІам тоьхна олхазар гІаьтти.

Гуьйренан ва буьйса, хьо тIуьна ва буьйса,
ДIо-о генна, корехь летта богуш го кьуьда,
Стигланаш тIекъекъа оьгIазе, ва буьрса,
Юкъал тIех зама яьлла буьйса дIауьду.
Меллаша кор туьйхи – цIеннана сема ю,
Зеламха чу вели, чохь бовха кхача бу.

* * *

ХIун хир ду сел мерза цIийнан кхерч боцург,
Дуьххьара ког боккху хьомсара бер доцург?!
Борз гIийла стенна угIу лакха яьлла?
Ардангах кьаьстина и бIарзъелла лела.
Маьрша стаг хIунда лела обарг а ваьлла?
Паччахьан харцонна и керчаварг цIийла!

13

Лахенца хьовзийча, лакхенга вуьйлуш,
Лакхенга шело тоьхча, лахене вуьссуш,
Малх кхетта де хилча, аренаш ва цоьстуш,
Кхоьлина де хилча хьун луьста ва лоьхуш,
Мацалла гIа дууш, хьогалла тхи муьйлуш,
И Iаьржа ва латта вуьжу мотт ва хоьржуш,
Попан шийла орамаш гIовла ва йолуш,
Аренца мох баьлча, шелонна ийзалуш,
Ламанца догIа деача, вашийна хуьлуш,
Хьуьнчуьра акхарошца баннаш ва къуьйсуш,
ГIа-бецах тешам байна, гонаха хьоьжуш,
Кхерч маьрша ва болчу акхаройх хьоьгуш,
Хьомсарчу доьзална дилхан дог доьлхуш,
Ша ваьлла лелара Харачойн Зеламха.

* * *

Ма даха вай, кIентий, харцонна кIелдисна,
Стогалла яйина, кIиллочун цIе йисна.

Дависа хьан дела, малх кхета ва дуьне,
Хетариг ва хилла хьо-м дуург ца хилла.
Цкъа мерза кхойкху ахь винарг санна шуьне,
Юха къаьхьа хуьлу хьо дестечун сила!

14
Буьйсанна хан яьлча, кхолха гуо ва лаьцна,
Мотт хаьдда висаро вахана мотт тоьхна,
Сийдоччу кIиллонна ахча а ва тесна,
Харцонна елира ямарта и тоба.
Юьйлучу тоьпаша йоккха юрт Iадийна,
Iожаллин кIеж хьийза мостагIашна юкъа,
Лелхачу цIераша беттан нур гIелдина,
Цкъа тоьлла мохь болу, юха иза лекъа!
«Хьо бIаьрза ма хьийза кийрара дилхан дог,
Цкъа ваха кхоьллинарг валаза ца ваьлла,
Хийла ахь куралла ловзийна динан ког,
Хийла хьо къовсамехь тоьлла юхадаьлла!».
Бух хаьдда поп санна, шийла даш ва кхетта,
Вуьйжира сийлахь кIант Харачойн Зеламха!.

* * *
Ма тола вай, кIентий, тешнабехк ва бина,
ТIаьхьено бехк буьллу эхь долург дина!

ХАРАЧОЙН ЗЕЛАМХА
(Ширачу иллин мукъамехь)

Д. Кагерманов

Сосакхо бен бечу ламанан тархашкахь,
Ламанах хьерчачу юькъачу мархашкахь,
Гила борз угIучу цу аьрцнийн хьаннашкахь,
Берд бууш гIергIачу Органан Iаннашкахь,
Буьйсанаш идош ву Харачойн Зеламха.

Мацалла ша дуург гIа-патар ва долуш,
Хьогалла молу хи бецан тхи ва долуш,
КIел буьллу кIеда мотт декъа латта ва долуш,
ТIетосу шен юргIа IаьржаВерта ва долуш,
Баланаш идош ву Харачойн Зеламха.

Лаьхьано нох даккхар а хезаш ду лергаш,
Зингатан болар ган а сирла бу бIаьргаш,
Лар хуьйцуш сел говза ю цу динан бергаш,
Эпсарш буьтуш хьекхо шайн къиза цергаш,
Са идош лелаш ву Харачойн Зеламха.

Цу лоьман маьхьаро дог майра ва дохуш,
Лечанан шакаро дегI тIема ва дохуш,
Зарзаран декарша ойлане ва вохуш,
Сатийна ладогIа къора берд ва лоьхуш,
Хьегамехь лелаш ву Харачойн Зеламха.

Турмалца хьоьжу и, шайн пхьоьха дIахIуттуш,
Юьртахой суьйренца хийисте ва хIуьттуш,
ДIаяхна шен жималла ойлано луьттуш,
Шен хьоме нийсарой бIаьра хьалха ва хIуьттуш,
Аренаш идош ву Харачойн Зеламха.

Дех, вежарех хадарх, стогаллех ца вухуш,
Тешаме доттагIий шена герга боьхуш,
Къонахийн сий лардан царна некъ а хьоьхуш,
Тешнабехк бан бевлларш тIаьхьара бохуш,
Са меттахь леташ ву Харачойн Зеламха.

Доьзалца чуверза мерза тем ва боцуш,
Ииш-вешех хьегарна уьш дага ва лоьцуш,
Пело ян гIоьртинчун чIир дера ва оьцуш,
Ламазна хIуттуш бен герз дIа ца хоьцуш,
Аренаш идош ву Харачойн Зеламха.

Шен коьртах, доьналлех и эпсарш ва хьегош,
Чин даздан сихбелларш Іожалле ва эгош,
Буьрсачу шен цІаро и инарлаш бегош,
Седарчех бутт санна, шен юрт яртех къегош,
Къийсамехь къарлуш вац Харачойн Зеламха.

Чал дера шен герзаш дегІаца ва къуьйлуш,
Дийнах буьйса тарйина, хьеха чу вуьйлуш,
Буьйсанах де дина, хьехара ва вуьйлуш,
Аренаш идош ву, доттагІий тІегулбеш,
ГІизлар-гІала вуьйлуш Харачойн Зеламха.

Цамгаро лаьцна дегІ йийсарх ца духкуш,
Кхиэл хиларх дог тешна шен гІазот доьхкуш,
Герз нийса детташ ву, мостагІийн гуо лоьхкуш,
ХІей, гавурш! - бохуш, гонах декьий дохкуш,
ТІамна кІел сецна ву Харачойн Зеламха.

Халачу чевнашна узарш а ца дохуш,
Узарийн меттана «Я Аллах!» а бохуш,
ЧІир екха Кибиров тоьпа кІел ва лоьхуш,
Ша къилбе нисвелла, дагахь Ясин ва доьшуш,
Эрний, эшший ца велла Харачойн Зеламха.

Турпал верг, воцург а цкъа волу вайха,
Ца вуьсу дуьне сов диънарг и аьхна.
Хьайн оьмар яхъян ахь ямарт некъ ца лехна,
Чекхвели хьо цунах лаьмнаш цецдаьхна,
Вицлур вац халкъана Харачойн Зеламха.

ГЛАВА 7. ДРАМАТУРГИЯ

«ЗЕЛИМХАН»
(драма)

А. Садулаев

Примечание. *Драматическая поэма Абдуллы Садулаева «Зелимхан» малоизвестна широкой публике, т. к. ранее нигде не публиковалась. Поэма случайно обнаружена в архиве Э. Зелимхановой – дочери абрека Зелимхана Харачойского.*

* * *

В зале гаснет свет. По динамику на весь зал раздается голос.

Голос: «Товарищи чеченцы! В старое время царские генералы принесли чеченскому народу порабощение и цепи, и чеченский народ с неподражаемой храбростью защищал свою свободу от цепей царской власти».

(Георгий Чичерин – дипломат)

На просцениуме автор в горском костюме.

Автор:
Мы чеченцы.
Много-много раз
Головы слетали с наших плеч,
Если призывал нас наш Кавказ
За него нам в землю лечь.
Падали мы звездами в траву,
Прорастали травами во рву.
Дни тянулись длинно, как века,
Как века, спрессованные в дни.
И катили солнце на закат,
Наше солнце на закат – они.

С Севера и Юга, как могли,
Полчищами шли на нас враги.
Падали мы в землю без могил
И кричали Богу: «Помоги.».
И кричали Богу: «О, Аллах!
Помоги спасти не жизнь, но честь.
Помоги, ведь ты всесилен, Бог».
И тогда чеченцам Бог помог.
Мы тогда ушли под облака.
Коротка там у врагов рука,
И ущелья каменные сжав,
От врагов, друзей, царей, держав,
От войны, бесчестья и от горя
Нас на время скрыли наши горы.
И мы клялись тогда, Чечня, тебе:
Пусть разорвется сердце, но в борьбе,
И мертвыми тобою будем жить,
В горах твоих, в степях твоих кружить,
Чтоб ты не пала звездами в траву,
Полынью горькой не росла во рву.

Открывается занавес.

Горная панорама, широкая долина, серпантином уходит в облака дорога, внизу раскинулся аул, имеющий очертания Харачоя. Освещение раннего утра. К автору подходят еще несколько горцев, поют. Мелодия высокая, торжественная, вторые голоса вторят низко, как в старинных чеченских песнях – илли, мелодия исполняется на дечиг-пондуре[1].

Поют:
Помнят горы старинные были свои,
Помнят люди героев – героев Чечни.

[1] Дечиг-пондур – чеченский национальный музыкальный инструмент.

Зелимхан Харачойский,
Мы помним твой яростный бой.
Зелимхан Харачойский,
Бессмертным стал твой Харачой.

Поющие незаметно уходят. А последние низкие звуки песни «А-а-а-а» еще звучат. Мелодия обрывается.

Склон горы, обработанный участок с молодыми всходами кукурузы. Зелимхан в белой рубашке, с кусочком тряпки на голове, защищающем от солнца, занимается прополкой. Он поет, работая.

Зелимхан:
– Если день мой с солнцем начат,
То счастливым будет вечер.
Хлебороб я – это значит –
Труд мой нужен, труд мой вечен.
Эй, Земля, прошу я очень,
Больше хлеба мне роди.
Впереди желтеет осень,
Песни, свадьбы впереди.

Останавливается, вытирает пот рукой.

Уф-ф, как жарко мне!
Мир налит по края горячим солнцем.
Мне до обеда надо бы успеть.

Вдали слышна песня. Зелимхан прислушивается, удивляется:

– Ты посмотри, и кто так звонко
Здесь, в Харачое нашем, может петь?
Ага, сейчас он выйдет из-за скал.

Слышен крик.

Зелимхан:
– Эгей, я здесь. Кто там меня зовет?

Гедал:
– Да это я, сосед Г едал.
Кто здесь тебя еще найдет.
Ты разве не признал меня?

Зелимхан:
– Признал, признал.
Так в чем же дело? Говори, Гедал.

Гедал:
– Тебе, скажу, везет.
Иди в аул, сосед,
Там радость тебя ждет,
Как солнца свет.

Зелимхан *(улыбаясь)*:
– Какая радость, что молчишь?

Гедал *(тоже лукаво улыбаясь)*:
– Награды стоит весть.
Чем, друг мой, наградишь?

Зелимхан *(серьезно)*:
– Всем тем, что в сакле моей бедной есть.

Гедал:
– Ну-ну, сосед, я просто пошутил,
И мне совсем награда не нужна.
А новость вот тебе – твоя жена
Такого вот мужчину родила!

Зелимхан *(восхищенно)*:
– Дай обниму тебя, сосед Гедал,
За эту новость ничего не жаль!
Вот это да!

Воткнув мотыгу торчком, Зелимхан пускается в пляс вокруг нее. Гедал стоит рядом, смеется, хлопает в ладоши.

Зелимхан:
– Я твой должник, сосед, за новость, и такую,
Готов я в пляске земли исходить.
Так счастлив я, так я, мой друг, ликую.

Гедал:
– Ну, а теперь пора мне уходить.
Паши, да вспоминай соседа,
Что так найти тебя старался.
Уж время близится к обеду,
А я к земле и не прикасался.

Гедал скрывается за скалой. Зелимхан продолжает работу, напевая утреннюю песню:
– Если день мой с солнцем начат,
Значит, добрым будет вечер.
Хлебороб я.

Внезапно из-за скалы появляется человек. Внешний вид его говорит о богатстве, жадности и тщеславии.

Сугаид:
– Пусть будет твой удачен труд.

Зелимхан:
– Благодарю я, Сугаид.
Пусть и тебя удачи ждут.
Аллах тебя пусть наградит.

Сугаид *(недовольно)*:
– Аллах, Аллах. Скажи мне лучше,
Когда вернешь за землю долг?

Зелимхан:
– Но здесь совсем не этот случай,
Тут что-то не возьму я в толк.
Ведь долг за прошлый год я осенью отдал.

Сугаид:
– Отдал? Да вот не все отдал, что брал.
Ты должен мне еще зерна.
Ты столько должен мне, не счесть.
(Лезет в карман за бумажкой).
Тут все записано сполна.
Бумага помнит.

Зелимхан:
– Все ль, как есть?
Но бедняку с богатым спорить –
Водой кувшин дырявый наполнять,
Он все равно не будет полным.
Ну все же, Сугаид, могу тебя понять.
Согласен я и это уплатить.
Богатый нынче урожай родит земля.

Сугаид:
– До осени повременить?
Нет, не согласен я.
И если ты свой долг мне не уплатишь,
Я буйволов на поле загоню
И потравлю твои посевы.
Кровавыми слезами ты заплатишь
За гордость непомерную свою.

Зелимхан:
– Побойся Бога.
Да людей хотя бы постыдись!
Сугаид:
– Ты нищий, не тебе меня стыдить.
И род у вас такой – спесивый, как пред равными.
А чем гордитесь вы – штанами рваными?
(Показывает на заплаты на одежде Зелимхана)
Нет, заплати мне долг, иначе берегись.
Иначе. страшной будет твоя жизнь.

Зелимхан *(надвигаясь на Сугаида)*:
– А знаешь что, ты только не грози.
Тебе меня угрозой не сразить.
Пускай до неба у тебя рога.
Меня, сосед, тебе не испугать.

Сугаид:
– Ну, погоди! Узнаешь месть мою и силу.

Зелимхан *(опечаленно возвращаясь на свой участок)*:
– Какая все ж его собака нынче укусила?
И что за мир?
Работаешь, как вол,
На поле от зари и до зари,
А осенью – опять и бос, и гол.
Все отобрали эти упыри.
Одних мозолей полные ладони –
И это все, что наше в нашей доле,
Зато вот эти, эти Сугаиды,
За год и палец пальцем не ударят,
У них земля, стада, у нас – обиды,
Пока они округой этой правят.
Так какая же его собака укусила?

Мне помнится, как нана говорила,
Что Зезаг хочет род его отнять.
Как будто Сугаид на вас сердит,
И ждать не будет, долга не простит,
За то, что Зезаг им не уступили,
Когда недавно брата поженили.
Ну что ж, пускай себе грозит.
Я не боюсь его.
И не прощу обид.

Снова начинает работать. Издали доносится тревожный голос девочки:

– Отец!.

Зелимхан:
– Я слышу голос дочери своей.
Как он похож на крик беды!

Дочь:
– Отец! Отец! Где ты? Ответь скорей!
Отец! Отец! Скорей в аул иди.
Нависли два крыла беды глухой.

Зелимхан:
– Что там такое, дочь?
Не плачь. Нам боль знакома.
Не бойся, зло мы победим с тобой.

Дочь:
– Там староста аула Сугаид
К нам в дом пришел,
Да с приставом самим.
И все забрал за долг, он говорит,
Что будто мы никак не отдадим.

Забрал корову, деньги и зерно
И говорит, что мало все равно.

Зелимхан:
– Пускай подавится, шайтан проклятый.
А что там за крыло второе у беды?

Дочь:
– Сын старосты, наш враг заклятый
С друзьями.

Зелимхан:
– Что нужно было людям Сугаида?

Дочь:
– Он оскорбил при всех Солтамурада
И отобрал у нас Зезаг,
Потом увез ее, хоть и не рада,
Она сопротивлялась и рвалась назад.

Зелимхан:
– Ах, подлец!
Змея и сын змеи, презренный Сугаид.
Вот она – месть, которой ты посмел грозить.
Ну, погоди. Я сам тебя найду.
(Дочери)
– Иди назад в аул, скажи – сейчас приду.
Девочка уходит, Зелимхан мечется по участку.

Зелимхан:
– Богатство бедняка – его жена,
Но Сугаид, наверное, решил,
Что бедняку не надобна она,
Чтобы бедняк и здесь ограблен был.

Он думает, что вечно будет так –
Одним лишь молоко, другим – лишь кровь.
Но жизнь мужчине для борьбы дана
За землю, за семью и за любовь.
Мы не рабы, чтоб жизнь влачить воловью.
Богатство бедняка – его жена.
За оскорбление они ответят кровью,
Ведь кровь, как слезы, тоже солона.

Быстро одевается и уходит.

Аул, площадь. Многолюдно. В центре старики. Зелимхан, окруженный группой людей, одетых попроще, с одной стороны. Сугаид, окруженный группой людей, одетых побогаче, – с другой. Старики негромко переговариваются:

1-й старик:
– Как разгорелся этот страшный спор.
Послушай-ка, сосед, с тех давних пор
Как я родился в этот мир огромный,
Подобного я что-то не припомню.

2- й старик:
– Ну, значит, ослабела твоя память.
Ты вспомни, сорок лет тому назад
Совершено такое ж было зло.
И ненависти голубое пламя,
Открыв для глаз тропу крутую в ад,
Тогда так много жизней унесло.

1-й старик:
– Да-да, я помню . Сорок лет назад.
Да, вижу я, не ослабел мой взгляд.
Да, слышу вновь, как в битве пули пели,
Как насмерть раненые там хрипели.

3-й старик:
– Да, вижу я совсем, как наяву,
Сошлись два рода в той кровавой битве,
И старики, и молодые никли.
Прощаясь с жизнью, падали в траву,
Забыв о милосердье и молитве.

1-й старик:
– Два рода бились – оба и погибли.

Шум усиливается, крики, возгласы:

1-й голос:
– Начнем!

2-й голос:
– Начнем же что ли!

Выступает вперед один из стариков. Шум смолкает.

Старик:
– Начнем наш суд.
Пусть скажет пострадавший.

Зелимхан:
– Не надо жалоб. Сердце рвет от боли
Живой, сегодняшней, а не вчерашней.
Не надо жалоб, ждать душа устала.
Пусть спор решат горячие кинжалы.

Общее молчание в ответ, Зелимхан обращается к старикам:

– Но если вы хотите, я готов.
Вы знаете меня и Сугаида.

Вот дом его, а вот мой отчий кров.
Он рядом жил, и тем больней обида.
Соседями мы были до сих пор.
Но оказалось, что сосед мой вор.
Я мирно жить хотел. Но в этом мире есть
Завещанная от отцов
Такая вещь, как честь.
Я мирно жить хотел. Но честь есть честь.
Как много у нее врагов -
Не счесть.

Пусть будет проклят дом,
В котором нет любви,
Пусть будет проклят дом,
В котором нет огня,
Пусть будет путь к нему
В несчастьях и крови.
И этот путь и дом,
Не дай Бог для меня.
Пусть будет проклят дом,
Пропитанный изменой.
Я знаю, ты простишь меня, моя Бици,
Расти детей. Я буду неизменно
Таким, как были деды и отцы.

(Сугаиду)

– Ты думаешь, что, отобрав сноху,
Вы отобрали Зелимхана честь.
Вы отобрали поле и соху.
Но знайте, у меня винтовка есть.
Вовек не принесу бесчестия я роду.
Ну, а теперь начну платить по счету.
Так вот, сосед, ко мне придя во двор,
Сказать по чести, ты пришел, как вор.

Но знаешь сам - чеченцы вора бьют.
Уйди же прочь, тебе нет места тут.

На просцениуме.

Зелимхан:
– Что плачешь ты? Кто так тебя обидел?

Казак:
– На бричке ехал я и никого не видел.
Но появился вдруг разбойник Зелимхан.
Он все отнял, знать позабыл Коран.
Он отобрал моих волов. Как жить?
Ну что я? Вот сейчас домой приду.
Чем мне детей кормить?
Как отвести беду?

Зелимхан:
– Как? Зелимхан? Куда поехал он?

Казак:
– Сюда.

Зелимхан:
– Поехали!
Какой-то страшный сон.

Подсаживает казака. Догоняет телегу, волов, ссаживает казака.

Зелимхан:
– Эй, ты! Остановись! Откуда ты и кто ты? Назовись!

Чеченец:
– Я – Зелимхан. Не стой мне на дороге.

Зелимхан:
– Ты Зелимхан? Ты Зелимхан? О, Боги!
А чьи волы?

Чеченец:
– Тебе какое дело? Я взял. Я буду отвечать.

Зелимхан *(выдергивает винтовку)*:
– Пока ты говоришь так смело.
Но будешь ты еще кричать.
А ну-ка стой! Казак, иди сюда.
Бери телегу и волов, иди домой.
Над ним же грозно встала тень суда.
Иди, а он за все отдаст сполна.
И помни, друг, кому лишь кровь,
Кому лишь молоко.
Жить бедняку, как прежде, нелегко.
А ну-ка, побыстрей вперед.

(Полосует чеченца бичом).
Кровь солона, да ты не знал того.
Пускай теперь узнает твой проклятый род,
Пускай узнает все и твой презренный тейп,
И кто здесь Зелимхан,
И кто здесь шейт[1].

Вход в село.

Зелимхан:
– Эй, люди! Что вы здесь заспались?
Или Шали десятый видит сон?
Вы что же безотцовщиной остались?
Откуда взялся этот Зелимхан? Чей он?

[1] Шейт (шайтIа) (чеч.) – черт, дьявол.

Голос из толпы:
– Какой он Зелимхан? Он вор.
А ты кто?

Зелимхан:
– Зелимхан. С тех пор, как мой отец
Мне имя дал,
Я – Зелимхан. Никем другим не стал.

Голос из толпы:
– Что сделал наш односельчанин?
Мы знаем, он позорно может поступить.
И все же?

Зелимхан:
– Он ограбил. Он ограбил.
Соседа вашего решил он от добра освободить,
От брички, от волов избавил в мгле тумана.
И именем назвался Зелимхана.
А я привел. Привел его сюда.
За кражу имени Я сам его ударил,
А за разбой
Для вашего суда
В аул сегодня
Я его доставил.
Решайте сами, как вам с вором быть,
Чтобы его позора не носить.

* * *

Железнодорожная насыпь. Стоит пыхтящий поезд. Зелимхан выводит 17 заложников-офицеров.

Зелимхан *(старшему по званию)*:
– За что вы посадили нас в тюрьму?

За то, что, чтя законы наших гор,
Своим врагам мы отомстить сумели?
Скажи, за что, я что-то не пойму,
Семнадцать человек расстреляно с тех пор,
Как к правосудью мы взывать посмели?
Офицер:
– Нет, Зелимхан, ты - вор,
Нет, Зелимхан, все это вздор.

Зелимхан:
– Семнадцать было их,
Семнадцать будет вас.
А остальные пусть другим расскажут,
Как дорого вам стоит тот байрам,
Как вас сегодня наш Аллах накажет.
Заложниками стали наши братья.
Но поклялись мы отомстить их смерть,
Чтоб не смогли вы снова надругаться,
Сегодня мы свою свершаем месть!
Я поезд здесь остановил.
Там, в Грозном, вы семнадцать нас убили.
А мы ведь не мешали вам, мы жили.
Семнадцать сыновей не ты ль осиротил?
(К офицеру)
– Ты – офицер, зачем ты к нам пришел?
Зачем? Вернулся бы к себе в Россию.
Коль смерть искал – так ты ее нашел.
И знай, возмездье – грозная стихия!

За Зелимханом встают горцы. Залп.

* * *

Зелимхан и группа чеченцев на конях. Берег Терека.

Зелимхан:
– Гей, Махмуды!
Духом что ль ослабли
Или сердцем о ребро споткнулись?
Там, за Тереком казачьи сабли
Ласкою змеиной изогнулись.
Гей, Махмуды!.
Что же, бросим в Терек мы коней.
И поможет в деле нам Аллах.
Что будет там?
Там будет все видней.
На этом берегу оставим страх.
Ты помоги нам, ночь, и степь нам помоги,
Полынь, кусты, деревья и овраг.
Мы дрались долго, дрались как могли.
Пока что нас осилил рыжий враг.
И вон он, вон – загаженный Кизляр.
Сквозь перья раскудавтавшихся куриц
Скачи, мой конь и неустан и яр,
Вонзайся в щели этих узких улиц.
И вот он, банк! Борха, к дверям!
А ты, Чинхо, бери мешок, вперед!
Надеюсь, завтра людям я раздам
Все, что для них банк этот уберег!

* * *

Трогает коней.

Горный ландшафт. Старик-пастух и Зелимхан, измученный, оборванный.

Зелимхан:
– Ассалам алейкум!

Пастух:
– Ва алейкум ассалам!
Ну, проходи, Чеченский Зелимхан!
Смотри, закат – пожар вселенский.
Народ тебе такое имя дал.
Ты имя заслужил – Чеченский.
Ты знаешь, что ты на хребте,
За ним глубокие долины.
Ты, друг, там жил, когда ты был в беде.
Там, за хребтом, уже тушины.
Ты знаешь, там стоят войска,
Тебе не надо объяснять,
Что будет злая их рука
Тебя давить и убивать.

Зелимхан:
– Старик, решил я в Турцию уйти.
Семья? Жена? Не тронут их.
Закончены мои пути.
Нет у меня уже других.

Пастух:
– Ну что ж, иди. Но я не ждал такого,
Ты знаешь, у чеченцев говорят,
А у народа памятное слово,
Коль в бой пошел, так не смотри назад.
Не ввязывайся в бой, коль неуверен,
Коль до конца бороться не намерен.
Коль не умеешь биться и стрелять,
Иди и к туркам, и к тушинам,
С собой свободу, знай, не взять.
Свобода – здесь оставшимся мужчинам.
Тебе – тропа! Свобода – нам!

Пусть сны о Родине тебя тревожат по ночам.

Зелимхан:
– Ты пристыдил меня, старик.
Вновь слышу я родной родник
И вижу темноту ущелий,
Где стынет страшных скал оскал.
Где путь свой горя и лишений
Навеки я себе избрал.
Я лишь устал. Но я не трус.
Навек с Чечней я остаюсь.

* * *

Горная поляна. Пень, на котором сидит Зелимхан. Пишет.

Зелимхан:
– Царь, ты сказал, что мне пора сидеть,
Но ты ведь знаешь, я уже сидел.
Уже я стар. Уж начал я седеть.
В боях с тобой уже я поседел.
(Задумывается)
Считать погибших там, за гранью боли?
Да ведь сейчас нельзя их даже счесть,
Их было миллион. А, может, боле?!
Погибших, не теряя честь.
По всем приметам скоро я умру,
Как волк печальный, но в своем лесу.
Убитый ночью или поутру,
Я жизнь от пуль врагов не унесу.

Свертывает бумагу, встает, тихо напевая первую строку народной песни «Ты. горя-чая пуля, смерть носишь с собой», уходит.

* * *

На просцениуме группа певцов в горских костюмах. Звучит дечиг-пондур. Мужские голоса поют народную песню:

– Ты, горячая пуля, смерть носишь собой,
Но не ты ли была моей верной рабой?
Земля черная, ты ли покроешь меня,
Не тебя ли топтал я ногами коня?
Холодна ты, о смерть, даже смерть храбреца,
Но я был властелином твоим до конца.
(Пер. А. Фета)

* * *

Раннее осеннее утро, поле, копны, вдали полоска гор. Скрываясь за копнами, движется человек. Он ранен, опирается на приклад. Это Зелимхан. Слышны крики прес-ледователей:

1 -й голос:
– Сдавайся, Зелимхан, ты не орел,
Тебя не скроют даже облака.

Зелимхан:
– Пусть не орел, но смерть твоя
Еще в моих руках пока.

2-й голос:
– Сдавайся, Зелимхан, не волк ты,
Не сможешь лесом ускакать.

Зелимхан:
– Пускай не волк я, но сегодня
Моя не будет кликать мать.

Снова стреляет. Крики преследователей замолкают. Зелимхан приваливается спиной к копне. Говорит вслух.

Зелимхан:
– Все кончено. Вещает сердце, кончено,
Недолго ждать мне, видно, до конца.
Я слышу смерть. Костлявых пальцев кончики
Уже коснулись моего лица.
Во сколько ж раз небытие длинней
Кусочка жизни, что судьбой нам дан?
Но ты уже прожил ее.
И с ней Давай покончим счеты, Зелимхан!
Эй, люди! Эй, друзья!
Кого зову – друзей, врагов – зачем?
Друзья остались там, в ущельях узких,
Друзья остались там, в степях бескрайних.
А эти камни что, сияют тускло,
Уж не сердца ли их – вот эти камни?
А здесь враги. Молчат, лежат за копнами,
Слетелось воронье брать с мертвых дань,
Как будто бы уже убит, закопан.
Закопан в землю мертвый Зелимхан.
Но я клянусь тебе, моя Чечня,
Пусть даже сердце вынут у меня,
И мертвым я тобою буду жить,
В горах твоих, в степях твоих кружить,
Чтоб ты не пала звездами в траву,
Полынью горькой не росла во рву.

Так где ж ты, Смерть,
Я жду тебя, я жду.

* * *

На сцене рядом с Зелимханом появляется фигура Смерти. Зелимхан, схватив ружье:

– Кто ты?

Смерть:
– Я – смерть твоя.
Ты звал меня – я Смерть.
Сегодня будут по тебе рыдать.
А ты попробуй только лишь посметь
Мне моего сегодня не отдать.
Ты видишь всюду – и там, и тут
Стволы ружей в руках людей скользят.
Куда ты повернешь – зрачки тех дул
Тебе грозят, тебе, тебе грозят.
Ты не уйдешь, ведь то зрачки мои.
Нацелен каждый в место, где душа.
Но, если хочешь, богу помолись
И к смерти приготовься не спеша.

Зелимхан:
– Где ж твоя воля, храбрый Зелимхан?
Она осталась где-то за плечами,
Где волки воют темными ночами,
Она в извивах троп,
Что я прошел,
Она в качанье веток,
Мной в пути задетых.
Смотри, смотри – там я,
Там молодость далекая моя,
Там начиналась песнь моей борьбы,
Там страшный поворот моей судьбы.

Смерть:
– Там жизнь твоя, бесстрашный Зелимхан?

Зелимхан:
– Она осталась в темноте ущелий,
Где стынет страшных скал оскал, ощерясь,

Где гром обвалов глушит волчий вой,
Где снег, как смерть, над бедной головой.
Она – родник, что я когда-то пил,
И песня та, которую я пел.
И на ее тропинках желтых пыль
И вздох, когда я раненый хрипел.

Смерть:
– Все правильно, но я скажу на это,
Тебе не жаль извивов горных троп,
Тебе не жаль качанья росных веток,
Тебе не жаль непитых родников
И песен, что еще тобой не спеты,
Тебе не жалко жизни, и не петь
Тебе тех песен больше никогда,
И над могилой ветер шелестеть
Полынью горькой будет лишь года.

Зелимхан:
– Ты смеешься, Смерть,
Мне жалко жизнь.
Да и какой храбрец
Не хочет в мире этом светлом жить?
Но час придет, и вдруг понятным станет:
Ты должен умереть, чтоб дальше жили,
Чтоб дальше жили твои дети в мире
И пили б жизнь – сладчайший из даров,
И пили б жизнь – горчайший из даров.

(Помолчав)

Ты думаешь, что я хотел стрелять?
Ты думаешь, я убивать хотел?

Да я бы был согласен нищим стать.
Весь день ходить и собирать куски,
И вечером сидеть в кругу семьи.
Но в мире есть такая вещь, как честь.
Как много у нее врагов – не счесть!

(Повторяет, как в бреду)

Ты думаешь, что я хотел стрелять?
Нет, не хотел. Я знал, как пахнет пашня.
А осенью любил я тяжесть груза
Тяжелой желтой спелой кукурузы.

(Собирается с силами. Голос крепнет)

И я клянусь сейчас, моя Чечня,
Пусть даже вырвут сердце у меня,
И мертвым я тобою буду жить,
В горах твоих, в степях твоих кружить,
Чтоб ты не пала звездами в траву.
Полынью горькой не росла во рву.

(Смерти)

– Ну, а теперь ты, старая, уйди,
Не заслоняй моих врагов собою,
Не стой у жизни больше на пути.
Я – Зелимхан, уйди, готов я к бою!

Стреляет. В ответ гремит залп из-за копен, который высвечивает ярким голубым пламенем фигуру Зелимхана с поднятой вверх винтовкой. Зелимхан высвечен как памят-ник мужеству и гордости.

ГЛАВА 8. СТАРИННЫЕ ПЕСНИ О ЗЕЛИМХАНЕ

АБРЕЧЕСКИЕ ПЕСНИ

В конце XIX - начале XX в. появляются абреческпе песни. Герои этих песен - абреки - заступники народа. Борьба абреков носила стихийный характер, они выступали в одиночку или небольшими группами. Большой популярностью пользовались песни о бесстрашном чеченском абреке Зелимхане: «Песня о Зелимхане», «Нападение Зелимхана на Кизляр», «Горы высокие» и др. В более поздних песнях чеченцев и ингушей проводится уже идея не одиночной борьбы с врагами, а совместной, как, например, в песне «К птице».

ПЕСНИ ГОРЦЕВ

Горцы Кавказа всегда ценили слово. «Хорошее слово стоит скакуна», говорят, сказано ими. Они не любят бросать слово на ветер. Оно дорого им, как хлеб и соль, что добыва-лись в горах с большим трудом...

Тяжелые условия жизни, невыносимый гнет со стороны местных феодалов и царских чиновников, социальная несправедливость породили в горах Кавказа то явление, которое в народе называют абречеством. Не вынося унижений и издевательств, храбрые и сильные люди покидали свои очаги, уходили в леса, не видя и не находя другого пути борьбы со своими мучителями. Это были благородные мстители. Их не надо путать с обыкновен-ными разбойниками и грабителями. Абречество явление социальное. Абреки были заступниками бедных

и грозой богачей, князей и чиновников. Царские власти вели с абре-чеством беспощадную борьбу: кого удавалось поймать, посылали в Сибирь на каторгу. Самым известным абреком в горах был чеченец Зелимхан. Известен и карачаевец Кана-мат. О них горцы пели прекрасные песни, которые дошли и до нас... Абреки были людьми свободы, борцами за нее. Горцы Кавказа, у которых всеми способами старались отнять свободу, не могли не отдавать лучшие порывы души свободным и отважным рыцарям гор. Об этом поется в карачаево - балкарской «Песне о Канамате»...

Справедливость, свобода, мужество и бесстрашие - вот что являлось религией настоящих абреков. Сила народных песен, их огромное значение заключается еще и в том, что в них отражены все стороны жизни народа, они остаются правдивейшим выражением человеческой души, всех ее переживаний. Горцам Кавказа в течение многих веков приходилось отстаивать свою землю, родные очаги и жизнь детей от посягательства бесчисленных захватчиков. Горский крестьянин всегда оставался воином, его в любой час мог призвать к бою огонь тревоги, зажженный на вершине горы. Были времена, когда в аулах могил оказывалось больше живых жителей.

Свидетелями той суровой жизни, наряду с произведениями фольклора, остались крепости и башни в горах, так часто встречающиеся, а еще надгробья из горного камня у дорог. В старину героев хоронили там, где они погибали.

Любопытна одна деталь. Мне не раз приходилось видеть два памятника у дороги, стоящие рядом. Один из них обычно был повыше другого, и на нем изображалась голова мужчины, а на другом памятнике головы не было. Люди знали, что рядом лежат мужчина с женщиной, муж с женой. Многие из таких надмогильных камней у дорог сохранились до наших дней.

Из кн. К. Кулиева «Поэт всегда с людьми». М.1986

ХЕВСУРСКАЯ ПЕСНЯ О ЗЕЛИМХАНЕ

Поют двое мужчин и женщина. Начинает пение мужчина, подражая грубому вою волка.

Женщина речитативом под вой спрашивает:

Слышишь ли, как на перевале гром гремит? Видишь ли, как из лохматых туч Большой и Сильный сыплет пригоршнями снег пополам с дождем, а вихри сердитые подхватывают белые хлопья и заметают тропу на перевале?

Мелкие брызги дождя сковывают снежинку с снежинкой так, что и тур не пройдет по этому покрову и потеряет тропу, а бедный хевсур, прижавшись к скале, пережидает бурю. Нет, ты не видишь и не слышишь ничего.

Там, внизу, под шум Арагвы, катящей свои чистые воды, сидят семьи вокруг очага и не трогает их буря, не пугает их снег; есть у них запас дров на крыше, задан корм овцам и коровам, и слышится лишь шум сбиваемого душистого масла, да шипит в котле сало с ячменной мукой.

Вступает третий голос

Но кто же это там, на перевале, идет от галгаев? Не боясь бури и снега, он смело ставит ногу, куда нужно, точно видит под снеговой коркой тропу.

Он ставит ногу над самой пропастью, не боясь поскользнуться. Кто этот человек? Не дух ли он?

Его голос покрывает собой и вой ветра, и шум Арагвы. Он воет как сотня волков в холодную зиму. А знаешь ли почему он воет и в вое его сильно просачиваются тоска и печаль, что плачут камни у скал?

Первый и второй голоса вместе:

Он воет потому, что нет у него крова, нет семьи, нет очага. Никто не ждет его прихода. Никто не провожает его в дорогу,

и не печет ему лепешек с салом на долгий путь. Он дом свой носит у себя за плечами. Он приходит тогда, когда его не ждут, и уходит, когда солнце не успевает позолотить снеговых вершин перевала. Куда он уходит, и когда возвратится - не может никто угадать.

А знаешь ли кто он? Он тот, кого и большое начальство, и последний стражник одинаково боятся. Ищут его, но не хотят этой встречи; ловят его, но пугаются наложить на него цепи. Он - Зелимхан. Его знают все: и жадные малхитинцы, и беспокойные нохчо, и вечные обидчики хевсур - галгаи; знают его и русские солдаты и офицеры, живущие за тремя большими реками там, где нет чистой воды, где нет ни гор, ни яркого солнца, а всегда дует ветер с песком и снегом.

Воет же он от того, что нет ему смерти. Он хотел бы умереть от тоски по семье, которую русское начальство отправило, не пожалев малюток-детей, на край земли, где собираются люди лишь после смерти. Но смерть не берет Зелимхана, так как Бог бережет его до той минуты, когда он отомстит за каждого своего погибшего родича всем виноватым, так как Бог не оставляет не отомщенным ни одного зла, ни одной слезы, причиненных невинным. И так как он, Зелимхан, настоящий мужчина, только тогда он найдет себе покой и смерть, когда кровью покроет кровь.

До совершения же воли Бога, сама смерть боится Зелимхана, и не трогает его до той минуты. Он ищет смерти, но сам носит ее за плечами, в дуле своей винтовки.

О, бедный Зелимхан».

Источник: Записки Терского Общества любителей казачьей старины. Май 1914 г с.90-91.

АВАРСКИЕ ПЕСНИ О ЗЕЛИМХАНЕ.

Из произведений аварской литературы начала XX века в отдельный цикл можно выделить произведения, посвященные национальному герою Чечни – абреку Зелимхану Гушмазукову ...

Мужество Зелимхана, его бесстрашие, бескомпромиссность в борьбе за свои идеалы вызывали восхищение и поддержку не только у чеченцев, но и в Дагестане, особенно у аварцев, жителей соседних с Чечней областей. Известен факт, когда абрек скрывался в Анди и других аварских селах. В аварских песнях о Зелимхане акцент делается, в первую очередь, на его героизме, бесстрашии. Эти черты характера поэтического образа в поэмах обусловлены личными качествами самого народного заступника – реального прототипа. Создавая образ Зелимхана. основанный на реальных, исторических фактах, аварские поэты дополняют его в соответствии с нормами поэтической идеализации героя. Популярность абрека среди народа детерминирует гиперболизацию его образа, который награждается такими эпитетами, как «гьалбапЬ (лев), «лачен» (сокол), «жайран» (олень), «аздагьо», (аждаха) и т.д.

Поэтические произведения аварских авторов о Зелимхане построены на реальных событиях. Так, в основе поэмы Мухаммеда Чиркеевского «Когда ловили Зелимхана» лежит история похода экспедиции против Зелимхана, организованного царскими властями в 1910 году. ...

Стихотворение начинается с характеристики Зелимхана. При этом автор избегает прямых оценок в адрес героя, а, используя прием олицетворения, стремится более контрастно, ярко передавать основные черты характера Зелимхана, героя-абрека.

Цо жайран рагIула жаниб Буртиялъ.
Жалиоориялъул рас михъиль бугеб.
Гьачагь вахьун вуго ХарайчIиб росулъ.
Росаби хьхнкъулев, хIаким сорсаев.

РекIелъ чаран бугев. чорхолъ яхI бугев.
Чугун гьунаралъе гIадан мукIурав [5].

Говорят, джейран есть в горах Чечни.
С усами льва.
В Харачое разбойник появился.
Которого села боятся, чиновники дрожат.
Со стальным сердцем, с совестью в теле.
Чье мастерство с конем людей покорило.

После такой характеристики героя следует описание подготовки похода карателей и самого похода. Изображая картину безрезультатной карательной экспедиции царских властей, поэт осуждает их за грабеж, который они устроили в доме Зелимхана, награждая их эпитетом «рохьил г1анграби» (лесные гиены).

В этом произведении обращает на себя внимание следующий момент: поэт-аварец, осуждая действия военачальника-аварца. являющегося к тому же его односельчанином, выражает солидарность с абреком-чеченцем. отдавая должное его героизму и мужеству. Факт, прямо скажем, нехарактерный для современных национальных писателей, но говорящий о том, что нашим народам было свойственно ценить людей не по их национальной принадлежности, а по их личностным качествам, по их поступкам и действиям в обществе, по идеологии, которую они исповедовали и за которой следовали.

Из А.М Муртазалиев « К вопросу об аварско-чеченских литературных связях». Махачкала. 2012 г.

КУМЫКСКАЯ ПЕСНЯ О ЗЕЛИМХАНЕ

С Бисмилой я слагаю слова о Зелимхане говорю.
Твой отец отдал тебя в школу,
Чтобы умел читать, писать,
От государей жалованье получать.
Учился ты, не уставая,
Чтобы без званья не возвращаться домой.
Но Зелимхану жалованья не дали.
Когда он спросил: «Почему так?»,
Тот генерал не внял его просьбе.
«Этого врага убью я и уйду в горы».
Вытащил ты оружие из кобуры,
И стал обречен на абречество.
Стреляя до последнего патрона,
Ты стал врагом государства.
Горой стал ты перед его войском,
Твое имя заставило государя вздрогнуть.
Со всех сторон он послал на тебя милицию.
Если войска идут, ты бьешься с ними,
Надеешься лишь на одного Аллаха.
Ты написал письмо полковнику.
Не берет тебя пуля врага.
Не смеют войска окружить тебя.
Пусть будет благословенна мать, родившая тебя.
Ты погнал войска в лощину.
Молодые люди связали себя с милицией,
А главари стараются чины получить.
За одну ночь ты объезжаешь губернию.
Говорить ты умеешь на многих языках,
Ты и дружбе знал цену, как и вражде,
Чтобы мусульмане не истребляли друг друга.
А Зелимхана поймали и выдали.
Докладывают генералу, что не могут ловить.

Нельзя предавать героев.
Того, кто предает его,
Пусть Азраил возьмет его душу не спрашивая.
Пока живы такие молодые парни, как Зелимхан,
Эти враги разве будут спокойны?
Ты спешно раны свои перевязал.
С генералом разговаривал, будто священник /поп/,
Генералы руки подавали, приняв за священника.
Ты напал на крепость Кизляр.
Этим ты убил сотника наповал.
Эти сотники рассказывают о тебе
И от тебя отходят ранеными.
Сын параульского муталима
Посвятил эти строки Зелимхану.
Я думаю о делах Зелимхана,
Я – Саифалим – говорю эти слова.

Подстрочный перевод с кумыкского А. Ахаев)

КАБАРДИНСКАЯ ПЕСНЯ (ГЪЫБЗЭ О ЗЕЛИМХАНЕ (подстрочный перевод)

Зелимханом кого называют, чеченский абрек,
Верхом на буром коне явись и покажись нам.
Конь бурый, белоногий, резвостью испытан,
Абрек Зелимхан мужеством (храбростью) испытан.
Офицеров когда встречаешь – головы свисают,
Бедных когда встречаешь – коня [им] запрягаешь (даришь).
Из детей даже худших наместник гор оказывает уважение,
И для детей самым уважаемым абреком стал.
На скалу до пещеры взбираешься по веревке,
На свет появляешься – на врагов находит страх (паника, ужас).
Зелимхан свой полк (отряд) водит по горам,
Чеченец Зелимхан – абрек неустрашимый.

Оригинал текста:

ЗэлымхъанкIэ зэджэри шэшэн абрэджщ,
Шы гъуабжэм утесыурэ къакIуи зыдгъэлъагъу.
Шы гъуабжэ лъакъуэхури жэрыгъэм хуэнахуэщ,
Абрэдж Зэлымхъаныр лIыгъэкIэ гъэнэхуащ.
Афицар ухуэзэмэ ящхьэр хуфIогъащIэ,
ТхьэмыщкIэ ухуэзэмэ яшыхэр хущIощIэж.
Быным я нэхъыкIэри тетым къегъэлъапIэ,
Быным я нэхъ лъапIэр абрэджу ежьэжащ.
Къуршыжьым и гъуанэми кIапсэкIэ унохьэ,
Дунейм укъытехьэмэ бийхэр мэгулэз.
Зэлымхъан и полъкури къуршым щызэрешэ,
Шэшэн Зэлымхъаныр абрэдж мышынэжт

Примеч.: Гъыбзэ – жанр старинных народных песен, слагаемых по поводу большого горя, чьей-либо трагической смерти.

ПЕСНЯ АБРЕКА 2

Под горою укроет могила меня,
И забудет жена, что любила меня.

Насыпь черную травы покроют весной,
И меня позабудет отец мой родной.
И сестра моя станет, наплакавшись всласть,
Жить, как будто без брата на свет родилась.

Только старший мой брат – настоящий джигит
Будет помнить о брате, пока не отомстит.
И покуда не ляжет со мной под горой,
Обо мне не забудет и брат мой второй.

ИНГУШСКАЯ ПЕСНЯ О ЗЕЛИМХАНЕ

Зелимхана гонцы селенья мутят,
Скачут во все концы и и так говорят:
«Эй, собирайтесь все, у кого кони лихие!
Эй, собирайтесь все, у кого сабли стальные!
Поскачем мы вдаль...
Будет жарко вокруг, хоть и не будет солнца,
А слезем с коней дружно все вдруг –
И земля затрясется.

Сбросим мы бурки на склоне бугра,
С седел сойдем и будем
Кнутовищем из серебра
То делить, что добудем.
За Зелимханом будем скакать
Вдаль по родимой земле.
Если будем когда-нибудь спать,
Лишь на ходу – в седле».

СТАРИННАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ ПЕСНЯ О ЗЕЛИМХАНЕ

У Зелимхана верховые появились, говорят.
Славу смелым побратимам обещают, говорят.
В камышах ночной порой остановились, говорят.
И ногайкой в нетерпенье потрясают, говорят.
У кого лихие кони приезжайте, говорят.
У кого остро оружье, к нам ступайте, говорят.
На траву, как дома, бурку постилайте, говорят.
Вольный ужин с братской саблей разделяйте, говорят.

Горяча ты, пуля, несущая смерть с собой,
Но не ты ли была моей верной рабой?

Тяжела земля, покрывшая навек меня,
Но не тебя ли я топтал копытами коня?
Холодна ты, смерть, над белым лицом моим,
Но не я ли был всю жизнь господином твоим?
Высохнет земля над могилой моей,
И меня ты забудешь, моя родная мать.

Прорастет могила кладбищенской травой,
И перестанут сестры обо мне вспоминать.
И слезы высохнут у любимой жены,
И по дальним тропам разъедутся друзья.
Только ты будешь помнить обо мне, мой сын,
Пока не ляжешь рядом мертвым, как и я.
На плечах оружья звук,
Эй, как лев насторожен, едет Зелимхан, говорят.

ЧЕЧЕНСКАЯ ПЕСНЯ О ЗЕЛИМХАНЕ

(Записана А. Костериным)

Уа-лай-ла я-ла-лай.
Уа-лай-ла я-ла-лай.
Уа-лай-ла я-ла-лай.

Его мягкою постелью была черная земля.
Подушка его – чинаровые корни.
Одеяло его – голубое небо.
От голода ел чинаровый лист.
От жажды пил росу.
Когда туман спускался на плоскость – уходил в горы.
Когда туман в горах – уходил на плоскость.
По ущелью шел волчьим скоком.
На вершинах слушал голоса ущелий и долин.
Родной его брат – винтовка.

Бросил вызов своей судьбе.
Придавил его ногой.
И вышел на борьбу чеченский Зелимхан.
Взял Зелимхан свою семью
И засел на черных вершинах.
Один кляузник пошел в крепость
И бросил свой длинный язык к порогу полковника:
«Марша-аль, начальник округа,
Не спите в эту страшную ночь!
Храбрый Зелимхан, который бьет начальство и купцов,
Горный орел – Зелимхан
Остановился на горных вершинах».
Чтоб отсох длинный язык кляузника!
Когда проклятый кляузник высунул свой длинный язык,
Зазвенела медная труба и медный барабан.
Как ток на базу окружают голодные вороны,
Так был окружен гордый Зелимхан.
Три железных ряда окружили вершину.
И послал полковник Зелимхану такие слова:
«Сдавайся живым – будет здорова голова,
Я возьму тебя с вершины, как ястреб курицу.
Ты в моем кармане, ты под моей подошвой.».
Отвечал ему гордый Зелимхан:
«Живым не сдаюсь – больше одной смерти не бывает.
А ты полковник, береги свои подметки.
А когда ложишься спать, смотри под подушку;
Нет ли там Зелимхана».
Стал бить полковник по горе из пушек и пулеметов.
Когда же от пороха пошел туман по ущелью,
От запаха серы стали ржать и задыхаться кони,
Закричал с вершины гордый Зелимхан:
«Дэлль мостугай![1] послушай меня,

[1] Делан мостаг1ий (чеч.) – божьи враги; ругательство, в основном в адрес иноверцев.

Много есть в лесу кабанов, что роют носом землю,
А их разгоняет один волчонок.
Меня для вас тоже хватит.».
И опять гремели пушки, ржали кони в пороховом тумане,
А гордый Зелимхан сидел один на вершине и пел песни.
А с первым криком муллы, с вечерним намазом
Взял Зелимхан свою семью под бурку и винтовку – брата своего.
Подавляя свою судьбу, ушел гордый Зелимхан.

ПЕСНЯ АБРЕКА

Если бы вдруг я
Горе излил,
Если б на луг я
Слезу обронил,
Знаю, печаль моя землю сожгла бы
И на равнине трава не росла бы.

Если бы в песне
Я горе излил,
В реку бы если
Слезу обронил,
То от соленой слезы и от горя
Сразу река превратилась бы в море.

Там, где скитаюсь я,
Нету еды,
Там, где скрываюсь я,
Нету воды.
Я пробавляюсь дубовой листвою,
Пью-напиваюсь росою скупою.

Сплю я в далеких
Звериных углах,

Глина под боком,
Пенек в головах.
Я по ночам засыпаю в тревоге,
Сплю и завидую зверю в берлоге.

Я, о проклятье,
Совсем одинок.
Милые братья,
От вас я далек.
Голод и холод в далеком краю
Отняли силу былую мою.

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ О ЗЕЛИМХАНЕ

Во время бури на плоскости, пробираясь в ущелье,
Во время снега в горах, пробираясь на плоскость,
Родным братом считая винтовку,
Как лев, который собирает зверей для спасения львят,
Любимую свою семью в большом лесу в горах собрал
И остановился для ночлега Харачой Зелимхан.
С доносом поехал один человек,
Подробно доложил в большом суде большому начальнику:
«Если это правда, я положу на твои плечи офицерские погоны;
Если это неправда, сниму твою круглую голову».
Не для службы начали звонить городские церкви – для тревоги,
Собрали врагов Аллаха бесчисленное множество на церковной площади.

Уа-да-дай, я-да-дай, да-дай-я, да-дай.
Уа-да-дай, я-да-дай-и-и-и.

Сыграв в медную зурну, по три человека их выстроив,
По узкой дороге вели их в черный лес.

Прежде чем показалось желтое солнце,
Прежде чем скрылись последние звезды,
В то время, как утренняя серая заря появляется,
Тремя рядами был окружен Харачой Зелимхан.
«Чтобы скрыться в черной земле – как тебе тверда эта земля.
Чтобы подняться на небо – как тебе высоко небо.
Теперь ты за учкуром моих штанов и не уйдешь от меня», –
Сказал царский генерал.

Уа-да-дай, я-да-дай, да-дай-я, да-дай.
Уа-да-дай, я-да-дай-и-и-и.

– Удивляюсь я тому, что, имея русское образование,
Сделал тебя, такого глупого, генералом московский царь.
Много я видел таких кабанов, как вы,
Неужели вы не видели такого храброго волка, как я.
Много кабанов, гуляющих в лесу,
Один только волк разбивает их целое стадо, –
Сказав так, начал стрелять из винтовки Зелимхан.
Положил он на месте пулей,
Как охотник оленя, одного офицера полка.
Начали бежать враги Зелимхана,
Получив несколько ран, ушел в это время Зелимхан,
Сказав своим, чтобы не беспокоились,
Что снова появится к ним до рассвета.

Уа-да-дай, я-да-дай, да-дай, я, да-дай.
Уа-да-дай, я-да-дай-и-и-и.

Чтоб провести день, он остановился в камышах,
Вечером сел на коня и поехал искать своими глазами отряды
солдат,
Как старую арбу, разбивать своими руками разъезжающую
царскую почту.
Так начал ездить Харачой Зелимхан.

Уа-да-дай, я-да-дай, да-дай-я, да-дай.
Уа-да-дай я-да-дай-и-и-и.

(Записана в Чечен-ауле Д. Курумовым от певца Сайда Мунаева)

ЗЕЛАМХА ГIИЗЛАРЕХ ЛАТАРАН ИЛЛИ

I

Схьакхеттачу малхана
IиндагI ва доцуш,
ТIедогIучу догIанна
Гоь тхьовса[1] а йоцуш,
Малхана йогучу
Бос Iаьржачу цу регIахь
Дагабуьйлуш ма севци
И нохчийн ва кIентий.
ЦIестан гIутакх ва долуш
Куьзганах ва йина,
Эрмалойн пхьераша
Вовшашка кхийдийна,
Тбилисехь кечйина
Бос сийна и турмал,
Куьйга номер хьовзийна,
Шина бIаьрга хьажийна,
Вистхили ма боху
Харачойн Зеламха:
«ЛадогIа, ойла е,
Шен нийса накъостий,
Шен бIаьрго схьалаьцнарг
Ша дуьйцур ва шуьга,
Куьйса эрз буьйлучу

[1] Вижа.

ГIебартойн цу арахь
И цIокъа ва рема
Ежаш го ва шена,
Вай йора дой лоьхку
И Теркан ва гечош,
Цу Терко гIум туьйсуш,
Ширлуш го ва шена,
Цементиц къийлина,
Силамца хьаьхина,
Хьолахоша йиллина
ГIизларан кIайн гIала
Ша дийна йисина,
Дой кхаьрдаш ма юьсу», –
Олуш, хьалха ма велир
Харачойн Зеламха,
Шаыш боьлхуш ма кхечир
ГIизларан кIайн гIала.
Де дулуш ма севци
Цу гIалин ва йисте.
ГIушлакхе де долуш
Вистхили ма боху
Харачойн Зеламха:
«ЛадогIа, хIай нохчий,
ОьгIазе ша хилча,
Бехк ма билла шена:
ТIетосу ва юргIа
И стигла ва йолуш,
КIел буьллу кIеда мотт
Iаьржа латта ва долуш,
Мацалла ша дууш
Попан гIа ва долуш,
Хьогалла ва молуш
Бецан тхи ва долуш,
Ша лелаш ма ву-кха

ХIара дуьне дадийна,
ТIаккха кIеззиг
Везавей ша-м,
Бехк ма билла шена.
Шу доха ма доха,
Ша хьалха ву шуна,
Ша вухур вацар-кха,
Шу тIаьхьа ду шена».
«Мартанхойн кура кIентий
Хьайна тIехIиттабеш,
Сирдинчу[1] цIенкъи тIе
Базар стол хIиттаеш,
Шишанийн ва баххьаш
Ва Iункар хIиттадеш,
И деза ва маларш
Кхийдочу цу хенахь
Дог меттахь хьо хилча
Тамаш бац, Iела,
Олуш, цхьаъ вистхилча,
Цул тIаьхьа хан ялале
ХIара дика ва кIентий
Дойшна тIехевшина,
Шаьш боьлхуш ма кхечир
ГIизларан гIали чу.
ГIаларчу банкина
ТIелети ма боху
Дуьненахь а сий долу
Харачойн Зеламха.
ЦIен деши схьаэцна,
Паччахьан зорбанан
КIайн ахча схьаэцна,
ХIорш бохкучу заман чохь,
Орца ма даьккхира

[1] Басар хьаькхначу.

ГIизларан гIали чохь.
ТIаккха тIе ва гуллуш,
Накъостий дIахIиттир.
Вистхили ма боху
Харачойн Зеламха:
«Дой тоьлла ва дераш
Уллохила, ва кIентий,
Ва тIамна каденог
Хьалхавала ва шена.
Дог меттахь ва вериг
ТIаьхьасаца ва шена,
Ва кийрахь даш доллу
И буто даьндаргаш
Аша чехка йийлийта
Тоьпан бархI сона», –
Олуш, хьалха ма велир
Харачойн Зеламха.
И стомма хьаькамаш
Шаьш лечкъабевлира.
Ва лекха эпсараш
Шаьш ида бевлира.
Урамийн ва некъаш
Кхарна хецна дитира,
Лакхара ва аьрцнаш
ПаргIат ма девли;
Баьхкина ма кхечи
Бос Iаьржачу цу регIа.
Де дууш ма севци
Де делкъенга ва долуш.

II

Сиэттачу поштанна
Йора дой ва доьжна,
Шен хьолан локхалла,

Шен деган куралла
Купецийн юткъа шок
Шен матта ва лоькхуш,
ВогIуш тIекхечир бах
Хьал долу Товрачан.
И лаьцна ма саций,
КIайн йийсар ва дина,
ТIаккха лен велир,тов,
Харачойн Зеламха:
«Сиха къаста, ва кIентий,
Шен тобанах боцурш,
Ша ваха воллу-кха
Дакъазалла ядийна,
Шун ирс хуьлда-кха,
Шу марша Iолда-кха», –
Олуш, вола ма вели,
Шен тоба къастийна,
Суьйренца ма кхечир
Цу Яьссел дехьара,
Цу Бенойн цу варша
Харачойн Зеламха.

III

И тиша хьошалла,
Алапа стамделча,
Доьхна ма хиллера
Цу Бенойн БоргIанин,
Эпсар чин кхайкхийна,
Тешамза даьллера.
Гучу вели ма боху
И Бенойн БоргIани,
Цуьнга вистхили бах

Харачойн Зеламха:
«Ирзехь экха санна
Нацкъара вуьйлу хьо,
Хьайн дагна хьайн дериг
Ахь генара дийцалахь».
ТIаккха вистхили, тов,
И бенойн БоргIани:
«Цу торгехь юхку
Алаша ва санна,
Шаьш лахайоккхуш
Хьан цIе язйича,
Хьоьга безам ва бахана,
БIаьрг бетташ ма ву ша».
ТIаккха вистхили бах
Харачойн Зеламха:
«Ца къегор хьо кIанта
И къорза пагонаш,
Ца дуур хьо кIанта
И стомма алапа», -
Олуш, тIевирзича
Харачойн Зеламха,
ТIехьашха леци бах
Тешнабехк ва бина.
ТIаккха вистхили бах
Харачойн Зеламха
Шен жимчу ва веше:
«Тешнабехкаца
Ша лаьцна сацийна,
Вошалла дуй теша,
Шен жима хьо ваша?
Ша дагахь воллур ву-кх,
Дуьнен чохь мел веха,
Ледарло ма елахь,

Шен жима ва ваша».
ТІаккха вистхили бах
ХІара жима ва ваша:
«Ша кхоссар йо цунна,
Хьо вухахилалахь», –
Олуш, тоьхна вожий бах,
И Бенойн БоргІани.
Іаьржачу орцано
Буьйда даш ва детташ,
Аьтто боцчу ва тІамна
Дан амал ва доцуш,
Шен аьтто буьйхир бах
Харачойн Зеламхин.
Вешеха хадийна,
Шен деха къастийна,
Ша цхьалха висир, тов,
Харачойн Зеламха.
ТІаккха узам беш секи, тов,
Харачойн Зеламха:
«Ма дала дакъаза,
Хьо маьлхан кІайн дуьне,
Хьо дуьсур ма хилла,
Цабохург ва хилла,
Хьо дуьсур ва хилла,
Ца моытург ва хилла.
Цу серийн тускарехь
Накхармоз ва санна,
Дууш мерза ма дара хьо,
Малх кхета хьо дуьне,
Кийрахь стим баьттІа
ДоІаха ва санна,
Хьо къахьлург хилла-кха,
Кийрахь дог дохарна.».

ГЛАВА 9. АБРЕК ЗЕЛИМХАН В ПРЕССЕ ПРОШЛОГО ВЕКА. (Избранное)

АБРЕК ЗЕЛИМХАН В ПРЕССЕ ПРОШЛОГО ВЕКА

Если вам доведется просматривать русские газеты, которые выходили в начале нынешнего века, то обратите внимание на статьи о Зелимхане. Их было очень много. Знаменитый абрек из Чечни волновал умы и сердца обывателей. Еще бы! Вот он на глазах у пораженной публики ограбил банк в Кизляре и скрылся. Спустя некоторое время похитил известного богача Месяцева, во Владикавказе забрал содержимое ювелирного магазина на центральной улице и ускакал в горы. Затем переоделся священником, приехал на бал к видному чиновнику Терской области и выведал все, что его интересовало.

Статей с описанием, как ловили Зелимхана, еще больше. И все под крупными заголовками: «Последние часы абрека», «Зелимхан в ловушке», «Конец разбойника». Почитаем. Оказывается, вот в чем дело: карательный отряд окружил Зелимхана, который засел на неприступной скале. Через несколько часов он будет схвачен... Но проходит день, другой, наконец, небольшая заметка: каратели предприняли штурм скалы. Зелимхан, закутавшись в бурку, прыгнул в бурный поток. Все кинулись его ловить. Поймали, но лишь..., бурку. Ее владелец исчез бесследно. А сообщений об убийстве Зелимхана не перечесть. Они появлялись, чуть ли не каждый месяц. И читатели к ним привыкли. Когда же в последних числах сентября 1913 года с Кавказа пришло известие о гибели знаменитого абрека, читатели недоумевали: верить ли ему или нет? Зато буржуазная пресса не скупилась на трескучие статьи о «подвигах» кавказских карателей.

И вдруг в этом мрачном хоре прозвучал иной голос – сильный и освежающий. Он раздался со страниц газеты «Отклики Кавказа». Откройте номер за 8 октября. Вам сразу бросится в глаза заголовок: «Убит герой». Вот несколько строк из этой статьи.

«...Не верится, что убит Зелимхан. Мы видим в нем героя. В свое время он отказался, идти в военные министры к персидскому шаху, сказав: «Не хочу против народа». Он любил свободу, был храбр, благороден... Он шел к жене и детям, когда его убили... Те, кто ловил его, – черные люди. Они останутся безвестными. О них ни сказок не расскажут, ни песен о них не споют. А о Зелимхане будет сложена поэма, может быть опера. Пушкин и Лермонтов восхищались такими героями... И не хочется верить смерти Зелимхана!..»

Под статьей подпись – А. Макеев. Да, это был умный, честный и смелый журналист-большевик. В 1918 роду он трагически погиб от рук белогвардейцев, но его мысль о том, что Зелимхана не забудут и воспоют в произведениях искусства, оказалась пророческой. Уже много написано, спето и рассказано о справедливом мстителе Зелимхане. А сколько еще будет!

Д. Гиреев.«Грозненский рабочий». 2.04. 1975 г.

1906-ОЙ ГОД.

На Кавказе. Телеграммы наших корреспондентовъ. Грозный, 5, IV. В 11 час. дня 4-го апреля по дороге из Вендена в Грозный шайкой абреков из засады убиты помощник начальника Венденского округа подполковник Добровольский и ехавший с ним казачий офицер, фамилии которого пока не выяснена. Тяжело ранены: мальчик, сын офицера-чеченца Саракаев и ямщик.

«Русское слово». 19 (06) апреля 1906 года

1907-ОЙ ГОД.

Крушение поезда. Тифлис.Шайка разбойников из 50 человек разобрала 25 саженей пути. Два паровоза свалились с полотна. В момент крушения разбойники открыли стрельбу из ружей, бросили под поезд 8 бомб, из которых 5 взорвались. Охрана отбила нападение, убив 4 разбойника, перестрелка продолжалась около часа. Послана погоня в горы.

«Красноярец». 4 декабря 1907 года.

1908-ОЙ ГОД.

Убийство разбойника. Владикавказ. (От нашего корреспондента). Наводивший ужас на все население Терской и Дагестанской областей разбойник Зелимхан Гушмазакаев убит при преследовании его специально сформированной чеченской командой.

Приговоренный к каторжным работам Зелимхан в 1902 г. бежал из гродненской тюрьмы и организовал разбойничью шайку из черкесов и чеченцев. Чтобы можно было судить о деятельности этой шайки, достаточно перечислить некоторые из наиболее выдающихся ее «подвигов».

В июле 1905 года были взяты в плен инженеры-туристы Байзбренко и Хренов и освобождены лишь за выкуп в 2000 руб.

В октябре того же года шайка напала на почтовый поезд владикавказской дороги, ограбила почтовый вагон и пассажиров, при чем было убито 15 и ранено 20 пассажиров. 4-го апреля 1906 г. был убит из засады помощник начальника Введенского округа Добровольский и ехавшие с ним подъесаул Нечипаевский, ученик-чеченец и ямщик.

В 1907 г. совершено нападение на экономию овцевода Бредихина, в Хасав-Юрте, при чем сам Бредихин взят в плен и осво-

божден лишь за выкуп в 12 000 руб. Наконец, 8-го июня этого году убит начальник Введенского округа полковник Галаев.

Население Введенского округа постановило приговором своим от 6-го июля в месячный срок передать в руки властям Зелимхана, отца его и брата и образовать в каждом участке партизанские отряды для преследования разбойников из 15-ти конных и 15-ти пеших людей.

Один из высланных для преследования шайки партизанских отрядов наткнулся на нее в бачи-юртовском лесу, при чем в перестрелке были убиты, кроме самого Зелимхана, его отец, брат и еще два разбойника. Команда потеряла убитыми двух и ранеными пять человек.

«Русское слово». 24 (11) сентября 1908 года

1909-ЫЙ ГОД.

Грозный. 10/I/ 8 января с. г. в 2 часа ночи на платформе Грозненского вокзала неожиданно появилась шайка абреков, сбила с ног ударом приклада приемщика поездов, поставила своих часовых и бросилась в помещение вокзала. Железнодорожный стражник выскочил им навстречу с криком о помощи, но тут же был тяжело ранен. Абреки открыли стрельбу по окнам, ранили другого стражника и принялись хозяйничать на станции. Оставив в покое телеграфистов, смиренно расположившихся под столами, они стали разбивать ломом железную кассу.

Лязг железа, тревожные свистки паровозов и выстрелы нападавших разносились по мирно спавшей станице.

– Скорее, скорее! – торопили часовые, – паровозы свистят!

– Ничего, они всегда свистят, – отвечали им.

Верхняя крышка кассы, наконец, была пробита, но под ней оказалась другая. Разбойники сломали лом и вытащили заранее

припасенные зубила хорошей кузнечной работы. Одна за другой были вскрыты две кассы, из которых взято 8 тысяч рублей, и шайка скрылась через окно, высаженное молотом.

«Отклики Кавказа». 8 января 1910 года

Владикавказ 13/П Начальником области генералом Михеевым получено на арабском языке письмо от неуловимого абрека Зелимхана, бравшего в плен землевладельцев, грабившего и убивавшего. Его жертвой пал, между прочим, полковник Галаев. Зелимхан в письме просит во имя бога и царя о помиловании, выражает желание сдаться властям, утверждает, что стал абреком лишь благодаря несправедливости администрации.

Генерал Михеев разослал свой ответ Зелимхану по области для оповещения о нем населения в мечетях через мулл и кадиев. Генерал против помилования. Ответ его закан-чивается словами: «Зелимхану следует помнить, что раз он имел мужество судить и нака-зывать других, пусть имеет мужество сдаться в руки правосудия»

«Русское слово». 14 февраля 1909 года

В России. Владикавказ, 17,III. Специально сформированный для борьбы с абреками и Селим-ханом отряд под командой войскового старшины Вербицкого в субботу имел первое «дело» у селения Гудермес.

Полученные с места сообщения рисуют картину так. Во время базара русские солдаты хотели обезоружить чеченца. Чеченец, сопротивляясь, выстрелом из винтовки ранил одного из солдат, за что немедленно сам был убит. Собралась толпа. Поднялась пальба. Всего вовремя столкновения было убито трое и ранено восемь человек. Затем отряд двинулся далее. Старшина селения скрылся.

«Русское слово». 31 (18) марта 1909 года

Разбои на Кавказе. Владикавказ. При отобрании оружия близ Сурховки, нарзанского округа, убиты два ингуша, стрелявшие в войска. Все селение Апиево, Нарзанского округа, числом в 42 двора, распоряжением наместника, выселено в Грозненский округ. Уничтожен принадлежащий Апиеву хутор Царх, в котором отрядом войска была застигнута шайка абреков, причем в перестрелке были убиты три разбойника, в том числе главарь шайки, Бек-Султан Ганиев, и ранено двое, а со стороны войск были убиты два казака и ранен один. Участие в шайке Зелим-хана и в перестрелке не установлено

«Голос Москвы». 29 (16) мая 1909 года

1910-ЫЙ ГОД.

Нападение на казначейство. Владикавказ. Нападение на казначейство в Кизляре было совершено в 12 час. дня. Убиты казначей, пятеро солдат, три присяжных счетчика и несколько посетителей, всего 17. Ранено шесть, убито два абрека. Шайка направилась к станице Александрийской, по дороге отбила четырех лошадей и преследуемая казаками и войсками, переправившись через Терек, укрепилась. В настоящее время шайка окружена. Идет перестрелка.

«Петербургское агентство». 11 апреля (29.03) 1910 года

Получены подробности нападения на кизлярское казначейство. Тифлис, 29,III. Получены следующие подробности нападения на кизлярское казначейство. Разбойники были одеты в казачью форму с погонами. [.] Шайка грабителей были под предводительством известного разбойника Зелим-хана, одетого в офицерскую форму. На место происшествия приехал начальник Терской области.

(«Петербургское агентство». 12 апреля (30 марта) 1910 года

К ограблению кизлярского казначейства. (По телеграфу от корресп.). Грозный, Терской обл. 12 IV. Относительно ограбления кизлярского казначейства выясняется следующее. О предполагавшемся набеге шайки Зелим-хана сыскная полиция имела сведения и за неделю до нападения известила об этом атамана кизлярского отдела Вербицкого, бывшего начальника отряда, боровшегося с Зелим-ханом. Вербицкий, не сделав распоряжений, уехал во Владикавказ. 27-го марта было совершено ограбление казначейства.

Вербицкий вернулся в Кизляр 29-го марта и отправил отряд в погоню за Зелим-ханом в Дагестанскую область, где шайка будто бы засела в укреплении. Между тем, Зелим–хан с шайкой шел своей обычной дорогой, направляясь к Аргунскому ущелью. Здесь его поджидал, извещенный о нападении в Кизляре на казначейство, начальник участка Бердзциев с отрядом милиционеров. – Дорогу, – потребовал Зелим-хан, – иначе будете расстреляны. Малочисленный отряд милиции отступил, пропустив Зелим-хана дальше.

«Утро России». 30 (17) апреля 1910 года

Члены шайки Зелимхана. Члены шайки Зелимхана арестованы по делу об ограблении казначейства в гор. Кизляре. При них найдены: одна пара юнкерских погон, две пары казачьих погон, одна пара погон урядника милиции, бинокль военного образца, электрический потайной фонарь, двойной лом-взламыватель замков, приспособленный для ношения на поясе и др. орудия взлома, отвертки и принадлежности для чистки оружия 3-х линейного казенного образца. Один из них ранен ружейной пулей навылет в правую ногу и левое плечо. На карточке они без оружия и поясов, которые отобраны в момент ареста в сел. Сурхахи и Яндырка.

«Русское слово». от 07 мая (24 апреля) 1910 года

В России. Зелим-хан. Пятигорск, 8,V. По агентурным сведениям, Зелим-хан с шайкой абреков перешел в Сунженском отделе Терек и идет по направлению к Кисловодску. За проезжающими в поездах туземцами установлен бдительный надзор. Кисловодской администрацией получены сведения о готовящемся нападении Зелим-хана на один из местных банков. К охране банков приняты меры.

«Русское слово». 22 (09) мая 1910 года

В России. В ожидании Зелим-хана. Пятигорск, 14,V. Вчера, ночью, около станции «Минеральные Воды» были замечены верховые туземцы. Предположив, что это может быть Зелим-хан со своей шайкой, постовые по телеграфу сообщили о появлении туземцев местной администрации. Были высланы разведчики, поставлены секреты. Тревога, однако, оказалась ложной. Нигде поблизости Зелим-хана не оказалось.

«Русское слово». (15) мая 1910 года

Преследование Зелим-хана. Владикавказ, 3, VI. Ночью в Кизлярском отделе, близ селения Батыш-Юрт, в камышах, разъезд из десяти казаков под командой сотника Яицкого наткнулся на шайку Зелим-хана. Произошла перестрелка, продолжавшаяся около часа. С обеих сторон есть убитые и раненые. Зелим-хан, преследуемый казачьей командой, отступает к Кизляру. Из Грозного в Кизляр срочно двинуты солдаты.

«Русское слово». 17 (04) июня 1910 года

В России. Награда за поимку Зелим-хана. Владикавказ, 12,VII. По области официально объявлено, что деньги, собранные населением Введенского округа, в сумме 8000 р. предназначенные на выдачу награды за поимку или уничтожение известного абрека Зелим-хана, до сего времени хранятся в депозите начальника области, так как за два года, прошедшие с тех пор, не нашлось лица, которое бы выполнило эту задачу, то с разре-

шения наместника признано необходимым собранную сумму, в случае поимки Зелим-хана и его сотоварищей, выдать не одному лицу, а всем, кто будет содействовать поимке или уничтожению шайки, по справедливой оценке труда и риска, которому они подвергались.

«Русское слово». 26 (13) июля 1910 года

В России. Распоряжение наместника. (По телеграфу от нашего корреспондента). Владикавказ, 11,VIII. Опубликован приказ по области, коим на основании распоряжения наместника, предписано расселить по местам приписки жителей хутора Кулы, Грозненского округа, а строения сжечь, сравняв хутор с землей. Причина – содействие хуторян известному неуловимому разбойнику Зелим-хану, укрывательство абреков и участие в столкновениях с командой разведчиков близ селения Галанчож.

«Русское слово». 25 (12) августа 1910 года

Зелимхан использует наёмников. Это не старый ещё человек с умным, выразительным и, можно сказать, даже интеллигентным лицом. Постоянной шайки Зелимхан не имеет, это ему не по средствам. Задумав какое-нибудь дело, он собирает головорезов из нескольких аулов и по окончании дела отпускает восвояси. При себе Зелимхан оставляет 2-3 человек преданных ему лиц.

«Всеобщая газета». 20 сентября, 1910 года, СПб.

Зелим-хан. (По телеграфу от нашего корреспондента). Владикавказ, 27 сентября. Завтра в Атаманском дворце соберутся представители ингушей. С ними будет говорить Начальник области генерал Михеев. Генерал категорически потребует от ингушей выдачи Зелим-хана. Дальнейшие действия русских войск против Зелим-хана находятся в зависимости от этой бе-

седы. Пока горы Терхкорт – предполагаемое пребывание Зелим-хана – оцеплены отрядами полковника Веселовского.

«Русское слово». 11 октября (28 сентября) 1910 года

Получены подробности. Владикавказ, 18,IX. Получены подробности того, как удалось захватить семью Зелим-хана. Сообщают следующее: Во Владикавказе было получено известие, что Зелим-хан, вместе со своей шайкой и членами своей семьи продвигается к верховьям реки Ассы. Немедленно из Владикавказа и других пунктов мелкими частями был двинут туда отряд в составе двухсот штыков пехоты и команды всадников дагестанского полка. Часть отряда прошла к месту назначения через Тионетский уезд, Тифлисской губернии. Район предполагаемого местопребывания Зелим-хана и его шайки, представляющий из себя почти непроходимое ущелье, был оцеплен.

17-го сентября было получено известие, что Зелим-хан находится в селении Нельх. Части отряда были переброшены к селению. Но Зелим-хан к приходу войск уже успел скрыться в горных лесах. Семья и имущество неуловимого абрека взяты. Случившемуся придают крупное значение. Получение сведений с места действий задерживается полным бездорожьем.

«Русское слово». 02 октября (19 сентября) 1910 года

Состоялось погребение князя Андроникова. Тифлис, 27,IX. Вчера состоялось погребение князя Андроникова, убитого в Ассинском ущелье при столкновении русских войск с шайкой Зелим-хана. Тело покойного было доставлено в субботу из Владикавказа.

На похоронах присутствовали и.д. наместника генерал-от-инфантерии Шатилов, помощник наместника по гражданской части сенатор Ватаци, генералитет, предводитель дворянства и масса народа. На гроб возложено 25 венков.

«Русское Слово». 11 октября (28 сентября) 1910 года

Юбилей «ловли» Зелимхана. В «Русском слове» приведено письмо ингушского разбойника Зелимхана к дагестанскому офицеру Докогуеву, которому поручено изловить его:

«Зайнутдин! (имя Докогуева) Я очень скучаю, не зная ваши мысли об меня. Вы мусульманин, я тоже, напиши по совести, что думаешь. Я убивал начальство, что они незаконно сослали бедных людей в Сибирь, 9 человек. Потом в Грозном был бунт, и войска убивали там бедных людей. Тогда я собрал шайку и ограбил поезд Кади-юрт и убивал в поезде русских – за местью. Потом полковник Вербицкий напал на Гудермес и убивал на базаре бедных людей, убивал в селе Цорх Назрановского округа. Я – напасть на Кизляр на отмщение Вербицкого.».

«Красноярский вестник». 12 октября 1910 года

Событие дня. Выдать в две недели т. Зелим-хана.Распоряжение начальника области. Владикавказ. Вследствие нападений 20 сентября начальник области предложил представителям ингушских селений выдать в две недели т. Зелим -хана с соучастниками под угрозой репрессий. Старшины лишены звания и права носить оружие.

Московские ведомости. 13 октября (30 сентября) 1910 года

Зелим-Хан. Владикавказ, 4 октября. Ингуши, живущие в Ассинском районе, совершенно терроризированы мерами властей, принятыми с целью поймать Зелим-Хана. Начальство убеждено, что скоро знаменитый разбойник будет выдан, однако до сих пор подвиги его шайки не прекращаются. За последние сутки в области было совершено два грабежа и одно убийство. Выслан новый отряд войск в погоню за Зелим-Ханом. (Соб. кор.).

«Утро Росии». 18 (05) октября 1910 года

Зелим-хан. Владикавказ 30,IX. Близ селения Нескау шайка из шести абреков, напав на возвращавшихся с работ жителей,

отбил у них шесть быков и пять лошадей. Посланная погоня настигла шайку. Произошла ожесточенная перестрелка, во время которой скот от абреков удалось отбить. Шайка скрылась. Почти одновременно, близ селения Гизель, у возвращавшихся с полевых работ осетин, шайкой также из шести абреков, отнята пара лошадей.

Во время погони один из нападавших, ингуш Ельджурабек был задержан. Остальные скрылись. Близ города на возвращавшихся домой слобожан произведено двумя абреками нападение. Пригрозив винтовками, они отобрали у слобожан лошадей и скры-лись. Все эти дерзкие нападения народная молва связывает с именем Зелим-хана.

«Русское слово. 14 (01) октября 1910 года

Зелим-хан. (По телеграфу от специального корреспондента). Владикавказ, 5,X. Плоскостные ингуши назранского округа приняли ряд постановлений относительно Зелим-хана. Важнейшие из этих постановлений следующие: За счет ингушей учредить особый отряд. За поимку Зелим-хана живьем назначить еще 5 тысяч (итого 13 тысяч). За убийство Зелим-хана – 2500 р. .У виновных в укрывательстве Зелим-хана конфисковать имущество и высылать их из пределов ингушских земель. Привести всех жителей к при-сяге в том, что они не будут помогать Зелим-хану.

«Русское слово». 19 (06) октября 1910 года

Зелим-хан. Владикавказ, 6 октября. Главные сподвижники Зелим-хана – абреки Аюп Тамаев и Юсуп Долатов, – покинули его и принесли повинную. Им дано полное помилование. Они причислены к отряду ротмистра Доногуева. В данный момент Аюп Тамаев и Юсуп Долатов выехали в горы искать Зелим-хана. В распоряжении ротмистра Доногуева сейчас до десяти раскаявшихся абреков.

Сотня Доногуева на днях покинула Владикавказ и расположилась в ауле Сурохонхи. На основании утверждения На-

местником распоряжения Начальника Терской области генерал Михеева о примерном наказании загорных ингушей, помогавших Зелим-хану, будут разрушены аулы Кеки и Нельхе. Жители этих аулов предположено сослать вместе с семействами в Сибирь. Всего будет сослано около 100 человек.

«Русское слово». 20 (07) октября 1910 года

В России. Владикавказ, 19,X. Командование отрядом для борьбы с абреками возложено на командира Дагестанского полка полковника Моргания. Пехотные части отряда заменяются пластунами и горной артиллерией. В виду полученных сведений о предстоящей переправе через Терек шайки абрека Соломбека Гаранджева, близ селения Бековического, все броды на Тереке были на днях заняты засадами из казаков и пехоты. Ночью шайка действительно наткнулась на одну из засад. Произошла ожесточенная перестрелка. Абреки скрылись.

«Русское слово». 02 ноября (20 октября) 1910 года

Арест абрека Соламбека Горваджиева. Владикавказ 22,X. Вчера в селении Назрань арестован один из виднейших абреков – Соламбек Горваджиев(Говороджев), ингуш из селения Сагодш (Сагопши). Соламбек десять лет назад вступил на путь абречества. Исключитльная смелость и беспощадность быстро выдвинули его из числа других. Имя его во многих местах области наводило большую панику, нежели имя Зелим-хана.

«Русское слово». 05 ноября (23 октября) 1910 года

На Кавказе. Владикавказ, 12,XI. (По телеграфу от нашего корреспондента). Действующий против Зелим-хана отряд усилен двумя батальонами пластунов. За неисполнение требования о выдаче абреков в селениях Верхний и Нижний Ачалуй поставлены карательные отряды. В окрестностях города шайка из семи абреков напала на возвращавшихся домой осетин. В происшедшей перестрелке была убита лошадь. Абреки скрылись.

«Русское слово». 26 (13) ноября 1910 года

Кавказские депутаты сделали в Государственную Думу запрос. Санкт-Петербург. Кавказские депутаты сделали в Государственную Думу запрос по поводу мер, которые кавказская администрация принимает для поимки Зелимхана. Авторы перечисляют целый ряд мер, предпринятых администрацией, и делают из приведенных фактов вывод, что администрация, не будучи сама способной бороться с кучкой бездомных бродяг, вымещает свое бессилие и злобу на несчастном мирном населении, выразившиеся в уничтожении двух аулов.

«Красноярская мысль». 17 ноября 1910 года

Кары за Зелим-хана. В России. Телеграммы наших корреспондентов. Владикавказ. В виду неисполнения требования властей о выдаче Зелим-хана, в целом ряде ингушских селений поставлены военные экзекуции и, кроме того, на население наложен штраф в размере 20 000 руб. Ожидаются распоряжения о приведении в исполнение представления об уничтожении селений в Ассинском ущелье, о ссылке жителей и о расторжении договоров на пользование ингушами казачьей землей.

«Русское слово». 17 (04) ноября 1910 года

Социал-демократы и Зелим-Хан. В государств. думу внесен соц.-демократами запрос о Зелим-Хане. Авторы запроса часто жалуются, что кавказская администрация под видом поимки разбойника Зелим-Хана чинит насилие над местным населением. Отчего бы не поручить розыски Зелим-Хана его землякам деп. Гегечкори и деп. Чхеидзе?. Они живо доставили бы его в руки полиции.

«Петербургская газета». 19 (06) ноября 1910 года

Зелим-хан. Владикавказ, 3,ХП. Сообщают подробности перестрелки с шайкой Зелим-хана. Получив агентурные сведения о прибытии части шайки Зелим-хана, с - сподвижником Зелим-хана чеченцем Аюбом Тамаевым во главе в селение Ата-

ги, начальник участка Смирнов поздно ночью окружил дом, где были абреки, отрядом в 120 сапер и стражников. На требование сдаться абреки ответили залпами. В происшедшей перестрелке убиты абрек Юсуп Хасуев и один сапер, ранены Аюб Тамаев и двое стражников. Абреки, захватив раненого Аюба, скрылись.

«Русское слово». 17 (04) декабря 1910 года

Зелим-хан. Владикавказ, 16, XII. (По телеграфу от нашего корреспондента). Съезд чеченцев по вопросу о поимке Зелим-хана постановил предложить ему добровольно покинуть пределы России, ассигновать на 8 000 руб. сформирование новых партизанских команд, просить гарантии безнаказанности селению, на земле которого Зелим-хан будет убит и ходатайствовать о воспрещении ингушам приезжать в Веденский округ.

«Русское слово». 17-го (30-го) декабря 1910 года

1911-ЫЙ ГОД.

Уничтожение аулов Нельх и Кек. Владикавказ, 24,I. Прибывшим из Владикавказа отрядом саперов взорваны селения Нельх и Кек, жители которых выселены за оказание помощи Зелим-хану. Общественным организациям воспрещено обсуждение вопроса о способах борьбы с грабежами.

«Русское слово». 07 февраля (25 января) 1911 года

Шайка Зелимхана.Владикавказ. В Грозном, куда на днях переведен военный отряд, сформированный против Зелим-хана, шайка Зелимхана из тридцать человек в восемь часов вечера напала на нефтяные промыслы Мак Гарвея, английского миллионера. Убиты Мак Гарвей, его жена, инженер и сторож. Шайка скрылась. Вызваны войска. Выехал губернатор.

«Утро России». 11 февраля 1911 года

В России. Телеграммы нашихъ корреспондентовъ. Ходатайство ингушей. Владикавказ, 24,II. Съезд представителей ингушского населения, в целях поимки Зелим-хана и борьбе с грабежами, возбудил ходатайство о формировании ингушской сотни. Расходы на ее содержание, в сумме 31 000 руб. в год, население принимает на свой счет.

«Русское слово». 10 марта (25 февраля) 1911 года.

Массовая высылка горцев в Сибирь..Владикавказ, 30,IV. Сегодня отправлены в Сибирь вторая партия жителей Ассинского ущелья, в административном порядке признанных виновными в укрывательстве Зелим-хана и за это ссылаемых. Среди ссылаемых много женщин и детей.

«Русское Слово». 14 (01) мая 1911 года

Высылка семейства Зелим-хана. (Письмо из Владикавказа). 16 мая, около 9 час. вечера, от здания владикавказской областной тюрьмы двинулись по направлению станции железной дороги воинский отряд, пехота, казаки, полицейские.

В середине отряда – две подводы, на которых сидят две женщины-туземки, девочки, мальчики от пяти до десяти лет. Женщины, окруженные щетиной штыков, угрюмо молчат. Мальчик начинает плакать, но сейчас же смолкает, едва только женщина произнесет несколько слов на гортанном чеченском наречии. На улицах усилены полицейские посты, на окраине города, примыкающей к полотну дороги, стоят патрули. Толпы любопытных горожан спешат на вокзал. На тротуаре стоят туземцы, угрюмо смотрят на войска. Это везут жену и детей известного абрека Зелим-хана и его убитого брата. Их отправляют в ссылку в Енисейскую губернию. Несколько месяцев жены и дети абреков томились в тюрьме.

Как известно, жена Зелим-хана с детьми была взята в плен еще в прошлом году. Терская областная администрация полагала что Зелимхан, чтобы выручить семью из плена, добровольно

явится к властям с повинной. Но расчет оказался ошибочным: Зелим-хан с повинной не явился, а жестоко отомстил за нанесенное ему оскорбление, убив начальника грозненского округа Андроникова, командовавшего отрядом, захватившем его жену и детей.

«Киевская мысль». Июнь, 1911 года

Жена Зелим-Хана. На днях через Москву проедет по железной дороге семейство «грозы Терской области» – абрека Зелим-Хана. Как известно, жена и четверо детей ссылаются административным порядком в Енисейскую губернию. Рассказывают, 15 лет тому назад, когда Зелим-Хан еще не был абреком, он впервые увидел свою будущую жену на свадебных танцах. Зелим-Хан не спускал с нее горящего взора, быстро вошел в круг, где происходили танцы, и, перебирая ногами, понесся навстречу девушке. Долго длились танцы, а когда кончились, Зелим-Хан, улучив минуту, сказал девушке: – Люблю тебя! Будь мой женой! Девушка ответила: – Знаю тебя: ты джигит. Буду твоей женой.

Зелим-Хан заплатил за девушку калым (выкуп) рогатым скотом, деньгами, лошадьми. Потом случилось то, чего не ожидал и сам Зелим-Хан: из мирного туземца он сделался грозным абреком, которого еще не видели не только Терская о область, но и весь Кавказ. Потом и жене его с детьми пришлось сесть в тюрьму.

«Московская газета». 19 (06) июня 1911 года

Кровники охотятся за Зелимханом. В Грозненском округе у Зелимхана много кровников. Поэтому он постоянно ночует в Введенском округе и останавливается у чеченцев, не имеющих родственников. В аулах же Грозненского округа Зелимхан никогда не ночует. При последнем нападении 23 июня Зелимхан прибегнул к хитрости. Два его кровника ехали в гору по узкой тропе. Вдруг на них выскочил какой-то чеченец и крикнул: – Стой, Зелимхан, слезай с коня!

Кровники стали уверять незнакомца, что не имеют к Зелимхану никакого отношения. И даже по секрету сообщили, что сами ищут его, чтобы расправиться.

– А, так вы меня ищете? – вскричал незнакомец (это и был Зелимхан) и подал знак. Чеченцев моментально обезоружили выскочившие из засады абреки. После этого Зелимхан заставил пленников поклясться на Коране, что они будут говорить правду и выведал всё о количестве дислокации войск в Введенском округе, о ближайших постах. Затем, отобрав оружие и лошадей, отпустил их.

«Всеобщая газета». 7 июля 1911 года.

В России. Зелим-хан. Владикавказ, 2,VII. В селении Хорочой, близ которого недавно произошла перестрелка между отрядом стражников и шайкой Зелим-хана, арестованы и заключены в тюрьму 10 родственников Зелим-хана, обвиняемых в – его и оказании ему содействия.

«Русское слово». 16 (03) июля 1911 года

Тифлис. Советом наместника преданы суду бывшие атаман Кизлярского отдела Вербицкий, его помощник Аверин, пристав, начальник участка и двое старшин по обвинению в бездействии власти, имевшим важные последствия и выразившимся в допущении ограбления 27 марта 1910 г. шайкой Зелим-хана кизлярского казначейства.

«Новое время». 25 (12) июля 1911 года

Зелим-хан. Владикавказ, 16,VIII. В горах Введенского округа произошла перестрелка команды стражников с шайкой Зелим-хана. Проезжавший в районе Матихтинской дороги Зелим-хан натолкнулся на засаду. После оклика: «кто идет?», абреки, уверив стражников, что едут мирные, подъехали ближе и, выхватив винтовки, вступили в перестрелку, затем скрылись. По слухам, сам Зелим-хан легко ранен.

«Русское слово». 30 (17) августа 1911 года

Казнь «правой руки» Зелимхана. На днях, как уже сообщалось по телеграфу, по приговору кавказского военно-окружного суда во владикавказской тюрьме казнен один из главных сподвижников («правая рука») Зелимхана – абрек Саламбек Гараводжев. Со слов очевидцев казни, корреспондент «Бирж. вед.» приводит некоторые характерные подробности ее. При виде виселицы и вообще всей мрачной, зловещей обстановки, говорящей о неизбежной близости рокового конца, Гараводжев, как говорят очевидцы, сохранил редкое наружное спокойствие и самообладание, причем на его тонких губах все время играла какая-то загадочная, нето саркастическая, нето презрительная улыбка.

Он сел на корточки, по-восточному обычаю, и в последний раз затянулся любимым куревом из кальяна. – Тебе, душа мой, не долго придется надо мной работать, – поднимаясь с земли, добродушно, почти дружески сказал Гараводжев своему палачу. Потом он спокойно, не торопясь и вообще не обнаруживая ни малейшего волнения, сам взошел на роковой помост и, когда палач накинул на его шею петлю, сам же соскользнул с табурета.

Последним желанием этого зелимхановца было то, чтобы ему не связывали рук и не надевали на него мешка-савана. – Даю вам честное слово абрека, что этим я не причиню никому никакого беспокойства, – уверял он начальство. Но ему, конечно, в этом отказали.

«Кавказская копейка». 25 августа 1911 года.

Зелимхану предлагают высокий пост в Персии. Владикавказ. На Кавказе упорно держится слух о присылке бывшим шахом Мохаммедом Али гонца к Зелимхану с предложением явиться в Персию со своими молодцами. – Когда моя звезда снова взойдёт над Ираном, ты будешь вторым лицом в моей стране, – говорит молва об обращении Мохаммеда Али к Зелимхану, на что тот якобы ответил:

– Я разбойник, но не грабитель народа. Передай своему повелителю, что если Зелимхан явится в Персию, то не затем, чтобы помочь шаху снова оседлать её спину.

Чеченцы толкуют этот ответ в том смысле, что Зелимхан в ближайшем будущем отправится в Персию, чтобы убить шаха и тем самым положить конец раздирающей страну анархии.

«Всеобщая газета». 24 августа 1911 года.

Экс-шах и Зелим-хан. В «Биржевых Ведомостях.» пишут из Грозного: «На родине Зелим-хана из уст в уста переходит сенсационное известие о присылке экс-шахом Персии Магометом–Али гонца к знаменитому абреку с предложением явиться в Персию со своими «молодцами» и принять там деятельное участие в борьбе экс-шаха с нынешним персидским правительством. – Когда моя звезда снова взойдет над Ираном, тогда ты будешь вторым лицом в моей стране, а твоих товарищей я назначу губернаторами лучших провинций моего шахства, – говорит, по словам молвы, Магомет-Али в своем «собственноручном» послании к Зелим-хану». На это предложение Зелим–хан, как уверяют, ответил экс-шаху гордым отказом. – Я разбойник, но не угнетатель народа, не враг родины, не разоритель ее, как Магомет-Али, – сказал он, между прочим, «послу» экс-шаха. – Поэтому передай своему повелителю, что если Зелим-хан явится в Персию, то не затем, чтобы помочь шаху вновь оседлать ее спину, а, наоборот, чтобы навсегда избавить страну от поползновений Магомета-Али на нее.

Чеченцы толкуют этот ответ в том смысле, что Зелим-хан в ближайшем же будущем отправится в Персию с целью низложения шаха и тем самым положить конец раздирающей страну анархии. Что касается ассигнованной меджилисом суммы за голову Магомета-Али, то эти деньги, как уверят стоустая молва, Зелим-хан, в случае удачи его миссии пожертвует персидскому народу на сооружение памятника с целью увековечения дня освобождения страны от нашествия экс-шаха».

«Копейка». 12 сентября (30 августа) 1911 года:

Владикавказ, 16,IX. Ночью во Владикавказе получено по телеграфу донесение о новом кровавом выступлении знаменитого абрека Зелим-хана на границе Грозненского округа, Терской области, и Андийского округа, Дагестанской области.

Согласно донесению, близ селения Ботлих, на Малокеркетском перевале, шайка Зелим-хана неожиданно напала на партию инженеров, работавших под охраной военного конвоя. Произошла жаркая перестрекла, в которой убиты инженер Орловский, чиновник особых поручений Варченко и перебит весь конвой, не исключая командира его. Инженер Чикалин взят в плен. Шайка преследуется по пятам.

«Русское слово». 16 сентября 1911

Владикавказ, 16, IX. Полученные во Владикавказе донесения рисуют картину нападения в следующем виде. В последнее время Зелим-хан укрывался в горах Веденскаго округа, близ границы Дагестана.

Несколько дней назад в Андийский округ прибыла из Тифлиса, с целью осмотра шоссейных дорог, в виду предстоящего ремонта, комиссия в составе инженер-полковника Чикалина, инженера Орловского и чиновника Варченко. Комиссии предстояло проехать по так называемому «Царскому пути»-Ботлих-Веден-Грозный. Дорога там идет по очень узкому обрывистому ущелью через Керкетский перевал. Местность эта очень удобна для нападения и неоднократно использовывалась в этих целях Зелим-ханом. Так, здесь в 1903 году им ограблена была группа туристов, а в 1905 году взят в плен инженер Хренов.

В виду поступивших к начальнику терскаго отряда по борьбе с грабежами полковнику Маргания сведений о том, что Зелим-хан подготовляет нападение на комиссию, последнюю конвоировал отряд из 15-ти всадников Дагестанского полка, под начальством ротмистра Долидзе. Ротмистр, между прочим, известен как участник захвата истекшей зимой товарищей Зелим-хана; абреков Аюба и Абабукара.

Выехав утром из Ботлиха, комиссия следовала по направлению к Ведено на трех тройках, окруженная конвоем. Сначала все шло благополучно. Но едва комиссия достигла перевала, как неожиданно подверглась убийственному огню из устроенных шайкой засад.

Завязался недолгий, но горячий бой. Один за другим падали дагестанцы под меткими выстрелами невидимых врагов. Когда бой кончился, на месте лежали убитые наповал: инженер Орловский, Варченко, ротмистр Долидзе, три ямщика и все 15 конвойных дагестанцев. Покончив свое злое дело и захватив в плен инженера Чикалина, шайка, по имеющимся сведениям, направилась в пределы Терской области. Есть ли потери у абреков – неизвестно. Из Дагестанской и Терской областей отправлены войска для преследования.

«Русское слово». 30 (17) сентября 1911 года

Нападение разбойников. Темир-хан-шура, 15 сентября. – В Андийском округе близ границы Терской области, разбойники напали на дорожную инженерную комиссию. Убиты: инженер Орловский и контролер Ворченко; инженер Чекалин взят в плен. Воинская охрана с офицером перебита. Предполагают, что нападение совершено шайкой Зелим-хана.

По дополнительным сведениям, шайка разбойников, напавших на инженерную комиссию, состояла из 15 человек. В перестрелке убиты один разбойник, девять всадников, инженер Орловский, контролер Ворченко, ротмистр Домидзе, дорожный мастер и ямщик.

Ранены три всадника, два ямщика и инженер Чикалин, взятый в плен. Убитые ограблены. Шайка направилась в Веденский округ. Ее преследует поручик Гасанаилов с 14 всадниками.»

«Речь». 30 (17) сентября 1911 года

Новое кровавое дело Зелим-хана. (По телеграфу от наших корреспондентов). Владикавказ, 16,IX. Ночью во Вла-

дикавказе получено по телеграфу донесение о новом кровавом выступлении знаменитого абрека Зелим-хана на границе Грозненского округа, Терской области, и Андийского округа, Дагестанской области.

Согласно донесению, близ селения Ботлих, на Малокеркетском перевале, шайка Зелим-хана неожиданно напал на партию инженеров, работавших под охраной военного конвоя. Произошла жаркая перестрекла, в которой убиты инженер Орловский, чиновник особых поручений Варченко и перебит весь конвой, не исключая командира его. Инженер Чикалин взят в плен. Шайка преследуется по пятам.

«Русское слово». 30 (17) сентября 1911 года

Юбилей Зелим-хана. Зелимхан преследуется уже 10 лет (с 1901 года), на содержание его «преследователей» потрачено несколько сот тысяч рублей – а результаты?

В 1910 году, в марте им ограблено Кизлярское казначейство, убито 17 человек.

В сентябре – нападение на военный отряд в дельте реки Яссы, убиты ротмистр и 5 солдат.

В 1911 году взят в плен Джеми Туртуев, убит урядник Хадисов, совершено нападение на комиссию – убито 13, ранено 4.

«Сибирская мысль». 14 октября 1911 года.

Оружие для Зелим-хана. Киев, 14-X. Полицией выяснено, что задержанный в Киеве транспорт оружия предназначался для Зелим-хана. В разных городах одновременно задержано около 20 лиц, также скупавших оружие. На многих станциях перехвачено еще 15 транспортов. Все арестованные пересылаются в Киев, который был центром, куда свозилось отовсюду закупленное оружием направлявшееся уже отсюда на Кавказ.

«Копейка». 28 (15) октября 1911 года

В России. Грозненское «дело» Зелим-Хана. Владикавказ, 18,X. После столкновения и бегства Зелим-хана с абреками Старо-Сунженское окружено кольцом войск, и в селении произведен повальный обыск. По слухам, Зелим-хан пришел в селение пешком, чтобы получить с своего должника чеченца небольшой долг и отправить деньги в Сибирь своей семье. По другой версии, появление его так близко от города, в котором расположено много войск, объясняется подготовлением нападения на один из грозненских банков. Все, будто бы, было уже готово, но неожиданный для Зелим-хана донос чеченцев испортил дело.

Последний слух находит отчасти подтверждение в распоряжении об аресте сторожа грозненского отделения Азовского банка, который накануне перестрелки ушел в Старо-Сунженское. Идут тщательные розыски его.

«Русское слово». 01 ноября (19 октября) 1911 года.

Репрессии за укрывательство Зелим-хана. Владикавказ, 21,X. На основании полученных распоряжений высших властей, вчера селение Старо-Сунженское, на территории которого разыгралось последнее кровавое «дело» Зелим-хана, окружено войсками с пулеметами. Жители обезоружены. Дома, в которых укрывался Зелим-хан с его абреками, тремя взрывами пироксилиновых шашек разрушены до основания.

«Русское Слово». 04 ноября (22 октября) 1911 года

Кара за укрывательство Зелим-хана. Тифлис. В целях наказания чеченского народа за непрестанное 12-летнее укрывательство Зелим-хана, а также для установления порядка дальнейшей борьбы с этим разбойником Наместник предложил начальнику Терской обл. принять следующие главнейшие меры:

Все командированные для содействия местной администрации войсковые части поставить на экзекуцию в те пункты Введенского и Грозненского округов, где укрывался Зелим-хан, вы-

слать из края сроком на 5 лет всех наиболее вредных шейхов с семьями, также родственников Зелим-хана, но только по установлении несомненной виновности каждого; войти с представлением о расселении хуторов, жители которых уличены в укрывательстве Зелим-хана, назначить правительственных старшин во всех сельских обществах, составляющих район деятельности Зелим-хана, взыскать со всего чеченского населения Введенского и Грозненского округов, причастного к содействию Зелим-хану, штраф в 100 тысяч рублей, назначив его в пособие семьям убитых и пострадавших при нападении на дорожную комиссию.

«Московская газета». 10 ноября (28 октября) 1911 года

100-тысячный штраф. Владикавказ, 9, XI. Закончена разверстка стотысячного штрафа, наложенного, по распоряжению наместника, на чеченское население для обеспечения жертв Зелим-хана на партию инженеров на Мало-Керкетском перевале, когда, как помнят читатели, были убиты инженер Орловский, чиновник Варченко и перебит весь военный конвой вместе с начальником ротмистром Долидзе.

На каждый чеченский двор горных аулов по разверстке пришлось 1 р. 25 к. На уплату штрафа дан месячный срок.

«Русское слово». 23 (10) ноября 1911 года

Выселение чеченских «ссвятых». Владикавказ. (От нашего корреспондента). По докладу командированная после нападения Зелим-хаиа на комиссию инженеров на Керкетском перевале помощника наместника по военной части генерала Шатилова в целях искоренения грабежей и разбоев среди чеченцев, населяющих два округа области – Введенский и Грозненский, – в отношении чеченского народа принять ряд суровых карательных мер: наложен штраф в 100,000 рублей на удовлетворение семей убитых и раненых во время нападений, сельские общества лишены права выбора старшин, население – права носить оружие.

Но, пожалуй, самой тяжелой нравственно для чеченцев, как мусульман, карой будет выселение семи «шейхов». Шейх у чеченцев – то же самое, что у православных святой. Всех шейхов сейчас в области до 15. Назначены же к выселению семь наиболее влиятельных на население и наиболее вредных, по мнению администрации, стариков – шейхов: 103 лет, 92 лет, 80 лет, 75 лет, 85 лет, 80 лет и самый популярный Батал-хаджи, 110 лет.

Им предъявляют обвинение в том, что они не желают использовать своего влияния на народ в смысле прекращения абречества, а некоторым и в том, что они давали приют и будто бы материальную помощь абрекам вообще и – Зелим-хану в частности.

Сами шейхи не признают за собой ни возможности использовать свое влияние на народ в указанном смысле, ни виновности в укрывательстве и пособничестве абрекам.

Их выселяют с Кавказа в Тульскую губернию на 5 лет. Они просят не отправлять их этапом и с конвоем, выражая полное согласие, если не последует отмены распоряжения; уехать добровольно.

«Утро России». 26 (13) ноября 1911 года

Высылка родственников Зелим-хана. Владикавказ, 19, XI. По распоряжению наместника, в Веденском округе арестованы четырнадцать родственников Зелим-хана. Они подлежат высылке из пределов Кавказа сроком на пять лет. Местом ссылки назначена Орловская губерния.

«Русское слово». 03 декабря (20 ноября) 1911 года

Нападение шайки Зелим-хана. Я уже телеграфировал вам о дерзком нападении шайки Зелим-хана, на экономно скотозаводчика-миллионера, Муссы Эшейн-Аджиева и ограблении у него денег и драгоценностей более, чем на 200 тысяч рублей. Сообщаю теперь подробности.

Экономия Муссы Эшейн-Аджиева находится в туркменских зимних кочевьях (Ставропольской губ.), граничащих с Терской

областью. Среди окрестного населения Мусса Эшейн-Аджиев давно известен, как богач. Нападение совершено было вечером. Приблизительно около 7 часов, когда сгустилась сумерки, к экономии Муссы ЭшейнАджиева, окруженной кибитками кочевников, подехала верхом на лошадях, в сопровождении двух арб, шайка абреков в 50 человек и со всех сторон окружила двор. Несколько человек спешились и отправились к дому Муссы, где еще не спали. Пройдя в комнату, где сидели сам Мусса, его жена и несколько человек работников, разбойники с оружием в руках потребовали у Муссы выдача им всех имеющихся у него денег. Когда Мусса заявил, что денег у него нет, разбойники начали стрелять из револьверов. Пули посыпались, как град. На месте был убит один из работников и поранены Мусса, его жена и несколько человек из работников.

Оставив затем трех абреков караулить истекавших кровью Муссу и других, разбойники принялись обшаривать сундуки и комоды. В результате в руках шайки оказались: 50 тысяч 500-рублевыми кредитками, 30 тысяч – 100-рублевыми, 1,000 штук старых пятирублевых золотых, на триста рублей турецкий золотой монеты, много золотых продырявленных монет, служивших украшениями, татарские ценные вещи, браунинг, маузер и берданка. Прихватив еще четырех лошадей, шайка скрылась, как утверждают, в Караногайские степи, Терской области. Организованной на второй день погоней в ближайших селах и аулах произведены были массовые обыски и аресты, причем арестованные под строгим конвоем отправляются, из опасения побегов из сельских тюрем, в уездную тюрьму, в село Благодарное. М-в.

«Биржевые ведомости». 07 декабря (24 ноября) 1911 года

Чеченцы считали Зелимхана героем и скрывали от властей. В Грозном мне указали чайную, содержавшуюся двумя ингушами. Чайная стояла близ базара, около реки Сунжи. Както вечером я зашёл туда и, увидев знакомых армян, направился

к ним. Рядом сидела компания ингушей и чеченцев, оживлённо беседуя. – Здесь Зелимхан, – тихо сказал мне армянин и указал на средних лет человека. Коренастый, небольшого роста, с посеребрившимися волосами, тусклый взгляд, блуждающие глаза. Он мало говорил, пил чай и был сосредоточен. Около 10 часов Зелимхан с товарищами ушли. Полиция и казаки охотились на Зелимхана в аулах и горных ущельях. Здесь же, в Грозном, получить 8000 рублей за его голову не было охотников.

Зелимхан Гушмазакаев родился в начале 70-х годов в селении Хорочай Веденского округа Терской области. По национальности – чеченец. До 30 лет он мирно жил в своём ауле. В 1901 году застрелил «кровника» и вместе со своим братом и отцом был посажен в грозненскую тюрьму, откуда бежал и поступил в шайку Османа Мутуева. После гибели Османа он становится во главе шайки. Когда он будет пойман, место его займёт какой-нибудь Ахмет. Это несомненно для каждого, знакомого с местными нравами.

«Голос Москвы», 9 декабря 1911 года

Всё те же грабли. Воинский отряд, присланный для поимки Зелимхана, состоял из пластунов и черкесов. Зелимхан укрылся в пещере, высеченной в скале, впереди которой была огромная пропасть. Воинский отряд окружил пещеру, и начальник стал расставлять часовых, но каждый солдат сейчас же падал мёртвым, сражённый пулями невидимых абреков.

Таким образом, выбыло из строя 6 человек. Тогда начальник отряда распорядился вызвать горную артиллерию и сапёров с пироксилиновыми шашками. В ожидании прибытия сапёров и ввиду наступления темноты военные действия были прекращены. На рассвете ожидали возобновления перестрелки, но в пещере было тихо. Высланная разведка вернулась с сообщением, что пещера пуста: видимо, абреки ночью спустились в пропасть и скрылись по горным тропинкам.

«Всеобщая газета», 14 декабря 1911 года

Кавказ не замирен? Уже много лет государство борется с Зелимханом – и каковы результаты? Нулевые. Значит, Кавказ не замирен? Если не 100, то 50 лет назад эта окраина была покорена, и какие только меры обрусения не предпринимались: в последние годы только и направлялись экспедиции, которые имели целью устрашить население. Не счесть горя, которое они принесли ему.

Почему же так? Путь свободы, просвещения, культуры может закрыть навсегда пещеры, в которых укрываются неустрашимые зелимханы. Но власти не хотят становиться на этот путь.

«Всеобщая газета», 16 декабря 1911 года

Телеграммы. Вести с Кавказа. Из Владикавказа телеграфируют, что по приказанию наместника на общество селения Старосуженского наложен штраф в 1400 руб. за укрывательство Зелим-хана. С той целью предписано взыскать 10 000 рублей с жителей Веденского и Грозненского округов. Какой штраф наложен на наместника?

«Вечерняя время». 31 (18) декабря 1911 года.

Зелимхан окружен. Начальник Веденского округа телеграфирует начальнику области, что нашел Зелимхана и окружил в харачоевских горах, где он заперся в пещере. С 8 часов утра идет перестрелка. К вечеру с нашей стороны убито двое, ранено четверо. Потребованы из Ведено пироксилиновые шашки для взрыва. Начальником области предложено полковнику Моргания немедленно выехать в селение Харачой. О дальнейшем сообщим по мере получения сведений.

«Терский Край». Декабрь 1911 г.

Зелим-хан. Начало конца. (По телеграфу от наших корреспондентов). Грозный, 10, XII. Известный абрек Зелим-хан с несколькими товарищами атакован воинской частью в горной пещере. Зелим-хан оказывает отчаянное сопротивление. В пе-

рестрелке убито двое, ранены четверо. На место боя двинуты подкрепления.

«Русское слово» . 24 (11) декабря 1911 года

Владикавказ, 10, XII. Здесь получено телеграфное донесение, что в горах Веденского округа удалось окружить Зелим-хана. Идет перестрелка. Положение Зелим-хана безвыходное.

«Русское слово». 24 (11) декабря 1911 года

Владикавказ, 10,XII. Сообщаю дополнительные сведения о Зелим-хане. Производя розыски Зелим-хана, начальник Веденскаго округа, князь Каралов, агентурным путем узнал о прибытии знаменитого абрека с несколькими товарищами в район селения Хорочой, родину Зелим-хана. Здесь в одной пещере, в непроходимой местности, среди диких скал, Зелим-хан, видимо, предполагал остаться на зимовку. Пещера приспособлена для жилья.

Вчера, утром, отряду князя Каралова удалось найти эту пещеру. При приближении отряда из пещеры загремели выстрелы. Окружив пещеру и расположившись за прикрытиями, люди отряда вступили в бой с абреками. Ожесточенная перестрелка, начавшись утром, с небольшими перерывами длилась весь день.

В отряде Каралова убиты двое и ранены четыре всадника. Потери абреков неизвестны. Отряд Зелим-хана остается в ущелье, атакованный войсками. Из Грозного высланы на помощь осаждающим две сотни дагестанцев, из Веденя – саперы с пироксилиновыми шашками. Предположено взорвать пещеру. Полагают, что не дни, а часы Зелим-хана сочтены.

«Русское слово». 24 (11) декабря 1911 года

Зелим-хан бежал. Владикавказ, 12, XII. Подробности бегства представляются в таком виде. Действовавший против Зелим-хана воинский отряд состоял из пластунов и чеченцев-пар-

тизанов. Пещера находится в огромной скале близ вершины хребта, перед нею – глубокая пропасть. Оцепить ее оказалось возможным только с боков. После оцепления стали – было ставить часовых впереди пещеры, но каждый появившийся здесь часовой немедленно падал под меткими выстрелами абреков. Так были выведены из строя шесть человек.

После продолжавшейся весь день до темноты перестрелки, были вызваны артиллерия и саперы с пироксилином. Артиллерия и саперы пришли тогда, когда уже наступила ночь. Решено было приостановить военные действия до утра. Все оставались на своих местах. Кругом все было тихо.

С наступлением рассвета осаждавшие ожидали возобновления огня со стороны абреков. Однако, страшная пещера молчала. Около 9-ти часов утра в пещеру был послан чеченец-партизан. Он ловко взобрался туда, обследовал ее внутренности и, вернувшись, объявил, что пещера пуста. Неуловимый Зелим-хан и на этот раз, каким то чудом избежал смерти или плена.

Полагают, что абреки ночью спустились в пропасть и, зная хорошо все горные тропы, незаметно скрылись. Пещера хорошо приспособлена для жилья. В ней оказались оставленные абреками старая бурка, одеяло, запасы мяса, хлеба и воды.

«Русское слово» 26 (13) декабря 1911 года

Грозный, 13.XII. Арестованный чеченец, ведший переговоры с Зелим-ханом, передал командовавшему отрядом князю Каралову, что Зелим-хан согласен положить оружие при условии, если возвратят его семейство на родину. На предложение идти к командующему абрек отказался, сказав: «Если я нужен князю, то пускай он и придет ко мне сам». Поиски Зелим-хана во всех ближайших аулах остаются тщетными.

По сведениям из Веденя, существуют две версии о бегстве Зелим-хана, По одной версии, его, будто бы, скрыли вошедшие первыми в пещеру чеченцы, По другой – Зелим-хан бежал ночью в горы. От пещеры в горы ведет кровавый след. По подо-

зрению в укрывательстве Зелим-хана, арестованы ведшие переговоры с Зелим-ханом туземец и трое чеченцев.

«Русское слово». 27 (14) декабря 1911 года

1912-ЫЙ ГОД.

Зелимхана ловят руками самих чеченцев. Во главе выселяемых чеченских старейшин – шейх из селения Сурхохи Назрановского округа Батал-ходжи Белхороев, ему 110 лет. Он обладает капиталом в 200 000 рублей. Белхороев послал наместнику телеграмму с просьбой отсрочки его выселения на 3 месяца. Старейшина обещает за это время представить Зелимхана живым или мёртвым. Не было случая, чтобы шейх не выполнил обещания, поэтому отсрочка была дана ему немедленно. В селении Сурхохи, резиденции Белхороева, формируется шайка таких же, как Зелимхан, головорезов, которым не надо ни солдат, ни горной артиллерии.

«Сибирская мысль». 12 января 1912 года.

Опровержение слухов о гибели Зелим-хана. Грозный, Терской области, 17,I. Взволновавший население слух об убийстве Зелим-хана опровергается. По последним известиям, мюриды ищут знаменитого абрека, но безрезультатно. Выясняется, что обвиняемых в поддержке Зелим-хана шейхов предположено поселить в Калуге, где, как известно, одно время жил пленный Шамиль.

«Русское слово». 31 (18) января 1912 года

Положение печати в Терской области. Грозный, Терской обл. Положение печати в Терской области ничем не отличается от прежних цензурных времен. Писать о местных делах почти невозможно, не рискуя подвергнуться систематическим штрафам. Поэтому, вместо выяснения тех или иных нужд края, местная, например, газетка «Терский Край», пробавлялась исключительно безобидными перепечатками из столичных газет.

Но и это не спасло ее от смерти. В ней все-таки усматривались «революционные тенденции», хотя в газете, вообще, никаких тенденций не было. И «Терский Край» не раз штрафовали. Последний раз очередной штраф был наложен на газету за описание ловли Зелим-хана в Введенском округе.

Платить редактору штраф было нечем, отсиживать штраф в тюрьме не хотелось, и редактор скрылся из города. Таким образом газета перестала существовать. Теперь «гидра революции» окончательно обезглавлена в Грозном.

«Копейка» . 02 февраля (20 января) 1912 года

Столкновение в Харачое. На днях в селе Хорочой, Веденского округа, где, между прочим, родился и жил до вступления в абречество Зелим-хан, произошло новое столкновение между казаками расположенной в экзекуционном порядке полусотни кубанского пластунского батальона и местными жителями-Чеченцами.

Первым, по словам «Тер.» выстрелил в казаков Чеченец Эскиев. Из окна своей сакли он стал стрелять в казака С.Башта, но промахнулся. Казаки открыли огонь из ружей по сакле, внутри которой были убиты: хозяин дома Эскиев, его взрослый сын Салтангирей Бацуев и ранен другой взрослый сын Шугаиц Бацуев; последний, будучи уже ранен, побежал через улицу к другой сакле и около нее упал мертвым.

В сакле же легко ранен ребенок. Около сакли ранен легко второй помощник старшины селения Амаев. Окружной администрацией был созван сельский сход и приняты меры к предотвращению дальнейших неприязненных отношений между Чеченцами и казаками.

«Газета-Копейка», 14 (01) февраля 1912 года

Неуловимый Зелим-хан. Чеченские шейхи, по словам «Тер.», потеряли надежду изловить Зелим-хана при помощи мюридов и разослали и по всей Чечне воззвание, которым сво-

бодно разрешают убийство абрека. «Разбойник Зелим-хан Гушмазукаев, – говорится в воззвании, – вредный человек, действия его противны шариату и недопустимы ни в одной правовой стране: деяния его безумны, поступки бесчеловечны. Поэтому мы удостоверяем, что на основании шариата, как он, так и его соучастники должны быть убиты каждым человеком. За такое доброе дело по шариату грех не только ни на кого не падает, но, напротив, великий всемогущий Бог наградит того, кто избавит народ, пострадавший от абрека.

«Копейка». 14 (01) февраля 1912 года

Отголоски поисков Зелим-хана. Владикавказ, 7,II. Жители селения Старосунженского, Адуевы, дом которых прошлой осенью, по подозрению в укрывательстве в нем Зелим-хана, был взорван, обращались к наместнику с просьбой назначить расследование, утверждая, что Зелим-хана в их доме не было, и никто стрельбы в войска не производил. В настоящее время ходатайство это отклонено.

«Русское Слово». 21 (08) февраля 1912 года

А его опять ловят – и опять безуспешно. 109 родственников Зелимхана высылаются в центр России. Зелимхан выслежен в Веденском округе. Отчаявшись поймать знаменитого абрека, мюриды устраивают на него облаву.

«Сибирская жизнь». 28 февраля 1912 года.

Новый поход мюридов на Зелим-хана. Грозный, Терск. обл., 18,II. Приехавший в город начальник мюридов сообщил, что Зелим-хан выслежен в Веденском округе. Слухи о его бегстве в Персию и переход в персидское подданство совершенно неосновательны. Отчаявшиеся было поймать знаменитого абрека мюриды в настоящий момент устраивают облаву на Зелим-хана. 2000 мюридов поклялись во что бы то ни стало поймать виновника высылки.

«Русское слово». 03 марта (19 февраля) 1912 года

Поклонник Зелим-хана. Ялта, 22,II. На прибывшем из Севастополя пароходе задержан бежавший из дома симферопольский гимназист Б. Увлеченный подвигами Зелим-хана, подросток пробирался на Кавказ с целью вступить в шайку знаменитого абрека. «Героя» самым прозаическим образом отправили домой.

«Русское слово». 07 марта (23 февраля) 1912 года

В поисках Зелим-хана. Владикавказ, 27, II. Получив агентурным путем сведения о прибытии Зелим-хана в селение Шали, Веденского округа, начальник отряда по борьбе с грабежами направил туда команду в составе 135 дагестанцев. Отряду было приказано оцепить три дома, в одном из которых, по полученным сведениям, скрывался сам Зелим-хан. Когда часть отряда подходила к указанным домам, из одного из них вышел туземец, который стал быстро удаляться, не обращая внимания на оклики. Офицер выстрелил по нему и убил его наповал. Убитый оказался постоянным жителем селения Шали Гелисхановым, Зелим-хана же в селении не оказалось.

«Русское слово». 12 марта (28 февраля) 1912 года

Ходатайство Чечни. Владикавказ, 29,П. Доверенные чеченского населения Веденского и Грозненского округов возбудили ходатайство о передаче дела преследования знаменитого абрека Зелим-хана самому населению и об удалении из пределов Чечни воинских отрядов. Наместник ходатайство это отклонил.

«Русское слово». 14 (01) марта 1912 года

Зелим-хановцы в Боровске. Сюда прибыли два чеченца Терской области, высланные кавказскою администрацией по подозрению в укрывательстве Зелим-хана. Местом ссылки их назначен Боровск, но сосланные ходатайствуют о разрешении остаться на жительстве в Калуге. Оба – старики, в возрасте от

75-ти до 80-ти лет. Одного из них сопровождают трое родственников.

«Русское слово». 18 марта 1912 года

Зелимхан взял казначейство в Кизляре. 27 марта 1910 года в Кизляр въехал в полном боевом порядке отряд вооружённых всадников. Не торопясь, проехал по всем улицам и направился к казначейству. Всадников было 30, ехали по 6 в ряд. Впереди гарцевали два всадника в офицерских погонах. Доехав до казначейства, отряд разделился на три части. Одна часть вздыбила лошадей, кинулась по улицам и открыла бешеную пальбу. Вторая оцепила казначейство. Третья спешилась, ворвалась в казначейство и открыла огонь по служащим и посетителям. Разбойники взломали кассу и денежный ящик, забрав 4064 рубля. Через двадцать минут отряд, так же не торопясь, выехал из города.

Казначейство представляло страшную картину: кругом валялись трупы, пол был залит кровью. На подоконнике лежала бухгалтерская книга, а на ней письмо Зелимхана, написанное по-русски: «Не хотел разбойного нападения на кизлярское казначейство, но вынужден к этому поведением атамана кизлярского отдела войскового старшины Вербицкого, который обманул правительство, обещая поймать меня, Зелимхана». Когда разбойники уходили, несколько человек зашли в горный аул и забрали весь хлеб в хижине у женщины. Она выбежала вслед и закричала грабителям: – Вы, магометане, отнимаете хлеб у магометанки, как вам не стыдно!

Зелимхан остановил грабителей, сделал им строгий выговор и приказал отдать хлеб. Розыски разбойников ни к чему не привели. Задержаны 7 человек, пытавшиеся на почте разменивать похищенные в Кизляре деньги. Эти лица преданы кавказскому военному окружному суду. В городе распространился слух, будто в случае смертного приговора Зелимхан со своей шайкой освободит осуждённых.

«Сибирская мысль». 29 апреля 1912 года.

Грозный.Телеграммы. (От наших корреспондентов). Сегодня, под председательством ген.А. Андреева, в военном суде началось слушанием громкого дела по обвинению шести туземцев и одного русского в ограблении кизлярского казначейства. По делу вызваны 77 свидетелей. Обвиняемых защищают пр. пов. Бобрищев-Пушкин, отец, Владимир Бернштам и некоторые местные адвокаты.

По городу распространился тревожный слух, будто в случае если военный суд вынесет смертный приговор обвиняемым в ограблении кизлярского казначейства, то Зелим-хан со своей шайкой постарается отбить товарищей. Опасения эти подтверждаются негласными сведениями, имеющимися у администрации. Город и суд усиленно охраняются. Выясняется, что о готовящемся нападении на кизлярское казначейство все знали за 10 дней до его осуществления

«Правда». 1912 год

Сравнение администрации с Зелим-ханом. Припомните, г. г., сколько обещаний было Дано кавказскому же населению от центра из уст смиренномудрого Каменского. (Смех). Припомните, что даже сам «он», А. И. Гучков, раньше перед этим в Англии, перед английскими лендлордами и джентльменами клялся, что окраины России уже накануне дарования самоуправления. Господа, в сравнении с этим, с такой администрацией Зелим-хан прямо агнец невинный, и если быть последовательным и логичным, то, по моему мнению, не преследовать надо Зелим-хана, а надо его поставить на место Воронцова-Дашкова, ибо известно, несомненно, что абрек Зелим-хан куда энергичнее, куда моложе престарелого администратора Кавказа. (Смех и рукоплескания слева). Далее, господа, ваша комиссия обращает внимание государственной Думы и на укоренившиеся среди горцев убеждения, что администрация добивается только одного, я прошу обратить внимание на это, вы, вероятно, не поспевали за чтением г. докладчика, так что многое, вероятно, вам не довелось слы-

шать, так вот комиссия обращает внимание Государственной Думы на укоренившееся среди горцев, зловещие убеждения, что администрация только добивается одного – выселить всех ингушей в Сибирь и разделаться с их землями.

«Правда». 1912 год

Штрафы на население. Владикавказ, 15, VI. Опубликованы данные о количестве штрафных сумм, взысканных с туземного населения за время с начала 1908 г. по июнь текущего года. Как уже сообщалось в «Русском слове», штрафы эти мотивировались укрывательством и содействием населения абрекам. Общая сумма штрафов свыше 215,000 руб. Наибольшая сумма – 153,000 руб. – уплачена чеченцами…

«Русское слово». 16 июня 1912 года

Поклонники Зелим-хана. На днях из Двинска, по словам «Бир. Вед», скрылись двое учеников первого городского училища Панцырко и Мицкевич, которые, начитавшись о подвигах пресловутого кавказского абрека Зелим-хана, решили проникнуть на Кавказ и поступить в ряды его шайки. Перед бегством мальчики запаслись деньгами, которые похитили у своих родителей. Мальчики оставили записку следующего содержания: «Дорогие родители! Мы не успокоимся, пока не достигнем нашей цели. Цель же наша – прославиться на весь мир. Просим не искать нас. Ваши попытки будут тщетны. Но если вам все-таки удастся вернуть нас, мы предпочтем позору смерть!»

Среди учебников у детей найдено несколько путеводителей по Кавказу и куча газетных вырезок о Зелим-хане. Полицией приняты меры к задержанию юных беглецов.

«Киевлянин». 22 (09) июня 1912 года

Калужские пленники. Недавно в Калугу прибыли два чеченца, сосланные сюда кавказской администрацией по подозрению в укрывательстве Зелим-хана. Сосланный житель аула

Старый Юрт Терской области, Грозненского округа кади Абдул-Азис Шаптукаев поселился в доме Георгиевского на Солдатской улице. Как духовная особа Абдул-Азис пользуется большим почетом и авторитетом в своем округе. Он уже стар, ему 75-76 лет, и родные не решились отпустить его одного в далекую неведомую ссылку. С Абдул-Азисом приехали в Калугу трое его родственников, один из них 16-летний юноша – внук Абдул-Азиса. Срок ссылки определен в 5 лет. «Меня по ошибке выслали, – сказал при встрече с нашим корреспондентом старик. – У нас есть другой Шаптукаев, он занимался грабежами и набегами.»

«Биржевые ведомости» сообщают из Грозного, что Бамат-Гирей хаджи Митаев, 103-летний шейх, глава секты Заикра и кумир всей Чечни, за покровительство Зелим-хану будет выслан в Калугу на пять лет.

Докка (тейп зандакхо) был одним из образованных людей своего времени. Может это и позволило ему влиться в семью крупных землевладельцев Чечни. Но в народе больше известен как шейх накшбандийского тариката. Хотя и у чеченских кадирийцев пользуется уважением и почтением. Статус, или звание шейха, ему передал другой, не менее значимая личность в истории Чечни, бывший кадий Чечни, бывший судья шариатского суда Чечни Элах молла чантийский. Был также в родстве и с Дени Арсановым. Говорят, что Докку-шейх был крайне воздержан в еде, отчего отличался значительной худобой. А из-за того, что шея была очень тонкой, он всегда носил шарф. Он умер 13 сенятбря 1914 года в преклонном возрасте.

«Калужский курьер», 10 июля 1912 года

Неуловимый Зелим-хан. Чеченские шейхи, по словам «Тер.», потеряли надежду изловить Зелим-хана при помощи мюридов и разослали и по всей Чечне воззвание, которым свободно разрешают убийство абрека. «Разбойник Зелим-хан Гушмазукаев, – говорится в воззвании, – вредный человек, действия

его противны шариату и недопустимы ни в одной правовой стране: деяния его безумны, поступки бесчеловечны. Поэтому мы удостоверяем, что на основании шариата, как он, так и его соучастники должны быть убиты каждым человеком. За такое доброе дело по шариату грех не только ни на кого не падает, но, напротив, великий всемогущий Бог наградит того, кто избавит народ, пострадавший от абрека.

«Новое время». 17 (04) октября 1912 года

Кавказская халва. Екатеринослав, 30, XI. В октябре прошлого года на вокзале была вскрыта посылка с пометкой «Халва», адресованная в г. Баку, в которой оказались ружейные патроны. Задержанный отправитель, истопник гостиницы «Пассаж», показал, что отправить эту корзину ему поручил армянин Саркисов, живший в гостинице. Саркисова арестовали. При аресте у него была взята переписка, давшая возможность арестовать целую организацию, скупавшую и отправлявшую в Персию через Дербент и Баку казенные патроны и бездымный порох. На основании писем, было арестовано несколько корзин с несколькими тысячами патронов к трехлинейным казенным винтовкам. Кому сбывались патроны, – осталось неизвестным. По одной версии, патроны предназначались Зелим-хану, по другой – кавказским революционерам.

Сегодня перед судебной палатой предстали, по обвинению в скупке с противогосударственной целью патронов, армяне – Монахов, Багирханов, Баграмянц, Акопов, персы – Керим-оглы, Гассан-оглы, Курбан-оглы, Кассир-оглы и осетин Гадзиев. Все обвиняемые отрицают свою вину. Допрос свидетелей не дает обличающего их материала. В общем, создается впечатление что обвиняемые – простые скупщики краденного. По некоторым штрихам судебного следствия, можно предполагать, что патроны направлялись из Дербента в Петровск для экс-шаха, хотя прокурор и настаивает на том, что патронами снабжались «дашнакцаканы». Палата, оправдав Гадзиева и Кассир-оглы,

приговорила остальных подсудимых в исправительные арестантские отделения на три года каждого.

«Русское Слово». 14 (01) декабря 1912 года

Новый взгляд. Владикавказ. Недавно вступивший во временное управление Терской областью генерал Флейшер приказом объявил начальникам округов и атаманам отделов, что ответственность за существование разбойничьих шаек в области – он возлагает не на население, как практиковалось до сих пор, а на них. Генерал требует принятия самых энергичных мер для обеспечения спокойствия и безопасности населения.

«Правда». 1912 год

1913-ЫЙ ГОД

Семья Зелимхана. По сведениям «Терека», семья Зелимхана возвращается обратно в Грозный. «Мытарства злосчастной семьи абрека Зелимхана, пишет «Терек», – еще не кончились. Когда старо-юртовцы узнали, что семья абрека идет на поселение к ним, они взвыли волком и категорически заявили: - Не желаем. По их мнению, с прибытием семьи Зелимхана в Старый Юрт, абрек, наверное, пожелает прийти ее навестить. Его выследят, пришлют войска, начнется стрельба. И достанется и правому и виноватому.

Старо-юртовцы избрали депутацию к начальнику округа, полковнику Стрижеву с просьбой, чтобы их избавили от «тихого семейства». Им разъяснили, что семья абрека вольна сама избирать себе место жительства. Тогда старо-юртовцы обратились с увещаниями к жене Зелимхана, прося ее вернуться или к себе на родину, или в Грозный. Но ехать на родину, в Веденский округ, семья не решается, так как там слишком много у Зелимхана кровников и те из мести могут перерезать его детей – мальчиков. Оставалось вернуться в Грозный, что семейство и сделало. 17-го июля вся семья Зелимхана вернулась обратно в Грозный, где и думает постоянно поселиться.

Полиция нашла для нее квартиру по Дворянской улице, в доме Ажиатаева и выдала паспорта. Средства к жизни жена Зелимхана будет зарабатывать сама. Предполагаем заняться мелочной торговлей на базаре.

«Московская копейка». 11 августа (29 июля) 1913 года

Снова Зелимхан. Более года «герой нашего времени» Зелимхан ничем не проявлял себя. Создавались уже предположения, что кровавый абрек или прекратил свою деятельность или, может-быть, и вовсе оставил пределы Терской области и Кавказа, чтобы укрыться в Персии или Турции. Предположения эти, однако, не оправдались, и Зелимхан снова появился на сцене.

Как известно, в 1908 г., после пленения овцевода Месяцева, шайка Зелимхана, отступая с пленником в горы, имела жестокое столкновение с чеченской партизанской командой. Результатом этого столкновения, начавшегося перестрелкой и дошедшего до рукопашной схватки, была смерть отца Зелимхана Гушмазакова и брата Солта-мурада. Сам Зелимхан, бежав, спасся, затаив кровавую месть, для выполнения которой, очевидно, лишь выбирал удобный случай, теперь представившийся. Близ селения Цестой, на границе Веденского округа и Дагестанской области, им убиты трое кровников. Зелимхан находился в сел. Цестой в гостях у некоего Эльбердиева, когда ему сообщили, что к селению приближаются его кровники. Захватив с собою двух своих сподвижников, братьев Эльбердиевых, Зелимхан немедленно удалился из селения и устроил засаду. При приближении кровников Зелимхан и его товарищи дали залп из винтовок, которым урус-мартановец был убит на месте, а оба беноевца смертельно ранены. По другой версии, Зелимхан стрелял один и тремя выстрелами свел в могилу своих кровников. Немедленно затем он скрылся в горах.

«Раннее утро». 10 сентября (28 августа) 1913 года

Зелимхан. Грозный 24,VIII. Зелимхан, о котором в последнее время не было слышно, снова дал о себе знать зверской расправой со своими «кровными» врагами. Три дня назад в горах, близ селения Цихоя на границе Веденского и Грозненского округов, Зелимхан застигнул трех туземцев убивших когда-то его отца и брата. Зелимхан подстерег их в засаде и перестрелял всех троих. Вместе с Зелимханом в засаде были два абрека – юные братья Алдербиевы

«Русское Слово». 07 сентября (25 августа) 1913 года

Убит герой! «.Не верится, что убит Зелимхан. Мы видим в нем героя. В свое время он отказался, идти в военные министры к персидскому шаху, сказав: «Не хочу против народа». Он любил свободу, был храбр, благороден. Он шел к жене и детям, когда его убили. Те, кто ловил его, – черные люди. Они останутся безвестными. О них ни сказок не расскажут, ни песен о них не споют. А о Зелимхане будет сложена поэма, может быть опера. Пушкин и Лермонтов восхищались такими героями. И не хочется верить смерти Зелимхана!.»

А. Макеев. «Отклики Кавказа». Сентябрь. 1913 год.

Примеч.: (А. Макеев. Журналист-большевик. Трагически погиб в 1918 роду от рук белогвардейцев. Его мысль о том, что Зелимхана не забудут и воспоют в произведениях искусства оказалась пророческой.)

Погиб Зелимхан. Убит, и такою болью отзывается это известие в душе у нас, совре-менных культурных людей. Жалко его и стыдно за себя, за нас, воевавших с одним этим человеком. Ведь мы воевали почти с ним одним. И вот теперь победили. И вместо ликования – смущение; и невольно любуешься этим человеком-сказкой, человеком-легендой. Мы понимаем, что перед нами вовсе не разбойник. Мы знаем, что перед нами великолеп-

нейший экземпляр того мира, где «за добро – добро, и кровь – за кровь. И нена-висть безмерна, как любовь».

«Русское слово». 1913 г.

Как убивали Зелимхана. В течение последних трёх месяцев за Зелимханом был организован усиленный надзор через тайных агентов и кровников неуловимого абрека. В июле в Грозный прибыла возвращённая из ссылки семья Зелимхана (жена с двумя сыновьями и тринадцатилетней дочерью, а также жена его убитого брата Мурада), которая переселилась на один из хуторов в Введенском округе. Власти рассчитывали, что Зелимхан явится проведать жену и детей. Хорунжий Кебиров, стоявший с небольшим отрядом в Шали, получил сведения, что ночью 25 сентября Зелимхан в сопровождении двух сподвижников будет ночевать на хуторе в девяти верстах от Шали. Как только стемнело, Кебиров с двадцатью тремя всадниками отправился туда. Моросил мелкий дождь, но копыта лошадей ради предосторожности обернули тряпками. Возле хутора спешились, увели лошадей и засели в кустарнике. Около двенадцати часов с восточной стороны хутора раздался стук лошадиных подков, и на фоне побелённой сакли вычертились фигуры трёх всадников. Это был Зелимхан и братья – абреки Эльдебриевы. Они пошли в саклю. В это время Кебиров выскочил из засады и крикнул по-чеченски:

– Сдавайтесь или будете убиты!

Братья вскочили на коней и, отстреливаясь, исчезли в темноте. Зелимхан выскочил из сакли и выстрелил в Кебирова в упор, попав ему в плечо. Хорунжий открыл огонь из нагана. К нему подбежал прапорщик Чебеков. Одна из пущенных им пуль угодила в патронташ Зелимхана, и он взорвался. Оглушённый и раненый Зелимхан упал. Чебеков подскочил к абреку, обнажил кинжал, но Зелимхан успел три раза выстрелить в него, ранив в ноги и левый бок. Получил ещё одну рану Кебиров, а Зелимхан продолжал стрелять. Наконец по абреку, лежащему на земле, был дан залп чинами отряда – и Зелимхан затих. Он был мёртв.

Что убит действительно легендарный разбойник, много лет терроризировавший Терскую область, подтверждает ряд родичей Зелимхана – хорочоевцев, а также его кровники. Тело убитого будет доставлено в Грозный и предъявлено к опоз-нанию жене Зелимхана.

«Сибирская жизнь». 9 октября 1913 года, Томск.

Смерть Зелимхана. Владикавказ, 26.IX (Срочная). Только что Владикавказ облетела сенсационная весть: убит глава кавказских бандитов, легендарный абрек Зелимхан, столько лет наводивший панику на весь Кавказ. Последнее выступление Зелимхана в Терской области имело место 11 декабря 1909 года. Тогда, как известно, была открыта пещера, в которой скрывался неуловимый разбойник. Зелимхан был окружен. Почти целый день велась перестрелка. Но Зелимхан все-таки бежал. С тех пор о нем не было никаких известий. Циркулировали усиленные слухи, что Зеламхан эмигрировал в Турцию. Несколько месяцев тому назад во Владикавказ была возвращена из Сибири находившаяся в ссылке семья Зелимхана. После долгих мытарств она поселилась на жительство в Грозном. Естественно, что за нею был установлен строгий надзор: ждали, что Зелимхан вернется в родные края для свидания с семьей. Уже несколько дней в городе носились глухие слухи о появлении Зелимхана, им и верили и не верили. И вот сейчас с быстротой молнии город облетело известие: – Зелимхан убит!

«Раннее утро». 10 октября (27 сентября) 1913 года

Владикавказ. ... Последнее выступление Зелимхана в Терской области имело место 11 декабря 1909 года. Тогда, как известно, была открыта пещера, в которой скрывался неуловимый разбойник. Зелимхан был окружен. Почти целый день велась перестрелка. Но Зелимхан все-таки бежал. С тех пор о нем не было никаких известий». Специальные агенты несколько лет

занимались его розысками и поимкой, и только осенью 1913 года его настиг «летучий отряд» казаков.

Петербургские ведомости. 1913

Владикавказ. Агенты воинского отряда, несколько лет занятого розысками Зелимхана, сообщили, что абрек ночью явится в Шалинские хутора, в дом своего почитателя. Селение с большими предосторожностями было окружено войсками и было установлено наблюдение 18 казаков за указанным домом. Глухой ночью к дому приблизились два всадника, постучали в окно и вошли в дом. Засада стала приближаться к дому, желая взять Зелимхана живым. Однако, казаки были замечены, и из дома начали стрелять. Пули посыпались с обеих сторон градом. Видя, что взять Зелимхана живым в плен не удастся, войска решили убить всех засевших в доме. Перестрелка продолжалась два часа. Во время перерыва Зелимхану предлагали сдаться. На это он ответил выстрелами. Ранены тяжело поручик Кибиров и три всадника. Наконец, из дома перестали стрелять. Спустя несколько времени казаки приблизились к дому и нашли Зелимхана около окна убитым. В руках у него была зажата винтовка.

«Раннее утро». 10 октября (27 сентября) 1913 года

Убийство Зелим-хана. Шелкозаводская. Около 11 часов ночи в семи верстах от Шали, поручик Кибаров с отрядом в 20 человек 6-й сотни дагестанского полка окружил хутор, в котором находился Зелим-хан. Последний выскочил во двор.

Первым в него выстрелил Кибиров, но ответным выстрелом он был ранен в плечо с раздроблением кости. Юнкер Гебеков выстрелом из револьвера попал в патронташ Зелим-хана, который взорвался. Абрек упал раненый. Юнкер подскочил к разбойнику, но был им ранен сначала в бедро, а затем двумя пулями в пах правой ноги. Зелим-хан, лежа, продолжал отстреливаться и легко ранил двух всадников сотни. Дальнейшими выстрелами отряда Зелим-хан был убит. Несмотря на тяжелую рану, по-

ручик Кибиров до конца руководил действиями отряда. Абрек опознан тремя одноплеменниками. Дальнейшее опознание продолжается.

«Петербургский листок». 11 октября (28 сентября) 1913 года

Владикавказ. Зелимхан убит офицером Конно-Дагестанокаго полка Кибаровым, который ранен. Отрывки из биографии Зелим-хана.

Напомним хотя бы в нескольких словах биографию легендарного абрека: – Кто такой Зелимхан и откуда он явился? Лет 10 тому назад в селении Хорочой, Грозненского округа, разыгралась обычная для тамошних мест драма. Жители селения Хорочой Шугант Аласханов и Солтамурад Гушмазакаев, брат Зелимхана, влюбились в одну и ту же девушку, Зоргу Хушалову. Так как Зорга не хотела и слышать о Солтамураде и явное благоволение оказывала Аласханову, то Солтамурад попросту увез ее. Родственники нашли Зоргу и вернули домой. Вскоре девушка добровольно ушла к Шуганту Аласханову. Семейные Гушмазакаевых обявили Аласхановым, что отобьют девушку.

В декабре 1900 года брат Шугана Аласханова Сугаип отправился в аул Эшель-Хотой, чтобы окончательно переговорить с родней Зорги относительно свадьбы брата. На другой день по дороге домой, Сугатп встретил Зелимхана, его отца, Солтамурада и еще нескольких горцев. Гушмазакаевы, обезоружив Сугаипа, потребовали от него клятвенного обещания, что Шугани Аласханов откажется от Зорги. Сугаип отказался говорить за брата. Тогда горцы накинулись на Сугаипа и хотели сбросить его с обрыва. Завязалась борьба. Сугаип выхватил у одного из горцев кинжал и нанес ему смертельную рану. Воспользовавшись замешательством товарищей раненого, Суганп бежал в горы. Когда он на другой день вернулся домой, то нашел своего отца убитым. В ту же ночь, услышав шум на дворе, Сугаип вышел из сакли. Здесь на него набросились несколько человек, и

он был смертельно ранен. Перед смертью он показал, что ранил его старик, Гушмазакаев и его сыновья Зелимхан и Солтамурад. Дело это слушалось в Грозном, в мае 1901 года. Зелимхан, его отец и его брат Солтамурад были приговорены в арестантские роты. В конце 1901 года Зелимхан и Солтамурад бежали. А в 1905 году уже весь Кавказ говорил о братьях Гушмазакоевых. Зелимхану еще нет 45 лет. Видевшие Зелимхана горцы говорят, что он ростом выше среднего, широкоплечий. Поражает своей замечательно тонкой, стройной талией. Глядит Зелимхан исподлобья. У него довольно длинная, начинающая седеть, борода. Зелимхан любил одеваться офицером. И при этом так держал себя, что невозможно было подумать о его самозванстве.

«Раннее утро». 10 октября (27 сентября) 1913 года

Владикавказ. Сообщают следующие подробности убийства Зелим-хана. Предположения администрации, что с поселением семьи Зелим-хана в Чечне он сам там появится, оправдались. Администрация приняла все меры к установлению негласного наблюдения. Недавно тайные агенты донесли, что Зелим-хан должен прибыть на Шалинские хутора, и в виду этого, вблизи был расположен сильный отряд пластунов и конных дагестанцев.

Наконец, стало известно, что абреки прибудут ночью к одному из своих знакомых. Со всеми предосторожностями дагестанцы проникли в селение и расположились в засаде. Поздно ночью прибыла группа всадников. Дом был окружен войсками. Зелим-хану предложено было сдаться. В ответ загремели выстрелы. Потеряв надежду взять осажденных живыми, войска в свою очередь открыли стрельбу. Перестрелка продолжалась около часа. Сопротивление было оказано отчаянное. Наконец выстрелы стихли. Вошли в саклю. Нашли Зелим-хана убитым двумя пулями.

«Петербургский листок». 11 октября (28 сентября) 1913 года

Награда императора. Государь Император изволил пожаловать поручику Кибирову, убившему разбойника Зелим-хана, орден св. Владимира 4 степени. В Ливадии в присутствии Государя Императора состоялся парад роте 84-го пехотного Ширванского Его Величества полка.

«Новое Время». 23 (10) октября 1913 года

Награда за избавление Кавказа от Зелим-хана. Тифлис. За военного министра инженер-генерал Вернандер телеграфирует заместителю наместника: «На всеподданнейшей телеграмме начальника Терской области об убийстве чинами конно-дагестанского полка разбойника Зелим-хана Государь Император собственноручно изволил начертать: «Поручику Кибирову жалую за отличие орден Св. Владимира 4й степени. Остальных представить к соответствующим наградам».

«Петербургский листок». 23 (10) октября 1913 года

На лету по провинции. Командующий войсками кавказского округа приказал выдать 7,000 р. агентам, способствовавшим поимке и убийству Зелимхана. Предписано также выдать 3,000 руб. на лечение от ран лиц, участвовавших в последней перестрелке с Зелимханом.

«Раннее Утро» . 18 (05) ноября 1913 года

Смерть сотрудника Зелим-хана. 1 ноября, ночью, ехавший в Сухум из Гудаут стражник встретил по дороге двух всадников, спросивших у него: «Кто едет?». И когда он назвал себя стражником, один из всадников выстрелил в него и ранил в ногу. Стражник, отстреливаясь, ускакал в Гудауты, откуда немедленно была послана облава во главе с начальником округа. На рассвете 2 ноября облаве удалось найти носилки, на которых лежал какой-то тяжело раненый человек. Его немедленно отправили в Гудауты, где удалось выяснить его личность. По словам «Приаз. Кр.», он оказался известным ближайшим помощником Зелим-хана Арцбит-Бахметом. Его ранил стражник,

встретившийся с ним на пути в Сухум, Односельчане Бахмета хотели отправить его в Абхазию, чтобы скрыть от преследования властей до выздоровления. За ним числится много дерзких убийств и грабежей.

«Новое Время». 29 (16) ноября 1913 года

Чеченская депутация у кавказского наместника. «Кавк.» о приеме кавказским наместником гр. Воронцовым-Дашковым чеченской депутации сообщаете следующее. Депутация благодарила наместника за те меры, которые в конечном результате привели к гибели Зелимхана, за представление в законодательный учреждения проекта земельного устройства Чеченцев и за настойчивое ходатайство наместника перед центральным правительством об открытии на Северном Кавказе самостоятельного мусульманского духовного правления. При этом депутация выразила уверенность, что когда у Чеченцев будет земля, отведенная каждому Чеченцу на праве собственности, население обратится всецело к мирному производительному труду и всякая преступления тогда исчезнут.

Говоря о духовных нуждах чеченского народа, депутация охарактеризовала своих мулл с самой непривлекательной стороны, как людей крайне невежественных и не могущих поэтому руководить религиозно-нравственной жизнью народа. Затем, ссылаясь на непросвещенность населения особенно в горах, депутация просила наместника об открытии в Чечне возможно большего числа школ для обучения детей Чеченцев русской грамоте, столь им необходимой в целях поднятия умственного развития и экономического благосостояния населения. Чтобы отвлечь молодое поколение от дурных наклонностей, хищничества, приучить его к мирному производительному труду, к порядку и дисциплине и к уважению законов, властей, имущественной собственности и личности, – депутация просила графа сформировать отдельный чеченский полк на подобие Конно-Дагестанского полка.

«Новое Время». 11 декабря (28 ноября) 1913 года

1914-ЫЙ ГОД

Разбойник Зелимхан. (Кроваво-кошмарный сфинкс – Зелимхан Гушмазакаев.). Слова эти рисуются написанными из страшных букв. Скрюченные тела убитых и раненных, безумно выпученные глаза, панически застывший страх на лицах убитых. Хриплые стоны, проклятия. Все на фоне алой и запекшейся крови. Страшной кометой вспыхнула кровавая звезда Зелимхана в Терской области и ее необычайный свет промелькнул по всей России. Безумной славой дикого неуловимого зверства прославился простой, безграмотный, полудикий туземец. Слава создала ему среди горцев таинственные заманчивые легенды. Таинственность, неизвестность сделали сначала из разбойника – народного разбойника. Еще недавно всякое удивительное по ловкости и жестокости приписывалось Зелимхану. Одновременно он появлялся сразу в четырех местах. Рука невольно тянется к перу, чтобы поведать о них.

О Зелимхане так много кричали, писали, говорили. Раздували его похождения до геркулесовыхъ столбов. Часто из мухи делали слона. Публика, глядевшая сквозь призму писаний столичной прессы, видела не истинную физиономию абрека, а сказочного богатыря. Совершено преступление. Виновники не пойманы. Значит это дело рук Зелимхана. И вымысел жадных до легенд туземцев облек абрека в тогу таинственности. Реки крови пролил Зелимхан. Гекатомбы изуродованных тел наворотил он. Молва называла его шайтаном. Все аборигены уверовали в непобедимость. И вдруг, словно громовой удар, разорилась невероятная весть – Зелимханъ убит! Убит самым настоящим образом, так что уже больше не прольет ни капли крови. Жизненный путь по кровавым трупам знаменитого разбойника кончился. В памяти встают изумительнейшие подвиги зелимхановской эпопеи. Она громадна и вся залита кровью. Чтобы подвести ее итог пришлось бы затратить массу времени, трудов и энергии. В голове лишь сохранились кошмарные этапы действий абрека. Приписывали Зелимхану же стремление быть

вторым Шамилем. Изображали политическим деятелем. Некоторые газеты, в конце концов, усомнились в истинном существовании Зелимхана. Называли это имя вывеской, под которой, будто бы, работают десятки мелких разбойников. Как бы там ни было, огромный, тянувшийся целое десятилетия, кровавый роман закончился. Написан уже эпилог. Пробежим этот роман мельком.

Завязка его начинается в 1900 году в селении Хорочо, Веденского округа, Терской области на романтической почве. Солтамурад – брат Зелимхана и его односелец Шугаип полюбили одну девушку. Оба хотели жениться на ней. Девушка полюбила Шугаипа. Оскорбленный Солтмурад вместе с Зелимханом подкараулили девушку у колодца и увезли к себе. С помощью администрации девушка была отнята у Гушмазакаевых. Зелимхан, по туземному понятию, былъ оскорблен. Пылая местью, он объявил Шугаипу, что рано или поздно, девушка должна принадлежать Солтмураду. Вскоре глухой дорогой они поймали брата Шугаипа Сугаипа и потребовали его поклясться, что его брат уступит жену Солтмураду. Заговорщики хотели его сбросить в пропасть. Сугаип вырвался. Убил их товарища и бежал. В эту же ночь Сугаип и его отец были убиты у себя в сакле. Перед смертью они во всем обвинили Зелимхана, его брата и отца. Суд приговорил последних к лишению всех прав и заключению в тюрьму. Из тюрьмы Зелимхан и его родные братья бежали. Дали клятву отомстить своим обидчикам и вступили на путь грабежей.

Первое его крупное преступление – убийство начальника Веденского округа Добровольского. В своей исповеди, посланный им председателю третьей Думы Н.А.Хомякову, это убийство Зелимхан объясняет так: – За то, что он заставил сделаться абреком моего брата и отца, обругал меня скверными словами, Добровольский поплатился своей жизнью.

С этого момента начальнику Веденского округа Галаеву, Зелимхан послал письмо. В нем он требовал прекратить преследование. В противном случае грозил Галаеву пустить пулю в лоб.

Галаев усилил репрессии. Через месяц находясь у своего дома в Ведено, Галаев был убит Зелимханомъ. Пуля попала несчастному как разъ в лоб. Став на дорогу грабежей и убийств, Зелимхан начинает безумствовать, изумлять кошмарными преступлениями. Появлялся он внезапно с огромной шайкой. В два, три часа обделывал свое дело и бежал, точно сквозь землю проваливался. Его легендарной неуловимости кроме первоначального сочувствия туземцов много помогало отсутствие постоянной организованной шайки. «Постоянная шайка – ближайший путь к висилице!»- говаривал Зелимханъ.

Он ведет точную статистику всем преступникам области. Задумав нападение собирал разбойников по дороге. Плана своего преступления не открывал до последнего момента. Деньги требовал безграмотными каракулями. Богатейший овцевод Месяцев в Хасав-Юрте, получив от Зелимхана письмо с требованием 3000 рублей, сообщил о требовании властям, усилил охрану. Днем неожиданно к нему во двор въехало трое всадников. Усадили обмершего от ужаса Месяцева на лошадь и ускакали. Организовали погоню. Два кровника Зелимхана, жаждавшие мести, нагнали его. Убили отца, брата. Зелимхан бежал раненный. Начальник воинского отряда Хитаизаров послал рапорт, что: – Зелимхан убит! Хитаизаров ждалъ получения награды в 4000 рублей. Дело об убийстве Зелимханом Галаева окружнымъ судом было прекращено за смертью обвиняемого. Но все таки Хитаизарову награды не выдавали. Народная стоустная молва упорно твердила, что: – Зелимхан бежал. Глас народа-глас Божий. Вскоре «Мертвец воскрес из мертвых». Месяцев получил от живого Зелимхана новое требование дать денег. Уже не 5, а 18 тысяч. Это ему наказание! – объявил Зелимхан,- для чего донес начальникам, сколько народа зря убил. Виноват и плати! Вместо убитых отца и брата Зелимхан нашел верных товарищей: – ингуша Соламбека и чеченца Аюба Томаева. Дерзких до безумия, свирепых до ужаса. Разбои участились. Ночью, в поле, был остановлен почтовый поезд. Перебиты, искалечены, ограблены десятки людей.

Имя – Зелимхан было знакомо малым детям. В него даже «играли», как «играют в солдаты, разбойников». Своею дерзостью он сеял безумие и ужас. Ингуши и чеченцы составляли приговоры о поимке разбойника. Назначали за это многочисленные награды. Администрация оценила его голову в 15000 рублей. За Зелимханом охотились беспрерывно тысячи людей. Хитрый абрек никогда не снимался. Нигде и ни у кого не было его фотографии. Уничтожить Зелимхана вызвался войсковой старшина Вербицкий. Он выпускал против Зелимхана, прославившиеся на всю Россию, памфлеты. В них он называл Зелимхана «подлым трусом», «бабой». Приказывал ему выйти с ним на единоборство. Взывал его к совести… А Зелимхан занимался набегами на Грозный. Весной, в 1907 году, в Грозном, рядом с городским садом, в разгар гулянья, проехал отряд казаков с офицером во главе. Отряд окружил ювелирный магазин Гольдтштейна. Трое всадников вошли внутрь и скомандовали: – Ни с места! Тщательно отобрали лучшие драгоценности и в карьер ускакали невредимыми. Отряд казаков оказался шайкой Зелимхана.

Второй визит разбойник сделал грозненцам на станции. В 2 часа ночи Зелимханъ окружил вокзал. Перерезал электрические провода. Разбил кассу станции, забрал 18.000 рублей, ранил стражников и сгинул.

Потом Зелимханъ задумал взять в плен миллионера нефтепромышленника Максимова. План был разработан превосходно, Зелимхан руководил пленением сам. В форме казачьего офицера, он гулял среди публики в городском саду и наблюдал за подъездом конторы Максимова. Пленение не удалось случайно. Нефтепромышленник заподозрил неладное и вовремя ускользнул от разбойниковъ. А Вербицкий в ответ на свои памфлеты получил от Зелимхана записку. Зелимхан назначал старшине свидание в Кизляре через месяц.

Свое слово он сдержал в точности. Ровно через месяц, днем, по Кизляру медленно двигался отряд казаков во главе с двумя

офицерами. Подъехав к казначейству, казаки дали залп вдоль улиц. Залпы выстрелов. Падающие трупы чиновников. Шайка Зелимхана взломала кассу. Взяла 5000 рублей и медленно выехала из города. Начальник гарнизона в это время «надевал походные штаны и сапоги». Шайку ловили, видели, но не поймали. На столе в казначействе нашли записку Зелимхана Вербицкому: – Ты грозил поймать меня. Поймай теперь!

Кизлярская вакханалия, разумеется, вызвала против населения усиленные репрессии. Чечня возненавидела Зелимхана. Недавний герой и любимец стал ненавистным врагом. Старики проклинали его. Десятки джигитов искали смерти вчерашнего кумира. Зелимхан перебрался с семьей из Чечни к ингушам и поселился в Ассинском ущелье. Его искали и нашли. В хмурый октябрь 1910 года к его сакле неслышно подошел отряд казаков с кн. Андрониковым и ротмистром Доногуевым. Зелимхан бежал. Его семья: жена, две дочери и два сына были арестованы. Отряд с арестантами возвращался во Владикавказ по ущелью реки Ассы. Езжай по-другому месту! – попросила кн. Андроникова жена Зелимхана.

– Для чего?

– По нашему адату, если у чеченца, увезут его семью, это оскорбление всего его рода. Зелимхан узнает о нашем аресте и набросится, чтобы освободить нас… Будут новые жертвы.

Андроников не побоялся встречи с Зелимханом. Отряд двинулся. С высоты ущелья загремели выстрелы. Андроников был убит первым. За ним тяжело ранен Доногуев. Убито несколько дагестанцев. Сделав свое дело Зелимхан исчез. Во Владикавказ двинулась мрачная процессия с десятком гробов. Перебив дагестанцев, ранив Доногуева, Зелимхан приобрел себе злейших кровников в лице целого Дагестанского полка. Потеря семьи разъярила Зелимхана. Поговаривали, что он готовит нападение на Владикавказ. На тюрьму, где сидела его семья… А он перебрался в горы родного Хорочая. Здесь прожил спокойно целое лето.

В это время по шоссейной дороге к Хорочою двигалась инженерная комиссия. Зелимхан задумал сделать на нее нападение. Комиссия слышала о замысле абрека и ехала с конно-дагестанцами. Около Ботлиха, на Керкетском перевале Зелимхан подкараулил ее и расстрелял всех. В живых случайно остался инженер Чекалин. Перебиты были инженеры, дагестанцы, офицеры. Денег при комиссии нашлось всего 240 рублей. Пути отступления Зелимхану всюду были отрезаны. На всех дорогах были организованы засады. В урочище «Черный Лан» засадой командовал поручик Доногуев, брат раненного Доногуева в Ассинском ущелье. Разбойники въехали в урочище в два часа ночи. Засада открыла по ним стрельбу. Утром на дороге нашли убитым брата Зелимхана, его телохранителя, воронного коня Зелимхана, его сумку с трофеями побед: печатями разгромленных им учреждений, печать «Группа кавказских анархистов-коммунистов атаман – Зелимхан», карточки наибов, паспорт Зелимхана, лом, пузырек с ядом. Сам Зелимхан спасся и на этот раз. Эпилогом драмы на Керкетском перевале явился суд, который приговорил двухъ соучастников Зелимхана к смертной казни, а трех к каторжным работам.

Снова заставил о себе говорить Зелмхан осенью. На этот раз он появился в двух верстах от Грозного, в ауле Старо – Сунженком. Начальник военного отряда, узнал, что Зелимхан замышляет нападение на Азовский банк. В ночь на 15 октября ночует в ауле Старо-Сунженском, в сакле конокрада Адуева. Ночью аул и сакля были окружены войсками. Из дома Адуева выскочила темная фигура. Отстреливаясь, она бросилась к речке. Убитыми оказались поручик Епифанов, солдат, Адуев и две чеченки. Зелимхан бежал…

Последний раз он показался в декабре 1911 г. Хорочоевский пастух дал знать начальству, что Зелимхан скрывается в одной из пещер, ворует у него овец, заставляет работать. Ночью пещера была окружена войсками с пулеметами. Она помещалась в обрывистой скале. К ней вела узкая тропинка. Всех, кто ста-

рался проникнуть поражали пули Зелимхана. Перестрелка продолжалась целый день. Зелимхан убил двух казаков. Ему предложили сдаться. Он потребовалъ возвращения всех сородичей из Сибири и тюрем.

К утру к пещере подвезли пушку. Зелимханъ молчал. Бросившиеся в пещеру чеченцы, вернулись с вестью: – Зелимхана в пещере нет! Куда он мог деться? Пещера охранялась очень тщательно. Есть масса версий, объясняющих бегство абрека. Туземцы объясняли его исчезновение помощью шайтана. С этого момента Зелимханъ, как в воду канул. Не было о нем ничего слышно чуть ли не два года.

Одни говорили, что он ушел в Турцию. Ходили слухи, что он болен малярией. За последнее время о нем совершенно забыли. Вдруг изумительные вести о ликвидации грандиозной зелимханиады. Я привел только сухие, жесткие факты. Они сплошь пропитаны кровью невинных жертв дикого зверя. Из-за них выглядывают горы кровавых трупов. Кошмар нашей области, тяжелым гнетом давивший ее десяток лет, наконец-то рассеялся. Кошмарно-кровавый «Сфинкс» романа побежден. Нет больше Зелимхана. Синоним ужасов, дикости и зверства – умер. Зелимханиада останется «сказкой». И пусть же с ее «героем» потухнет последний очаг дикого варварства. Страшного Цербера, стоявшего перед Чечней и всем Кавказом у врат культуры и света, нет. Широкий, торный путь к нему свободен – и пусть же он в жизни Чечни будет одним.

В 1913 году сентябръ месяц, когда о Зелимхане перестали говорить и как-то забыли, начальником военного отряда, тогда еще полковником, Маргания, с разрешения начальника Терской области г.- л. С.Н. Флейшера, организация преследования и поимка абрека была возложена на поручика 6-ой сотни Конно-дагестанского полка А.Кибирова. Сущность поручения, данного Кибирову, была неизвестна даже лицам, близко стоявшим к делам отряда и чинам окружной администрации. Кибирову, как это требовала серьезность задачи, были предоставлены доста-

точно широкие полномочия, в частности право получения из состава отряда, войсковых частей без объяснения куда и для чего. Было сделано все для сохранения тайны и это-то, как увидят читатели, привело, главным образом, к желательным результатам.

Штаб-квартирой Кибирова, с находившейся в постоянном его распоряжении полусотней 6-ой сотни конно-дагестанского полка было селен. Шали, Веденского округа. Слухи о Зелимхане поступали от туземцев-агентов в отряд, а затем и к Кибирову очень часто, но они не имели решающего значения. Вскоре Кибиров вступает в сношения с агентом, который вызвал доверие дачей правильных сведений еще перед нападением на Керкетском перевале. Затем появился и второй агент, также не из чеченцев. Личной проверкой их сообщений, Кибиров устанавливает насколько можно им доверять и в конечном результате начинает пользоваться услугами только второго, наружно, все таки, высказывая ему недоверие. Между прочим, заявив, что он не доверяет рассказам о том, что он видел Зелимхана там, и здесь, Кибиров предлагает агенту, для доказательства, устроить ему свидание с абреком, на что тот соглашается.

Свидание состоялось в Веденском округе, в лесу. Кибиров, переодетый, под именем беглого туземца, был с агентом. С Зелимханом было четверо туземцев, которые находились в стороне и подходили к нему безоруженными. В беседе Зелимхан говорил, что у него теперь никого нет, что он один. Уходя, он взял с собою в лес котелок баранины. Затем Кибиров и его спутник были выведены другим путем, причем сопровождавший их чеченец не отвечал на вопросы. Их лошади были переведены в другой пункт. Во время этого свидания, Кибиров имел возможность осмотреть винтовку Зелимхана и заметить его номер 22875. После свидания, Кибиров заявляет агенту, что он не верит тому, что это был Зелимхан и в доказательство справедливости свиданий агента требует, чтобы – тот сообщил ему номер винтовки Зелимхана, известный, якобы, по донесению других агентов. Требование было это исполнено и данные оказались точными.

Время между тем шло, а по данным агентуры все еще не представлялось удобного случая для решительных действий. На это Кибиров обратил внимание агента. Тогда последний, прося ему верить сообщил, что скоро Зелимхан должен быть в Шали. Кибиров требует, чтобы агент далъ своевременно сведения, дабы иметь возможность заранее ознакомиться с окружающей обстановкой, но агент отговаривался тем, что он, как прищелец, не знает селения. Затем он донес, что Зелимхан не хочет приехать в Шали, так как видит плохие сны.

За два три дня до последней ночи, агент сообщил Кибирову, что нужно приготовить отряд, предупреждая, что он укажет, где Зелимхан, но не может принять на себя ответственность за последствия. По сообщению агента, Зелимхана ожидали или в селе Шали или на Шалинских хуторах. Тогда Кибировым была вызвана полусотня 5-ой сотни дагестанского полка, которая, под командой прапорщика Абдулаева пришла в селение Герменчик, находящееся недалеко от Шали. По словам агента, в сел. Шали нужно было окружить три дома, а на хуторе-два. Имевшихся сил было недостаточно, и агент настаивал на том, чтобы дело было отложено до другого случая, но ждать не приходилось. Еще днем Кибиров принял меры к тому, чтобы ознакомиться с местоположением хутора.

Населенный пункт Веденского округа, – Шалинские хутора, получивший теперь такую известность, расположен в приблизительно семи верстах от селения Шали. Это, затерявшиеся среди леса и кукурузных полей, два дома, один из которых не обитаем. Население хутора в данный момент составляли старик чеченец и его жена. Местность довольно живописная. Дома окружены лесом и лишь с одной стороны – выход в поле. Наступило 25-ое августа. Побывав днем в селении Сержень-Юрт, Кибиров переехал вечером в Герменчук, где находился со своими людьми прап. Абдулаев, как и все остальные, не знавшие в чем дело. Собрав людей и приняв все меры к тому, чтобы посторонние не

могли слышать, Кибиров подробно объяснил, что им придется делать, не называя однако места действий. Люди должны были выйти налегке, оставив все, что может произвести какой-либо шум. Были отобраны табак и спички. Подробно осведомив Абдулаева и поручив ему выступить на условный пункт с наступлением ночи, Кибиров уехал в Шали, к своей полусотне. Приняв и здесь все необходимые меры, познакомив людей с планом действий, он приказал старшине арестовать одного из шалинцев, кукурузное поле которое находилось возле самого хутора и собиравшегося ехать туда. За ним были посланы помощники старшины, а сам старшина Дзилихов остался при Кибирове.

Стоявшая до того хорошая погода изменилась и с вечера прошел проливной дождь. С наступлением ночи полусотня выступила из Шали и верстах четырехъ от хутора соединилась с полусотней Абдулаева. Здесь же ожидал и агент, сообщивший, что Зелимхан на хуторе. Верстах в двухъ от хутора отряд разделился и Абдулаев, со своими людьми направился в гору, чтобы прикрыть возможность отступления. Кибиров должен был идти прямо к хутору.

Каждая из частей, выделив коноводов, состояла из 20 всадников. Людям, шедшим с Кибировым, было приказано не стрелять до его распоряжения или выстрела. Если бы огонь был открыт этой частью, Абдулаев должен идти на помощь. Если огонь начнется сначала в цепи Абдулаева, к нему спешит Кибиров. Дав самые подробные указания, распределив свои силы на группы в три человека каждая, Кибиров двинулся к хутору, выставлять вперед часть людей.

Когда передовые стали подходить к хутору, послышался лай собаки и оклики: кто идет?! Шедшие сзади поспешили вперед и в несколько мгновений выходы были заняты. Слышно было, как собака, почуяв чужих, бешено металась около хуторка на привязи. Она изо всех сил рвала веревку. Вышла чеченка и заулюкала.

– Возьми, возьми!- наускивала старуха. Потом предусмотрительно хотела спустить собаку с привязи. Но животное так

сильно натягивало веревку, что старуха никак не могла отвязать собаку и поспешила уйти. Около стога соломы Кибиров заметил фигуру человека, думая, что это хозяин и боясь, что в перестрелке он будет убит, Кибиров крикнул: – Старик, если это ты, пойди сюда скорей!

В ответ грянул выстрел. Зелимхан выстрелил на слух и раздробил Кибирову пулей плечо. Зелимхан продолжал палить. Сотня молчала. Ей был отдан престрогий приказ не начинать стрельбы до команды Кибирова. Раненный поручик потерял сознание и упал на землю. Ему показалось, что он убит и ранен в голову. Он страшно ослаб и лежал без движения. Упал он, как раз в лужу дождевой воды. Вода освежила его и он пришел в себя. Смочил голову водой еще сильнее и ему стало совсем хорошо. Тут он заметил, что ранен только в руку. Поднявшись, он левой рукой выстрелил из ногана четыре раза в то место, где должен был быть Зелимхан. Слышно было, как фигура тяжело рухнула на землю, но потом отправилась и вскочила, отстреливаясь; поединок Кибирова с Зелимханом кончался.

По команде открыла стрельбу вся сотня. Зелимхан скрылся в сакле. Услышав стрельбу, к месту перестрелки подошел отряд Абдулаева и оцепил всю местность кругом. Во время пальбы по сакле оттуда вдруг раздались пронзительные крики женщины.

– Убили! Убили подлецы несчастную женщину! Собаки вы, а не мусульмане!

Дагестанцы решили, что они ранили жену хозяина и в испуге замолкли. По адату магометан – убить женщину считается неслыханным позором. Смутился и сам Кибиров. Потом крики эти показались ему подозрительными. Его осенила мысль, что кричит не женщина, а хитрый Зелимхпн.

– Стреляйте!- отдал он приказ. -Это кричит не женщина, а хитрый Зелимхан!

Выстрелы загремели с новой силой. Потом они постепенно стихли. Из сакли выскочил Зелимхан. Беспрерывно стреляя

из браунинга и винтовки, он думал прорваться из цепи. Учащенная стрельба, грады пуль заставили его вернуться в саклю. Перестрелка утихла. Через час, через два, прапорщик Абдулаев, лежавший съ всадниками в кукурузе, услышал около себя сдержанный шепот:

– Старший! Зачем так близко людей подвинул? Зелимхан всехъ перестреляет. Отодвинься дальше!

– Не могу! Так приказано! – ответил прапорщик, предполагая, что говорит это хозяин сакли. Человек пошел от него в сторону. Через минуту сквозь стебли кукурузы он заметил установленное на него дуло винтовки. Зелимхан по команде догадался, где сидит прапорщик и пытался хитростью добиться возможности убежать. Когда это не удалось, он хотел убить прапорщика. Последний предупредил его. Загремел выстрел и Зелимхан скрылся в сакле.

Перед рассветом Зелимхан пытался повлиять на религиозные чувства всадников. Он выставил в окно кувшин и громко закричал: – Если есть среди вас правоверные мусульмане, то они подадут мне воды, чтобы я мог в последний раз совершить намаз! Никто не двинулся к нему.

– Значит среди вас нет мусульман. Тот, кто идет против меня, все изменники, подлые собаки, продавшиеся русским! – бешено кричал Зелимхан, потрясая кувшиномъ и злобно ругаясь. Раздался залп и кувшин разлетелся вдребезги. Когда совсем стало светло сотня стягивалась вокруг сакли тесным кольцом. Зелимхан выскочил из сакли и бросился на дагестанцев. Беспрерывно стреляя из браунинга и винтовки, он делал отчаянные усилия, чтобы прорваться. Пули осыпали его градом. Отряд видел, как они попадали в патронташ Зелимхана, разбивали патроны и они, взрываясь, ранили Зелимхана. Новый залп и Зелимхан, истекая кровью, упал на землю. Падая, он выстрелил из револьвера в отряд. Этим выстрелом ранил юнкера и двух всадников. Через минуту он был уже мертв.

Убитый мужчина выше среднего роста, очень крепкого сложения, с великолепной мускулатурой, в особенности ног. Ему, на вид лет 40-45, большой нос, продолговатое лицо. Усы и борода покрашены. Голова – седая. Руки довольно нежные. Одет в куртку верблюжьего сукна и короткий бешмет. Отдельно найдены лакированные сапоги. Оружие составляли трехлинейная винтовка за указанным выше номером и около 150 патронов, браунинг и кинжал в серебряной вызолоченной оправе. На револьверной кобуре – золотая запонка с буквой Ч. В кармане найдены: бинокль, пачки чаю, носовые платки и марлевые бинты для перевязки.

Руководитель всего дела А. Кибиров уроженец станицы Черноярской, Терской области. По национальности осетин. Службу начал в Кизляро-Гребенском полку, а затем в конвое Его Величества, в нижних чинах. Поступил в Оренбургсоке казачье училище, но не окончив, снова вернулся в конвой. С начала японской войны, с Куропаткиным уезжал в Дальний восток и здесь перешел в Дагестанский полк. Имеет Георгия 3-ей и 4-ей степени. По окончании войны, в офицерских чинах, перешел в конно-дагестанский полк. Шестая сотня конно-дагестанского полка имело дело с Зелимханом в Ассинском ущелье и на Керкетском перевале, понеся значительные потери, за которые отплатила.

Кибиров, тяжело раненный, для лечения был отправлен в Петербург. Там он получал массу писем с угрозами убить его за уничтожение Зелимхана. Кибиров имел при себе постоянного телохранителя, но все же для безопасности попросил, чтобы его перевезли в тюремную больницу, где он был вне всяких возможных случайностей. Просьба была его исполнена, и Терский герой выздоравливал под охраной штыковых часовых. Кибиров и все всадники, участвовавшие в последней стычке съ Зелимханом, удостоились высочайшей награды.

Владикавказ. 1914 г.

Воспоминания поручика Георгия Кибирова. Повернувшись в ту сторону, я близко от себя заметил в темноте фигуру. Чтобы яснее различить ее, присел к земле, и он обрисовался в шагах 6-ти. Боясь,что это старик или старуха, я окликнул по чеченски: ««Если ты хозяин, то иди ко мне!»

На это последовал выстрел и снова щелкнул затвор, а я почувствовал удар в правое плечо чем-то тяжелым и тупым, после чего правая рука будто стала вертеться, произвольно выделывая необъяснимые движения. Падая на спину, я понял, что ранен и передо мною не хозяин. На мгновение я потерял создание, но, быстро придя в себя и ощущая сильную боль в правом плече и руке, я почувствовал, как что-то горячее течет от плеча по правому боку и спине и руке, которая совершенно онемела.

Никогда я не испытывал такого чувства злобы, как в этот момент, понял, что я ранен Зелимханом, с именем которого в миг вспомнились все его убийства. Напрягая все силы, чтобы встать, я вдруг услышал второй выстрел, и пуля ударилась где-то в землю, обдав мне лицо грязью, и я снова на мгновение потерял сознание. Но столь же мгновенно левой рукой я вырвал револьвер из кобуры и, привстав на корточки, вытянул его вперед на изготовку в сторону, откуда были выстрелы.

Силуэта, стрелявшего в меня, за темноту и дождем, я не различал. Вдруг несколько непрерывных молний осветили, стоявшую ко мне правым плечом в 5-ти шагах от меня знакомую фигуру Зелимхана, смотревшего влево и висок, которого приходился на мушку револьвера. «Само небо, – подумал, – покровительствует мне», и эта мысль заглушила боль. Одет он был в бешмет верблюжьего сукна, накрест патронташи и подпоясан моим патранташом, на голове знакомая коричневая папаха, весь измокший от дождя, с напряженным взглядом, устремленным к правому флангу цепи моих стрелков, куда бросалась собака, в руках сжимал винтовку, держа ее наизготовку. Внимание его к правому флангу, вероятно, и спасло меня.

Моментально я произвел один за другим 4 выстрела, целясь в правый висок, но последние выстрелы были в темноте. Вслед

за первым раздался резкий крик «Ой! Аллах», и что – то грохнулось на землю.

Блеск молнии дал возможность разглядеть в 4-х шагах от меня Зелимхана, облепленного грязью, с окровавленным лицом, на корточках направляющегося в мою сторону, держа винтовку на изготовке. На миг наши глаза встретились, и он произвел еще выстрел уже в темноте, пуля пролетела мимо моего уха. Сильный удар грома и за ним ливень и темнота скрыли нас друг от друга. Но как сейчас помню этот, вероятно, оставшийся навеки в памяти, кровожадный взор разбойника и его окровавленный нос, с которого стекала на обе мокрые щеки кровь. От большой потери крови я стал ослабевать. Напрягая все усилия, я пополз назад к цепи и наткнулся на юнкера Муртазали, который, как оказалось, полз ко мне. Коснувшись меня, он спросил «кто», я лишь успел ответить: «тише это я», как со стороны Зелимхана раздался одиночный выстрел.

– Стреляй! – крикнул я.

С обоих сторон поднялась жаркая перестрелка, продолжавшаяся минут 5-8, во время которой молния неоднократно освещала Зелимхана лежавшего, то на одном колене, а, в конце концов, куда то скрывшегося. Резкие удары и грохот грома с раскатами в горах почти заглушали треск выстрелов и свист пуль. Что-то дьявольское творилось в природе, такой адской обстановки не приходилось переживать и на войне. На мгновение перестрелка и раскаты грома затихли, а сквозь дождь послышался из сакли протяжный голос женского дисканта, навывавшего по-аварски и чеченски какие то имена, после чего совершенно ясно на русском языке раздались слова:

– Я женщина, меня убивают. Ох! Умираю, умираю! – и все стихло. Вслед за этим кто-то меня коснулся сзади. По голосу я узнал старшину Дзелихова, который шепотом сказал: «Я пришел сюда на выстрелы от Абдулаева. Ты, кажется, ранен,я тебя перевяжу».

– Да, в руки,- ответил я,- но прошу, не выдавай этого, чтобы не узнали люди, а ты иди обратно к Абдулаеву и передай, чтобы оставались на местах.

Прошло, я думаю, час или полтора, мы лежали в молчании. Сквозь шум утихавшего дождя издали доносился вой собаки, вероятно, сорвавшейся с цепи и куда-то убежавшей. Через несколько времени вернулся старшина, передав, что цепь Абдулаева на месте. Раскаты грома и дождя постепенно прекратились. Вдруг на левом фланге раздался выстрел, а за ним пошла трескотня, продолжавшаяся минут 10, во время которой слышались из сакли крики, прерываемые стоном. Затем стрельба прекратилась и все стихло. Потом мне рассказали, что кто-то перед самой цепью вполголоса обратился по-аварски:

– Раздвиньтесь, а то близко лежите друг к другу

На это из цепи, думая, что свой, ответили, что приказано не сходить с места. Вслед за тем впереди говоривший выстрелил, ранив всадника Абдулазиса Закаря. Прошло несколько времени в полной тишине, после чего с разных сторон из цепи раздались возгласы:

«Ваше благородие, разрешите войти в саклю. Убили! На это я крикнул по-русски и по-кумыцки: – Не разрешаю! Оставайтесь на местах и нечего просить разрешения. И снова воцарилась тишина, и мне самому показалось, что Зелимхана убили, но темнота все-таки скрывала действительность, пока не начало светать.

Лежавшему около меня старшине я приказал подозвать всадника. Он призвал еще и своего помощника. Им я приказал поехать в Шали и отдать начальнику отряда телеграмму, которая была мною заготовлена перед выступлением, но она оказалась пропитанной моей кровью, как все белье и бешмет, а потому я передал на словах: «Перестрелка продолжается, есть раненые».

Говорил я ослабевшим голосом и на мгновение потерял сознание, но, вскоре придя в себя, их уже не видел. Они поторопились уйти и, как потом оказалось, под впечатлением моего об-

морока, отправили телеграмму иного содержания «15 человек ранено, поручик убит. ...»

Я оглянулся в сторону саклей и в предрассветном тумане в 20-ти шагах ох цепи заметил быстро вышедшего из сакли Зелимхана без сапог с кувшином в руке; через плечо висела на ремне винтовка. Опускаясь на землю, он очень громко и скороговоркой сказал на кумыкском языке: «Вы видите, я не ранен, время молиться Аллаху, подойдите ко мне и знайте, что пуля меня не берет».

В первый момент я не верил своим глазам и ушам, но, быстро отдав себе, отчет после слов «Аллах», напрягая последние усилия, и заглушая его слова, крикнул: «Не слушайте его, у него нет Бога, он много нашей крови пролил. Стреляй!»

Тотчас раздались выстрелы всадников, и Зелимхан упал, но мигом вскочил и произвел несколько выстрелов из винтовки и револьвера. Трескотня шла страшная. Совсем рассвело и ясно было видно, как от метких пуль всадников он падал, но вновь поднимаясь весь окровавленный все таки еще успел выстрелить и ранить бросившегося на меня юнкера, за которым бросились и всадники, закричавшие:

– Убит, Убит! ...

Из сакли вынесли халат, сапоги, халат и небольшой ручной чемодан, в котором был бинокль, думаю нашего полка, перевязочные средства, в бутылке лекарство, записки и две печати: одна, сделанная из старой серебряной монеты с двуглавым орлом, вокруг которого вырезано вязью «Зелимхан Гушмазукаев», а другая вся из слоновой кости, посередине коран, а вокруг по аварски «Зелимхан Гушмазукаев», у серебряной ручка костяная. Кроме того, в чемодане же напильник, парчовая золотая чалма и на толстом листе бумаги изображение мечети в Макке под которым текст золотыми буквами.

Труп Зелимхана, в которой насчитали 32 раны, лежал на спине. В черепе было 6 сквозных ран. Рост его был 2 аршина 7 вершков, особенно бросались в глаза широкие плечи, на ле-

вой стороне груди огромная рана, в которую впились гильзы от разорвавшихся патронов. Поясной патронташ был действительно мой, данный накануне. Может быть, моими же патронами я был ранен, хотя моя рана и еще одного всадника были нанесены разрывными пулями. На черной глянцевой револьверной кобуре имелась монограмма Ч и в левой застывшей руке браунинг, отобранный им у плененного им в 1911 году на Каркетском перевале инженера подполковника Чикалина.

На кожаном со стальными пластинками и золотой насечкой поясе висел кинжал в золоченых ножнах. На шее висела, два раза раскрученная, массивная цепь от часов, которые лежали в жилете ниже грудной раны. В кармане черных брюк был пузырек с хной краской для бороды и еще пузырек с маслом, вывезенными (по обычаю) из Макки для смазывания умирающего.

В другом кармане две опойковых портмоне, разделенные на клетки с надписями имен убитых офицеров, а потом перечеркнутых, а из подлежащих убить первым был князь Каралов, денег не было. Кроме того было три белых платка и в чистой тряпочке, перевязанной лентой с бантиком, завернутые два зуба и клок седых волос. Волосы, как говорят, шейха, в знак того, что владельцу их нужно помогать. Винтовка № 22875 укороченного образца, застыла в правой руке.

Труп лежал в 10-20 шагах от сакли, занимающей 3 квадратных аршина высотою 2 аршина 6 вершков, с плоской земляной крышей. Внутри была тахта, покрытая циновкой, 2 грязные подушки и старое одеяло. Под тахтой несколько арбузов и тыква. Под потолком висела ляжка баранины, на полу в чашке коровье масло и кукурузный хлеб. Сакля освещалась маленьким окошечком, вместо двери висел палас. Признаков присутствия других лодей не было, вероятно, малые размеры сакли и ненастье с грозой были причиной, что Зелимхан оказался один, тем более, что, не доверяя никому он скрывал от шайки свой ночлег, появляясь лишь перед рассветом.

Удостоил меня своим вниманием и начальник области, прибывший через несколько дней в госпиталь и передавший мне

следующую радостную весть «По телеграмме об уничтожении чинами Дагестанского конного полка разбойника Залимхана, Государь император собственноручно изволил начертать «поручику Кибирову желаю орден Св. Владимира 4-ой степени, остальных представить к соответствующим наградам – серебряные медали за храбрость Георгиевской лентой».

Когда этот рассказ уже был в типографии для набора, штабс-ротмистр Кибиров рапортом донес, что 11-го июля, при посещении госпиталя их императорскими высочествами княгинями Марией Павловной и великой княгиней Марией Павловной младшей с великим князем Борисом Владимировичем и Андреем Владимировичем августейшие, особы осчастливили Кибирова милостивым вниманием к его здоровью и интересовались подробностями дела с Зелимханом.

12 июля его императорское величество государь император, при посещении госпиталя, осчастливил Кибирова своим царским вниманием, осведомившись о здоровье и милостиво одобрив действия штабс-ротмистра и обнадежив его в будущем. Таким образом, старая военная поговорка еще раз подтвердилась «За богом молитва, а за царем служба не пропадают»

Князь Д. Багратион

(Из ж-ла «Вестник русской конницы». 1914 г. № 13-16)

«Гулянье» в манеже. В скверном, из серо-голубом дыму движутся «волны народные». Странная на вид толпа! Какие-то молодые люди с развязным видом. «Эти дамы» в невероятном количестве, неизвестные в котелках, с блуждающими, наглыми глазами. И тут же, рядом, – почтенные буржуа под руку с откормленными женами. Вдоль стен – обычный пейзаж таких гуляний: пряники, вафли, «метанье колец за копейку», и еще какие-то подобия киосков с нудными, набившими оскомину, праздничными «развлечениям».

Веселья, конечно, нет и в помине. Из угла в угол ходят и ходят люди, как одуревшие мухи, лениво бросаются конфетти,

лениво переговариваются глупыми шуточками. Большая толпа собралась у сцены. Дают – «Зелимхана». «Артисты» бестолково махая руками и крича охрипшими голосами, мотаются на сцене, разделывают лезгинку и вообще, из кожи лезут вон, чтобы угодить публике. Но публика бесстрастна. Даже хитроумные зелимхановы трюки не могут расшевелить ее. Ведь со сцены ничего не слышно ни в первых, ни в последних рядах.

Оркестр, составленный из неведомых инструментов, доставляет публике, пожалуй, больше всего удовольствия.

– Барабан-то, барабан! – восхищается кто-то. – За него, пожалуй, три рубля в день заплочено!

– А Комаровка-то? – восхищается господин в цилиндре и разбитом пенснэ, – В полном составе присутствует!

Действительно, можно поверить и в присутствие знаменитой Комаровки в полном составе. Самое гнетущее впечатление производит присутствие подростков, в заломленных ухарски шапках, с папиросками в зубах. Колышется из угла в угол голубой, вонючий дым. «С благотворительной целью.»

«Столичная молва». 12 января (30 декабря) 1914 года

По обычаю кровавой мести. Убивший Зелимхана поручик Кибиров, находящийся в госпитале, заявил начальству, что в Петербург прибыли четыре кавказца, намеревающиеся по обычаю кровавой мести убить его, и просил назначить для его охраны воинский караул. В виду трудности охранить его в госпитале, Кибиров переведен в арестантское отделение Николаевского военного госпиталя, и ему дали охрану военного караула.

«Одесские новости». 18 (05) февраля 1914 года

По стопам Зелим-хана. В Одессе ночью в трактире в Колодезном переулке, надзиратель сыскной полиции обратил внимание на группу мальчишек, сидевших в прихожей трактира за

столом. На столе лежали две черные маски и довольно больших размеров кинжал. Все мальчики оказались в возрасте от 12 до 14 лет. Их было 6 душ. При виде надзирателя, мальчики бросились бежать, но их поймали. Всех доставили в сыскное отделение. Мальчики оказались детьми рабочих, преимущественно портовых.

Начав с газет о похождениях легендарного разбойника Зелим-Хана, мальчики решили составить детскую шайку для совершения налетов. Решив выехать на Кавказ, они на днях вечером пришли в порт к пароходу «В. К. Константин». Но «разбойники» опоздали на несколько минут и подошли к пароходу, когда сходни были уже сняты, и пароход отчалил. Не желая возвращаться домой, мальчики решили ехать на следующий день, а ночь провести в трактире.

«Организаторами» шайки оказались: Ив. Яблонский, Вл. Грипчук, Макс. Миронов, Иос. Дзюба, Абр. Белогерский. Любопытно, что на дорогу мальчики собрали 75 коп. Об аресте их сообщено родным.

«Мариупольская жизнь». 02 мая (19 апреля) 1914 года

На лету по провинции. В лесу горного ущелья Головинки случайно обнаружен труп «черноморского Зелим-хана» Раппавы. Дознанием выяснено, что скрывавшийся Раппава был настигнутъ своим помощником, кубанским казаком, и после перебранки, перешедшей в драку, а затем в ожесточенную перестрелку, был убит.

«Раннее Утро» 07 июня (25 мая) 1914 года

1916-ЫЙ ГОД

...Любопытно отношение находящихся в дивизии родственников – «кровников» – знаменитого разбойника Зелим-хана к сотнику Кибирову, теперь являющемуся командиром «кровников», которым, как известно, Зелим-Хан завещал против Ки-

бирова кровную месть», – пишет Спиридонов. И далее продолжает: «Не говоря уже о том, что «кровники» сами заявили Кибирову о питаемых к нему чувствах и о том, что на время войны они считают нужным забыть личные счеты, – они в одном из недавних боев блестяще доказали правдивость своих слов.

Когда сотник Кибиров, в пылу горячей схватки с немецкими кавалеристами, вдруг очутился один против нескольких немцев, то первыми бросились к нему на выручку «кровники» Зелим-хана».

«Терские ведомости». Февраль 1916 года

Примеч.: (Извлечение из ст. М.М.Спиридонова «Очерк боевой жизни чинов кавказской дивизии»).М.М.Спиридонов – чиновник Главного управления почт и телеграфов России.

1929-ЫЙ ГОД

Кинокартина о знаменитом чеченском абреке Зелимхане. В Москве, в Ростове и в других городах Союза с большим успехом идет кинокартина о знаменитом чеченском абреке Зелимхане; в Ростове она идет уже два месяца. каждый вечер при громадном стечении зрителей, у театров толпа, и места берутся, что называется, с бою.

«Революция и горец». 1929 г.

ГЛАВА 10. СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ПРЕССА О ЗЕЛИМХАНЕ

ТРОПА ВОЙНЫ

Чеченская история повторяется, но никого ничему не учит. (Версия Антона Уткина)

А. Уткин Газета Ru. 27.02.2004 В сокр.

Индейцы сиу говорят: важно не знать историю своего народа, а просто слушать о нем истории. Хотя все без исключения народы, населяющие российские пространства, по своему общественному развитию превзошли индейцев сиу в стремлении к собственной государственности, россияне, бывает, устают от истории. Иногда им хочется последовать совету индейцев и просто послушать истории. К счастью, у нас такие истории есть. К тому же истории эти частенько гораздо поучительнее всякой истории. Помните, наверное, сакраментальное: «Он русский, и это многое объясняет»? Ну вот. В принципе, этот афоризм приложим ко всем народам – только слово русский не забывай заменять. Вот как раз одна из таких историй.

Во время одного из своих бесчисленных гастрольных туров по Северному Кавказу прославленный бас Федор Шаляпин оказался заложником самого знаменитого из чеченских абреков по имени Зелимхан Гушмазукаев. Две знаменитости встретились на большой дороге между Владикавказом и Грозным. Когда абрек узнал, кто попал в его руки, он отложил мысли о выкупе и просто попросил своего пленника спеть. Федор спел, и растроганный до слез Зелимхан отпустил его на все четыре стороны, взяв обещание никогда никому не рассказывать о том, что случилось. «Ты первый человек, – пояснил разбойник артисту, – который видел мои слезы». Можно сказать, что Федор

сдержал слово, данное им Зелимхану. Об этом удивительном происшествии Шаляпин поведал только на смертном одре одному из своих присных в 1938 г. К тому времени знаменитый абрек Зелимхан был мертв уже двадцать пять лет, а страна, в которой все это приключилось, несколько раз сменила название.

Кровавый обычай

История Чечни почти не знает абсолютно мирных страниц. Древние предания рисуют бесконечные картины войны чеченцев с кабардинцами и прочими соседями по кавказским горам.

В конце XVIII в., во времена Екатерины Второй, чеченский пророк Шейх-Мансур из селения Алды придал боевым действиям против русских размах и масштаб настоящей войны: осаждал Кизляр и Моздок и намеревался идти на Астрахань.

На смену ему пришел знаменитый наездник Бей-Булат, попортивший много крови «проконсулу» Кавказа генералу Ермолову, а там подоспело и движение мюридов под предводительством имамов Кази- Муллы, Гамзат-бека и Шамиля, известное нам всем как Кавказская война. И если восстание 1877-1878 гг., разразившееся во время русско-турецкой войны и грозившее перерасти в очередную русско-чеченскую, воспринималось как эхо недавней шамилевской эпопеи, то деятельность так называемых абреков (вроде легендарного Бей-Булата) сводила на нет все усилия царской администрации ввести жизнь в нормальное русло вплоть до самого интернационального октября 1917-го.

Особый тип людей, называемых абреками, выработался на Кавказе на основе обычая кровной мести. Это люди, принявшие на себя обет мести и отчуждения от общества вследствие какого-нибудь сильного горя, обиды, позора или несчастья. Впоследствии мюридизм, несколько подчинивший свободное проявление воли общественной пользе, значительно ослабил обычай кровомщения, а вместе с тем и абречество. Возобновил абречество в Чечне Атабай, один из мюридов Шамиля. После

сдачи Шамиля Атабай ушел в партизанщину, но удача недолго его сопровождала: он был схвачен. Однако у него появились многочисленные последователи: Эски, Мехки, Осман, Аюб, Зелимхан Гельды генский, Саламбек и, наконец, Зелимхан Харачоевский.

Начало деятельности Зелимхана Гушмазукаева совпало с Русско-японской войной и с последовавшей за ней революцией 1905 г. Впоследствии это наложение очень способствовало созданию вокруг имени Зелимхана ореола борца за народное счастье. О том, какие именно обстоятельства сделали из него противника мирной жизни, Зелимхан рассказал сам в письме к председателю Государственной Думы, отрывок из которого мы приводим ниже.

Скажем то, о чем знаменитый абрек умолчал: его инструкция сподвижникам была проста – грабить только состоятельных и только не чеченцев. По мнению Зелимхана, грабить единоверцев было позорно. А вот убивать Зелимхану и его сподвижникам приходилось и чужих, и своих. И сам он сложил голову, выданный кровниками, в этой странной непрекращавшейся войне, которую, строго говоря, нельзя назвать ни гражданской, ни национально-освободительной.

Око за око

В воскресенье 10 октября 1905 г. на грозненском базаре произошли беспорядки. Торговка поссорилась с чеченцем. Кто-то из толпы был убит. Из казарм вышел Ширванский полк и расстрелял 17 человек. Спустя неделю около станции Кади-Юрт Зелимхан остановил пассажирский поезд, пассажиров ограбил, а 17 из них расстрелял. «Передайте полковнику Попову, – простился он с уцелевшими пассажирами, – что жизни, взятые в Грозном, отомщены».

Этот налет окончательно поставил Зелимхана вне закона. На семейном совете было решено переселяться в Турцию. Но для

этого нужны были средства, а их не было. Обострившаяся в поисках денег мысль Зелимхана остановилась на богатом овцеводе Архипе Месяцеве. 30 августа 1908 г. Месяцев был похищен в сорока верстах от Хасав-Юрта с требованием выкупа в 15000 рублей. Во время погони, организованной по горячим следам, брат и отец Зелимхана были убиты, и Зелимхан увеличил сумму выкупа до 18000. Передача денег состоялась на станции Слепцовская, куда их привез сын овцевода Проня.

Участь железнодорожного мастера Турченко оказалась куда печальней. За отказ выдать деньги он был убит прямо в собственном доме в Грозном. В ответ начальник округа полковник Галаев арестовал семейства, доводившиеся Зелимхану родственниками по женской линии. Вскоре полковника нашли в Веденском парке с дыркой в виске – полковник имел обыкновение прогуливаться по утрам.

Спустя несколько дней владикавказский «Терек» сообщил: «Несколько времени назад вр. генерал-губернатором генерал-лейтенантом Михеевым было получено от знаменитого абрека Зелимхана письмо, написанное на арабском языке. Выражая желание сдаться в руки властей, – писала газета, – Зелимхан в письме указывал, что он стал абреком благодаря несправедливости отдельных представителей окружной администрации, потому что видел вокруг себя зло». Вместе с тем он просил генерала Михеева взглянуть на дело беспристрастно и помиловать его.

В ответ на это письмо генерал разослал всем начальникам округов области циркуляр, в котором говорилось: «Мне известно и без Зелимхана, что на царскую службу принимаются иногда люди нехорошие, с порочными и противными духу закона наклонностями. Но всякий виновный в нарушении закона преследуется по закону же, а не тем путем, который избрал себе Зелимхан, не путем произвольного насилия и убийства, которые никогда не одобрит ни бог, ни государство, ни человеческая совесть».

18000 рублей

7 марта 1909 г. приказом по Терской области формируется временный охотничий отряд, задачей которому ставилось «возможно спешное искоренение краж, грабежей, разбоев в пределах Хасав-Юртовского, Веденского, Грозненского и Назрановского округов, совершаемых здесь и в сопредельных районах некоторыми порочными лицами из туземцев». Войсковой старшина Вербицкий, назначенный начальником отряда, обратился к населению с воззванием на русском и арабском языках: «Приказом по области я, войсковой старшина Вербицкий, назначен искоренить разбойничество в родном нам крае. Обращаюсь поэтому к чеченскому и ингушскому народам и ко всему туземному населению. Вы – храбрые племена. Слава о вашем мужестве известна по всей земле: ваши деды и отцы храбро боролись за свою независимость, бились вы и под русскими знаменами во славу России. Но за последние годы между вами завелись люди, которые своей нечистой жизнью пачкают, грязными делами позорят вас. Эти отбросы ваших племен все свои силы направили на разбой и воровство, заливая краской стыда ваши честные лица. Имам Шамиль за разбой рубил им головы, а за воровство отсекал им лапы. Правительство наше решило положить конец всем творящимся ими безобразиям. Оно требует, чтобы каждый пахарь, кузнец, пастух и ремесленник, к какому бы племени он ни принадлежал, мог спокойно трудиться на свою и общую пользу. Призываю честных людей сплотиться и перестать якшаться с ворами и разбойниками, изгнав их из своей среды и лишив их свободы святого гостеприимства».

Первым делом временного охотничьего отряда стало побоище на гудермесском базаре, результатом которого стали трое убитых и десять раненых чеченцев. На базаре искали шайку абреков с трехлинейными винтовками и краденым скотом. Зелимхан решил ответить убийством Вербицкого и для этого явился в Грозный. Но на этот раз месть не состоялась – помешал некий

чеченский интеллигент, чей авторитет признавал даже Зелимхан. Пока временный охотничий отряд наводил порядок на базарах и в аулах, абреки наводили страх на Владикавказ. Были ограблены мельница Проханова, купец Резаков, склад Кролика, магазин Симонова и часовых дел мастер Шихман. А 8 января 1910 г. шайка Зелимхана появилась на платформе Грозненского вокзала. На следующий день в газете «Отклики Кавказа» появилось скупое сообщение: «Окружив вокзал в два часа ночи, Зелимхан убил проходившего по станции машиниста, ранил двух стражников и, разбив кассу, увез 18 тысяч рублей».

Кизляр

И все-таки самым громким делом Зелимхана по праву считается налет на Кизляр. Местом сбора назначили лощину в лесу за Новыми Атагами. Переезжая железнодорожную линию у Гудермеса, Зелимхан перерезал семафорный провод. Как говорит один из его биографов, «шутки ради». План Зелимхана был стар, как сам Кавказ. Участники нападения нацепили синие погоны казачьего Кизляро-Гребенского полка, в город въезжали по три человека в ряду, имитируя построение регулярной кавалерии. Въехали в город 9 апреля. Встречные военные отдавали Зелимхану честь, разглядев на его плечах погоны с двумя полковничьими просветами. Когда подъехали к казначейству, первым прозрел казначей Копытко. Захлопнув кладовую, он выбросил ключи на улицу. Копытко Зелимхан убил лично. Пока Зелимхан выпрастывал в хурджины новенькую монету, его подельники от души расстреливали посетителей. В этот день Кизляр потерял убитыми 19 и ранеными четырех. Но в целом кизлярский набег в материальном отношении кончился не слишком удачно - 60 абреков унесли всего-то на 5000 рублей меди. Зелимхан ушел, не потеряв ни одного убитого. За бездействие властей Вербицкого и некоторых других должностных лиц предали суду.

После Кизляра канцелярия начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска объявила «во все-

общее сведение, что деньги, собранные населением Веденского округа в сумме 8000 рублей и предназначенные в награду за поимку или уничтожение разбойника Зелимхана Гушмазукаева, до сего времени хранятся полностью в депозитах начальника области, о чем неоднократно объявлялось населению. Несмотря, однако же, на то, что прошло уже более двух лет, а до сего времени не нашлось такого лица, признается необходимым с одобрения наместника Его Императорского Величества на Кавказе вышеназванную сумму в случае поимки или уничтожения Зелимхана Гушмазукаева и его сотоварищей выдать не одному лицу, а всем тем, кто тем или другим способом будет содействовать его поимке или уничтожению, по справедливой оценке их трудов и риска». К указанным восьми тысячам добавлялись еще десять, собранные самими чеченцами, недовольными «национально-освободительной» деятельностью своего соплеменника.

Осенью 1910 г. в Ассиновском ущелье Зелимхан напал на отряд русских войск, захвативших его семью. Несмотря на численный перевес, отряд понес большие потери. Все офицеры были выведены из строя, но семью Зелимхану отбить не удалось. Зелимхан скрылся в Осетии, а его жена и дети были помещены во владикавказскую тюрьму. В ответ Зелимхан пообещал генералу Михееву захватить его дочь и ее друга, известного борца Шарля Акса.

Занимательная политология

В феврале 1911 г. во Владикавказ из Ростова-на-Дону приехали два студента-анархиста. Встреча с Зелимханом произошла на хуторе под Владикавказом. Анархисты вручили Зелимхану свой красно-черный флаг, печать и заодно показали, как бросать бомбы. С удивлением Зелимхан узнал, что «царь не только чеченцам зло делает», что среди русских тоже есть немало таких, которые недовольны режимом и ради его смены готовы убивать

начальство в неограниченном количестве. Зелимхан и анархисты расстались друзьями. На печати, оставленной новыми соратниками, было написано: «Группа кавказских горных террористов-анархистов. Атаман Зелимхан».

Но бомбы и печать, подаренные анархистами, Зелимхан использовал совсем не так, как могли бы ожидать его идейные учителя. Зелимхан написал письмо грозненскому купцу Шавелову, требуя денег. В назначенное число Шавелов денег не прислал. Второе письмо Зелимхана, скрепленное анархистской печатью, также осталось без ответа. Тогда Зелимхан отправился в Грозный и бросил в окно дома Шавелова ту самую анархистскую бомбу, которая предназначалась для «царских сатрапов».

Семь шейхов

11 сентября 1911 г. помощник начальника Гумбетовского участка коллежский регистратор Саадуев составил следующий протокол: «В 2 часа ночи на 16 сентября мною получена записка от делопроизводителя Андийского окружного управления Башкова, что на Андийской пастбищной горе Азал, около 2-й казенной будки от Ботлиха в Ведено, на инженерную комиссию и команду Дагестанского полка напала шайка Зелимхана и ограбила их. Убиты: производитель работ, контролер, ротмистр Дагестанского конного полка, 10 всадников, 1 разбойник и две лошади. Ранены две лошади, вахмистр Дагестанского конного полка, дорожный мастер и два ямщика». Кроме того, в плен попал подполковник Чикалин, сумевший, правда, бежать, когда Зелимхан наткнулся на отряд дагестанской милиции. В руках дагестанцев остался конь Зелимхана и его винтовка, однако сам он ушел, бросившись вниз по крутому склону.

В разгар этих событий в Грозный прибыл помощник наместника по военной части генерал Шатилов. Совещание, устроенное в салон-вагоне генерала, постановило выслать из пределов

Чечни семь «наиболее вредных шейхов». В ночь на 15 октября власти получили известие, что Зелимхан скрывается в ауле Старосунженском, чтобы днем напасть на грозненскую ярмарку. Три роты пехоты, две сотни казаков и 16 добровольцев-дагестанцев окружили аул, но Зелимхану и на этот раз каким-то чудом удалось ускользнуть. Шейхи Сугаип-мулла и Аббас Ауд, обеспокоенные своей участью, обратились к Чечне со следующим воззванием: «Мы, нижеподписавшиеся, извещаем вас, что разбойник Зелимхан Гушмазукаев, происходящий из селения Харачой, очень вредный для всего населения, и действия его совершенно противны шариату и недопустимы. Деяния Зелимхана безумны. Великий всемогущий бог наградит того, кто избавит народ, исстрадавшийся от разбойников».

Одновременно для широкого оповещения населения был распространен список из 23 абреков, уничтоженных самими чеченцами, без какого бы то ни было участия русской администрации. Шейхи обещали властям, что если их оставят в Чечне, то они поймают Зелимхана собственными силами. Однако отряды мюридов, которые они сформировали для выполнения своего обещания и вооруженные за счет казны, не столько ловили Зелимхана, сколько помогали ему скрываться. Генерал Шатилов пришел к выводу, что «если и были случаи выдачи отдельными ингушами или чеченцами абреков, то только тех, которые являлись их кровниками. Но этого, – констатировало совещание, – мало».

В результате шейхи были высланы, отряды расформированы, а реформы земского самоуправления, разрабатывавшиеся кавказским наместником Воронцовым-Дашковым, отложены до более мирных времен. Более того, такое недемократичное учреждение, как Кавказское наместничество, которое собирались упразднить еще в 1907 г., благодаря ратным подвигам Зелимхана и другим родственным факторам, просуществовало до начала Первой мировой войны.

Смерть абрека

Решительное наступление на Зелимхана власти решили больше никому не доверять. 11 декабря местные газеты вышли с передовицами под заголовком: «Зелимхан окружен». «Начальник Веденского округа телеграфирует начальнику области, – сообщалось ниже, – что нашел Зелимхана и окружил в харачоевских горах, где он заперся в пещере. С 8 часов утра идет перестрелка. К вечеру с нашей стороны убиты двое, ранены четверо. Потребованы из Ведено пироксилиновые шашки для взрыва. О дальнейшем сообщим по мере получения сведений».

К этому времени известность Зелимхана далеко перешагнула пределы Кавказа. Пресса всей Российской империи внимательно следила за его кровавыми похождениями. Не было ни одной провинциальной газеты, где бы не смаковались подробности противоборства засевшего в пещере абрека и огромного отряда правительственных войск: «По распоряжению начальника Веденского округа на скалу против пещеры было послано несколько человек охотников и кровников Зелимхана. Взобравшись на вершину скалы, охотники увидели, что пещера чем-то заложена, и сделали по ней залп, на который из пещеры последовал ответ»; «Окруженный ночью со всех сторон разбойник скрылся»; «9 декабря во время перестрелки с Зелимханом убит один казак, ранены трое. Абрек скрылся. Поиски по следам производятся»; «По докладу командира пластунского батальона сегодня при осмотре пещеры около 9 ч. утра Зелимхана не оказалось».

После этого захватывающего эпизода Зелимхан как в воду канул на целых два года. К партизанской чести Зелимхана надо сказать, что погубило его не военное несчастье, а предательство, совершенное его кровниками. Больной и всеми покинутый, он был обнаружен на маленьком хуторе на речке Шали- Ахк. За 18 тысяч рублей братья Борщиковы согласились указать военным властям местопребывание своего врага. 26 сентября 1913 г.,

почти 90 лет назад, Зелимхан был окружен и после отчаянного сопротивления застрелен. Тело его было доставлено в Шали и положено на площади этого населенного пункта, на обозрение зевакам и на потребу фотографам.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ АБРЕК XX ВЕКА

Сергей ЕВГЕНЬЕВ. Сетевое издание «Газета ВЕСТИ он-лайн».

Не только 300-летним юбилеем дома Романовых запомнился петербуржцам 1913-й год. В тот год сенсационная весть донеслась с Кавказа. Это произошло в один из сентябрьских осенних дней 1913 года, когда в Петербург из Чечни пришло по телеграфу краткое известие, которого власти ждали многие годы: убит знаменитый кавказский разбойник Зелимхан Гушмазукаев. Его называли «легендарным бандитом XX века», «полумифическим разбойником».

Гроза и гордость кавказа

«Убит абрек, вокруг имени которого создалась грандиозная кровавая легенда, который в течение десяти лет наводил трепет на Чечню и Дагестан, – писала на следующий день одна из петербургских газет. – Зелимхан – разбойник, окруженный ореолом кровавой славы, гроза и гордость Кавказа. Бандит, кровавые похождения которого похожи на средневековые легенды. Имя, которое известно на Кавказе всем, даже маленьким детям».

Кем же был знаменитый абрек Зелимхан? На его совести было около полутора сотни убийств. С шайкой отчаянных головорезов он совершал нападения не только на хутора и отдельных путников, но не боялся вступать и в прямую вражду с властью. На его счету были нападения на вокзал в Грозном, ограбление среди бела дня казначейства в Кизляре и другие преступления.

Многие были склонны воспринимать его как борца с несправедливостью, объявившего непримиримую войну властям. Неуловимость Зелимхана в течение многих лет стяжала ему, как сообщалось в донесениях в столицу, славу среди туземцев, а громкие успехи сделали его народным героем.

О Зелимхане слагались песни, в нагорных селениях Чечни ему даже было присвоено прозвище «наместника гор», как бы в противовес наместнику его императорского величества на Кавказе.

Когда началась революция 1905 года, Зелимхан уже был готов к битве. С весны 1905 года в Чечне и Ингушетии начинается волна крестьянских бунтов. Крестьяне изгоняли назначаемых властями чиновников, захватывали частные и казенные земли, отказывались платить налоги и выполнять повинности. И крестьяне всегда знали, что Зелимхан на их стороне.

Через анархистов Зелимхан установил связь с революционным движением в России. В 1911 году с ним встретились несколько студентов-анархистов из Ростова-на-Дону. От них он узнал, что «царь не только чеченцам зло делает».

Студенты подробно рассказали о той борьбе, которую ведут рабочие и крестьяне по всей России. Студенты вручили Зелимхану красно-чёрный флаг, четыре бомбы и печать, на которой было написано «Группа кавказских горных террористов-анархистов. Атаман Зелимхан». С этого момента Зелимхан скреплял свои послания и ультиматумы этой печатью.

Отряд Зелимхана начал фактически партизанскую войну против властей. Против него были брошены отряды регулярной армии. В селах, которые укрывали абреков, проводились жестокие «зачистки». Начались преследования родственников Зелимхана: были убиты его брат и отец, арестованы и высланы в Сибирь его жена и дети. За голову легендарного абрека царское правительство назначило 5000 рублей, а впоследствии эта сумма была увеличена до 18000 рублей. Но ничто не смогло сломить Зелимхана и он продолжал свою борьбу.

В апреле 1906 года он убил начальника Грозненского округа подполковника Добровольского. В 1908 году – начальника Веденского округа полковника Галаева, за то что он хотел осуществить антикрестьянские проекты по землеустройству, что вызвало в Чечне массовое недовольство.

В январе 1910 года Зелимхан совершил налет на Грозненский вокзал и увёз из кассы 18000 рублей. Не больше и не меньше, явно намекая на ту сумму, которая была положена за его голову. Причем награбленное Зелимхан раздавал бедноте…

Приказом по Терской области властями был сформирован «временный охотничий отряд» во главе с войсковым старшиной Вербицким для уничтожения Зелимхана и его соратников. Но Зелимхан оставался неуловимым. Ни поймать, ни даже убить Зелимхана не могли. Не раз его окружали, но он каждый раз уходил от преследователей. Вокруг его имени складывались легенды. Говорили, что пули его не берут, что будто бы он их заговаривает.

Чтобы выманить Зелимхана, царские власти даже специально вернули из ссылки его семью. Ждали, что Зелимхан «клюнет» на приманку. Но все было тщетно…

И все-таки погоня кончилась. Офицер конного дагестанского полка Кибиров со своим отрядом в двадцать человек 6-й сотни Дагестанского полка 25 сентября 1913 года в семи верстах от Шали окружил хутор, в котором находился Зелимхан. В результате ожесточенного боя легендарный разбойник был убит. Поговаривали, что Зелимхана предали его братья-соучастники, недовольные тем, что тот в последнее время притих и тем самым лишил их заработка.

Однако вот как в современных источниках описывается гибель Зелимхана: «Получив предательский выстрел в спину, абрек отстреливался до глубокой ночи, однако был убит в ходе длительной перестрелки. Пораженные отвагой и мужеством абрека, каратели посмели подойти к его трупу только утром следующего дня. Утром и выяснилось, что абрек держал оборону всю ночь, уже будучи крайне тяжелораненым. На его теле насчитали 32 раны».

Русские официальные издания живописали, как благодарен чеченский народ за избавление от кровавого бандита. А некоторые старейшины, религиозные авторитеты и богатые чеченцы подписали приветственный адрес поручику Кибирову, командовавшему «летучим отрядом», и даже собрали деньги, от которых поручик, как он рассказывал, отказался. Тогда ему подарили драгоценную шашку, принадлежавшую, по легенде, имаму Шамилю.

Разбойники или борцы за свободу?

Деятельность самых известных кавказских абреков, в том числе и Зелимхана, пришлась на второе десятилетие XIX века. Хотя после тяжелой и кровопролитной Кавказской войны прошло уже почти полвека, до «замирения» было еще далеко.

По словам историка Владимира Бобровникова, становление «абречества» относится именно к периоду Кавказской войны, хотя Кавказ всегда считался «разбойничьим гнездом». Русские авторы тех времен писали, что кавказские горцы вообще только и занимались набегами, грабежами и убийствами. Правда, обличители горцев никогда не говорили о том, что во время Кавказской войны подобные жестокости совершались с обеих сторон…

Считается, что слово «абрек» происходит от иранского слова, обозначавшего «бродяга, грабитель». У кавказских горцев этот термин стал обозначать князя или дворянина, изгнанного из общества за проступок или преступление. В русском же языке «абрек» стал символом любого «немирного горца». После же завоевания Кавказа абречество стало не только формой разбоя, но и национальной защитной реакцией против «русского господства». Самими горцами оно воспринималось как продолжение удальства или «хищничества» местных джигитов.

На рубеже XIX – XX веков абречество временно стихает, но во время Первой русской революции, отозвавшейся и на Кав-

казе, оно снова разгорается. По всему Кавказу бродили шайки, нападавшие на богатых и на представителей властей. К началу Первой мировой войны властям удалось истребить вожаков-разбойников, и Кавказ снова был замирен. Однако, как оказалось, ненадолго.

Во время Гражданской войны на Кавказе снова хозяйничали отряды горцев, и советской власти удалось победить, только склонив на свою сторону большинство главарей этих разбойничьих шаек. Правда, и в 1920-х, и в 1930-х годах в горах нет-нет да и появлялись банды горцев, поэтому властям приходилось держать на Кавказе в постоянной готовности определенное количество войск.

Когда в конце войны многие кавказские народы подверглись депортации, отряды НКВД действовали очень жестоко, подавив всякое сопротивление. Кавказ в очередной раз «замирили», но нанесли тем самым такую тяжелую национальную рану, которая не зажила и по сей день. Горцы – гордый народ, и не прощают нанесенных им унижений.

Кавказский Робин Гуд?

Знаменитого Зелимхана не забывали в Чечне, причем многие пытались использовать его имя в своих целях. Несмотря на то, что он был врагом, его уважали за отвагу и геройство. Недаром сразу после его гибели во Владикавказе была издана серия открыток, в которых был запечатлен казачий отряд возле тела поверженного Зелимхана, семья абрека, его «любимая крепость» Сандукели.

После революции Зелимхана представляли как «борца за счастье трудового народа», сражавшегося с ненавистным царским самодержавием, эдакого «чеченского Робин Гуда».

Традиция героизации кавказских разбойников продолжалась и дальше в советское время.

В 1926 году на студии «Восток-кино» был снят художественный (тогда еще немой) фильм «Зелимхан». Он сохранился не

полностью, но и сегодня смотрится как захватывающий романтический триллер. В 1967 году вышел роман «Зелимхан», созданный классиком современной чеченской литературы Магометом Мамакаевым. В нем Зелимхан также представал благородным разбойником.

В нынешнем году в родном селе Зелимхана Харачой почтить память легендарного абрека пришли его потомки, старейшины села и местные жители. Как рассказал его внук, Зелимхан особенно ценил мужество. В отдельных случаях, восхищаясь храбростью русских офицеров, преследовавших его отряды, проявлял великодушие даже к тем, кто попадал к нему в плен. Соблюдая с ними вековые обычаи горского гостеприимства, он оставлял им личное оружие, оберегал их, не допуская расправы.

Зелимхан никогда не действовал тайно от властей и всегда предупреждал противника о своем визите. Старейшины села призвали молодежь помнить своих национальных героев.

Об одном из них с некоторых пор напоминает еще и памятник, установленный на въезде на историческую родину Зелимхана. Впервые его установили еще в 1970-х годах, затем памятник несколько раз разрушали во время чеченских войн… Теперь памятник снова восстановлен. На камне сидит усталый джигит с винтовкой, погруженный в свои невеселые думы, а рядом пасется верный конь…

Действительно, для многих жителей Кавказа по сей день Зелимхан является предметом национальной гордости, что еще раз показывает, насколько сложный и совершенно непонятный для европейца мир складывался веками на Кавказе.

Мир, в котором торжествуют совсем иные традиции и ценности, нежели в Европе или даже в «европеизированной России». Они могут нравиться или нет, но не признавать, что они существуют, просто нельзя. И хотим мы того или нет, но молва о благородном Зелимхане, которого мы бы посчитали просто отъявленным террористом-уголовником, еще долго будет жить на Кавказе.

НАМЕСТНИК ГОР

В. Лавров-Земский
Санкт-Петербургские ведомости.
№ 234 от 04.12.2013 г. В сокр.

В царское время его считали врагом, в советское – борцом с самодержавием, а ныне – национальным героем

«Владикавказ облетела сенсационная весть: убит глава кавказских бандитов, легендарный абрек Зелимхан, столько лет наводивший панику на весь Кавказ, – сообщали в конце сентября 1913 года петербургские газеты. – Последнее выступление Зелимхана в Терской области имело место 11 декабря 1909 года. Тогда, как известно, была открыта пещера, в которой скрывался неуловимый разбойник. Зелимхан был окружен. Почти целый день велась перестрелка. Но Зелимхан все-таки бежал. С тех пор о нем не было никаких известий». Специальные агенты несколько лет занимались его розысками и поимкой, и только осенью 1913 года его настиг «летучий отряд» казаков.

Известие о смерти Зелимхана обошло все российские газеты, а во Владикавказе вышла даже серия открыток (одна из них – перед вами), на которых был запечатлен отряд казаков возле убитого Зелимхана, его семейство, его «любимая крепость» Сандукели и даже место последнего боя...

Сто лет назад петербургских обывателей старались убедить, что на самом деле Зелимхан стал абреком поневоле или по воле случая. Пресса задавалась вопросом: «Кто такой Зелимхан и откуда он явился?»...

Зелимхану Гушмазукаеву (или Зелиману Харачоевскому) не было еще и 45 лет, когда его убили. А начиналось все с того, что он вроде бы защищал честь своей семьи – отомстил традиционной на Кавказе «кровной местью». Впоследствии между враждующими семьями произошло перемирие, но при дознании, как потом выяснилось, местному полицейскому была дана взятка,

чтобы он указал именно на Зелимхана как главного виновника случившегося. В итоге в мае 1901 года по акту «кровной мести» его, а также отца и брата осудили на три с половиной года в арестантские роты. Потом Зелимхана перевели в грозненскую тюрьму, из которой он вскоре совершил побег. После чего стал абреком и объявил власти войну. Неуловимость Зелимхана в течение многих лет (с 1901 по 1913 гг.) стяжала ему, как сообщалось в донесениях в Петербург, славу среди «туземцев», а громкие успехи сделали его народным героем. В нагорных селениях Чечни ему даже было присвоено прозвище «наместника гор». ...

Одним из самых громких дел Зелимхана стало нападение в 1910 году на Кизляр. Переодевшись казаками, участники его отряда ограбили городской банк. Но при этом, как утверждала молва, Зелимхан заблаговременно предупредил власти о предстоящем нападении и даже сообщил о месте и времени планируемой операции. Вот тогда-то приказом по Терской области властями и был сформирован «временный охотничий отряд» во главе с войсковым старшиной Вербицким для уничтожения Зелимхана и его соратников.

Лишь в 1913 году нашелся все-таки человек, который сообщил властям о его местонахождении. 25 сентября отряд под командованием поручика Георгия Кибирова, считавшего Зелимхана своим «кровником», напал на след абрека. Зелимхан был окружен около села Шали и в результате продолжительного и кровопролитного боя погиб.

Позже кто-то из его биографов остроумно заметил: «Однако большевикам так и не удалось установить контакт с Зелимханом, о чем они, конечно, впоследствии очень сожалели, ведь из Зелимхана мог получиться еще один Котовский». После революции абрек Зелимхан стал чуть ли не национальным героем, борцом с царским самодержавием. Помнят Зелимхана и сегодня в Чечне. Памятник ему стоит на въезде в его родное село Харачой.

«В ЧЕРЕПЕ БЫЛО ШЕСТЬ СКВОЗНЫХ РАН»

Коммерсстъ-властъ. №35 (689), 04.09.2006
В сокращении.

«Злободневный Зелимхан Гушмазукаев»

...На Кавказе до сих пор с любовью вспоминают храброго и неуловимого чеченского абрека».Представители администрации Терской области, в состав которой до революции входила Чечня, также считали его неординарным человеком. К примеру, служивший в Грозном полковник В. Козачковский еще до ликвидации Зелимхана писал: «Самым интересным разбойником в бытовом отношении является злободневный Зелимхан Гушмазукаев. Прежде просто вора, а затем разбойника и хищника Зелимхана создало время и обстоятельства. Зелимханы в Чечне были всегда – это пережиток старой страсти туземцев к набегам, но им не давали развиваться. За последнее же время неудовлетворительный состав администрации Терской области дал возможность Зелимхану беспрепятственно пройти воровскую школу и затем сделать себе разбойничью карьеру. Ежедневные воровские операции (ночные по преимуществу) укрепили и без того сильное тело Зелимхана и выработали в нем необычайно смелый, подвижный ум и поразительную находчивость. Эти качества создали из него тот воровской тип, который принято называть неуловимым и от которого, теряя всякое терпение, администрация отделывается административной высылкой. Кандидатом на нее Зелимхан и был в начале 1900 г. Но случай сделал поворот в жизни Зелимхана».

Описания этого события в различных версиях жизни и смерти Зелимхана если и отличаются, то лишь незначительными деталями. Брат Зелимхана влюбился в односельчанку, уже просватанную за представителя более знатного и многочисленного рода. Не долго думая, братья умыкнули девушку, однако старей-

шины села постановили вернуть пленницу родным. Девушка вышла замуж, но Зелимхан объявил, что все равно сделает ее женой своего брата.

Романтическая часть истории на этом завершилась. В ходе распри обе стороны понесли потери, и, видимо, чтобы не допустить разрастания вендетты, начальник Веденского округа решил арестовать и предать суду зачинщиков конфликта – Зелимхана, его брата и отца, участвовавших в убийствах. В 1901 г. их приговорили к сравнительно небольшому сроку заключения, но летом того же года вернули в грозненскую тюрьму для нового рассмотрения дела. Пересмотра приговора Зелимхан ждать не стал и, проломив пол камеры и заколов часового, вместе с отцом и братом бежал. Для всех оказавшихся вне закона горцев существовал только один путь – в абреки.

«Постоянной шайки у Зелимхана не было никогда»

В первые же годы абречества Зелимхан прославился на всю Россию. Он дважды успешно совершал ограбления в Грозном, который охраняли от набегов горцев милиция из местных жителей, две пехотные части и казачий полк. Первое из них, весной 1907 г., полковник Козачковский описывал так: «В сумерках, в самый разгар вечернего движения по главным улицам и гулянья в городском саду, Зелимхан тихо и спокойно ограбил ювелирный магазин, который помещался в самом центре города, против городского сада, рядом с квартирой начальника округа и его управлением, где дежурил целый пост милиции, и всего в 400 шагах от казармы сотни казачьего полка. Гулявшие на бульваре и входившие в сад видели, как в сумерках мимо ворот сада шагом проехала команда казаков человек в 15. Подъехав к магазину, команда остановилась у панели, трое спешились и вошли в магазин, а остальные остались на котах. Войдя в магазин, разбойники (шайка Зелимхана) крикнули по-русски: «Ни с места!». Двое стали с ружьями у двери, а один спокойно, не спеша

стал выбирать из наличников золотые вещи, потом золотые и серебряные часы, аккуратно позащелкивал все ящики и, сложив все бережно в сумочку, тихо дал знак стоявшим у дверей, и те молча вышли из магазина. Как только они сели на коней, Зелимхан, переодетый офицером, пустил команду вдоль улицы с места в карьер.

Проскочив мимо казармы пехотного полка, шайка рассеялась по полю. Зная, что в почтово-телеграфном отделении есть воинский караул, шайка, проскакав мимо конторы, произвела в освещенные окна несколько выстрелов, из коих одним наповал был убит работавший за аппаратом телеграфист. Всего через полчаса сотня казаков была уже на конях, но в поле уже никого не нашла. Очевидцы говорили, что видели, как некоторые из разбойников возвращались в свои аулы через город». По той же схеме было произведено нападение на казначейство в Кизляре, в ходе которого было убито немало стражников и прибежавших им на помощь солдат. Причем на этот раз сам Зелимхан письмом предупредил начальника округа о налете на казначейство, но вновь ушел от преследования. Столь же легко Зелимхану удавались и другие акции.

«Кроме убийств, – писал генерал князь Д. Багратион, – Зелимхан изощрялся еще в добывании денег взятием в плен капиталистов, которых держал при себе до тех пор, пока родственники не уплатят ему назначенную сумму за выкуп пленника». Полученные таким образом суммы (18-20 тысяч рублей) значительно превышали те, что Зелимхану удавалось добыть в ходе налетов, да и риск, как правило, оказывался значительно меньшим. Правда, после похищения богатого овцевода Месяцева за абреком была выслана погоня, но он снова смог ускользнуть вместе с пленником.

Неуловимость Зелимхана объяснялась прежде всего совершенно правильно выбранной им тактикой. «Переменный состав шайки, – писал Козачковский, – есть особенность зелимханов-

ских разбоев.». Эта предосторожность, очевидно, объясняется тем, что немало абреков сделалось жертвой товарищей, подкупленных кровниками или администрацией. Передают, что у Зелимхана есть список, в котором ведется учет всему преступному элементу Терской области по категориям. На первом плане беглецы-каторжники, затем в порядке постепенности идут, беглецы, скрывающиеся от суда и следствия, которым по заочным приговорам тоже грозит каторга, затем идут беглецы административно – высланные, и последняя категория – просто воры, как проводники. У каждого из них Зелимхан всегда находил радушный прием, который всегда, между прочим, щедро оплачивал. Задумав разбой, Зелимхан является в намеченный район, призывает опытнейших из злодеев, совместно составляет план разбоев и намечает состав шайки. Выехав на разбой, он собирает шайку только по пути и тут только объясняет цель и план набега. Этим-то и объясняяется неуловимость Зелимхана и его шайки, которая собирается всего не более как на один-два дня, а после совершения разбоя быстро разбегается разными дорогами по своим аулам».

По словам полковника Козачковского, чаще всего, Зелимхан набирал людей из аулов Старая Сунжа и Алды: «Старо-Сунженский аул, расположенный всего в 2-х верстах от города Грозного, – это отселок родного Зелимхану аула Харачой, выселенного сюда с гор лет сорок назад за разбои и воровство. Таким образом, Зелимхан был здесь всегда своим человеком. Это разбойничье гнездо, которое живет за счет жителей города Грозного и нефтяных промыслов. Сколько ни было разбоев и грабежей в Грозном и его окрестностях, следы каждый раз приводили если не в этот аул, то в соседний Алдынский, по другую сторону города Грозного. Жители города Грозного и окрестных станиц не раз возбуждали ходатайство о выселении этих аулов в горы, но власть находит эту меру жестокой, и оба аула продолжают жить воровством и грабежами».

«Полиция не приняла решительно никаких мер»

Однако главной причиной неуловимости Зелимхана были просчеты русской администрации. Описания этих просчетов читаются удивительно свежо. Назначенных руководить поимкой самого известного абрека опытных, но строптивых казачьих командиров неожиданно заменяли никогда не служившими на Кавказе, но покладистыми офицерами других родов войск. А во время похода Зелимхана на Кизляр власти продемонстрировали вопиющую несогласованность в работе различных ведомств. Тогда на помощь чеченским абрекам Зелимхан вызвал 20 ингушей, которые должны были проехать мимо Грозного и соединиться с основными силами к югу от города.

Из сообщений агентуры были известны и численность, и маршрут, и точное место встречи. Но за безопасность Грозного и его окрестностей отвечали казачий атаман отдела, начальник гражданской администрации города и начальник войск. Все они жили по соседству друг с другом, но вместо того, чтобы встретиться и оперативно решить вопрос поимки абреков, благо сил было достаточно, вступили в длительную переписку, завершив ее, лишь когда кизлярское казначейство было ограблено. Мало того, предупрежденный Зелимханом о нападении начальник Кизлярского округа войсковой старшина Вербицкий приказал местной полиции принять все меры для защиты казначейства. «Кизлярская полиция ничего не сообщила начальнику гарнизона и сама не приняла решительно никаких мер», – писал Козачковский.

Не один раз в устроенные Зелимханом засады попадали большие и малые воинские подразделения. Причем даже в тех случаях, когда знали о готовящейся засаде. Так, князь Андронников, сопровождавший арестованную семью Зелимхана, несмотря на предупреждение его жены, все-таки повел свой отряд через узкое ущелье, в котором большая часть солдат и сам князь были перебиты.

Власти многократно узнавали о местах ночлега Зелимхана и организовывали спецоперации по его поимке. Однако, как и в наши дни, абреки с легкостью проходили через плотное кольцо оцепления. Потом русские военные рассказывали абсолютно невероятные истории о том, как к пещере, где был блокирован Зелимхан, поползли, как муравьи, несметные толпы чеченцев, а когда их отогнали, оказалось, что с ними ушел главный абрек. Или с живописными деталями докладывали, что Зелимхан сбросил самовар и кухонную утварь, завернутые в бурку, со скалы, тем самым отвлек их внимание, а сам в это время бежал. Гораздо реальнее выглядит версия, гласящая, что русские солдаты, опасаясь за свою жизнь, просто расступались и пропускали абреков подобру-поздорову.

Но самое интересное заключалось в том, что по количеству сообщений об успешной ликвидации с Зелимханом не мог бы сравниться никакой Шамиль Басаев. Его «убивали» бессчетное число раз и всегда по одной схеме. К русским офицерам или чиновникам являлся чеченец и предлагал за немалую плату выдать Зелимхана. Потом действительно вел в лес или аул и показывал человека, которого сравнительно легко убивали. Информатор получал деньги и исчезал навсегда. А затем оказывалось, что он руками русских солдат ликвидировал своего кровника и при этом отлично заработал. Однако желание убить Зелимхана было столь велико, что власти раз за разом наступали на одни и те же грабли.

Регулярные объявления о смерти Зелимхана и неизменно следовавшие за ним воскрешения подняли авторитет абрека на небывалую высоту. Такую, что у него почти не было необходимости в налетах или захвате заложников. Богатые русские, как и богатые чеченцы, находили у себя во дворах записки от Зелимхана с приказом принести указанную им сумму в определенное место. Тех, кто имел смелость ослушаться, предупреждали еще раз и поднимали цену. Если же деньги не появлялись в назначенном месте, виновника попросту убивали. Правда, кроме оборотных средств, это приносило Зелимхану много новых врагов.

«Возложено секретное служебное поручение»

Самым эффективным оружием в борьбе против Зелимхана оказались его кровники. Как вспоминали современники, после одного из налетов он приказал своим абрекам разделиться, чтобы сбить преследователей со следа, а сам свернул в совершенно другую сторону вместе с братом и отцом. Но входившие в русский отряд кровники Зелимхана, чеченцы, не попались на эту удочку. Застигнутый врасплох Зелимхан, как утверждали его недруги, бежал без оружия и папахи, а его близкие были убиты.

К тому же весь опыт борьбы с абреками свидетельствовал, что их чаще всего выдавали или убивали кровники. Оставалось только найти подходящую кандидатуру, которой власти смогли бы доверять. И такой человек нашелся в рядах русской армии. Поручик Георгий Кибиров из осетин-казаков подходил на роль идеально. Православный, но не чуждый законам гор, он хотел отомстить Зелимхану за смерть дяди – начальника Веденского округа полковника Галаева – и гибель своих однополчан по Дагестанскому конному полку которые попали в засаду устроенную Зелимханом и его людьми. К этому следовало прибавить силу и смелость Кибирова, добровольно ушедшего на Русско-японскую войну, а также его уязвленное самолюбие. Георгий Кибиров получил офицерское звание на фронте, но сдать полагавшийся для дальнейшего продвижения по службе офицерский экзамен при кавалерийском училище оказался не в силах. Так что ему, выходцу из семьи, где большинство мужчин дослуживались до высоких чинов, светило навсегда остаться младшим офицером. Преодолеть препятствие на карьерном пути он мог, только совершив подвиг, к которому, без сомнения, была бы отнесена ликвидация Зелимхана.

Как следует из воспоминаний Кибирова, он взялся за дело в 1913 г. лишь после того, как получил от командира полка приказ о предоставлении ему особых полномочий: «С разрешения начальника Терской области и наказного атамана Терского ка-

зачьего войска на поручика, вверенного мне Дагестанского конного полка Кибирова, мною возложено секретное служебное поручение, для чего беспрекословно и немедленно давать поручику Кибирову войсковую часть или команду по его требованию, не спрашивая, для какой цели». Причем ни о том, что ему приказано взять или убить Зелимхана, ни о том, что у него есть особые полномочия, не знал даже его непосредственный начальник – командир сотни. Прекрасно зная, что доверять агентам-чеченцам нельзя, поручик Кибиров начал поиск информации о Зелимхане лично. Прежде всего, он настоял на возвращении семьи Зелимхана из ссылки, предполагая, во-первых, что абрек станет держаться вблизи жен и детей, хотя бы для того, чтобы уберечь их от кровников. А во-вторых, зная о говорливости чеченских женщин, поручик надеялся получить от жен Зелимхана как можно больше информации о его привычках и характере.

Ожидания Кибирова оправдались в полной мере. За два года пребывания в ссылке семья Зелимхана не только освоила русский язык, но и, будучи предметом постоянного внимания, привыкла к общению с посторонними. Так что выудить сведения о Зелимхане не составило особого труда. Но о том, где находится абрек и чем он занимается, они если и знали, то не говорили. И здесь Кибиров решил использовать особенности чеченского быта. «Давно приглядевшись к жизни аулов, – вспоминал Кибиров, – я заметил, что в обычае у чеченцев устраивать вечеринки, на которые сходятся соседи, и кунаки засиживаются у гостеприимных хозяев иной раз далеко за полночь. Аул Шали довольно большой и зажиточный, есть и каменные дома, поэтому с наступлением темноты по улицам аула то и дело гуляют с одной вечеринки на другую целые компании. Там в беседах передают все животрепещущие новости, заменяя этим, так сказать, повседневную газету. Словом, сведения, передаваемые на этих собеседованиях, верное отражение событий дня для данного района». Но кунаки не слишком охотно делились информацией с

офицером русской армии. И тогда Кибиров начал переодеваться и выдавать себя за простого горца. Достаточно скоро он смог войти в доверие к чеченской семье, у которой время от времени ночевал знаменитый абрек, и, по всей видимости, с помощью новых друзей, смог выйти на людей, имеющих постоянные контакты с Зелимханом.

Его воспоминания о тех событиях не отличаются полнотой, и он явно многое скрывал даже от собственного начальства. Но из его обрывочных слов следует, что он начал с доверенными людьми Зелимхана сложную игру. Кибиров, видимо, изображал, что хочет перейти на сторону абреков. А чтобы не называемые им люди поверили ему, предложил им не только деньги, но и самое ценное, что мог пожелать чеченец, – разрешение на ношение оружия. Для имевших кровников горцев такие бумаги по цене равнялись жизни. Так что оба клюнули и пошли на контакт.

«Насчитали 32 раны»

Меньше всего поручик хотел обознаться. Он хотел иметь совершенно точную примету, по которой можно было бы опознать Зелимхана, и потому настоял на том, чтобы ему организовали встречу с абреком. Ничего нереального в этом не было, поскольку Зелимхан всегда сам знакомился с кандидатами на участие в налетах. Так что после недолгого ожидания посредники в обмен на заветные бумаги повели Кибирова к прятавшемуся в лесу абреку. Встреча оказалась недолгой и нетеплой. Но поручик запомнил номер винтовки Зелимхана, с которой тот, по слухам, не расставался, – 22875.

Вот только, получив разрешения на оружие, посредники не спешили устраивать новые встречи с Зелимханом и стали просить у Кибирова оружие и боеприпасы. Как вспоминал поручик, он решил рискнуть и дал патроны. Но сам установил за посредниками слежку. В тот же день, 25 сентября 1913 г. по старому стилю, он увидел, как несколько человек, явно абреки, вместе с

его посредниками уходят в сторону леса. Причем туда, где есть только одно место для стоянки – две старые сакли.

Все это время, помимо разведывательной работы, Кибиров готовил свой взвод к ночным неожиданным выездам в горы и ускоренным маршам в темноте. Так его конники были всегда готовы к срочному выступлению. На этот раз, оставив в казарме больных и чеченцев, поручик поднял конников по тревоге и пошел по следу абреков. Поручик приказал солдатам поклясться на Коране, что все останется в тайне, и пообещал собственноручно пристрелить любого, кто попытается отстать.

Кибиров учел ошибки, которые совершались ранее при попытках поймать Зелимхана. По прибытии к саклям он приказал окружить их плотным кольцом и никому не сходить с места ни при каких обстоятельствах. В первые же минуты, как вспоминал Кибиров, он был ранен в руку, а затем начался дождь. Зелимхан попытался пройти через оцепление, но дагестанцы не двигались с места, и абреку пришлось вернуться в саклю.

Развязка наступила утром. Зелимхан пошел на новую хитрость. Он вышел из сакли, сказал, что пришло время молиться, и позвал дагестанцев совершить вместе с ним намаз. Но они выполнили команду Кибирова и начали стрелять. Зелимхан отстреливался, падал и вставал снова. Когда он упал окончательно, дагестанцы окружили его и с азартом, как вспоминал поручик, начали палить в труп.

Когда потерявший сознание от потери крови Кибиров пришел в себя, он первым делом проверил номер винтовки. Он в точности совпадал. «Труп Зелимхана, – вспоминал поручик, – в котором насчитали 32 раны, лежал на спине. В черепе было шесть сквозных ран». Среди участников спецоперации потери ограничились восемью ранеными, включая Кибирова.

Затем начался процесс опознания, на который вызывали сначала односельчан Зелимхана, а затем его семью. Русские официальные издания живописали, как благодарен чеченский народ за избавление от кровавого бандита. А некоторые старейшины,

религиозные авторитеты и богатые чеченцы подписали приветственный адрес Кибирову и собрали деньги, от которых поручик, как он рассказывал, отказался. Тогда ему подарили драгоценную шашку, принадлежавшую, по легенде, имаму Шамилю. Вполне возможно, что этот порыв бывших данников Зелимхана был вполне искренним.

А вот родина не торопилась поблагодарить своего героя. Вместо обещанных высоких наград он был представлен лишь к ордену Св. Владимира 4-й степени. А его солдаты получили только медали за храбрость. Рана долго не заживала, и поручика отправили в Петербург. И лишь там, после визитов в госпиталь военного министра, великих князей и императора, решился вопрос о присвоении ему следующего офицерского звания.

Вокруг жизни и смерти Зелимхана стали складываться легенды – одна другой краше и дальше от истины. Кавказская газета «Терек» иронизировала: «Если бы Зелимхан мог прочесть все, что о нем пишут в столичных газетах, он вряд ли бы узнал себя». После революции его объявили главным борцом с царизмом на Северном Кавказе. О нем писали книги, сняли фильм. Попутно решались и текущие идеологические вопросы. К примеру, на волне борьбы с религиозным дурманом возникла версия, что Зелимхана предали духовные авторитеты. Имела ли она под собой какие-либо реальные основания, не имело никакого значения. Кибиров на долгие годы был проклят, опыт его спецоперации прочно забыт. Но, судя по ликвидациям видных боевиков, забыт не окончательно. Как оказались востребованными и рекомендации полковника Козачковского, призывавшего амнистировать абреков: «Разбойник, убедившийся в истинном сердечном расположении власти к населению и участии к его, разбойника, личности, способен оценить это так, как и не всякий даже рядовой обыватель. Разбойник чуток ко всему, что только сделается для него доброго. Он высоко ценит человеческое отношение к нему и его близким. Дайте понять этому зверю, что он человек, достойный сожаления, и вы искренно готовы прийти к нему на помощь, и зверь очнется».

СМЕРТЬ ЛЕГЕНДАРНОГО ЗЕЛИМХАНА

С. Глезеров. «Невское Время ». 01.10.2003

Девяносто лет назад, в конце сентября 1913 г., в Петербург из Чечни пришло по телеграфу краткое известие, которого власти ждали многие годы: убит знаменитый кавказский разбойник Зелимхан Гушмазукаев. Его называли «легендарным бандитом XX века», «полумифическим разбойником».

Гроза и гордость Кавказа

«Убит абрек, вокруг имени которого создалась грандиозная кровавая легенда, который в течение десяти лет наводил трепет на Чечню и Дагестан, – писала на следующий день одна из петербургских газет. – Зелимхан – разбойник, окруженный ореолом кровавой славы, гроза и гордость Кавказа. Бандит, кровавые похождения которого похожи на средневековые легенды. Имя, которое известно на Кавказе всем, даже маленьким детям».

На его совести было около полутора сотен убийств. С шайкой отчаянных головорезов он совершал нападения не только на хутора и отдельных путников, но не боялся вступать и в прямые схватки с властью. На его счету были нападения на вокзал в Грозном, ограбление средь бела дня казначейства в Кизляре и другие преступления.

За голову Зелимхана давно была назначена награда в 18 тысяч рублей. Десять лет русская администрация на Кавказе вела с ним борьбу, но он оставался неуловимым. Ни поймать, ни даже убить Зелимхана не могли. Не раз его окружали, но он каждый раз уходил от преследователей. Вокруг его имени складывались легенды. Говорили, что пули его не берут, будто бы он их заговаривает. И все-таки погоня кончилась.

Офицер конного дагестанского полка Кибиров со своим отрядом в двадцать человек 6-й сотни Дагестанского полка 25 сен-

тября 1913 г. в семи верстах от Шали окружил хутор, в котором находился Зелимхан. В результате короткого, но жестокого боя бандит был убит. Поговаривали, что Зелимхана предали его братья-соучастники, недовольные тем, что тот в последнее время притих и тем самым лишил их заработка.

НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ПОРТРЕТУ ЗЕЛИМХАНА

Извл. из С.Бадаев, М.Вачагаев.
«Кто предал Зелимхана?» г-та «Республика» 10.09.1990 г.

В этой работе мы не претендуем и на роль единственных носителей истины. Но, думается, эти несколько штрихов к портрету Зелимхана будут интересны всем.

Состоял ли Зелимхан в партии

Так уж повелось, что, говоря о личных качествах и подвигах Зелимхана, мы часто забываем рассмотреть вопрос о политических воззрениях знаменитого абрека.

Соотношение между именем Зелимхана и политической борьбой того периода российской истории – это вопрос, вокруг которого возникали споры и среди старой российской интеллигенции. Обычно консервативная ее часть отрицала всякую «политику» в действиях абрека, говоря, что он не смог бы занять в Чечне место политического деятеля, подобно Бибулату Таймиеву или Байсангуру Беноевскому, если бы такая возможность появилась. Другая прогрессивная часть, придерживалась иной точки зрения. Свидетельством тому являются слухи, которые в свое время будоражили умы современников Зелимхана – о якобы его принадлежности к партии анархистов. Эти слухи отмечались даже столичной, петербургской и московской печатью. Их, скорее всего, породила красная печать, которую абрек при-

кладывал к различного рода вспомогательным письмам и другим документам. Свидетельством наличия этой печати является опись, которая была произведена из попавших в руки властей вещей абрека после одной из засад.

«...Кожаная сумка через плечо и плечевым ремнем желтой кожи с двумя отделени-ями, в которой: 1. Вырезка из «Одесской газеты» за 1910 год с изображением Зелимхана и надписью внизу: «Кавказский разбойник, голова которого оценена правительством в 8000 руб., и за поимкой коего ныне отправлено в горы несколько отрядов войск; ... 19. Печать и ее оттиск... Группа кавказских горных анархистов террористов. Атаман Зелимхан».

История этой печати такова (читаем у Казачковского): «В феврале 1911 года из Ростова-на-Дону во Владикавказ приехали какие-то два студента из партии анархистов, которые при помощи ингушей и чеченцев, посещающих Владикавказ, добились личного свидания с Зелимханом. Они объясняли Зелимхану задачу анархистов, то есть чего, якобы, весь русский рабочий народ добивается, и на прощание подарили ему специально изготовленную для него печать, красный флаг и четыре бомбы. Одна из этих бомб в июне месяце 1911 года была использована в городе Грозном на доме купца Шавелова, за невыполнение денежного требования. Красная печать имеет круглую форму величиной с пятикопеечную монету. На ней изображены два скрещенных ружья, внизу их рисунок сабли, по сторонам два револьвера, а кругом по краю надпись: «Группа кавказских горных анархистов-террористов. Атаман Зелимхан».

Народный заступник или бунтарь одиночка?

Если говорить о позиции нашей исторической науки, то она была более близка к воззрениям консервативной части дореволюционной интеллигенции, сводя всю деятельность харачоевского абрека к бунту одиночки. Исходя из этого, мы попытаемся изложить свою точку зрения, показав политическое значение

личности Зелимхана через призму его взаимоотношений с религиозными деятелями Чечни.

Просматривая документы, мы обнаружили, что царская администрация всячески старалась столкнуть его с муллами и шейхами. Именно с этой целью в 1913 году власти Веденского округа пускают слух о том, что шейха Бамат-Гирей-Хаджи Митаева высылают из родных краев, в основном, из-за разбойничьих действий Зелимхана. И если мюриды шейха представят абрека живым или мертвым, то Бамат-Гирей-Хаджи власти оставят в покое.

В ответ на это, сотни мюридов шейха ринулись в леса, чтобы найти Зелимхана. И неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы не вмешательство самого шейха, который через своих посредников (будучи уже арестованным), не передал своему старшему сыну Али (будущему шейху), чтобы мюриды немедленно прекратили преследование Зелимхана. После своей высылки из родного края, Митаев обязал мюридов чтить и уважать Зелимхана, так же, как н самого шейха.

8 мая 1913 года начальник Хасавюртовского округа докладывал начальнику Терской области:

«Полученным приставом слоб. Хасавюрт негласным сведениям житель селения Автуры, 3 участка Веденского округа, два сына Бамат-Гирей-Хаджи Митаева за наказание правительством их отца, с целью мести, вербуют из молодежи приверженцев шейха с целью присоединения к Зелимхану и совершения с ним ряда преступлений!... Зелимхан ожидает известия от братьев Митаевых о готовности шайки и тогда, присоединившись к ней, начнет руководить ею».

О том, как мюриды выполнили волю своего шейха, говорит и рапорт младшего офицера 6-й сотни Дагестанского полка поручика Кибирова на имя начальника Веденского округа Терской области:

«...Он (Зелимхан) на земле, даже в лесу Майртупском... Охрана его состоит из нескольких стариков – мюридов Бамат-Гирей-Хаджи...».

То есть, в каком бы селе он ни останавливался, если там имелись мюриды шейха Митаева, они брали его охрану на себя. Безусловно, вряд ли шейх и его люди оказывали бы Зелимхану столько почестей, будь он простым разбойником с большой дороги.

Его имя невозможно представить вне политического контекста. Такие, как Зелимхан Гушмазукаев, стояли в первых рядах борцов за справедливость. Человек, имя «второго в народных легендах и писаниях, человек, имя которого навсегда вошло в героический вайнахский эпос, – бессмертен. Хотя о смерти его нужно писать отдельно. Ибо смерть, которой умер Зелимхан, – достойна его.

Храбрый и щедрый рыцарь

Мы не создадим правдивой истории, если оставим хоть немного несправедливости по отношению к кому-нибудь. А несправедливость к Зелимхану Харачоевскому сохраняется десятилетиями. Вина это наша или беда? Скорее, и то, и другое.

Деля героев на партийных и непартийных и так далее, мы зашли в исторический тупик. Ведь даже царский полковник Казачковский писал: «Зелимхан административный определяется коротко – «вор и разбойник». Зелимхан же народный – это борец за правду, храбрый и щедрый рыцарь, это твердый последователь и смелый вождь воинственной секты «Зикра» и, наконец, – это защитник обиженных».

В 1987 году, будучи на музейно – архивной практике в Ленинграде, мы посетили Антропологический музей, где в разделе «Северокавказские горцы» увидели в фигуру под названием «Абрек». На наш вопрос: «По каким мотивам она выполнена?» – экскурсовод ответила просто: «Это Зелимхан». Так неужели мы, его соотечественники, не в силах создать памятник Зелимхану Харачоевскому, героям Кавказской н гражданской войн, назвать их именами площади и улицы, чтобы наши потомки не забывали имена своих героев?

ПАМЯТЬ О НЕМ ЖИВА

Р.Даутова. «Колхозная жизнь». 5.06.1970

Близ селения Харачой есть глубокие скальные навесы и пещеры. С ними связано имя легендарного чеченского абрека Зелимхана, родившегося и выросшего в Харачое.

В 1901 г. доведенный до отчаяния притеснениями царских сатрапов Зелимхан встал на трудный, полный опасностей путь бунтаря – одиночки. Будучи смелым человеком, он все свое немалое умение горца – охотника отдал беспощадной борьбе против ненавистных народу представителей царской администрации на Кавказе. Он всегда находил возможность заранее предупредить очередную жертву о грозящей ей мести, наивно надеясь, что опасность заставит «исправиться» военных и гражданских чиновников. И как бы не прятались от него враги, какими бы гарнизонами солдат ни защищали себя, пули Зелимхана находили их. Так, коменданта Веденской крепости храбрый абрек убил во время его прогулки по крепостному парку, выстрелив с противоположного склона ущелья, откуда считалось немыслимым попасть в человека, находящегося в укреплении.

Громкая слава Зелимхана заставила трепетать царских чиновников. Для того, чтобы поймать его, снаряжались целые карательные экспедиции, но Зелимхан был неуловим! Однажды его осадили в мрачных харачоевских пещерах на краю родного села. Все тропки перекрыли войска. Победные реляции неслись по инстанциям.Целый день отстреливался абрек, сея смерть в рядах врагов. А ночью по неприступной скале взобрался на хребет и ушел от облавы. И вновь жестоко мстил за обиды своего народа.

Зелимхан Харачоевский сложил голову в неравной борьбе в 1913 г. Методы борьбы абрека-одиночки, национальные предрассудки и, главное, отсутствие ясной перспективы борьбы предопределили его гибель. И все-таки невиданная по упорству, мужеству и удачливости битва одиночки снискала должную славу Зелимхану. Память о нем живет в горах.

НОВОЕ СКАЗАНИЕ О ЛЕГЕНДАРНОМ АБРЕКЕ ЗЕЛИМХАНЕ

Аза Газиева г-та «Вести Республики» №227 (2411). В сокращении.

Долгими зимними вечерами мой дед, в прошлом лихой наездник и узник сталинских лагерей, любил рассказывать занимательные истории из своего далекого детства. Его рассказы изобиловали чудными портретами мужественных и самоотверженных людей. Нередко в своих содержательных рассказах дед возвращался к легендарной фигуре абрека Зелимхана. Для моего деда абрек Зелимхан был воплощением настоящего чеченца. Трепетную любовь к народным героям дед целенаправленно прививал и своим многочисленным внукам. По рассказам деда, абречество не было для Зелимхана самоцелью. Он был заступником обездоленных людей. Особой гордостью в воспоминаниях деда был эпизод, который ему пришлось наблюдать собственными глазами в октябре 1912 года.

Многие старосунженцы тех времен знали, что абрек Зелимхан иногда гостит в их селе, в семьях своих однотейповцев-харачоевцев. Каждый мальчишка мечтал хотя бы один раз в жизни своими глазами увидеть героя. Но Зелимхан приходил тихо и незаметно и также тихо уходил, под покровом ночи. Только на следующий день по селу расползались слухи, что у того или иного харачоевца прошлой ночью гостил сам абрек Зелимхан. Так было и в октябре 1912 года.

Большинство жителей Старой Сунжи не знало, что легендарный абрек гостит этим вечером у Шахаба Адуева. Однако внезапно к селу подступили войска, вооруженные всеми видами оружия, как выяснилось потом, для поимки одного человека. Вездесущие мальчишки быстро разнесли весть по селу. Разумеется, дошла эта весть и до Адуевых. Они приготовились к бою. Ведь не в правилах настоящих чеченцев сдавать гостя, если даже этого требует армия всего мира. А тут всего несколь-

ко полков и десяток чванливых офицеров, которые до рассвета так и не рискнули подступить к дому, где укрывался Зелимхан Харачоевский.

Когда дом все-таки окружили, и начали раздаваться крики: «Зелимхан, сдавайся, все равно тебе не уйти, дом окружен!», абрек Зелимхан правой ногой выбил окно и, как раненный орел, буквально вылетел из проема, держа в обеих руках по пистолету, и двинулся к лесу, отстреливаясь на ходу.

Конечно, Адуевы смертоносным огнем прикрывали отход своего дорогого гостя. На помощь к ним примчались и другие соседи. Бой длился несколько часов и убито там, по рассказам моего деда, очевидца тех событий, намного больше людей, нежели указано в официальных рапортах царских военачальников, приведенных в книге «Рыцарь чести».

Книга получила широкий резонанс. Она востребована читателями. Лично у меня книга всколыхнула целый рой воспоминаний. Книга вкратце рисует картину боя в Старой Сунже, указывая, что Хасу Адуев погиб, а его родной брат Шахаб был ранен. Но вскоре после этого злополучного боя от полученных ран скончался и Шахаб. Он был совсем еще молодым человеком, совсем недавно женился и в его семье уже появился первенец, звали Али.

Али пережил депортацию. Был очень интеллигентным и богобоязненным человеком. В те атеистические годы советского застоя он был единственным муллой на весь наш квартал. Безотказно читал мовлид в каждой семье. Мы его все любили. Он был очень добродушным и приветливым старцем. Была у него одна единственная дочь Таус. Али давно умер. Но дочь его, к счастью, еще жива. Она также скромно, как и ее родители, живет, даже не подозревая, что является частью горькой истории нашего многострадального народа....

Сделано благое дело. Заполнена еще одна страница истории нашего народа. И белых пятен в ней благодаря книге «Рыцарь чести» В. Бибулатова стало на одну биографию меньше.

ЗЕЛИМХАН В СТАРОЙ СУНЖЕ

Газета «Республика». Февраль 1991 года

Одним из громких дел, связанных с Зелимханом Гушмазукаевым, считается спасение 15 октября 1911 г. знаменитого абрека из окруженного царскими солдатами аула Старая Сунжа (Соьлжа). По крайней мере, В. Козачковский в своей книге «Разбои на Кавказе», изданной во Владикавказе в 1913 г., называет «разбой в ауле Старо-Сунженском» одним из «самых дерзких его разбоев». Вот как описал этот «дерзкий разбой» представитель царской военной казачьей администрации на Кавказе В. Козачковский:

«Начальник военного отряда ночью 15 октября получил известие, что в эту ночь Зелимхан с шайкой должен ночевать в двух верстах от гор. Грозного, в Старо-Сунженском ауле, в сакле некоего Адуева, известного вора. Отсюда, по слухам, Зелимхан думал сделать нападение на Грозненскую ярмарку. Старо – Сунженский аул, расположенный всего в двух верстах от города Грозного, это отселок родного Зелимхану аула Харачой, выселенного сюда из гор лет сорок назад за разбои и воровство. Таким образом, Зелимхан был здесь всегда своим человеком. Жители города Грозного и окрестных станиц не раз возбуждали ходатайство о выселении этих аулов (Старой Сунжи и Алды. – Д. Х.) в горы, но власть находит эту меру жестокой, и оба аула продолжают жить воровством и грабежами.

15 октября, по получении известия о нахождении Зелимхана в Старо – Сунженском ауле, начальник военного отряда вызвал по телефону две роты Дагестанского-пехотного полка и сотню казаков и в два часа ночи подошел к аулу. Ночь была темная, и шел дождь. Аул был оцеплен только перед рассветом. Оцепление самой сакли Адуева было поручено поручику Дагестанского полка Епифанову. Первую весть о прибытии войск подали собаки, на лай которых поднялся весь аул. В то время, когда двор

Адуева был уже оцеплен, дверь сакли отворилась и во двор выглянула женщина. Заметив солдат, она быстро затворила дверь, свет в сакле погас и в этот момент из дверей сакли выскочил туземец и бросился бежать вдоль улицы, в которой стоял поручик Епифанов.

В то же время в сакле послышались крики, стоны и затем звуки разбитых стекол в окнах, из которых один за другим начали выпрыгивать чеченцы и разбегаться по разным направлениям. На звуки разбитых стекол и шум убегающих людей в темноте поднялась стрельба. Поручик Епифанов, сделав несколько безрезультатных выстрелов по первому пробежавшему мимо него чеченцу (по предположению, по самому Зелимхану), а затем, обнажив шашку, погнался за ним вдоль улицы. Убегавший чеченец обернулся и выстрелом, почти в упор, убил офицера и бегущего рядом с ним рядового Дагестанского полка и, забежав в ближайший двор, бросился с крутого обрыва в реку Сунжа.

На выстрелы войск весь аул поднял стрельбу, которая прекратилась только с рассветом. У дверей сакли Адуева убитым оказался сам хозяин Адуев и еще два неизвестных чеченца. Внутри же сакли были трупы двух женщин, у которых, кроме пулевых ран, оказались еще несколько кинжальных. Очевидно, абреки убили их из боязни, чтобы те не выдали их. Из убежавших абреков никто не был пойман. Одни были спрятаны жителями, а другие, бросившись в реку Сунжа и перебравшись через нее на противоположный берег, нашли себе приют у городских чеченцев или на ярмарке, которая была в это время в полном разгаре. Такой ценой на сей раз был предупрежден, как предполагают, задуман-ный Зелимханом грандиозный разбой на ярмарке, который был бы неслыханной в летописях края разбойничьей катастрофой.

В гор. Грозный в это время был разгар самой большой на Северном Кавказе осенней ярмарки. На эту ярмарку съезжаются торговцы со всего края, пригоняются лошади и рогатый скот табунами. В благоприятную погоду оборот ее доходит до 1

миллиона. Хотя ярмарка всегда имеет как воинскую, так и полицейскую охрану, но разбросанная на несколько верст, да еще в 2-х верстах от разбойничьего Старо-Сунженского гнезда, она всегда была небезопасной в отношении разбойного на нее нападения.

По слухам, на этот раз у Зелимхана должна была быть большая шайка, сборный пункт которой был назначен в Старо-Сунженском ауле. Одной частью шайки Зелимхан предполагал произвести демонстративную тревогу на ярмарке и в то время, когда после десятка-двух выстрелов на ярмарке произошла бы суматоха, по тревоге войска были бы вызваны к месту тревоги, куда направились бы и все начальствующие лица, в это время Зелимхан с отборными силами хотел ворваться в Азовско-Донской банк, который помещался хотя в самом центре города, но в малоприспособленном наемном здании, которое не представляло серьезных преград как со стороны улицы, так и особенно со стороны двора.

О том, что могло произойти на ярмарке, страшно даже подумать. На ярмарку съезжаются до 100 тысяч чеченцев и казаков. Все приезжие вооружены и ночуют на возах. Расчет Зелимхана во всех отношениях был верен и, можно сказать, даже без особого риска. Во время ярмарки в банке миллионные обороты. Тревога на ярмарке отвлекла бы туда, если не все войска, то тех начальников, которые распоряжаются посылкой войск, а во время этой суматохи Зелимхан имел бы дело около банка. Не более как с двумя полицейскими снаружи банка и двумя вооруженными туземцами, запертыми внутри помещения в отдельной комнате.

Расчет на успех был более чем вероятный, и если все это не удалось, то единственно только потому, что у Зелимхана есть кровники, которые следят за каждым его шагом, и которые и на сей раз вовремя дали сведения о месте нахождения Зелимхана и его шайки. Опоздай это извещение не только одним днем, но даже несколькими часами, могло бы случиться, что наутро все

разбойники рассеялись бы уже по ярмарке и по городу, в то время как войска искали бы их в ауле Старо-Сунженском. Судя по числу разбойников, застигнутых в доме Адуева, надо полагать, что слухи о сборе шайки и нападении на банк и ярмарку были верны. Старосунженцы, однако, упорно отрицают присутствие Зелимхана в их селении в этот день, о чем писали даже в Государственную Думу» (С. 119-121). Наместник Кавказа среди прочих карательных мер против населения Чечни предложил начальнику Терской области генералу Шатилову «взорвать несколько домов в Старо-Сунженском ауле, в которых ночью 15 октября скрывались разбойники» (С. 122).

Как видим, Козачковский, задачей которого было «разоблачение разбойничьих гнезд» Старо-Сунженского (и Алдынского) аула, жители которого написали жалобу в Государственную Думу о вопиющих беззакониях и убийствах мирных людей администрацией Терской области, пытался оправдать необходимость жестоких карательных мер по отношению к чеченцам. В частности, блестяще задуманная операция разбоя на городском рынке и ограбление Азовско-Донского банка, судя по всему, была разработана лишь в хорошем воображении Козачковского и администрации Терской области, пытающейся подобными мифами «кормить» вышестоящее начальство.

По-своему, уже основываясь на предложениях Козачковского, спасение Зелимхана из Старой Сунжи описал писатель Дзахо Гатуев: «Старо-Сунженская история подоспела к моменту шатиловского доклада наместнику». Предание утверждает, что целью ее было покрыть 100000 руб., взыскание которых было предрешено Шатиловым на удовлетворение жертв керкетского побоища. Официальные источники не вникают в причины. Они кратки».

«В ночь на 15 октября начальник военного отряда Моргания получил известие, что Зелимхан скрывается в ауле Старо-Сунженском, чтобы днем напасть на Грозненскую ярмарку. Полковник Моргания взял три роты Дагестанского пехотного полка,

две сотни казаков и шестнадцать дагестанцев. Оцепили весь аул и добавочно саклю Адуевых, в которой скрывался Зелимхан.».

Первую весть о прибытии войск подали собаки, на лай которых поднялся весь аул. Зелимхан выскочил из сакли, чтобы выйти черным двором. Там сидели на корточках солдаты. («Точно гуси», – смеялся потом Зелимхан). Зелимхан кинулся на улицу, занятую командой поручика Епифанова. Зелимхановский ореол святости, слухи о его заговоренности оказались действительными не только для Чечни. Завидев Зелимхана, солдаты побежали, точно стадо тех же гусей. Зелимхан смешался с ними. Зелимхан перегнал их. Перегоняя, заметил блестящие погоны офицера. Убил его. Убил рядового. Потеряв офицера, команда отстала от Зелимхана. И он пошел шагом, соображая, куда свернуть. На площади Зелимхана окликнули черные силуэты дагестанцев. Зелимхан не ответил, и дагестанцы открыли огонь. Он опять побежал, жертвуя черкеской, которую решетили пули. Так дошел он до самых гор. Миллионные обороты ярмарочного отделения остались неприкосновенными.

Торжество сжигания старо-сунженских домов обставили с соответствующей помпой. Согнали население аула Старо-Сунженского войска и пожарную команду. Не поленился приехать и Михеев со свитой адъютантов и приставов. Предстоящее зрелище было единственным в истории: пожарная команда подожгла дома, пожарная команда проследила правильность их горения. Михеев – генерал тоже смотрел, как старый профессор за операцией молодого ассистента. И потом сказал старосунженцам:

«Я велел собрать вас сюда, чтобы вы увидели, что так будет поступлено со всеми теми, кто осмелится укрывать разбойников и стрелять в царские войска. Ваш старшина не мог не знать, что в ауле ночует Зелимхан, иначе он был бы плохой старшина. А потому с сегодняшнего дня он и его помощники отрешаются от должности, и вам будет назначен правительственный старшина. Отныне я вас лишаю права выбирать своего старшину. Я бы мог сделать гораздо больше, чем сжечь эти два дома ослушников,

но мне жаль ваших детей и женщин, и потому я на сей раз воздерживаюсь от более крупных мер». «Благодарное население разошлось со слезами любви и умиления», – мог бы добавить газетный корреспондент» (Гатуев Д. Зелимхан. Орджоникидзе, 1971. с. 119-120).

В художественном романе писателя М. Мамакаева «Зелимхан» события в Старой Сунже переносятся на время побега Зелимхана из городской тюрьмы. По замыслу писателя, Зелимхан днем под видом нищего, просящего милостыню, уходит из окруженного солдатами селения. Свет на действительные события, которые произошли в Старой Сунже, проливает рассказ жителей этого селения, предки которых имели непосредственное отношение к происшедшему 15 октября 1911 г.:

«Харачоевский Зелимхан иногда бывал в гостях у харачоевцев из Старой Сунжи. Как-то у одного из старосунженцев, в дом которого привезли невесту его родственника, собралась старосунженская молодежь. Сюда же приехал абрек Зелимхан. Парни шутили, веселились, «развязывали язык» невесте, давая по обычаю за сказанное ею слово деньги. Веселился и Зелимхан. Кто-то донес властям, что Зелимхан находится в этом доме. Ночью солдаты окружили дом. На лай собак выглянула жена хозяина и, увидев солдат, быстро захлопнула дверь. О солдатах она сообщила присутствующим. Разъяренный Зелимхан схватил хозяина за руку и сказал: «То коварство, что ты мне сделал, я против тебя обращу».

Зелимхан заставил хозяина первым выйти на улицу и подтолкнул его к выходу. Когда хозяин выбежал на улицу, солдаты открыли огонь и убили его. Поднялась стрельба. Жена хозяина и невеста в испуге кинулись к окну, но солдаты, стрелявшие в двери и окна, убили их. Зелимхан и другие парни из Старой Сунжи выскочили на улицу. Были убиты еще двое парней из села. Зелимхан шел по селению и, стреляя в воздух из винтовки, кричал: «Коварство, мне сделанное, я против вас оберну».

После того, как солдаты узнали что им не удалось поймать абрека Зелимхана, то они от злости сожгли старосунженскую

конюшню вместе с лошадьми, а также сожгли несколько домов» (Информатор Шатаева Р. А., жительница селения Старая Сунжа, тейп – харачой. Слышала от бабушки, которой было более 100 лет, бабушка (мать отца) умерла в 1987 г.).

Вряд ли хозяин дома был виноват в том, что на Зелимхана донесли. Выдумкой Козачковского является и приписывание «кровожадным» абрекам убийства двух женщин, которых на самом деле убили «доблестные» солдаты. Приехавший к родичам на вечеринку Зелимхан и не подозревал, как попытаются раздуть это дело власти, постоянно пытавшиеся выслать чеченские аулы после своих же провокаций. В своем очерке Козачковский сделал попытку также уменьшить возраст Старой Сунжи, известной по документам и в XVIII в. Несмотря на полное окружение села, Зелимхан сумел уйти, застрелив преследовавших его офицера и солдата. От рук солдат погибли ни в чем неповинные люди, у которых еще вдобавок сожгли дома и сельскую конюшню вместе с лошадьми. Таким был разбой царской власти в ауле Старая Сунжа.

АБРЕК ИЗ ХАРАЧОЯ.

М. Басханов. ЧГТРК Грозный. (в сокращ.)

Абречество! Его появлению на Кавказе служило множество причин: безграмотные действия властей по отношению к коренным жителям, предвзятость к населению, в котором власти видели дикарей, экономические проблемы, бесправность и злоупотребления, кровная месть и так далее. В зависимости от обстоятельств отношение к абрекам и среди мирного населения было разное. Однако в истории чеченцев есть один абрек, при упоминании которого даже спустя сто лет многие испытывают самое настоящее восхищение. Для царской власти он был бандитом и разбойником, для советской власти – борцом против колониального гнета, для простого народа – воплощением самой

справедливости. Это абрек Зелимхан из селения Харачой, что ныне находится в горном Веденском районе Чеченской Республики....

12 лет абрек наводил ужас на чиновников по всей Терской области. После его гибели репрессии по отношению к населению и его семье прекратились. Советская власть отнеслась к личности Зелимхана со всем почтением. В конце 20-х годов о нем сняли фильм, стали называть улицы и даже появился колхоз имени Зелимхана. Его семья проживала уже в Ведено, когда его младший сын Магомед погиб в 1922 году во время улаживания конфликта в Махкетах. Младшая дочь Энисат проживала, будучи уже замужем, в доме на окраине Ведено, этот дом был построен еще до революции.

В 1944 году во время депортации чеченцев и ингушей, Советская власть разрешила детям и внукам Зелимхана остаться в Ведено. Младший сын Умар-Али работал на тот момент начальником Веденского районного отдела министерства государственной безопасности СССР. После депортации вайнахов в 44-м году, здесь на месте он помогал избежавшим по разным причинам ссылки чеченцам, присоединиться к остальным. Если бы не Умар-Али, то многих, наверное, просто расстреливали бы на месте. Умар Али погиб при трагических обстоятельствах в апреле 1947 года. После гибели своего брата в том же 1947 году сестры Энисат и Муслимат со своими детьми уехали в Среднюю Азию. Смысла жить в Чечне они более не видели и присоединились к остальным сосланным. Дочери Зелимхана и их дети были последними чеченцами, которые проживали в Ведено.

Ни старший сын Зелимхана Магомед, ни младший – Умар-Али не оставили потомков. Последний категорически отказывался жениться в такой сложный для чеченского народа период – как депортация. Он все откладывал, дело в том, что он вместе с сестрами собирался отбыть в Среднюю Азию к остальным родным, но так и не смог.

Сегодня родственники и потомки Зелимхана проживают, главным образом, в Ведено и в Харачое. Например, прадед

Супьяна Исраилова был кузеном Зелимхана, мать Рамзана Гудаева Энисат – была младшей дочерью Зелимхана, она же приходилась бабушкой Тимуру Гудаеву. Эти люди, что называется, из первых рук, то есть, со слов дочерей абрека могут рассказать о его судьбе. Меди и Энисат были подросткового возраста, когда их отец вышел на тропу абречества. Они прожили почти целое столетие и покинули этот свет в 1990-м году.

ЧЕЧНЯ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Вахит Бибулатов, «Молодежная смена». №31 (442), 25.04.2007

Добровольное присоединение Чечни, да и всего Северного Кавказа к царской России, как мы знаем из истории, таковым было лишь на бумаге. Армия Ермоловых, Грабе и иже с ними уничтожала села, выдавливая жителей с равнинной местности в горы. Земли чеченцев после такого добровольно-принудительного присоединения отходили в собственность России. Позже их отдавали в пользование военным и казакам. Возможно, этим и был обусловлен в 60-е гг. XIX в. массовый исход части чеченского народа в Турцию.

Согласно сохранившимся архивным документам, высшие чины из царской армии получали в дар от царя тысячи десятин, средние – сотню десятин, а мелкие чины – до тридцати десятин. Со временем земли стали раздавать и служивым из чеченцев, которых власть считала лояльными.

Наделы чеченцам выдавались согласно подымным спискам (на одну семью по тогдашним законам полагался один надел, несмотря на то, что в одной семье могло быть несколько взрослых сыновей). Чеченцы, проживающие на равнинной местности, имели наделы в пределах трех десятин. Наделы горцев составляли чуть меньше десятины, а то и четверть. Казаки по этому поводу даже анекдоты сочиняли. Один из них дошел до наших дней: «У чеченца столько земли, сколько умещается под

его буркой». Но ужаснее всего для простых чеченцев был произвол пришлых и местных чиновников. Налоги и поборы, которыми они облагали людей, невозможно было оплатить сполна. Урожая, выращенного на крохотных наделах, не хватало даже до следующего сезона. И чеченцы, как могли, противостояли этому чиновничьему беспределу. Зачастую, чтобы доказать свою правоту, человек преступал законы.

Одним из них был Зелимхан из Харачоя. В Архивном управлении ЧР сохранились копии документов (Ф. 236, о. 1, дело № 783, л. 204). «Дело о мероприятиях по борьбе с бандитизмом в Веденском округе (в частности с Зелимханом), проливающие свет на события почти вековой давности. Оригиналы этих документов хранятся в Центральном государственном архиве МВД СО АССР (Отдел дореволюционных фондов. Ф. 11, о. 52, дело № 1190, л. 207).

Согласно этим документам, для борьбы с Зелимханом Харачоевским и его последователями царская администрация в Чечне в июле 1908 г. (после убийства им начальника округа полковника Галаева) создала партизанскую сотню Веденского округа. Состояла она из 20-ти конных всадников от каждого участка. Участков было пять: Веденский, Ножай-Юртовский, Шалинский, Ойсунгуровский и Шаро-Аргунский.

Начальник Веденского округа подполковник Каралов
начальнику Терской области
Рапорт

«При внимательном знакомстве с общим состоянием высочайше вверенного мне Веденского округа, я обратил внимание на склонность населения к воровству, грабежам, насилиям и разбоям, при поголовном укрывательстве порочного элемента. Народ этот, стоящий еще на низшей ступени культурного развития, и, будучи веками воспитан в пороках, усвоил себе особые идеалы жизни, противные общечеловеческим законам – воров-

ство, грабеж и разбой почитаются им удальством и поощряются лучшими их представителями.

Крайняя ограниченность и безграмотность мулл, влияние и пропаганда идеи мюридизма сектантами-зикристами могут ли направить народ на мирный путь и внушить ему трезвые взгляды на чужую собственность и жизнь? Конечно, нет. А потому народ продолжает жить укоренившимися в нем привычками, и только долголетним и упорным трудом администрации, воспитанием и русской школой можно перевоспитать эту темную массу, привив ей принципы гражданственности и приучив ее к законности и порядку. Но пока наступят эти светлые дни, я, почитая себя обязанным, если не положить конец, то хотя бы, по возможности, сократить преступность в округе, издал приказ по вверенному мне округу от 29 июня с. г. за № 49, которым призвал в слободу Ведено лучших представителей народа для совместного со мной и моих помощников обсуждения способов действительной и рациональной борьбы с преступностью. Собрание это не дало желательных результатов, представители высказались за необходимость введения варварских судов по шариату. И т. д. и т. п.».

По всей видимости, для господина Каралова чеченцы были лишь варварами и дикарями, которые не умеют жить по законам цивилизованного общества. А вот граф А. Палецкий в своих мемуарах писал о тех же чеченцах, которые служили в Дикой дивизии: «Мы отняли у кавказцев все: их прекрасные горы, их дикую природу, неисчерпаемые богатства этой благодатной страны. И вот когда вспыхнула война, кавказцы добровольно пошли на защиту России и защищали ее беззаветно, не как злую мачеху, а как родную мать. Все кавказцы таковы, в них живет еще истинный дух рыцарства и на удары сзади, из-за угла они не способны. Не против России и русской свободы идут воины Дикой дивизии. Они сражаются вместе с русской армией и впереди всех, и смелее всех умирают за нашу свободу.».

«...Как горная лавина обрушился Ингушский полк на германскую Железную дивизию. Он немедленно был поддержан Чеченским полком. В истории Отечества, в том числе и нашего Преображенского полка, не было случая конной атаки тяжелой вражеской артиллерии. Менее чем за полтора часа перестала существовать Железная дивизия, с которой соприкасаться боялись лучшие воинские части наших союзников, в том числе и русской армии. Передайте от имени Царского двора и от имени русской армии братский сердечный привет отцам, матерям, братьям, сестрам и невестам этих храбрых орлов Кавказа. Никогда не забудет этого подвига Россия! Честь им и хвала! С братским приветом,

Император Российской империи царь Николай II».

Это письмо, подписанное российским императором, говорит само за себя. С тех пор утекло немало времени. Но и сегодня в России можно встретить пару-тройку чинуш, считающих кавказцев варварами и дикарями. К тому же немало способствуют тому и отдельные российские СМИ. И все же, несмотря на все эти инсинуации, в памяти людской остаются только те моменты, которые сплачивают народы.

ХОДЯТ ЧАСЫ АБРЕКА

Шарип Алиев. «Масла1ат». 09.15.91

Коллекционер из Курчалоя Али Муслимов по сей день хранит часы народного героя, именитого абрека Харачоевского Зелимхана. Они исправно отстукивают время.

– Кажется, вот-вот войдет Зелимхан и попросит свои часы, – говорит Али.

Еще много экспонатов в его коллекции. Есть и кинжал, принадлежавший легендарному шейху Али Митаеву, другу и соратнику Зелимхана.

ХАРАЧОЙН ЗЕЛАМХА

Муса Бакаров. «Обарг Зеламхех дагалецамаш» книгийн автор. «Колхозам дахар». 13.10.90

Нохчийчохь Зеламхех обарг алахь а, цуьнан цIе Харачойн Зеламха олий йоккху. Цул тIаьхьа олу цуьнах лаьцна къамел дечара иза обарг хилла. Со гуттара жима бер долуш дуьйна а хезна суна Харачойн Зеламхех лаьцна долу къамелаш. ХIетахь дуьйна везавелла суна и нохчийн турпалхо. Харачойн Зеламхех обарг аьлча, и «обарг» боху дош чорда хеташ тIеэцна сан даго. Ткъа «Харачойн Зеламха» бохуш долу ши дош дагах кхеташ ду.

Зеламха, хууш ма хиллара, ца ваьлла обарг лелла стаг хилла. Нагахь санна цуьнах вай обарг олуш хилча, Нохчийчохь муьлха обарг хир вара, и санна, доьналла долуш верг? Харачойн Зеламха цуьнах олуш хилча, кхин и саннарг хиллий оццу Харачуьра ваьлла?.

Иштта и хаттарш хьалха хIиттийначул тIаьхьа, ала лаьа кхечу цхьана хIуманах а. Доцца аьлча, Зеламха обарг вац, иза нохч-гIалгIайн халкъан, ша саннарг цу заманахь кхин хилла воцуш, турпалхо ву. Уггаре а хьалха аьр вай, гIийлачу нахах, шен доьзалх къахетта араваьлла лелаш стаг хилла иза. Вайн Нохч-ГIалгIайчоьнан эвлаяийн, Iеламнехан, тоьллачу къонахийн сий деш хилла Зеламхас, уьш лоруш хилла цо. Зеламхас вирд доккхуш верг Иласхана-Юьртара Хьаьжа хиллехь а, цу шен устазаца санна, цуьнан гергарло Таыпкечуьрчу АбугIаьрца, АтабигIаьрца, Деница, Доккица, Суайп-моллица, Баматгира-Хьаьжица, шайх Iелица, иштта уьш санна болчу кхечу дикачу нахаца а хилла.

Ца дийцича а, тоьур дара вайна деккъа цIена цхьана эвлаяа Iовдас - Баматгира-Хьаьжис динарг. Иза Калуге вигна, цигахь вехаш-Iаш хилла. Зеламха вийначу шолгIачу дийнахь, цуьнах дерг шена ма хиъинехь, Iовдас цунна тIера сагIа даьккхина, цкъа а вайна дицлур доцу дешнаш а аьлла. Иштта аьлла хилла Iовдас: «Вели иза шена гIазот даьккхина!».

Массарна а хууш ду Харачойн Зеламха I9I3-чу шеран 26-чу сентябрехь суьйранна кхелхина хиларх дерг. Иштта вайна хууш ду шолгIачу дийнахь, аьлча а, 27-чу сентябрехь Калугехь эвлаяаша цунна тIера сагIадаьккхина хиларх а. Цу хьокъехь дерг цхьа а шеко йоцуш ду. Иза кху статьян авторна дийцина Эвтархойн воккхачу Мохьмада, эвлаяан Iовдин стунвашас. Лакхахь вай цуьнах лаьцна аьлла а ма хиллара, Харачойн Зеламхас вай нехан тоьллачу къонахийн, эвлаяийн, Iеламнехан сий деш хилла, ткъа цара шайн рогIехь сий деш хилла Зеламхин. Оцунна тоьшаллина далийна вай цунна тIера Калугехь хиллачу эвлаяаша даьккхина хилла сагIа, цуьнах лаьцна аьлла дешнаш а.

ДОГ МАЙРА ЛЕЧА

«Даймохк». 29.07.90

Паччахьан полковнике кехат яздайтира Зеламхас шен доттагIчуьнга атагIойн Аюбе. Цу тIехь аьлла ду: «Полковник, нагахь санна хьайна беллачаьрца хила ца лаахь, айхьа лецна адамаш шайн хIусамашка, доьзалшка духа а дерзаде, цаьрга къинхетамечу бIаьргашца а хьажа. Кхин а хьайн тIемалошка омра а де, иштта уьш сел майра белахь, суна тIаьхьабовла ала цаьрга, зударий, берашший Iадда а дитий. Господин полковник, хIара кехат дика деша а деший, ойла елахь. Миччахьа лачкъахь а, суна хьо карор ву. ХIара яздийриг ву обарг Зеламха».

Полковнико а, паччахьан кхечу хьаькамаша а ойла йина хир яра лаахь а, ца лаахь а, кхераман стешхалло Iожалла дуьхьалтуьйсуш чин дезаран сутаралло. «ХIун хаьа, када лахь», аьлла хетаро шегахьа баха хьийзош, синтем ца хуьлура царна. Назранан округан начальника эла Андронникове ши эзар салти юкъавогIуш эскарца некъ юьхьарлаьцнера Галашкийн лаьмнашкахь лечкъаш лелачу шина зудчунна – Биниий, Зезагний (Зезаг – Зеламхин вешин Солтамурдан зуда), берашний дуьхьал, аьлча а, уьш леца. Оцу некъана кечлуш, шен гергарчарах цхьаьнга Ан-

дронникове ишта яздира: «Сан Сийлахь-деза декхар ду, хIуъа хилла латтахь а, ур-атталла дахаран мехаца иза дина а, и сий дайна гIеранча – Зеламха хIаллаквар». Амма цуьнан а, кхечеран а Іаьржа Іалашо кхочушхилале Зеламхас хийла Іожаллин кхаж тосура царна. «Дукха ю хьакхарчий хьун-хоте кегош, цхьаъ бен яц гила борз жан мотт цо бохабо!» – бохучу иллин дешнаш дагадохкуьйтура цо хIоразза а. Бакъду, иза коьртачарна бекхам беш хуьлура, ерриге а харцо цаьргара йолало дела. Ткьа уьш Іехабора: «Къар ца лун и Зеламха а, цуьнан тоба а хIорда чуьра цхьа тIадам бен бац, ткьа вай – дийнна хIорд! Цуьнан нуьцкъалчу тулгIено кIелхьарчор ву шена дуьхьал ваьлларг!».

Ишта керл-керла Іехамаш, ямартлонаш дагалоьцуш, цунна Іожаллин гур боьгIура паччахьан эскаран хьаькамаша. Церан аьтто белира Зеламхин доьзал йийсаре лаца. Куьйгаш охкийна кара-м ца яхара обарган зуда Бици. Веданан округан начальник Чернов вожийра цо.Шен хьомечу доьзалан цIа-кхерч шелбина, шен доьзалний, шений юккье герзан буьрсаллий, шайн ямартлой, къизаллий хIитточу, бакьо ницкъаца хьаша гIертачу, нохчийн оьзда Іадаташ, гIиллакхаш емалдечу паччахьан Іедалан чиновникашна дуьхьал майра гIаьттира Харачойн Зеламха.

СИНКХАЧА. ИЭС. ЮЬСТАХ ЛАТТА ЙИШ ЯЦ

С. Хадашев. «Колхозам дахар». 24.0I.89

Къоман ма-ярра истори йовзарца бен хуьлийла дац халкьан кханенан кхоллам. Цундела хада йиш яц дIадаьллачуьнца а, долуш долчуьнца а, хиндолчуьнца а йолу зIе. И хаьдда цахилар гойту халкьан барта кхолларалло, цу буха тIехь кхуьу кьоман культура а. Цундела ала йиш ю-кха, ирсе бу кьоман кхоллам, нагахь цуьнан дахарехь шен халкьан амалан, адамалла йолуш турпалхой, кхолла безаш а боцуш, баккьала а хиллехь.

Вайнехан къоман а бу шен турпалхой. Царна юкъахь ву цIе яххана къехойн лаамийн дог хилла волу Харачойн обарг Зелам-

ха. Цуьнан цхьаьнан цІаро кхераман зуз хьодуьйтуш хилла паччахьан ялхойн кхетамехь. Массарна а дика хаьа: Зеламха шен дахаран аьтто лоьхуш ца ваьлла обарг, иза паччахьан къизалла ла а ца елла хІоьттина шен кхолламан халачу новкъа. Цу хенах лаьцна къоман бакъволчу кІанта А. Шериповс иштта яздо: «Паччахьан Іедало ницкъ бора халкъана, ткъа обаргаша – Іедална».

Тахана цуьнах лаьцна исбаьхьаллин кинофильм яккха таро ю вайн, амма бакъду, цу гІуллакхна лаххара а миллион сом ахча оьшуш хилар хууш ду. Цу гІуллакхана куй кара а лаьцна лела стенна оьпу боху хаттар а нийса ду. Цхьаьнне а къайле йолуш дац, вайн кинопроизводствехь беса кинофильмаш а йохуш хилар. Уьш яха карадо оьшшучу барамехь ахча. Хетарехь, иштта къамелаш деш къийсамаш бар нийса дац, цул а нийса хир дара и гІуллакх дІадахийтарна юкъа вай вешан дакъа диллича. Цкъа-делахь, ишттачу гІуллакхца вайн таро ю, къамелашца а доцуш, баккъала а, билггалчу гІуллакхашца къоман истории бала кхочуш хилар гайта. ШолгІа-делахь, вай вешан харжамца яьккхина кинофильм кхоазза сийлахь а хир ю. Цундела цунна ахча лахьор хІинцехь дуьйна дІадоло деза. Вайгара хила еза цу гІуллакхан йохьаллин хьалхе а. Цунна цкъачунна ахча вайн юьртахоша делла дац. Ткъа иза нийса дуй? Хетарехь, цу гІуллакхна пропаганда ярехь районехь жигархойн тоба вовшахтоха мегар дара, шайна юкъахь райисполкоман а, партии райкоман а, комсомолан райкоман а, белхалойн а векалш а болуш.Цунна вешан цхьаьнакхетарш дІадахьа дезара районехь бехачу къинхьегамхошна юкъахь; цуьнах лаьцна дуьйцуш передача а ян езара меттигерчу радиочухула.

ЧАСТЬ 4: ПЕРСОНАЛИИ

ГЛАВА 1. ВОЕННЫЕ И СЛУЖАЩИЕ

ВОРОНЦОВ-ДАШКОВ ИЛЛАРИОН ИВАНОВИЧ

В начале этого столетия, который сопадает с периодом абречества Зелимхана Гушмазукаева, Кавказ управлялся (1905-1916) Наместником Е.И.В. главнокомандующим войсками Кавказского Военного Округа и войсковым наказным атаманом Кавказских казачьих войск графом Воронцовым-Дашковым Илларионом Ивановичем. По объему власти на Кавказе он был первым лицом после Императора.

Граф Илларион Воронцов-Дашков родился 27 мая 1837 года в Санкт-Петербурге. Сын члена Государственного Совета, оберцеремониймейстера, графа Ивана Илларионовича Воронцова. Участник военных действий на Кавказе в 1859-1862 гг. Один из ближайщих друзей императора Александра III. Умер 15 января 1916 г. в Алупке.

Любопытно, что (как бы в противовес официальной власти на Кавказе) наместником гор называли и абрека Зелимхана Харачойского. Зелимхан, действительно, в определенной степени диктовал местной администрации свои условия, наводил на нее страх, являясь лидером абреческого и разбойного сообщества на Кавказе. И в этом смысле, он, действительно, был наместником гор, как его величали в светских кругах и в печати.

КОЛЮБАКИН АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Алексей Михайлович Колюбакин (1851-1917) – генерал-лейтенант, участник русско-турецкой и русско-японской войн являлся начальником Терской области и наказным атаманом Терского казачьего войска с 1905-го по 1908-ой год. Именно в эти годы и набирает силу абреческое движение в горах Кавказа.

К исполнению своих обязанностей генерал приступил достаточно строго. Так, 23 декабря 1905 г. «во избежание революционных выступлений» он объявил по области военное положение и уже в начале января 1906 г. послал карательные отряды в Чечню и Северную Осетию, которые разгромили и сожгли ряд сел области. При этом, еще в конце декабря 1905 года, он издал распоряжение о бесплатном отпуске 10 тыс. берданок и 1 млн. патронов для вооружения казачьих станиц и получил разрешение от наместника Кавказа Воронцова-Дашкова израсходовать 25 тыс. рублей на подкуп и провокации.

Однако, боевой настрой генерала пропал достаточно быстро – уже в августе 1908 года, когда жена похищенного Зелимханом овцевода Месяцева попросила у него помощи, то он посоветовал ей выплатить требуемую сумму, мотивируя свой ответ своим бессилием оказать действенную помощь. Бездействие генерала не осталось незамеченным, и он был смещен с должности осенью 1908 г. и с ноября этого же года состоял при войсках Кавказского ВО.

27 февраля 1916 года вышел в резерв чинов при штабе того же округа. С 19 октября того же года был инспектором ополченческих частей Кавказской армии. Умер 13 мая 1917 года в Тифлисе. Похоронен в Екатеринодаре.

МИХЕЕВ АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ

Генерал-лейтенант от артиллерии, участник двух войн (русско-турецкой и русско-японской) Александр Степанович Михеев (1853-1914) являлся начальником Терской области и наказным атаманом Терского казачьего войска с 1908 по 1912 год.

Это были годы пика знаменитости абрека Зелимхана, и именно в эти годы приказом Михеева по Терской области весной 1909 года был сформирован специальный временный «охотничий отряд» во главе с войсковым старшиной Вербицким, задачей которому ставилось поимка абрека Зелимхана и его соратников.

Необходимо отметить и ответ генерала Михеева на известное письмо абрека Зелимхана в Государственную Думу (1909 год), который окончательно разуверил Зелимхана в возможности вернуться к мирной жизни. Начальник области разразился в печати упреками: «Мне известно и без указаний Зелимхана, что на царскую службу иногда попадают люди нехорошие, с порочными и противными духу закона наклонностями. Пусть Зелимхан знает, что я, как представитель закона и порядка в области, считаю его, Зелимхана, самым крупным нарушителем закона, виноватым перед Богом и царем, а потому заслуживающим самую тяжелую кару». Такой ответ окончательно отрезал абреку возможные пути возвращения к мирной жизни

Генерал А.С. Михеев ушел с должности Начальника Терской области 12 сентября 1912 года, а уже 13 сентября этого же года ему повелено было присутствовать в департаменте герольдии Сената. Умер в 1914 году в Петрограде. Похоронен на кладбище Александро-Невской лавры.

ФЛЕЙШЕР СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Генерал от кавалерии Флейшер Сергей Николаевич (1856 г. р) стал Начальником Терской области и наказным атаманом Терского казачьего войска 16 сентября 1912 года. Член известной военной династии, уроженец Московской губернии, участник русско-турецкой войны. Исполнял обязанности генерал-губернатора Елисаветпольской губернии (1904, 1905, 1906 и 1908-1909 гг..). 16 сентября 1912 назначен начальником Терской области и наказным атаманом Терского казачьего войска.

Генерал Флейшер сменил в этой должности Михеева А.С., перешедшего на службу в один из департаментов Сената.

Период правления Флейшером Терской областью пришелся на заключительный этап абречества Зелимхана Гушмазукаева. Любопытнай факт. Как известно, абрек был убит 26-го сентября 1913 года. В его теле насчитали 32 пулевых ранения, в том числе в черепе – 6 сквозных ран. Тело Зелимхана местные власти не собирались возвращать родственникам. Тогда его жена Бици решилась на отчаянный шаг - со старшей дочерью Муслимат выехала во Владикавказ – просить лично начальника Терской области генерала Флейшера о выдаче тела. Тело абрека было возвращено, и абрек был похоронен на одном из кладбищ селения Шали.

Флейшер С.Н. прослужил в должности Начальника области по март 1917 года. Уже после Февральской революции и развала Российской империи ушел в отставку по собственному желанию с производством в генералы от кавалерии. Участник Белого Движения. С 8 декабря 1918 года состоял в резерве чинов Добровольческой армии. Умер 27 декабря 1918 года.

ОРБЕЛИАНИ ГЕОРГИЙ ИЛЬИЧ

Князь Орбелиани Георгий Ильич родился дворянской семье в 1853 году. В юношестве был определен в Пажеский корпус, после окончания которого выпущен в лейб-гвардию Гусарского полка Его Императорского Величества.

Участник русско-турецкой войны (1877-1978), после которой практически сразу же откомандирован в распоряжение Главнокомандующего Кавказской армией. С этого момента и начинается его «кавказская» карьера, в которой он в конечном счете дослужился до звания Генерал-лейтенанта (пр. 1910; ст. 05.07.1910; за отличие).

В качестве Начальника Кавказской конной бригады (с марта 1904-го; Терско-Кубанский и 2 Дагестанский конные полки) принял участие в русско-японской войне. Награжден Золотым оружием с надписью «За храбрость».

С 1906 года вновь прикомандирован к штабу Кавказского Военного округа. Уже в следующем году (в 1907-ом) вступает в должность помощника начальника Терской области и наказного атамана Терского Казачьего Войска Именно в этом качестве Орбелиани и принял в апреле 1909 года деятельное участие в подготовке и проведении экспедиции, целью которой стала задача захвата семьи абрека Зелимхана на р. Асса в ингушских горах

С 1910 года состоит в должности Начальника Закаспийской конной бригады. С 1913 г. в запасе. Во время мировой войны принят на службу тем же чином и назначен состоять при верховном начальнике санитарной и эвакуационной частью принце Ольденбургском Уволен от службы за болезнью в 1917 году. Умер в эмиграции.

АНДРОНИКОВ ГЕОРГИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Георгий Александрович (Андроникашвили) Андроников (1875-1910) происходил из древнего грузинского княжеского рода Тифлисской губернии. Как видно из послужного списка, князь воспитывался в Николаевском кавалерийском училище, который успешно окончил по 1-ому разряду. Был женат, имел двух дочерей. Князь увлекался фехтованием, преуспевал в верховой езде, за что на больших соревнованиях неоднократно получал награды и премии, а в 1902 г. с Высочайшего соизволения был командирован даже на международные конные состязания.

Помимо всех этих качеств, князь был и весьма инициативен в работе. Так, в 1910 г. в должности и.о. Начальника Назрановского округа он загорелся желанием во что бы то ни стало изловить абрека Зелимхана.

Будучи уверен, что абрек навещает семью, Андроников постарался выяснить ее местопребывание. Проверив свои предположения, он доложил об этом начальнику области, которому идея князя показалась вполне реалистичной, и он сформировал особый отряд. Общее руководство было поручено осуществлять Андроникову и 25 сентября 1910 года многотысячный карательный отряд под его командованием начал шестистороннее наступление на абрека в Ассинском ущелье с целью проведения в ингушских горах операцию по поимке абрека.

Зелимхана с семьей не оказалось, и арестованы были лишь его жена и дети. Однако, узнав о случившемся, Зелимхан с четырьмя товарищами на мосту в Ассинском ущелье устроил отряду засаду и в ходе продолжительного боя князь был убит.

ХАНЖАЛОВ ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ

Войсковой старшина (подполковник) И.А. Ханжалов – первый начальник Веденского округа Терской области. Округ в тот период был новой административной единицей на карте Терской области, выделенный из Грозненского округа в 1906 году в связи разукрупнением округа и в целях более эффективной борьбы с абречеством. Это был период массовых крестьянских волнений в Терской области и расцвета абреческого движения, во главе которого стоял уже набравший влияние и авторитет Зелимхан Харачоевский, который и сам был родом из окрестностей Ведено.

Артиллерийский офицер Иван Ханжалов на административную службу в Терскую область. перешел в 1891 году в звании штабс-капитана. Некоторое время проработал в должности начальниа участка, помощника начальника в Грозненском и Хасав-Юртовском округах. В феврале 1906 года его назначили начальником Веденского округа, но уже в мае перевели во Владикавказский округ.

С самого начала Ханжалов, выполняя строгие предписания этой поры, действовал жестко и строго и потому снискал себе в народе недобрую славу. Он ограничивал перемещения людей, устраивал обыски и облавы, направлял военные отряды на постой в провинившиеся села, где они – солдаты и кони – в течение многих недель и даже месяцев содержались за счет его жителей.

В начальниках Веденского округа И.А. Ханжалов проходил недолго – в феврале и в марте того же (1906) года собрание почётных стариков Веденского округа в с. Устар-Гордое (ныне г. Аргун) выступило с требованием убрать его с должности. Генерал-губернатор Терской области Колюбакин был вынужден удовлетворить требование селян – Ханжалова с должности сняли и назначили начальником Владикавказского округа. Эту должность полковник оставил уже после февральской революции 1917 года.

ГАЛАЕВ ВАСИЛИЙ САВЕЛЬЕВИЧ

Полковник Василий Савельевич Галаев, уроженец станицы Черноярской, Владикавказского округа родился 1 марта 1860 года. Окончил Владикавказское реальное училище и Ставропольское казачье юнкерское училище по первому разряду. Участник русско-турецкой и японской войн. Служил в 1-ом Владикавказском полку. Награжден Георгиевским крестом 4 степени (1878). Офицер с 3 декабря 1880. Подъесаул с 30 декабря 1886. Старший помощник атамана Пятигорского отдела Терского казачьего войска. 9 марта 1906 г. произведен в полковники. С 2 июня 1906 г. начальник Веденского округа Терской области.

Галаев Василий Савельевич возглавил Веденский округ в 1906 году. Сразу же после вступления в должность он как новый начальник округа в своей деятельности ничего нового не придумал. Галаев делал то же самое, что и другие до него, но только более методично и бескомпромиссно,и потому своими жестокими действиями испортил себе репутацию среди населения. Этот деятельный и энергичный человек обрушил репрессии на аулы – в который раз десятки людей были сосланы и помимо прочего обложил населенные пункты крупными штрафами. Немало пострадал и Харачой. В целях облегчения поимки Зелимхана Галаевым поднимался даже вопрос о расселении 37 хуторов Веденского округа

Зелимхан неоднократно писал Галаеву, предупреждал его, просил прекратить репрессии по отношению к невинным людям, однако письма абрека не произвели должного впечатления на полковника, и репрессии были продолжены.

Летом 1908 года полковник Галаев В.С. был убит абреком Зелимханом в липовом парке Веденской крепости выстрелом в висок.

ПОЛКОВНИК ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Полковник Добровльский с конца 1904 и до середины 1905 года являлся помощником начальника грозненского округа, и был одним из высокопоставленных чиновников Терской администрации, которые пользовались в народе дурной славой. Так, во многих селениях Чечни Добровольский держал за счет крестьян воинские отряды, арестовывал и преследовал горцев по надуманным поводам. Об этом абрек Зелимхан писал и в своем знаменитом письме на имя председателя Государственной думы III созыва (1907-1910) Н.А. Хомякова.

Добровольский был и одним из тех, кого абрек считал непосредственным виновным в трагедии своей семьи. Так, именно по инициативе пристава капитана Чернова и Добровольского (в то время он жил постоянно в Веденской крепости) и были загнаны в тюрьму сразу трое: он, Зелимхан, его родной брат Солтамурад и их отец Гушмазуко, а двоюродный брат Алимхан был сослан в Сибирь.

Впоследствии Добровольский без всякого повода продолжил системное пресследование освободившегося из тюрьмы к тому времени Солтамурада, которому ничего не осталось, как спасаясь от беспричинных нападок и преследования, уйти в абреки. В ответ Добровольский усилил репрессии харачоевцев и членов семьи Зелимхана.

4 апреля 1906 года Зелимхан (после неоднократных предупреждений и просьб прекратить беспредел и преследование ни в чем не повинных горцев) устроил близ Ведено подполковнику Добровольскому засаду и убил его.

В своем письме в Думу абрек по этому поводу отмечал: «За то, что он заставил сделаться абреком моего отца и брата, обругал меня скверными словами Добровольский поплатился жизнью».

ЧЕРНОВ ИВАН СТЕПАНОВИЧ

Участковый пристав капитан Иван Степанович Чернов (как и старшина Харачоя Адод и помощник начальника грозненского округа Добровольский) является одним из непосредственных виновников первых несчастий обрушившихся на род абрека Зелимхана Гушмазукаева. Именно эта троица вмешалась в уже почти урегулированную ситуацию и добилась расторжения брака младшего брата абрека Солтамурада и заключения Зелимхана и его родственников в тюрьму.

Ставка Чернова находилась в крепости Ведено, и по роду его службы, первоначальное расследование преступления было его прямой обязанностью как участкового пристава. Получив доклад о случившемся, он одним из первых оказался на месте преступления и вмешался в ситуацию. Чернов, таким образом, став одним из главных обвинителей Гушмазукаевых, и после держал под своим контролем это дело. Поэтому абрек Зелимхан и стал считать его главным организатором и виновником ареста и осуждения, как самого Зелимхана, так и его ближайших родственнников. Эта история произвела переворот в их умах и душах. Если Гушмазукаевы до этого были лояльны к власти, то теперь они возненавидели ее.

Зелимхан в в скором времени совершил побег из мест заключения и поклялся отомстить Чернову. Узнав об этом, капитан Чернов через посредника передал Зелимхану, что он арестовал его ошибочно, просил извинить его за это, и обещал, что не будет преследовать абрека.

Зелимхан, поверив чиновнику, простил обидчика, однако тот своего обещания не выполнил. Чернов прекрасно понимал, чем грозит ему дальнейший ход развития событий и потому поспешно перевелся из Ведено. Тем самым ему удалось спастись от преследования абреком.

ВЕРБИЦКИЙ ГАВРИИЛ ВИКЕНТЬЕВИЧ

Полковник Вербицкий Гавриил Викентьевич (1867 г.р.), – казак станицы Червленной Терской области. Образование получил во Владикавказском реальном училище. Чуть позже окончил Московское пехотное юнкерское училище и Академию Гене-рального штаба.

Вербицкого ожидала блестящая военная карьера, стал атаманом Кизлярского отдела Терского Казачьего Войска, но противостояние с известным абреком Зелимханом стоило ему должности, и он был отправлен в отставку. Так, в марте 1909 г. Вербицкий назначется командиром специального «охотничьего отряда», на который возлагается поручение уничтоженин «разбойничьих шаек» (как Зелимхана, так и его едино-мышленников) в пределах Терской области.

К осуществлению задачи Вербицкий приступил неординарно. Войсковой старшина стал всячески оскорблять абрека в прессе и стал хвалиться, что уничтожит «разбой-ника». Более того, 14 марта 1909 года устроил погром чеченцев на Гудермесском базаре. На месте побоища осталось 3 убитых и 10 раненых. Зелимхан в ответ на погром и оскорбления, заблаговременно предупредив о своем намерении ограбил Кизлярский банк. Добыча от налёта была небольшой. Главное – удалось отомстить Вербицкому, авторитет которого сильно пошатнулся – терская администрация выразила крайнее недовольство бездействием Вербицкого и, уличенный в продажности и злоупотреб-лениях служебным положением, он, с рядом других коррумпированных чиновников, был предан суду и отправлен в отставку.

В августе 1914 г. Вербицкий был помилован и принят на службу во 2-й Волгский полк, в составе которого примал участие в первой мировой войне. В августе 1916 г. произведен в полковники. С 1917 г. командир 16-го Кавказского стрелкового полка.

КИБИРОВ ГЕОРГИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Георгий (Астемир) Алексеевич Кибиров, уроженец станицы Черноярской Терского казачьего войска. Службу начал в 1-ом Горско-Моздокском полку, затем с 1898 по 1902 годы был в Императорском Конвое. Участвовал в русско-японской войне и за боевые отличия получил георгиевские кресты, орден св. Анны и стал прапорщиком. Окончил войну в чине хорунжего и был зачислен в Дагестанский конный полк.

Имя Георгия Кибирова стало известно всей России, когда в сентябре 1913 года он с отрядом своего полка ликвидировал абрека Зелимхана. Георгий Кибиров из осетин-казаков подходил на роль идеально. Не чуждый законам гор, он хотел отомстить Зелимхану за смерть дяди – начальника Веденского округа полковника Галаева и гибель своих однополчан по Дагестанскому конному полку, которые попали в засаду, устроенную Зелимханом. В ходе операции Зелимхан отстреливался, тяжело ранил Кибирова. Излечившись от раны, Кибиров продолжил службу, в июне 1914 года получил чин штабс-ротмистра.

В годы Первой мировой войны был переведен во 2-й Дагестанский конный полк. В 1916 году прикомандирован к Ингушскому конному полку, в котором командовал 5-й «абреческой» сотней. В 1917 году прикомандирован к 1-му батальону Осетинской пешей бригады. В июле произведен в подполковники, затем в полковники. С марта 1918 года Г. Кибиров – начальник гарнизона Владикавказа. Участвовал в Терском восстании и Белом движении. В феврале 1919 года полковник погиб в бою.

ДОНОГУЕВ ЗАЙНУДДИН АЛХАСОВИЧ

Зайнуддин Алхасович Доногуев родился в 1870 году в с. Чиркей. Окончил Бакинское Реальное училище и Московское пехотное юнкерское училище. Получив блестящее военное образование, служил на различных должностях в нескольких округов Дагестана. В русско-японской войне (1904-1905 гг.) З. Доногуев проявил себя как настоящий боевой офицер, получив сразу 4 награды. С войны вернулся в чине ротмистра. Дальнейшую службу проходил как специалист по обезвреживанию криминальных элементов в Чечне и Дагестане, в том числе и в составе «охотничьего» отряда войскового старшины Вербицкого (Доногуев на тот период командует 6-ой сотней Дагестанского конного полка).

В 1910 г. году сотня Зайнутдина приняла участие в крупной операции в Ассиновском ущелье под командованием князя Андронникова по поимке семьи абрека Зелимхана. В ходе операции князь Андронников был убит, а сам штаб-ротмистр Доногуев тяжело ранен (он на всю жизнь остался калекой).

В прошлом Зелимхан и Зайнутдин были знакомы, абрек просил чиркейца не преследовать его и предупреждал, что в противном случае он ему искалечит жизнь. Так и произошло.

В то же время, авторитет самого Зайнутдина в Дагестане был достаточно высок и, несмотря на инвалидность, в 1917 г. он был даже избран в Дагестанский исполком. Тем не менее, в 1927 г. большевики расстреляли офицера.

КУЖУЕВ АБДУЛ-МЕЖИД БАЧИЕВИЧ

Абдул Межид Бачиевич Кужуев (1868-1916), штаб-ротмистр, участник русско-японской и первой мировой войн. Абдул-Меджид Кужуев родился 14 мая 1872 г. в Терской области (с. Ачарышки). Был женат на дочери жителя Грозненского округа (Терской области) Абаза Дударкоева – Халеймат Абазаевой (Абазаевне).Окончил курс в Александропольском учительском институте и Тифлисское пехотное юнкерское училище по 2-му разряду.

Абдул-Межид Кужуев запомнился в народе как блестящий офицер и необыкновенного мужества человек. За отличие в делах против японцев награжден орденом Святой Анны 4-й степени. Уволен в отставку Высочайшим приказом в декабре 1912 года. В Первую мировую войну ушел на фронт добровольцем (в составе «Дикой дивизии»). Погиб в июле 1916 г., в возрасте 44 лет.

Штабс-ротмистр А.-М.Кужуев был лично знаком с абреком Зелимханом и на определенном этапе жизни (несмотря на то, что состоял на царской службе в чине штабс-ротмистра) приятельствовал с абреком Зелимханом, и относился к нему с большой симпатией.

В народной памяти сохранился факт его дуэли с одним из офицеров Веденской крепости, который позволил себе неуважительно отозваться о знаменитом абреке. Более того, в одном из докладов Военного Губернатора Дагестанской области от 17 марта 1912 г. Абдул-Межид Бачиевич Кужуев упоминается как один из участников подготовки в Чечне совместно с абреком Зелимханом вооруженного восстания.

ШАДИЕВ МУРЦАЛ АРСАМАКОВИЧ

Мурцал Арсамакович Шадиев (1863-1933) ингушский офицер, начальник Назрановской окружной полиции. Упомянут в повести Д. Гатуева «Зелимхан» (1926) как Мурцал Шабадиев.

Судьба свела его с Зелимханом в 1910 г., когда начальник Назрановского округа князь Андроников во главе двухтысячного войска предпринял поход в горную Ингушетию, где по агентурным сведениям, Зелимхан находился со своей семьей. Шадиев, в силу служебного положения, был вынужден принять участие в экспедиции, однако, сделал все возможное для того, чтобы отговорить князя от похода. Тот, остался непреклонным. В ответ Шадиев заявил, что не может ручаться за жизнь князя, и потребовал от него письменное свидетельство о том, что он не несет ответственности за возможные последствия.

Тем временем, узнав, о походе, Зелимхан из Чечни срочно выддвигается в горную Ингушетию (семья к тому времени была уже захвачена). Он пробирается в Эгикал, где находится штаб отряда, и тайно встречается с Шадиевым. Абрек просит офицера организовать побег своим четырем товарищам-ингушам, находящимся в плену при отряде. Офицер отказывается, однако, несмотря на угрозу для себя, помогает абрекам бежать к Зелимхану. Зелимхан с бежавшими товарищами устраивает засаду отряду и убивает князя Андронникова. Позже, когда появились доносы о содействиии Шадиевым абреку, то именно собственноручное свидетельство князя Андроникова спасло и карьеру, и жизнь ингушского офицера.

БАГРАТИОН ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ

Генерал-лейтенант князь Дмитрий Петрович Багратион – автор известных статей по военным проблемам, издавал до 1914 года журнал «Вестник военной конницы». Именно в этом журнале Д.П. Багратион в свое время записал и обнародовал воспоминания поручика Кибирова о ликвидации абрека Зелимхана

Во время первой мировой войны Д.П. Багратион командовал знаменитой «Дикой дивизией». В сентябре 1915 года, временно командуя дивизией, провел блестящую контратаку и захватил 450 пленных, 5 пулеметов и др., за что был награждён Георгиевским оружием. В феврале 1916 сменил великого князя Михаила Александровича на посту командира этой дивизии.

После Февральской революции вследствие обвинений в «приверженности старому режиму» Багратион по распоряжению Гучкова был снят с поста и 15 апреля 1917 и зачислен в резерв чинов при штабе Киевского военного округа. Однако благодаря Бруси-лову, ставшего верховным главнокомандующим, 30 июня 1917 Багратион был снова назначен командиром своей дивизии.

В 1917 году участвовал в выступлении генерала Корнилова. В декабре 1918 года Дмитрий Багратион перешел на сторону красных и возглавил Высшую кавалерийскую школу РККА. Некоторое время являлся и.д. председателя Особой центральной комиссии по снабжению РККА конским составом. С марта 1919 в распоряжении Всеросглавштаба. Позже в комиссии по разработке кавалерийских уставов. Умер 21 октября 1919 года. Похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

ЧЕКАЛИН КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ

Военный инженер Константин Николаевич Чекалин (1858-1926) родился в г. Тифлисе. В 1875 г. он поступает в Михайловское артиллерийское училище в Петербурге, по окончании которого направляется на Кавказ для прохождения строевой. В 1884 г. Чекалин заканчивает Инженерную академию и направляется в инженерное Управление Кавказа. Все последующие годы, вплоть до 1914 г., в различных должностях и ведомствах он занимается строительством и обустройством кавказских путей сообщения.

В 1911 г., в ходе инспекционной поездки в Дагестан, на Керкетском перевале, между Ботлихом и Ведено комиссия, которую он возглавлял, подверглась нападению абрека Зелимхана. Известно, что в составе комиссии был очень состоятельный инженер путей сообщения Ючитский, который и стал предметом внимания Зелимхана. Предполагалось его пленение с последующим его обмен на арестованную семью абрека. Члены комиссии были убиты в ходе перестрелки, а сам Чекалин попал в плен абреку из которого ему удалось самостоятельно бежать.

К началу Первой Мировой войны К. Чекалин нанимается производителем работ по возведению войсковых зданий. В 1916 г. он строит Батумскую крепость. В 1918 году Батум сдан Турции, Чикалин оказался в плену. По возвращении из плена в Тифлис он уходит в отставку. Последняя запись в его трудлвой биографии датирована 1925 годом, когда Чекалин К.Н., занимая скромную должность старшего инженера технического отдела Управления шоссейных дорог ССР Грузии.

КАЗАНАЛИПОВ АСЕЛЬДЕР-БЕК

Асельдер-Бек Казаналипов – видный общественно-политический деятель Дагестана. Участник подавления восстания горцев в 1877 г.. В 1906 году по ходатайству графа И.И. Воронцова-Дашкова Казаналипов был определён на службу чиновником особых поручений, с 1909 года служил в должности штабмейстера (тайный советник) Двора Его Императорского Величества Николая-II.

По свидетельству биографа абрека Зелимхана Харачоевского писателя К. Гатуева именно А. Казаналипов является автором тонкой и хитрой операции по ликвидации абрека. Именно Асельдер посоветовал наместнику Кавказа использовать против абрека отряды, сформированные из коренных кавказцев, не уступавших абрекам ни в знании местности, ни в мужестве. В итоге в 1913 г. после 12 лет упорной борьбы царским войскам удалось уничтожить Зелимхана.

Вплоть до Февральской революции 1917 года А. Казаналипов был действительным статским советником. Из справки НКВД: «В период двоевластия (с 1917 февраль – по октябрь) и в последующий переходный период, в том числе и гражданскую войну, а также в годы Советской власти, до отъезда в Турцию, никакой противоправной деятельностью не занимался». В 1925 г. Казаналипов получил визы НКИД и выехал на постоянное место жительство в Турецкую республику. Там до своей кончины занимался фермерским хозяйством. Похоронили Асельдера на кладбище кумыкско-карачаевского селения Доганджи (вилает Чанакале).

КОТИЕВ ЯНИ МЕЙЛИ-ХАДЖИЕВИЧ

В 1910 году начальник Назрановского округа князь Г.А. Андроников в целях поимки абрека Зелимхана затеял экспедицию двухтысячного войска в горную Ингушетию, которая закончилась трагично и практически безрезультатно – вместо абрека удалось пленить лишь его семью, а сам начальник округа был убит в ходе продолжительного боя с абреком. Известно, что в отряде Андроникова находился ингуш капитан Яни (Таги) Котиев, ставший позже прототипом капитана Курдиева в книге Дзахо Гатуева «Зелимхан».

Как известно, за укрывательство абрека и его семьи властями жестоко было наказано несколько ингушских сел, жители которых были сосланы в Сибирь. Судя по сведениям из ингушских источников, капитан Котиев Я.М. ездил в Петербург с прошением к царю не наказывать народ за убийство Зелимханом князя Анронникова.

О самом Яни, ставшего прототипом Курдиева, известно не много. Котиев Яни (Таги) Мейли-Хаджиевич – участник русско-японский войны (1904-1905 гг.). Вместе с ним приняли участие в этой войне и пять его родных братьев Яни – Бунхо, Умар, Эльберд, Магомед и Юсуп.

Рассказывают, что уже после начала этой войны в 1904 г. Яни собрал людей, которые по тем или иным причинам скрывались от властей (в том числе и абреков), и повез их добровольцами на фронт. Таким образом эти люди были реабилитированы и легализованы перед властью.

Известно,также что один из братьев Котиевых – Котиев Бунхо Мейли-Хаджиевич приказом Наместника Кавказа графа Воронцова-Дашкова был назначен старшиной Джейрахско-Мецхальского общества.

В 1937 году Яни Котиев был репрессирован органами НКВД.

ПЕТРОВ ИВАН ЕФИМОВИЧ

В 20-е годы прошлого столетия в Афганистане прославился некто Зелимхан – командир одного из отрядов Амануллы-хана свергнутого мятежниками. Лишь сравнительно недавно выяснилось (информация была засекречена), что под этим именем скрывался командир 8-й кавбригады Среднеазиатского ВО СССР, позже генерал армии и герой Советского Союза Иван Петров, который по секретному соглашению между СССР и «афганскими друзьями» выступил на стороне свергнутого хана. Оказалось комбриг И. Петров выбрал имя-легенду Зелимхан под впечатлением от образа абрека Зелимхана из фильма О. Фрелиха «Зелимхан» (1926), который демонстрировался в те годы в кинотеатрах страны при полном аншлаге.

Петров Иван Ефимович – (1896-1958), советский военачальник, генерал армии (1944), Герой Советского Союза (1945). С 1929 по 1932 гг. участник борьбы с басмачеством (командир кавполка и стрелковой дивизии). В 1933 г. – начальник Ташкентского военного училища. В 1940-1941 гг. командовал стрелковой дивизией и механизированным корпусом. В Великую Отечественную руководил обороной Одессы и Севастополя, участвовал в битве за Кавказ, в освобождении Белоруссии, Чехословакии, Германии. После войны занимал ряд должностей в МО СССР -командующий Туркестанским ВО, 1-й зам. гл. инспектора Советской Армии, начальник Главного управления боевой и физической подготовки, 1-й заместитель главкома Сухопутными войсками Министерства Обороны СССР.

ГЛАВА 2. ПОЛИТИКИ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ

ЦАЛИКОВ АХМЕД ТЕМБУЛАТОВИЧ

Осетинский писатель, публицист и общественный деятель Ахмед Тембулатович Цаликов, родился в ауле Нокгау Терской области. В 1899 поступил на юрфак МГУ, в Москве участвовал в студенческом движении,а в 1905 г. – в революционных событиях во Владикавказе. С 1902 по 1910 гг. сотрудник газеты «Северный Кавказ», публиковадся также в газете «Отклики Кавказа» и в журнале «На Кавказе».

В газете «В мире мусульманства» в статье «На ложном пути» Цаликов осуждает репрессии властей по отношению к горцам в связи с борьбой с абреком Зелимханом. Он считал, что абреки – «разбойники поневоле и жертвы общественной или административной несправедливости». Цаликов фактически первым предал широкой огласке, опубликовал и проанализировал письмо известного чеченского абрека Зелимхана Гушмазукаева, направленное им на имя председателя Государственной Думы. Автор выражал надежду на то, что депутатам небезынтересно будет познакомиться с причинами, заставившими Зелимхана преступить закон и совершать насильственные преступления.

С 1917 по 1920 гг. Ахмед один из лидеров фракции меньшевиков в РСДРП, работает в Тифлисе издателем и редактором различных изданий. После победы Советской (в 1921) эмигрировал в Чехословакию, и затем в Польшу. За границей издавал журнал «Кавказский горец». Умер в Праге (район Варшавы).

МУХТАРОВ МУРТАЗА

Муртаза Мухтаров – известный бакинский нефтепромышленник, миллионер, купец и меценат. Известен как щедрый благотворитель. Являлся попечителем Бакинского реального училища, Темирхан-Шуринской женской гимназии, почетным членом общества распространения грамотности среди горцев Терской области, почётным членом Петербургского мусульманского благотворительного общества, учредителем 40 стипендий для высших и средних специальных учебных заведений. Вел борьбу с суевериями и предрассудками в среде горцев. С этой целью издавал в Баку газету «Таракки». Строил школы и мечети. Оставил о себе память как о человеке добром и чутком, добросовестном коммерсанте. Именем Муртазы Мухтарова названа одна из улиц Баку.

Известно, что Муртаза имел приятельские отношения и несколько раз тайно встречался с абреком Зелимханом. Рассказывают, что он относился к абреку с большим уважением и почитанием, как к поборнику справедливости и чести. После трагической гибели абрека некоторое время принимал активное участие в дальнейшей судьбе семьи Зелимхана. Так, М.Мухтаровым был взят на содержание старший сын абрека – Магомет, который при его поддержке и финансировании был определен в реальное училище.

После захвата Красной Армией г. Баку 28 апреля 1920 года Муртуза Мухтаров в своей резиденции в ходе его штурма большевиками закончил жизнь самоубийством.

БАЗОРКИН ИБРАГИМ БОНУХОЕВИЧ

Один из первых ингушских дипломированных инженеров Ибрагим Бонухоевич Базоркин родился в 1878 г. в с. Базоркино Владикавказского округа Терской области. В 1900 г. он блестяще закончил Владикавказское реальное училище и поступил в Московское высшее техническое училище, которое окончил в 1906 году и занимался публицистикой. Его перу принадлежит много статей, в которых он затрагивал различные вопросы общественно-политической жизни народа. Являлся автором ряда публикаций об абреке Зелимхане (к примеру, «К вопросу о Зелимхане. Ответ Обществу любителей казачьей старины», г-та «Терек», 1910, №3917.)

Работал инженером в компании известного бакинского нефтепромышленника Муртазы Мухтарова. Так, в 1908 г. под руководством Ибрагима во Владикавказе на средства Мухтарова построена Суннитская мечеть.

Некоторое время проживал в г. Грозном в доме Абу-Бакара Мирзоева (3-х этажный особняк больше известный в народе как «чеченский гастроном»), в котором после возвращения из ссылки проживала и семья абрека Зелимхана. Это обстоятельство и личное знакомство с семьей абрека и послужило первопричиной того, что Ибрагим принял личное участие в судьбе семьи абрека. Именно с его подачи азербайджанский миллионер Муртаза Мухтаров (который был в кунаках абрека), после трагической гибели Зелимхана, взял сыновей под свое крыло и устроил в реальное училище.

После провозглашения в 1918 г. Терской народной советской республики, Базоркин И.Б. был назначен на должность народного комиссара путей сообщения Терской области. Умер в годы в депортации в 1948 г.

КУРУМОВ МУСА КОСУМОВИЧ

Муса Косумович Курумов родился в семье участника русско-турецкой войны, чеченского генерала, бывшего советника князя Барятинского Косума Курумова. В свое время М.К. Курумов окончил Петербургскую Высшую школу, работал в качестве инженера в г. Грозном.

По сообщениям ряда источников, Муса приходился кунаком и названным братом абрека Зелимхана. Рассказывают, что случилось это после инциндента в Шатойском ущелье, когда абрек стрелял в офицера и случайно ранил Мусу. В знак примирения абрек и Муса и стали побратимами. После этого случая Муса неоднократно укрывал у себя и всячески поддерживал знаменитого абрека. Так, в одном из архивных документов, начальник Грозненского округа сообщал в область, что когда Зелимхан хотел взять в плен семью ротмистра Донагуева, проживающую на тот момент в Грозном, его план был «отклонен интеллигентом из туземцев, имеющим громадное влияние на Зелимхана». Принято считать, что под этим под «интеллигентом из туземцев» подразумевается имено Муса Курумов, имевший с абреком тесные связи.

В феврале 1917 года, как человек, придерживающийся либеральных взглядов, Муса активно поддержал февральскую революцию, а позже и объединение народов Северного Кавказа в составе России («Союз объединённых горцев Северного Кавказа»), провозглвшенный Первым Горским съездом в мае 1917 года. – М.К. Курумов являлся кандидатом в члены ЦК Союза от чеченского народа и входил в состав Горского правительства Тапы Чермоева. Позже, когда в Чечне установилась Советская власть, Тапа уехал за границу, а Муса отказался покидать Родину и был репрессирован.

МИРЗОЕВ АБУБАКАР

Представители старшего поколения грозненцев, наверняка, помнят знаменитый «чеченский гастроном» по бывшей ул. Ленина (ныне пр. А-Х. Кадырова), который в обиходе называли «Абубакар ц1а» (дом Абубакара). «Абубакар» – ни кто иной, как известный в начале прошлого века в деловых кругах Северного Кавказа крупный чеченский купец первой гильдии Абубакар Мирзоев (прибл. 1860 – 20 марта 1944 гг.).

А. Мирзоев имел обширные деловые контакты с российскими предпринимателями. В период 1-ой мировой войны он принял деятельное участие в финансировании русской армии: снабжал ее сукном для пошива военного обмундирования. В период гражданской войны купец, несмотря на то что являлся членом «Комитета спасения Чечни от большевизма», оказывал помощь фуражом, деньгами и оружием известному чеченскому революционеру Асланбеку Шерипову. Известен был купец и меценатством. Рассказывают, что Абубакар в каждую пятницу устраивал в городской столовой благотворительные обеды для неимущих, нередко представлял им и свой кров.

Некоторое время в одном из его домов скрывался от царской охранки и знаменитый абрек Зелимхан Харачоевский. При этом хозяин делал вид, что ничего не знает о своем госте, а тот был уверен, что Мирзоев не выдаст его властям. Позже в его особняке (бывший «чеченский гастроном»), вместе с семьей самого Мирзоева после возвращения из ссылки длительное время проживала и семья абрека.

Тем не менее, либеральные взгляды не спасли купца от «гнева пролетариата» – в 1917 г. особняк купца Мирзоева был экспроприирован большевиками и в здании размещено с десяток учреждений и организаций.

КРУПНОВ ЕВГЕНИЙ ИГНАТЬЕВИЧ

Известный советский археолог и кавказовед, доктор исторических наук, профессор Евгений Игнатьевич Крупнов родился в Моздоке в 1904 году. Его по праву можно назвать основоположником науки археологии на Северном Кавказе. Он принимал участие в историко-этнографических экспедициях в Чечне и Ингушетии под руководством крупного кавказоведа Л. Семенова, а с 1935 г. и сам возглавлял такого рода экспедиции. Одним из направлений его археологических изысканий были памятники материальной культуры Чечено-Ингушетии с древнейших времени и до позднего средневековья. Итогом его многолетней работы на Кавказе явился его фундаментальный труд «Древняя история Северного Кавказа». Авторские работы Крупнова по истории и археологии Кавказа, этногенезу, фольклору кавказских народов и новаторский научный подход дали работам Е.И. Крупнова международную известность. Среди правительственных наград и званий, которыми был отмечен ученый – звание заслуженного деятеля науки ЧИАССР и Кабардино-Балкарской АССР.

В памяти народов Кавказа Евгений Игнатьевич Крупнов останется как искренний, большой друг, память о котором сближает наши народы. Его знали и любили во всех республиках горного края. У него были близкие друзья во многих горных аулах. Одним из них был и младший сын знаменитого кавказского абрека Зелимхана Умар – Али Зелимханов, у которого Евгений Иванович неоднократно гостил в Ведено.

АВТОРХАНОВ АБДУРАХМАН ГЕНАЗОВИЧ

Авторханов Абдурахман Геназович (1908-1997) – историк-советолог, писатель, публицист и общественный деятель, доктор политических наук, член Союза Писателей СССР, почётный гражданин Чечено-Ингушетии.

Абдурахман был знаком и дружил в молодости с младшим сыном абрека Зелимхана Умар-Али Зелимхановым, о чем он рассказал в своих «Мемуарах», опубликованных за рубежом в издательстве «Possev-Verlag» в 1983 г.

«Весьма начитанный в области кавказоведения, он усердно собирал все данные – устные и письменные – о своем знаменитом отце, на которого он походил», – пишет Авторханов о младшем сыне абрека Умар-Али Зелимханове в своих воспоминаниях. В этой же работе он посвятил целую главу и самому абреку (гл. «Кавказское абречество и абрек Зелимхан»). Как указывает автор, в основу очерка легло ряд сведений об абреке Зелимхане, полученных им в свое время от сына абрека –Умар-Али.

А. Авторханов еще в молодые годы попал в партийную элиту. Так, в 1927 он вступил в ВКП(б) и поступил, по рекомендации чеченской парторганизации в Институт Красной Профессуры (ИКП) в Москве. В институте он сблизился с кружком сторонников Бухарина. Старт Авторханова был довольно серьезным. Его, как подающего большие надежды чеченца, назначили сразу вторым лицом в тогдашней партийной иерархии Чечни. В 1937 Абдурахман был арестован, подвергался пыткам и имитации расстрела, позже оправдан судом. Перешел линию фронта.

Являлся профессором американской военной академии и председателем её Ученого Совета. Автор ряда книг по истории СССР и его системе управления. Умер в 1997 г.

КОСТЕРИН АЛЕКСЕЙ ЕВГРАФОВИЧ

Алексей Евграфович Костерин – известный правозащитник, писатель и общественно-политический деятель родился в.1896 г. в с. Нижняя Бахметьевка Саратовской губернии в семье рабочего-металлиста, изобретателя-самоучки. Член партии большевиков с января 1918 года, активный участник гражданской войны (Баку, Грозный, Тифлис, Северный Иран, Владикавказ). В начале 1920 года военный комиссар Чечни, затем секретарь Кабардинского обкома РКП (б). В 1922-1936 гг. жил в Москве, занимался художественной литературой и журналистикой. Был членом литературных групп «Молодая гвардия», «Октябрь, «Кузница», «Перевал» и корреспондентом ряда московских газет.

В 1960-70-е гг. А. Костерин являлся одним из лидеров движения за реабилитацию репрессированных народов. Много лет занимался восстановлением справедливости по отношению к чеченцам и ингушам, неоднократно обращался по этому поводу в высшие партийные инстанции, подвергался за это обыскам и допросам в КГБ. Костерин трижды сидел – один раз при царе, два раза – при советской власти. Три раза исключался из партии и два раза – из Союза писателей. Автор рассказов «По Чечне» и «Асир-Абрек: Чеченская песня». Часть костеринского архива без регистрации хранится на Лубянке, часть – в бывшем Музее Революции.

Был лично знаком и дружил с младшим сыном абрека Зелимхана Харачоевского – Умар-Али Зелимхановым. Неоднократно гостил у него в Ведено.

ГЛАВА 3. ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

ШАЛЯПИН ФЕДОР ИВАНОВИЧ

Фёдор Иванович Шаляпин – знаменитый русский оперный и камерный певец (высокий бас), в разное время солист Большого и Мариинского театров и театра Метрополитен Опера. Первый народный артист Республики, в 1918-1921 годах – художественный руководитель Мариинского театра.

Ф. Шаляпин имеет репутацию артиста, соединившего в своём творчестве «прирождённую музыкальность, яркие вокальные данные, необыкновенное актёрское мастерство». Занимался также живописью, графикой и скульптурой, снимался в кино. Оказал большое влияние на мировое оперное искусство.

До сих пор в народе рассказывают быль и о том, как однажды во время гастролей по Кавказу Федор Шаляпин случайно попал в заложники к абреку Зелимхану. Когда Зелимхан узнал, кто попал к нему в руки, он попросил его спеть. Когда Щаляпин спел, растроганный до слез абрек отпустил его на свободу, предварительно взяв с него слово, что он никому не расскажет, что видел слезы на глазах чеченца.

Шаляпин сдержал свое слово, и рассказал эту историю только в 1938 году, на смертном одре. Весной 1937 года у Шаляпина был обнаружен лейкоз. 12 апреля 1938 года он скончался в Париже. Был похоронен на парижском кладбище Батиньоль а позже (в 1984 году с разрешения его сына Фёдора Фёдоровича) перезахоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

ФРЕЛИХ ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ

Актёр театра и кино, режиссёр, Заслуженный артист РСФСР Олег Николаевич Фрелих родился 12 (24 марта) 1887 года в Москве. Закончил юридический факультет Московского университета, а в 1911 году драматическое отделение Московского филармонического общества.

До и после революции работал актёром театра и кино. Попутно в середине 20-х годов сам начинает снимать. Снимал в основном для национальных студий: «Белгоскино», «Чуваш-кино», «Узбекгоскино», «Востоккино».

В 1935 году Фрелих стал артистом Театра Красной Армии, а в 1939 году пришёл в Театр имени Ленинского комсомола. На сцене Ленкома выступал с 1939 по 1941 год, а затем с 1943 по 1951 годы.

Всего Олег Николаевич сыграл в более чем 50 фильмах, в основном это было немое кино. Его амплуа – ловкие авантюристы, молодые и элегантные персонажи.

Наиболее известными его фильмами стали «Абрек Заур» и «Зелимхан». Эти черно-белые немые ленты в свое время прошли с успехом по всем континентам. И хотя создатели не обладали мировыми именами, «вестерн» был принят в 20-е годы на «ура». А исполнителя главной роли Л.Бестаева американская критика окрестила кавказским Дугласом Фербенксом. Олег Фрелих ушёл из жизни 6 сентября 1953 года.

КОВАЛЕВСКИЙ ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ

Ковалевский Павел Иванович (1850-1930), психолог, религиозный деятель, эмигрант. Автор книги «Восстание в Чечне и Дагестане в 1877 и 1878 гг. Зелим-хан (Зикризм)» – СПб.: Тип. М.И. Акинфиева, 1912 год).

Родился в 1850 г. в Харькове в семье священника. Окончил Екатеринославскую духовную семинарию и медицинский факультет Харьковского университета. Профессор психиатрии (1879-1894). Ректор Варшавского университета (1894). Заслуженный профессор. Являлся старшиной Русского национального клуба и членом совета Русского национального союза. Накануне революции в течение 2-х лет читал курс судебной психологии на юридическом факультете Петроградского университета.

Исторические труды Павла Ивановича «Народы Кавказа», «Завоевание Кавказа Россией», «История Малороссии», «История России с национальной точки зрения» выдержали несколько изданий в дореволюционной России, в советское время считались реакционными и не печатались.

После революции был мобилизован в Красную армию главным врачом военного отряда, затем до 1924 г. работал главным врачом психиатрического и нервного отделения Николаевского госпиталя в Петрограде. В декабре 1924 г. получил разрешение на выезд за границу. В эмиграции в Бельгии (ок.1925). Проживал в г. Спа (Бельгия). В 1925 г. обращался к митрополиту Евлогию (Георгиевскому) с предложением прочитать курс психологии в Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже, однако преподавать в Свято-Сергиевском институте П.И. Ковалевскому, по-видимому, не пришлось. Скончался в 1930 г. в Бельгии.

С. К. БЕРДЯЕВ

С.К. Бердяев был начальником Саясановского участка Веденского округа. Саясановский участок включал в себя территорию по правую сторону реки Аксай современного Ножай – Юртовского района Чечни.

Саясановский участок включал в себя территорию по правую сторону реки Аксай современного Ножай – Юртовского района Чечни.

Бердяев С.К. Год издания: 1932 . Бердяев С. Чечня и разбойник Зелимхан. (Из далеких воспоминаний). Париж, 1932. 64 с.

Бывший русский начальник одного из чеченских округов С.Бердяев, после революции 1917 года бежал за границу и там написал свою правду о колониализме на Кавказе.

Материалом для книги послужили воспоминания самого автора о пребывании его в Чечне, куда он был командирован после окончания русско-японской войны. В книге описывается административное устройство Чечни, ее природа, быт, нравы, и т.д., а также, в связи с этим, приводится биография знаменитого чеченского разбойника Зелимхана и описываются его деяния.

ГАТУЕВ ДЗАХО (КОНСТАНТИН) АЛЕКСЕЕВИЧ

Осетинский писатель, историк, революционер и общественный деятель Дзахо (Константин) Алексеевич Гатуев родился в 1892 г. в г. Владикавказ в семье просветителя, священника А.Г. Гатуева.

После окончания владикавказской гимназии в 1912 году поступил в Московский университет. Студентом, принимал участие в деятельности подпольного марксистского кружка. Был знаком с С.М. Кировым, по заданию которого

распространял во Владикавказе большевистскую агитационную литературу.

В 1917-18 гг. сотрудничал с газетой «Горская жизнь»,работал в государственных органах. С декабря 1924 член контрольной комиссии Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б). Зав. литературным отделом НКП Горской республики. С 1928 г. проживал в Москве и работал в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ). Возвратившись на родину, продолжил журналистскую деятельность. Публиковал очерки на страницах ж-лов «Народный учитель» и «Наши достижения».

Наибольшую известность получила его повесть о чеченском абреке Зелимхане Гушмазукаеве «Зелимхан» (1926). Это документально-художественное произведение о знаменитом абреке, действия которого в предреволюционные 1901-1914 гг. явились протестом против жестокой колониальной политики царизма на Северном Кавказе. Повесть экранизирована, фильм под тем же названием был создан в начале 30-х гг. и прошел с большим успехом не только по всей стране, но и в зарубежных странах.

Жизнь Дзахо трагически оборвалась в самом расцвете творческих сил писателя.. Константин Алексевич Гатуев погиб в июне 1938 года в результате репрессий, в период культа Сталина.

МАМАКАЕВ МАГОМЕТ АМАЕВИЧ

Магомет Амаевич Мамакаев (1910-1973 гг.) – поэт, прозаик, публицист, литературный критик – один из тех, кто стоял у истоков современной чеченской литературы. Член ССП с 1934 года. Автор романа «Зелимхан» о жизни легендарного чеченского абрека Зелимхана Харачоевского.

Родился М. Мамакаев в 1910 г. в чеченском селе А-Мартан в семье крестьянина. Оставшись в 10 лет круглой сиро-

той, воспитывался в детском доме. Окончил Коммунистический университет трудящихся Востока имени И. В. Сталина и Высшие литературные курсы в Москве.

С 1930 по 1960 годы работал на различных партийно-государственных должностях: секретарем У-Мартановского окружкома ВКП(б), членом пропгруппы ЦК ВКП(б), зам. редактора г-ты «Грозненский рабочий», зав. отделом школ и науки Чечено-Ингушского обкома ВКП(б, директором Чеченского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, редактором газеты «Ленинский путь», редактором чеченского альманаха «Орга».

В 1937 году в период Большого террора писателя посадили в тюрьму г. Грозный. В 1940 году он снова был арестован в Элисте и до 1956 года находился в лагерях на севере – в Игарке. Вклад М. Мамакаева в становление современной чеченской литературы навсегда вписал его имя в историю культуры Чечни.

БЕСТАЕВ ЛАДО (ВЛАДИМИР)

Владимир (Лади, Ладо) Герасимович Бестаев (родился в 1897 году, в Южной Осетии, родом из Цхинвала) – выдающийся актёр немого кино, один из первых актёров советского немого кино. Пик славы и популярности Бестаева продолжались с 1919-го года по 1927 гг.

Когда он был студентом в Тифлисе, туда приехала французская киногруппа. Они снимали фильм «Огнепоклонники». На одну из ролей пригласили и Вл. Бестаева. Однако, настоящая кинопопулярность Бестаеву пришла, когда он снялся у режиссёра Бориса Михина в фильме «Абрек Заур» о борьбе горцев во главе с Заур-беком с царскими

властями в середине 19 го века. Фильм, принесший актеру славу национального героя, считается одним из первых советских боевиков и шедевром конца 1920-х годов. Он прошёл с успехом по всем странам и континентам, а исполнителя главной роли Вл. Бестаева американская критика окрестила «кавказским Дугласом Фэрбенксом».

После «Абрека Заура» Бестаев снялся в приключенческом фильме Олега Фрелиха «Зелимхан» («Грузия-фильм»). Фильм смотрится как романтический триллер за вычетом затянутой завязки, где с идеологическим нажимом мотивируется уход в абреки Зелимхана и его товарищей, несправедливо осужденных и сбежавших из царистского застенка. Однако вне всякого сомнения, при благоприятных обстоятельствах фильмы «Абрек Заур» «Зелимхан» могли бы стать «первотолчком» возникновения особого варианта кавказского вестерна, ибо драматургическая насыщенность, острота характеров и бури страстей в жизни Кавказа не беднее почвы, на которой вестерн закрепился в США. Умер в 1988 году в Москве. Похоронен на Введенском кладбище.

НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ АНОЩЕНКО

Оператор фильма «Зелимхан» (1926 г.) российский сценарист, оператор, режиссер и педагог, журналист Николай Дмитриевич Анощенко подился в Белгороде.

В 1916 г. окончил Высшую Военную воздухоплавательную школу. В 1909-1924 гг. работал в авиации. С 1913 г. одновременно работает в кино: был заведующим отделом журнала «Кино, театр, и жизнь», консультантом отдела науч-

ных съемок Кинокомитета Наркомпроса. Является сценаристом и режиссером первых научно-популярных и учебных фильмов для воздушного флота.

В 1924 г. был преподавателем ВГИКа по курсу: «Основы кинотехники», «Общая кинотехника», и «Технология производства фильма», деканом операторского, киноведческого и экономического факультетов (с 1930 г. – доцент, с 1940 г. – профессор кафедры операторского мастерства). В 1927 г. участвовал в постановке комедии «Калоша № 18» как сценарист, режиссер и оператор. Принимал участие как оператор в создании ряда фильмов: «Злой дух» (1928), «Хас-пуш» (1928), «Пять минут» и «Зелим-хан» (совместно с Г. Блюмом и Н. Поликарповым – оба в 1929.).

Имеет научные труды в области кинотехники, в том числе проектом с непрерывным движением пленки и аддитивную систему цветового кино «Спектроколор», по которой был снят первый цветной фильм «Праздник труда». Ряд его книг по кинотехники был издан за рубежом. Умер 14 декабря 1974 года.

КУСОВ ДМИТРИЙ

Автор документально – приключенческой повести об абреке Зелимхане Харачоевском «Последние дни Зелимхана» Дмитрий (Касиолат) Ипполитович Кусов родился 10 сентября 1889 году в г. Владикавказ. В 1889 году его семья в поисках заработков переехала в Иркутск. В этом городе он и провёл свои детские и юношеские годы. В 1906 году, после смерти отца, вместе с матерью возвратился во Вла-

дикавказ. В 1908 году окончил владикавказское городское училище.

Свою литературную деятельность Д. Кусов начал в 1902 г. со сборника стихов под названием «Расцвет в горах», затем вышли очерки «Горянка» в Ростове-на-Дону, в 1931 г. сборник басен и юморесок «Еще встречаются такие» – в 1961 г. в Орджоникидзе. Однако в литературе он известен главным образом как драматург («Дети гор», «Заурбек», «Неудачное похищение, «Белый туман», «Земля» (1938), «Герой Мишутка» (1940), пьеса «Мариам», «Луч жизни», «Сын народа», «Проклятый», «Урмули», «Хадзимет Рамонов»),

По материалам, собранным писателем во время многократных поездок по районам Северного Кавказа, были созданы очерки, изданные отдельной книгой под названием «Горянка» в Ростове-на-Дону в 1931 г. Перу драматурга принадлежит также до 25 одноактных пьес для сельской сцены.

В 1915-17 гг. Д. Кусов служил в армии. После демобилизации возвратился в Тифлис и вел литературную работу. Позже он работал в Москве на кинофабрике в качестве этнографа-консультанта и помощника режиссера. В 1923 г. по сценарию Д. Кусова была снята кинокартина «Абрек Заур», принятая зрителем восторженно. Умер Д.И. Кусов 9 февраля 1964 г.

АЙДАМИРОВ АБУЗАР АБДУЛХАКИМОВИЧ

Советский и чеченский писатель и поэт, классик чеченской литературы, Народный писатель ЧИАССР Абузар Абдулхакимович Айдамиров родился в октябре 1933 года в с. Мескеты Ножай-Юртовского района. В 1963 году окончил историко-филологический факультет Чечено-Ингушского государственного пединститута. В 1967-1969 гг. учился на Высших литературных курсах

при Союзе писателей СССР. В 1969-1989 гг. был членом правления Союза писателей ЧИАССР. Долгое время работал учителем, затем директором средней школы в своём родном селе Мескеты. За многолетнюю педагогическую деятельность был награждён высокими правительственными наградами.

Айдамиров всегда писал правду о жизни своего народа, чего бы ни касались его произведения – седой старины или проблем сегодняшнего дня. Но, правда, о которой он писал, не всегда соответствовала идеологическим установкам времени. И были времена, когда писатель надолго попадал в опалу.

Автор исторической трилогии о кавказских войнах XIX века: «Долгие ночи», «Молния в горах» и «Буря», они переведены на арабский, турецкий, французский и другие европейские языки. Третья заключительная часть трилогии («Буря») посвящена изображению жизни чеченского народа в начале XX века. В центре повествования – абречество и борьба абрека Зелимхана Харачойского (1901-1913) за социальную справедливость.

ЧАБУА ИРАКЛИЕВИЧ АМИРЭДЖИБИ

Известный грузинский советский писатель, классик грузинской литературы XX века, автор романа «Дата Туташхиа» и ряда других известных произведений Мзечабук (Чабуа) Амирэджиби родился в 1921 в Тифлисе, в княжеской семье. Род князей Амирэджиби – один из наиболее древних и знатных грузинских родов, имеющий тысячелетнюю историю.

Сначала были арестованы родители будущего писателя, затем и он сам. Его натура не могла примириться с этим, и он трижды совершал побеги. После одного из побегов ему удалось скрываться четыре с лишним года. Освобожден Чабуа Амирэджиби был только в 1959 году.

С 1960 года он занимается литературной деятельностью. В 1962 году вышла его первая книга на грузинском; языке, в 1966 – первая книга в переводе на русский язык. Особую популярность Ч. Амирэджиби принес роман «Дата Туташхиа». В 1973 и 1975 годах были изданы первая и вторая части романа, который сам писатель перевёл затем на русский язык (первая публикация – в 1976 году, Государственная премия СССР – в 1981-ом).

Образ главного героя одного из самых известных романов писателя Д. Туташхиа (по признанию самого автора романа) – собирательный образ кавказского абрека и в реальности такого абрека как Д. Туташхиа не существовало. В то же время, в основу этого собирательного образа легла жизнь абрека Зелимхана Харачоевского, как самого знаменитого из кавказских абреков. Писатель собрал в этом образе воедино все положительные черты кавказских «разбойников», решив, таким образом, проблему «черных» и «белых» полос, присутствующих в биографии каждого абрека.

ЛОРДКИПАНИДЗЕ ГРИГОРИЙ ДАВИДОВИЧ

Григорий (Гига) Давидович Лордкипанидзе – народный артист СССР, известный советский грузинский режиссёр театра и кино. Миллионы зрителей на всем постсоветском пространстве знают и любят Лордкипанидзе за телесериал «Берега», который был показан по Центральному телевидению в 1977 году. Фильм снят по роману Чабуа Амирэджиби «Дата Туташхиа» и рассказывает о судьбе народного мстителя, абрека Даты Туташхиа, прототипом

которого стал легендарный чеченский абрек Зелимхан Харачоевский.

За эту работу Гига Лордкипанидзе, как называют режиссера на родине, был удостоен не только звания народного артиста СССР, но и Государственной премии СССР. Он снял также художественные фильмы «Земля отцов наших», «В одном маленьком городе», «Белые флаги».

Гига Лордкипанидзе много и плодотворно работал в театре. Он является Вице-президентом Международной конфедерации театральных союзов и в разные годы возглавлял лучшие театральные коллективы в Грузии – Тбилисский академический театр имени Котэ Марджанишвили, Руставский драматический театр, Театр музыкальной комедии имени Абашидзе. Кроме того ставил спектакли в московских «Современнике», Театре на Малой Бронной и Театре юного зрителя, Четверть века был председателем Союза театральных деятелей Грузии. Скончался 13 июня 2013 года. Похоронен в Дидубийском пантеоне в Тбилиси.

ВОЛОДАРСКИЙ ЭДУАРД ЯКОВЛЕВИЧ

Володарский Эдуард Яковлевич – автор сценария фильма (фильм так и не был снят) «Зелимхан» (совместное производство с ООО «Синема-Зелимхан», режиссер-постановщик фильма – Валерий Ахадов). Полное название организации: «Синема-Зелимхан» фирма: ООО.

Советский и российский киносценарист, драматург и прозаик Эдуард Яковлевич Володарский родился 3 февраля 1941 года. В 1968 году окончил

сценарный факультет Всесоюзного государственного института кинематографии. Как сценарист дебютировал фильмом «Шестое лето» (1967. Участвовал в создании кинокартины «Свой среди чужих, чужой среди своих» Н. Михалкова. После того как ряд его фильмов, оказались на «полке», он обратился к театральной драматургии.

Первая его пьеса, «Долги наши», была сразу же поставлена О. Ефремовым во МХАТе, она шла в ста двадцати девяти театрах СССР. Не меньшим успехом пользовалась также «Уходя, оглянись». Всего же Володарским написано одиннадцать пьес и более полусотни сценариев. Автор ряда произведений, написанных якобы в соавторстве с В. Высоцким.

Среди наиболее известных фильмов, снятых по сценариям Эдуарда Володарского, – «Штрафбат», «Емельян Пугачёв», «Демидовы», «Мой друг Иван Лапшин», «Моонзунд», «Прощай, шпана замоскворецкая…» (практически автобиография), «У каждого своя война» (16 серий, 2011 год), «Троцкий», «Бездна. Круг седьмой». Автор книг: «Русская», «У каждого своя война», «Дневник самоубийцы», «Охотник за черепами». Работал также над книгами о Вольфе Мессинге, Столыпине и пр.

Умер 8 октября 2012 года в Москве. Похоронен 11 октября на Ваганьковском кладбище.

ГИРЕЕВ ДЕВЛЕТ АЗАМАТОВИЧ

Девлет Азаматович Гиреев родился в 1916 г. в с. Канглы Минераловодского района Ставропольского края. В его биографии значится много профессий – табунщик, монтер, радио-механик нач. радиоузла идр., однако свое призвание Девлет нашел в литературе. Уже в 1935-37 гг. он начинает писать для местной С сентября 1937-го. Гиреев студент литературного факультета Северо-Осетин-

ского пединститута. Позже работает ст. научным сотрудником музея в Пятигорске, редактором Северо-Осетинского книжного издательства , школьным учителем. В 1956 году Гиреев защитил кандидатскую диссертацию и перешел на преподавательскую работу в Северо-Осетинский педагогический институт. Его литературоведческие интересы развивались в двух планах – Лермонтоведение и упор на линии интернационализма и братства литератур.

В 1975 году Девлет Гиреев выпустил «Рассказы литературоведа». В очерке «Пленник абрека» он поведал читателям старую историю о случайной встрече человека, оставившего глубокий след в истории русской , Ф. И. Шаляпина с абреком Зелимханом, которую передавали из уст в уста. Изучив многочисленные архивные материалы, письма, газетные публикации, Д. Гиреев вписал новые страницы в малоизученную историю абрека. История встречи знаменитого абрека вызвала большой интерес историко и широких кругов читателей. В последние годы жизни Гиреев был редактором альманаха «Литературная Осетия». Жизнь его трагически оборвалась 21 октября 1981 г.

БАКАРОВ МУСА УСМАНОВИЧ

Автор книги «Обарг Зеламхех дагалецамаш» («Воспоминания об абреке Зелимхане». 1990 г.) Бакаров Муса родился в 1924 году в селе Махкеты Веденского района. Свою трудовую деятельность Муса начал с должности почтальона. В последующем он сменил множество профессий: работал завмагом, аппаратчиком на заводе, заготовителем, предсе-

дателем колхоза, инспектором финотдела, начальником станции защиты растений и даже внештатным корреспондентом районной газеты, публиковался нередко и в республиканской печати.

За долгие годы своей богатой трудовой биографии он неоднократно награждался медалями, почетными и похвальными грамотами, избирался и народным депутатом.

Однако, главной его «страстью» стало сбор фактов из жизни Зелимхана из Харачоя. Интересоваться и расспрашивать о нем он начал еще в раннем возрасте, но официально «точкой отсчета» принято считать 1940-й год – год, когда он начинает записывать свои беседы с очевидцами событий на бумагу.

Книга длиною в жизнь – это не метафора. Вряд ли Муса, когда он только-только начинал записывать свои беседы с людьми, знавшими Зелимхана, думал о том, что его труды в будущем выльются в книгу. Однако, писал он ее, действительно всю свою жизнь – лишь в 1990 году книга, в которой приведены уникальные факты из жизни абрека наконец, увидела свет Если применить модное сейчас слово «бестселлер», то о «Воспоминаниях об абреке Зелимхане» вполне можно сказать как о книге-бестселлере, второй после «Долгих ночей» Абузара Айдамирова. Книга эта в читательских кругах нашей республики вызвала (и до сих пор вызывает) живой интерес.

САДУЛАЕВ АБДУЛА

Автор драмы «Зелимхан» Абдула Садулаев родился в 1938 г. в с. Урус-Мартан. После окончания школы, а затем и училища, Абдула служит в Советской Армии стрелком-радистом на бомбардировщике дальней авиации. После службы в 1966 г. оканчивает Грозненский нефтяной институт. С геологическими партиями побывал во многих уголках СССР, исходил вдоль и поперек всю Чечню и Ингушетию.

Со временем Абдула увлекается журналистикой, и переходит на работу в редакцию газеты «Грозненский рабочий» и становится литературным сотрудником. Переезжая с места на место, работает журналистом в городах Северного Кавказа. С 1990 года внештатно сотрудничая в периодике, полностью отдается литературному творчеству.

Писать стихи Абдула Садулаев начал еще в школе. Рождались его стихи из чеченских песен, сказок, легенд. Первые стихи Абдулы Садулаева появились в печати на страницах республиканских газет «Комсомольское племя» и «Грозненский рабочий» в начале шестидесятых годов XX в. При жизни Абдулы Садулаева из печати вышло всего два сборника его стихов и поэм. Оба они были восторженно встречены любителями поэзии и высоко оценены литературной критикой. Абдула Садулаев умер в Грозном, в 2003 году. После него осталось много рукописей стихов, поэм, притч и т. д., которые ждут своего часа увидеть свет.

ГЕШАЕВ МУСА БАУТДИНОВИЧ

Известный писатель, поэт-песенник, публицист, литературный критик, Заслуженный деятель искусств ЧИАССР, академик Академии наук ЧР, член Союза писателей РФ Муса Гешаев родился в Грозном 20 августа 1940 года. В 1944 г. депортирован и его детство прошло в Джамбульской об. Казахской ССР.

В 1965 году окончил Ленинградский государственный институт театра, музыки, кинематографии. После окончания института был назначен главным инспектором Министерства культуры ЧИАССР. В 1967-1978 годах директор Чечено-Ингушского государственного ансамбля «Вайнах». В 1979 году назначен заместителем директора республиканской филармонии. С 1986 по 1993 гг. зани-

мает пост директора государственного объединения «Эстрада». В 2006 году удостоен Золотой медали Франца Кафки. В 2007 году награждён золотой медалью на поэтическом конкурсе в Париже.

С конца 1980-х гг. стал активно заниматься писательской и поэтической деятельностью. Автор стихов и более 100 песен. Эти песни часто исполняются на концертах, передаются по телевидению и радио. Исполнителями песен являются популярные чеченские и российские певцы. Автор очерка о жизни судьбе абрека Зелимхана, вышедшего в его масштабном ихдании «Знаменитые чеченцы» (1999 г.) и автор популярного в обществе поэтического произведения «Зелимхан». Награжден орденом «За заслуги» (2005), Золотой медали Франца Кафки (2006) и в 2007 году награждён золотой медалью на поэтическом конкурсе в Париже. Скончался в Москве в 2014 году.

ХОРУЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Хоруев Юрий Владимирович -выходец из казачьей семьи станицы Черноярской, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РСО-Алания, поэт, публицист, автор 10 книг и монографий, более 150 научных статей и очерков, в том числе и о детельности абрека Зелимхана Харачоевского.

Базовое образование: Учитель русского языка и литературы – 1951 г. Ветеран Великой Отечественной войны, ветерна труда. В прошлом комсомольский работник. Награжден знаком ЦК ВЛКСМ «За активную работу в комсомоле» (1958 г., медалью «Ветеран труда» (1987 г.) и всеми юбилейными медалями Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

Юрий Владимирович Хоруев внес бесценный вклад в изучение истории Северного Кавказа. Одно из направлений его научной деятельности – исследование феномена кавказского абречества второй половины XIX – начала XX веков. На основе документальных фактов автор объективно рассматривает кавказское абречество, подробно раскрывая этот вопрос без всяких легенд и мифов, которыми наводнена по данной теме литература. Значительное место в этих работах по теме «абречество» занимает и самый известный не только на Кавказе, но и во всей Российской империи абрек Зелимхан Гушмазукаев, о котором в те годы писала вся российская пресса и против которого снаряжались целые военные экспедиции.

БИБУЛАТОВ ВАХИТ МАГОМЕДОВИЧ

Член Союза журналистов России Вахит Магомедович Бибулатов печатается в СМИ Чеченской Республики, в основном об истории родного края. Один из составителей книги «Память (1941-1945 годы») об участниках ВОВ из ЧИАССР, автор-составитель книги «Рыцарь чести» о легендарном абреке Зелимхане Харачоевском, изданных Архивным управлением Правительства Чеченской Республики..

С 1973 по 1974 года учился в ПТУ-1 города Грозного на аппаратчика химического производства. Работал на ацетоновом и цементном заводах, на стройках, а также бухгалтером в торговле. Службу в армии проходил с 1974 по 1976 годы в Группе Советских Войск Германии.

Окончил заочно Северо-Осетинский техникум советской торговли. С 2011 по май 2016 года учился на ОЗО Исторического факультета ЧГУ.

С 1992 года работал в Архивном Управлении Правительства ЧР на различных должностях, а с августа 2009 года являлся Главным специалистом-экспертом отдела научно-исследовательской работы управления.

За активное участие в восстановлении Архивного фонда Чеченской Республики, безупречный добросовестный труд, высокий профессионализм, проявленный при исполнении служебных обязанностей, и в связи с 90-летием со дня образования Государственной архивной службы Российской Федерации награжден Почетными грамотами Президента и Парламента Чеченской Республики.

С февраля 2016 года на заслуженной пенсии, но не прекращает журналистскую и общественную деятельность.

ГАПУРАЕВ ХАСАН РИЗВАНОВИЧ

Чеченский поэт, прозаик, журналист, автор серии публикаций об абреке Зелимхане Харачоевском в местной печати Гапураев Хасан Ризванович родился 17 ноября 1950 года в г. Аральск Казахской ССР. Три высших образования: экономист, журналист, юрист. Член союза Журналистов СССР с 1974 года, России с 2000 года, член Союза писателей РФ с 1998 года.

Профессиональный журналист. В печати с 1967 года. Работал в газетах «Знамя Коммунизма», «Ленинский путь», «Возрождение Чечни», «Вести Республики», «Нохчийн парламент», «Чечня: народ и власть». Автор ряда литературных произведений и песен-хитов чеченской эстрады: «Хеда», «Белита», «Скучным вечером», «Незнакомая девушка», «Эвта-

ра» и других. Известность в журналистских кругах ему принесли юмористические рассказы и серия фельетонов в республиканской прессе.

Хасан Гапураев, как журналист и писатель, в своих произведениях старается осмыслить трагедию двух чеченских войн, о которых российский читатель знает лишь из телерепортажей центральных СМИ. Так, в 2005 году в ранге руководителя пресс-группы «Поезда дружбы» проехал от Иркутска до Шлиссельбурга. О своих впечатлениях, встречах и знакомствах написал книгу «Миссия мира или От Сахалина до Балтики».

ГЛАВА 4. РЕЛИГИОЗНЫЕ ДЕЯТЕЛИ

ЗЕЛИМХАН И ЧЕЧЕНСКИЕ ШЕЙХИ

Понимая, что пока Зелимхан находит поддержку у известных религиозных авторитетов его невозможно поймать или ликвидировать, военная администрация Кавказского края с согласия царя производит массовые аресты. Среди арестованных были известные в Дагестане, Чечне и Ингушетии суфийские шейхи. Согласно документу Департамента полиции под названием «К вопросу о выдворении высылаемых из Кавказского края в Тульскую, Орловскую и Калужскую губернии шейхов и 25-ти родственников Зелимхана за оказываемые последнему пособничества в дерзских преступлениях» . В числе сосланных шейхов были Бамат-Гирей-Хаджи, Докку-Хаджи, Кана-шейх, Батал-Хаджи, Магомед-мулла.

Командующий войсками Кавказского военного округа генерал-адъютант, генерал от кавалерии граф Воронцов-Дашков 16 сентября 1911 году направил российскому императору «всеподданейший рапорт» о принятии им мер по «наказанию чеченского народа за укрывательство абрека Зелимхана и оказываемое ему пособничество в дерзких преступлениях». ...

Не сумев организовать поимку Зелимхана, он решил «в целях достойного наказания чеченского народа за непрерывное укрывательство Зелимхана, в течение 12 лет, и явное ему пособничество, а также и установления порядка дальнейшей борьбы с упомянутым разбойником», предложил начальнику Терской области осуществить следующие мероприятия:

1. «Поставить на экзекуцию войсковые части командами не менее полусотни в те населенные пункты Веденского и Грозненского округов, в район которых Зелимхан скрывался последнее время, а также и в те, в составу которых принадлежат убитые и

задержанные в настоящее время разбойники, и через которых следовала шайка после нападения ея на дорожную комиссию (Хорочой, Дышне-Ведено, Махкеты, Завирихи, Ца-Ведень, Хатуни, Эшал-Хатой, Элистанжи, Таузень, Истису, Майртуп, Хой, Ихарой, Ригахой, Макажой, Автуры, Варандинские хутора. Для этого привлечь части войск Терской области и командировать пластунских сотен.

2. Выслать в Тульскую Губернию сроком на 5 лет вместе со своими семьями жителей Веденского округа – Бамат-Гирея-Хаджи Митаева, Сугаипа-муллу Гайсумова и Чиммирза-Хаджи, Назрановского округа – Батал-Хаджи Белхорова, Грозненского округа – Кана-Хаджи, Абдул-Азиза Шаптукаева и Магомеда-муллу из Андийского округа, Дагестанской области, Омара-Хаджи как наиболее влиятельных представителей шейхов мусульманской секты «Зикра», вредных для общественного порядка и спокойствия и вместе с тем способствовавших разбойнической деятельности Зелимхана, который являясь рьяным последователем помянутой секты, пользуется покровительством названных шейхов и служит для них орудием противодействия русской власти. Шейхи эти, как выяснено, поддерживают с Зелимханом тесное сношение, благословляют его шайку своими последователями-мюридами, доставляют ему оружие и патроны и тщательно укрывают его.

3. Выслать в том же порядке в Орловскую губернию сроком на пять лет 25-ть родственников Зелимхана, укрывавших его и оказывавших ему пособничество в разбоях....

Извлечение из статьи
«Эволюция суфизма на Северном Кавказе»

МИТАЕВ БАМАТ-ГИРЕЙ-ХАДЖИ

Известный чеченский проповедник и авлия, известный в народе, как (1овда) Бамат-Гирей-хаджи Митаев (1899-1914 гг.) – основатель одного из вирдов Чечни, последователь зачинателя кадирийского движения в Чечне Кунта-Хаджи Кишиева. Принадлежит к тайпу Гуной. Родился примерно в 1838 г. в селении Автуры.

В 1873г. он совершает паломничество в Мекку. После этого он принимается за углубленное изучение Корана. В уединении (халбате) Іовда провел шесть лет и шесть месяцев, очищая свою душу и тело от всего, что могло бы навлечь на него немилость Аллаха.

Бамат-Гирей-Хаджи негласно поддерживал и был кунаком чеченского абрека, вставшего на путь индивидуальной борьбы с царизмом, потому среди репрессированных оказывается и он. Гласный полицейский надзор в Калуге был учрежден над Митаевым с 29 апреля 1912 года. От роду ему было 103 года, пособие от Государственной казны на себя и семью не получал, занятий никаких не имел. Семейству Митаевых было определено место жительства на окраине Калуги, на улице Ивановской в доме купца Холуянова (ныне это улица Московская – одна из ведущих магистралей города).

Бамат-Гирей-хаджи Митаев скончался 13 сентября 1914 года в Калуге. Тело шейха в сопровождении офицеров фельдъегерской службы было отправлено на Кавказ в село Автуры Веденского округа. В родном селении в Автурах над его могилой построена святыня, к которой приходят люди, ищущие приближения к Аллаху и просящие милости, благоденствия и здоровья.

ГОЙСУМОВ СУГАИП-МУЛЛА

Сын известного чеченского муллы Госума из Агишты Сугаип-мулла Гойсумов (1827- 1932) - известный арабист, религиозный деятель. Один из чеченских святых авлияов. По тейпу – белгатоевец. Состоял кадием Веденского и Грозненского округов Терской области. Проживал в с. Шали. Ученой степени достиг под руководством наставника-суфия Абдулмуталипа из Аксая (Апти-Шейха).

В свои годы Сугаип-мулла считался непревзойденным арабистом и одним из самых просвещенных религиозных деятелей в Чечне. Был сторонником «просвещенного ислама». Издал в начале XX-го века несколько книг философско-теологического содержания. Начал первый перевод Корана на чеченский язык. В 1904– 1905 гг. разработал оригинальную графику чеченской письменности на основе арабского языка.

За пособничество известному абреку Зелимхану в числе самых известных и влиятельных религиозных деятелей Чечни был сослан в 1911г. в Калугу.

Один из организаторов 1 съезда чеченского народа. В свое время поддержал советскую власть. Так, В 1919 г. в ходе гражданской войны на Тереке стал одним из оганизаторов Шариатского полка и сыграл большую роль в мобилизации чеченцев и ингушей на борьбу с Деникиным. Тем не менее, в 1924 и в 1928 гг. советская власть дважды подвергла его аресту, причиной тому – его религиозный авторитет. Скончался Сугаип-Мулла в 1931 г. и похоронен в г. Шали, где стоит его зиярт.

ШАПТУКАЕВ АБДУЛ-АЗИЗ

Чеченский проповедник и авлия Абдул-Азиз (Докку) Шаптукаев родился в 1838 году в селе Толстой-Юрт (Девкар-Эвла). Предки его отца Шаптуки прибыли сюда из Зандака. Предки Докку считаются одними из основателей Дойкар-Ойла.

С детства он обучался арабской грамоте в медресе с. Энгель-Юрт. Был последователем Эллах – муллы, который и посвятил его в шейхи. с правом передачи. Элах – мулла завещал ему свой перстень и носовой платок.

Докку – шейх участвовал в политической жизни страны, при этом оставаясь удивительно скромным человеком. В 1911 году погибли оба его сына Усман и Хасуха, а 23 ноября того же года по обвинению в пособничестве абреку Зелимхану, был сослан в Калугу на пять лет (ему в то время было уже 77 лет). После многочисленных обращений от чеченского общества, конце 1913 года власти вернули его в Чечню досрочно.

Докку-шейх был простым и неприхотливым человеком по отношению к мирской жизни, а в духовных делах – требовательным ко всем, в первую очередь к себе. Докка проповедовал общечеловеческие ценности. Он призывал к миру, взаимной любви и взаимоуважению в семье, и вообще между всеми людьми (между самими чеченцами, а также между чеченцами и терскими казаками).

При жизни Докки-шейх был дружен с Баматгири-Хаджи из села Автуры. Они умерли в один и тот же день – тринадцатого сентября 1914 года. Зиярт Докку-шейха стоит на месте его захоронения в селе Толстой-Юрт.

МАНИ-ШЕЙХ НАЗИРОВ

Мани – шейх Назиров (Магомед-мулла) – религиозный деятель, один из чеченских святых авлия (1860-1924 гг.). Принадлежит к тейпу Харачой. Кадирия, мюрид Бамат-Гирея Хаджи (Іовды).

Примерно в 1860 г. в с. Цоцин-Юрт в семье кузнеца харачоевца Назира родился сын, которому дали имя Магомед. Магомед был единственным ребенком в семье, однако не был избалован родителями. Несколько лет он изучал Коран и каноны Ислама. Духовное обогащение получил от своего учителя Ибрагима-Шейха из Устрада-Эвла. Был в теплых отношениях с Іовдой (Баматгири-Хаджи) из Автуров. После окончания учебы у Овды (он и посвятил его в шейхи), получил имя Мани-Шейх.

В конце XIX в. Мани шейх переселился в с. Виноградное (Баммат-юрт) и начал распространять кадарийский тарикат в Притеречье. В 1907 г. переехал в с.Знаменское (Чуьлга-Юрт) и последние 17 лет своей жизни провел в этом селе.

Мани-шейх симпатизировал абреку Зелимхану Харачоевскому, в котором видел воплощение справедливости и борца против колониального гнета. В силу этого, в 1911 г. Мани шейх стал одним из вдиятельных чеченских религиозных авторитетов, кто был выслан в Калугу сроком на пять лет.

Скончался Мани-Шейх в 1924 г. в Знаменском. В соответствии с завещанием самого шейха, был похоронен в своей усадьбе в Бамат – Юрте. Сегодня в память о нем воздвигнуты два зиярта – символический в Чуьлга-Юрте и над местом погребения в Бамат – Юрте.

БЕЛХОРОЕВ БАТАЛ-ХЬАЬЖИ

Батал-Хаджи Белхороев (1821-1914) – авлия и ингушский религиозный деятель XIX – начала XX века. Суфийский шейх кадирийского тариката. Мюрид Кунта-хьаьжи (он же и посвятил его в шейхи). Входил в тейп Белхарой.

Шейх Батал-Хаджи родился в местечке Сомйох недалеко от станицы. В раннем детстве он лишился родителей. Ему не было еще семи лет, когда умерла его мать, вскоре умер и отец. Мальчика отдали на воспитание родственникам матери, жившим в Чечне. Там прошло его детство и юность. В эти годы произошло его знакомство с Кунта-Хаджи Кишиевым, он стал его духовным наставником и учителем. Вернувшись в Ингушетию уже будучи суфийским шейхом кадирийского тариката, основал из своих мюридов братство баталхаджинцев.

В 1911 году был арестован одновременно с представителями чеченского мусульманского духовенства и отправлен в ссылку в Козельск Калужской губернии. Возраст, судя по архивным документам, шейха Батал-Хаджи на тот момент было 75 лет. Вместе с ним была сослана его жена Хадижат с двумя маленькими сыновьями – Магометом (7 лет) и Курейшом (4 года).

Скончался в ссылке в 1914 году. После его смерти по ходатайству Павла Алексеевича Гайдукова было получено разрешение на перевозку тела Святого устаза спецвагоном на родину. Он был похоронен 25 октября 1914 г. в Сурхахах, где ныне находится его зиярат с мазаром. В похоронной процессии участвовали жители не только Ингушетии, но со всех уголков Северного Кавказа.

ХАНТИЕВ КАНА-ХАДЖИ

Чеченский проповедник шейх и авлия Кана-хаджи Хантиев (1848-1933) – уроженец с. Лаха Невре (Надтеречное). Накшбандия. Кана-Шайх прошел обучение в духовной школе у кумыкского шейха Хожа-Ахмеда. В течение 10 лет в ней он изучал арабский, кумыкский, русский языки и письменность, предписания священного Корана. Был мюридом своего старшего брата шейха Усмана-Хьаьжи, который и посвятил его в шейхи.

В ноябре 1911 г. в числе ряда представителей высшего духовенства Чечни, Ингушетии и Дагестана по обвинению «в укрывательстве и содействии разбойнической деятельности абрека Зелимхана Гушмазукаева», был репрессирован и выслан в Калугу сроком на 5 лет. Был досрочно освобожден из ссылки вместе с Абдул-Азизом Шаптукаевым (Докка) и возврашен на родину.

Принимал активное участие в общественно-политической жизни Чечни. В январе 1918 г. совместно с другим известным шейхом Дени-Шейха Арсанова (Деда) спас от неминуемой гибели жителей Девкар Эвла (Толстой-юрт).

В годы гражданской войны участник антиденикинского движения в Терской области. В 1922 году совместно с другим шейхом – Али Митаевым строил планы создания независимого шариатского государства. По мере усиления Советской власти, авторитет Каны-шейха стал мешать новым властям, и потому 17 февраля 1933 года 85-летний старец был арестован и безжалостно расстрелян без суда и следствия и юридического определения меры вины.

АНДИЙСКИЙ УМАР-ХАДЖИ (УМАР АЛЬ-АНДИ)

Дагестанский религиозный деятель и проповедник шейх Умар-Хаджи Андийский (1834-1914) – шейх кадирийского тариката, получивший посвящение в таинство тариката от Кунта-Хаджи Кишиева. Еще юношей, задолго до совершения своего поломничества в Мекку и ритуального посвящения в мюриды Кунта-Хаджи, он получил широкую известность в Северо-Западной части Дагестана.

Имя свое (Умар) он получил в честь, деда. Зимой учился Корану, хадисам и их толкованиям, а с весны до осени ему приходилось пасти сельский скот, чтобы прокормить больную мать и себя. Известно, что он никогда не садился на коня, осла или телегу, всюду ходил пешком, прихрамывая и вознося хвалу Всевышнему за каждый прожитый день.

Умар-Хаджи Андийский (Умар аль-Анди) в рапортах офицеров из военно-административного управления Дагестанской и Терской областей значился как «Андийский Старец», «Андийский шейх». Упомянут в рапорте (от 16.09.1911 г.) Командующего войсками Кавказского военного округа генерал – адъютантом графом Воронцовым-Дашковым на имя российского императора, как один из «наиболее влиятельных представителей шейхов мусульманской секты «Зикра», вредных для общественного порядка и спокойствия и вместе с тем способствовавших разбойнической деятельности Зелимхана».

В тот же год в числе названных в рапорте лиц был отправлен в ссылку, где и скончался в 1914 году. В 1951 г. останки шейха были перевезены в Анди и перезахоронены. Имеет зиярат в Анди. В Дагестане на сегодняшний день создан и функционирует также региональный общественный благотворительный фонд им.шейха Умар-хаджи Андийского.

ТАУМИРЗАЕВ ЧИММИРЗА-ХАДЖИ

Чеченский проповедник шейх и авлияъ Чиммирза-Хаджи Таумирзаев (Дукка шейх) родился в с. Майртуп (1850-1922). Был приверженцем кадарийского тариката и векилем основателя кадирийского тариката в Чечне Кунта-Хаджи Кишиева (он же и посвятил его в шейхи). Чиммирза-Хаджи был самым юным его мюридом и был особо близок к своему устазу, который относился к нему как к своему родному сыну.

Чиммирза-Хаджи отличался особой скромностью и благочестивостью. Он не был зажиточным человеком, «имел дом с земляной крышей об одной комнате с сенцами».

В 1911 году за содействие, укрывательство и симпатии к абреку Зелимхану Харачоевскому в числе других богословов и видных религиозных деятелей Чечни Дагестана и Ингушетии, был сослан в Калугу. Возраст шейха Чиммирзы Хамирзаева в момент ареста составил 45 лет. Он имел двух жен: Субайхат, Хурамат и пятеро дочерей. Случилось так, что Таумирзаеву с 27-летней супругой Субайхат сначала определили место ссылки Боровск (уездный город Боровского близ Калуги), но по просьбе шейха оставили в Калуге и поселили на улице Ивановской в купеческом доме Власова за два месяца раньше до приезда Бамат-Гирея-хаджи Митаев, с которым в ссылке они прожили по соседству.

В память о годах, проведенных в Калуге, Баматгири-Хаджи предложил назвать сына Чиммирзы именем данного города. Его сыну дали имя Калуга (Каловка). Чиммирза вернулся на родину через двенадцать лет.

Скончался Чиммирза-Хаджи в родовом селении Майртуп в сентябре 1922 г. Ныне последователи вирда Чиммирзы тщательно сохраняют памятные места шейха: над старинным зданием с сенцами, где хранятся барабаны шейха, используемые для особого исполнения зикра, возведен купол – новая крыша и поставлен новый дом.

МУЛЛА АБДУЛ-КАДЫР, СЫН ИЛЬЯСА

Абдул-Кадыр, сын Ильяса, ближайшего сподвижника шейха Кунта-Хаджи Кишиева родился в с. Центорой (Хоси-Юрт). В свое время он прошел школу религиозного образования у Масе-шейха из Энгель-Юрта и у шейха – авлийа Байбетира из Хошкельды.

Позже, после получения высшего религиозного образования, Абдул-Кадыр посвятил более 40 лет подготовке и обучению муталимов в созданном им во дворе великого шейха Кунта-Хаджи Кишиева медресе в селении Илсхан-Юрт . За время преподавания его школа выпустила сотни алимов, многие из них стали известны далеко за пределами горной Чечни и его просветительская деятельность получила всенародное признание и известность.

Мулла Абдул-Кадыр является прямым предком (прадедом) главы ЧР Р.А. Кадырова (это дед Ахмата-Хаджи Кадырова и Хож-Ахмеда-Хаджи Кадырова). Семейное история рода Кадыровых сохранила предание о том, что знаменитое письмо абрека Зелимхана на имя председателя Государственной думы в 1909 г. было написано их предком – сыном Ильяса муллой Абдул-Кадыром. Об этом факте со слов своего отца Жабраила Абдул Кадыровича Кадырова рассказал Хож-Ахмед Кадыров. По его словам, известность Абдул-Кадыра в народе привела абрека Зелимхана Харачоевского в Центорой к Абдул-Кадыру, где знаменитый абрек и обратился к нему с просьбой написать от его имени письмо «к царю из Петербурга», что и было сделано. Первоначальный вариант текста письма был подготовлен на основе арабской графики, а уж затем представителями чеченской интеллигенции переведен на русский язык. В предании отмечается, что Зелимхан с этой просьбой обращался ранее к нескольким ученым-богословам, которые и посоветовали ему обратиться именно к Абдул-Кадыру.

МИТАЕВ АЛИ БАМАТ-ГИРИЕВИЧ

Известный политический и религиозный деятель Чечни шейх кадирийского тариката Али Митаев (1881-1925) родился в с. Автуры, в семье известного чеченского проповедника и авлия шейха Баммат-Гирей-Хаджи (Іовды).

С юных лет (как и его отец шейх Бамат-Гирей-хаджи) симпатизировал абреку Зелимхану, как борцу против гнета и социальной несправедливости. Именно за содействие абреку Зелимхану Іовда в 1911 г. был сослан в Калугу, а Али, который принимал непосредственное участие в некоторых операциях абрека, привлекался к ответственнности. Так, в 1910 г. А. Митаев был заключен под стражу в Грозненскую тюрьму, и ему было предъявлено сразу два обвинения – в укрывательстве абрека Зелимхана и в нападении на Кизлярское казначейство.

После смерти отца Али Митаев был провозглашен шейхом, и с этого времени начинается его активная общественно – политическая деятельность. Он впервые создает в Чечне шариатские и народные суды, позже (уже после установления Совесткой власти) в гражданскую принимает деятельное участие в разгроме бичераховских банд, в ранге члена ревкома, наводит порядок на железной дороге и многое др. Однако, новую власть пугает абсолютный авторитет и признание в Чечне заслуг молодого шейха, и потому, несмотря на неоценимые услуги, оказанные им в становлении Советской власти, сразу же после ее укрепления Али Митаев был расстрелян чекистами в 1925 году в г. Ростове на Дону.

ЧАСТЬ 5: ДОКУМЕНТЫ

ГЛАВА 1. ДОКУМЕНТЫ ОБ АБРЕКЕ ЗЕЛИМХАНЕ

ОТКРЫТЫЙ ЛИСТ
на арестанта, препровождаемого в распоряжение судебного следователя.
(1901 год)

Арестант: Зелимхан Гушмазукаев. Чеченец. Лет – 28.

Рост – средний. Волосы на голове – черные. Брови – черные.

Нос – умеренный. Рот – умеренный. Лицо – чистое. Глаза – карие. Подбородок – стрижет.

Особых примет – нет.

ВЫПИСКА
из инструкции чинам партизанской сотни Веденского округа Терской области
(1908 г.)

§5. Всадники получают от населения содержание согласно указанного выше приговора уполномоченных:

а).рядовой по 25 руб.

б).пять старших в каждом участке по 30 руб. в месяц.

§6. Главная цель и назначение этой сотни – раскрытие преступлений и уничтожение воровства, разбоев и грабежей в округе.

§12. Содержание сотни взыскивается с населения участка участковым и вносится в казначейство в депозиты управления Веденского округа, наименовав его «на содержание партизанской сотни Веденского округа».

РАПОРТ ИЗ ДАРГО

Секретно:
Даргинского сельского писаря 1 участка
Веденского округа
14 ноября 1908 г.
Начальнику 1 участка Веденского округа
с.Дарго.
№ 1216 Д. №13

Рапорт

Сего числа был у меня личный переводчик даргинского района Аластан Арсатанов объяснил, что вчерашнего числа он объехал свой козенный лес в андинских горах видел шайку абреков в числе 5 человек и самого Зелимхана Гушмазукова, о чем доношу Вашему высокоблагородию.

ВЫПИСКА
из решения выборных от жителей селений Веденского округа (1908 г.)

«Образовать капитал сбором по одному рублю с дыма, что по числу 16 426 дымов составит капитал 16 426 руб., и выдать из него тому или тем, кто доставит начальству, а при сопротивлении – убьет разбойников: Зелимхана Гушмазукаева – 8 тыс. руб., Салтамурада Гушмазукаева – 3 тыс. руб. и отца их Гушмазука Бяхоева – 1500 руб.»

РЕШЕНИЕ
выборных от Веденского округа

Начальник штаба Кавказского военного округа
Начальнику Терской обл. и начальнику Веденского округа.
1908 года июля 6 дня.

Приговор

Мы, нижеподписавшиеся, доверенные от жителей 1,2,3,4 и 5 участков Веденского округа, собравшись сего числа в помещение окружного управления, и выслушав предъявленное нам начальником округа от имени вр. генерал-губернатора Терской области требование в уничтожении разбойничьей шайки, организованной харачоевцем Зелимханом Гушмазукаевым, и в течение десятка лет безнаказанно совершавшей насилие над имуществом и жизнью туземного и русского населения, и даже над начальствующими лицами, завершившимся убийством днем 8 июня сего года в слободе Ведено начальника округа полковника Галаева, посоветовавшись между собой, и от имени наших доверителей, постановили:

1.В месячный срок от этого числа передать в распоряжение начальства разбойников Зелимхана Гушмазукаева, Солтамурада Гушмазукаева и их отца Гушмазуко Бехоева.

2.Выдавать всех соучастников разбойников и лиц, оказывающих им покровительство и укрывающих их от преследований.

3. Если в месячный срок мы не выполним изложенного в п. 1 сего приговора обязательства, а нашему начальству будет известно, что разбойники были в пределах наших юртовых наделов, т.е. в селениях и на хуторах, или кутанах, и нами не будет принято никаких мер к задержанию их, или уничтожения при сопротивлении, то, помимо могущей быть наложенной на нас высшим начальством кары, обязуемся в недельный срок без понуждения со стороны ближайшего начальства предоставить штраф в размере десяти рублей с дыма.

4.Обязуемся для ловли и преследования разбойников в каждом участке составить партизанские команды в составе 15 конных и 15 пеших человек и отдать их в распоряжение начальников участков, причем, при отсутствии охотников поступить в такие команды на наем, им, по выбору начальников участков, выдавать необходимые суммы денег.

5.Для охраны участковых начальников при поездках их по делам службы, как в пределах своих участков, так и соседних, нанять по 5 конных человек в каждом участке, по избранию начальников последних, в том и подписываемся.

РАПОРТ
«О разбойничьих шайках в Терской области»

Начальник Терской обл. и наказной атаман
Терского казачьего войска.
по канцелярии . 11 февраля 1909 года №2468 г. Владикавказ на № 312/ 1908 года

В особый отдел канцелярии наместника Его Императорского Величества на Кавказе.

Сообщаю канцелярии для доклада наместнику его императорского величества на Кавказе, что в пределах вверенной мне Терской обл. строго организованных разбойничьих шаек нет, хотя случаи разбоев, грабежей скота, конокрадства существуют повсеместно среди туземного населения. Возникая неожиданно и случайно, и не поддаваясь строгому учету в смысле состава и организации участников данного преступления, случаи эти, на основании некоторых побочных обстоятельств расследования, приводят к тому несомненному заключению, что все это результат большой преступности среди молодежи туземного населения, весьма склонной поживиться на чужой счет и потому пользующийся только удобной и случайной подвернувшейся

обстановкой. Указанные грабежи и кражи развиты повсюду в области, но наибольшее их число сосредотачивается в округах: Веденском, Грозненском, Хасав-Юртовском, Назрановском и Сунженском отделе. Как не исключение из указанного положения вещей в области можно указать только лишь на одну разбойничью шайку, имеющую более или менее определенную физиономию, и прочное существование. Это шайка абрека Зелимхана Гушмазукаева, жителя Введенского округа. Шайка эта существует уже 9 лет, в течение этого периода жители время от времени подвергались со стороны ее разорительным набегам и грабежам и проч.

Для пресечения хищнических явлений в области и, в частности, для борьбы с шайкой Зелимхана были командированы отдельные команды разведчиков: от 83 пехотного дагестанского полка – по Грозненскому округу, 84 Шурванского его величества полка по Хасав- Юртовскому округу, и от частей Терского казачьего войска , одна летучая партизанская команда – на весь район области. Одно время шайка Зелимхана уже была настигнута и во время перестрелки убито пять абреков, в том числе отец и брат Зелимхана, но сам бандит скрылся. По негласным известиям он находится в Дагестанской области. За появление его учреждено усиленное наблюдение, но задержать Зелимхана пока не удается, так как ему широко покровительствует туземное население, поголовно и упорно укрывая его от властей. В каком именно составе теперь находится шайка Зелимхана, точных сведений не имеется, но по некоторым известиям при нем состоят его родственники и бежавший из Сибири бывший житель Грозненского округа сел. Старые Атаги, Аюб Тамаев.

В настоящее время на усиление принятых мер для поимки Зелимхана организовывается кадр тайных разведчиков – сыщиков и надежных туземцев, и надо полагать, что при дружном усилении последних и содействии воинских команд удастся задержать этого упорного разбойника. И это, тем более, что Зелимхан, как слышно, отчасти дискредитирован в глазах ту-

земного населения по случаю его постыдного бегства во время перестрелки, и уже оставлен некоторыми своими товарищами по оружию.

Генерал-лейтенант (подпись)
Вр. и. д. правителя канцелярии – капитан (подпись)
Верно МП

ВОЗЗВАНИЕ
войскового старшины атамана Вербицкого к туземному населению. (1909)

Приказом по области я, войсковой старшина Вербицкий, назначен искоренить разбойничество в родном нам крае. Обращаюсь поэтому к чеченскому и ингушскому народам и всему туземному населению.

Вы – храбрые племена. Слава о вашем мужестве известна по всей земле: ваши деды и отцы храбро боролись за свою независимость, бились вы и под русскими знаменами во славу России. Но за последние годы между вами завелись люди, которые своей нечистой жизнью пачкают, грязными делами позорят вас. Эти отбросы ваших племен все свои силы направили на разбой и воровство, заливая краской стыда ваши честные лица. Имам Шамиль за разбой рубил им головы, а за воровство отсекал им лапы.

Правительство наше решило положить конец всем творящимся ими безобразиям. Оно требует, чтобы каждый пахарь, купец, пастух и ремесленник, к какому бы племени он ни принадлежал, мог спокойно трудиться на свою и общую пользу. Призываю честных людей сплотиться и перестать якшаться с ворами и разбойниками, изгнав их из своей среды и лишив их свободы святого гостеприимства.

Я обращаюсь и к вам, воры и разбойники. Объявляю вам, что ваше царство приходит к концу. Я поймаю вас, и те, на ком лежит пролитая при разбоях кровь, будут повешены по законам военного времени. Поэтому советую вам помнить мои слова и отнюдь не отдаваться моим отрядам живыми, а биться до последней капли крови. Кто не будет трус, умрет как мужчина, с оружием в руках.

Все же, кто еще не отдался целиком самим Кораном осужденному пороку воровства и разбоя, опомнитесь и займитесь мирным трудом. Возрастите ваших детей в почитании закона и выучите их в школах во славу пророка Магомета и на пользу своего народа.

Теперь ты, Зелимхан! Имя твое известно всей России, но слава твоя скверная. Ты бросил отца и брата умирать, а сам убежал с поля битвы, как самый подлый трус и предатель. Ты убил много людей, но из-за куста, прячась в камни, как ядовитая змея, которая боится, чтобы человек не раздавил ей голову каблуком своего сапога. Ты мог пойти на войну, там заслужить помилование царя, но ты прятался тогда, как хищный волк, а теперь просишь у начальства пощады, как паршивая побитая собака.

Ответ начальства тебе уже известен. Но я понимаю, что весь чеченский народ смотрит на тебя, как на мужчину, и я, войсковой старшина Вербицкий, предоставляю тебе случай смыть с себя пятно бесчестия и, если ты действительно носишь штаны, а не женские шаровары, ты должен принять мой вызов.

Назначь время, место и укажи по совести, если она у тебя еще есть, число твоих товарищей, и я явлюсь туда с таким же числом своих людей, чтобы сразиться с тобой и со всей твоей шайкой, и, чем больше в ней разбойников, тем лучше.

Даю тебе честное слово русского офицера, что свято исполню предложенные тобой условия. Кровникам твоим не позволю вмешаться в наше дело. Довольно между вами крови. Но, если ты не выйдешь на открытый бой, я все равно тебя найду (даже и в Турции, куда ты, кажется, собирался удрать), и тогда уже пощады не жди и бейся до конца, чтобы не быть повешенным.

Докажи же, Зелимхан, что ты мужчина из доблестного чеченского племени, а не трусливая баба.

Напиши мне, войсковому старшине Вербицкому, в гор. Владикавкази и помни, что на перевод письма твоего на русский язык с арабско-чеченского мне нужно время.

Г. Вербицкий

Примеч.: *Вербицикий, естественно, на «открытый бой» не вышел. К обозначенному месту встречи вместо себя он выслал роту солдат.*

ДОКЛАД
наместника кавказского графа И.Воронцова-Дашкова царю Николаю II по делу о напеднии на Кизлярское казначейство. (1910)

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО

В письме от 12 апреля за № 109341 председатель совета министров статс-секретарь Столыпин уведомил меня о том, что Вашему Императорскому Величеству благоугодно было повелеть, чтобы от меня были затребованы подробные сведения по делу об ограблении 27 марта, Кизлярского казначейства, а также сведения о принятых по этому делу мерах. В исполнении этого Всеподданнейше докладываю Вашему Величеству о нижеследующем.

Первое известие о нападении вооруженной шайки разбойников на Кизлярское казначейство было получено мною вечером того же 27 марта от начальника Кизлярского гарнизона, капитана 84 пехотного Ширванского Имени Вашего Величества полка Башкова. Тотчас же по телеграфу я предписал временно исполнявшему должность начальника Терской области, гене-

рал-майору князю Орбелиани принять самые энергичные и немедленные меры по обнаружению и поимке всех виновников столь возмутительного по своей дерзости преступления, причем предложил названному генералу безотлагательно представить мне подробные сведения о всех обстоятельствах этого происшествия. Одновременно с этим от начальника Кизлярского гарнизона по телеграфу же было затребовано донесение о проведении в этом деле поискового караула, а также в мерах принятых военным начальством для преследования разбойников и о результатах этих мер.

Здесь считаю нужным упомянуть о том, что по распоряжению Департамента Полиции Министерства Внутренних Дел от 29 марта в городе Кизляр для организации розыска преступников, был командирован начальник Кавказского охранного района, подполковник отдельного корпуса жандармов Пастрюлин, который 30 марта выехал вместо командировки. Еще до этого отъезда особой телеграммой мною было приказано исполнявшему должность начальника области генерал-майору князю Орбелиани оказать этому штаб-офицеру содействие успешному выполнению возложенного на него служебного поручения.

С 29 марта по 2 апреля ко мне поступил ряд донесений от исполняющего должность атамана Кизлярского отдела, войскового старшины Вербицкого, от начальника Кизлярского гарнизона, капитана Башкова от генерал-майора, князя Орбелиани, временно командующего Ширванским полком и, наконец, от прибывшего на место происшествия – подполковника Пастрюлина. Совокупность сведений заключавшихся в упомянутых только что донесениях, привели меня к тому выводу, что и администрация Кизлярского отдела, и военное начальство рот Ширванского полка расположенных в городе Кизляр, выказали во всем этом деле полную нераспорядительность и нерешительность, вследствие чего 2-го же апреля мною было предписано:

1) командиру 2-го кавказского армейского корпуса – безотлагательно назначить строгое и тщательное расследование о дей-

ствиях: начальника Кизлярского гарнизона, капитана Башкова и воинского караула при Кизлярском казначействе – во время вооруженного нападения на это последнее разбойничьей шайки, а также о действиях начальников воинских команд – при преследовании этой шайки, после совершенного ею грабежа;

2) исполнявшему должность начальника Терской области – немедленно представить мне свое подробное заключение – основанное на фактах и фактами же подтвержденное, – по вопросу о действиях подлежащих чинов местной администрации и полиции в деле предупреждения и пресечения вооруженного нападения на казначейство, а также в деле преследования шайки разбойников после совершенного ею грабежа.

Вместе с тем, генерал-майору князю Орбелиани мною было указано, что если по обстоятельствам дела он признает необходимым произвести по этому предмету особое расследование, то таковое должно быть возложено на лицо, вполне опытное и не заинтересованное в результатах расследования.

9-го апреля в город Тифлис возвратился из Кизляра подполковник Пастрюлин, командированный туда, как сказано уже было выше, для организации розыска участников нападения на Кизлярское казначейство. По моим указаниям и при участии названного штаб-офицера, тотчас же была выработана особая инструкция, на основании которой общее руководство по розыску разбойничьих шаек, а равно по принятию необходимых мер, вызываемых этим розыском, было возложено на начальника Терского областного жандармского управления, в помощь которому назначен помощник его в Грозненском округе и Кизлярском отделе, ротмистр Беллик. Кроме того, в той же инструкции был дан ряд указаний, имеющих целью объединить деятельность по розыску: с одной стороны, – упомянутых только что чинов отдельного корпуса жандармов, а с другой стороны, – начальников округов Терской области – Грозненского, Хасавюртовского, Веденского и Назрановского, атамана Кизлярского отдела и начальника особого войскового отряда, еще ранее сформированная для содействия администрации в деле борьбы с разбоем.

Здесь надлежит упомянуть еще о том, что, согласно инструкции, в распоряжение того же ротмистра Беллика, для захвата разбойников и действий против разбойничьих шаек, предоставлены 13-ть отдельных пехотных команд, по 30-ти человек при офицере, каждая, и сотня 1-го Кизляро-Гребенского казачьего полка.

Означенная инструкция была утверждена мною 10-го апреля и в тот же день копия с нее была препровождена исполнявшему должность начальника Терской области, генерал – майору князю Орбелиани для принятия к точному руководству содержащихся в ней указаний упомянутыми административными начальниками и – начальником особого войскового отряда, назначенного для содействия администрации.

Вслед затем, между 15-м и 24-м апреля, от прокурора Тифлисской судебной палаты, от генерал-майора князя Орбелиани, от командира 2-го Кавказского армейского корпуса, генерал-лейтенанта Мышлаевского и от управляющего Ставропольскою казенною палатою ко мне последовательно поступили подробные донесения, на основании которых все дело об ограблении Кизлярского казначейства представляется в следующем виде.

27-го марта, около 10-ти часов утра, русский поселенец, ехавший из города Кизляра в селение Качаловское, расположенное по правому берегу реки Терек на юго-востоке от Кизляра, встретил на мосту полусотню казаков Кизляро-Гребенского полка, численностью около 60-ти человек с ружьями за плечами. Во главе полусотни ехали два офицера: один – в серебряных широких погонах, а другой – в золотых узких; полусотня двигалась с мерами охранения. Как оказалось впоследствии, это и была шайка абреков, переодетых казаками, во главе с известным абреком Зелимханом Гушмузакаевым или лицом, выдающим себя за него. Тот же поселенец видел, как шайка разбойников, перейдя мост, повернула на Кизляр и остановилась в роще у селения Топольского. Всадники слезли с лошадей, зарядили винтовки, а затем, отдохнув минут десять – пятнадцать, шайка

двинулась далее к городу. О том, что абреки были переодеты в казачью форму, свидетельствуют единогласно и чины казначейства, оставшиеся в живых, и жители селений, лежавших по пути шайки, и преследовавшие ее воинские чины. Около 12-ти часов дня, шайка, в числе нескольких, не более 30-ти человек (остальные, очевидно, были выделены для разведки и охраны пути движения шайки), въехала в город с восточной стороны, направляясь к местному казначейству; разбойники двигались по улицам в полном строевом порядке, по три-четыре человека в ряд. Подъехав к дому, занимаемому казначейством, всадники по команде, произнесенной по-русски: «стой, с коней долой», поспешили.

Человек 15-ть быстро двинулись вверх по парадной лестнице, на второй этаж, где помещалось казначейство; на верхней площадке коридора, перед открытыми дверями казначейства, часть разбойников выстроилась в две шеренги, а три человека стали против окон караульного помещения, и по команде, офицера с серебряными широкими погонами: «взвод, пли» – грянул залп внутрь помещения. Всадники, оставшиеся на улице, открыли тем временем стрельбу по городу, причем выстрелами их были убиты: казак станицы Калиновской, стражник Родион Гашин, ехавший по улице позади шайки, и рядовой ширванец Трофим Воробьев, подходивший в это время к парадному ходу казначейства.

В разных комнатах казначейства в момент нападения находились: казначей Копытко, восемь человек служащих в казначействе и около десяти человек посетителей, а в караульном помещении – три нижних чина охраны от Ширванского полка, которые ели только что принесенный им обед, и два нижних чина, принесших им таковой из роты. Один из чинов охраны, рядовой Кривопустов в то самое время, когда разбойники вбегали с улицы по лестнице, будучи без винтовки, шел по коридору; увидев, что по лестнице поднимается какой-то казачий офицер, он отдал ему честь, но офицер, по предположению Зелимхан,

сказал ему: «чести не надо», и тут же произвел в Кривопустова выстрел из револьвера, ранив его в ногу выше колена. Казначей Копытко, находившийся в момент нападения в своей казначейской комнате, услышав первые выстрелы, стремительно спрятал вынутые из кладовой казначейства 10.000 рублей (в кладовой в момент ограбления находилось свыше 40 000 рублей деньгами, процентными бумагами и другими ценностями), а также ключи от нее в металлический ящик и едва лишь успел бросить последний под конторку, как разбойники вбежали в само помещение казначейства.

Стрельбой, открытой ими в помещении казначейства, были убиты: чиновники казначейства Грязев и Тупицын, присяжный Шабло, урядник станицы Дубовской Иван Фролов, сиделец казенной винной лавки Шамин, житель селения Губден Дагестанской области Даци Баганд-оглы и три нижних чина Ширванского полка; тяжело ранен младший бухгалтер казначейства Балявин, скончавшийся 7-го апреля, и контужен в голову рядовой-ширванец Павел Клочков. Казначей Копытко, уже, будучи ранен разбойниками, перебежал с присяжным казначейства Артюховым к кладовой и, укрывшись там за большим шкафом, отстреливался из револьвера, пока не был убит разбойниками, которые убили здесь же и присяжного Артюхова.

Судя по оставшимся у кладовой следам, разбойники пытались проникнуть в нее, но, напуганные набатом в городе, а по некоторым показаниям и непрестанным звонком электрической сигнализации в казначействе (как показывают некоторые свидетели, казначей успел выдернуть кнопку электрического проволочного звонка), не успели ничего с нею сделать. Спешно захватив с одного из столов 4124 рубля 41 копейку дневной выручки, а с других столов гербовые знаки, марки и документы, два револьвера и две винтовки у убитых, выбежали на улицу. Впоследствии, при осмотре казначейства, на одном из столов, была найдена записка, писанная от имени абрека Зелимхана Гушмузакаева за тремя его печатями, в которой порицалась слу-

жебная деятельность атамана Кизлярского отдела войскового старшины Вербицкого и говорилось о том, что этот последний обманул правительство своей похвальбой и обещаниями, будто он поймает его, Зелимхана.

На улице, разбойники, по команде сели на лошадей и направились из города к Тереку. Во время обратного следования по улицам Кизляра, разбойники вновь обстреляли ближайшие улицы, убили при этом младшего унтер-офицера Ширванского полка Штефана, ефрейтора того же полка Асеева и трех местных жителей, а затем скрылись из города.

В начале минувшего марта, к начальнику Грозненского округа Терской области, полковнику Стрижеву поступили сведения о том, что Зелимхан формирует шайку из 30-40 человек ингушей и чеченцев, с которой думает совершить какое то крупное преступное предприятие. Об этом полковник Стрижев в отношении от 9-го марта за № 75, сообщил исполняющему должность атамана Кизлярского отдела, войсковому старшине Вербицкому (Управление Кизлярского отдела расположено в городе Грозном, отстоящем в расстоянии 150 верст от города Кизляра), причём уведомил его также о том, что шайка почти готова и что приведенные в означенном только что отношении сведения получены им от лиц, заслуживающих доверия. Это отношение, в копии было препровождено младшим помощником атамана Кизлярского отдела, есаулом Авериным приставу города Кизляра, хорунжему Вариеву при препроводительной надписи от 10-го марта за № 20, следующего содержания: «Весьма секретно и экстренно. Предварительно могут быть разведчики; неослабно следить и быть начеку; паники не распространять; сынам Терека и Сунжи не осрамить своих дедов подлежащей встречей отпором и захватом разбойников; показать, что у достойных славы дедов есть достойные внуки; повторять не буду, а за бездействие строго накажу». Никаких более указаний или распоряжений по этому поводу со стороны атамана отдела или его помощника не последовало. Упомянутое предписание

приставом города Кизляра хорунжим Вариевым было получено 13-го марта, и содержание его, как совершенно секретное, было объявлено им только его помощникам. Таким образом, о готовящемся разбойном набеге на город Кизляр никому более известно не было: не были предупреждены о нем ни начальник Кизлярского гарнизона, ни казначей, ни начальник почтовой конторы, ни другие должностные лица в городе.

20 марта, тот же начальник Грозненского округа, полковник Стрижев сообщил по телефону войсковому, старшине Вербицкому, что «Аюб Тамаев (известный абрек, товарищ и ближайший помощник Зелимхана) с 14-ю разбойниками заступил в Кизлярский отдел из селения Старый Атаги»; на это Вербицкий ответил полковнику Стрижеву: «ждем» и на следующий день, в управлении, сообщил об этом известии своим помощникам, есаулам Алейникову и Аверину, а также бывшему в то время в управлении, помощнику пристава города Кизляра Попову, словесно приказав им предупредить о выступлении разбойников по отделу».

В это самое время есаулу Аверину надлежало выехать в Кизляр по другому делу, а помощнику Кизлярского пристава Попову – вернуться к месту своего служения; дорогою они и должны были предупредить атаманов станицы о возможном набеге абреков. Прибыв в Кизляр 23-го марта этого года, ни Аверин, ни Попов не передали однако приставу Вариеву об этом весьма важном известии, и Вариев, не получив на первое предписание подтверждения, которое имело бы уже более определенное указание на готовящееся нападение, не принял никаких мер к предупреждению последнего.

Во втором часу ночи на 25-е марта, около семафора станции «Гудермес» Владикавказской железной дороги, был обнаружен разрыв семафорной проволоки, перерезанной кинжалом, и следы 20-22 лошадей, перешедших полотно железной дороги в направлении на Кизляр. Местный жандармский унтер-офицер сообщил об этом атаману станицы Кахановской и старшине

селения Гудермес, а последний донес об этом начальнику 4-го участка, Веденского округа, Берзниеву, который, однако, не придал этому обстоятельству особого значения. 26-го марта, исполняющий должность атамана Кизлярского отдела, войсковой старшина Вербицкий выехал в город Владикавказ, для личного доклада исполнявшему должность начальника области по делам службы; в этот же день из города Кизляра выехал обратно в город Грозный помощник атамана отдела, есаул Аверин. В это самое время Зелимхан со своей шайкой, перейдя полотно железной дороги и двигаясь вверх по правому берегу реки Терека, направился на Кизляр, переход к которому разбойники совершили в двое суток, причем последнюю ночь провели на чеченских хуторах, вблизи Кизляра.

Как уже было сказано выше, шайка разбойников произвела вооруженное нападение на Кизлярское казначейство в полдень 27-го марта. В это время пристав города Кизляра Вариев (Начальник Кизлярской городской полиции, которая состоит, кроме пристава и его помощников, лишь из 13-ти городовых, занятых обыкновенно разносом повесток и исполнением всевозможных поручений) находился у себя в канцелярии, но выстрелов, как он говорит, не слышал; когда ему доложили, что в городе началась стрельба, он тотчас выбежал на улицу и, удостоверившись в правильности доклада, немедленно послал за командой казаков-гребенцов, находившихся в городе, а сам побежал к казармам ширванцев; там он увидел, что роты уже выстроились. Крикнув начальнику гарнизона, капитану Башкову, находившемуся при ротах, что «грабят казначейство» – пристав Вариев, с бывшими при нем двумя городовыми, бросился на выстрелы, но прибыл в казначейство спустя 1/4 часа, когда грабеж уже был окончен и разбойники ушли.

Когда разбойники были уже за городом, пристав Вариев, с 5-ю казаками, и помощник его Заикин, с тремя конными стражниками, бросились за ними в погоню. Первый из них – Вариев, предположив что разбойники, перейдя Терек направятся вверх

по течению реки, к туземным хуторам, двинулся в этом направлении. Разбойников там он, однако, не нашел и в тот же день, ночью, вернулся в Кизляр беспокоясь за судьбу города и тяготясь отсутствием корма и отдыха лошадям и людям. Второй из них – помощник пристава Заикин настиг разбойников вблизи хутора Мамаджанова, в верстах 30-ти от Кизляра, и дал знать об этом в городе, прося выслать помощь. В это время разбойники, по словам Заикина, обстреляв его, двинулись далее, перешли реку Кордонку и направились к селению Аксай Хасавюртовского округа. За ними, спустя почти 18-ть часов после ограбления казначейства, направился по следам и Заикин, с присоединившимся к нему в это время атаманом станицы Александрийской с 25-ю казаками этой станицы. Следы разбойников вывели преследователей на земельный надел селения Адиль-Чанка-Юрт, Хасавюртовского округа, где было, и затерялись. 30-го марта следы разбойников были вновь обнаружены, проведены, около хутора Джаба-Юрт и выведены на юртовый надел селения Азамат-Юрт. 31-го марта следы были сданы начальнику 4-го участка Веденского округа Берзниеву, которым они были проведены через полотно железной дороги, в глубь Веденского округа, где и затерялись. По некоторым сведениям, в деле преследования разбойников, по вступлении их в пределы Веденского округа, Берзниев обнаружил преднамеренную нераспорядительность и бездействие власти, причем среди жителей ходят слухи, что он даже встречался с разбойниками и добровольно пропустил их дальше.

20-го марта начальник особого войскового отряда, назначенного для содействия администрации по прекращению и пресечению разбоев, полковник Веселовский получил от начальника Грозненского округа, полковника Стрижева сведение о том, что Зелимхан формирует шайку и собирается совершить с нею какое-то нападение; 21-го марта, полковник Веселовский, особым секретным предписанием, уведомил об этом начальника команды разведчиков 255-го Аварского резервного батальона, стоя-

щей на охране железнодорожной станции «Гудермес», указав ему принять меры наблюдения за путями, ведущими с горы к селению Гудермес. Начальник команды разведчиков, с 22-го по 28-е марта, каждую ночь закладывал по дорогам секреты, обходил днем и ночью селение Гудермес, но ничего подозрительного замечено не было. О проходе же в ночь на 25-е марта, шайки через полотно железной дороги невдалеке от станции «Гудермес» в направлении на Кизляр ни полковник Веселовский, ни начальник команды разведчиков, как оказывается, никем извещены не были. Что касается действий войск и войсковых начальников, собственно в городе Кизляр, то – на основании имеющихся у меня сведений – эта сторона дела представляется в следующем виде.

В городе Кизляре расположены 14 и 15 роты 84-го пехотного Ширванского имени ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка, в составе 80-ти старослужащих и 70-ти молодых солдат; роты помещаются в казарме, на площади, в восьми минутах бега от казначейства; начальником обеих рот и гарнизона состоял командир 15-й роты названного полка, капитан Башков. Кроме того, на самой окраине города, в пригородной слободке, стояла команда казаков 1-го Кизляро-Гребенского полка, которая, имея специальное назначение – сопровождать почту, – ни в какие служебные наряды по городу не назначалась; поэтому, а также вследствие уединенного расположения казаков, начальник гарнизона об их присутствии в городе не знал. Само Кизлярское казначейство охранялось шестью присяжными, вооруженными револьверами; из числа присяжных, в момент нападения разбойничьей шайки на казначейство, трое отсутствовали, будучи отправлены на почту за получением денег; кроме того, имелись револьверы у казначея и двух бухгалтеров. При казначействе учреждена была воинская охрана в составе четырех нижних чинов, помещавшихся водной из задних комнат казначейства, причем дверь, которая вела из этой комнаты в другие, – была одностворчатая, узкая, допускавшая проход только по одиночке. Казначейство было соединено

электрической сигнализацией с казармой, но сигнализация эта с середины февраля не действовала; с просьбой об исправлении ее начальник гарнизона неоднократно обращался к казначею и к почтовому чиновнику, заведующему этим делом, но последний хотя и работал все время над исправлением сигнализации, однако неудачно. Наружной охраны у казначейства вовсе не было; днем за посетителями казначейства наблюдали свободные присяжные, находившиеся в комнате, ближайшей к выходу, а ночью двери запирались, как обыкновенно в квартирах.

В момент нападения на казначейство, нижнее чины охраны обедали в своей комнате; у одного из них, рядового Кривопустова сломалась ложка, и он в ожидании, когда кто-нибудь окончит обед, вышел в коридор; там его встретил командовавший шайкой, – повидимому Зелимхан, и выстрелом в упор ранил его выше колена. Раненый Кривопустов, будучи без оружия, пополз вдоль коридора к казначейскому архиву и здесь выбросился через окно галереи во двор, где и спрятался. Когда же в помещении казначейства раздался залп, и пули засвистали по всем комнатам, то чины боннской охраны, быстро схватив винтовки, бросились навстречу нападавшим. Первым выбежал из помещения охраны начальник ее, ефрейтор Стрелец и был тотчас же убит. Следующий за ним – принесший обед, безоружный рядовой Беловонс, который, видимо, бросился защищать казначея, был убит в следующей комнате; затем выбежал рядовой Трубчаников. Встреченный огнем абреков, он стал в дверях и, в свою очередь, открыл по ним стрельбу. Когда ударом приклада берданки одного из нападавших у него было выбито из рук ружье, он бросился в дверь, ведущую в коридор, и выпрыгнул через окно во двор, а отсюда побежал в казарму, чтобы дать знать о нападении.

Место рядового Трубчаникова занял рядовой Клочков, также принесший обед; он успел дать два выстрела по разбойникам из винтовки, оставленной Кривопустовым, но когда после этого ружье дало осечку, то Клочков, выбросив патроны, бросился на-

зад в комнату охраны, выскочил через окно в коридор и сбежал вниз по лестнице; встреченный там выстрелами коноводов, он остановился и произвел в них последний выстрел оставшимся у него единственным патроном, а затем бросился бежать вдоль улицы, осыпаемый пулями, пока не увидел открытую во двор калитку, где и спрятался, шагах в ста от казначейства. Стрелять он более не мог,- потому что у него, как принесшего обед, не было больше патронов. Клочков оказался контуженным в висок, а надетая на нем в накидку шинель была пробита пулями в шести местах. Тело шестого рядового Горобца было найдено у порога подъезда казначейства: видимо, он был убит наверху, а затем сброшен через окно коридора на улицу. Насколько была велика стрельба в самом помещении, видно из того, что в первой комнате найдено было в стенах 69 следов от пуль, во второй – 16, в третьей комнате – 15, в четвертой – 10 и в пятой – 8; кроме того, пулями было разбито много стекол, как в коридоре, так и в самом помещении.

В то время, когда происходило ограбление казначейства, – в казарме нижние чины 14 и 15-й рот, распущенные после медицинского осмотра, были уже в столовой, и готовились обедать. Офицеры сидели в канцелярии; выстрелов абреков, по показанию всех чинов этих рот, в казарме слышно не было, а сигнализация, как раньше было сказано, не действовала. Начальник гарнизона, капитан Башков, случайно взглянув в окно и увидев бегущие в панике по площади толпы народа, – выслал своего фельдфебеля, подпрапорщика Галушку узнать, что такое случилось. Галушка вскоре прибежал и доложил, что в городе идет стрельба. Тогда капитан Башков скомандовал ротам – «в ружье!», и когда солдаты разобрали ружья и получили патроны, он вывел их на площадь. Едва роты успели выстроиться, как к ним подбежал пристав Вариев и крикнул: «грабят казначейство».

По команде капитана Башкова, к казначейству со всеми старослужащими бросились бегом: командир 14-й роты, капитан Добросмыслов и поручик Константинов, а по дороге, недалеко

от казарм, к ним присоединился еще подпоручик Лемкуль, бывший, как больной, дома. На ходу офицеры разделились: капитан Добросмыслов с 10-ю человеками своей роты, двинулся к южной окраине города на берег реки Терек с тем, чтобы отрезать разбойников от моста. Поручик Константинов, примерно с 15-ю нижними чинами направился прямо к казначейству, а подпоручик Лемкуль, с 12-ю человеками, бросился левее поручика Константинова – с тем, чтобы обойти казначейство с севера и окружить разбойников. Тотчас, как только выяснилось, что разбойники напали на казначейство, хорунжий Вариев послал городового за казаками – гребенцами с приказанием, чтобы те спешили к казначейству; но казаки очень запоздали и явились лишь после того, как за ними в третий раз был послан помощник пристава Попов, – примерно спустя около часа после нападения, и то в числе 5-ти человек. Поручик Константинов, следуя указаниям очевидцев, повернул во двор Крестовоздвиженского монастыря – с тем, чтобы, сократить дорогу через проходной двор, выйти наперерез злоумышленникам; но противоположные ворота монастыря оказались запертыми, и вышла некоторая задержка минуты в две-три, пока не принесли ключ и отворили дверь.

В то время, когда роты собирались, а затем команды от них двинулись на выручку, абреки хозяйничали в казначействе. Видимо, получив от своих дозорных сведения о движении войск на выручку, разбойники бросились вниз, сели на лошадей и рысью направились к Тереку, производя по пути сильную стрельбу, во время которой были убиты три местных жителя. От команды, спешившей под начальством поручика Константинова к казначейству, не доходя монастыря, отделились младший унтер-офицер Штефан и ефрейтор Асеев, которые бросились вперед и, как оказалось затем, вышли навстречу разбойникам; услышав выстрелы последних, они остановились: Асеев – за углом дома, а Штефан – по середине улицы. Как только разбойники показались, Асеев и Штефан, пропустив двух абреков в офицерской

форме, произвели по главным разбойникам два выстрела, от которых два из них покачнулись в седле и стали валиться с лошадей. Тотчас к ним подскакали следовавшее им в затылок два других разбойника, подхватили раненных и карьером бросились вперед; ехавшие сзади остальные абреки ответили на это залпом, от которого Асеев и Штефан, закачавшись упали, причем первый из них, лежа на земле, еще некоторое время пытался перезарядить винтовку, но видимо дослать патрон не хватило уже сил. Асеев умер тут же, а Штефан скончался спустя час в городской больнице.

Абреки, выехав из города, стали поворачивать на восток, к мосту через Терек. За ними скоро показался и капитан Добросмыслов со своей командой. Увидя разбойников он тотчас же рассыпал цепь и скомандовал стрельбу с прицелом на 600 шагов. Люди взяли наизготовку, но едва лишь приготовились стрелять, как один из городовых, находившийся сзади команды крикнул «не стреляйте, это наши казаки!», – солдаты смутились и замялись. Капитан Добросмылов вновь приказал стрелять, но первый залп дал недолет. Во время этого замешательства абреки, однако, успели, повернуть к направлению к мосту, двинулись вдоль берега реки полным ходом и скоро скрылись за кожевенным заводом.

Как только они показались из-за заводских построек, то вновь были обстреляны с прицелом на 1500 шагов. После стрельбы капитан Добросмыслов и поручик Константинов, который к этому времени также вышел из города к реке, двинулись дальше, вслед за разбойниками, и когда команды подходили к кожевенному заводу, то были встречены несколькими выстрелами из-за кустов. В это время разбойники уже успели переправиться на другой берег реки, несколько выше парома, вброд. Капитан Добросмыслов решил продолжать преследование разбойников и тоже переправился через Терек, оставив на левом берегу поручика Константинова, с 10-12 нижними чинами, для прикрытия своей переправы и вообще для наблюдения за берегом. У места

выхода разбойников из реки были заметны следы остановки, а на сухой траве резко выделялись четыре сырых пятна, как бы от сидевших или лежавших в мокрой одежде людей, и видно было много крови.

Капитан Добросмыслов преследовал разбойников до Старого Аверьяновского хутора, примерно версты четыре; здесь крестьяне ему сказали, что разбойники, в числе 23-х человек, проехали хутор около получаса тому назад, причем на некоторых лошадях было навьючено что-то тяжелое. Подъехавший в это время помощник пристава доложил капитану Добросмыслову, что разбойники выехали на Гудермесскую дорогу и находятся уже далеко, вследствие чего преследование будет бесполезно. Тогда капитан Добросмыслов, согласившись с тем, что пешими людьми конных разбойников не догнать, собрал свою команду и двинулся обратно в город. Начальник гарнизона, капитан Башков, во все время нападения, находился у казармы, где были выстроены молодые солдаты, которым также были розданы боевые патроны. По объяснению капитана Башкова, стоя здесь, он имел следующие выгоды: впереди его находилась почта, в которой собралось более 50,000 рублей и которая не имела охраны. Рядом с казармою находилась тюрьма, в коей большинство заключенных состояло из абреков, и на которую в общей суматохе также могло быть сделано нападение. Стоя у казармы, он мог подкрепить ту или другую команду или выдвинуть новую, под своим начальством, в нужном направлении, и, наконец, у него были молодые солдаты, еще не прошедшие курса стрельбы, а потому он остался с ними, как с наименее надежным боевым элементом. Когда же стрельба затихла, он капитан Башков, прибыл в казначейство, принял распоряжение охраны на себя, учредил там унтер-офицерский караул и приказал взять оттуда убитых, а затем вернулся обратно к казармам. В настоящее время помещение для воинской охраны переведено из дальней комнаты в комнату, ближайшую к выходу, сигнализация исправлена и с 7-го апреля действует хорошо; кроме того, составлена

инструкция всем чинам гарнизона для действия в случае нового нападения.

28-го марта, днем, согласно требования войскового старшины Вербицкаго, и по распоряжению начальника особого воинского отряда полковника Веселовского, от 6-й сотни 1-го Кизляро-Гребенского казачьего полка была выслана на станцию Кади-Юрт, Владикавказской железной дороги, команда казаков в составе 18-ти человек под начальством подъесаула Беззубова. В силу указаний Вербицкого, команда, высадившись на станции, должна была действовать сообразно с обстоятельствами. Спустя час, на ту же станцию прибыла и команда разведчиков Ширванского полка, в составе 30-ти человек, под начальством офицера. В тот же день подъесаул Беззубов получил от войскового старшины Вербицкого телеграмму, в которой ему сообщалось, что «шайка абреков, перейдя вброд Терек, засела в крепости, где атакована»; в телеграмме, кроме того, указывалось, что «крепость – ниже Кизляра и местонахождение в Хасав-Юрте будут знать»; вслед затем подъесаулом Беззубовым была получена от того же войскового старшины Вербицкого вторая телеграмма с приказанием командировать ширванцев к этой крепости. Во исполнение последнего приказания, подъесаул Беззубов поручил находившемуся в селении Кади-Юрт начальнику 4-го участка Веденского округа Верзниеву – иметь неослабное наблюдение за линией селений Азамат-Юрт, Кади-Юрт, Аксай, а сам, ночью 28-го марта, с пехотой, посаженной на фургоны, совершил переход в селение Аксай, куда и прибыл на рассвете 29-го марта. Однако, ни от старшины этого селения, ни от начальника 2-го участка Хасав-Юртовского округа Абдулкадырова о местонахождении упомянутой крепости, а равно о пути отступления разбойников подъесаул Беззубов никаких сведений получить не мог. В виду этого отряд, продолжая движение на Кизляр и пройдя селение Чогар-Отар, в полдень 29-го марта, прибыл в селение Адиль-Чанка-Юрт. Получив здесь сведения о доведении станичными казаками следов до дороге Кизляр-Чи-

гирин и не добыв от старшины селения Адиль-Чанка-Юрт никаких других сведений о разбойниках, кроме кратких отрицаний на все расспросы по этому поводу, – подъесаул Беззубов поскакал на хутор Чигирин, где и нашел помощника пристава города Кизляра Заикина, вместе с атаманами станицы Александрийской, Бороздинской и Дубовской и 40 казаками-станичниками.

К этому времени следы были доведены Заикиным до большой дороги Кизляр-Чигирин-Адиль-Юрт, в 2-х верстах севернее Чигирина. Адиль-Юртовский старшина после некоторых препирательств, согласился принять следы, но ведение таковых, как это затем выяснилось, не продолжал и вернулся к себе домой. В 4 часа дня 30-го марта, следы были найдены вновь; к 8-ми часам вечера того же дня они были доведены до селения Акбулат-Юрт. Оставив на ночевке в этом последнем селении льготных казаков, отряд прошел в селение Аксай, а затем, в 4-е часа дня, прибыл обратно в селение Кади-Юрт. Дальнейшие усилия начальника отряда, подъесаула Беззубова и чинов отряда обнаружить следы отступления шайки и настигнуть ее ни к чему не привели, в виду упорного, хотя и скрытого противодействия этим усилиям, как со стороны старшин, так и вообще жителей селений (Адил-Чанка-Юрт, Аксай, Азамат-Юрт, Кади-Юртъ и Гудермес, а также Адиль-Юрт), вблизи которых шайка прошла, – и, в конце – концов, следы разбойников затерялись в Веденском округе.

Ко всему изложенному выше считаю нужным добавить, что в телеграмме за № 6295 исполнявший должность начальника области, генерал-майора князь Орбелиани донес мне, что в настоящее время все же арестовано 8 ингушей, из которых 6 внушают основательное подозрение, и что предстоят еще аресты, причем дальнейшие розыски ведутся неослабно. Рассмотрев все обстоятельства дела о вооруженном нападении шайки разбойников на Кизлярское казначейство, я не мог не признать, что главною причиною успеха этого преступного предприятия, столь возмутительного по своей дерзости и грандиозного по

числу жертв, явились: преступное бездействие власти, крайняя нераспорядительность и вообще весьма небрежное отношение к делу службы, проявления некоторыми чинами местной администрации, преимущественно Кизлярского отдела, как в деле предупреждения готовившегося преступления, так и в деле преследования разбойников, после совершенного ими нападения на казначейство.

Что касается действий начальствующих лиц и нижних чинов 14 и 15-й рот 84-го пехотного Ширванского Имени Вашего Величества полка, составляющих гарнизон города Кизляра, то, признавая поведение нижних чинов при нападении разбойников на охранявшееся ими казначейство вообще безупречным, – я нашел, однако, что командир 15-й роты упомянутого полка, капитан Башков проявил во всем этом деле недостаток предусмотрительности, инициативы и распорядительности и вообще не обнаружил стремления наилучшим образом исполнить возложенную на него, как на начальника гарнизона, обязанность по охране города, а командир 14-й роты того же полка, капитан Добросмыслов, ведший преследование разбойников, действовал вообще вяло, не сумел правильно определить расстояние до разбойников, а стрельбу по движущейся цели вел плохо; тот же факт, что нижние чины его роты, услышав сзади крик: «не стреляйте, это наши казаки», замешкались открыть огонь, – не мог не указывать на то, что рота эта не в руках у ротного командира.

В виду только что сказанного и согласно выяснившихся ныне обстоятельств, а также на основании всех имеющихся в моем распоряжении данных мною приняты по настоящему делу нижеследующие меры.

1) Исполняющий должность атамана Кизлярского отдела, войсковой старшина Вербицкий, младший помощника атамана сего же отдела, есаул Аверин, пристав города Кизляра, хорунжий Вариев и начальник 4-го участка Веденского округа, коллежский регистратор Берзниев – удалены мною от занимаемых ими должностей. Вместе с тем, все они, по моему распоряже-

нию – привлечены к следствию по обвинению их в бездействии власти, имевшем важные последствия, т.е. по обвинению в преступлении, предусмотренном 2-ою частью 341-ой статьи уложения о наказаниях уголовных и исправительных, а дело о них передается следователю по важнейшим делам Владикавказского окружного суда.

2) Начальнику Терской области предписано немедленно командировать кого он признает нужным, для временного исполнения должностей, означенных в предыдущем пункта, а вместе с тем сделать представление о назначении на эти должности других лиц, вполне соответственных и по особо тщательному выбору.

3) Тому же начальнику области предложено: затребовать объяснения от начальника Грозненского округа, полковника Стрижева, который, получив своевременно сведения о шайках Зелимхана и Аюба Тамаева, ничего не сообщил об этом начальникам соседних округов Хасав-Юртовскаго и Веденского, через территории каковых округов разбойники должны были пройти и действительно прошли, а равно не принял меры к захвату разбойников во время движения их по вверенному ему округу; эти объяснения, в связи с материалом, имеющимся по сему делу у него, начальника области, мною приказано рассмотреть в общем присутствии Терского областного правления, а затем журнальное постановление последнего по этому предмету, со всей относящейся к нему перепиской, представить мне.

4) О действиях начальника 2-го участка Хасав-Юртовского округа, губернского секретаря Абдулкадырова, проявившего полную и, по-видимому, преднамеренную нераспорядительность в деле розыска шайки разбойников при отступлении ее из Кизляра в Веденский округ, мною назначено особое административное расследование, а затем таковое будет рассмотрено в общем присутствии областного правления.

5) Старшины селений Гудермес (Адил-Чанка-Юрт, Аксай, Азамат-Юрт, Кади-Юртъ и Гудермес, а также Адиль-Юрт),

Адиль-Юрт, Аксай, Кади-Юрт и Азамат-Юрт, обнаружившие частью скрытое противодействие, а частью бездействие в деле преследования разбойников и ведения следов, – смещены мною с должностей, а самые селения эти лишены на год права иметь выборных старшин; начальнику области приказано назначить в названные селения старшин по своему выбору, и к каждому из них назначить по два стражника, отнеся содержание их на счет тех же селений.

6) Независимо изложенного в предыдущем пункте, начальнику области предписано предложить судебному следователю обратить особое внимание, при производстве следствия по сему делу, на действия названных сельских старшин; если же последние к уголовной ответственности привлечены не будут, то представить мне свои соображения о тех мерах административного характера, которые в отношении их надлежало бы принять.

7) В виду того, что все преступное предприятие Зелимхана или лица, выдающего себя за него, могло быть выполнено только при условии самого широкого содействия и укрывательства со стороны селений, вблизи которых шайка или части ее формировались, и через которые разбойники двигались на Кизляр и обратно, я предложил начальнику Терской области представить мне, в кратчайшей срок, подробные и точные сведения о степени виновности этих селений, а также соображения свои о тех мерах, которые необходимо было бы принять, как в видах воздействия на преступный элемент этих селений, так и в целях выдачи пособий семьям убитых при нападении на Кизлярское казначейство и возмещения убытков, причиненных казне похищением из казначейства денег и ценных документов.

8) Я указал, кроме того, начальнику области принять все возможные меры к увеличению полицейской охраны как самих казначейств, расположенных в области, так и казначейских чиновников – во время переноски или перевозки ими денег и ценностей из казначейства на почту и обратно с почты в казначейство; о принятых в этом отношении мерах начальнику области мною предписано донести мне.

9) Дело о вооруженном нападении, 27-го марта сего года, на Кизлярское казначейство, своевременно будет изъято из общей подсудности и передано на рассмотрении военного суда, для суждения виновных по законам военного времени.

10) Начальнику области предписано иметь неослабное наблюдение за ведением розыска участников вооруженного нападения на Кизлярское казначейство и о дальнейших результатах розыска мне доносить, и

11) Бывший начальник гарнизона города Кизляра, командир 15-й роты Ширванского полка, капитан Башков – удален мною от командования ротою, а в отношении командира 14-й роты, капитана Добросмыслова, в виду того, что он был все же единственный, преследовавший разбойников по настоящему пути их отступления, я нашел возможным ограничиться объявлением выговора.

В заключение настоящего моего Всеподданнейшего доклада приемлю долг, – в интересах дела и справедливости, повергнуть на благовоззрение Вашего Императорского Величества нижеследующие соображения мои как по поводу Кизлярского грабежа, так и вообще по поводу разбоев в Терской области.

Из вышеизложенного Ваше Величество изволите усмотреть, что вооруженное нападение абреков на Кизлярское казначейство вызвало с моей стороны принятие ряда репрессивных мер. Подобные же меры административного характера неукоснительно принимались, принимаются и будут приниматься мною каждый раза в случай совершения туземцами важных преступлений против личной и имущественной безопасности мирных граждан. Тем не менее, я должен с полною откровенностью высказать, что все эти меры не дают пока благоприятных результатов, и разбой в Терской области не прекращается. С этим ужасным злом русское правительство уже борется давно: как мною, так и всеми моими предместниками по управлению Кавказским краем были испробованы многообразные меры к обузданию хищнических наклонностей туземцев Терской области;

так, например, для наказания виновных туземных селения туда посылались целые карательные отряды; в селения эти ставились экзекуции на полное иждивение жителей; от населения целых округов поголовно отбиралось оружие; в виде наказания, жители того или иного селения, в полном составе, расселялись по разным селениям области, а виновные селения иногда уничтожались до основания; взыскивались денежные штрафы, часто очень крупные, на вознаграждение потерпевших от преступлений; порочные лица высылались из одной местности в другую, а одно время местом ссылки таких лиц служил остров Чечень, близ устья Терека, на Каспийском море; изобличенные в таких преступлениях туземцы судились по законам военного времени, и тому подобное.

Несмотря, однако, на все эти, принимавшиеся равномерно меры репрессии, грабежи, разбои и другие преступления против личной и имущественной безопасности в Терской области не только не прекратились, но и не обнаруживают до сих пор наклонности к уменьшению. Это обстоятельство уже давно привело меня к тому убеждению, что бороться с разбоем одними карательными мерами – не достаточно, а необходимо настойчиво и планомерно проводить в жизнь такие меры, – которые в корне уничтожили бы, хотя не сразу, но постепенно, первопричины, порождающие и питающие разбойничьи наклонности горского населения Терской области. Причины эти, по моему мнению, кроются: во-первых, в особенностях бытовых условий жизни, характера и мировоззрения туземных племен; во-вторых, в бедности, малоземелье и низком, почти первобытном, уровне культуры горских народов; в третьих, в плохой организации полицейско-административной части в округах области, и в-четвертых, в той отчужденности, которая создавалась и существует ныне между народом и властью.

В соответствии с только что мною сказанным, меры, которые, на мой взгляд, надлежало бы принять в целях насаждения гражданственности и развития культуры в среде туземного на-

селения, должны были бы заключаться приблизительно в следующем: открытие возможно большего числа русских школ в туземных селениях и хотя бы одной учительской русской семинарии для туземцев; проведение дорог, в особенности в нагорной части области; скорейшее поземельное устройство населения нагорной полосы; развитие земледелия и промышленности; привлечение магометан-туземцев к отбыванию воинской повинности; улучшение служебного положения участковых начальников в округах и назначение к ним помощников; скорейшее преобразование Терской постоянной милиции в полицейскую стражу; широкая организация сыскного дела и многое другое.

Все, что можно было сделать для осуществления хотя части этих мер, в пределах местных средств и в пределах власти, предоставленной мне, как наместнику Вашего Величества на Кавказе, – делалось и делается. Однако, осуществление почти каждой из перечисленных только – что мер, хотя и, безусловно, необходимых, требует новых расходов от казны, и как показывает опыт – одного этого условия оказывается достаточно, чтобы почти все ходатайства Кавказского начальства о проведении в жизнь той или иной полезной меры и об отпуске на это казною денежных средств уже заранее обрекались на неуспех и оставались затем без удовлетворения. Здесь я не могу не упомянуть о следующем факте, как одном из недавних примеров, подтверждающих справедливость только что сказанного мною: в прошлом году, начальник Терской области, генерал-лейтенант Михеев вошел ко мне с ходатайством об увеличении оклада содержания участковым начальникам в округах Терской области, хотя бы до той суммы, как получают начальники участков в казачьих отделах той же области, и о назначении к первым помощников с окладом содержания в 800 рублей. Признавая меру, о которой ходатайствовал генерал-лейтенант Михеев, настоятельно необходимою, я приказал штабу вверенного мне округа сделать надлежащее по сему предмету представление. Однако в августе того же года на это представление последовал такой ла-

конический ответ Главного Управления казачьих войск: «испрашиваемая Кавказским начальством мера не представляется безотлагательною и вызывается лишь необходимостью улучшить состав полиции в округах, а так как на получение средств из казны для этой надобности не имеется никакой надежды, то Военный Министр приказал ходатайство отклонить». Между тем упомянутая только что мера именно является безотлагательной и особенно необходима, как одна из мер, наиболее дешевых и весьма полезных в деле борьбы с разбоем и вообще с преступностью в Терской области.

Поставленная в такие неблагоприятные и, скажу более, невыносимые условия, русская власть на Кавказе вообще, а в Терской области, в частности, силою вещей, вынуждена бороться с разбоем и с преступностью, с явлениями бытового характера, преимущественно мерами карательного характера, т.е. мерами, долговременное и частое применение которых на Кавказ не привело пока к желаемым результатам. А между тем, и польза русского дела на Кавказе, и интересы благонадежной части туземного населения, и, наконец, общественное мнение русского общества постоянно предъявляют к Кавказской администрации вполне понятные и естественные требования о скорейшем искоренении разбоев в Терской области, требования, которые, однако, административная власть на Кавказе лишена возможности выполнить по причинам, от нее не зависящим.

Невзирая, однако, на препятствия, встречаемая мною на пути осуществления мер, которые являются, на мой взгляд необходимыми для устроения порядка в названной области, – я не нашел возможным примириться с таким положением вещей; поэтому еще задолго до Кизлярского разбоя мною было приказано штабу временного мне округа:

1) заготовить вновь представление об увеличении оклада содержания участковым начальникам в округах области хотя бы до той суммы, какую получают начальники участков в казачьих отделах той же области, и о назначении к первым помощников с окладом содержания в 800 рублей, и

2) выработать проект о высылке заведомо – порочных лиц с их семьями из названной области в Восточную Сибирь, с отнесением вызываемых этой мерой расходов на счет казны, применительно к порядку, установленному для колонизации пустынных и малонаселенных местностей; упомянутое только что представление и проект в ближайшем времени будут препровождены моему заместителю в высших учреждениях Империи, сенатору, тайному советнику Никольскому, для дальнейшего законного их направления.

О всем вышеизложенном мною поставляется в известность председатель Совета Министров, статс-секретарь Столыпин, которого я прошу, в интересах пользы дела и справедливости, оказать свою поддержку успешному и быстрому проведению в законодательном порядке хотя бы этих двух мер.

Вашего Императорского Величества
Генерал – Адъютант Гр.Воронцов-Дашков
№ 2509. 29 апреля 1910 года. г.Тифлис.

ПРИКАЗ КАЗАКАМ ОХРАННОЙ КОМАНДЫ СТАВКИ 1910 г.

27-го апреля Ст. Терекли-Мектеп.

Вам уже известно, что по слухам шайка абреков собирается напасть на ставку Терекли-Мектеп. Я уверен, чти казаки достойным образом встретят разбойников и сумеют дать отпор, но в то же время, под угрозой строжайшей ответственности, приказываю принять к неуклонному исполнению настоящие распоряжения.

1. Урядника Бурлакова за нераспорядительность и попустительство тайным продавцам водки смещаю с должности начальника поста и на его место назначаю урядника Егора Куменева. За малейшие упущения ответственность возлагаю на него; но

вместе с тем предоставляю ему право подобрать команду вполне исправную.

2. Уряднику Егору Куменеву предписываю установить ночные обходы, посылая каждый раз по два казака, которым держаться в тени, имея неослабное наблюдение за общественными зданиями, за почтовым отделением и помещением кассы.

3. Назначать часового к помещению кассы со стороны двора и приказывать ему запирать на ночь ворота.

4. По требованию начальника почтового отделения назначать часового в помещение почты, если в том будет надобность.

5. С 9-ти часов вечера и до 3-х часов ночи держать лошадей на конюшни, а не в степи, чтобы иметь их под рукой.

6. Ружья держать наготове, имея на руках по 20 патронов, на тревогу выбегать не всем вместе, так как возможна засада со стороны улицы. При первых же выстрелах из засады ложиться на землю, открыть огонь и дать возможность остальным обойти разбойников.

7. Надо помнить, что разбойники могут безнаказанно подойти к ставке или в форме Гребенского полка, как обыкновенно они делают, или под прикрытием бурок, а посему установить строгое наблюдете за приближающимися к ставке всадниками, всякий раз извещать меня и немедленно принимать меры предосторожности.

8. В остальном руководствоваться приказаниями, отданными мною лично.

И. д. нач. 2-го участка Кизлярского отдела Капельгородский

Запись атамана Кизлярского отдела на этом рапорте начальнику Терской области:

Такое нападение вполне возможно и может окончиться крупной катастрофой. В ставке могут перебить все русское население.[…] Казаков там всего 12, из них одни едут с помощником на поимку разбойников, другие с другим на различный

расследования и беспорядки, которых между ногайцами немало возникает на почве земельных недоразумений. В ставке иногда остается не больше 3-4 человек, которые, хотя, конечно, и не дадутся без потерь в руки разбойников, как это было в Кизляре с солдатами, но и выдержать спешно борьбу с шайкой в 15-20 человек тоже вряд ли смогут. Однако и это не такая еще беда. В ставке русских всего три-четыре семьи, и мы уже привыкли и к более крупным потерям, но я не могу мириться с положением нашим здесь в Терской области, когда нам приходится пассивно ждать удара в какую-либо из точек на огромном протяжении области и, обладая громадными силами и средствами, почти наверняка подвергаться разгрому. Безнаказанность чеченских аулов, по которым прошла шайка Зелимхана после ограбления Кизлярского казначейства, и которые эту шайку там очевидно скрывали, а чеченская часть Адиль-Чанка-даже забивала следы (Чанка-Юртовцы забили следы на 15 верст, это ведь каторжный труд!), такая безнаказанность и столь продолжительное время, конечно, окрылит разбойников и повлечет их на новые подвиги.

Меня обвиняют, Ваше Превосходительство, в слишком страстном отношении к чеченцам, но это неверно, и Вы сами отлично знаете, что это неверно. Я об их интересах заботился, быть может, гораздо больше, чем их начальники округов, но я заботился не об их личных интересах только, а об общих, народных. Я указывал на необходимость дорог в Чечне не только для обладания краем, но и в интересах самого чеченского мирного населения, которое во многие места довозит «несчастные пуды» кукурузы, единственный их хлеб, путем огромной затраты энергии и средств. Я указывал на необходимость общей воинской повинности для чеченцев и ингушей также и для пользы их самих, а не только России.Просил для них земство, надеясь, что, больше занимаясь общими гражданскими интересами, они скорей сделаются культурными и скорей прекратится обкрадывание их низшей администрацией. Школу просил, только отчасти надеясь на облегчение нашей несчастной казачьей участи от соседства с ними. Я указывал, что школа эта должна быть

профессиональной, уж конечно только для них же, чеченцев и ингушей, и я готов был, это скажут Вам все присутствовавшие на школьном заседании в областном правлении, отказаться в станицах от всякого казенного пособия для наших школ в пользу опять таки школ чеченцев.

Но в то же время, с первого же моего представления Вам, я говорил, что начальным шагом в борьбе с разбоями и воровством в области должна быть замена всех туземцев в милиции русскими. Полумеры всегда полумеры, и сколько русской крови пролилось потому только, что на мои слова свыше не обратили внимания. Сколько раз под покровом погон убивали русских и грабили, сколько раз, пользуясь возможностью состоять на русской службе и иметь оружие, милиционеры чеченцы и ингуши вооружали разбойников и сами без погон уже шатались около станиц и «работали по разбойничьи», если не попадались вооруженным казакам, или шли открыто к вооруженным, надеясь на полную безнаказанность.

Я приказал теперь, в случай, если произойдет опять нападение в Кизляре, всем станицам мобилизовать своих казаков и выступать в Надтеречную чеченскую полосу, чтобы перехватить ее сплошной линией до железной дороги. Но и опять предупреждаю Вас, Ваше Превосходительство. Боюсь я казаков, боюсь их толпы в настоящее тревожное время, когда, в ожидании нападений чеченцев, нервы казачьего населения до крайности напрягаются, а злоба на коварных соседей накопляется и накопляется. Я Вам уже не раз докладывал, а генералу Берхману еще в 1908 году говорил, что казаки волнуются, и это может разразиться бурей. В Карабулаке это подтвердилось пока слегка. Казаки волнуются, и мне с трудом удается их сдерживать, пользуясь еще кое-каким влиянием. Но начинают бродить темные, не знаю кем распускаемые слухи, что я начал делиться с Зелимханом и потому он беспрепятственно грабит, чеченцы его скрывают, и все это им проходит безнаказанно. Скверный это признак. Население ищет виновных в своих несчастиях, и нелепые слухи родятся в его темном мозгу, а это можете служить указанием,

что волна народного гнева по какому-нибудь поводу подхватит толпу и… обрушит ее на чеченцев сначала, а затем первым долгом на мою голову, а потом, быть может, и на Вашу или на того, кого Вы пришлете, как это было с князем Орбелиани.

И вот, возможность такого исхода побуждаете меня сим же просить Ваших указаний: двигать ли мне в случае нападения на Кизляр казаков в Чечню или опять довольствоваться «надеждой», что администрация Чечни, сама, со своими «партизанами»-чеченцами, остановит или определит направление шайки, как это было после Кизлярской резни? По-моему, или лучше сказать, по-нашему, разбойников нужно преследовать, а не ждать их нападений. Врага легко укараулить только у него под саклей, а не у себя кругом станицы, так как «в сакле у него выход один, а околица станицы слишком длинна», говорили наши старики, а они понимали толк в этих делах.

И. д. атамана Кизлярского отдела войсковой старшина Вербицкий

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ
наместника на Кавказе генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова председателю совета министров П.А.Столыпину.

г. Тифлис. 4 мая 1910 г.:

Как мною, так и всеми моими предместниками по управлению Кавказским краем были испробованы многообразные меры к обузданию хищнических наклонностей туземцев Терской обл.

Так, например, для наказания виновных туземных селений туда посылались целые карательные отряды; от населения целых округов поголовно отбиралось оружие; в виде наказания жители того или иного селения в полном составе расселялись по разным селениям области, а виновные селения иногда унич-

тожались; взыскивались денежные штрафы, часто очень крупные, на вознаграждение потерпевших от преступлений; порочные личности высылались из одной местности в другую, а одно время местом ссылки таких лиц служил остров Чечень близ устья Терека на Каспийском море; изобличенные в тяжких преступлениях туземцы судились по законам военного времени, и тому подобное. [...]

Это обстоятельство уже давно привело меня к тому убеждению, что бороться с разбоем одними карательными мерами недостаточно, а необходимо настойчиво и планомерно проводить в жизнь такие меры, которые в корне уничтожили бы, хотя не сразу, но постепенно, первопричины, порождающие и питающие разбойничьи наклонности горского населения Терской обл. [...] открыть побольше русских школ; провести дороги в нагорной части области; развивать земледелие и промышленность; преобразовать терскую постоянную милицию в полицейскую стражу. [...]

Осуществление почти каждой из перечисленных только что мер требует новых расходов от казны, и, как показывает опыт, одного этого условия оказывается достаточно, чтобы почти все ходатайства Кавказского начальства о проведении в жизнь той или иной полезной меры и об отпуске на это казной денежных средств... оставались без удовлетворени.

РАПОРТ
начальника Терской области в канцелярию ЕИВ

Начальник Терской области Казачий Атаман Терского казачьего войска .
по канцелярии
8 июня 1910 г. № 9975 г. Владикавказ

В канцелярию наместника Его Императорского Величества на Кавказе

О разбойничьих шайках в Терской области

Сообщаю, что за время с 1-го января по 15 мая с. г. в пределах Терской области было два случая появления организованных разбойничьих шаек: в Грозном 9-го января, когда произведено было нападение на Грозненский вокзал, и в гор. Кизляре 23 марта, когда разгрому подверглось Кизлярское казначейство. В обоих случаях, как следует полагать на основании добытых сведений, разбойничьи шайки находились под предводительством абрека Зелимхана Гачмазукаева. Нападение на вокзал имело успех всецело благодаря нераспорядительности и полному бездействию железнодорожной администрации которая должна была своевременно принять все меры к организации правильной и целесообразной охраны в районе полосы отчуждения, чего однако не было сделано. Между тем вся охрана и выработка мер по этому поводу возложена на особый комитет по охране железной дороги. Обращаясь к нападению на Кизлярское казначейство,-приходится сказать, что администрация Кизлярского отдела во главе с атаманом отдела войсковым старшиной Вербицким своей преступной бездеятельностью полной растерянностью и неумением организовать ни защиты вверенного района, ни преследования разбойников помогла шайке грабителей разгромить казначейство, что сопровождалось целым рядом человеческих жертв и дала ей возможность скрыться совершенно безнаказанно.

ИЗ РАПОРТА
начальнику Терской области

от 5-го июля 1910 года № 6985

[...]Эту шайку разбойников следует считать уничтоженной, почти все участники ее обнаружены и о задержании сообщено начальникам Грозненского и Веденского округов. Справедливость требует удостоверить, что кроме казаков, державших себя выше похвал, немалую долю пользы принес Аксаевский старшина Султан-Бек Акавов, доставлением точно проверенных сведений о нахождении шайки и помощник его по хутору Герменчук-отару Эльдар-хан Хасанов смело, рискуя жизнью, задержавший разбойника, и тайный сыщик начальника участка. Ввиду того, что туземное население не склонно оказывать помощь администрации в борьбе с разбоями оказывают её только одиночные жители и непременно за плату, я прошу ваше сиятельство, не признаете ли вы возможным выдать начальнику 2-го участка сумму денег, для выдачи ее его агенту, и также оказать денежную помощь Герменчук - отаровцу Теликаю Абакярову на лечение раны, как пострадавшему при защите порядка.

С подлинным верно: Вр.и.д. н-ка округа подполковник /подпись/
Сверял за делопроизводителя /подпись/

РАПОРТ
Начальника Терской области в канцелярию Наместника ЕИВ на Кавказе.

Начальник Терской области и наказной атаман
Терского казачьего войска по канцелярии
9 июля 1910 г. № 12582 г. Владикавказ

Сведения о разбойничьих шайках

Сообщаю, что за период времени с 1 по 15 истекшего июня в пределах вверенной мне области был один случай появления организованной разбойничьей шайки 1 июня в Хасавюртовском округе. Шайка эта, скрывавшаяся несколько дней в густых камышах и непроходимой топи вблизи сел. Баба-Юрт, по агентурным сведениям собиралась совершить какое то преступление в гор. Кизляре, его окрестностях или в Хасавюртовском округе.

Обнаружена была шайка с наступлением вечера (после 8-ми часов) находившаяся в секрете у брода через реку Аксайку – командой казаков сотника Яицкова, с которой шайка абреков вступила в ожесточенную перестрелку, длившуюся около часа во время какового столкновения был убит казак Авчаров и тяжело ранен из злоумышленников Мица Эльдерханов, находившийся в бегах и разыскиваемый по обвинению в пленении овцевода Кошеля. Остальные злоумышленники рассыпались по камышам и болотам благодаря темноте скрылись. Вести же преследование в то время, ввиду незнакомства с местностью, оказалось невозможным.

На рассвете кроме найденного раненого Эльдарханова, теперь уже умершего, задержаны были еще два туземца, принадлежавшие к шайке, и семь разбойничьих верховых лошадей.

По добытым сведениям следует предполагать, что шайка эта находилась под предводительством абрека Зелимхана Гушмазукаева и в шайке этой имеются еще раненые разбойники, увезенные своими товарищами.

Генерал-лейтенант – (подпись)
Вр. пр. канц. Будкевич (подпись)

РАПОРТ
нач. 2-го участка Кизлярского отдела Терской обл.
1910 г.

27 апреля 1910 года за № 11
Г. атаману Кизлярского отдела

Ходят слухи, подтверждаемые приезжающими в ставку Кумыками, что шайка абреков готовит нападение на ставку. Принимая во внимание условие местности, думаю, что разбойникам обеспечена подобающая встреча: мы не повторим печальной ошибки кизлярцев и не дадимся в обман. Прилагая при сем копию приказа по охранной команде, доношу Вашему Высокоблагородью, что мною временно выданы запасные винтовки служащим в ставке для самоохраны.

И. д. начальника 2-го участка Кизлярского отдела Капельгородский.

РАПОРТ
Наместника на Кавказе графа Воронцова-Дашкова ЕИВ
(1910)

Его Императорскому Величеству.

Рапорт

Признав необходимым принять самые решительные меры к преследованию и поимке оперирующего в пределах Терской области известного разбойника Зелимхана Гушмазакаева и его сподвижников, а также и для уничтожения всех вообще абреческих шаек, преступная деятельность которых широко развилась в названной области, препятствуя нормальному в ней ходу жизни, я возложил выполнение этой задачи на командира сотни

Дагестанского конного полка ротмистра Доногуева, которого и командировал в июне месяце сего года вместе с его сотней в Терскую область, преподав ему специальную инструкцию для его действий.

Одновременно с тем, со стороны начальника названной области, также были сделаны распоряжения о принятии чинами местной администрации соответствующих мер к искоренению преступных шаек. Причем действия этих чинов предписано было согласовать с действиями упомянутого воинского отряда

С особенной энергией взялся вести поиски абрека недавно назначенный и. д. начальника Назрановского округа ротмистр князь Андроников, который добыл точные сведения о месте пребывания Зелимхана, укрывшегося на неприступной горе Чорх-Корт, вблизи селения Нелх, названного округа.

Когда эти сведения совершенно сошлись с данными, добытыми ротмистром Доногуевым, то начальник Терской области, под общим руководством коего велось дело преследования, разработал план дальнейших действий. Согласно этому плану, воинскими командами была устроена облава, которая 15-го минувшего сентября нашла на склоне горы Чорх-Корт покинутое, по-видимому, не более как за день до прихода войск жилище абрека Зелимхана, а 18-го того же сентября обнаружила в одной из пещер и всю семью этого разбойника, которая и была взята отрядом. Однако сам Зелимхан, как оказалось, и на этот раз успел ускользнуть из рук отряда.

Несмотря на усиленные и тщательные поиски абрека в течение целого дня по неприступным и снежным горам, изнурившие людей отряда до крайности, таковые остались безуспешными. Но, тем не менее, ротмистр Доногуев, будучи уверен, что Зелимхан находится вблизи отряда, решил расширить кольцо оцепления и потому, отдав соответствующие распоряжения, сам с сотней намеревался занять выход из Ассинского ущелья.

С этой целью сотня Дагестанцев, приняв все меры предосторожности, выступила утром 20 -го сентября в обратный

путь, имея при себе семью Зелимхана. Проходя того же числа по Ассинскому ущелью, отряд, около 11.30 часов утра, подвергся нападению названного абрека, устроившего в самом узком проходе по ущелью, на почти отвесных скалах, в трех местах засады, из наскоро собранных им из ближайших аулов жителей, вооруженных чем попало, открыв внезапно с трех сторон огонь по отряду,

Засады эти естественно не могли быть скоро сбиты огнем отряда, и потому перестрелка продолжалась около 5-ти часов, в результате чего оказались убитыми: два офицера – ротмистр князь Андроников и поручик 3-го Кавказского саперного батальона Афанасьев, пять нижних чинов и один житель и убитыми одиннадцать лошадей и четыре ранеными.

Несмотря на более чем тяжелую обстановку, в которой оказался отряд, перенесший буквально безвыходное положение, семья Зелимхана осталась при отряде и была доставлена во Владикавказ, абрек же Зелимхан и на этот раз скрылся безнаказанным.

Всеподданнейше донося об изложенном, докладываю Вашему Императорскому Величеству, что повальное воровство, кражи, грабежи и разбои, совершаемые жителями Назрановского округа – ингушами, не дают жить находящимся в соседстве с ними русским, осетинам и особенно ближайшим соседям – казакам Сунженского отдела, озлобление которых против них достигло крайних пределов. Мало того, известный разбойник Зелимхан, от которого отказались его соплеменники чеченцы, нашел себе приют среди ингушей и целыми годами живет в ингушских селениях, где его укрывает весь ингушский народ, употребляя все усилия к тому, чтобы оказывать ему всякое содействие в его преступных предприятиях и даже помогает в нападении на войска.

Так было в перестрелке с войсками при хуторе Цорхе (о чем всеподданнейше донесено рапортом моим от 2-го мая прошлого года за № 12673), так было и в Ассинском ущелье, где дробовы-

ми и картечными зарядами, которыми были ранены офицеры и нижние чины, подтверждается, что участвовали там не одни абреки, но и жители ближайших хуторов и селений, наскоро отобранные Зелимханом и вооруженные имевшимся под руками оружием.

Находя, что такое положение дальше продолжаться не может, и ингушский народ за свои возмутительно беззаконные действия должен получить вполне заслуженное возмездие, я, в соответствии с ходатайством начальника Терской области и в целях прекращения, наконец, бесчинства и уверенности ингушей в безнаказанности их наглых преступлений, решил принять против них самые энергичные меры воздействия, и потому на основании предоставленной мне Вашим Императорским Величеством власти (Согласно ст. 1 1-2,26 и 27 Учр.Упр. Кавк. Края, т.11, по продолж. 1906года) приказал:

1. Всех жителей поселков Нелх и Кек в числе 49 дымов (186 душ мужского пола 143 женского), где в продолжении 1,5 лет свободно проживали семьи абрека Зелимхана и убитого в прошлом году его брата также абрека Солтамурада, теперь же выселить в Сибирь вместе с означенными семьями, водворивши их там на свободных землях.

2. Хутора, расположенные по Ассинскому ущелью, в которых был оказан приют Зелимхану, и жители которых принимали участие в нападении на войска, уничтожить, расселив жителей к местам их приписки.

3. Взыскать с ингушей Назрановского округа штраф в размере 20700 рублей на вознаграждение семейств убитых чинов отряда и частных лиц и в пособие лицам, раненым в вышеупомянутой перестрелке.

4. Лишить общества Назрановского округа права выбора себе старшин и назначить туда правительственных.

Относительно порядка приведения в исполнение распоряжения моего о выселении жителей названных поселков вместе с

семьями абреков, а равно и о возможно скорейшем осуществлении этой меры наказания ингушского народа, как меры чрезвычайной, вызываемой крайней к тому необходимостью, я вхожу в сношение с председателем Совета министров и Военным министром.

О вышеизложенном всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству.

Генерал Адъютант граф Воронцов-Дашков.
14 ноября 1910 года, № 6637,
г. Тифлис.

Примечание: *Российский государственный военно-исторический архив (Фонд 400, опись 1, дело № 3923 на 140 листах «О принятии решительных мер к искоренению грабежей и разбоев на Кавказе», датированных периодом с 23 ноября 1910 года по 16 апреля 1915 года.*

РАПОРТ
Об убийстве начальника Назрановского округа ротмистра князя Андронникова и др. в перестрелке с Зелимханом и его шайкой.

Начальнику Терской области
Управление Назрановского окр. Терской обл.
22-го сентября 1910 г. № 1678. г. Владикавказ.

Доношу Вашему превосходительству, что 20-го сентября близь полудня начальник округа ротмистр гвардии князь Андронников с шестью сотней Дагестанского полка, соп-ровождая захваченную им семью абрека Гушмазукаева, близ хутора Ерш, Соринского общества, в узком Ассинском ущелье был встречен эасадой абреков, открывших по нем с трех пунктов неприступных скал перекрестный огонь.

После 9 - ти часовой усиленной перестрелки оказались убитыми начальник округа, ротмистр князь Андронников, поручик 3-го кавказского саперного батальона Афанасьев, 4 всадника с 5-ой сотни Дагестанского полка, один милиционер 4-ой сотни Терской постоянной милиции Цыганков, проводник житель Цоринского общества Мишхиев и житель Шамхинского общества Чолаев. Ранены: командир 6-й сотни вышеупомянутого полка ротмистр Доногуев четырьмя пулями, пять всадников его сотни, милиционер 4-ой сотни Терской постоянной милиции Козлов. Лошадей убито 10, ранено 4. Из абреков по заявлению некоторых участников в перестрелке, убит один и ранен один, причем оба унесены товарищами.

С подлинным верно: младший делопроизводитель /подпись/

ПРЕДПИСАНИЕ
наместника Воронцов-Дашков начальнику Терской области:
(1910)

Преступность ингушей – жителей Назрановского округа, повальное воровство, кражи, грабежи и разбои, особенно сильно развившиеся в среде этого народа, буквально не дают возможности мирно трудиться мирному поселянину, особенно же соседям ингушей – казакам и осетинам. Наглость и дерзость этого племени за последнее время достигли невероятных размеров и бороться с этим злом мерами культурного характера, при наличии чрезмерно низкой ступени развития ингушей, очевидно невозможно.

Благодаря такому положению вещей, я нахожу, что престиж русской административной власти среди полудикого ингушского народа падает с каждым днем, понятие о законности утрачивается, человеческая жизнь совершенно обесценивается и чужая

собственность не признается вовсе. Мало того, ингуши, очевидно, не останавливаются и перед тем, чтобы открыто выступить против правительственной власти, желающей охранить как их личную, так и общественную безопасность. Это подтверждается тем, что 20 прошлого сентября они вместо содействия, которое должны были оказать воинскому отряду, посланному для поимки главаря разбойничьей шайки абрека Зелимхана, сами примкнули к этой шайке и напали на отряд в Ассиновском ущелье, где, обстреляв войска, первым же выстрелом убили своего начальника округа ротмистра князя Андроникова.

Возмутительно беззаконные действия ингушей должны, наконец, получить полное заслуженное возмездие и потому я решил по всей полноте предоставленной мне Государем Императором власти принять против них чрезвычайные меры наказания.

Предложенные Вашим Превосходительством, в докладе от 2 сентября сего года за № 19074, меры воздействия на преступный ингушский народ я вполне одобряю и предписываю Вам:

1. Всех жителей поселков Нельх и Кек (согласно рапорту Вашему от 2 ноября с. г. в составе 49 дымов – 107 мужчин, 86 женщин и 136 детей), среди которых в продолжение полутора лет укрывались семьи детей абреков Зелимхана и Солтамурада, выселить вместе с означенными семьями в Сибирь.

2. Хутора, расположенные по Ассиновскому ущелью, в которых был оказан приют Зелимхану, и жители которых принимали участие в нападении на войска, уничтожить, расселив жителей к местам их приписки.

3. Немедленно взыскать с ингушей Назрановского округа штрафа в размере 20.000 рублей, кои и выдать в вознаграждение семействам убитых чинов отряда и частных лиц семействам: ротмистра князя Андроникова десять тысяч рублей, поручика Афанасьева – три тысяче рублей, убитых пяти нижних чинов и одного туземца – по одной тысяче рублей за каждого, и в пособие раненым ротмистру Доногуеву – одну тысячу рублей, шести нижним чинам и одному туземцу – по сто рублей каждому.

4. Лишить общества Назрановского округа права выбора старшин и назначить туда правительственных.

5. Предложить, через начальника области, сельским обществам составить приговора на учреждение в них 25-ти должностей полицейских урядников за счет самого населения.

6.Семьи абреков Зелимхана и Солтамурада выселить в Сибирь вместе с жителями поселков Нельх и Кек. Об этом также донести Государю Императору и сообщить Председателю Совета Министров и Военному Министру.

ЦИРКУЛЯР
генерал-губернатора Терской области Михеева всем начальникам округов области:
(1910 г.)

Я получил от абрека Зелимхана Гушмазукаева письмо, в котором он, описывая причины, побудившие его стать абреком, просит меня расследовать и убедиться в правдивости его слов и затем «во имя Бога и царя» помиловать его. Предлагаю объявить всем муллам и кадиям, для оповещения населения в мечетях, что письмо Зелимхана я прочел и со своей стороны отвечаю:

...Мне известно и без указаний Зелимхана, что на царскую службу иногда принимаются люди нехорошие, с порочными и противными духу закона наклонностями. Мне также хорошо известно, что от этого страдает служба и справедливость и что с этим злом надо бороться беспощадно. Но зачем Зелимхан говорит о них, когда он первый отступил от закона, когда он больше нарушил его больше, чем кто-либо, сделавшись абреком. Всякий виновный в нарушении закона преследуется по закону же, а не тем путем, который избрал себе Зелимхан, не путем произвольного насилия и убийства, которых никогда не одобрит ни Бог, ни государство, ни человеческая совесть. Пусть Зелимхан знает, что я как представитель закона и порядка в области

считаю его, Зелимхана, самым крупным нарушителем закона и виновником перед Богом и царем, а потому заслуживающим понести тяжелую кару...

Относительно же его просьбы о помиловании добавляю, что, во-первых, миловать я не в праве. Это не в моей власти. Эта власть принадлежит только царю. Во-вторых, меня крайне удивляет, что Зелимхан говорит о помиловании. Где же его уважение к закону, если он же склоняет меня на беззаконие, то есть призывает к помилованию, тогда как я во имя закона обязан судить его. Закон, конечно, примет во внимание чистосердечное признание, но во всяком случае Зелимхану следует помнить, что раз он имел мужество судить и наказывать других, пусть имеет мужество и отдаться в руки правосудия».

ПИСЬМО
графа Воронцова-Дашкова военному министру Сухомлинову
(1910)

Главнокомандующий войсками Кавказского военного округа граф Воронцов-Дашков его высокопревосходительству военному министру Сухомлинову В.А.

Рапорт

Наглость и дерзость разбойничьей шайки известного абрека Зелимхана, оперирующей в пределах Терской области с 1902 года совершенно безнаказанно, заставили меня обратить на нее серьезное внимание и принять решительные меры к искоренению этого зла.

В целях захвата главаря шайки, разбойника Зелимхана, укрывшегося в последнее время в Назрановском округе на неприступных высотах, вблизи селения Нелхи, в сентябре месяце

сего года была сделана облава войсковыми командами, специально для того командированными. 15-го сентября отряду этому удалось обнаружить пещеру, в которой скрывались семьи Зелимхана и убитого в прошлом году его брата, также абрека Солтамурада, каковые и были тогда же схвачены. Сам же Зелимхан, как оказалось, успел скрыться.

Кроме того, я предписал начальнику Терской области теперь же взять всех подлежащих выселению в Сибирь лиц в город Владикавказ, где и содержать их под охраною в особо отведенных для сего помещениях, производя расходы на необходимое их довольствие заимообразно из местных источников области, впредь до соответствующего на пополнение означенного расхода отпуска из казны, о чем я своевременно войду с представлением.

Вместе с тем, я прошу председателя Совета Министров прилагаемым при сем в копии письмом от 14 сего ноября за № 6638 сделать соответствующее указание, как о порядке приведения в исполнение распоряжения моего о выселении жителей названных поселков с семьями абреков в Сибирь, так равно и о возможно скорейшем осуществлении этой меры наказания ингушского народа, как меры чрезвычайной, вызываемой крайней к тому необходимостью.

Сообщая об изложенном, прошу Ваше Высокопревосходительство, со своей стороны, также оказать возможное содействие к разрешению этой последней просьбы в благоприятном смысле. Примите уверение в совершенном уважении и таковой же преданности.

Граф Воронцов-Дашков.

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ
Калужского губернатора Министру внутренних дел (1910)

О том, чтобы ограбление Кизлярского казначейства было произведено на почве фанатизма. не может быть и речи. Ограбление это было произведено исключительно с корыстной целью – добыть побольше денег, в которых абрек Зелимхан очень нуждался; к тому же он присоединил месть бывшему Атаману Кизлярского Отдела Войсковому Старшине Вербицкому за его выступление против Зелимхана в газетах. Так гласило и письмо, оставленное в казначействе, где Зелимхан укорял Войскового Старшину Вербицкого в измене Государю Императору. Измена эта заключалась якобы в том, что Войсковой Старшина Вербицкий обещал поймать Зелимхана и не поймал.

В том же письме он предлагал Вербицкому опять ловить его уже после ограбления. Большое количество жертв при ограблении вызвано опять-таки не местью, как говорил сам Зелимхан, а неожиданной встречей в казначействе с нижними чинами, оказавшими сопротивление. Появление же нижних чинов для разбойников было неожиданным ввиду того, что лицо, сообщившее сведения о казначействе, убедило их в отсутствии не только воинского, но и всякого другого караула. Встретившись с нижними чинами, разбойники, дабы не быть убитыми, убивали их. […]

Выбравшись из города, они ехали уже покойней, так как знали наверное, что никто из обывателей разных селений не решится на них напасть. Будучи заранее осведомленными, что скорой погони за ними быть не может за отсутствием кавалерии, они успели совершить «намаз» (моления), обязательный каждому мусульманину до 5 раз в день.

ИЗ ПИСЬМА
Главнокомандующего войсками Кавказского военного округа председателю Совета Министров

14 ноября 1910 года за №6638.

В ходе борьбы с разбойными выступлениями шайки Зелимхана в пределах Терской области и оказываемою ему поддержкой со стороны местного населения я признал необходимым, в виде чрезвычайной меры в порядке ст. 11 Учр. Упр. Кавк. Края, т. 11, по продолж. 1906 г., прибегнуть к выселению целых семей из групп населения, оказывающих поддержку Зелимхану и не выполнявших требований властей о содействии. Осуществление этой меры в целях воздействия на остальных туземцев представляется неотложным и должно быть выполнено безотлагательно.

Имея в виду, что высылка эта может получить действительное значение, главным образом, при условии прочного укрепления оседлости высылаемых на месте их водворения, и что место это следует избрать в большом отдалении от места их родины, я покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство не отказать в своем распоряжении об отводе для этих высылаемых земельных участков в Амурской области или иной местности Сибири.

К выселению предполагается 49 дымов, в составе: 107 мужчин, 86 женщин и 136 детей (кроме семейства абрека Зелимхана и его брата Солтамурада, состоящих из 2-х жен и 5-ти детей). В ожидании распоряжения о водворении их в Сибирь, высылаемые будут выселены из аулов и содержаться под охраной военного караула. Поэтому само водворение их в Сибирь особенно желательно осуществить в ближайший срок.

На случай могущих встретиться затруднений к водворению выселенцев в избранных Вашим Высокопревосходительством местах в течение зимнего периода, я тем не менее признавал

бы особенно желательным теперь же осуществить их высылку с тем, чтобы до весны они имели временное пребывание на одном из отдаленных переселенческих пунктов.

Как об этой чрезвычайной, так и других принятых мною мерах наказания ингушского народа я донес Его Императорскому Величеству во всеподданнейшем моем рапорте от 14-го сего ноября за № 6638, копию которого при сем препровождая Вашему Высокопревосходительству, прошу о последующих распоряжениях ваших почтить меня уведомлением.

Подлинное подписал граф Воронцов-Дашков.

РАПОРТ
Главнокомандующего войсками Кавказского ВО графа Воронцова-Дашкова (1911)

Его Императорскому Величеству.
От Главнокомандующего войсками Кавказского военного округа.

Рапорт

Из доклада, представленного мне помощником моим по военной части генералом от инфантерии Шатиловым, командированным в Терскую область для обследования на месте действий администрации и войсковых команд, а также причин неуловимости абрека Зелимхана, виновности туземных обществ и отдельных лиц, (это спобствующих его укрывательству и выработки предположений дальнейшей борьбы с ним, я усматриваю, что самым главным препятствием в поимке названного абрека служат поголовное укрывательство его почти всем туземным населением Грозненского и Веденского округов и оказываемая им разбойнику в необходимых случаях активная поддержка.

Вследствие сего и в целях достойного наказания чеченского народа за непрерывное, в течение 12 лет, укрывательство Зелимхана и явное ему пособничество, а также установление порядка дальнейшей борьбы с упомянутым разбойником, я предложил начальнику Терской области принять к исполнению нижеследующие мои распоряжения:

1) Поставить на экзекуцию войсковые части, командами не менее полусотни, в те населенные пункты Веденского и Грозненского округов, в районе которых Зелимхан скрывался в последнее время, а также и в те, к составу которых принадлежат убитые и задержанные в настоящее время разбойники, и через которые следовала шайка после нападения ее на дорожную комиссию (Харачой, Дышне-Ведено, Махкеты, Завирхи, Ца-Ведено, Хатуни, Эшель-Хотой, Элистанжи, Таузень, Истису, Майртуп, Хой, Ихарой, Ригахой, Макажой, Автуры и варандийские хутора), для чего привлечь как части войск, находящиеся ныне в Терской области для содействия администрации, так равно и командированные мною туда же для обозначенной надобности 6-ть пластунских сотен.

2) Выслать теперь же в Тульскую губернию, на основании ст. 11 -2 т. 11 Учр. Упр. Кавк. Края, по продолжении 1906 года и в порядке ст. 32-34 Положения о Государственной охране, сроком на пять лет, вместе с семьями, жителей Веденского округа – Баматгирея-хаджи Митаева, Сугаипа-муллу Гойсумова й Чимирза-хаджи; Назрановского округа – Батал-хаджи Белхороева; Грозненского округа – Канна-хаджи, Абдул-Азиза Шаптукаева и Магомеда-муллу; Андийского округа, Дагестанской области – Омар-хаджи, как наиболее влиятельных представителей (шейхов) мусульманской секты зикра вредных для общественного порядка и спокойствия и вместе с тем способствующих разбойничьей деятельности Зелимхана, который, являясь рьяным последователем упомянутой секты, пользуется покровительством названных шейхов и служит для них оруди-

ем противодействия русской власти. Шейхи эти, как выяснено, поддерживают с Зелимханом тесное сношение, благословляют его на отчаянные разбои, комплектуют его шайку своими последователями-мюридами, доставляют ему оружие и патроны и тщательно укрывают его.

3) Выслать в том же порядке в Орловскую губернию, сроком на пять лет, 25 родственников Зелимхана, несомненно, укрывающих его, и оказывающих ему пособничество в разбоях. Меру эту, однако, я предписал привести в исполнение только по установлении несомненной их в том виновности.

4) Войти ко мне с представлением о расселении в административном порядке тех, самовольно без общественных приговоров возведенных хуторов (в пределах Веденского и Грозненского округов), жители коих уличены или будут замечены местными властями в укрывательстве Зелимхана и предержательстве его шайки.

5) Назначить теперь же правительственных старшин во всех сельских обществах, составляющих район деятельности Зелимхана, а равно и в тех селениях, откуда происходили разбойники, принимавшие участие в последнем нападении шайки.

6) Взыскать, на основании ст. 26, т. 11 Учр. Упр. Кавк. Края, по продолжении 1906 года, в месячный срок, со всех чеченцев Веденского и Грозненского округов штраф в размере ста тысяча рублей для выдачи вознаграждения семьям убитых ротмистра Долидзе, инженера Орловского, чиновника Ворченко и нижних чинов конно-Дагестанского полка и пособий раненым и вообще тем лицам, которые так или иначе материально пострадали во время нападения шайки Зелимхана.

О вышеизложенном всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству в дополнение к телеграмме моей от 16 сентября текущего года за № 2633.

Генерал-адъютант, генерал от кавалерии
граф Воронцов-Дашков.

РАПОРТ ОБ УБИЙСТВЕ АБРЕКА АЮБА ТОМАЕВА

Начальник Грозненского окр. Терской обл.
4 марта 1911 г. № 3520 г. Грозный. Тер. обл.

Начальнику Терской области и наказному атаману Терского казачьего войска.

Об убийстве абрека Аюба Томаева

Рапорт

В дополнение моей телеграммы моих от 1-го сего марта, представляя писем, копию протокола начальника 2-го участка корнета Смирнова об убийстве участника в – Кизлярского казначейства и др. преступлениях, совершенных в разное время шайкой Зелимхана – Аюба Томаева, доношу Вашему превосходительству, что получил сведения, что иазванный разбойник, после убийства 1-го декабря прошлого года в сел. Старые Атаги товарища своего абрека Абубакара Хасуева, стал укрываться в доме братьев своих, коих он ранее боялся подвести. Я, в предположении, что названный разбойник, быть может, пожелает провести предстоящие дни праздника рождения Магомета среди своих родных. Секретным предписанием, от 25 минувшего февраля с.г. за № 22, приказал корнету Смирнову арестовать братьев его Давуда, Хасана и Султана и если удастся, то и самого Аюба Томаева, причем выбрать «подходящее время» предоставил полному усмотрению и находчивости названного начальника участка.

Донося о вышеизложенном, ходатайствую перед Вашим превосходительством о не наложении какого-либо административного взыскания на жителей с. Старые Атаги, так как поимка сего абрека, как и Абубакара Хасуева была учинена не без тайного содействия некоторых из жителей сего селения, причем осмелюсь доложить, что имею данные утверждать, что отсутствие наличности подобного взыскания на это селение после

убийства Абубакара Хасуева, значительно облегчило выполнение задачи уничтожения абрека Аюба Томаева и я полагаю, что если даже сему селению будет оказано поощрение, например, возвращение права ношения в пределах своего юрта холодного и дедовского оружия, то эта мера может послужить залогом дальнейшего успеха в этом направлении.

Начальник Грозненского округа /подпись/
Делопроизводитель /подпись/

РАПОРТ
Наказного атамана Терского казачьего войска о заговоре в Терской области

Начальник Терской области и Наказной атаман Терского казачьего войска
По канцелярии
4 мая 1911 года
№ 21 гор. Владикавказ

совершенно секретно

Помощнику по гражданской части Наместника Его Императорского Величества на Кавказе.

Со сведения о заговоре

Начальник военного отряда полковник Маргания донес мне, что студенты (преимущественно армяне) числом около 60 человек постановили привлечь известного абрека Зелимхана для революционных целей с каковой надобностью командировали в Чечню 5 человек своих товарищей, которые после долгих переговоров через жит. сел. Шали Шахита Борщикова около месяца назад имели свидание с Зелимханом.

Затем 19 апреля состоялось совещание, в котором принимало участие 22 человека, в числе коих было 2 агента военного отряда, и кроме названных студентов еще 5 человек, привезших Зелимхану бомбы. На этом совещании студенты призвали Зелимхана поддержать революцию, которая должна вспыхнуть в России, когда начнется война с Китаем.

В знак верности студенты обещали Зелимхану следующее: – один из них совершит при помощи бомб покушение на мою жизнь, генерал-майора Степанова и ротмистра Доногуева, другой студент бросит бомбу одному Грозненскому обывателю, если последний не исполнит требования Зелимхана и не выдаст 7000 рублей, третий обещал взорвать мосты, когда будут проходить войсковые части, вызванные по ложной тревоге. 4 и 5 студенты взялись доставлять точные сведения, когда будут идти поезда с большими деньгами и на условленном месте остановить поезд с помощью тормоза Вестингауза. На первом плане Зелимхана стоит стремление ограбить почту, которая идет из Гудермеса в Шелкозаводскую и далее промысла.

В стачке с заговорщиками начальник станции Гудермеса, обещающий сообщить Зелимхану о времени прихода поезда с большими деньгами, причем для нападения на почту назначено место около колодца на почтовой дороге. Вообще Зелимхан отказался от мысли брать кого-либо в плен, и будет нападать на почту и казначейство.

Сообщая об изложенном вашему превосходительству для сведения присовокупляю, что о планах заговорщиков мною сообщено начальнику Терского областного жандармского управления и сделаны все необходимые распоряжения по полиции и округу.

Генерал-лейтенант /подпись/
Правитель канцелярии /подпись/
Старший помощник правителя Будкевич

РАПОРТ
подполковника Каралова военному министру Сухомлинову В. А.

Его Высокопревосходительству военному
министру Сухомлинову В. А.
Июнь 1911

Рапорт

В дополнение телеграммы моей от 22-го минувшего июня месяца Вашему Высокопревосходительству доношу обо всех тех подробностях по делу убийства стражника Терской охранной стражи, вверенного мне округа, урядника Магомеда Хадисова, которые добыты мною, произведенным по этому делу расследованием. Но прежде чем приступить к изложению, установленного этим дознанием происшествия, я считаю долгом донести Вашему Высокопревосходительству о тех обстоятельствах, которые предшествовали этому.

Из получаемых мною агентурных сведений, мне было известно, что разбойник Зелимхан Гушмазукаев с набранной им шайкой, человек 5-6 ингушей, находится в районах сел. Махкеты, Зивирха, Харачой. Сведения эти 18 июня минувшего месяца подтвердились сделанным мне заявлением жителя села Махкеты Джамалдином Баматгиреевым о том, что на горе «Чермой Лам» он был встречен Зелимханом и его четырьмя товарищами, которые верхами спускались с горы со стороны с. Харачой.

В этот же день, т. е. 18 июня, мне было также заявлено жителем села Зивирхи Джамалдином Асаевым о пленении его племянника Абдусалама Исханова разбойником Зелимханом, но произведенным по последнему делу расследованием выяснилось, что Асаев симулировал пленение своего племянника с целью отвлечь подозрение о продаже своей лошади вышеназванному разбойнику.

Эти данные имели лично для меня значение в том отношении, что подтверждали имевшиеся у меня сведения о появлении в районах Махкеты, Зивирхи и Харачой Зелимхана и его шайки.

Имея эти сведения, я сейчас же приступил к установлению точного местонахождения разбойников с целью их истребления, для чего ежедневно на ночь посылались секреты от сел Махкеты и Ригахой, слободы Ведено и села Харачой к Зивирхи.

Один из таких секретов в 9 часов вечера 21 числа июня месяца, сформированный из трех стражников Терской охранной стражи, вверенного мне округа урядника Магомеда Хадисова, назначенного старшим, и стражников Николая Суджаева и Исака Салатаева, четырех всадников партизанской команды: Эдиль-Мирза Мирзаева, Хункарбий Ясимбаева, Бацу Витаева и Услана Джаватханова, правительственного старшины с. Харачой Инала Азарсанова и четырех добровольцев из жителей этого же селения, состоящих с Зелимханом за убийство их родственников в кровной вражде: Муртаза Тарамова, Хажи Хачукаева, Хакима Хаджиева и Аглархана Сунгурова выступил согласно данного мною старшему команды Хадисову следующего приказа: «по указанию кровника Хачукаева поведешь команду на высоты Чермой-Лам, не заходя в селение Харачой. Там произведете разведку и выставите секреты. Если на месте, по обстоятельствам придется разделиться, то вторым старшим будет старшина села Харачой Инал Азарсанов, которому передашь стражника Исака Салатаева, партизанов Хункарби Эсамбаева и Баца Витаева и кровников Муртаза Тарамова, Хакима Хаджиева и Аглархана Сунгурова. Задача ваша – обнаружить местопребывание Зелимхана и уничтожить его и его шайку. С таким приказом команда выступила из слободы Ведено по Царской дороге к селу Харачой».

Перед въездом в село Харачой около 11 часов ночи добровольцы Хаким Хаджиев и Аглархан Сунгуров отделились от команды и пошли, как показывают на допросе стражники, к дому, где жил Зелимхан, заявив оставшимся, что им необходимо взять

бурки и пищу, и что они, обойдя селение, опять присоединятся к команде. С точно таким же обещанием сейчас же вернуться, отделились от команды и пошли в селение старшина Азарсанов и харачоевец Тарамов. Азарсанову, по его словам, нужно было обменять свою неисправную берданку на другую, а Тарамова он взял с собой для того, чтобы последний отгонял от него собак.

По уходу вышеназванных лиц, оставшиеся всадники и идущий впереди харачоевец Хаджи Хачукаев вошли в село Харачой и, проехав минут пять по селению, заметили в шагах 5-10 идущих им на встречу по улице селения 5-7 человек всадников, закутанных в бурки. Магомед Хадисов, ударив плетью лошадь, выскочил вперед и крикнул по-русски: «Кто вы такие». В ответ на это со стороны всадников раздался одиночный выстрел из трехлинейной винтовки, которым был убит наповал Хадисов. Сейчас же за одиночным выстрелом со стороны разбойников последовал залп, которым были убиты лошади Суджаева, Витаева и Салатаева и тяжело ранена лошадь Мирзаева.

Разбойники круто повернули назад и, пользуясь темнотою ночи и поворотом дороги, умчались через селение на большую Царскую дорогу, дав еще три выстрела со стороны подъема этой дороги.

На месте перестрелки оставались в это время стражники Суджаев и Салатаев, партизан Мирзаев и кровник Хаджи Хадчукаев. Стражники и партизан Мирзаев стреляли по направлению удалявшихся разбойников, но безрезультатно, так как в том месте был подъем и поворот дороги, и пули попадали в косогор, который за темнотой ночи для них не был виден, а преследование было парализовано совершенной неожиданностью нападения и темнотою ночи.

Старшина, кровники и жители селения Харачой на место происшествия явились только по окончании перестрелки и не приняли меры к преследованию разбойников, которые были, как утверждают старшина Азарсанов и харачоевец Хачукаев, под предводительством Зелимхана.

Как только получил я донесение о случившемся по телефону из села Харачой, то сейчас же командировал на место происшествия команду стражников из резерва с начальниками 1-го и 2-го участков и полусотню Дагестанского конного полка при одном офицере для принятия необходимых мер по происшествию, задержания и ареста ближайших родственников Зелимхана, которые, по имевшимся у меня сведениям, давали приют и пропитание Зелимхану, чем способствовали столь свободному и продолжительному существованию этого разбойника среди населения округа, а в эту ночь допустили столь наглый въезд в самое село Харачой, среди которого и был ими открыт огонь, очевидно, зная, по ком стреляют.

С рассветом в селение Харачой, в помощь посланной туда команды, а также и для производства дознания, мною был командирован младший мой помощник капитан Костюшков с полуротою нижних чинов 82-го пехотного Дагестанского полка, а также окружной врач, статский советник Тиль – для освидетельствования трупа убитого Хадисова, и ветеринарный врач, титулярный советник Ясинский – для осмотра 3-х убитых и 1-й раненой во время перестрелки лошадей, о чем ими и составлены надлежащие акты.

Труп Хадисова мною было разрешено родственникам его перевести для временного предания земле в село Эрсеной, откуда он происходил, о чем я телеграфировал судебному следователю 4- го участка Грозненского округа. Командированными были доставлены в Ведено и затем заключены мною в тюрьму ближайшие родственники Зелимхана – харачоевцы – Хажо Алобаев, Хасай Сириев, Буца Хажи Алобаев, Яхий Хажоев и Алимхан, Аху Хамзаев, дышневеденцы – Гаца Дашуев и его сын Бетыр-Султан Гацуев, Бешир Хадашев и житель села Махкеты Сугаип Зубайраев.

Родственникам Зелимхана: Исе Учарову, Мусе Учарову, Ибрагиму Учарову, Даде Багаеву, Асламхану Хасаеву, Сули Та-

умирзаеву, Моте Таумирзаеву, Дудару Хубаеву, Элихану Алобаеву, Витамбай Эламбаеву, Асулхану Гошуеву, Закарйю Ягаеву, Джабраилу Дашуеву, Пашу и Сайдуко Вацанаевым с их сыновьями, мною предъявлено условие задержать или убить Зелимхана в десятидневный срок. В противном случае все они будут высланы навсегда из пределов Кавказского края в одну из отдаленных губерний Сибири. Условие это ими принято и клятва дана

В виду крайней порочности Харачоевского сельского общества, выражающейся в укрывательстве Зелимхана и абсолютного нежелания оказывать администрации содействие при преследовании этого разбойника, что так ярко обрисовалось в ночь на 22-е минувшего июня, когда они имели полную возможность не дать свободный проезд через их селение этому разбойнику – я прошу ходатайства начальника области разрешить мне:

1) взыскать с общества села Харачой одну тысячу (1000) рублей на удовлетворение семьи убитого Магомеда Хадисова; триста пятьдесят (350) рублей для выдачи каждому из стражников – Суджаеву, Салатаеву и партизану Витаеву, у которых были убиты разбойниками лошади, по 100 руб. каждому, и для выдачи партизану Мирзаеву на лечение раненой его лошади 50 руб.;

2) выслать навсегда из пределов Кавказского края в одну из отдаленных губерний Сибири, ныне переведенных мною во Владикавказскую областную тюрьму, вышепоименованных ближайших родственников Зелимхана с их семьями;

3) тоже самое в отношении остальных родственников на случай не выполнения ими принятого условия;

4) впредь до уничтожения разбойника Зелимхана поставить в селе Харачой полсотни Дагестанского конного полка, из той сотни, которая ныне квартирует в слободе Ведено в экзекуционном порядке;

5) раз и навсегда лишить харачоевцев права выбора старшины;

6) жителей сел Завирхи Джамалдина и Асхаба Асабаевых и их племянника Абдусалама Исханова, как симулировавших пленение последнего Зелимханом, и как соучастников и укрывателей этого разбойника, выселить навсегда из пределов Кавказского края в одну из отдаленных губерний Сибири, если только Джамалдин Асаев, давший мне клятву в десятидневный срок убить Зелимхана или предоставить возможность сделать это моим людям, не исполнит своего обещания.

С разрешения Его Превосходительства старшего помощника начальника области генерал-майора Степанова и для пользы службы старшина селения Харачой Инал Азарсанов, как проявивший в деле преследования разбойников самое преступное бездействие и за ложные показания, не подтвердившиеся дознанием, 1-го сего июля приказом по округу за № 51 мною удален с занимаемой им должности, а на его место перемещен Дышне-Веденский правительственный старшина Шахаб Борщиков. На место последнего назначен Кошкельдинский правительственный старшина Хадис Чергизов

Протокол об убийстве стражника Хадисова передан судебному следователю 4-го участка Грозненского округа.

Подполковник Каралов (подпись).
Письменный переводчик Тихомиров (подпись).

Примечание: *На рапорте, который приведен ниже, стоит резолюция военного министра Сухомлинова от 1-го ноября 1911 года, где приведены слова Российского императора: «А, по-моему, самое главное и лучшее назначить цену за голову Зелимхана, например 10 тысяча рублей тому, кто его приведет живым или мертвым. Поставьте Главно-командующего в известность о моей заметке».*

ПРИКАЗ
начальника Веденского округа подполковника Каралова

Приказ №49 от 29.06 1911 г. слоб. Ведено

По данным, имеющимся в Управлении вверенного мне округа, я, к своему глубокому сожалению, усмотрел наличность чрезмерного количества преступных деяний среди всего населения округа. Количество воровства, грабежей и разбоев не только не прекращается, но, видимо, даже увеличивается, и их так много, точно народ только и живет ими, точно это и есть тот идеал жизни, к которому мы должны стремиться от мала до велика. Сосед ворует и грабит своего же соседа, братская кровь льется из-за всякого пустяка, народ несет огромные жертвы и разорительные материальные убытки. И все же среди них не находится ни одного здорового человека, который мощно крикнул бы: «Остановитесь, безумные, довольно. Оглянитесь кругом себя, всмотритесь в этот прекрасный Божий мир, где все создано только для счастья человека и все трепещет бесконечной жаждой жизни».

Такое порочное и крайне нежелательное явление я отношу, прежде всего, к совершенной бездеятельности магометанского духовенства, большая половина которых в своих проповедях не учит народ добру, т.е. тому главному догмату веры, который служит основанием религии и Закона Божьего. Почтенные старцы, имеющие большое влияние на народ, в своих беседах не направляют их к культурному развитию и совершенствованию, не объясняют им, что детские игрушки – пистолеты и кинжалы, нужно вовремя заменить полезными земледельческими орудиями – плугом и сохой, и что только мирным трудом можно завоевать свое благосостояние. Старшины небрежно относятся к делу борьбы с преступным элементом, зачастую совершенно бездействуют, а начальники участков не проявляют достаточного активного участия не только в искоренении, но и в уменьшении преступности в округе. На такое пассивное отно-

шение должностных лиц к криминальным проступкам обратил внимание прокурорский надзор, который делал уже несколько представлений начальнику области. Население большей частью сплошь да рядом укрывает порочных людей, дает им у себя приют и даже помогает им избежать законной кары. Преступный элемент, видя безнаказанность своих незаконных проявлений, прогрессирует свою деятельность, а мирное население кряхтит и разоряется штрафами.

Такое положение вещей ни в одной культурной стране терпимо быть не может, а потому, желая, если не положить конец этому крайне позорному явлению, то хотя бы, по возможности, сократить преступность среди высочайше вверенного мне населения, я признаю необходимым призвать в слободу Ведено на 10 июля к 8 часам утра, для совместного со мной и моих помощников, обсуждения способов действительной и рациональной борьбы с усилившимся злом, следующих лиц, вверенного мне округа: кадия Абаса Аутахажиева, депутатов Горского суда: Гази-Магомы Ольмисханова, Шепи Цуруева и Вуи Гайбулатова; 1-го участка: Касима-хажи Сайбатаева, корнета Магомада Шамилева, Махматхана Сайханова, Эльсамирза Чогаева; 2-го участка: Косума-хажи Ильясова, Кехурса Темиргиреева и Расу-мулу Гайтукаева; 3-го участка: Сугаип-мулу Гойсумова, Шамсудин-хажи Аутахаджиева, Ибрагима Чергизова и Домая Талхигова; 4-го участка: Ибрагима Юсупова, Юсуп-хажи Байбетыхажиева, Абдул-кадыр-хажи Берсанова и Темурко-хажи Лечиева; 5-го участка: Бета Келоматова, Лабазан-хажи Везерханова.

Кроме того, на то же число прибыть в слоб. Ведено к указанному выше времени всем начальникам участков, по одному старшине от каждого участка, по назначению начальника участка, и по два доверенных, по выбору уполномоченных от селения, для чего в ставках начальников участков заранее должны собраться эти уполномоченные для выбора указанных выше доверенных.

Подлинный подписал начальник
Веденского округа, подполковник князь Каралов.

ОТЧЕТ
инспектора путей сообщения К.Н. Чикалина о нападении на Керкетском превале
(1911)

Предписанием начальника Кавказского округа путей сообщения, от 27 августа 1911 года, я был командирован в качестве инспектора в Дагестанскую область, для обрезвизирования работ, производящихся на дорогах, находящих: в ведении министерства путей сообщения. Мне сопутствовали, как члены комиссии, начальник работ Дагестанского отделения инженер Н.К. Орловский, старший ревизор Тифлисской контрольной палаты статский советник И.И. Ворченко и районные инженеры: до Карадага – инженер Данбеков, а от Карадага до Грозного должен был сопутствовать инженер Юцевич.

10 сенттября, в пути между станциями Кизляром и Леваши, инженером Орловским была получена, с нарочным из Левашей, телеграмма от гос. Юцевича с просьбой дождаться его приезда, так как он везет бумагу чрезвычайной важности. Действительно, догнав нас в селении Хаджал-Махи, он доставил сообщение от начальника военного отряда Терской области, что, по полученным агентурным путем сведениям, на нашу комиссию, в районе Керкетских перевалов, готовится нападение шайки абрека Зелимхана. Причем приехавший с господином Юцевичем ротмистр Долидзе сообщил нам, что вместе с ним выслан из Темирхан-Хан-Шуры отряд нижних чинов Дагестанского полка, состоящий из 12 человек, каковые для отвлечения внимания Зелимхана высланы пешими, на подводах, под видом рабочих подрядчика.

В Карадаг, где мы решили сделать двухдневную дневку, для отдыха и подписи документов по законченному осмотром району инженера Дандбекова, означенные подводы с отрядом дагестанцев действительно нас догнали. Закончив дела в Карадаге, я отпустил обратно в Темир-Хан-Шуру заведываюего уже

осмотренным районом инженера Дандбекова, а также сильно простудившегося в пути, совсем больного, инженера Юцевича; сам же, сопутствуемый оставшимися членами комиссии – инженером Орловским и контролером Варченко, не смотря на угрожающую впереди нам опасность, повинуясь долгу службы, решил ехать далее, дабы выполнить до конца возложенное на нас поручение. Принимая во внимание, что, вследствие поломки фургонов подрядчика, не было возможности везти далее отряд дагестанцев, мы выслали последних, вперед на один день, пешими, рассчитывая соединиться с ними в с. Ботлих, откуда уже должны были двигаться вместе.

Прибыв 14-го сентября в Ботлих, мы в 10 часов вечера получили донесение от дорожного мастера, что в районе у Керкетских перевалов замечена шайка абреков, состоящая из 10 человек, каковая, поджидая проезда нашей комиссии, уже в течение двух дней травит жительские покосы. Вследствие позднего времени (10 часов вечера), телеграфная контора была закрыта, а потому ротмистром Долидзе лишь в 7 часов утра, 15 сентября, могла быть послана в с. Ведено телеграмма (на грузинском языке русскими буквами) с просьбой выслать к форельному озеру 20 человек конных дагестанцев, дабы, в случае если между шайкой Зелимхана и нашим отрядом завяжется перестрелка, они могли бы не дать ему уйти, отрезав путь к отступлению.

В 9 часов утра 15 сентября мы, воспользовавшись тем, что из селения Ведено нам было выслано навстречу два фаэтона, специально для комиссии, оказавшиеся ненужными, решили, дабы не истомить пеших дагестанцев, прошедших за 3 предыдущих дня 97 верст, посадить их в означенные фаэтоны и двигаться вместе. Но, в действительности, ехать им пришлось не долго (верст 5-6), так как начался весьма длинный (15 верст) и крутой подъем на Малый Керкетский перевал, вследствие чего весь отряд дагестанцев двинулся вперед, врассыпную, по откосам горы и тропинкам, значительно опередив ехавшие сзади, медленно, фаэтоны.

В таком порядке мы к 2-м часам дня поднялись на вершину Малого Керкетского перевала, где и собрались все возле караулки. Пока я осматривал последнюю, дагестанцы, расположившись на площадке у поворота дороги, стали совершать намаз. По окончании намаза, ротмистр Долидзе приказал нескольким рядовым идти вперед, вслед-ствие чего 3-4 человека двинулись по дороге. Но так как мы, проехав уже вполне благополучно крутую, скалистую, крайне удобную для засады часть дороги, очутились на вершине, в местности совершенно открытой (покосы и пастбища), где на далекое расстояние не было заметно ни одного камня или скидки местности, каковая могла бы служить укрытием для разбойников, то, догнав на фаэтонах вышедших вперед дагестан-цев, приказали всем сесть в таковые, дабы быстрее совершить спуск к форельному озеру (озеро Кезеной-Ам; прим. автора), где в караулке предполагался наш ночлег.

Порядок движения был следующий: впереди ехал фаэтон с 5-ю рядовыми, за ним, на расстоянии до 30-50 шагов, ехал фаэтон, в котором сидел я с контрольным чиновником Варченко и одним рядовым на козлах; далее следовал фаэтон с инженером Орловским и ротмистром Долидзе также с рядовым на козлах; последним же был фаэтон с 5-ю рядовыми. Кроме того у переднего фаэтона ехал верхом сопровождавший нас дорожный мастер, позади же всех ехал тоже верхом подрядчик Ивлев, каковой, как оказалось, дабы сократить путь, поехал по короткой тропе.

Не успели мы, в означенном порядке, отъехать от караулки 100 саженей, как я заметил, что из-за бугра, находящегося у поворота дороги, неожиданно выдвинулось несколько человек с винтовками, преградив путь переднему фаэтону, и один из них что-то крикнул; фаэтон остановился, из него немедленно стали выскакивать дагестанцы и раздался выстрел, за каковым тот час же последовали другие. Контролер Варченко, выскочив из фаэтона, бросился бежать по дороге обратно, я же, пригнув голову к козлам, на каковых фаэтонщика и рядового уже не оказалось,

стал наблюдать, что будет дальше, но лошади, испуганные выстрелами, шарахнулись вправо коткосудороги, и я, вылетев из перевернувшегося фаэтона, очутился лежащим на совершенно ровном скате, саженях в десяти от края дороги.

Я стал оглядываться и, заметив в шагах в десяти ниже небольшую впадинку, ползком добрался до нее, и хотя оказалось, что в ней можно было с трудом укрыть лишь голову, но, не имея возможности, как безоружный, принять какое-либо активное участие в перестрелке, решил остаться неподвижным и наблюдать за происходившим, вполне уверенный, что окончательный перевес будет на нашей стороне.

Слева от меня, на откосе выше дороги, лежал дагестанец и стрелял. Вначале я принял его за ротмистра Долидзе, но потом оказалось, что я ошибся. Перестрелка в это время уже была в полном разгаре, пули свистали кругом меня беспрерывно и не позволяли часто поднимать головы, но все же я видел инженера Орловского, который, согнувшись, переходил через бугор, разделявший два дорожных поворота, думая, вероятно, добраться до караулки, находящейся за бугром; во время этого перехода он и был убит выстрелом в спину. Контролер Варченко, побежавший по дороге, тоже был убит пулей в спину. Вправо от меня, впереди и немного ниже (в шагах 15-ти), в небольшой лощине я заметил укрывшихся двух дагестанцев, из которых один залег в этом месте ранее, а потом уже к нему присоединился другой – оба они непрерывно стреляли. Сколько времени длилась перестрелка, я не могу точно сказать , но думаю, что не менее часа. Я слышал разговор двух дагестанцев лежавших впереди меня вправо, и мне послышалось. будто один из них произнес по-русски фразу: «А нас обошли»!

Действительно, по несколько затихшей перестрелке мне показалось, что наши отступают (мне тогда и в голову не могло придти, что все почти уже были перебиты), приподняв голову, я заметил на гребне бугра впереди себя фигуру абрека, стоящего во весь рост и что-то кричавшего; влево же от себя тоже на

гребне, фигуру другого, сидящего с винтовкой в руках, как бы высматривающего себе цель. Я крикнул тогда двум лежащим впереди меня дагестанцам: «Стреляйте:, так как будучи сам хорошим стрелком, я был уверен, что промахнуться из 3-х линейной винтовки по стоящим открыто абрекам было невозможно и не следовало упускать подобного момента, но, к моему удивлению, выстрелов не последовало.

Как выяснилось впоследствии со слов вахмистра Магома-Али Магомаева (он был одним из двух лежавших вблизи от меня дагестанцев) раненного в левую руку, но оставшегося в живых, они слышали мои слова и видели абреков, но стрелять не могли за отсутствием патронов. В то же время я чувствовал, что что-то ударило меня в голову – мне послышался звук как бы разбитого черепка, и я потерял сознание.

Очнулся я от толчков и, очнувшись, увидел что меня обыскивают четверо присевших на корточки абреков. Заметив что я открыл глаза и привстал, они меня немедленно подняли и, понуждая толчками, повели с собой. Так как я еще не совсем пришел в себя и двигался медленно, то один из абреков ткнул меня несколько раз в спину прикладом. Проходя, я заметил, что моих соседей, двух дагестанцев, уже нет на прежнем месте, и кроме того, видел лишь труп убитого в голову дагестанца, лежавшего выше меня на откосе дороги и двух абреков, разрезавших кинжадом тюк с бурками.

По-видимому, разбойники очень торопились, так как вещей, привязанных сзади к фаэтонам, они не тронули, а забрали лишь полностью все оружие, патроны и вещи, лежавшие открыто в фордеках, а также обобрали у всех убитых деньги. В небольшой лощинке, шагах в 300-х от места засады, куда меня привели, были спрятаны их лошади. Здесь, придя уже несколько в себя, я заметил, что меня окружают 8 человек и один мальчик лет 14-ти, по виду совершенно больной и беспомощный – он лежал, и его подняли на руки и с трудом посадили на лошадь. Меня заставили сесть на свободную, числом десятую, лошадь,

как после оказалось, принадлежавшую убитому в перестрелке: абреку.

Главарь шайки, среднего роста, коренастый лет 45 чеченец с благообразным желто-белым лицом и черной кругло и коротко остриженной бородой, в которой заметна небольшая проседь, был одет в пальто инженера Орловского, а через плечо висела шашка ротмистра Долидзе, на голове же была рыжая папаха. Лошадь его тоже резко отличалась от других- это был небольшого роста, крепкий вороной, хорошо кормленный конь. Шайка, севши на лошадей, поехала прямо по травянистому откосу горы Малого Керкета, причем меня все время понуждали ехать впереди шайки, дабы придать последней легальный вид. Во время пути Зелимхан с двумя-тремя абреками отделялся, поднимаясь выше, и, останавливаясь, осматривал в бинокль окружающие склоны и вершины гор. Я тоже, придя уже окончательно в себя, по привычке старого охотника стал ориентироваться в окружающей местности, стараясь запомнить направление, которого держалась шайка и приблизительное место, где должно было находиться форельное озеро.

В одной лощинке шайка остановилась и слезла с лошадей. Зелимхану поднесли бутылку с водой, и он сделал намаз, причем прочел молитву громко и стоя – один за всех.

Далее, проехав версты четыре, шайка снова остановилась; все уселись вокруг Зелимхана, который вытащил из карманов несколько портмоне и бумажников и вынул из них все содержимое. Один из абреков, говоривший очень плохо по-русски, под наблюдение которого я был отдан Зелимханом, сказал, чтобы я сосчитал деньги. Считая в той обстановке, в какой я находился, всякое противоречие или сопротивление совершенно неуместным и не желая подвергнуться с их стороны каким-либо оскорблениям, я взял деньги и громко пересчитал их – всего оказалось 264 рубля, кроме принадлежавших мне лично двух, старой чеканки, серебряных рублей и одного рубля «коронационного».

После счета Зелимхан дал почему-то моему сторожу 3 рубля, а сам подошел к лежавшему больному мальчику (оказавшемуся

его братом) и, сняв с его левой ноги штанину, стал делать ему перевязку пулевой раны, оказавшейся выше колена. Потом того подняли и посадили, вернее сказать, положили на лошадь. В то же время я заметил у одного прихрамывавшего абрека кровь на сапогах и штанах правой ноги ниже колена.

Моя рана в голову, хотя, по-видимому, была не тяжелая, но все же меня беспокоила: голова сильно болела и весь я был залит кровью. Во рту страшно пересохло, но когда я попросил дать воды, мне отказали; лишь абрек, мой сторож, дал мне одну измятую папиросу, которую я выкурил с большим удовольствием; кроме того, меня угостили измятым персиком, найденным ими в ручном саквояже г. Варченко. Окончив перевязку, все сели на лошадей и тронулись далее. Ко времени, когда начало смеркаться, проехали одну деревню (д. Ихарой), где, после опроса Зелимхана, какой-то житель побежал вперед показать дорогу.

Спустившись по очень крутой каменистой тропинке в овраг с протекавшей речкой, все приостановились, и в наступавшей темноте я заметил, шагах в 50-ти, трех всадников, к которым Зелимхан тотчас же подъехал. После разговора с ними между абреками произошло какое-то смятение – они стали, торопясь, в беспорядке переезжать речку, а наблюдавший за мной абрек, боясь, вероятно, что я отстану, стал усиленно гнать мою лошадь вперед.

Переехав русло оврага, мы стали, уже в темноте, подниматься по крутой тропинке на противоположный берег, и я заметил, что наверху, по краю обрыва, перебегают люди; в то же время раздался выстрел, потом еще, и между абреками произошло смятение. Я сейчас же подумал, что наверху находится отряд дагестанцев, о высылке которых мы просили телеграммой из Ботлиха, и что они отрезали Зелимхану путь. Со стороны абреков тоже было сделано несколько ответных выстрелов, и я видел, как сам Зелимхан, повернувшись к стороне селения, оказавшегося на горе (д. Полай-аул), сделал выстрел. К этому времени мой проводник-сторож подогнал мою лошадь вплотную к

Зелимхану, который, схватив меня за левый рукав, стал как бы заслоняться мною от выстрелов и нервно говорил: «иди, иди», таща меня по дороге влево вниз.

Вполне убежденный, что выстрелы со стороны аула были сделаны своими дагестанцами, и сообразив, что более благоприятного момента для бегства мне уже не представится, я, вырвав руку, пригнулся к шее лошади и, свернув круто вправо к стороне селения, дал сильные шенкеля и с места в карьер бросился по пашням. Сзади себя я услышал выстрелы, крики и топот лошадей. Думаю, что в данный момент от града пущенных мне вслед пуль меня спасла моя внезапная решимость, вызвавшая торопливость стрельбы со стороны разбойников, далее – тем нота, усиленная черным фоном пахоты, по которой я скакал на темно-гнедой лошади, а также неудобство стрельбы с лошади в правую сторону, что имело место в данном случае.

Проскакивая мимо столпившихся позади селения людей, я крикнул: «Свой, не стреляйте!», но, к удивлению своему, я увидел людей с палками и вилами, которые стали кричать и швырять в меня камнями, один из которых угодил мне в спину. Тогда, сообразив, что я ошибся, и что никаких дагестанцев здесь нет, я усилил ход лошади и, держась обратного к пути Зелимхана направления, наскочил на белевшую в темноте тропинку, которой и стал держаться. Между тем крики и выстрелы сзади меня не прекращались, и, проскочив шагов 300, я вдруг заметил, что мне путь преградили человек 8-10 жителей с палками и вилами; не имея возможности свернуть куда-либо в сторону, я наскочил прямо на них, так что они едва успели расступиться, и я поскакал дальше, причем, боясь погони, старался всеми силами усиливать ход лошади, каковая и без того несла меня бешеным ходом.

В одном месте я едва не сбился с тропинки, заскочив в какую-то каменную ограду; в другом моя лошадь внезапно приостановилась, так что я едва не вылетел из седла – оказалось, что на тропинке был уступ аршина в 1,5 вышиною. Я осторож-

но спустил лошадь и поскакал далее. Тропинка вывела меня на какую-то более широкую дорогу, которую я сначала принял за шоссейную, но, судя по ее узости, рытвинам и значительным уклонам, сообразил, что это не то, но решил ее держаться, так как по ней удобно было скакать, и она же должна была меня привести куда-нибудь. Сколько времени я скакал – не знаю, мне казалось очень долго, так что я стал бояться, чтобы моя лошадь не пала, но, слава Богу, этого не случилось.

Вдруг мне снова стали попадаться на дорогу группы жителей по несколько человек; я стал спрашивать их: «Где озеро, где караулка?», но они ничего не понимали, и я скакал дальше. Наконец, от одной группы ко мне подскочили два вооруженных всадника, которые на мой вопрос: «Где озеро?», сказали по-русски, что вправо находится селение Хой и что один из них – брат старшины. Вспомнив, что караулка у форельного озера называется Хойской, я просил мне указать последнюю, вследствие чего брат старшины взялся меня провести. И действительно, свернув вправо через небольшой бугорок и проехав шагов 200, я увидел здание караулки и вскочил в отворенные ворота.

В караулке сказались дорожный мастер и сторож, которые поджидали с ужином приезда нашей комиссии. Войдя в караулку, я сейчас же потребовал воды и стал обмывать рану и запекшуюся на лице кровь, но перевязывать рану было нечем, кроме грязного платка; тогда дорожный мастер принес мне комок творогу и, размяв его в руке, заклеил рану и перевязал ее платком. В это время к караулке подъехал ротмистр Котиев с отрядом дагестанцев. Узнав от меня подробности дела, он тотчас же послал донесение в Ведено, а сам, оставив мне охрану, поехал с отрядом на место перестрелки на вершину Малого Керкета, находящуюся от караулки в 10 верстах; причем, до отъезда, по его приказанию, мне была сделана фельдшером промывка раны и легкая перевязка.

Обратно отряд вернулся в 3 часа ночи, а на другой день, 16 числа, отправился по пути моего ночного бегства, и я, поехав

с отрядом, указал путь, пройденный мною с шайкой Зелимхана и направление, которое они приняли после того, как я от них ускакал. При опросе жители заявили, что они при проходе шайки подняли тревогу и стреляли из нескольких имевшихся у них ружей, но задержать шайку не могли. Меня же, скакавшего, они будто бы приняли за абрека, а потому и старались меня задержать, осыпая камнями. Отряд ротмистра Котиева отправился для преследования шайки далее, а я вернулся в караулку на озеро, куда к тому времени прибыли три фургона с трупами убитых. Отдохнув немного, я поехал в Ведено, куда и прибыл 16-го числа поздно вечером. Немедленно же ко мне пришел начальник Веденского округа подполковник князь Каралов и собрал весь офицерский состав гарнизона. Прибывший же врач с фельдшером сделали мне уже надлежащую перевязку раны.

Как выяснилось, князь Каралов, сейчас же по получении нашей телеграммы из Ботлиха, распорядился не только выгнать к форельному озеру с ротмистром Котиевым, но распорялся выставить секреты во всех пунктах вероятного движения шайки Зелимхана. Благодаря этому, шайка в 2 часа ночи с 15 го сентября, действительно, наткнулась на секрет из 24 человек дагестанцев, под начальством штабс-ротмистра Доногуева, у селения Нижалой; причем были убиты два абрека, захвачены 4 лошади, а также сумка Зелимхана с его канцелярией и отбито 9 винтовок. Вследствие того, что в одном из убитых абреков предполагали самого Зелимхана, я, для опознания трупов, задержался в селении Ведено; но оказалось, что один из убитых; был раненный в ногу брат Зелимхана, а другой – абрек из шайки.

Сильное впечатление произвела панихида над 13-ю трупами – членов комиссии, моих сотоварищей, и дагестанцами, честно выполнившими свой долг; и мне думалось, что лишь по исключительно счастливой случайности моего трупа не оказалось между ними. 19-го сентября я выехал в город Грозный, продолжая по пути выполнять возложенное на меня поручение.

Оканчивая описание всего на моих глазах происшедшего, я считаю долгом высказать свое мнение по поводу того странного на первый взгляд, обстоятельства, что 14 человек, хорошо вооруженных (12 дагестанцев, ротмистр Долидзе и дорожный мастер), легли все под выстрелами 10 разбойников, из которых был убит только один да двое ранены. Но если принять во внимание внезапность нападения и взглянуть на карту местности, набросанную мною по памяти и представленную начальнику военного округа Терской области, полковнику Мариани, то станет очевидным, что иначе дело и не могло окончиться.

Дело в том, что местность на которой рассыпались и залегли по одиночке дагестанцы, не представляла ни малейшего закрытия, все стрелки лежали на виду, совершенно открытыми, тогда как разбойники, при начале же перестрелки, залегли за гребень бугра, разделявшего два дорожных поворота, и совершенно свободно и легко били людей лежавших открытыми, – это была простая бойня, а не перестрелка.

Несмотря на всю стойкость и мужество, проявленные дагестанцами, расстрелявшими точно все патроны и легшим героями при исполнении долга, при подобной, исключительно неблагоприятной, тактической обстановке боя, конечно, они не могли иметь никаких шансов на успех. Если бы сторож при караулке, который несомненно знал о засаде разбойников, шепни – нам лишь одно слово – результаты столкновения несомненно: были бы иные и наш отряд, конечно, не только не был бы перебит, а напротив, мы имели бы все шансы разгромить шайку, а может быть, если не захватить, то убить Зелимхана.

Пусть сохранится в Дагестанском полку вечная память о 10 убитых, честно выполнивших свой долг нижних чинах и ротмистре Долидзе, и вознаградятся раненые, только по счастливой случайности оставшиеся в живых. Все они, без исключения, вели себя доблестно, без страха и упрека, и могут служить примеру воинской доблести».

ДОНЕСЕНИЕ
Наместнику Его императорского велнчества на Кавказе

Начальник Терской области и наказной
атаман Терского казачьего войска
В канцелярию наместника его императорского
велнчества на Кавказе
по канцелярии
7-го октября 1911 г.
№ 15228 г. Владикавказ

Со сведениями о разбойничьих шайках

С 1-го по 15-е сентября с.г. включительно появление организованнх разбойничьих шаек в Терской области не было, за исключением лишь появления шайки абрека Зелимхаиа, который, отступая с Керкетского перевала Андийского округа, после нападения на дорожную комиссию перешел с шайкой в Веденский округ.

Для задержания этой шайки начальником Веденского округа совместно с Начальником военного отряда в ночь с 15-го на 16-е число сейчас же было организовано преследование. Произошла перестрелка с отрядом штабс-ротмистра Доногуева, заложившегося секретно на пути возможного следования шайкн. В результате, между прочим, были убиты брат абрека, один разбойник, две лошади и взяты были: девять винтовок, два коня и сумка, по-видимому, принадлежавшая Зелимхану. в ней оказалось полная походная канцелярия абрека, карта, печати и документы.

За начальника области генерал-майор /подпись/
Правитель канцелярии войсковой старшина /подпись/
Помощник правителя /подпись/

РАПОРТ
начальника Веденского округа Терской области

Начальник Веденского окр. Терской области
11 ноября 1911 г.
№ 11580
сел. Ведено Тер. обл.

Рапорт

Помощнику Наместника Его Императорского Величества на Кавказе по гражданской части.

В дополнении рапорта от 13 августа с.г. за № 8758 и совершенно секретного донесения от 19 числа того же месяца за № 52 , доношу Вашему превосходительству, что под личное расследование передано судебному следователю 4-го участка Грозненского округа.

Вместе с ним докладываю:

Ещё задолго до перестрелки в Арджиаховском ущелье, мною помимо других мер, принимаемых к розыску разбойника Зелимхана и его шайки, была сформирована особая команда, в состав которой вошли старшины, вверенного мне округа: Ново-атагинский Муса Борщиков, Махкетинский Дуду Баталов, Шалинский Атабай Эсенбаев, Автуринский Минца Ага-Мирзаев, стражи Терской охраны стражи вверенного мне округа: Юнус Цакаев и Магома Эсенбаев, партизаны: Хату Гочаров, Юхик Тагиков, добровольцы из жителей: Ибрагим Саадулаев, Луку Аджиев и 5 всадников дагестанского конного полка при вахмистре Сулаймане Азатове, со специальной задачей собирать сведения о местонахождении Зелимхана, преследовать его по этим сведениям и, при возможности, уничтожить его и его шайку.

Команда эта мною была приведена к присяге, которой они поклялнсь быть верными друг другу в деле уничтожения, разбойника Зелимхана и всеми своими силами до последней капли крови оказывать друг другу братскую поддержку, не шадя своего живота и, не допуская ни малейшей измены друг другу даже в помыслах своих в этом важном и серьезном деле. Кроме того, команда эта перед выступлением на работу по народному обычаю побратались между собой.

Вследствие чего, вместе сим я прошу начальника Терской области не отказать объявить старшинам Ново-Атагинскому Мусе Борщикову и Махкетинскому Дуду Баталову и старшему уряднику охранной стражи, вверенного мне округа Федору Иванову и стражнику той же стражи Муслиму Гойтукаеву Абдул Межиду Муртазалиеву его благодарность за добросовестное и честное выполнение возложенного на них поручения.

Подполковник Н. Каралов
Старший делопроизводитель /подпись/

ВЫПИСКА
из протокола о нападении абрека Зелимхана в Андийском округе (1911)

Я, помощник начальника Гумбетовского участка, коллежский регистратор Саадуев, составил настоящий протокол в следующем: В 2 часа ночи на 16-ое сентября мною получена записка от делопроизводителя Андийского окружного управления Башкова, что на Андийской пастбищной горе Азал, около 2-ой казенной будки от Ботлиха в Ведено, на инженерную комиссию и команду Дагестанского полка напала шайка Зелимхана и ограбила их. Вследствие этой записки я выехал на место происшествия, тотчас же выставил по всей границе Терской области строгий вооруженный караул.

Прибыв к 4 часам утра на место, нашел в закрытой со всех сторон горными гребнями лощине, в одной версте дальше от 2-ой инженерной будки и в 1700 шагах от границы Терской области, т. е. на Хоевских общественных покосах по царской дороге. Убиты: производитель работ, контролер, ротмистр Дагестанского конного полка, 10 всадников и 1 разбойник, две лошади. Ранены две лошади, вахмистр Дагестанского конного полка, дорожный мастер и два ямщика.

Допрошенные пастухи-андийцы, находившиеся в 3- 4 верстах от места происшествия, жители селения Анди, показали, что в 10 часов утра 15 числа на Хоевских покосах и на вершинах Абдул-Индук видны были верховые всадники, разъезжающие по хребту. В полдень они исчезли. Спустя часа два послышались выстрелы. Растерявшись и боясь, что баранта их будет похищена, они не смогли оповестить о происшедшем жителей Анди и помощника начальника Гумбетовского участка.

В 5 часов утра 16 сентября с рассветом я отправился по следам: разбойники с места происшествия вернулись той же дорогой, по которой пришли до самой вершины Абдул-Индук, где остановились и перевязали раненую ногу брата Зелимхана. Вся дорога от самого Ботлиха до места происшествия видна с вершины этой горы. Когда комиссия проехала 2-ю будку, разбойники спустились с вершины в ту лощину, где была устроена засада…

Далее от Абдул-Индука следы разбойников дошли до селения Ихарой. Отсюда они спустились в Хоевское ущелье. В селении Ихарой я узнал, что подполковник Чикалин освободился из плена и бежал на инженерную будку Эйзенам, расположенную у селения Хой. Прибыв к подполковнику Чикалину, я застал там сотню Дагестанского конного полка с ротмистром Котиевым.

Чикалин показал: освободился он от разбойников в одном из ближайших к будке селений, воспользовавшись темнотой и суматохой, происшедшей между разбойниками и жителями селения, которое оказалось селением Макажой. Писарь этого се-

ления Мусалов и почетные люди Яса Галаев, Гамзат Омар-Оглы и другие видели около 7 часов вечера, что из с. Ихарой спускаются разбойники, и вышли к ним навстречу, стараясь задержать их. Безоружные, они ничего не могли сделать с ними, но освободили подполковника Чикалина. По их словам, разбойники направились далее на запад к Шару-Аргуну, но по доносам тайного доказчика, они приняли направление из Макажой на север, в селение Арой-Аул: по дороге до этого селения были найдены те же следы, которые вели с места происшествия.

С вершины покосов селения Арой-аул дорога разветвилась: на селение Ригахой и вершину горы Кашкат. Следы разбойников пошли на вершину; не поднявшись до вершины, следы спускались по крутой балке на хутора селения Ригахой прямо на север. Далее следы были доведены до центра селения Ригахой и далее к селению Мохки, где застали убитыми брата Зелимхана и другого разбойника.

По словам всадников, охранявших трупы, разбойники наткнулись на поджидавшую в этом месте команду 2-ой сотни Дагестанского конного полка, и в перестрелке были убиты эти два разбойника, 2 лошади их и одна лошадь всадника, отбито 9 винтовок, чемодан и 2 лошади. Зелимхан с остальными товарищами пустился бежать по маленькой тропе, ведущей в селение Хотины, а команда возвратилась в селение Мохки по другой дороге.

Ввиду того, что ротмистр Котиев отправился не по следам разбойников, а в селение Мохки и сотник Гасанилов не пожелал отправиться без разрешения командира далее по следам разбойников, я, ввиду приближения ночи и за неимением с собою всадников, взял направление на восток на Ригахоевские хутора, где переночевал.

На 17 число утром рано, объехав все Ригахоевские, Чермоевские и Харачоевские хутора, прибыл на 1-ю будку от Керкетского перевала на Ведено. Дорогою от разных пастухов узнал, что с 11 сентября до 13 разбойники находились на Чермой Ламе и на горе Ара и 14 числа оттуда исчезли.

Зелимхан, будучи оповещен кем-либо из агентов о проезде комиссии инженеров, заранее, еще с 11 числа, появился на высотах Чермоевских и Ригахоевских гор, посылая своих товарищей и агентов узнать, где лучше и надежнее ему устроить засаду.

Увидев, что до озера Эйзенам дорога оберегается строгим караулом, Зелимхан нашел также через своих агентов удобное место и, перейдя 14 числа через Макажоевскую землю на Хоевские покосы, переночевал там и с утра 15 числа с вершины Абдул-Индук наблюдал за проездом комиссии из Ботлиха. За полчаса до прибытия комиссии на вторую будку он с шайкою спустился в лощину, где устроил засаду. Как инженерная комиссия, так и все дорожные служащие были оповещены об устройстве засады, но ни она, ни находившиеся в горах, пастухи не дали знать своевременно об этом начальнику участка…

ВЫПИСКА
из донесения помощника начальника Гумбетовского участка, коллежского регистратора Саадуева военному губернатору Дагестанской области.

12 декабря1911

К семи часам вечера мы, объехав все горы и подозрительные места, приехали к Харачою, т. е. к той пещере, где был окружен Зелимхан. Были уверены, что он или задержан, или окружен. Оказывается, что его выпустили на рассвете 10-го числа. Дело было так: вечером на 9-ое число начальнику округа сообщил один из харачоевцев, что Зелимхан в пещере, что он-де спит сейчас в пещере и чтобы пришли и взяли его. Начальник округа приехал к рассвету и, окружив пещеру, послал одного пастуха узнать, действительно ли Зелимхан там.

Зелимхан предложил пастуху передать начальнику: «Я здесь. Иди сам и приведи войска. Русские только, не мусульманские». Тогда начальник приказал стрелять в пещеру,

Бомбардировка продолжалась до заката солнца. Зелимхан же сидел спокойно и не стрелял. Когда войска перестали стрелять, Зелимхан произвел четыре выстрела, которыми убил двух и поранил двух.

Тогда начальник округа стал посылать для переговоров людей. Зелимхан ответил: «Скажи начальнику, чтобы он сейчас по телеграфу просил прощения всем, кто сослан и арестован из-за меня. Если к полуночи не передадут мне ответа, что они помилованы, то я уйду из пещеры, хотя бы все русские войска ее окружили.

РАПОРТ
начальника Веденского округа Наместинику ЕИВ на Кавказе по гражданской власти

Начальник Веденского окр. Терской области
2 декабря 1911 г.
№125551
Ведено Терск. обл.

Помощнику Наместника Его Императорского Величества на Кавказе по гражданской власти.

Вашему превосходительству доношу:

В девятом часу вечера 8 декабря сего года, я получил от своего агента сведения, что разбойник Зелимхан Гушмазукаев скрывается сегодняшнюю ночь в пещере Хорочоевской горы в трех верстах от Хорочой, Родины Зелимхана.

Приняв меры к совершенно секретному выступлению, так как в Чечне очень трудно отдать какое-либо распоряжение, чтобы через несколько минут оно не сделалось достоянием много-

численных агентов Зелимхана, я в 2 часа ночи с этим отрядом выступил из слободы Ведено на селение Хорочой.

В ночь цепи окружили пещеру сжатым кольцом в диаметре не более от 150 до 300 шагах. В 8 часов вечера для усиления цепи, которая охватила лощину с нижней стороны, мною была выслана команда из стражников и добровольцев в числе 6 человек, старшему коей стражнику Сухаеву мною было отдано приказание доложить подъесаулу Варламову и подпоручику Лопатчикову, что я рекомендую им подвинуться ближе к пещере, сделать все возможное, чтобы Зелимхан не ушел за ночь и при возможности попытаться ворваться в пещеру.

С вечера стрельба прервалась и затихла до 12 часов ночи, когда она внезапно возобновилась и продолжалась от 7-10 минут, причем ясно были слышны характерные выстрелы Зелимхана из пещеры. Следующие одиночные выстрелы последовали в шестом часу утра и более не возобновились. Утром с рассветом люди постов были сменены частями из резерва. Вслед за сим прапорщик Гамиев испрашивал у меня разрешение осмотреть пещеру, так как по его убеждению, Зелимхан ночью вышел из нее. По осмотре действительно Зелимхана там не оказалось.

В заключении считаю своим долгом доложить, для того, чтобы положить конец этому гнусному издевательству над правительством чеченского населения в особенности же хорочоевцев, которые 13 лет кормит и укрывает его в 3-х верстах от своего селения, а в 600 стах шагах от пещеры искусственно укрепленной руками этого же населения, находятся кутаны тех же Хорочевцев, которые ежеминутно обращаются с ним не как с разбойником, а как с желанным имамом Чечни, который служит орудием борьбы с правительством политиканствующих интеллигентов и шейхов, всеми средствами тормозящих русское влияние в Чечне, и легендарным народным героем и защитником их от этого влияния, я нахожу необходимым применить к населению Хорочой единственное радикальное средство, именно: предъявить

к населению Хорочой и ко всем близлежащим и дальним родственникам Зелимхана категорическое требование выдать его в недельный срок, в противном случае разгромить все Хорочоевсвое селение как не верноподданного его императорскому величеству государю императору.

подполковник Н.Каралов.

ИЗ ПИСЬМА
начальника Андийского округа военному губернатору Дагестанской области

11.декабря 1911 г.

10 декабря ночью помощник начальника Гумбатовского участка сообщил мне частной запиской, что в пещере у селения Харачой осажден войсками абрек Зелимхан, и он, помощник, с всадниками и вооруженными жителями выезжает туда, дабы не допустить переход абрека, если бы он бежал, в пределы округа, и принять по обстоятельству необходимые меры. С получением записки тотчас же командировал восемь всадников на усиление названного помощника и предложил начальникам участков учинить надзор за всеми подозрительными пунктами в округе и на границе.

11 декабря возвратившиеся из Чечни через Харачой, рассказывали мне, что Зелимхан действительно был окружен один в пещере, у самого селения Харачой, по ту сторону речки, что протекает через селение. Но он, убив двух казаков и одного жителя, скрылся, никем не замеченный.

В селение Харачой, по словам очевидцев, прибыли войска и направлены в разные стороны для розыска бежавшего. По тем же источникам, помощник начальника участка с обществом селения Анди занял линию границы и, учинив надзор за всеми хуторами, остается на горах».

ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ
полковника Маргания Главнокомандующему войсками Кавказского военного округа.

11 декабря 1911 года

Находясь в объезде отряда и получив в восемь часов вечера девятого декабря в ауле Урус-Мартан из Грозного по телефону донесение, что Зелимхан, засевший в пещере в одиннадцати верстах от слободы Ведено и трех верстах от аула Хорочой, окружен с восьми часов утра пластунами, стражниками и партизанами Веденского округа при наличии начальника Веденского округа, немедленно выехал в Ведено через Воздвиженку. В Шали захватил с собою команду конно-дагестанцев квартировавших в этих пунктах. В Воздвиженке просил начальника гарнизона направить в Ведено подрывное средство с офицером. На нанятых мною подводах сделал семьдесят одну версту. В восемь часов утра десятого прибыл в Хорочой, где узнал об ускользновении Зелимхана из облавы девятого на десятое сумерками.

Девятого на позицию прибыл командир пластунского батальона полковник Масляннников, и в начале восьмого часа того же дня прибыла на усиление отряда облавы полусотня пластунов и полтора пехотного Дагестанского полка. В дневной перестрелке девятого убиты один пластун и один партизан, ранены трое пластуна. Поиски продолжаются. Сегодня возвратился в Ведено. Дознание приводится.

Полковник Маргания
С подлинным верно: ст. адъютант штаба
Кавказского военного округа полковник Сергеев
Сверял помощник его, капитан – подпись

РАПОРТ
Военному министру Сухомлинову В.А. о событиях в Старой Сунже

Главнокомандующий войсками Кавказского военного округа
25 января 1912 г. № 2918
г.Тифлис
Его Высокопревосходительству
Военному министру Сухомлинову В.А.

Милостивый государь, Владимир Александрович!

Препровождаю Вашему Высокопревосходительству для сведения копию с всеподданнейшего рапорта моего от 25 сего января за № 2766 о мере наказания, принятой мной, для общества селения Старая Сунжа Грозненского округа. А также и всего чеченского народа за укрывательство абрека Зелимхана и вооруженное сопротивление войсковой части, оказанное злоумышленниками при производстве обысков в названном селении в ночь на 16 октября прошлого года.

Уважающий Вас, Ваш покорный слуга граф Воронцов-Дашков

Его Императорскому Величеству от Главнокомандующего войсками Кавказского военного округа

На подлинном написано: «Его Величество изволил читать 2-го февраля 1912 года».
За военного министра генерал от инфантерии Поливанов

Рапорт

15 октября минувшего года начальник Грозненского округа Терской области, получив агентурные сведения о том, что аб-

рек Зелимхан скрывается в селении Старо-Сунженском названного округа, решил совместно с начальником военного отряда, назначенного для преследования и поимки этого абрека и его шайки, произвести в упомянутом селении облаву, для чего, за отсутствием в его распоряжении достаточных сил, испросил у местного начальника гарнизона в помощь себе учебную команду и две роты 82-го пехотного Дагестанского полка в составе 7-ми офицеров и 212 нижних чинов, и две с половиною сотни 1-го Кизляро-Гребенского казачьего полка в составе 8-ми офицеров и 169 казаков.

По выработке плана предстоящих действий предположено было учинить облаву двух домов и оцепить весь квартал, населенный родственниками Зелимхана из фамилии харачоевцев, а также выставить заставы вокруг всего селения и иметь наблюдение за бродами реки Сунжи. Выступление отряда было назначено в три часа ночи.

Выступив в назначенное время из гор. Грозного, отряд в версте от селения Старо-Сунженского остановился. Здесь начальником отряда были указаны каждой части задания, причем было приказано чинам оцепления не действовать до наступления рассвета. Учебная команда была разделена на две части: одна, под начальством поручика Епифанова, должна была оцепить дом харачоевца Шахаба Адуева, а другая – дом харачоевца Сайбулы Мадаева, где по имеющимся сведениям укрывался Зелимхан.

Сделав распределение частей, начальник отряда и начальник Грозненского округа вместе с оставшимися при них людьми двинулись вслед за частями в селение, при въезде в которое со стороны последнего раздались частые выстрелы, временами походившие на залповую стрельбу. Из расспросов нижних чинов выяснилось, что как только оцепление вокруг дома Шахаба Адуева было расставлено, из него вышел один чеченец и произвел два выстрела, разбив одним из них патронную сумку и патроны у рядового Вербицкого, а несколько человек, отстреливаясь, бежали, по словам одних, через боковые двери, а по словам других, через выбитое окно.

По убегавшим злоумышленникам была открыта стрельба. В это время были убиты поручик Епифанов и рядовой Ляшенко, ранены рядовые Токмаков и Горифов; из проживающих же в доме Адуевых тяжело ранен сам Шахаб Адуев и убиты брат его – Хасу Адуев и две женщины.

С рассветом чины отряда совместно с сельским старшиною приступили к поискам следов скрывшихся злоумышленников, но, за массою таковых от чинов отряда и вследствие сухости и твердости грунта, определить их направления не могли; не были найдены следы и по другую сторону реки Сунжи.

При производстве обыска в доме Адуевых огнестрельного оружия не найдено; в комнате же Хасу Адуева в шкафу найдены две стреляные гильзы, синий погон с литерами «Т.К.» (он во время последней войны состоял всадником в Терско-Кубанском полку), карточка семьи Зелимхана, протирка и деревянная накладка к 3-х линейной винтовке.

Принимая во внимание, что нахождение в злополучную ночь абрека Зелимхана в селении Старо-Сунженском не подлежит никакому сомнению, и что, как выяснено расследованием, пребывание его в упомянутом селении было не впервые, я признал необходимым в целях достойного наказания общества названного селения за укрывательство помянутого абрека и за оказание войсковой части вооруженного сопротивления, сделать, на основании ст. 11-2, т. 11 Учр. упр. Кавказ. края, по продолж. 1906 года следующие распоряжения:

1. Все дома, из которых производилась стрельба по военному отряду, снести до основания.

2. Лишить общество Старо-Сунженского селения права выбора старшины на один год с назначением туда на тот же срок правительственного старшины.

3. Лишить жителей этого селения навсегда права имения и ношения при себе какого бы то ни было оружия.

4. Взыскать со Старо-Сунженского сельского общества, а также со всего чеченского народа (за исключением жителей

селения Беной), неоднократно уже изобличенных в пристанодержательстве абрека Зелимхана), штраф в размере одиннадцати тысяч четырехсот рублей, с тем, чтобы из взысканных денег было выдано пособие семьям убитых: поручика Епифанова – десять тысяч рублей, и рядового Ляшенко – одна тысяча рублей, и раненным рядовым Токмакову и Горифову – по двести рублей каждому.

О вышеизложенном всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству.

Подписал генерал-адъютант граф
Воронцов-Дашков 25 января 1912 года, № 2766
С подлинным верно:
за начальника штаба Кавказского военного округа,
генерал-майор (подпись)
Окружной дежурный генерал, генерал-майор (подпись)
Старший адъютант, подполковник (подпись).

ДОКЛАД
Военного губернатора о ситуации в Чечне

гор. Темир-Хан-Шура 17 марта 1912 года.
№ 484 . Совершенно секретно

Наместнику его сиятельству Его Императорского Величества на Кавказе.

Начальник кистинского округа, полковник Гвелисиане Агентурным путем получил целый ряд столь важных сведений, что и считаю своим служебным долгом доложить их Вашему сиятельству.

В последнее время в Чечне циркулируют слухи о готовящимся там восстании, которое организуется к весне сего года

абреком Зелимханом. Подготавливает таковое он, будто-бы, через влиятельных лиц от равных сельских обществ путем постоянных сношений с ними и применения строгой присяги, на могиле матери Кунта-Хаджия около Ведено в верности и широкого распространения плана восстания. Говорят, что Зелимхан рассылает письма к разным влиятельным и известным духовным лицам с предложением принять имамство Чечни и Дагестана, с тем, что он возьмет на себя все остальное, в смысле организации партизанских отрядов и борьбы с правительством. Так он предлагает имамство, будто-бы Автурскому хаджию Мамед Герою /шейху/, Шалинцу Мовсум Хаджию, Нажмудину Гоцинскому и Андийцу Асллуди Герою оглы, результат сношения его с первым неизвестен, последний же предложение принять имамство отклонил. Благодаря такому направлению умов населения Терской области Зелимхан с жителями вступил в открытое общение, не опасаясь измены с их стороны, и скрывается лишь от властей. Передают, будто бы из Турции с паломниками этого года прибыло несколько ингушей в числе давно переселившихся туда, с целью содействовать успеху восстания. Все влиятельные чеченцы твердо стоят за абрека. Автурский хаджи, самый близкий друг и покровитель Зелимхана, хотя, для показа рассылает по несколько десятков мюридов, якобы за розысками Зелимхана, но делает это для отвода глаз, от действиительной его цели. Сын названного Автурского хаджия-сподвижник Зелимхана по Кизлярскому грабежу.

В Чечне и Ингушетии распущены упорные слухи, что весною Турция собирается завоевать Кавказ, и турецкие войска первыми прибудут через военно-грузинскую дорогу в Терскую область. В этом уверяют ныне возвратившиеся из Турции чеченцы, которые происходят из влиятельных фамилий, раньше состояли на службе и были преданы суду за разные преступления и измену русскому правительству. За дело организации восстания вообще усердно взялись все те чеченцы ингуши, которые, будучи влиятельными и почетными в своих обществах и

среди населения удалены правительством от общественных и государственных должностей за проступки по службе.

Есть такие слухи о том, что будто-бы, какой го шейх, живущий в Эрзеруме, прислал с бывшим у него, как у шейха, чеченцами письмо Зелимхану, чтобы он берег себя до весны и не сдавался бы правительству ни в коем случае, что он будет полезен и нужен мусульманскому народу. Бедный класс чеченского народа уговаривает потерпеть до весны и тогда он освободится от мучений, среди населения много разговоров о газавате. В больших селениях Чечни собираются тайные общества для выработки общего плана. Если с Турцией и не будет осложнений, то восстание все же предполагается осуществить, с целью воздействовать на правительство, в смысле смягчения предпринятия против населения Терской области суровых мер наказания за сочувствие разбойным действиям Зелимхана.

Бывший пристав гор. Кизляра Абдул Межид Коджоев, будто-бы также играет огромную роль в подготовке восстания: в случае неудачи по организации его, он подговаривает население переселиться в Турцию и убеждает послать его к турецкому султану для переговоров, уже собираются подписи, одобряющие его планы. Этот Коджоев имеет большое влияние, как служивший в администрации и пострадавший якобы за народ. С Зелимханом Коджоев поддерживает сношения.

Из переписки с начальником Веденского округа, подполковником князем Караловым видно, что его агентурные сведения в главном тождественны, т.е. будто с наступлением весны Зелимхан предполагает поднять восстание, и что ему сочувствуют со своими мюридами шейх Бамат Герей Хаджи, который даже воспевает деяния Зелимхана в хвалебных песнях. Действуя на религиозную сторону темного и фанатичного населения Чечни, Зелимхан свой уход из пещеры в ночь с 9 по 10 декабря объясняет следующим чудесным образом. Посредством своего покровителя шейха Кунта Хаджи, он вошел в сближение с пророком Хизиром (Христос) и Ильясом (Илья), которые помогают ему

во всех его делах по повелению Аллаха, и когда он был окружен в пещере, то это святые увели его на гору и скрылись, а он там оставался полтора суток, питаясь одной водой.

Население Чечни притаилось и чего-то выжидает, таинственно собираясь в разных местах. Брожение, несомненно, существует, но чем оно разразится представить трудно, возьмет ли вверх благоразумная часть населения или же наэлектризованные Зелимханом и виновными шейхами фанатики проявят себя каким-нибудь безумным вступлением против войск и администрации.

Генерал лейтенант /подпись/

РАПОРТ
на имя Военного Министра о возвращении на родину Шаптукаева А-А.

Главнокомандующий войсками Кавказского военного округа.
7 апрель 1912 г. № 10104 г. Тифлис.

Его Высокопревосходительству Военному министру Сухомлинову В. А

Милостивый государь, Владимир Александрович!

В виду неоднократных ходатайств чеченского народа о помиловании и возвращении из ссылки на родину жителя селения Старый юрт Грозненского округа, Абдул-Азиза Шаптукаева, как лица, якобы, непричастного к делу «шейхов-зикристов», способствовавших разбойнической деятельности абрека Зелимхана, я принял необходимым произвести новое тщательное расследование о личности и деятельности названного шейха.

Из представленных ныне областным начальством объяснений по этому поводу я пришёл к заключению о малой виновно-

сти Шаптукаева и непричастности его к вредной деятельности «шейхов-зикристов», направленной к укрывательству и пособничеству разбойнику Зелимхану, приняв во внимание оказанные им в смутный период 1905-1906 гг. нам услуги по улаживанию обостренных отношений между русскими и туземцами, о чём свидетельствовал бывший начальник области Генерал-лейтенант Колюбакин. Я признал ныне возможным отменить принятую в отношении шейха Абдул-Азиза Шаптукаева меру административного воздействия – высылку из пределов Кавказа, и разрешил ему теперь же возвратиться на родину. О приведении этого решения в исполнение вместе с сим сделано надлежащее сношение с министерством внутренних дел (по Департаменту полиции).

Уважающий вас покорный слуга граф
Воронцов-Дашков.

ИНСТРУКЦИЯ
чинам чеченской охранной стражи Веденского округа

Приказ №82
по Веденскому округу от 9 июня 1912 года
слоб. Ведено

Объявляя при этом Инструкцию чинам чеченской охранной стражи, вверенного мне округа, утвержденную в седьмой день апреля месяца сего года Его сиятельством Главнокомандующим войсками Кавказского военного округа, генерал-адъютантом, генералом от кавалерии графом Воронцовым-Дашковым, предлагаю всем кого это касается, с получением настоящего приказа, принять указанную инструкцию к точному и неуклонному исполнению, руководствуясь нижеследующими моими указаниями:

Согласно § 2 Инструкции вся чеченская стража ныне распускается по административным участкам и распределяется в

следующем порядке: 25 всадников, в число которых входит и четыре старших, назначаются в распоряжение начальника 1-го участка. Место их стоянки слоб. Ведено. В этом же пункте находится и заведующий чеченской стражей и 13 всадников с одним старшим, из этого числа, назначенный в распоряжение начальника 2-го участка. Место их стоянки Ножай-Юрт. 23 всадника,с двумя старшими из них, назначаются в распоряжение начальника 3-го участка. Место их стоянки – село Шали. Там же находится и помощник заведующего стражей. 24 всадника, с двумя старшими из них назначаются в распоряжение начальника 4-го участка; место их стоянки – село Ойсунгур и 23 всадника с одним старшим из них назначаются в распоряжение начальника 5-го участка. Место их стоянки – село Шаро-Аргун.

Согласно § 6 Инструкции делопроизводителю 2-го стола безотлагательно заказать по числу чеченской стражи 100 номеров для папах и 100 нагрудных знаков с надписью «Веденская чеченская охранная стража». Вызванный на это расход возложить на участки и, послав раскладку, предложить начальникам участков деньги эти изыскать с населения для отправления по назначению.

ВЫПИСКА
из Приказа №82 по Веденскому округу

9 июня 1912 года слоб. Ведено

§32. Если кто из чинов стражи во время операции против злоумышленников будет убит, то семья его получает в вознаграждение 630 руб. от всего населения Веденского округа по равномерной раскладке.

§33. Если кто-либо из чинов стражи при таких же условиях получит увечье, то он получает из тех же средств 300 рублей, но не иначе, как по решению Комитета.

§34. Если кто-либо из чинов стражи во время операции против злоумышленников убьет кого-либо из них и если последний будет чеченец, то на примирение с кровниками такому стражнику выдается из тех же средств одна тысяча рублей.

§35. За поимку абрека Зелимхана живым из тех же средств выдается тем стражникам пять тысяч руб., а за убийство его две тысячи пятьсот руб.

Подлинный подписал начальник Веденского округа,
подполковник, князь Каралов (подпись).
Старший делопроизводитель (подпись).

РАПОРТ
о переходе абреком Зелимханом границы Российской империи

Начальнику Тифлисского Губернского
Жандармского Управления по району.
4 августа 1912 г. По IV-му Отделению

По имеющимся в Департаменте Полиции секретным сведениям, в первых числах мая месяца сего года Зелим-Хан перешел границу из Эриванской губернии в Турцию и в настоящее время находится в Аравии, в г. Медина, у местного вали (губернатора). Оттуда в письмах отсылаются им инструкции в Дагестанский панисламистский комитет. Почта перевозится через границу Эриванской губернии специальными гонцами.

По тем же сведениям, Зелим-Хан признан имамом поголовно всем мусульманским населением Северного Кавказа, фанатично ему преданным и свято его укрывающим. Он после общего съезда панисламистов возвратится тем же путем в Дагестан. Горцы, под видом ловли Зелим-Хана, сформировали с разрешения Наместника на Кавказ отряд, который является переменным составом конных сотен и рот с турецкими инструкторами.

Наконец, по тем же сведениям, покровительствует Дагестанскому комитету и вероятно входит и членом в него Шталмейстер Асельдербек-Казаналипов. На этих днях в Мекку выезжают с Кавказа на общий съезд 37 делегатов от разных городов. На съезде будут делегаты не только от Английских и Французских владений, но даже от центральной Африки, Китая и Филиппин. Повсеместно идут непрерывные сборы денег. Центральная панисламистская касса находится в Мекке, где имеется и академия с 15-ью тысячами панисламских студентов. Доступа европейцам в Мекку нет. На днях султан, несмотря на революцию, отправил в Мекку для руководства съездом 17 офицеров.

Сообщая об этом, Департамент Полиции просит Ваше Высокоблагородие донести, насколько соответствуют действительности изложенные сведения.

Вице-Директор Виссарионов

ДОНЕСЕНИЕ
заведующего русской агентурой в Турции начальнику Особого отдела Департамента полиции А. М. Еремину по

г. Константинополь 25 сентября 1912 г.

Из сведений начальника Тифлисского губернского жандармского управления о том, что Зелимхан будто три месяца молится в пещере, а потом по выходе объявит себя святым, я усматриваю, что агентура по панисламизму в Кавказском районном охранном отделении стоит настолько высоко, что даже знает мысли Зелимхана, а поэтому не будет ли найдено возможным ввиду того, что Константинополь есть главный центр панисламизма, а я не имею специальной агентуры, усилить меня таковой, из состава, имеющегося в Кавказской районном охранном отделении. В данном случае без ориентировки специальной агентурой

я нахожусь в затруднительном положении, так как подобные сведения, что «Зелимхан три месяца молится в пещере и потом объявит себя святым», здесь всякий посчитал бы за сказку или за насмешку.

По имеющимся у меня из разных негласных источников вполне заслуживающим доверия сведениям, Зелимхан еще в 1909 г., на многолюдном съезде старейшин из селений Терской и Дагестанской областей публично был в одном горном ауле или историческом городке в глубине Дагестана провозглашен святым и Великим Имамом для борьбы с гяурами – русскими. Дальнейшими действиями Зелимхана в его набегах руководили турецкие офицеры и эмиссары «Итигата» . В мае месяце сего года Зелимхан, как мне было донесено, ушел из России, побывал в Мекке на богомолье, потом в Медине и в начале августа к Рамазану прибыл в Константинополь, где находится и теперь.

Здесь он будто бы намеревается пробыть до разрешения политического кризиса на Балканах, а когда уедет неизвестно, и вероятно, вследствие сильной конспирации я так и не узнаю своевременно о его отъезде. На открывшийся в Мекке общий съезд панисламистов Зелимхан не поехал, так как он не делегат и недостаточно образован. Его приметы: небольшого роста, рыжий, коренастый мужчина, без бороды с усами, лет 45, лицо красное; одевается иногда в папаху и черкеску; местожительство его в Стамбуле выяснить не удается; имеет охрану и агентуру.

Об изложенном доношу.Прошу принять уверения в совершенном моем почтении и преданности Вам

(Подпись отсутствует).

РАПОРТ
о наказании жителя с. Сержень-Юрт Умара Эльдарова и его семьи

Его Императорскому Величеству
От Главнокомандующего войсками КВО
10 ноября 1912 года, гор. Тифлис

Рапорт

Начальник Терской области вошел ко мне с представлением о высылке в административном порядке из пределов Кавказского края в одну из внутренних губерний России под гласный надзор полиции вместе с семьей жителя селения Сержень-Юрт Веденского округа Умара Эльдарова, как изобличенного в укрывательстве абрека Зелимхана и оказании пособничества ему и его разбойничьей шайке. [...]

Факт укрывательства Эльдаровым разбойника Зелимхана подтверждается еще и письмом, присланным ему находящимся в ссылке в Орловской губернии жителем селения Харачой Аюбом Ибрагимовым, который ввиду данного Эльдаровым обещания изловить Зелимхана, убедительно просит его избавить от тяжелого положения всех сосланных из-за него лиц путем уничтожения этого абрека, причем предостерегает, что в противном случае его самого постигнет та же участь.

Ввиду изложенного, признавая дальнейшее пребывание в Терской области жителя селения Сержень-Юрт Умара Эльдарова, продолжающего при всяком удобном случае оказывать абреку Зелимхану всевозможные услуги, вплоть до предоставления ему надежного убежища в своем хуторе, безусловно, считаю недопустимым. Я, для пресечения названному туземцу двуличной преступной его деятельности, на основании ст.11-2, т. 11, Учр. упр. Кавк. края, по продолж.1906 года, приказал выслать его вместе с семьей, состоящей из жены, двух сыновей – пяти и

трех лет, и двух дочерей семи лет и двух месяцев, в Смоленскую губернию сроком на пять лет под гласный надзор полиции.

О таковом моем распоряжении Всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству.

Генерал-адъютант, генерал от кавалерии
гр. Воронцов-Дашков

ДОНЕСЕНИЕ
коллежского советника Департамента полиции С. Н. Рукавишникова о лекции на тему «Зелимхан и Кавказ», прочитанной профессором П. И. Ковалевским на заседании Общества ревнителей истории

11 октября 1912 г.

Вследствие приказания Вашего Превосходительства я присутствовал вечером 10 сего октября в клубе общественных деятелей на заседании «Общества ревнителей истории», на котором профессором П. И. Ковалевским был прочитан доклад на тему «Зелимхан и Кавказ».

Начав доклад с сообщения о возгоревшейся на Балканском полуострове войне, профессор Ковалевский на основании исторических данных и тесно связанных судеб балканских славян с Россией, [...] пришел к заключению, что и настоящая Балканская война в сильной степени грозит России, которая должна быть готова ко всем случайностям. [...].

Кавказ, при его настоящем положении, всегда представляет угрозу России в случае столкновения последней с Турцией. Вся история Кавказа показывает, что очагом всех волнений на Кавказе и проповеди ненависти мусульман к гяурам являлся и ныне является Дагестан и, в особенности, Чечня, которая, благодаря своему географическому положению, до сего времени представ-

ляет собою совершенно изолированную, неприступную, дикую страну, населенную не менее диким, совершенно некультурным мусульманским племенем (чеченцами и ингушами), фанатически враждебно настроенным против христиан вообще и России в частности.

Географическая изолированность Чечни повлекла за собою и политическую ее изолированность, которая поддерживалась и ныне поддерживается, правда, совершенно невольно, полной бездеятельностью нашего правительства и, в частности, Кавказской администрацией, не обращавшей никакого внимания на необходимость приобщения Чечни к благам если не европейской, то, по крайней мере, сносной человеческой культуры. Правительство наше сделало все для того, чтобы забросить Чечню, – оно совершенно не заботилось о том, чтобы Чечня была связана с внешним миром хотя бы какими-нибудь путями сообщения, которые в развитии и культуре страны играют такую важную роль.

Под влиянием всех этих обстоятельств, а также благодаря природному, пылкому и горячему характеру чеченцев, из последних выработалось воинственно настроенное, свободолюбивое и фанатичное племя, легко поддающееся пропаганде ненависти мусульман к гяурам (христианам). Эта пропаганда велась и ведется на религиозной почве. На этой именно почве в Чечне возникали такие религиозно-политические движения, как «мюридизм» и «кунтизм» или «зикризм». Во главе этих движений стояли имамы, пользующиеся у мусульман и, в частности, у чеченцев необычайным авторитетом.

Появившийся несколько лет тому назад в Чечне разбойник Зелимхан, наводящий такой ужас на мирное население Дагестана и прилегающих к последнему и Чечне областей, является не простым разбойником, а лицом, преследующим в глазах его единоверцев-чеченцев какую-то свою высокую идею. Зелимхан – это типичный сын Чечни, этой свободолюбивой и воинственной страны. Начав с мелких грабежей и разбоев, Зелимхан

обложил всех окрестных землевладельцев и овцеводов настоящей данью, каковую они, как это хорошо известно самому докладчику, и ныне исправно выплачивают Зелимхану, опасаясь его мести. Не довольствуясь этим и пользуясь безнаказанностью своих похождений и прямо легендарной своею неуловимостью, Зелимхан переходит уже к ограблению казначейств и в 1910 г. совершает неслыханное по своей дерзости нападение на Кизлярское казначейство. Наконец, в 1911 г. Зелимхан совершает нападение на проезжавшую по казенному шоссе в Дагестанской области Инспекторскую комиссию.

Благодаря своим легендарным похождениям и необъяснимой неуловимости и благородному, по крайней мере в глазах своих единоверцев, характеру (так как известно, что Зелимхан, совершая грабежи, в то же время помогает бедным и не трогает тех, кто исправно платит ему дань) Зелимхан окружил себя ореолом едва ли не святого, в глазах магометан, человека.

Нет сомнения, что кавказские мусульмане считают Зелимхана своим Имамом. Ввиду создавшегося такого положения Зелимхан, при благоприятных к тому условиях, может сыграть роль Шамиля. При усиливающемся движении панисламизма, благодаря пропаганде «газавата» (священная война) во славу единого повелителя мусульман – турецкого султана и падишаха, такое явление на Кавказе, как Зелимхан, пользующийся в глазах мусульман необычайным обаянием, может принести на Кавказ, в случае вооруженного столкновения с Турцией, много хлопот и крупных неприятностей Правительству.

Проповедь газавата на Кавказе ведется на религиозной почве. Россия – веротерпима, но она ни в коем случае не должна допускать, чтобы под знаменем религии проповедывались политические идеи и ненависть к России.

Зелимхан – есть продукт крупного промаха администрации, не желавшей обращать внимание на поднятие культуры в Чечне и уничтожение свойственного диким племенам фанатизма. Поэтому Правительство должно обратить самое серьезное вни-

мание на просвещение и культуру Чечни и приблизить к себе население последней, так как только это и должно примирить чеченцев с русским населением и Правительством. Дикое состояние Чечни всегда будет угрозой спокойствию Кавказа, ибо 250 тыс. чеченцев, в случае войны на Кавказе с турками, явятся готовой армией для последней в самих недрах Кавказа.

Наконец, близость наших казаков (терских) к Дагестану и Чечне не может не иметь влияния на первых в дурную сторону. Свободный дух чеченцев, их воинственность и изолированность соблазняющим образом действует на казаков, коих Правительству всемерно следует охранять от вредных политических влияний, как несокрушимый оплот русской государственности на юге.

Заканчивая свой доклад, профессор Ковалевский предложил вниманию слушателей следующие меры, которые, по его мнению, Правительство теперь же должно безотлагательно принять, а именно:

1. Отделить Северный Кавказ в административном отношении от Дагестана и Чечни и приблизить его к центру России, чтобы спасти казачество от вредного влияния чеченцев.

2. Провести в Чечне перевальные дороги, а не кружные, и улучшить существующие в ней пути сообщения, дабы как можно скорее приблизить Чечню к русской культуре и привить к ним русский дух и русские воззрения.

3. Насадить в Чечне русские школы с русским духом и озаботиться устройством профессиональных школ.

4. Принять все меры к тщательному надзору в Чечне и Дагестане за муллами, которые, пользуясь отсутствием этого надзора, несомненно, ведут вредную политическую пропаганду в мечетях.

5. Зорко следить за турецкими эмиссарами, проникающими на Кавказ и, в частности, в Дагестан и Чечню, где население так легко поддается проповеди «газавата».

6. Обратить серьезное внимание на мусульманских паломников, отправляющихся ежегодно массами с Кавказа в Мекку

через Турцию, где они инспирируются в панисламизме и возвращаются в Россию уже крайне враждебно настроенными против всего христианства и, в частности, против русских. Паломники должны отправляться в Мекку, минуя Турцию.

Об изложенном имею честь доложить Вашему Превосходительству.

Коллежский советник С. Н. Рукавишников

РАПОРТ
о возвращение из Сибири части ингушских семей

Его Императорскому Величеству
От Главнокомандующего войсками Кавказского военного округа
6 января 1913 года, №2138.

Рапорт

В рапорте от 14-го ноября 1910 года за № 6637, я всеподданнейше донес Вашему Императорскому Величеству как об обстоятельствах разбойного нападения 20-го сентября того же года шайки абрека Зелимхана в Ассинском ущелье на воинский отряд, так и о тех чрезвычайных мерах, которые, в соответствии с ходатайством начальника Терской области, было признано необходимым принять в целях наказания ингушского народа за явное укрывательство абрека и пособничество ему.

Одной из таких мер воздействия против ингушей было распоряжение мое о высылке в Восточную Сибирь сроком на пять лет всех жителей поселков Нелхе и Кеке (в составе 49-ти семей), а также и семей абрека Зелимхана и его брата Солтамурада, в продолжении полутора лет свободно проживавших в этих поселках.

Ныне начальник Терской области, войдя ко мне с представлением о возвращении на родину тридцати одной семьи из числа вышеупомянутых 49-ти ингушских семей и семей абрека Зелимхана и брата его Солтамурада, донес, что первые были высланы

в Сибирь, как приписанные к обществу поселка Нелхе. В действительности же, находившиеся на постоянном оседлом жительстве вне пределов этого поселка, а потому, вероятно, и были осведомлены, как и остальные ингуши Ассинского ущелья, о пребывании Зелимхана в поселке Нелхе, но непосредственно приюта этому абреку с семьей не давали.

Ввиду этого и принимая во внимание, что упомянутые семьи не повинны в активном укрывательстве Зелимхана, генерал-лейтенант Флейшер полагает, что понесенное ими наказание в достаточной степени покрыло меру их вины и они подлежат возвращению из ссылки.

Что же касается семей Зелимхана и брата его Солтамурада, то двухгодичным пребыванием их за пределами Терской области, по мнению начальника области, вполне достигнута та цель, с которой они были выдворены из края. Местом для жительства их он полагал бы выбрать одно из плоскостных туземных селений Грозненского округа и затем установить за ними строгое наблюдение в уверенности, что абрек Зелимхан, раз ему станет известным пребывание здесь семьи его, будет искать свидания с нею и тем даст возможность принять меры к его задержанию. Если же почему-либо Зелимхан и ускользнет от задержания его во время свиданий с семьей, то, во всяком случае, будет всегда более или менее известно его местонахождение, которое он за последнее время, несмотря на существующую вокруг него целую сеть тайных агентов, неустанно работающих в этом направлении, тщательно скрывает, принимая крайние меры предосторожности.

Разделяя приведенные соображения Терского областного начальства, я разрешил теперь же возвратить из ссылки на Родину тридцать одно семейство ингушей и семьи абрека Зелимхана и брата его Солтамурада и приказал сделать соответствующие этому распоряжения.

Об изложенном всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству.

Подписал: генерал-адъютант, генерал от кавалерии
граф Воронцов-Дашков

РАПОРТ
о ссылка жителя с. Шали Шахби Кудаева и жителя с. Майртуп Темирсултана Кахаева

Его Императорскому Величеству
От временного Главнокомандующего войсками
Кавказского военного округа
№ 4014
от «29» мая 1913, Гор. Тифлис.

Рапорт

Начальник Терской области и наказной атаман Терского казачьего войска вошел ко мне с представлением о высылке в административном порядке из пределов Кавказского края сроком на пять лет и с подчинением гласному надзору полиции жителя селения Шали Веденского округа Шахби Кудаева и жителя селения Майртуп того же округа Темирсултана Кахаева вместе с их семьями за укрывательство абрека Зелимхана Гушмазукаева и оказываемое ему пособничество в его разбойнической деятельности.

Наиболее существенными причинами к возбуждению означенного ходатайства послужили нижеследующие обстоятельства, основанные на данных расследования, произведенного по этому поводу ближайшим местным начальством. Шахби Кудаев, проживая на хуторе, находящегося в лесу, имел свободное и постоянное общение с абреком Зелимханом и оказывал ему всевозможные услуги, сообщая сведения обо всех движениях воинских команд, назначаемых для преследования и поимки названного абрека.

Будучи хорошо осведомленным о местонахождении Зелимхана, Кудаев, тем не менее, упорно отказывался давать администрации точные об этом сведения. Хотя неоднократно клялся

начальнику округа и чинам командированного для содействия гражданским властям военного отряда, у которых состоял агентом, получая жалование по сорок рублей в месяц, в том, что он непременно будет содействовать задержанию разбойника.

Еще в июле 1911 года начальником Веденского округа были получены заслуживающие полного доверия сведения, подтвержденные дознанием, что Шахби Кудаев привез трех известных разбойников ингушей Назрановского округа: Заурбека, Инала и Даута и присоединил их к шайке Зелимхана, доставив ему одновременно в подарок три ящика трехлинейных патронов.

Несмотря на свои обещания давать администрации сведения о Зелимхане, Кудаев в октябре 1912 года, зная, что этот абрек в течение двенадцати дней имел пребывание близ хутора Ясаханова, сообщил об этом ротмистру Дагестанского полка Доногуеву лишь спустя почти целый месяц после того, как Зелимхан уже успел перекочевать на другое место.

По свидетельству жителей селения Шали, Шахби Кудаев слывет за человека крайне неодобрительного поведения; по отзывам же надежных агентов начальника округа, он состоял в одно и то же время агентом Зелимхана и чинов военного отряда.

Темирсултан Кахаев, проживая в селении Майртуп, также, подобно Кудаеву, имел непрерывное общение с Зелимханом, кормил и укрывал его в своем доме и сообщал ему сведения обо всех передвижениях воинских команд, несмотря на то, что будучи агентом военного отряда, не раз давал начальнику этого отряда полковнику Моргания обещание уничтожить Зелимхана.

Семнадцатого марта сего года начальником Веденского округа подполковником князем Караловым было получено из города Грозного анонимное письмо, которым он извещался, что житель селения Шали Бакаш Аюбов принимал участие в нападении на дорожную комиссию на Керкетском перевале 15-го сентября 1911 года и что у него находятся винтовка убитого в то время разбойника Джамалхана Ирбаханова и револьвер, взя-

тый у одного из убитого там же всадника Дагестанского конного полка. И что автор упомянутого письма сговорился с Аюбовым и абреком Зелимханом ограбить Темир-Хан-Шуринскую почтовую контору, но так как последние его обманули, отправившись в Дагестан для совершения означенного преступления без него, то он и решил довести до сведения начальства.

Однако произведенным вслед за этим обыском в доме Аюбова с целью обнаружения у него оружия, сообщение анонима совершенно не подтвердилось, но вместе с тем дознанием было установлено, что означенный донос написан со слов шалинца Шахби Кудаева. Последний, сознавшись в этом, объяснил, что обо всем изложенном в письме ему передавал товарищ его, агент ротмистра Доногуева Темирсултан Кахаев, который должен был участвовать в ограблении конторы, но так как Зелимхан уехал на разбой без него, то он выдал одного из участников его – Бакаша Аюбова.

По убеждению начальника Веденского округа, посылка ему анонимного письма, несомненно, задумана Кахаевым и приведена в исполнение при помощи Кудаева с целью отвлечь внимание от действительного местонахождения Зелимхана и, тем самым, воспрепятствовать его задержанию, так как по имеющимся сведениям Зелимхан в это время скрывался в пределах округа, на Гуноевских хуторах, и намеревался организовать шайку для совершения какого либо отчаянного разбоя.

Находя вышеприведенные данные в достаточной степени изобличающими Шахби Кудаева и Темирсултана Кахаева в приписываемых им преступных деяниях и принимая во внимание, что подобные лица, предлагающие администрации свои услуги в качестве агентов и дающие заведомо ложные сведения о местонахождении Зелимхана, являются наиболее вредными укрывателями этого абрека, я признал, что дальнейшее оставление названных туземцев на свободе может пагубно отразиться на спокойствии населения, а потому и на основании ст. 11-2 т. 11, Учр. упр. Кавказского края по продолжении 1906 года, приказал теперь же выслать Кудаева и Кахаева вместе с их семьями.

Первого – в Смоленскую, а второго – в Калужскую губернии сроком на пять лет с подчинением их в местах ссылки гласному надзору полиции.

О таковом моем распоряжении всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству.

Генерал от инфантерии (подпись)

РАПОРТ
о ссылка четырех жителей Веденского округа и их семей

Его Императорскому Величеству
От временно Главнокомандующего
Кавказским военным округом
«15» июня 1913 года, г. Тифлис.

Рапорт

Начальник Терской области и наказной атаман Терского казачьего войска вошел ко мне с представлением о высылке, в административном порядке, из пределов Кавказского края сроком на пять лет с подчинением гласному надзору полиции жителей Веденского округа, чеченцев: Даута-Хаджи Сулейманова, Абези Айдемир-Хаджиева, Юсуп-Хаджи Азаева и Очор-Хаджи Юсуп-Хаджиева вместе с их семьями как наиболее преданных сообщников и надежных укрывателей абрека Зелимхана Гушмазукаева.

При этом генерал-лейтенант Флейшер донес, что, как установлено достоверными агентурными сведениями и сообщениями почетных и преданных правительству туземцев, названные лица, несмотря на неоднократные со стороны местной администрации предупреждения оставить свою преступную деятельность, не только не выполнили данных обещаний прекратить общение с разбойником Зелимханом и при первой возможности даже выдать его властям, но, наоборот, приняв присягу разбой-

нику в том, что они останутся верными ему до последнего издыхания и будут оказывать ему всяческое содействие, поощряли его в преступно-дерзкой мысли провозгласить себя имамом Чечни, всеми силами старались укрыть его от преследования чинов полиции и воинских команд, кормили как его самого, так и его сподвижников. А также являлись самыми неизменными его агентами, проводниками и дозорщиками при передвижениях с одного места на другое.

Находя означенную преступную деятельность чеченцев: Сулейманова, Айдемир-Хаджиева, Азаева и Юсуп-Хаджиева крайне опасной для общественного порядка и спокойствия, и потому признавая дальнейшее пребывание их на свободе недопустимым, я, на основании ст. 11-2, т. 11 Учр. упр. Кавказского края, в продолжение 1906 года, приказал теперь же выслать поименованных туземцев вместе с их семьями в Смоленскую губернию сроком на пять лет с подчинением их гласному в местах ссылки надзору.

О таковом моем распоряжении всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству.

Подписал: генерал от инфантерии Шатилов.

ТЕЛЕГРАММА
нач. Владикавказского областного жандармского управления директору Департамента полиции об убийстве Зелимхана

30 сентября 1913 г., Владикавказ

Зелимхан убит, труп опознан родными и другими лицами. Группа чеченцев апреля месяца предложила, заключено письменное условие.

25 сентября в десять ночи на хуторах близ деревни Шали Веденского округа поручик Кибиров с сотнею Конно-Дагестан-

ского полка по указанию этих чеченцев окружил саклю пастуха, где расположился Зелимхан.

На окрик Кибирова Зелимхан выстрелил, тяжело ранил в плечо Кибирова, раненый руководил делом, скрывая рану до шести утра. Зелимхан ранил еще троих дагестанцев. За услуги чеченцы должны получить семь тысяч.

Полковник Гладышевский

Приечание: *По сведениям ротмистра Беллика, «многочисленные агенты из горцев, получая хорошее содержание и зная, что с поимкой абрека Зелимхана они своего заработка лишатся, ведут свое дело настолько хорошо, что и администрация ими довольна, и абрек, благодаря которому они получают жалованье, жив».*

РАПОРТ
об убийстве абрека Зелимхана Гушмазукаева

Начальник Веденского округа Терской обл.
30 сентября 1913 г., № 10684
Слобода Ведено

Начальнику Терской области и наказному атаману Терского казачьего войска.

Рапорт

Вашему превосходительству доношу:

В ночь на 26 сего сентября, зловредный разбойник и религиозный фанатик Зелимхан Гушмазукаев, ранее до этого обезвреженный разгромом всей шайки, убит на Шалинском хуторе чинами военного отряда под командой поручика Дагестанского конного полка Кибирова, при наличии правительственного

старшины селения Шали, вверенного мне округа, осетина Михаила Дзелихова, помощника его чеченца селения Шали Мурада Газимагамаева, агентов чеченцев жителей вверенного мне округа.

В отряде ранены: поручик Кибиров в правое плечо и юнкер Закарья Дебеков – в пах оба тяжело и два всадника дагестанского конного полка: Абаз Магомадов и Закарья Абду-лазисов из них в ногу, а второй в руку -легко.

Разбойник Зелимхан крайне преступную свою деятельность проявлял в течение почти 14 лет. История Зелимханиады говорит о переворачивании поездов с их ограблением, о наглых появлениях массовых шаек в городах, чуть ли не среди белого дня, о разрушении магазинов с их ограблением, о нападениях на вокзалы в городах и ограблении вокзальных касс, о данных набегах на города и ограбление правительственных учреждений / Андреевское сельское правление и Кизлярское казначейство/ о повальных пленениях зажиточных обывателей и, наконец, о систематических уничтожениях вверенных своему долгу чинов Терской нагорной администрации.

Вступив в управление вверенным мне округом в мае 1911 года и осознавая, что на меня, как на начальника округа возложена великая миссия русификации туземного насе-ления, приобщения его к русской культуре, привития ему трезвых, и здоровых взглядов на чужую собственность и жизнь, а также нравственного и умственного развития, высочайше вверенного мне населения округа, я начал принимать меры путем убеждения населения с целью дискредитировании Зелимхана в глазах народа, доказывать всю безнадежность и безрезультатность его мечтаний и, считая священным долгом оградить население от больших несчастий, признал необходимость, прежде всего в корне уничтожить эти преступные мысли в народе, и, поставлять для того себе главную задачею – уничтожение этого вредного разбойника, со всеми его сподвижниками, приступил с подчиненными мне чинами округа, при помощи влиятельных,

благонадёжных и преданных правительству туземцев, к борьбе с ним и его сподвижниками столь долгому его существованию.

Таким образом, в течение 2-х с лишним лет, несмотря на неоднократные угрозы и покушения на жизнь, при неблагоприятной топографии местности в дебрях Чечни, неутомимая борьба велась административными чинами округа, при дружном содействии военного отряда, состоявшего из 4-х сотен дагестанского конного полка и сотен пластунов 2-го Кубанского пластунского батальона, героическая служба коих говорит сама за себя.

Будучи осведомлен точными агентурными сведениями, получаемыми мною от преданных правительству туземцев-чеченцев о местонахождении Зелимхана и его шайки, а также его укрывателей мною принимались самые энергичные меры к разрушению его организации и результатом этого неустанного преследования было то, что Зелимхан не мог в течении 2-х последних лет произвести какого-либо преступного выступления, а при столкновении лишался своих товарищей. Так: из 10 человек постоянного разбойничьего кадра в 1911 году было убито трое, пять человек из них приговорены к смертной казни, а трое – в арестантские отделения сроком на 6 лет каждый. Девятый раненный бежал в Турцию и десятый Зелимхан, оставшись одинокий и тем обезвреженный, как затравленный зверь, скитался по глухим хуторам, лишенный прежней симпатии и поддержки населения и доведенный до отчаяния, намерен был бежать в Турцию, но и этого ему не удалось, так как, будучи, застигнут на Шалинском хуторе, был убит.

Подлинный за надлежащими подписями
С подлинным верно:
старший делопроизводитель (подпись)
Верно: М.П. (подпись)

РАПОРТ
Начальника Терской области об убийстве Зелимхана Гушмазукаева.

Начальник Терской обл. и наказной атаман
Терского Казачьего войска.
10-18 октября 1913 г. № 15016.
г. Владикавказ.

Вр. и. д. главнокомандующему войсками кавказского военного округа

Рапорт

В дополнение телеграммы моей от 26 сентября за № 14289 об убийстве разбойника Зелимхана Гушмазукаевича и донесения по сему поводу начальника Веденского округа, от 30 сентября за № 10683 доношу Вашему Превосходительству!

Весною настоящего года группа туземцев, прибыв во Владикавказ, обратилась секретно к моему старшему помощнику генерал-майору Степанову, хорошо знавшему этих лиц по прежней своей службе в Грозненском округе, с предложением покончить с абреком, причем ими предъявлен был ряд условий по этому поводу. Некоторые из этих условий были совершенно неприемлемы, и на докладе об этом мне я приказал отклонить предложение. Через некоторое время те же лица предъявили измененные условия, также признанные мною неподходящими, что и было им объявлено с указанием, какие именно пункты неприемлемы. Наконец в начале июня те же лица в переговорах с бывшим начальником Военного отряда полковником Маргания выработали условия более или менее подходящие и приемлемые. По докладу их мне я разрешил полковнику Маргания подписать их в виде обязательств по отношению сказанных туземцев, в случае, если ими при их последствии абрек будет задержан или убит при сопротивлении с оружием.

Условие это было подписано Маргания 11 июня. Хотя подробных обещаний со стороны туземцев поступало большое количество, но в данном случае были особые обстоятельства, давшие некоторое вероятие, что обещание дается искренне, так как над предложившими свои услуги туземцами , навис грозный для них вопрос о высылке их из края за укрывательство абрека. Решив использовать этих туземцев для уничтожения Зелимхана, я, приказал вопрос о высылке их приостановить, ввиду данных ими по этому делу обещаний. Необходимо было только для обеспечения успеха снабдить агентов на первое время необходимым авансом, на что я приказал выдать полковнику Маргания 240 рублей и соблюсти величайшую тайну, дабы сторонники абрека, узнав, откуда ему опасность, не имели возможность принять контр меры.

На совершенной скрытности был основан весь план. Дабы частное появление сотрудников во Владикавказе или в Грозном не возбудило против них подозрение, необходимо было создать еще одно промежуточное звено на месте. Наиболее подходящим пунктом было признано селение Шали, около которого Зелимхан по достоверным сведениям часто бывал и с которым имеется телеграфное сообщение.

Во вновь выработанный план был посвящен Дагестанского конного полка, осетин по происхождению, поручик Кибиров, как офицер заведомо мужественный, распорядительный, умеющий входить в общение с туземцами и умеющий крепко хранить тайну, тем он уже имел себя зарекомендовать. Таким образом, в план были посвящены с начала проведения его в исполнение четыре лица: я, генерал Степанов, полковник Маргания и поручик Кибиров, а все письменные и телеграфные сношения не попадали ни в какие канцелярии, велись лично Генерал-майором Степановым. С отъездом генерал-майора – Маргания, его заменявший адъютант начальника военного отряда есаул Штельдер и на что было, возложено мною предложение дела по уничтожению абрека.

С момента заключения условий с сотрудниками, началось выслеживание абрека шаг за шагом и постоянное приближение к нему сотрудников, с целью войти в доверие. Все сведения о местонахождении абрека и его намерениях сотрудники давали Кибирову, последний сообщил начальнику военного отряда, который в зависимости от них делал частные перемещеия отряда, расположенного мелкими частями во многих пунктах и постоянно доносили мне. Наконец, сотрудники заявили, что они сумели войти в непосредственное дружеское общение с Зелимханом, оказывая ему услуги, в виде снабжения его всем необходимым для жизни. Подарили ему для телохранителей, бердановскую винтовку, личную собственность поручика Кибирова и предложили абреку добывать нужные для него патроны: ввиду же наступления холодов обязались устроить ему надежные пристанища. Таковы были приготовления, между прочим, в двух дворах в селении Шали и в глухом хуторе старика лет 70 Эумирзы Вугаева на реке Шали-Ахк, верстах 8-10 от Шали, где Зелимхан и был убит.

В целях проверки своих сотрудников поручик Кибиров потребовал, чтобы они дали ему возможность лично видеть Зелимхана. Это было исполнено и поручик Кибиров, переодетый простым скрывающимся туземцем, виделся с Зелимханом в лесу около села, причем успел заметить номер на его трехлинейной винтовке. Последнее дало ему возможность окончательно убедиться, что виденный им в лесу туземец действительно Зелимхан. Поручик Кибиров упрекал сотрудников, что они показали ему в лесу не Зелимхана, заявил им, что ему известно от других сотрудников номер винтовки абрека и для доказательства, потребовал, чтобы они указали этот номер и сообщили ему. Через некоторое время ему доставили вмятный на бумажку трением номер винтовки. Он оказался виденным- № 22178.

Наступившие холода ускорили развязку дела-сам абрек искал убежища под кровом. 22 сентября поручик Кибиров лично прибыл в Грозный и подробно доложил есаулу Штельдеру

об обстановке. Дело необходимо было подготовить к окончательному действию, так поручик Кибиров мог иметь в своем распоряжении для действия не более 28 человек шестой сотни. Распоряжением начальника военного отряда немедленно была поставлена в селении Герменчук полусотня пятой сотни в тридцать пять человек при офицере прапорщике Абдулаеве с подчинением его поручику Кибирову. Кроме того, даны поручику Кибирову два пакета к прапорщику Ибрагимову, стоящему с полусотней в селении Старые Атаги (в двадцати верстах от с. Шали Л. 5. Об.) и штабс-ротмистру Доногуеву с полусотней в селении Курчалой (15 верст) с предписанием им немедленно и спешно следовать в селение Шали для действий совместных с поручиком Кибировым.

Необходимо было, чтоб Зелимхан избрал себе приют по возможности недалеко от селения Шали, а для этого надлежало ему затруднить пользоваться приютом в других районах. Начальник Веденского округа получил сведения, что абрек решил выехать в Мекку на хадж, а потому полковник К.Н. Каралов 23- 24 сентября производил розыск его в районе к Востоку и Северо-востоку от с. Шали (селении Гудермес, Ойсунгур и др.).

24 сентября прибывший во Владикавказ есаул Штельдер доложил мне положение дел у Кибирова о том, что Кибиров просит немедленно потревожить район к Западу и Юго-западу от Шали (Махкеты, Элистанжи), а также просит удалить из Шали хотя бы на два дня лиц, которые могут помешать благоприятному окончанию дела. И то и другое было мною немедленно исполнено. 24 сентября в 3 часа дня шифрованной телеграммой начальнику Веденского округа мною было предписано произвести со всеми в наличии силами тщательный поиск в вышеупомянутом районе. Поиск этот исполнен за отсутствием К. Н. Каралова в ночь на 25 сентября его младшим помощником капитаном Костюковым, для успеха дела туземец, под благовидным предлогом, при содействии прокурора Владикавказского окружного суда, экстренно вызван из Шали в Грозный.

25 сентября Зелимхан появился в окрестностях села Шали. Об этом было сообщено поручику Кибирову, а затем, он был уведомлен, что абрек отказался приютиться в Шалях под предлогом того, что якобы он видел дурной сон, а будет ночевать на приготовленном нашим сотрудником для него вышеупомянутом хуторе из двух сакел Еумерзы Бугаева, старика 70 лет с женой, старухой 50 лет.

Получив это сведение, поручик Кибиров лично отправился в селение Герменчук, где отдал приказ прапорщику Абдуллаеву прибыть с полусотней в селение Шали 25 сентября к 8 часам вечера. Причем, не объясняя, куда и против кого пойдет полусотня, указал лишь, что придется действовать против вооруженного туземца, описав его точные приметы по одежде (Д. 6.) и по вооружению и дал при этом подробное указание, как приготовиться к предприятию и как действовать. Между прочим, распорядился, чтобы нижние чины полусотни возможно теплее оделись, были без шашек и не брали спичек. Затем, дав подробные инструкции прапорщику Абдулаеву, поручик Кибиров уехал в селение Шали, где сделал секретное распоряжение начальнику третьего участка Веденского округа Шевченко произвести, обыск в некоторых домах селения Шали, в одном из которых по указанию агента должен был быть абрек Зелимхан со своими товарищами. Добавил, что в помощь данной начальнику участкам многочисленной охраны стражи прибудет и шестая сотня Дагестанского полка. Затем по прибытию в селение Шали к назначенному времени прапорщика Абдулаева с командой от 5-ой сотни 27 человек, поручик Кибиров, взяв с собой 28 человек от 6-ой сотни, двинулся совместно с прапорщиком Абдулаевым за известным им сотрудником, около которого в первый раз видели какого-то молодого человека.

Пошел сильный дождь, ночь была темная, и движение сильно затруднилось. В четырех верстах от хутора, где предполагалось нахождение абрека Зелимхана, дороги были две, из которых одна шла прямо, другая вправо. По этой последней дороге

был послан прапорщик Абдулаев с приказанием подняться со всадниками на гору и на виду двух домиков, расположенных у подошвы горы, остановиться и ждать, с первым же выстрелом у хутора немедленно рассыпанной цепью наступить па хутор с соблюдением мер крайней осторожности от выстрелов – со стороны хутора. Каковой распоряжение, как выяснилось впоследствии, прапорщиком Абдулаевым исполнено было в точности, сам же поручик Кибиров направился по прямой дороге.

Приблизившись к хутору на расстояние двух верст, он спешил людей и пешком пошел уже с 25 нижними чинами в сопровождении правительственного старшины села Шали Михаила Дзелихова. По выезде из леса команде предстояло пройти загон, усеянный кукурузой. Тут поручик Кибиров разделил команду на две колонны, послав 10 человек при старшем впереди и вслед за ними сам пришел к стоящим у кукурузных стеблей сотням, находящимся в двадцати шагах от хутора. Как только поручик Кибиров подошел к хутору (Л. 6. Об), состоящего из двух сакел, со стороны их на лай собаки выскочил хозяин с окликом «Эй!». Тотчас же по приказу поручика Кибирова команда с быстротою окружила сакли, и тут же все залегли. В это время было около половины 10 вечера. Приказал команде не стрелять, пока не последует сигнал. Поручик Кибиров вышел вперед, дабы ознакомиться с обстановкой, и в шагах 7 – 8 увидел под снопами кукурузы сидящего человека. Приняв его за хозяина хутора, поручик Кибиров спросил его на чеченском языке: «Что ты за человек? Быстро иди сюда». В ответ на это со стороны неизвестного человека, оказавшегося абреком Зелимханом, последовал выстрел, которым названный офицер был ранен в плечо правое навылет с раздроблением кости и упал, но тотчас же приподнялся и левой рукой произвел из нагана четыре выстрела в абрека. Тот в свою очередь произвел несколько выстрелов, ранив в это время юнкера Закарья Гебекова и всадника 6 сотни Абаса Магомедова.

Тогда поручик Кибиров приказал команде стрелять. Последовали выстрелы и, очевидно, абрек был ранен, так как упал.

Не имея возможности, ввиду полученного ранения, продолжить стрельбу, поручик Кибиров отошел несколько назад и залег, приказав людям не двигаться и лежать, но смотреть в оба, чтобы не упустить абрека. В это время подошел прапорщик Абдулаев с людьми пятой сотни, которые оцепили хутор с противоположной стороны. В таком положении оцепление оставалось почти до пяти с половиной часов утра. Всю ночь Зелимхан ругался на различных языках, называя присутствующих гяурами, тавлинами, но никто на это ему не отвечал.

Перестрелка со стороны людей оцепления поддерживалась всю ночь. На рассвете, когда голос Зелимхана смолк, решено было посмотреть, где он, что с ним. Для этого несколько человек с прапорщиком Абдулаевым направились к месту, где он находился. В это время абрек, лежавший, произвел несколько выстрелов и ранил всадника Закария Абдулазимова и вторично юнкера Закарья Гебекова. Подошедшие, в свою очередь, дали в абрека залп, и Зелимхан был убит. При нем оказались трехлинейная винтовка Дагестанского конного полка, револьвер «Браунинг», кинжал в серебряной оправе, два патронташа с двадцатью годными патронами, так как остальные были побиты выстрелами команды, бинокль, три письма на арабском языке и молитвенник.

Первоначальная медицинская помощь раненым – поручику Кибирову, юнкеру Гебекову и всадникам была оказана сотенным ветеринарным фельдшером, а затем прибывшим врачом отряда Холодовским, после чего офицер Кибиров и юнкер Гебеков, как тяжелораненые, были отправлены в Грозненский местный лазарет, легко же раненные всадники остались в строю. Труп Зелимхана в тот же день был перевезен в селение Шали, где он начальником Веденского округа К. Н. Караловым, в присутствии участкового начальника Шевченко и понятых был предъявлен для опознания, причем дочь Зелимхана Мусулмат – 14 лет, невестка Зезаг – 28 лет, старшина селения Махкеты Маик Джамалдинов и многие кровники абрека утвердительно зая-

вили, что убитый есть Зелимхан Гушмазукаевич, которого они опознают по лицу и особым приметам. Кроме того, названный правительственный старшина Асхабиев, при предъявлении ему оружия и вещей абрека Зелимхана признал его вещи: револьвер, браунинг, бинокль и пояс. Объяснил, что кинжал отобран Зелимханом у гехинца в 1911 году, а пояс ограблен Зелимханом при убийстве им в 1905 году армянина в Хасавюртовском округе. По снятии с убитого Зелимхана фотографии, труп его погребен 27 сентября 1913 года на Шалинском кладбище.

Заканчивая настоящее донесение, докладываю Вашему Высокопревосходительству, что вопрос об уничтожении абрека Зелимхана, в течение почти 14 лет терроризировавшего Терскую область своими из ряда выходящими преступлениями, представлял самое большое место в области и предмет весьма напряженной и неослабленной деятельности всех подведомственных мне чинов администрации и военного отряда, а поэтому считаю своим долгом из лиц, принимавших участие в деле уничтожения абрека Зелимхана и работавших в этом деле не покладая рук, выделить нижеследующих:

1. Генерал-майора Степанова, в руках которого была сосредоточена вся агентура, деятельность и ведение секретной переписи по этому делу (к очередной награде).

2. Начальника Веденского округа подполковника К. Н. Каралова, который в течение двух лет самоотверженно боролся с абреком и довел его своим упорным преследованием и постоянной ликвидацией его шайки до того, что абрек был вынужден остаться один и укрываться, как хищный зверь. Кроме того, он тщательно и продуктивно работал в развитии тех многочисленных мер, которые были приняты в целях дискредитировать абрека среди населения и которые действительно привели к тому, что у Зелимхана осталось приверженцев очень ограниченное число (к чину полковника).

3. Генерал-майора Маргания, при помощи которого было организовано последнее предприятие, приведшее к уничтожению Зелимхана (к ордену Станислава 1 степени).

4. Есаула Штольдера, принявшего это дело от генерала Маргания и доведшего его до благородного конца (к очередному ордену).

5. Поручика Кибирова, составляющего, так сказать, душу предприятия и с выдающимся мужеством уничтожившего – отряд Зелимхана (к дарованию Ценза).

6. Прапорщика конно-Дагестанского полка Абдулаева, принимавшего непосредственное и деятельное участие в уничтожении абрека (к чину и ордену).

7. Юнкера Дагестанского полка Закарья Гебекова, который, несмотря на то, что был дважды ранен, мужественно в течение всей ночи приводил в исполнение распоряжение раненного поручика и содействовал успеху предприятия (к чину прапорщика полиции).

8. Младшего помощника начальника Веденского округа капитана Костюкова в течение двух лет производившего поручение князя Каралова составлять многочисленные списки Зелимхана и вести весьма сложные расследования по обстоятельствам, связанными с деятельностью абрека (к чину подполковника).

9. Нижних чинов Дагестанского конного полка, согласно предлагаемых списков, принимавших с опасностью для собственной жизни непосредственное участие в уничтожении абрека.

10. Старшину селения Шали Дзелихова и его помощника Кази Магомаева, принимавших с опасностью для жизни участие в уничтожении Зелимхана в оказавших весьма деятельное содействие (к медали).

11. Старшего стражника Терской охранной стражи урядника полиции Денильхана Чумакова в качестве переводчика при начальнике округа в сокровенных предприятиях К. Н.Каралова и бывшего посредника,через которого начальник округа собирал сведения об абреке (к чину прапорщика полиции).

12. На вознаграждение агентов, благодаря которым явилось возможным уничтожить абрека, прошу разрешения Вашего Вы-

сокопревосходительства выдать семь тысяч рублей, согласно заключенного договора на сумму 10 тысяч разрешенных высочайшей резолюцией на этот предмет, а три тысячи обратить на лечение раненных в последней перестрелке с Зелимханом и на другие надобности и производимые расходы по ликвидации дела по уничтожению Зелимхана. К 11 октября в моем распоряжении сумма на поимку абрека Зелимхана состоит в наличии 1472 руб. 81 коп.

Прошу распоряжения о скорейшем ассигновании недостающих 8527 рублей 19 копеек для исполнения высочайшей резолюции.

Приложение: Копия списков нижних чинов дагестанцев и кроме местности, подлинные за надлежащими росписями, верно.

Помощник Правителя в Терской области правления.

Настоящая копия рапорта начальника за № 15016 препровождается для сведения. За Правителя канцелярией Помощник Правителя.

г.Владикавказ. 27 октября 1913 г.

ЧАСТЬ 6: ПРОЕКТЫ

ГЛАВА 1. КИНОПРОЕКТЫ

ФИЛЬМ «АБРЕК ЗАУР (СЫН ГОР)»

Год: 1926 г. (восст. 1838г.). Жанр: драма. Фильм (немой, ч/б, 2337 м, 85 мин.).

Режиссер: Борис Михин. Автор сценария: И. Бей-Абай (по пьесе Д. Кусова)

Оператор: Константин Кузнецов. Художник-постановщик: И. Махлис. Композитор: В. Мессман

В ролях: В. Бестаев, А. Такайшвили, Н. Аганбекова, Н. Гантарина, Н. Санов и др.

Описание: О борьбе горцев в середине XIX века с царизмом. «Абрек Заур» считается одним из первых боевиков советского кинематографа, а также первой звездочкой кавказского кино. Заур-бек, объявленный за убийство офицера «вне закона», становится абреком. Дом его сжигают, отца и сестру арестовывают, но сам абрек остается неуловим. Чтобы заставить его сдаться, царские власти решают сжечь родной аул Заура. Желая спасти своих земляков, он отдает себя в руки властей. Перед казнью Заур успевает, сговорившись с горцами, вскочить на лошадь и скрыться.

АБРЕК ЗАУР – ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ ШЕДЕВРА

Премьера «Абрека Заура» состоялась 29 марта 1926-го года, и фильм сразу же стал хитом советского экрана, а исполнитель главной роли Ладо (Владимир) Бестаев стал звездой немого кино. Эту знаменитую киноленту по праву можно считать одной из первой в истории кавказского кинематографа.

Фильм рассказывает об абреке Зауре, ставшим волею обстоятельств вне закона и вынужденном защищать себя от своих пре-

следователей – солдатов царской армии. В свое время эта немая кинолента прошла с успехом по всем странам и континентам.

Мировая пресса взахлеб говорила о его достоинствах, а исполнителя главной роли В.Бестаева американская критика окрестила кавказским Дугласом Фербенксом. Тем не менее, в конце 20-х годов в Советском Союзе его сняли с проката по надуманным идеологическим причинам. В 1938 г. фильм был сокращен до 5 частей и выпущен в новой редакции.

С появлением звукового кино первый кавказский вестерн ушел в небытие. Вторым рождением пионера кавказского кино стал декабрь 1999 года, когда в Доме Кино г. Владикавказа прошла демонстрация чудом сохранившейся фильмокопии. Ведущий вечера кинорежиссер Г. Гудиев перед показом фильма рассказал, о постановщиках и актерах, поделился впечатлениями о своих встречах с исполнителем главной роли В. Бестаевым и выразил уверенность, что при более благоприятных обстоятельствах фильмы «Абрек Заур» и «Зелимхан» могли бы стать «первотолчком» возникновения особого варианта кавказского вестерна.

Несколько лет спустя не отреставрированная черно – белая фильмокопия была приобретена на средства представителя черкесской диаспоры из Австралии Алана Джамирзе черкесской компанией «Даур». Известно, что в планах компании было записать к фильму музыкальное сопровождение, используя старинные национальные этнические мелодии и провести несколько показов озвученного кинопроекта.

ФИЛЬМ «ЗЕЛИМХАН»

Год: 1929 г., Жанр: Драма Фильм (немой , ч/б, , 6 частей 1806 м). Произв.: Востоккино (Ялта).

Режиссер. О. Фрелих. Сценарий. Д. Гатуев, И. Трабский.

Операторы. Г. Блюм, Н. Анощенко, В. Поликарпов.

Художник:. П. Бетаки.

В ролях: В. Бестаев (Зелим-хан), Ш. Хоперия (Хушмазука), Ю. Искрицкая (Бици), Г. Джимиев (Салтамурад), Э. Бидзикоева

(Фатима), Н.Санов (Аюб), Т. Мачавариани (Сезык), С. Чураковский (Добровольский), Г. Чечелашвили (князь Каралов), О. Быстрицкая (княгиня Каралова).

Описание: Фильм рассказывает о борьбе кавказских горцев против царского самодержавия. Канун первой мировой войны. Непосильные поборы и произвол царских чиновников разоряют земледельцев и скотоводов. За неуплату аренды с молотка продают участок бедняка Аюба. Его невесту похищает сын старшины. За оскорбленного Аюба вступается его родственник Зелимхан. Под давлением начальника округа суд приговаривает Зелимхана и Аюба к тюремному заключению. Зелим-хан и Аюб бегут из тюрьмы в горы и становятся абреками. Против абреков отправляют карательные отряды. От рук карателей гибнут отец и братья Зелимхана. Отважный горец мстит за кровь близких ему людей. Во время одной из схваток Зелим-хан гибнет в неравной борьбе с врагами.

О ФИЛЬМЕ «ЗЕЛИМХАН»

В 1929 году на экранах страны Советов появился фильм «Зелимхан» (1929 год) о знаменитом чеченском абреке Зелимхане Гушмазукаеве, снятый режиссером О. Фрелихом по одноименной книге Д. Гатуева. В роли знаменитого чеченского абрека в фильме снялся выдающийся актер и один из первых мастеров советского немого кино осетин Ладо (Владимир) Бестаев, которого восторженные американские кинокритики окрестили кавказским Дугласом Фернбексом.

Фильм, который рассказывает о жизни крестьянской бедноты в предреволюционные годы, смотрится на одном дыхании как романтический триллер. В изображении авторов фильма Зелимхан – народный мститель и борец против социальной несправедливости.

«Зелимхан», (к большому сожалению фильм сохранился не полностью) предваряет красноречивый титр: «Национальная политика самодержавия вела малые народы к обнищанию и вырождению». Социально – политическая направленность и сюжет фильма характеризует личность абрека как борца за социальную справедливость и выразителя интересов горской бедноты. Любовный сюжет в фильме обозначен, но нужен он в нем лишь как обоснование для титра «Отняли землю - можно отнять и невесту».

Сегодня, когда на экраны в день выходят сотни фильмов в цвете, 3D и с другими спецэффектами, черно-белая немая лента воспринимается совсем иначе, однако по тем временам этот фильм стал явлением. Случилось так, что волею судьбы он стал одним из первых советских боевиков. Фильм «Зелимхан» прошел с невероятным успехом по всей стране и даже на зарубежных экранах.

В подтверждение лишь одна цитата из газет того времени: «В Москве, в Ростове и в других городах Союза с большим успехом идет кинокартина о знаменитом чеченском абреке Зелимхане; в Ростове она идет уже два месяца... каждый вечер при громадном стечении зрителей... у театров толпа, и места берутся, что называется, с бою...».

(«Революция и горец» 1929 г. № 9, 10 и 36).

СОВЕТСКИЙ ДУГЛАС ФЭРБЕНКС – ЛАДО БЕСТАЕВ

Выдающийся актёр, один из первых актёров советского немого кино, яркая актёрская личность, Лад (Владимир Бестаев) родом из Южной Осетии (из Цхинвала). Даже в рамках бессловесной роли в своих первых фильмах «Абрек Заур» и Зелимхан» Бестаев смог создать цельный, богатый образ горца, защитника бесправных людей.

Когда он был студентом в Тифлисе, туда приехала французская киногруппа, которая

снимала фильм «Огнепоклонники». На одну из ролей пригласили Владимира Бестаева. С этого и началась кинокарьера Бестаева. Популярность же к нему пришла, когда он снялся у режиссёра Бориса Михина в фильме «Абрек Заур» о борьбе горцев с царскими властями в середине XIX века. Фильм принесший ему славу национального героя, считается одним из первых советских боевиков. Если рассказывать о таком явлении как кавказский кинематограф, то начинать следует, безусловно, именно с «Абрека-Заура». […]

Фильм признан шедевром конца 1920-х годов и прошёл с успехом по всем континентам, всем странам, по всей Европе, о нём очень много писали, и хотя его создатели не обладали мировыми именами, «вестерн» был принят на «ура», а исполнителя главной роли В. Бестаева американская критика окрестила «кавказским Дугласом Фэрбенксом». В СССР Бестаева тоже сравнивали с актёром Фербенксом, причём сравнение было явно не в пользу последнего. Писали, что «Дуглас Фэрбенкс весь в тренировке, а Бестаев – сама природа!». Знаменитый Виктор Шкловский просто писал: «Слава Богу, что Бестаев не похож на старомодного, балетного Дугласа Фербенкса, ведь Бестаев это – ловкость пятипудового, сильного, красивого мужчины».

После «Абрека Заура» Бестаев снялся в приключенческом фильме Олега Фрелиха «Зелимхан». Фильм смотрится как романтический триллер за вычетом слишком растянутой завязки, где с идеологическим нажимом мотивируется уход в абреки Зелимхана и его товарищей, несправедливо осужденных и сбежавших из царского застенка. В кинематогрофическом мире принято считать, что при более благоприятных обстоятельствах фильмы «Абрек Заур» и «Зелимхан» могли бы стать «первотолчком» возникновения особого варианта кавказского вестерна, ибо драматургическая насыщенность, острота характеров и бури страстей в жизни Кавказа не беднее почвы, на которой вестерн закрепился в США.

Потом была главная роль в фильме «Закон гор». А вскоре, профессор Левицкий и режиссёр Касьянов пригласили его сняться в главной роли в фильме «Те, кто прозрел».

В 1930 году Владимир Бестаев сам начал снимать фильм, как режиссёр, с другом – художником Георгием Джемиевым («Дружба врагов»). Но фильм снять не удалось по ряду объективных причин. Сценарий фильма до сих пор хранится у его дочери – актрисы Татьяны Бестаевой: «В 1930-м году отец сам начал снимать фильм «Дружба врагов» с художником Джемиевым. Там герои были: ингуш, чеченец и осетин. Сценарий до сих пор лежит у меня дома, и я его храню. Они начали снимать кино, всё как бы было хорошо, но когда они отсняли очень много материала, отправили его на проявку, то оказалось, – несмотря на то, что плёнка была импортная, она была бракованной, и в результате – материал весь бракованный. Это была трагедия, и новых денег на пересъёмку не дали. Вскоре Джемиев попал в автокатастрофу. И дальше началась борьба, трудные годы. Папа с этим сценарием носился всю жизнь. Много раз его куда-то посылал, всё вроде нравилось, и всё никак. И так он лежит у меня до сих пор. Он мне дорог, даже не знаю, что с ним делать. Пусть он наивный, его можно как-то переделать. Именно тема дружбы, соседства…» – вспоминает дочь Владимира Бестаева, Татьяна.

Умер Ладо Бестаев в 1988 году в Москве. Похоронен на Введенском кладбище.

ФИЛЬМ «БЕРЕГА. (ДАТА ТУТАШХИА)»

Год выпуска: 1977. Жанр: Киноповесть. Телесериал. Драма.

Режиссеры: Гига Лордкипанидзе, Гизо Га.

Операторы: Татьяна Логинова, Леван Намгалашвили.

В ролях: Отар Мегвинетухуцеси, Тенгиз Арчвадзе, Юри Ярвет, Софико Чиаурели, Отар Коберидзе, Сесилиа Такаишвили, Додо Абашидзе

Производство: Киностудия: Грузия-Фильм

Продолжительность: 7:52:20 (7 серий).

Фильм получил Государственную премию СССР (1981).

Описание: Телесериал по роману Ч. Амирэджиба «Дата Туташхиа». По признанию самого автора романа образ Дата Туташхиа – собирательный образ кавказского абрека, в основу которого легла трагическая судьба абрека Зелимхана Харачоевского.

Описание: Начало XX века. Предреволюционные годы на Кавказе. Царское правительство через жандармское управление края предпринимает усилия, чтобы провокациями и предательством столкнуть между собой народы Грузии, разобщить их, увести от борьбы с самодержавием. В центре фильма Дата Туташхиа, который мучительно ищет единственно правильный путь, нужный его соплеменникам для устройства лучшей жизни. К какому берегу пристанет он, победит ли в неравном сражении с государственной машиной? Много лет человек по имени Дата Туташхия скитался по миру. Он пытался делать добро, но убедившись, что оно не дает добрых всходов, разочаровался в людях. И тогда он начал борьбу со злом, но и его искоренить не смог. Так и жил Дата без семьи и дома, скрываясь от властей, теряя близких и друзей, в концов концов приняв смерть от собственного сына.

ФИЛЬМ «РАССТАНЕМСЯ ПОКА ХОРОШИЕ»

Год выпуска: 1991 год. Жанр: драма.

Режисер: Владимир Мотыль.

Оператор: Владимир Ильин

В ролях: Георгий Дарчиашвили, Людмила Потапова, Сергей Максимов, Галина Умпелева, Владимир Сичкарь, Нана Андроникашвили, Мухаммад Али, Дагун Омаев, Исфандиер Гулямов, Жульен Росалес.

Производство: киностудия «Мосфильм».

Продолжительность: 134 минуты (2 серии).

Описание: Фильм – экранизация новеллы «Дудка старого Хасана» из романа Фазиля Искандера «Сандро из Чегема». Баграт – горец, ставящий честь и справедливость выше всего. Был у Баграта великолепный конь, и стал этот конь предметом раздора и смерти сына княгини.

«Расстанемся – пока хорошие», – говорит главный герой фильма Баграт крестьянам, укрывшим его, истекающего кровью, от преследователей. «Расстанемся, пока ни один из вас меня не предал!…». Любовь и ненависть, подлость и отвага, предательство и самопожертвование – все, что требует романтический, приключенческий сюжет (и что встречается и в повседневной жизни) увидит зритель в этом фильме. Абреки, схватки, перестрелки, погони, постоянные опасности, любовь все есть в этом увлекательном и трагическом фильме, снятом на фоне прекрасной горной природы.

ПРОЕКТ ФИЛЬМА «ЗЕЛИМХАН»

В производстве у студии «Фора-фильм» находится проект фильма «Зелимхан». Проект фильма находится на стадии предподготовительного периода. Проект – совместное производство с ООО «Синема-Зелимхан». Автор сценария известный писатель и сценарист Эдуард Володарский, режиссер-постановщик – Валерий Ахадов.

У каждого народа есть предания о благородных разбойниках. Чеченцы своим героем считают Зелимхана из Харачоя, расстрелянного солдатами царской армии в 1913 году. Потомственный крестьянин, свято чтивший законы адата, достойный сын, любящий муж и отец, Зелимхан никогда не помышлял об абречестве. Но судьба распорядилась иначе.

Анонс ООО «Синема-Зелимхан» проекта фильма. 1991 г.

БУДЕТ ЛИ ФИЛЬМ О ЗЕЛИМХАНЕ?

Из письма: Недавно, просматривая пожелтевшие от времени архивные бумаги, я случайно наткнулась на очень интересное интервью, которое было опубликовано в Шалинской районной газете «Знамя коммунизма» 20 сентября 1970 года под заголовком «Я буду играть Зелимхана». Такое интересное интервью дал газете актер Чечено-Ингушского драмтеатра имени Х. Нурадилова Дагун Омаев. В своем интервью Д. Омаев вкратце говорит, что наиболее любимой ролью в кино станет роль прославленного абрека Зелимхана в фильме, который решил поставить грузинский режиссер Санишвили.

После этого интервью прошло более 14 лет. Сообщение было сенсацией. Но нашей радости не суждено было сбыться, ибо о будущем фильме слухи пропали. Что же случилось? Ведь для постановки такого фильма имеется обширный фактический материал: роман М. Мамакаева «Зелимхан», документальная

повесть Дзахо Гатуева «Зелимхан»; многочисленные архивные документы и, если удастся найти, есть драма «Зелимхан». В предисловии к документальной повести Д. Гатуева «Зелимхан» сказано, что повесть была экранизирована «Восток-фильмом».

Если на съемку потребуются денежные средства, то фильм, безусловно, оправдает все затраты, да еще принесет большую прибыль. Может быть, здесь есть какая-то завуалированность? Кроме того, у нас не снимался полнометражный фильм на историческую тему, тогда как у многих других народов есть кинофильмы, показывающие национально-освободительную борьбу против царского самодержавия. С воссозданием фильма «Зелимхан» было бы желательно включить отдельные главы из вышеназванных произ-ведений в учебники по родной литературе, чтобы подрастающее поколение знало, как наряду с революционерами большевиками сражались до последнего вздоха с царским самодержавием такие люди, как Зелимхан – человек трагической судьбы.

Индира Дандаева, студентка ЧИГУ.

Имя легендарного харачоевца хорошо известно. Из уст в уста уста передаются рассказы о жизни этого борца одиночки. О нем сложено много песен, написаны книги. Имя Зелимхана порождает образы бесстрашия и мужества, олицетворяя великую любовь горца к вершинам родных гор, к могучим лесам, к могилам предков, ко всему тому, что мы зовем Родиной. Ответить на письмо Индиры мы попросили актера театра и кино, депутата Верховного Совета ЧИАССР Д. И. Омаева.

Корр.: Дагун Ибрагимович, читатели требуют ответственности за сказанное слово. Прошло много времени после опубликования интервью, о котором идет речь. Как видите, печатное слово не имеет срока давности. Вы не против дать комментарий к письму?

Д. Омаев: Напротив. Рад, что у меня есть возможность возвратиться к этой теме и еще тому, что тема эта волнует читате-

лей. Подобные письма я получаю часто. Идея создания фильма о Зелимхане волновала многих режиссеров. Но до сей поры на памяти только тот немой вариант, упомянутый в письме. Кстати, создан он был не киностудией «Восток-фильм», как считает читательница, а киностудией «Грузия-фильм». Но это не принципиально. Важно, что сегодня нет картины, посвященной одной из ярких страниц истории народа. Ко мне эта мысль пришла давно, и с тех пор я с ней не расстаюсь. Впервые серьезно вопрос встал во время съемок, фильма «Чермен», где я познакомился с режиссером Санишвили. И, вроде, дело двигалось, что и послужило поводом для интервью. Но с приходом нового директора киностудии Чхеидзе дело застопорилось. И, признаться, меня это не очень взволновало. Не умаляя достоинств грузинского кино, все же боюсь, выражаясь образно, проникновения в фильм «грузинского акцента».

От «Зелимхана» я никогда не отказывался. Это история народа, боль, его трагическая судьба. Как и судьба Хаджи-Мурата фильм, о котором снимает грузинский режиссер Шенгелая. С 1972 года Я веду переговоры с киностудией «Ленфильм». В какой-то мере успешные. Фильм стоит в плане 1992 г. Но время меняет многое, есть основания для беспокойства.

Корр.: Что вы имеете в виду?

Д. Омаев: Впереди три года, кинематограф переживает перелом. Планы, наконец, перестали быть догмой, в прямом смысле. Могут возникнуть более актуальные проблемы.

Корр.: И все же, что предпринимается для реализации идеи?

Д. Омаев: Начались съемки фильма совместного производства Северо-Осетинской киностудии и «Ленфильма» «Как отзовется эхо». По накалу и гражданской значимости фильм не будет уступать фильму о Зелимхане. Съемочная группа во главе с талантливым режиссером А. Хомраевым и оператором А. Чечулиным, сорежиссером фильма И. Татаевым может заняться потом и картиной «Зелимхан». Знакомство с местностью, народом, его культурой поможет кинематографистам в будущем.

Очень не хотелось бы повторить ошибки ленты «Приходи свободным». Потому, считаю, необходимо участие сорежиссера, чтобы не утерять национального колорита.

Корр.: Вы все так же хотите сыграть главную роль в «Зелимхане»?

Д. Омаев: Очень. Но все же меня мало беспокоит, буду ли я сниматся в главной роли или нет, я все равно приму участие в работе – это и желание, и долг.

Корр.: Скажите, Дагун Ибрагимович, а есть ли противники фильма, ведь Зелимхан не большевик, не революционер?

Д. Омаев: Нет. Долгие хождения по кабинетам различных инстанций в поисках средств для ускорения процесса мы не обнаружили ни одного противника фильма. Но и существенной помощи тоже нет. Хотя, думаю, все же фильм будет, но надо набраться терпения.

Корр.: Вы говорили о начале съемок фильма «Как отзовется эхо». О чем он?

Д. Омаев: Не хотел бы говорить о содержании. Одно могу сказать: фильм рассказывает о самой драматической странице истории народа после Кавказской войны.

Корр.: А над чем вы закончили работу?

Д. Омаев: Астемир в фильме Северо-Осетинской студии «Вершины не спят» по произведениям Алима Кешокова, Джабар в картине киностудии «Узбекфнльм» «Золотая голова мстителя», Шухрат в фильме «Чудовище, или кто-то другой».

Корр.: Традиционный вопрос. Ваши ближайшие планы.

Д. Омаев: Кроме упомянутого фильма «Как отзовется эхо» (Омар), готовится съемка картины совместного производтва узбекских и сирийских кинематографистов «Тайное путешествие эмира», где я намерен сняться в роли Фарида.

А. Дибиров «Комсомольское племя». 1 октября 1988 г.

«Я НЕ РОДИЛСЯ АБРЕКОМ.» ФИЛЬМУ БЫТЬ!

Сообщение о том, что заслуженный деятель искусств РСФСР режиссер Илес Татаев готовится к съемкам фильма о легендарном Зелимхане, вызвало живой интерес и горячее участие жителей республики. Был учрежден счет. Многие коллективы внесли на этот счет свои сбережения. Прошло время. В редакцию приходят письма: что с фильмом? Сколько денег поступило на его счет? Кто будет играть? По какому сценарию будет сниматься фильм? Сегодня заслуженный артист РСФСР Муса Дудаев, по просьбе редакции, отвечает на вопросы читатлей.

Эта встреча деятелей науки, кино и литературы состоялась в кабинете первого заместителя Председателя Совета Министров ЧИАССР Г. Х. Эльмурзаева. На повестке один вопрос: быть «Зелимхану» или не быть. Ответ для всех был однозначным – конечно, быть. Народ должен встретиться со своим героем.

Объявлена инициативная группа по созданию этого фильма. В нее вошли писатель А. Айдамиров, поэт Ш. Арсанукаев, кандидат исторических наук А. Хасбулатов, ученый-этнограф С.-Я. Хасиев, режиссер И. Татаев, актеры Д. Омаев и М. Дудаев. Возглавляет комиссию Г. Эльмурзаев; его заместитель – министр культуры А. Киндаров. Серьезно обсуждали проблему, кого из известных кинематографистов следовало бы просить о помощи, кто бы мог создать такое историческое полотно, в центре которого образ Зелимхана. Сошлись во мнениях: грузинские кинематографисты. Понимание исторических глубин судьбы своего народа, умение художественно воплотить это на экране в яркой образной форме, философски осмыслить и передать исторический материал – вот главное достоинство грузинского кино, вот то, что нужно сегодня для этого фильма и нам.

Зелимхан – не герой «боевичка», не «супермен», нет. Это фигура трагическая. Он не родился абреком. Кстати, мне кажется, эта мысль должна быть заявлена уже в названии киноленты. Пора, как мне кажется снять с него клеймо героя – одиночки.

Он не был одиноким, раз его выдвинул народ и исторический момент. Он боролся за дело народа – боролся доступными ему средствами против угнетения народа царским самодержавием, против уродливых последствий этого угнетения. И, как известно, ни один человек не может стать героем, если за ним нет нравственной силы, которую дает народ. Потому и образ Зелимхана, как и весь фильм, должен быть подкреплен нравственной духовной силой народа, сыном которого он был, есть и останется на века.

Группа поручила И. Татаеву связаться с грузинскими кинематографистами, которые могли бы совместно с нашими известными писателями, в том числе и А. Айдамировым, написать сценарий. А также продумать вопрос о режиссере-постановщике этого фильма (тоже из Грузии) и внести свои предложения.

Решено киносценарий опубликовать прежде, чем приступать к съемкам. Все мнения учесть будет невозможно, но без внимания они не останутся. Многие жители республики задают вопрос при встрече: неужели государство не может выделить деньги для снятия этого фильма? Почему понадобилось учреждать специальный счет?

Отвечаю. Государство может, и могло бы. Но тогда, во-первых, это будет поручено и внесено в план какой-нибудь киностудии, и она, студия, будет торопливо (как это, увы, водится), выполнять этот план. Но творчество в плановые рамки не втиснуть. А речь идет не о рядовой картине. И, во-вторых: республике не достанется ни копейки от проката и продажи за рубеж этого фильма. А мы рассчитываем, что при удачном исходе фильм принесет в республиканскую казну значительную прибыль, в том числе и валютой. Вот потому и обратились к народу.

Однако и руководство республики готово рассмотреть вопрос о выделении энной суммы для создания этого фильма. Так заявил на встрече первый заместитель Председателя Совета Министров республики Г. Х. Эльмурзаев, и не верить ему нет никаких оснований. И последнее. Всех волнует вопрос: кто бу-

дет играть Зелимхана? Сейчас никто не сможет ответить на этот вопрос, ибо тысячи из нас ни внешне, ни внутренне не родились Зелимханами, как и он абреком. Предстоят долгие и серьезнейшие пробы исполнителей. Материал и время покажут. Это компетенция сугубо специалистов и художественного совета фильма.

Муса Дудаев . Голос Чечено-Ингушетии 30.09.90 г.

КАРАБАХСКИЕ КУНАКИ ЗЕЛИМХАНА

С давних времен для многих армян гостеприимная земля Чечено-Ингушетии стала второй Родиной. Вместе с вайнахами и представителями других народов армянская община Чечено-Ингушетии делила поровну радости и беды, триумфы побед и горечь трагедий.

Абрек Зелимхан из Харачоя. Слава о защитнике обездоленных, бесстрашном борце против царских сатрапов гремела по всей России. С восхищением следили за подвигами абрека простые люди на Кавказе. В казачьих станицах и вайнахских аулах слагали о нем песни. Студенты-революционеры – армяне из карабахского города Шуши – отправили к знаменитому абреку Зелимхану делегацию из 5 человек.

19 апреля 1910 г. состоялась встреча со знаменитым абреком и 22 его товарищами в Сержень- Юртовском лесу. Царские агенты донесли, что студенты привезли Зелимхану бомбы и убеждали его, что «скоро ожидается война с Китаем, и как только объявят войну, то вся революционная Россия поднимется, и тогда чтобы Зелимхан поддержал революцию» (Гриценко Н.П. Классовая и антиколониальная борьба крестьян Чечено-Ингушетии на рубеже XIX-XXвеков. Грозный, 1971. С. 97-98).

В 60-х гг. в Чечено-Ингушский краеведческий музей пришло письмо из Закавказья. Армянин писал о том, что его дядя

еще 16-летним парнишкой убежал из дома в Чечню к прославленному Зелимхану Харачоевскому. К Зелимхану он не попал и поселился в Шатое, где жил и переписывался с братом. Во время выселения чеченцев и ингушей дядя с семьей разделил вместе со всеми жителями Шатоя их трагическую судьбу. Связь с родственниками в Армении прервалась.

В знак глубокого уважения к братским чеченскому и ингушскому народам члены Грозненского Армянского клуба имени Месропа Маштоца внесли в фонд фильма «Зелимхан» (счет № 700498) и в фонд памятника жертвам сталинских репрессий в г. Грозный (счет № 700472) 400 рублей.

Инициативу членов клуба поддержали армяне г. Грозный, начавшие добровольные пожертвования денежных средств в счет фильма и памятника.

Муса Лабазанов. г-та «Комсомольское племя». 11.02.1989

ХАЛКЪО ЛОРУ ШЕН ТУРПАЛХО! ВАЙНА ГУР ВУ ЗЕЛАМХА!

1988-чушеран декабрь беттан 5-чу дийнахь меттигерчу телевиденехула республикан Культуран министерствон векалша кхаъ боккхуш республикерчу бахархошка дІахаийтира Зеламхех фильм яккха бакъо ялар, и гІуллакх кхочушдан шайна ницкъ цатоар. Фильм яккхаран хазахетар мел хиллачеран цІарах баркалла ала лаьа суна, гІуллакх цу тІе даккха гІерташ къахьегарна, кхаъ боккхуш и гІуллакх вайна довзийтинчу режиссерана Татаев Илесана. Иза чІогІа мехала гІуллакх ду вайнехан исторехь. ХІотто ма-езза и фильм хІоттаяхь, ткъа иза иштта бен хила декхар а дац, цунах юьхькІайн, токхе синкхача хир бу вайнахана хилла ца Іаш, кхечу халкъашна а. Обарг Зеламха вайнахана юкъахъ дикачу агІор вевзина ву халкъана. Шел хьалхарчу къонахийн гІиллакхаш, хьуьнарш дуьйцуш ладегІна, шен хе-

нахь дуккха а хилла болчу къонахошка хьожуш, царах хьоьгуш Іашшехь, декъазчу кхолламо обарг вина араваькхина декъаза нохчо ву иза. ТІаккха шегарчу оьздангалло, гІиллакхо: тешамо, доьналло, берриге а шен лехамашца ша мел вевзинарг, ша вуьйцу мел хезнарг шена резавина, халкъо вина къонаха а ву Зеламха. […]

И фильм яккха бакъо ялархкхаъ хилла кхин болу республикера бахархой санна бІачиюьртахой а бу. Царах цхьаболчеран белхан меттигаш Куйбышевн цІарахчу совхозехь, БІачин Юьртарчу УПК-хь, №№ 1; 2; 3 йолчу школашкахь ю. 1988-чу шеран 6-чуй, 7-чуй декабрехь и гІуллакх дийцаре дина. Массанхьарчу белхалоша шайн-шайн куьйгалхошка, «шаьш лоцур дара оцу белхан дакъа, бахамийн чоьтах дантаройоллучул гІо аша а дахьара», – аьлла дехарш дира. Совхозан гаражан заведующи волчу А. Гехаевс кху деношкахь коьрта бухгалтере И. Алархановга, карара схьаоьцуш лелча юхьакІам боллуш ца нислора, карарчу беттан алапех ахча сацадеш ведомость хІоттадахьара, аьлла дийхира.

Совхозан коьрта агроном волчу С. Бахалаевс бисинчаьрга ледарло ца еш и гІуллакх дуьззина чекхдаккха деза элира. Къонахийн сий дан хууш а, и дан ларош а вай дуйла хаийта деза бохучу дешнашца шен къамел тодеш. Кху деношкахь и гІуллакх шофершна довзуьйтуш А. Гехаевс элира: «Зеламха цхьана а бІачиюьртахочун верас хиллла цахилар вайна хууш ду. Амма цунах фильм яккха гІо дан дегаза хеташ верг сунна къонах ца хета. Тайпанан башхаллаш яр дакъазалла хета суна, ткъа дакъазалла ша-шена тІеийзор йоккха сонталла ю».

Гехаев Адама ишта къамел диначул тІаьхьа, ахчанаш деллачу нехан списки тІехьаьжча: Х. Абдурахманов, С. Бахалаев, Д. Гехаев, Б. Магомадов, Х. Цициев, кхин а дуккха а бара. Цара динчу гІоьнан барам 50 соьмера дІа Х. Цициевс деллачу 190 соьмо кхаччалц бара. Цул совнаха, царах цхьана тайпана ши стаг вацара. Совхозан коллективах кхоалгІа дакъа а ца кхочу хІокху сохьтана 3500 сом сов ахча вовшахтоьхна болу белхалой.

Эрмалошна хиллачу сингаттаман дакъалаца лаар хьалхадуьйлуш, жимма хьем хуьлу шайна бохуш, дуьйцу дукхах болчу бригадираша. Сайн юьртахоша лелориг ган а, дуьйцурш хаза а таро йолу дела догIу хир ду суна и дага. Ондда тешам, доккха собар, тIаккха ца хуьлийла доцуш йолу яхь яра-кха. Амма суна хIумма а сайн юьртахойл оьщуш хир боцийла хаьа сайн махкахой а. Цундела ас эвххьаза боху хьоьга: – Зеламхех фильм яккха дакъа ца лоцуш юьстах вуьсу верг я дан а мал доцуш со санна къен хила веза, я юха вича денлур воцуш ледара хила веза. Вайна юкъара иштанаш я вуьштанаш бевр бу ца моьтту суна. Ян декхар доцу, йича товш йоцу тайпана, къаьмнийн башхаллаш ян ца еза. […]

ХIинцачул гIеххьа хан яьлча, тIекхуьучу чкъурах муьлххачо а хатта тарло: «Дада, I989 чу шарахь Зеламхех фильм яккха Iедало еллачу бакъонах пайда ца эццал хIоьттина бахьана хIун дара?» – аьлла. Iедало вайна тахана некъ битина: оьздачу нанойн хьехамашца а, яхь йолчу дайн декхаршца а, сий долчу къонахийн весеташца а, вешан уьйр мел ю, вайна ваьшка хаалур долуш. ТIаккха, юй вайн и гIуллакх ларамаза дита бакъо?!

А. Дашкаев,БIачи-Юьртан вахархо.
«Ленинан некъ» 25.01.89 г.

ЮЬСТАХ ЛАТТА ЙИШ ЯЦ.

Къоман ма-ярра истори йовзарца бен хуьлийла дац халкъан кханенан кхоллам. Цундела хада йиш яц дIадаьллачуьннца а долуш долчунна а, хиндолчуьнца а йолу зIе. И хаьдда цахилар гойту халкъан барта кхолларалло, цу буха тIехь кхуьу къоман культуро а. Цундела ала йиш ю-кха; ирсе бу къоман кхоллам, нагахь цуьнан шен халкъан амалан, гIиллакхийн адамалла йолуш турпалхой, кхолла безаш а боцуш, дахарехь боккъалина а хилла хилча.

Вайнехан къоман а бу шен турпалхой. Царна юкъахь ву цIе яххана къехойн лаамийн дог хилла волу Харачойн обарг Зеламха. Цуьнан цхьаьнан цIаро кхера-ман зуз хьодуьйтуш хилла паччахьан ялхойн кхетамехь. Массарна а дика хаьа: Зеламха шен дахаран аьтту лоьхуш ца ваьлла обарг, иза паччахьан къизалла ла а ца елла хIоьттина шен кхолламан халчу новкъа. Цу хенах лаьцна къоман бакъволчу кIанта А. Шериповс иштта яздо: «Паччахьан Iедало ницкъ бора халкъана, ткъа обаргаша – Iедална».

Тахана цуьнах лаьцна исбаьхьаллин кинофильм яккха таро ю вайн, амма, бакъду, цу гIуллакхана лаххара а миллион сом ахча оьшуш хилар хууш ду. Цу гIуллакхана куй кара а лаьцна лела стенна оьшу, боху, хаттар а нийса ду. Цхьанне а къайле йолуш дац, вайн кинопроизводствехь беса кинофильмаш а йохуш хилар. Уьш яха карадо оьшшучу барамехь ахча. Хетарехь, иштта къамелаш. деш къийсамаш бар нийса дац, цул а нийса хир дара и гIуллакх дIадахийтарна юкъа вай вешан дакьа диллича.

Цкъа делахь, ишттачу гIуллакхца вайн таро ю къамелашца а доцуш, – боккъалина а, билггалчу гIуллакхашца къоман истории бала кхочуш хилар гойта. ШолгIа – делахь, вай вешан харжамца яьккхина кинофильм кхоазза сийлахь а хир ю. Цундела цунна ахча лахьор хIинце дуьйна дIадоло деза. Вайгара хила еза цу гIуллакхан йохьалле хьалхе а. Цунна цкъачунна ахча вайн юьртахоша делла дац. Ткъа иза нийса дуй? Хетарехь, цу гIуллакхана пропаганда ярехь районехь жигархойн тоба вовшахтоха мегар дара, шайна юкъахь райисполкоман а, партии райкоман а, комсомолан райкоман а, белхалойн а векалш а болуш.

Цунна веша цхьаьнакхетарш дIадахьа дезара районехь бехачу къинхьегамхошна юкъахь; цуьнах лаьцна дуьйцуш передача а ян езара меттигерчу радиочухула. Ткъа районехь вехачу хIора а вахархочунна хаа деза, нагахь цо № 700498 счета тIе шен таро йолччул ахча диллича, цо билггала гIуллакх кхочушдо Зеламхех исбаьхьаллин кино-фильм яккхарна юкъа.

С. Хадашев, «Хаар» цхьаьнакхетараллин
районни отделении жоьпаллин секретарь
Колхозан дахар 24.01.89 г.

ГЛАВА 2: СКУЛЬПТУРА

ОБ УСТАНОВКЕ НАДГРОБНОГО ПАМЯТНИКА ЗЕЛИМХАНУ В С. ШАЛИ В 1989 Г.

Известный чеченский абрек, Зелимхан Гушмазукаев, он же Зелимхан Харачоевский родился в январе 1872 года в селе Харачой Грозненского округа, Терской области (ныне Веденский район Чеченской республики). Погиб 26 сентября 1913 года Похоронен в с. Шали.

25 сентября 1989 г., канун 76-летия со дня гибели абрека Зелимхана Харачоевского, в с. Шали на местном кладбище, где похоронен абрек, в торжественной обстановке был установлен мраморный надгробный памятник высотой 2.5 метра. Инициаторами и организаторами его установки стали простые граждане – любители чеченской истории из г. Грозного и с. Герменчук.

Интервью с одним из организаторов этого проекта с Ибба Шейхи.

Корр.: Как мы знаем, ты был участником в 1989 г. установлении надгробного памятника в г. Шали, легендарному герою чеченского народа Зелимхану Харачоевскому, что вы можете рассказать по этому поводу?

Шейхи: Инициаторами установлении надгробного памятника к 76-летию со дня гибели, Зелимхану Харачоевскому были члены историко-географического клуба «Кавказ», в этот клуб входили специалисты по химии, биологии, медицине, добровольно занимающиеся изучением экологических проблем на-

шей страны, членом этого клуба был мой близкий родственник Лабазанов Асламбек из Старой Сунжи. Он приехал ко мне и рассказал, что он, и его товарищи хотят установить мраморную плиту высотой 2.5 метра, весом несколько тонн, Зелимхану Харачоевскому, на его могиле в г. Шали для чего соответственно требуется материальная помощь. Учитывая, что я харачоевец, Асланбек Лабазанов поручил мне собрать деньги у знакомых и родственников.

Я, конечно, не стал собирать деньги у знакомых, учитывая то, что я мог подвергнуть их жизни к опасности со стороны советских карательных органов. Собрать необходимую сумму денег мне помогли мой старший брат и двоюродный брат и конечно, я тоже не остался в стороне. Помню, как очень был доволен Лабазанов Асланбек за организацию необходимой материальной помощи для установления мраморной плиты чеченскому герою Зелимхану Харачоевскому.

Корр.: Как прошла церемонии открытия, и кто присутствовал на этом мероприятии от общественности?

Шейхи: Мне ещё было поручено пригласить на открытие надгробного памятника 2-их дочерей и других родственников Зелимхана Харачоевского из Веденского района. Так как я был членом и активным участником «Народного Фронта» я пригласил также лидера общественной организации «Союз содействия перестройке – Народный фронт», Хож-Ахмеда Бисултанова.

Корр.: Скажите Шейхи, ведь это было время, когда Советская власть не поощряла такого рода инициатива с низов. Не препятствовала ли местная власть в проведении этого мероприятия?

Шейхи: Было очень мало людей. Многие боялись преследования (водителю крана и грузовой машины мы не раскрыли

свои намерения). Тем более, в тот день вокруг кладбища, стояли несколько машин районного КГБ и РОВД. Через некоторое время, к нам подошла 2-й секретарь Шалинского райкома КПСС Малкан Демильханова и предупредила, что мы будем нести ответственность за это мероприятие, на что мы ответили: «Мы устанавливаем памятник герою чеченского народа Зелимхану Харачоевскому. Ничего противозаконного мы не совершаем. Разве не Советская власть выпускала книги, художественные фильмы про него?».

ВНИМАНИЕ КОНКУРС! ПАМЯТИ ЗЕЛИМХАНА!

Память народа обладает чудесным свойством сохранять в себе все лучшее. Словно горный ключ, тысячелетиями дарящий людям живительную влагу, она питает души новых и новых поколений. Поэтому память – не история, это дух народный.

Фигура его была вычеркнута из истории. Но Память о нем жила. А теперь появилась возможность увековечить память о народном герое, воплотив ее в памятник, ансамбль, дом-музей, стелу или то, что подскажет ваш ум, ваша фантазия, ваша душа.

Редакция еженедельника «Комсомольское племя» объявляет конкурс на идею об увековечении памяти Зелимхана. Работы можно предлагать в эскизах, макетах, чертежах, проектах и т.д. Спонсором конкурса выступил грозненский кооператив «Ваха». Для победителей конкурса установлены премии:

первая – 2000 рублей;
вторая – 1500 рублей;
третья – 1000 рублей;
две поощрительные по 250 рублей.

Работы принимаются до 1 июня 1990 г. но адресу: г. Грозный, ул. Маяковского, 92, 8-й этаж, редакция газеты «Комсомольское племя». Во время знакомства с конкурсными работами (в июне предполагается организовать выставку). Вы можете, дорогие читатели, наравне с профессионалами, стать полно¬правными членами зрительского жюри. Для этого вам надо отдать свой голос за самый удачный, по вашему мнению, проект. Всем, кто желает принять, участие в органи¬зации конкурса, будем благодарны за помощь и участие. Оргкомитет.

«Комсомольское племя» 14 июня 1990 г.

ОПРЕДЕЛИЛСЯ ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА ПАМЯТНИКА ЗЕЛИМХАНУ

В конкурсе на лучший проект памятника национальному герою Чечено – Ингушетии Зелимхану, объявленном газетой «Комсомольское племя», приняло участие большое количество художников, скульпторов и графиков из нашей республики. Многие из представленных работ претендовали на первое место. Тем не менее, оно было присуждено молодому художнику-любителю Саламбеку Ахмадову (его вы видите на публикуемом снимке вместе с выполненной работой).

«Голос Чечено-Ингушетии» 23.09.90 г.

ЗЕЛАМХИНА ПАМЯТНИК

Обарг Зеламха. Мел дукха нехаш хьийкхира оцу цIарна тIе, мел дукха хьарамлонаш лелийра цуьнца. Ма-дарра бакъдерг хоззуьйтуш дийца таро хилла а дукха хан яц. XIетте а и хан а тоьира IаьткъинарГ охьадилла. Дуккха а дийцира Зеламхех лаьцна. Оцу гIуллакхна юьстах ца хилла «Комсомольски племя» газета а. Соьлжа-ГIалахь хинйолу Зеламхин памятник билгалъян конкурс дIаяьхьира оцу газето. Конкурсана юкъахь хиллачу суртех а, макетех а тоьлларг къастош, хьалхара совгIат магийна С. А. Ахмадовс кечйинчу макетана. XIокху сурта тIехь вайна ма-гарра хила езаш ю Соьлжа – гIалахь Зеламхин памятник.

«Даймохк». 12.09.90

КОГДА СОЗДАДИМ ПАМЯТНИК ЗЕЛИМХАНУ?

Сегодня, когда мы говорим о росте самосознания, о национальном возрождении, нам необходимо помнить о том, что возрождение нации невозможно без должного внимания к национальной структуре и искусству. Примерно полтора года назад страницы газет запестрели фотоснимками с победителем конкурса на лучший проект памятнику абреку Зелимхану. Но через некоторое время отшумели аплодисменты, схлынули страсти, и художник остался наедине со своим произведением и со своими проблемами. Несмотря на все сложности, все эта время он работал, над совершенствованием своего про-

изведения. Теперь оно готово. Но вот только, пока он работал, кампания уже отгремела, объявлен уже другой конкурс, другому герою. На снимке: модель памятника абреку Зелимхану и его автор Ахмадов Саламбек.

«Возрождение» 1992 г.

ВТОРАЯ СМЕРТЬ ЗЕЛИМХАНА ХАРАЧОЕВСКОГО...

Его дважды убивали, но он каждый раз воскрешал в народной памяти с новой силой. О его подвигах рассказывали легенды по всей России. Он был грозой для богатых, защитником для бедных. Зелимхан был молод, когда впервые столкнулся с несправедливостью в этом грешном мире.

Одной храбрости мало чтобы при жизни превратиться в легенду. Он говорил, « Я одержал много побед, покидая поле брани в неравном бою». Появлялся там, где его не ждали, не действовал исподтишка. Он сначала предупреждал начальников о своем скором визите, делом убеждал врагов, что он хозяин своего слова...

Итак, в 1913 году в пасмурный день Зелимхан лежал учащенно дыша. Долгие годы борьбы пошатнули его здоровье и ночью пришел к товарищу, чтобы в надежном месте в домашнем уюте восстановить пошатнувшееся здоровье. Он в мгновение заметил какое-то замешательство в поведении товарища. Правда, он отбросил возникшие сомнения, посчитав глупостью усомниться в близком родственнике. Но на всякий случай поудобней устроился, чтобы можно было созерцать происходящее во дворе.

В комнате тишину нарушали с треском горевшие в чеченской печи дрова. Зелихан долго лежал задумчиво всмотревшись в пылающий костер в печи. Затем он сделал огромное усилие чтобы дотянуться до кружки с кипяченой водой, именно в этот момент он заметил солдат окружающих дом. Сначала он от отчаяния рухнул на подушку, прошептал: «Лаилах1а илаллах1!». Потом инстинктивно зарядил пятизарядную винтовку, присел рядом с кроватью. К двери никто не подходил, но на потолке услышал тихие шаги которые внезапно утихли. Зелимхан выстрелил прицельно, на верху кто-то с криком рухнул. С потолка посыпалась известь. Зелимхан четко уловил голос товарища, давшего ему приют. Началась пальба, пули крошили все, пыль застилала комнату. На каждый выстрел казаки отвечали шквальным огнем. Зелимхан почувствовал острую боль в груди. Когда приложил к груди руку, она обагрилась горячей кровью.

Казаки на мгновение прекратили стрельбу, из дома валил густой черный дым, и вокруг установилась гнетущая тишина. И вдруг из глубины дома они услышали песню, потом, снова установилась тишина, которая действовала на стоящих в оцеплении удручающе. Вдруг кто-то из-за кустов крикнул: « Я знаю, я знаю, это была басурманская отходная молитва Ясин».

– Почем ты то знаешь! – крикнул бородатый офицер.

– Мне рассказывали чеченцы, что у них перед смертью обязательно читают эту молитву, значит он мертв, господин полковник.

Похоронили Зелимхана в селении Шали где он погиб в неравном бою.

Много воды утекло со дня гибели знаменитого абрека. Его прах покоится на не примечательном сельском кладбище в центре Шали. Его могила затерялась среди зарослей и надгробный камень не отличается от множества других надгробных плит стоящих вокруг.

В семидесятые годы эту историческую несправедливость решил исправить начальник дорожного управления ЧИАССР

Тазуев, который сам был родом из Ведено. В те годы в стране сложились благоприятные условия для осуществления заветной цели, в материальном и политическом плане. В Орджоникидзе на художественной фабрике ему представили несколько макетов осетинских мастеров. Делегации понравилась композиция в которой были изображены конь и сидящий рядом горец. Художественная композиция была исполнена на самом высоком профессиональном уровне. У смотревших сложилось впечатление что автор рисовал с натуры. Горец был сильно похож на знаменитого абрека. Памятник был изваян в короткий срок и сразу же вывезен в соседнюю республику.

Первоначально памятник установили во дворе курчалоевского ДРСУ. Резонанс был огромный. Люди с отдаленных районов приезжали в Курчалой ради того чтобы посмотреть на знаменитого абрека Зелимхана. Инициатор сей благородной затеи даже и не предполагал, что у него появятся, мягко говоря, недоброжелатели. Тем не менее, все же нашлись люди, которые ночами строчили жалобы в различные партийные инстанции. Слава Всевышнему, справедливость все таки восторжествовала. По всеобщей договоренности, памятник установили в самом живописном уголке республики – в Сержень-юрте, в предгорье на берегу речки Хулхулау, у въезда в Веденское ущелье.

Это знаменательное событие в истории чеченского народа средства массовой информации республики проигнорировали. В то же время, с первого дня установки памятника Сержень – Юрт превратился в место паломничества жителей Чечено-Ингушетии. Люди приезжали группами и семьями и каждый посетитель стремился рукой дотронуться до Зелимхана, посмотреть в молчаливые глаза этого могучего человека. Старались прикоснуться к истории почувствовать ее и увезти с собой несравнимые впечатления, а потом рассказывать друзьям , что он воочию видел Зелимхана и стоял рядом с ним. ...

В начале 1991 года небо Чечни заволокли грозные тучи. Бывшие верные ленинцы во главе М. Горбачевым и Б. Ельци-

ным развалили СССР – величайшее государство в истории человечества. За тысячелетнюю историю ни один царь, или Генсек не принес столько ущерба России, сколько принесли эти два коммуниста. И в то же время чеченцы без единого выстрела за всю свою многовековую историю стали полноправными хозяевами своей земли. К великому сожалению, мы этого не поняли. Новые лидеры Чечни, став на необдуманный путь сепаратизма, бросили вызов великой державе. На чеченскую землю пришла война, страшная, разрушительная, кровожадная. Пал Грозный, федеральные войска постепенно устанавливали контроль над террито-рией республики. В 1995 году военная колонна остановилась на восточной окраине села Сержень-юрт. Из головного БТРа вышел тучный военный в косынке

– Ребята, – окликнул он своих спутников,- вы подивитесь на него, не встает, не приветствует гостей. Гордый что ли?...

Бросив эту фразу, военный очередью разрядил автомат. С памятника отлетали маленькие куски бетона, однако, казалось, что Зелимхан просто не замечает автоматные очереди, которые изрядно изрешетили его тело.

– Да не так надо, отойди, Вася, – крикнул кто-то изнутри БТРа. И в этот момент из малокалиберной пушки прямой наводкой открыли огонь по памятнику. Человек десять бойцов смеясь вышли из БТРа. Они дождались пока рассеется пыль – перед ними валялись груда камней, раскиданные куски бетона и раскуроченная арматура. Прах знаменитого, абрека, превратившись в облако из пыли, рассеялся по близлежащим горам. Возможно, сообщая страшную весть об очередной гибели народного мстителя.

– Ребята, а где старик-то? Сбежал что-ли? – окликнул братьев по оружию человек из БТРа. Вокруг дружно засмеялись, и колонна тронулась вперед.

На днях, проезжая мимо этого места, я увидел старика. Вокруг него стояли дети он им что рассказывал, часто указывая рукой на место где стоял памятник Зелимхану. Остановив машину

долго смотрел на них... Потом подъехал «Уазик». Из него вышли молодые люди, человек десять. Они молча подошли и стали слушать рассказ старца. Кстати, подобную картину я наблюдал неоднократно...

Абрека Зелимхана Харачоевского убили дважды, однако ни свинцовые пули, ни снаряды не смогли затмить его славу и он каждый раз всплывает в народной памяти как символ мужества, отваги и непоколебимости. Вот и место где стоял памятник Зелимхану Харачоевскому не перестало быть для чеченцев местом паломничества...

Анзор Давлетукаев. ж-л «Вайнах» В сокращении

ПОСЛЕДНИЕ СТРОКИ РОМАНА-ТРИЛОГИИ А. АЙДАМИРОВА «БУРЯ»

Соседние народы как зеницу берегут свои исторические и культурные памятники. Древние строения, орудия труда, инструменты, оружие, посуду, домашнюю утварь. Даже сейчас, в век автоматики и электроники, они не забывают о своих национальных древних ремеслах, передавая их подрастающим поколениям.

В Дагестане есть много мастеров по золоту и серебру, меди, железу, камню и керамике. Много мужчин и женщин владеют искусством изготовления бурок, истангов, ковров и другими древними ремеслами. Каждый аул имеет написанную многовековую историю. Каждое поколение заносит в эти летописи информацию о мало-мальски значимых событиях, произошедших в данном населенном пункте. Письмена эти передаются из поколения в поколение.

Народ, не знающий своего прошлого, не сможет создать ничего нового, не сможет построить свое будущее. Прошлое – это фундамент, корень настоящего и будущего. На протяжении всей своей истории у чеченского народа не было сознательности, чтобы оберегать прошлое и думать о будущем. Поэтому у него нет ничего из вышеперечисленного, ничего, что можно было бы показать нынешним и будущим поколениям. Даже для сохранения древних башен и кладбищ в горах он не делает абсолютно ничего. Наоборот, разрушает и растаскивает все, что еще можно разрушить и разграбить.

За последние годы чеченцы нанесли невосполнимый урон национальной науке, образованию, культуре, здравоохранению и природе. Государственное и общественное имущество разграблено, разрушена электрическая и телефонная связь. Безжалостно уничтожается национальное достояние – леса, нефть, газ, другие природные ресурсы, экология.

В Дагестане своим национальным героям, совершившим добрые, полезные для общества дела сынам, деятелям науки, писателям, художникам, композиторам, певцам ставят памятники в столице и в их родных аулах.

Но в Чечне такой памятник не поставили никому.

Рядом с Сержень-юртом, на правой стороне дороги в Ведено стоит скульптурный памятник, построенный в советские времена: остановившийся на отдых чеченец поит коня. Может быть, скульптор и не имел в виду абрека, но народ принял это как памятник Зелимхану. Вокруг памятника стояла изгородь, внутри которой было чисто и красиво. Через несколько лет чеченцы начали разрушать скульптуру. Выводили на ней свои имена, стреляли в нее на меткость. В настоящее время вокруг памятника нет никакого ограждения, все заросло и обветшало. Но чтобы сохранить его, уважать и почитать, у чеченцев не хватило ни сознательности, ни культуры...

Мескеты.25 октября 1997года – 18 мая 1999 г.

PS- ЛГ: Памятник восстановлен и стоит в родном селе абрека – Харачое.

ВОССТАНОВЛЕН ПАМЯТНИК АБРЕКУ ЗЕЛИМХАНУ

Источник Чеченинфо

Абрек Зелимхан Харачоевский – личность в Чечне и на Кавказе в целом легендарная. Этот чеченский Робин Гуд остался в памяти народа как благородный и честный разбойник, помогавший обездоленным и мстивший нечистым на руку чиновникам. В Чечне на днях был восстановлен памятник известнейшему из абреков, разрушенный в ходе двух Чеченских кампаний.

Зелимхан Харачоевский – самый известный и почитаемый из абреков Чечни, он жил и боролся в самое трудное для Кавказа время в конце XIX – начале XX веков. Зелимхан держал в страхе представителей и наместников российского царя, всеми силами стараясь сохранить независимость народов Кавказа. Народная память хранит его образ как идеал защитника и представителя воли бедноты, борца за веру и свободу до последней капли крови, и просто честного и преданного своей Родине человека.

Абрек Зелимхан погиб в 1913 году от рук карателей Дагестанского конного полка, смерть его нашла в одном из домов хутора близ города Шали. Зелимхан, будучи серьезно болен, оказал сопротивление, силы были не равны и народный герой умер непобежденным. Слава о Зелимхане не померкла с его смертью, напротив – чеченский народ почитает и помнит его и по сей день. О благородном абреке написаны книги, и, даже, снят немой фильм.

В середине 70-х годов прошлого века у горстки энтузиастов возникла идея установки памятника самому известному и почитаемому абреку Чечни и всего Кавказа. Несмотря на все противодействия властей (абреки и абречество в целом ставились вне закона как властью царской, так и властью советской) на въезде

в Веденский район Чечни был установлен необычный памятник абреку, композиционно состоящий из двух частей – отдыхающего на камне и с ружьем на коленях Зелимхана и его лошади. Памятнику было суждено простоять чуть более двух десятилетий – в ходе Чеченских кампаний он подвергался разрушению всеми воюющими сторонами.

Но наибольший всплеск негодования, вылившийся во множество публикаций в газетах, вызвал тот факт, что к разрушению памятника Зелимхану причастны и чеченцы – народ, за свободу которого абрек отдал свою жизнь. Но в Чечне снова нашлись энтузиасты, возвратившие памятнику Зелимхану былой вид. Точнее – скульптурная композиция была восстановлена заново, причем сохранены как общая композиция и отдельные детали, так и месторасположение памятника. Теперь абрек снова сидит на камне у въезда в свою родину – Веденский район, жители которого и восстановили памятник великому абреку Зелимхану.

АБРЕК ПОНЕВОЛЕ

Когда 2008-ой год объявляли годом Веденского района, в селении Ца-Ведено у дороги братья Чимаевы Шамсуди и Сайпуди возвели на свои средства памятник легендарному абреку Зелимхану Гушмазукаеву. Народ называл его Зелимханом Харачоевским, так как он был родом из селения Харачой. А в 2009-ом году памятник перенесли в Харачой и установили у родника, который называется «Девичья коса». Здесь рядом живут люди, и есть кому поддерживать чистоту возле памятника. Позднее глава администрации Шалинского района Турпал-Али Ибрагимов благоустроил территорию вокруг памятника. Скалу за памятником обложили камнем, а также выложили камнем площадку вокруг него. Установили две башни. Родниковая вода по трубе теперь стекает в деревянный желоб.

Свой вклад в благоустройство памятника внесли также сотрудники отдела труда и социального развития Веденского рай-

она во главе с Тумишей Илиевой, взяв шефство над ним. Они посадили там две большие березы, установили мостик, вертушку. Был поставлен кованый забор. Также были установлены на башнях два орла и три голубя на лучеобразных трубах: белый, темно-синий и черный. А на выложенной из камня стене поместили две гранитные плиты с надписями. На одной рассказывается о годах политической борьбы Зелимхана с самодержавием – с 1901 по 1913 гг., а на второй написан год и месяц его рождения: январь 1869-го, и дата смерти – 26 сентября 1913 года. С 3 апреля по 3 мая, по субботам, сотрудники отдела труда и социального развития Веденского района занимались покраской памятника, сажали деревья, убирали территорию. Здесь постоянно останавливаются либо туристы, либо просто путники, желающие попить из родника и сфотографироваться на память. За территорией, на которой стоит памятник, постоянно ухаживают жители селения Харачой Мария Тураева и ее дочь Зара Салтагириева, а также Санет Исрапилова.

Зелимхан Харачоевский родился в селении Харачой Грозненского округа Терской области. История Чечни с незапамятных времен пронизана неравной, героической борьбой против произвола. Эта борьба насыщена именами героев и сопровождалась большими потерями. Он стал абреком не по своей воле. Так сложились жизненные обстоятельства, что ему пришлось заступиться за честь и достоинство семьи, это и привело его в конечном итоге на тропу абречества. Из кровника он превратился в абрека – противника государственных чиновников. Заступник униженных и оскорбленных горцев, он противостоял царской системе на Кавказе более десяти лет. Зелимхан имел побратимов среди дагестанского, осетинского, кабардинского, ингушского и грузинского народов. Имя этого героя было широко известно не только в Чечне и на Кавказе, но и во всей России. За ним закрепилась слава благородного и благочестивого бунтаря-одиночки, который стал выразителем интересов горской бедноты и защитником обездоленных. Многие семьи ближай-

ших и дальних родственников Зелимхана ссылались в Сибирь. Особому давлению подвергались духовные авторитеты, но они не шли на предательство. Порой без явных доказательств вины, по косвенным признакам или подозрению выселялись целые семьи «за сотрудничество с Зелимханом». После смерти Зелимхана только из Веденского района было возвращено из ссылки на родину 36 семей.

В 1913-ом году тяжелобольной Зелимхан был окружен близ села Шали Грозненского округа Терской области и трагически погиб в неравной схватке с карателями. Легенды о его дерзости, бесстрашии и неуловимости ходили по всему миру. В свое время о нем писали почти все российские издания, а прогрессивные слои российского общества сочувствовали его борьбе с самодержавием.О Зелимхане сложены героические песни, написаны стихи, поэмы и романы. О его жизни снято несколько фильмов.Российское самодержавие видело в Зелимхане бунтаря и разбойника, и только советская власть оценила его по достоинству как борца за свободу и справедливость.

Зоя Федорова. Вести республики, №121 (2805) 25.06.2016

ИСТОРИЯ В ФОТОГРАФИИ, ИЛИ РУДНЕВ ПРОТИВ ДЖАНАЕВА-ХЕТАГУРОВА

Как порой неожиданно нам представляется случай заглянуть в прошлое, приоткрыть завесу над событиями, участников которых давно уж нет в живых, узнать факты минувших дней, которые могли остаться для нас неизвестными, если бы не случай. Роль случая велика. Именно случай выводит на свет Божий события, о которых мы даже не подозревали. Случай позволяет перенестись на короткий момент в прошлое и пережить гамму самых разнообразных чувств. Вот и на этот раз произошло то же самое.

Начать хочу с небольшого экскурса в историю газеты «Право». На сайте Санкт-Петер-бургской объединённой коллегии адвокатов читаем: «С 1898 по 1917 г.г. в Санкт-Петербурге-Петрограде издавалась юридическая газета «Право» сначала под редакцией профессора В.М. Гессена, а затем под руководством его сына, известного присяжного поверенного, профессора и автора «Истории русской адвокатуры» И.В.Гессена (Гессена-младшего), ставшая одной из самой известных в России. Она выходила в свет почти каждую неделю, и последний выпуск её датирован 10 октября 1917 г. (по старому стилю). В её издании принимали непосредственное участие такие известные правоведы, как К.К. Арсеньев, М.В. Беренштам, Д.Д. Гримм, Н.П. Карабчевский, В.Д. Набоков, П.А. Потехин, Н.В. Тесленко, И.Г. Щегловитов и другие. Поэтому, в частности, она очень быстро стала самым авторитетным периодическим изданием по правовой проблематике.»

Сразу оговорюсь, что именно вопрос правовой проблематики стал связующим звеном между Владикавказом и редакцией газеты. Не могу сказать, каким образом попадала на её полосы информация из провинций, но именно эта газета напечатала в 1912 году крайне интересный для нас по ряду причин материал. Считаю полезным привести текст дословно, сохраняя оригинальную орфографию.

На днях во Владикавказском окружном суде по уголовному отделению рассматривалось редкое в местной уголовной летописи дело. Скамью подсудимыхъ занимал владикавказский фотограф Джанаев-Хетагуров. Дело возникло по жалобе владикавказского фотографа г. Руднева, который привлек Джанаева-Хетагурова к уголовной ответственности по 1684 ст. улож. о нак., карающей тюремным заключением до 8 месяцев, вследствие нарушения последним права художественной собственности г. Руднева. Обстоятельства, заложенныя въ основание обвинения, таковы.

Фотографъ Рудневъ 8 лет тому назад сделалъ фотографический снимок Ершинскаго ущелья (иначе Ассинскаго), расположеннаго по Тарскому ущелью. После того, как в Ассинском ущелье произошло кровавое столкновение летучего отряда под начальством начальника владикавказскаго округа князя Андроникова съ шайкой Зелимхана, г.Руднев выпустил в продажу вышеуказанный снимок Ассинскаго ущелья в виду громаднаго интереса ко всему тому, что имело то или иное отношение к мрачной ассинской драме.

Спустя некоторое время фотограф Джанаев- Хетагуров воспользовался снимком Руднева с изображением Ассинскаго ущелья, присоединил к нему собственный фотографический снимок семьи Зелихмана, сделанный во владикавказской областной тюрьме, все это переснял и выпустил такимъ образом в продажу фотографический снимок с изображением Ассинскаго ущелья, на фоне котораго расположена семья Зелимхана. Указанный образ действій Джанаева-Хетагурова и послужил основанием для Руднева привлечь к уголовной ответственности перваго в виду того, что по мнению обвинителя, обвиняемый знал отлично, кому принадлежит снимок с изображением Ассинскаго ущелья, и, несмотря на это, воспользовался им въ своих интересах, причинив тем ему, Рудневу, имущественный ущерб.

В судебном заседании на предложение суда примириться, частный обвинитель Руднев изъявил согласие кончит дело миром, если ему будет обвиняемым уплачено 1000 руб.

Обвиняемый Джанаев-Хетагуров от примирения категорически отказался. Защитник подсудимаго, помощник присяжнаго повереннаго Дигуров, доказывал, что состава преступления, предусмотреннаго ст. 1684 улож. о нак. в деянии подсудимаго нет, что художественная собственность г.Руднева состоит из фотографическаго снимка с изображением Ассинскаго ущелья, а подсудимый выпустил в продажу фотографический снимок с изображением Ассинскаго ущелья и семьи Зелимхана, что в

результате труда, затраченнаго обвиняемым, получилась совершенно новая вещь, право собственности на которую по общим началам гражданскаго права и праву первоначальнаго приобретения должно принадлежать Джанаеву-Хетатурову, как автору, что высказанный взгляд всецело разделяется и правительствующим сенатом, который в приговоре своем по делу Иванюкова (1896 г. №2) говорит, что «ст. 1684 применяется лишь к случаям перепечатки без надлежащаго полномочия целой чужой книги, но не к случаям составления самостоятельной статьи из выдержек, взятых из разных мест чужой книги».

Но главное основание, свидетельствующее об отсутствии состава преступления в деянии подсудимаго, защитник видит в следующем. Когда говорят о собственности вообще и о художественной в особенности, то необходимо, по словам защитника, чтобы эта собственность дошла до перваго его приобретателя по законному укреплению в порядке, гражданскими законами установленном. А каков этот гражданскими законами установленный порядок для приобритения права художественной собственности, свидетельствуют правила, изложенныя в п. п. 28 и 29 приложенія къ ст. 120 гражд. зак., где говорится, что живописец, скульптор и другими отраслями изящных искусств занимающийся художник, кроме обыкновеннаго, общими законами ограждаемаго права собственности, пользуется в течение всей своей жизни так наз. собственностью художественной.

Для сего в отвращеніе подлогов и процессов художник, автор обязан: во 1-х, предъявить и записать произведение свое у нотариуса с подробным описанием сюжета и взять надлежащую выписку за скрепою, что право художественной собственности на предъявленное произведение принадлежит ему; во 2-х, известить о сем Императорскую академию художеств с приложением засвидетельствованной копии с упомянутой выписки. По получении сего извещения академия публикует о сем в ведомостях, после чего право художественной собственности утверждается за художником положительно.

Поэтому, если авторы: писатели, литераторы, художники, фотографы и др. заинтересованы в том, чтобы пользование принадлежащими им оригинальными произведениями находилось в исключительной от них зависимости с правом возбуждения уголовнаго и гражданскаго преследования против нарушителей этого права, необходимо, чтобы вышеуказанный порядок был соблюден в точности. Раз г. Руднев не выполнил этих условий и нотариально не закрнпил за собою права собственности на фотографический снимок с изображенiем Ассинскаго ущелья, винить он долженъ только самого себя, а не сажать на скамью подсудимыхъ Джанаева-Хетатурова и ему подобных за небрежное отношение к имущественным своим правам. Что без соблюдения вышеуказаннаго порядка нельзя возбуждать ни уголовнаго, ни гражданскаго преследования против фактических нарушителей права художественной и иной собственности авторской, об этомъ прямо свидетельствует правительствующий сенат, в решении своем по общему собранию 1-го, 2-го и кассационных департаментов (1902 г. № 25).

По изложенным мотивам защитник просил о полном оправдании обвиняемаго Джанаева-Хетагурова. После довольно продолжительнаго совещания суд вынес подсудимому оправдательный приговор.

Вот такая вот история произошла во Владикавказе. Теперь мы можем посмотреть на упомянутые открытки уже иными глазами, зная, что стоит за ними. Вопрос же об авторском праве сегодня, как никогда, актуален. Поэтому следует учесть горький опыт г-на Руднева.

http://marina1234.livejournal.com/3905.html

РИСОВАННЫЙ БОЕВИК (КОМИКС)

„Я ЗНАЮ. ВЕРНУТЬСЯ К МИРНОЙ ЖИЗНИ МНЕ ТЕПЕРЬ НЕВОЗМОЖНО. ПОЩАДЫ И МИЛОСТИ ТОЖЕ Я НЕ ЖДУ НИ ОТ КОГО. НО ДЛЯ МЕНЯ БЫЛО БЫ БОЛЬШИМ НРАВСТВЕННЫМ УДОВЛЕТВОРЕНИЕМ, ЕСЛИ БЫ НАРОДНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ПОНЯЛИ, ЧТО Я НЕ РОДИЛСЯ АБРЕКОМ..."

„ВЛАСТЬ ТЕРРОРИЗИРОВАЛА НАРОД, А АБРЕКИ ТЕРРОРИЗИРОВАЛИ ВЛАСТЬ."

Рисованный боевик по роману М.Мамакаева

"Зелимхан"

Типажи и режиссура: М.Воцаев

Электронная версия: Л.Гудаев

„Я не родился абреком"

Не от сладкой жизни Зелимхан стал абреком. Попрание царским режимом национальных традиций, жизненных устоев, несправедливость переполнила чашу терпения.

Для современников своих он был абреком, для потомков он один из национальных героев.

Воцаев М. 1990

Утро. Сентябрь. В крепости ведено конвоиры готовят арестантов к этапу.

Пошевеливайтесь!!!

Эй, Гушмазуко, не падай духом! Если ты растеряешься, молодые вовсе пропадут. Держитесь там вместе!!
Дала Іалаш доила шу!
Амин!

Зелимхан может убежать...
Хорошо, Адод. Я предупрежу конвои.

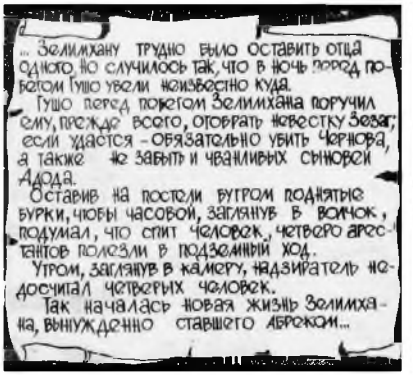
В дороге приглядывайте вон за тем, черноусым, в коротком бешмете. Его место не в тюрьме...
Так он же смирнее всех!

...Пьяный казак-охранник читал арестантам инструкцию этапирования. Переводчик невнятно переводил инструкцию по-чеченски.

...Этапируемые должны подчиняться конвоирам. За малейшую попытку к бегству-расстрел...

... Гушмазуко не растеряется, нет, не из таких. Но не знал Гушмазуко о смерти своего сточетырехлетнего отца-Бахо, который скончался час тому назад в Харачое. Родственники не сообщили ему, ведь этим не поправишь ничего в делах Гушмазуко.

Надзиратели отвели Зоммикова в камеру. С самой встречи до прощания Зоммиков даже и мечтать не посмел, как сегодняшняя ночь...
Установили адресующую вы... Зоммиков... Зоммиков... Зоммиков


... Зелимхану трудно было оставить отца одного, но случилось так, что в ночь перед побегом Гушо увели неизвестно куда.
Гушо перед побегом Зелимхана поручил ему, прежде всего, отобрать невестку Зезаг; если удастся - обязательно убить Чернова, а также не забыть и чванливых сыновей Адода.
Оставив на постели бугром поднятые бурки, чтобы часовой, заглянув в волчок, подумал, что спит человек, четверо арестантов полезли в подземный ход.
Утром, заглянув в камеру, надзиратель недосчитал четверых человек.
Так началась новая жизнь Зелимхана, вынужденно ставшего абреком...

Гор партiато я!!

Полковник Дубов приехал в крепость ведено с пустым карманом, для того, чтобы „пресечь" произвол пристава Чернова.

Большие неприятности. Зелимхан бежал из Грозной, сделав под стеной подкоп, и с ним еще трое: Саламбек из Саги-ши, Висолт из Шаман-Юрта, Дика из Шали...
Зелимхан сильный и смелый человек, он настоящий горец, он никого не завудет. Прольется много крови.

Моя Зелимхана не боюсь. Зелимхан не мужчина. Господин полковник, кто будыт пуроти трая закон, я будишь резат!! Или моя не Адод!!
... Если бы Зелимхан был здесь, Адод бы так не кукарекал...

Старосуженцы были крайне удивлены появлением большого количества солдат в своем ауле. Солдаты окружили не только базар, но заняли все выезды из аула.

Солдаты получили приказ: никого из аула не выпускать.

Полковник Дубов наблюдал со стороны.

А Зелимхан с Саламбеком ушли, переодевшись нищими...

Бросив кинжал, Успа стал избивать Зезаг...
ДЗАНК
ДРАШТ
Не подходи ко мне!
Не подходи...

А-А-А
Успа, избив Зезаг, боясь встречи и разговора с отцом, сел на коня, уехал в соседний аул и скрылся у родственников. Успа меньше всего думал о неугомонности Зезаг. Его больше тревожили отношения его семьи с семьей Бахоевых. Он даже рад был бы вернуть Зезаг Бахоевым. Но отец... Гонда будет в ярости.

Через несколько часов, придя в сознание, Зезаг, превозмогая боль во всем теле, выскользнула в окно и скрылась в ночном мраке...

Зелимхан и Солтамурад в предрассветных сумерках ехали, кутаясь в бурки, по узкой черной дороге...

Я сам выйду Говде навстречу, а ты сиди здесь, пока я не позову тебя.
Но...
Не возражай. Если он появится один, а мы вдвоем, сам знаешь, что скажут люди.

По-моему, едут... двое...

... Как ты смеешь, собака, останавливать меня!! Бандит!
Говда!! Хватит разговаривать. Сойдите с коней и сложите оружие...

Говда, за укус собаки отвечает хозяин, а не собака, стоит твоему подручному выстрелить, моя пуля будет в твоей голове.

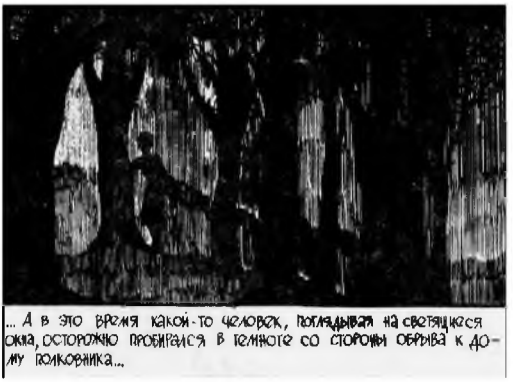
Тогда! Оружие и коня получите только тогда, когда вернете нашу невесту в Пушкино из винтовок.
...Ну еще пожалеешь обо всем, дай мне только вернуться в Водино, к Чернову, и ты тогда узнаешь, кто из нас мужчина.
Так зарек Зелимхан из Хаачиа совершил первое дело своего своего чести.

Дура их было десять человек! Все вооружены. Меня он сбадил с коня, забрал винтовку, шашку, кинжал. Он думает, что я ему это прощу. Эта стерва, ему на радость, сбежала.

Тогда возложил на водуках, ругался на чем свет стоит. Все домочадцы в страхе прятались от него, и только жена пыталась умиротворить разбушевавшегося главу семейства.
Адоц говорит, что Дубов послал солдат в Хаачи для поимки Зелимхана...
Что-ж ты мне раньше не сказала - он правильно это сделал, даже очень правильно. Он умный человек, не то, что вы все!!!

Полковник Дубов был назначен в Водино а Чернов переехал за ним. Чечи... из Хаачиа солдаты вот нужно в Водино без Зелимхана.
Грибов! Послушайте...
Пленные жалобы и доносы не дают чести офицеру...
А Чернов молодец, не Зелимхан так сомнительно. Теперь он предает сам!! Разбойник!!
Голубчик!! Это вас не касается. И вообще поменьше рассуждайте!!
ШЕНОК

Вечером, устав от дневных забот, Дубов готовился ко сну...


... А в это время какой-то человек, поглядывая на светящиеся окна, осторожно пробирался в темноте со стороны обрыва к дому полковника...

Грибов!! Проверьте посты

ЩЛАК

Кто Вы?!
Вы меня хорошо знаете
Не припомню что-то...
Я подскажу вам...

Я Зелимхан... из Харачоя!!

ЗЕ-ЛИМ-ХА-АН!
Охрану... в порт! Застрелить!...
А если я... позову охрану...
Умрете героем, полковник...

Что вы хотите от меня?
Вы завтра до полудня должны освободить мою семью! Вам всё ясно, полковник?
Да-да... конечно...

С раннего утра Дубов был мрачнее тучи. О ночном визите хавчосов ца Дубов проинформ. начальник караула доложил полковнику, что все в порядке.

Грибов!! Утройте охрану семьи Гушмазукаевых и заприте их покрепче.

Из-за чего переполох?
Может, начальство ожидают?
Табачку не желаете-с?!

Заливей ждал... но видя, что Дубов не собирается отпускать его семью, он...

...на глазах у растерявшихся офицеров и нескольких солдат похитил из парка крепости сына полковника Дубова.
ПАА-ПА!! А-А!!!...

Так Зелимхан выиграл свой второй бой, одержав на этот раз победу над могущественным представителем императорской власти, отчего фигура молодого абрека мгновенно выросла до полстиля исполинских размеров.

Гушназуко, вернувшись домой после заключения, застал семью дома. Не было только сыновей — и отца Гушназуко Бако.

Жена рассказала старику как Зелимхан, вернувшись, забрал у Гоцы ружьё, коня, кинжал, шашку и снаряжение его пулемётчика. Как потом их, жену и детей, чеченов посадили в ведекскую тюрьму и как Зелимхан вызвал Дудова отпустить их...

Узнав о возвращении Гушназуко, пришли соседи. Они выражали соболезнование по поводу смерти его отца, восхищались делами Зелимхана, который заставил махкетинского старшину вернуть Зебаг, и вырвал семью из рук самого начальника округа. Гуша благодарил гостей за сочувствие, но разговаривал сухо, без особой охоты. Теперь он мало кому верил.

Гуша слушал, и в душе гордился Зелимханом. Теперь и Ахмат в нихаси дома, а это тоже победа чести...

...Вот уже четвертые сутки братья Гушназуковы не появлялись в родном ауле.
Сын Адода должен ответить за смерть двоюродного брата Зелимхана, убитого в схватке с людьми старшины.
„Око за око, ухо за ухо!" Так велит закон, справедливый закон отцов.

...Они с братом расположились на отдыхе, у поворота узкой дороги, под нависшими листьями орешника. Ничто не нарушало горного утра.

ГОУВ
Вада ве за, хIан-хIа, ведча эхь дуХага боРз ю, со а цул оьшуш вац.

ЭХI
ГОУВ

Ясин вагIр къоранийхьаким иннаха ла мурсалина, сиратIаи мустаькъима танзилин...
Амин, амин, амин амин, амин, амин...
Зелимхан и Солтамурад читали отходную молитву над телом врага, как вдруг...

Солдаты выстрелили по братьям, но пули не причинили братьям вреда.
ГОУВ
ТЕЗ
ТЕЗ

Ни с места! Вы арестованы за совершение убийства!
Немедленно следуйте за нами. Сдайте оружие солдатам.

Из-за поворота выехали люди помощник пристава и два солдата.
Не трогайте нас, мы сделали своё дело, и вас оно не касается.
Застрелите этих бандитов!

Тогда выстрелил Зелимхан. Помощник пристава откинулся в седле. Конь под ним дико шарахнулся и, сбросив седока, понесся прочь. Солдаты тотчас повернули коней и ускакали.

Конец

ЧАСТЬ 9: ФОТОАЛЬБОМ

Абрек Зелимхан Харачоевский (Гушмазукаев)

Фотопортрет абрека Зелимхана Гушмазукаева (1913г.)

Автуры, 1914 год.
Слева направо: (БаматгириХаджи (Іовда), Али Митаев, абрек Зелимхан)

Почтовая открытка тех лет. *Любимая крепость Зелимхана.*

Кизлярский банк.
После нападения абрека.

Абрек Зелимхан.
Автор фото неизв.

Винтовка Зелимхана. *Система Мосина («Мосинка») 7.62 мм. (3-х линейная винтовка образца 1861 г.)*

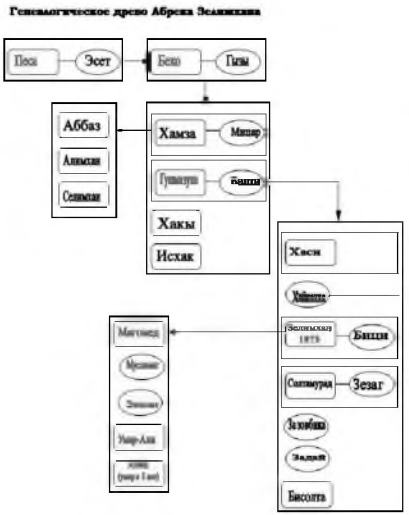
Кинжал Зелимхана. *(Серебро) Похож на кинжалы известного владикавказского мастера Османа Омарова*

Гушмазуко *– отец абрека Зелимхана*

Двоюродный брат Зелимхана ***Алимхан***

Солтамурад *– брат абрека Зелимхана*

Бийсултан *– мл. брат абрека Зелимхана*

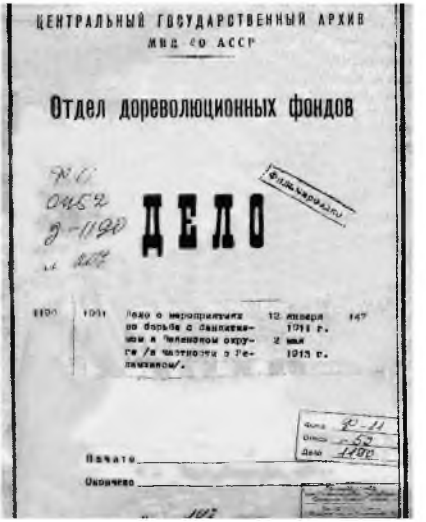


Генеалогическое древо абрека Зелимхана

Слева направо: ***Гаца Дошуев, Бетырсултан Гацаев, сестра – Хайкалха***

Зелимхан Гушмазукаев. *Слева направо: А.М. Кужуев, абрек Зелимхан, неизв., Б.Гацаев*

Бетырсултан Гацаев и Абдул-Межед Кужуев *(1913 г.)*



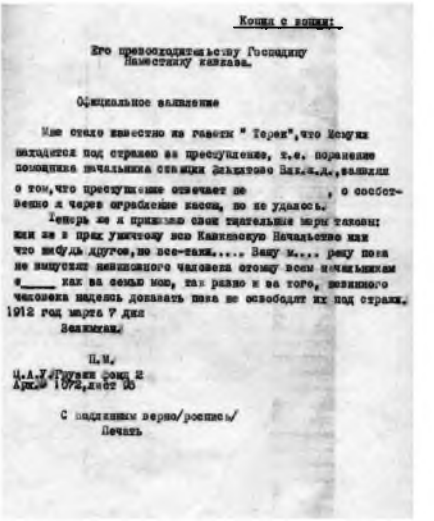
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
МВД СО АССР

Отдел дореволюционных фондов

ДЕЛО

1190	1911	Дело о мероприятиях по борьбе с бандитизмом в Веденском округе /в частности с Зелимханом/.	12 января 1911 г. 2 мая 1913 г.	147

Начато
Окончено



Копия с копии:

Его превосходительству Господину Наместнику кавказа.

Официальное заявление

Мне стало известно из газеты " Терек", что Кемуш находится под стражею за преступление, т.е. поранение помощника начальника станции Закитово Зак.ж.д., заявляю о том, что преступление отвечает не , о собственно я через ограбление кассы, но не удалось.

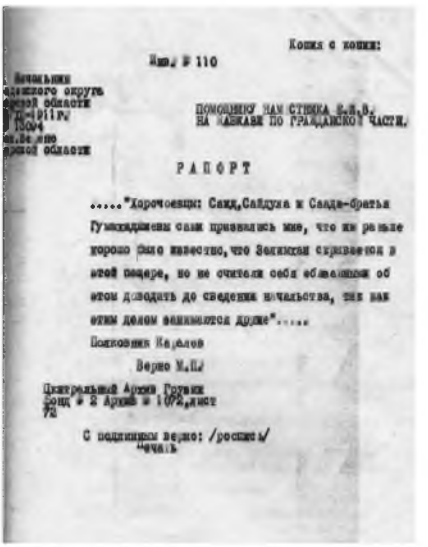
Теперь же я принимаю свои тщательные меры таковы: или за я прах уничтожу всю Кавказскую Начальство или что нибудь других, но все-таки..... Заку м.... рему пока не выпустит невинного человека отому всем начальникам я_____ как за семью мою, так равно и за того, невинного человека надеюсь доказать пока не освободит их под стражи. 1912 год марта 7 дня

Зелимхан.

П.М.

Ц.А.Г.Грузии фонд 2
Арх.№ 1072,лист 85

С подлинным верно/роспись/
Печать



Копия с копии:

Инв. № 110

Начальник
Веденского округа
Горской области
№ 4211 Р.
№ 1504
Ст.Ведено
Горской области

ПОМОЩНИКУ НАЧ.СТАНЦИИ Б.Н.Б.
НА ЛЕНКАВЕ ПО ГРАЖДАНСКОЙ ЧАСТИ.

РАПОРТ

....."Хорочоевцы: Саид,Сайдуха и Сайда-братья Гумхаджиевы сами признались мне, что им раньше хорошо было известно, что Зелимхан скрывается в этой пещере, но не считали себя обязанными об этом доводить до сведения начальства, так как этим делом занимается другие"....

Полковник Кадалов

Верно М.П.

Центральный Архив Грузии
Фонд № 2 Архив № 1072,лист 72

С подлинным верно: /роспись/
Печать

ЕГО Высокопревосходительству,
Господину наместнику Кавказа

На подлинное мое письмо Вы не изволили потрудиться распорядиться о принятии мер об освобождении из под стражи невинного человека, г. Б. Бушорова, которого оклеветали Б. пороменки помощника начальника станции Эльхотово потакания так прошу Коше Высокопревосходительство. Если Вы не освободите напрасного страдальца то я согласно братьев приму меры розыску. Во-первых Ваши жилищи и т.д., и Вас с семейством возьму живыми в плен.

Апреля 1913 г.

ПОЛУЧЕНО
Его Превосходительству
Господину Наместнику Кавказа
Апрель 1913

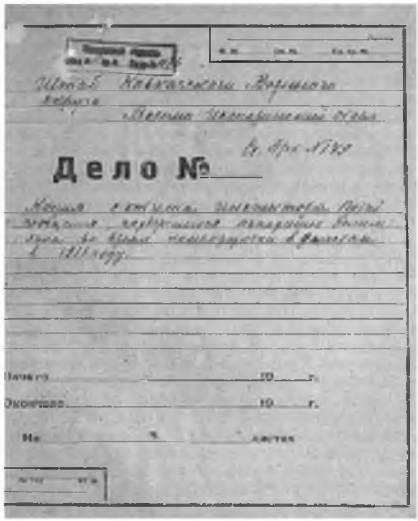
Мне стало известно из газеты "Терек", что Кемуш находится под стражею за преступление на станции Закитово Зак.ж.д. Заявляю о том, что преступление отвечает не , а по сущности я через ограбление кассы, но не удалось. Теперь я принимаю свои тщательные меры таковы: или за прах уничтожу всю Кавказскую Начальство или что нибудь других, но все-таки.....

Дело о меропрниятиях по борьбе с Зелимханом

Официальное заявление абрека Зелимхана

Рапорт на имя Начальника Веденского округа (1911 г.)

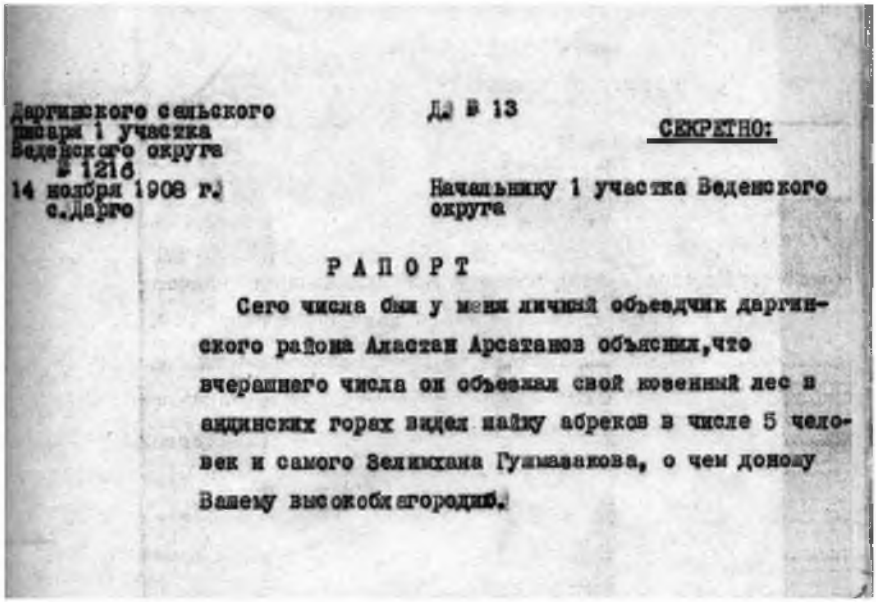
Письма абрека Зелимхана (1912)



Дело №

Отчет инспектора Чикалина. (1911 г.)

Почтовая открытка с изображением содержимого сумки Зелимхана



Даргинского сельского
писаря 1 участка
Веденского округа
№ 1216
14 ноября 1908 г.
с.Дарго

Д № 13

СЕКРЕТНО:

Начальнику 1 участка Веденского
округа

РАПОРТ

Сего числа был у меня личный объездчик даргинского района Аластан Арсатанов объяснил, что вчерашнего числа он объезжал свой казенный лес в аццинских горах видел шайку абреков в числе 5 человек и самого Зелимхана Гушмазакова, о чем доношу Вашему высокоблагородию.

Рапорт На имя Начальника 1-го участка Веденского округа

Копія.

Министерство
Внутреннихъ дѣлъ
Департаментъ
Полиціи.
По 5 „Дѣлопроизводству"
23 ноября 1911г.
№ 78415

Калужскому Губернатору.

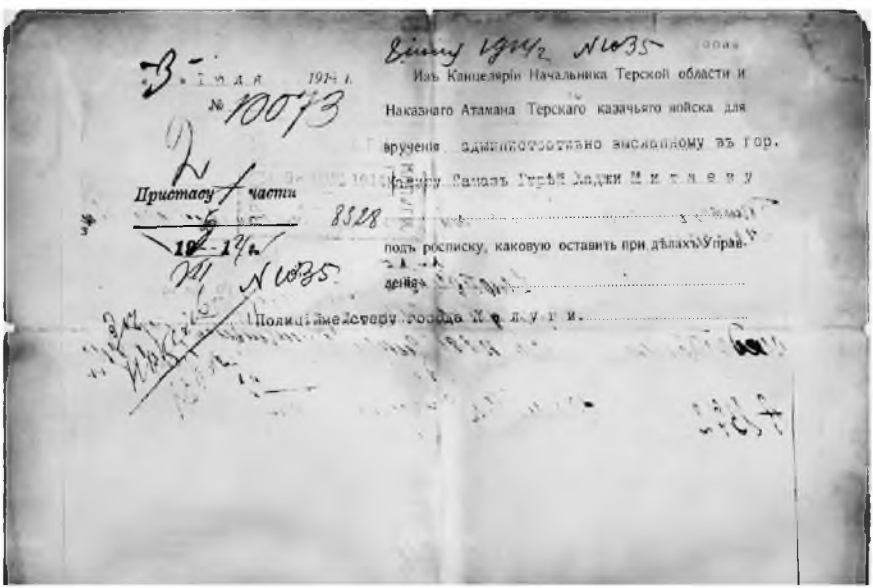
Главнокомандующій войсками Кавказскаго военнаго округа, сдѣлавъ распоряженіе о высылкѣ изъ предѣловъ Кавказа въ Калужскую губернію на пять лѣтъ нижепоименованныхъ лицъ съ ихъ семьями, а именно: жителей Веденскаго округа-БАМАТГИРЕЯ-ХАДЖИ-МИТИЕВА, СУЛТАН-МУЛЛУ-ГОЙСУМОВА и ЧИМИРЗА-ХАДЖИ, Назреновскаго округа-БАТАЛЪ-ХАДЖИ-БЕЛХОРОЕВА, Грозненскаго округа ХАНА-ХАДЖИ, АБДУЛЪ-АЗИЗА-ШАПУЛАЕВА и МАГОМА-МУЛЛУ и Андійскаго округа ОМАРА-ХАДЖИ как наиболѣе вліятельныхъ представителей /шейховъ/ мусульманской секты „Зикра", вредныхъ для общественнаго порядка и спокойствія и вмѣстѣ съ тѣмъ способствующихъ разбойнической дѣятельности Зелимхана, -проситъ о водвореніи ихъ на правахъ лицъ, высланныхъ подъ надзоръ полиціи.

Объ изложенномъ Департаментъ Полиціи увѣдомляетъ Ваше Превосходительство для зависящихъ распоряженій къ подчиненію помянутыхъ лицъ, по прибытіи ихъ во ввѣренную Вамъ губернію, надзору полиціи на вышеуказанный срокъ, прося сообщить именной списокъ этихъ лицъ вмѣстѣ съ членами ихъ семействъ.

Подлинный за надлежащимъ подписомъ.

Съ подлиннымъ вѣрно
Дѣлопроизводитель

Уведомление Калужскому Губернатору о ссылке чеченских авторитетов Чечни



Изъ Канцеляріи Начальника Терской области и Наказнаго Атамана Терскаго казачьяго войска для вручения единоотвственно высланному въ гор. Калугу Бамат Гирей Хаджи Митаеву подъ росписку, каковую оставить при дѣлахъ Управленія Полиціи Земскаго Пособія Калуги.

Приставу 1 части

№ 100713

8328

№ 1035

Уведомительное свидетельство на имя Бамат-Гирея Хаджи Митаева

Сподвижник Зелимхана – Бетырсултан Гацаев

Сподвижник Зелимхана – Саламбек Гараводжев из Сагопша

Хорсиев Эльмурза из. с.Мужичи.
Сослан за поддержку абрека Зелимхана

Арестованные по делу Кизлярского банка.
(г-та «Раннее утро» 1910 г.)

***Эскиз местности , в которой произошло нападение Зелимхана на отряд князя Андронникова** (1910 год)*

***Семья Зелимхана.** 1910 год. Сл. направо: дочь Энисат, жена Бици с сыном Умар Али, сын Магомед, дочь Муслимат*

***Почтовая открытка. Ингушетия.** Ассиновское ущелье – место пленения семьи абрека и гибели князя Андронникова. 1910 г.*

Енисейская губерния. Минусинск. *Место ссылки семьи абрека Зелимхана. 1912 год*

Вернувшаяся из ссылки семья Зелимхана под конвоем. 1913 г.
(из газет того времени)

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ИСКРЫ

№ 60. № 60.

Смерть абрека.

Сообщение о гибели абрека. *(лит – худ. ж-л «Искры» 1913 г.)*

Шали, сентябрь 1913 год.

Шали , сентябрь 1913 г. *На опознании. В центре слева направо: родственница Зелимхана, Меди – дочь Зелимхана, Зезаг – сноха Зелимхана, Магомед сын Зелимхана*

Поручик Дагестанского конного полка Г. Кибиров *(1914 г.)*

Иллюстрация к сообщению. *(г-та «Раннее утро») 1913 г.*

Абрек Зелимхан *(26-го сентября 1913 г.)*

Копия паспорта жены Зелимхана – Баци *(1918 г.)*

Старшая дочь Зелимхана Муслимат (Меди). 1917 год

Магомед – старший сын абрека

Младший сын Зелимхана – Умар-Али 1925 г.

Зелимханов Умар-Али. 1943 г.

1940 г. *Сл. напр.: Атиев С-А. (позже Зам. Пред Совмина ЧИАССР), Зелимханов У-А, , Костоев Дж.*

Кунак Зелимхана М. Мухтаров.
(Азербайджанский нефтепромышленник)

Дворец Муртазы Мухтарова.
(город Баку)

Исполнительный Комитет
СОВЕТОВ ЧЕЧНИ
отдел внутрен. управления

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Предъявитель сего

есть действительно

коему разрешается ношение как холодного так и огнестрельного оружия,

что подписями и приложением печати удостоверяется.

Председатель

Делопроизводитель

Удостоверение Магомета Зелимханова *(1921 г.)*

Абубакар Мирзоев с женой Зару

Особняк А. Мирзоева (известен как «Чеченский гастроном»)

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ОРГКОМИТЕТА ПО ЧИАССР

тов. ГАЙРБЕКОВУ М.Г.

В Киргизии Фрунзенской области, Калининском районе ст. Карабалты проживают две дочери, внучка и племянники ЗЕЛИХАНА ГУШМАЗУКАЕВА, которые ранее проживали в Беденко и имеют там собственные дома, в настоящее время живем не заняты.

Принимая во внимание заслуги их братьев Зелихановых Магомета-убитый в исполнения служебных обязанностей в 1922 г. возле сел. Нахкети и второго Умар Али-убитый бандой в 1946 году, просим вновать им разрешение на право приезда в родные места.

Наш сотрудникам института интересно ознакомление с большим личным архивом их, заключающийся в письмах, газетах и фотоснимках. Прилагаем у дочери Зелихана.

Х.Д. ОШАЕВ

С.Ч. МИРЗОЕВ

Письмо Х. Ошаева на имя М. Гайрбекова о возвращении дочерей З. 1957 г.

Подполковник Чикалин после бегства из плена абрека

Поручик Кабиров на лечении после операции по уничтожению абрека (1913 г.)

Зайнуддин Доногуев с семьей

Нач. Веденского округа подполковник К. Н. Каралов

Нач. третьего участка Веденского округа Шевченко

Исполнитель главной роли в фильме «Зелимхан» Ладо Бестаев с друзьями

Киноафиша к фильму «Зелимхан». *(1929 г.)*

Кинопробы к фильму «Зелимхан». Зелимхан. *(1928 г.)*

Обложка ж-ла «Огонек» с анонсом фильма «Зелимхан. *(1929 г.)*

Кинопробы к фильму «Зелимхан». Солтамурад. *(1928 г.)*

Кадр из кинофильма «Зелимхан» *(1929 год)*

Шейх Али Митаев

Абдул-Межед (Тапа) Чермоев

Крупнов в Чечне. *Сл. направо: Щеблыкин И.П., Семенов Л.П., Базоркин М.М, Мальсагов А.О., Крупнов Е.И.*

Абдурахман Авторханов с семьей

Племянник Зелимхана – Сулейман Хасаев *(слева)*

Комбриг Петров Иван Ефимович *(1929 г.)*

Старшая дочь абрека – Муслимат (Меди)

Младшая дочь Зелимхана Энисат

Дочери абрека Зелимхана с сыновьями (1969 г.)

Борхан Оздамир (Сирия – внук племянника Зелимхана), Рамзан Гудаев (внук Зелимхана) и их семьи. *Ведено, 1993 г.*

Сослуживец сына абрека Агав Ахаев и внук Зелимхана у могилы Умар – Али *(1989 г.)*

Фото автора (ЛГ) на память в черкеске и с кинжалом абрека Зелимхана *(1991 г.)*

Дочери Зелимхана Меди и Энисат на церемонии открытия надгробного памятника Зелимхану. *В центре один из организаторов проекта Ибба Шейхи. 1989 г.*

Старшая дочь Зилимхана и Лабазанов Асланбек *(организатор проекта установки памятника)*

Надгробный памятник абреку Зелимхану.
(с. Шали 1989 год)

Первоначальный вариант памятника Зелимхану.
(Сержень-юрт.1987 г.)

Реконструкция памятника после военных кампаний.
(И. Хатуев. Автуры. 2009)

Восстановлкеенный вариант памятника в Сержень-юрте *(2011 г.)*

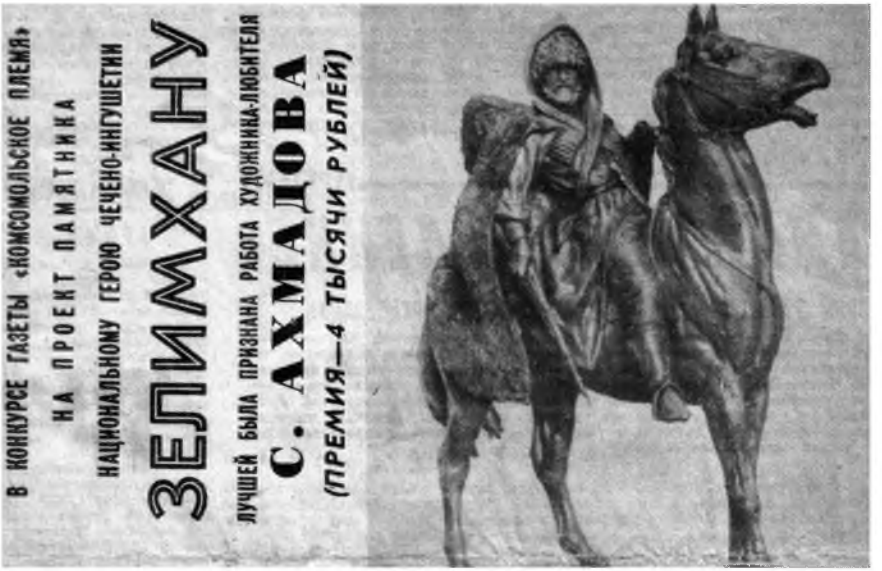
Установка памятника абрек в Харачое. *(Реставрационные работы)*

Мемориальный комплекс памяти абрека в Харачое. *(2014 г.)*

Комплекс памяти абрека. *(2016 г.)*

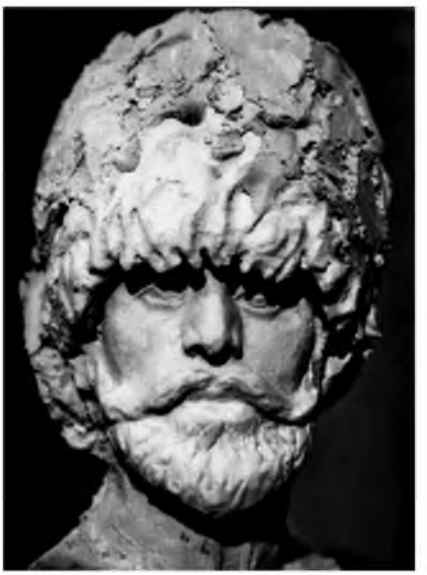
Комплекс памяти абрека. *(2016 г.)*

Правнуки абрека в гостях у прадеда в Харачое. *(2014 год.)*



Конкурс г-ты «Комсомольское племя» на лучший памятник абреку Зелимхану. *(1990 г.)*

Итоговый вариант проекта памятника. *(1991 год)*



Фрагмент проекта памятника Зелимхану. *(авт. С. Ахмадов)*

Скульптурная композиция «Абрек Зелимхан»

С конем вставшим на дыбы
(Авт. Гурадзе Г.)

Портрет Зелимхана.
(Авт. Э. Дадакаевой)

Зелимхан Фрагмент триптиха.
(авт. С. Юшаев.)

Последняя молитва Зелимхана.
(авт. Замир Юшаев.)

Зелимхан. *(авт.Лечи Абаев)*

Абрек Зелимхана. *(авт. С. Юшаев)*

Абрек Зелимхан. *(авт. С. Юшаев.)*

Абрек Зелимхан. *(авт. Х.Т.Седиев.)*

Человек-легенда. Зелимхан. *(авт А.Бугаев)*

«Абрек Зелимхан». *(из цикла картин Зайнди Аласханова о Зелимхане)*

Обарг Зелимха. *(авт. неизв.) Работа выполнена в технике рисования пальцем*

«Абрек Зелимхан». *(из цикла картин Зайнди Аласханова о Зелимхане)*

Зелимхан у родника «Девичья коса» *(из цикла картин Зайнди Аласханова о Зелимхане)*

Ковалевский. Восстание Чечни Дагестана. Зелимхан. (1912 г.)

С. Бердяев. Чечня и разбойник Зелимхан (Париж. 1932)

Очерки «Разбои на Кавказе» (1913 г.)

Вестник русской конницы (1907 г.)

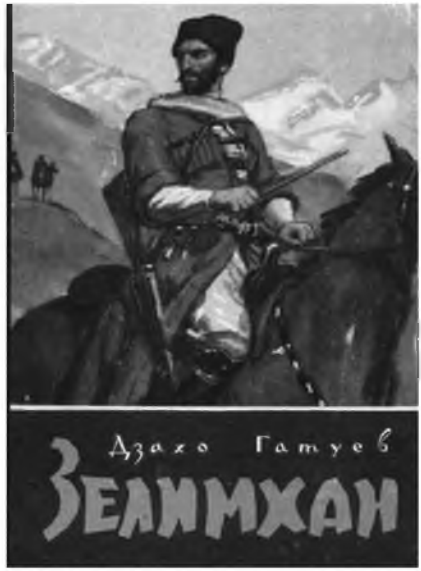
Кн. Д. БАГРАТІОНЪ.

13337

ПОДВИГЪ ТЕРСКАГО КАЗАКА

НЫНѢ ДАГЕСТАНСКАГО КОННАГО ПОЛКА ПОР. КИБИРОВА, УНИЧТОЖИВШАГО АБРЕКА ЗЕЛИМХАНА.

Д. Багратион. «Подвиг Терского казака». Петроград. (1914 г.)



Д. Гатуев. «Зелимхан». (1929 г.)

А. Айдамиров. «Буря». (1999 г.)

«Абрек Зелимхан. Герои Чечни». Ф. Геран, К. Гацаева. (Париж. 2013)

М. Мамакаев «Зелимхан» (1968 г.)

М. Бакаров. «Обарг Зеламхех дагалецамаш» (1990 г.)

М. Бибулатов. «Рыцарь чести»

Ю. Хоруев. Наместник гор.

Вид на с. Харачой с «царской дороги».

Харачой. Центр. Мечеть.

Харачой. Сентябрь 2013 год.
Мероприятие к 100-летию со дня гибели Зелимхана.

Харачой. Сентябрь 2013 год. *(в центре внук абрека Зелимхана – Гудаев Р.Б.).*

Харачой. Родовая башня. 2015 г.

Окрестности села Харачой

Харачой. Сельский пейзаж.

Вид на с. Харачой с дороги на Кезеной.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
От автора 5

ЧАСТЬ 1: АБРЕЧЕСТВО 7
Глава 1. Абрек 8
Глава 2. «Абречество как форма социального протеста» 20
Глава 3. Абреки 47

ЧАСТЬ 2: АБРЕК ЗЕЛИМХАН ХАРАЧОЕВСКИЙ 77
Глава 1. Абрек Зелимхан 78

ЧАСТЬ 3: БИБЛИОТЕКА (ИЗБРАННОЕ) 193
Глава 1. Эпистолярий 194
Глава 2. Краткая библиография 220
Глава 3. Проза. (Избранное) 224
Глава 4. Предания о Зелимхане 351
Глава 5. Юмор 382
Глава 6. Поэзия (Избранное) 389
Глава 7. Драматургия 438
Глава 8. Старинные песни о Зелимхане 462
Глава 9. Абрек Зелимхан в прессе прошлого века 484
Глава 10. Современная российская пресса о Зелимхане 556

ЧАСТЬ 4: ПЕРСОНАЛИИ 609
Глава 1. Военные и служащие 610
Глава 2. Политики, общественные деятели 630
Глава 3. Деятели культуры, искусства 638
Глава 4. Религиозные деятели 658

ЧАСТЬ 5: ДОКУМЕНТЫ 671
Глава 1. Документы об абреке Зелимхане 672
ЧАСТЬ 6: ПРОЕКТЫ 797
Глава 1. Кинопроекты 798
Глава 2: Скульптура 817
Рисованный боевик (комикс) «Я не родился абреком» 837

ЧАСТЬ 9: ФОТОАЛЬБОМ 853

Документально-художественное издание

Гудаев Лема Рамзанович

АБРЕК ЗЕЛИМХАН: ФАКТЫ И ДОКУМЕНТЫ

Редактор Ирисханов И.А.
Верстка Пайтаева Х.А.

Формат 60х90 $^{1}/_{16}$.
Усл. печ. л. 56. Тираж 1000 экз.

АО «Издательско-полиграфический комплекс
«Грозненский рабочий»
ЧР, 364026 г. Грозный, ул. Интернациональная, 12/35